

**АРХИВ
МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА**

II (VII)

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АРХИВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО**

**ТОМ
II (VII)**

**ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933**

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изданием настоящего тома «Архива Маркса и Энгельса», выходящего в свет к пятидесятилетней годовщине со дня смерти Маркса, Институт Маркса — Энгельса — Ленина приступает к публикации богатейшего *рукописного наследства*, непосредственно связанного с работой Маркса над его *главным трудом* — «*Капиталом*».

«Капитал» является результатом огромной творческой работы Маркса на протяжении ряда десятилетий. Потребности революционной борьбы побудили Маркса обратиться к занятиям политической экономией уже вскоре после его вступления на арену общественной деятельности. В предисловии к «К критике политической экономии» Маркс дает ряд указаний относительно своих занятий в этой области. Он указывает там, что «первые толчки» его занятиям экономическими вопросами были даны обсуждением ряда жгучих вопросов, касавшихся «так называемых материальных интересов», — обсуждением, в котором ему пришлось принять участие в качестве редактора «Рейнской Газеты». Маркс вплотную приступает к изучению политической экономии после своего переезда в Париж (осенью 1843 г.) и продолжает свои занятия после переселения в Брюссель. Занятия экономическими вопросами сыграли огромную роль в деле выработки учения Маркса, которое есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» (Ленин). Первый период усиленных занятий Маркса политической экономией — это середина сороковых годов. Это период, когда складывается мировоззрение Маркса, когда Маркс и Энгельс «выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма)» (Ленин). В своем предисловии к «К критике» Маркс в блестящей отточенной форме излагает основы своего мировоззрения в качестве заключения, к которому привели его исследования этого периода. «Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя» (Ленин). С того времени Маркс не оставляет своих занятий

•

экономическими вопросами до самой своей смерти, на протяжении четырех десятков лет, заполненных гигантской творческой работой гениальнейшего ума человечества, сочетавшейся с активнейшим участием в революционной борьбе рабочего класса и руководством этой борьбой.

Огромное *рукописное наследство*, оставленное Марксом и относящееся к его работе над «Капиталом», по своему общему характеру может быть прежде всего разделено на *две части*. Это, с одной стороны, обширнейшее собрание *конспектных* (или *цитатных*) *тетрадей* и с другой стороны — *рукописи в собственном смысле слова*.

Маркс имел обыкновение тщательно записывать в свои тетради важнейшее из прорабатываемой им литературы по самым разнообразным отраслям. Он конспектировал изучавшиеся им произведения по политической экономии и истории, по философии и естественным наукам. В этих же тетрадах нередко встречаются записи Маркса по иностранным языкам, по математике и т. д. Записи велись Марксом большей частью в виде конспектов изучаемых книг, обычно с более или менее обширными цитатами. Тут же Маркс делал свои замечания по поводу прочитанного и законспектированного, причем эти замечания носят самый разнообразный характер, начиная от восклицательных знаков или коротких словечек и кончая обширными экскурсами, занимающими по много страниц и представляющими собой зачастую небольшие монографии. Отсюда ясна, между прочим, некоторая условность грани между конспектными тетрадами Маркса и его рукописями в собственном смысле слова.

Конспектные тетради Маркса содержат богатейший материал. Они охватывают огромное количество экономической литературы, проработанной Марксом на протяжении около четырех десятков лет интенсивной исследовательской работы по самым разнообразным отраслям человеческого знания. Значительнейшая часть тетрадей посвящена работе в области политической экономии. Эта серия открывается тетрадами, в которых Маркс делал свои записи в сороковых годах, живя в Париже, а затем в Брюсселе. Он изучал тогда представителей английской классической политической экономии во французских переводах, а также знакомился с французскими экономистами. Но уже с середины 1845 г. Маркс — сначала с помощью Энгельса — приступает к изучению английских авторов в подлинниках. «Свои экономические занятия он начал в 1843 г. изучением великих англичан и французов», — пишет Энгельс в своем предисловии ко второму тому «Капитала». Тетради с выписками охватывают далее обширный период, в течение которого Маркс изучил решительно все, что было создано сколько-нибудь ценного в области экономической науки до него. Маркс тщательно изучает не только теоретиче-

ские работы. Он изучает конкретную экономику, входя во все детали хозяйственной истории и уделяя особое внимание конкретной экономической действительности своей эпохи. В центре внимания Маркса стоит классическая страна капитализма той эпохи — Англия. Однако начиная с 70-х годов Маркс все больше внимания уделяет наряду с Англией и другим странам. В частности, Маркс в этот период тщательно изучает экономическое развитие России. По свидетельству Энгельса, Маркс в продолжение нескольких лет изучал статистические исследования и другие издания, освещавшие ход экономического развития России после реформы 1861 г., наступившие изменения в аграрных отношениях и т. д. Энгельс указывает в предисловии к третьему тому «Капитала», что «в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в первой книге, при исследовании промышленного наемного труда».

Какую огромную ценность для правильного понимания учения Маркса, для борьбы со всякого рода извращениями и фальсификациями марксизма имеют записи Маркса в его конспектных тетрадах, показывают те немногие части этого богатейшего материала, которые уже опубликованы. Достаточно назвать замечания Маркса на книгу Вагнера, опубликование которых вызвало у нас живейший отклик и которые оказались ценнейшим оружием для борьбы за чистоту марксистско-ленинской экономической теории, для борьбы на два фронта — против контрреволюционной идеалистической концепции рубинщины с одной стороны и против механистических извращений — с другой.

Другую часть литературного наследства Маркса, связанного непосредственно с его работой над «Капиталом», составляют многочисленные рукописи, являющиеся *подготовительными работами* к «Капиталу» (и к «К критике политической экономии») на различных этапах работы Маркса над своим главным трудом.

Ознакомившись после смерти Маркса с огромным рукописным наследством, оставленным Марксом, Энгельс писал в своем предисловии ко второму тому «Капитала»: «Простое перечисление оставленного Марксом рукописного материала для второй книги показывает, с какой несравненной добросовестностью, с какой строгой самокритикой он старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их». С исключительной тщательностью и добросовестностью Маркс работал над своими произведениями. Необычайно строгие требования он предъявлял к самому себе. Он неоднократно переделывал, тщательно отделывал свои работы, когда они были вчерне уже готовы. Он постоянно перерабатывал свои труды, облекая их во все более со-

вершенную форму, тщательно разрабатывая и отделывая все части своего исследования. Эта тщательность работы и суровая самокритика, свойственная Марксу, ярче всего обнаруживается в истории работы Маркса над «Капиталом», заполнившей, по словам самого Маркса, лучшую пору его жизни. Еще в середине сороковых годов, в период «сведения счетов» со своей «прежней философской совестью» и выработки основ своего учения, Маркс предполагал издать работу, посвященную критике воззрений экономистов. Черновая рукопись этой работы, написанная в 1844 г., увидела свет лишь в 1932 г., когда она была опубликована на немецком языке в третьем томе первого раздела полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, издаваемого ИМЭЛ. Эта рукопись, представляющая собой в сущности первую экономическую работу Маркса, имеет огромный интерес для понимания истории возникновения и развития экономической теории Маркса.

Вынужденный перерыв, создавшийся для Маркса после поражения революции 1848 и 49 гг., в которой Маркс принимал активнейшее и живейшее участие, как руководитель и идеолог пролетариата, служит Марксу толчком для того, чтобы снова взяться за работу над политической экономией. В начале пятидесятых годов Маркс снова возобновляет свой проект издания экономической работы, много и усердно занимается экономикой. Однако ряд неблагоприятных внешних обстоятельств обуславливают некоторый перерыв и новую отсрочку в реализации этого плана. Приближение кризиса 1857 г., на который Маркс и Энгельс возлагали большие надежды в смысле оживления революционных перспектив, служит для Маркса новым толчком. Он внимательно перечитывает свои тетради по политической экономии. Он занимается в Британском музее по десять часов в сутки. Результатом этой напряженной работы является выпуск «К критике политической экономии» в 1859 г.

«К критике политической экономии» появилась в качестве первого выпуска обширного исследования, рассчитанного на целый ряд выпусков.

В предисловии к «К критике» Маркс, сообщая план своего исследования в целом и характеризуя содержание первого выпуска, заключающего первые две главы (1. Товар и 2. Деньги или простое обращение), пишет: «Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе. Дальнейшая систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств».

Среди монографий, упоминаемых здесь Марксом, последняя по времени написания представляет собой ряд объемистых тетрадей,

текст которых был написан между январем 1857 г. и первой половиной 1859 г. В состав этой монографии входит прежде всего семь тетрадей (общим объемом свыше 40 печатных листов), пронумерованных Марксом римскими цифрами, от I до VII. Первая тетрадь сверх того обозначена Марксом буквами AC. Содержание этих тетрадей в общем представляет собой связанное целое. Оно охватывает главным образом круг проблем первого тома «Капитала»: товар, деньги, превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, производительный и непроизводительный труд, накопление капитала, первоначальное накопление и т. д. Далее, в этих рукописях рассматривается ряд проблем, впоследствии составивших содержание второго и третьего томов «Капитала»: производство и обращение, основной и оборотный капитал, воспроизводство капитала, превращение прибавочной стоимости в прибыль, падение нормы прибыли, торговый капитал, кредит и процент и т. д. Помимо этих семи тетрадей в состав этой же монографии входят еще три тетради, обозначенные Марксом при помощи литер: VI, VII и M, общим объемом около 10 печатных листов. Содержание первых двух тетрадей, обозначенных буквой B, посвящено главным образом проблеме денег; помимо того, в одной из этих тетрадей находятся: 1) составленное Марксом оглавление к одной из его цитатных тетрадей и 2) составленный Марксом же подробный конспект всей серии тетрадей 1857—1859 гг., озаглавленный «Referate zu meinen eigenen Heften» [«Сводки к моим собственным тетрадям»]. Тетрадь M содержит «Введение к критике политической экономии», о котором Маркс упоминает в предисловии к «К критике» и которое увидело свет лишь через двадцать лет после смерти Маркса. «Внешние обстоятельства», от которых, по словам Маркса, должна была зависеть дальнейшая обработка накопленного им огромного материала и подготовка дальнейших выпусков его работы, являющихся продолжением первого выпуска «К критике политической экономии», складывались достаточно неблагоприятно. В период подготовки «К критике» Маркс отмечает в одном письме с горькой иронией, что едва ли кому-либо приходилось писать по вопросам теории денег при таком отсутствии последних. И в дальнейшем Марксу приходилось в переписке упоминать о том, что он вынужден временами больше заниматься не политической экономией, а частной.

Выпустив в 1859 г. «К критике политической экономии», Маркс через некоторое время (в 1861 г.) принимается за написание обширной рукописи (общим объемом до 180 печ. листов), состоящей из большой серии тетрадей и задуманной вначале в качестве непосредственного продолжения «К критике». Общий заголовок этой рукописи «К критике политической экономии», подзаголовок ее — «Глава

о капитале» (первые две главы — о товаре и о деньгах — вошли в первый выпуск «К критике»).

В предисловии ко второму тому «Капитала», написанном через два года после смерти Маркса, Энгельс, давая общее представление относительно оставшегося после Маркса литературного наследства, непосредственно связанного с работой над «Капиталом», следующим образом характеризует эту серию тетрадей:

«Прежде всего имеется рукопись *«Zur Kritik der Politischen Oekonomie»* в 23 тетрадах, составляющих 1472 страницы в четвертую долю листа, написанных с августа 1861 г. по июнь 1863 г. Она представляет продолжение первой тетради под таким же названием, появившейся в печати в Берлине в 1859 г. На страницах 1 — 202 (тетради I — V), а затем на страницах 1159 — 1472 (тетради XIX — XXIII) она трактует темы, исследованные в 1 книге «Капитала», начиная с превращения денег в капитал и до конца; рукопись представляет первую из имеющихся редакций этой книги. На страницах 973 — 1158 (тетради XVI — XVIII) трактуется о капитале и прибыли, о норме прибыли, о торговом капитале и денежном капитале, следовательно, о таких темах, которые впоследствии были развиты в рукописи, отнесенной к III книге. Напротив, темы, вошедшие во II книгу, а также очень многие темы, позже нашедшие рассмотрение в III книге, еще не получили здесь особой разработки. Они затрагиваются, между прочим, именно в отделе, составляющем главную часть рукописи: страницы 220 — 972 (тетради VI — XV), *«Теории прибавочной стоимости»*. Этот отдел содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и кроме того в форме полемики с предшественниками излагает большую часть тех пунктов, которые исследованы впоследствии особо и в логической связи в рукописи, относящейся к книге II и III. Я оставляю за собой опубликование критической части этой рукописи в виде IV книги «Капитала», при чем из нее будут устранены многочисленные места, исчерпанные в книге II и III».

Как известно, Энгельсу удалось выпустить лишь второй и третий том «Капитала», между тем как «Теории прибавочной стоимости» были опубликованы лишь после его смерти. Остальные же тетради этой серии, за исключением немногих извлечений, до сих пор еще не опубликованы.

«Теории прибавочной стоимости» изданы были Каутским с целым рядом произвольных изменений, совершенно извращающих характер подлинника. Каутский произвел полную перестановку всего материала, он произвольно расположил текст Маркса, пытаясь создать из него подобие обычного профессорского курса истории эконо-

номических учений. Подойдя к своей задаче с мещански-геллертерской меркой, он разорвал на куски материал, составляющий у Маркса единое целое, и затем снова склеил эти куски по своему произволу. В то же время он часть текста VI — XVI тетрадей вовсе выбросил из своего издания. Таким образом ясно, что задача подлинно-научной публикации стоит во весь рост не только в отношении тех тетрадей из серии 1861 — 63 г., которые не вошли в «Теории прибавочной стоимости», но и в отношении последних.

Уже в процессе работы над рукописью 1861 — 63 гг. Маркс пришел к заключению, что для печати вся работа должна быть коренным образом переделана. Сложившийся к тому времени план построения «Капитала» требовал полной переработки всего материала, расположения его в ином порядке, нежели это имело место в серии тетрадей 1861 — 63 гг. Вслед за завершением этой серии тетрадей в жизни Маркса наступает особенно кипучий период его творческой научной работы и одновременно с тем практической революционной деятельности. В своем предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс характеризует этот период следующим образом: «Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только составил в наброске две последние книги «Капитала» и подготовил к печати рукопись первой книги, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и расширением Международного Товарищества Рабочих». — Энгельс напоминает в данной связи, что эта гигантская работа серьезно отразилась на состоянии здоровья Маркса, вследствие чего он был в конце концов лишен возможности лично закончить подготовку последних двух томов «Капитала».

Первый том «Капитала» выходит в свет в 1867 г. Несмотря на повторяющиеся жестокие приступы болезни Маркс до самой своей смерти не оставляет дальнейшей работы над «Капиталом», как не оставляет он и практической революционной работы, являясь идейным центром поднимающегося массового рабочего движения и играя в нем выдающуюся руководящую роль. В этот период он больше всего внимания уделяет подготовке второго тома, а также работе над новыми изданиями первого тома. В 1872 г. выходит второе немецкое издание первого тома, существенно дополненное и переработанное в ряде мест. В 1872 — 75 г. выходит французское издание; Маркс не только лично редактирует перевод, но и предпринимает для французского издания целый ряд переделок текста и делает ряд обширных вставок, впоследствии вошедших в третье и четвертое издания, подготовленные уже после смерти Маркса Энгельсом. В 1872 г. выходит первый русский перевод «Капитала»; Маркс живо интересуется этим переводом, приходит на помощь переводчику Н. Даниельсону (Николаю — ону), разъясняет ему в своих письмах ряд вопро-

сов, делает некоторые переделки специально для этого перевода (переделки эти потом переносятся в последующие издания «Капитала»).

Из рукописного наследства, относящегося непосредственно к первому тому «Капитала», нам в настоящее время известны: 1) публикуемая в настоящем томе рукопись шестой главы и 2) рукопись, центральным содержанием которой является исследование форм стоимости и представляющая собой черновой вариант переработки текста первого издания при подготовке второго издания.

Рукописное наследство, относящееся к последним двум томам «Капитала», с исчерпывающей полнотой перечислено в предисловиях Энгельса ко второму и третьему томам «Капитала». В этих же предисловиях указано, какая часть этих рукописей была использована Энгельсом при издании двух последних томов «Капитала». Из этих указаний ясно, что значительная часть рукописного материала последних двух томов «Капитала» не могла войти в опубликованный Энгельсом текст.

Таково *в самых общих контурах* богатейшее рукописное наследство Маркса, связанное непосредственно с его гигантской работой над «Капиталом».

II.

Основное содержание настоящего тома «Архива» составляет рукопись Маркса, относящаяся непосредственно к его работе над первым томом «Капитала» и озаглавленная им следующим образом: «Том первый. Процесс производства капитала. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства».

Своеобразная судьба постигла эту рукопись. Несмотря на огромный интерес, который она представляет в целом ряде отношений, она оставалась совершенно неизвестной вплоть до самого последнего времени, когда она была обнаружена в ИМЭЛ после смены старого рязановского руководства.

Совершенно естественно, что Энгельс, имевший перед собой огромную задачу издания последних двух томов «Капитала» (третий том ему удалось выпустить, как известно, лишь за полгода до своей смерти), не имел возможности заниматься остальными частями экономического наследства Маркса; он не имел даже возможности опубликовать богатейший материал «Теорий прибавочной стоимости», на необходимость издания которых он указывает в предисловии ко второму тому «Капитала». Но что сказать о душеприказчиках Маркса и Энгельса, которые в течение ряда десятилетий держали под спудом ценнейшее научное наследство? То, что Маркс в свое время писал про отсутствие теоретического интереса у представителей буржуазии, целиком и полностью оправдалось и в отношении

Бернштейнов, Каутских и прочих идеологов социалдемократического оппортунизма эпохи II Интернационала. Богатейшие материалы переписки основоположников научного коммунизма, богатейшие экономические рукописи периода 1857 — 59 гг. и 1861 — 63 гг. — все это лежало под спудом. — В стране пролетарской диктатуры, в условиях строящегося и побеждающего социализма учение Маркса успешно претворяется в жизнь. Практика первого в мире социалистического строительства означает величайшее торжество теории марксизма-ленинизма. Осуществление идей Маркса и Ленина на практике неразрывно связано в нашей стране с огромным интересом к учению Маркса и Ленина, которое уже давно стало гигантской силой, овладев массами. «Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда движутся классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем» (Сталин). Эти яркие слова тов. Сталина, прекрасно характеризующие неразрывную связь революционной теории с революционной практикой, показывают, какое огромное значение имеет задача разработки марксистско-ленинской теории в современных условиях. Публикация теоретического наследства великих учителей пролетариата входит неразрывной частью в эту задачу.

Рукопись шестой главы начинается указанием на то, что в этой главе следует рассмотреть три вопроса:

«1) *Товары как продукт капитала*, капиталистического производства;

2) Капиталистическое производство есть *производство прибавочной стоимости*;

3) Оно есть наконец *производство и воспроизводство всего отношения*, благодаря которому этот непосредственный процесс производства характеризуется как *специфически капиталистический*».

Далее Маркс указывает, что «из этих трех рубрик первая должна быть при последней обработке для печати поставлена в конце, а не в начале, так как она составляет переход ко второй книге — процесс обращения капитала». В рукописи же изложение начинается именно с этой рубрики или с этого раздела.

Рукопись представляет собой связанное изложение, распадающееся на эти три перечисленные Марксом части. Рукопись состоит из страниц, носящих марксову нумерацию 441 — 495. Помимо того, в рукопись, а именно в тот ее раздел, который озаглавлен: «Капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости», включены две вставки, которые прежде были пронумерованы Марксом как стр. 96 — 107 и 262 — 264 (из последней вставки стр. 262 у нас отсутствует). Наконец, среди страниц рукописи лежал ряд разрозненных страниц, содержащих главным образом примечания, которые Маркс, повидимому, имел в виду использовать в процессе дальнейшей обработки рукописи. Следует заметить, что некоторые из этих разрозненных страниц написаны значительно позднее, нежели текст рукописи шестой главы. Эти разрозненные страницы публикуются в настоящем томе вслед за рукописью шестой главы.

Ключом к пониманию места данной рукописи в истории возникновения «Капитала» является план построения «Капитала», записанный Марксом в одной из тетрадей серии 1861 — 1863 гг. В восемнадцатой тетради этой серии, относящейся к самому концу 1862 г., Маркс дает следующий вариант построения своего труда:

«Первый отдел: *Процесс производства капитала* разделить таким образом: 1. Введение. Товар, деньги. 2. Превращение денег в капитал. 3. *Абсолютная прибавочная стоимость*: а) Процесс труда и процесс возрастания стоимости; б) Постоянный и переменный капитал; в) Абсолютная прибавочная стоимость; г) Борьба за нормальный рабочий день; д) *Одновременные рабочие дни* (количество одновременно занятых рабочих). Сумма прибавочных стоимостей и норма прибавочной стоимости (величина и высота?). 4. *Относительная прибавочная стоимость*: а) Простая кооперация; б) Разделение труда; в) Машины и т. д. 5. Комбинация абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношение (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительный и непроизводительный труд. 6. Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Колониальная теория Уэкфильда. 7. *Результат процесса производства*. Изменение в проявлении закона присвоения может быть изложено под 6 или 7. 8. Теории прибавочной стоимости. 9. Теории производительного труда».

Эта наметка плана проливает свет на роль и место рукописи шестой главы. Первые шесть пунктов этого плана полностью совпадают с действительным построением первого тома. В первом издании первый том «Капитала» состоял из шести глав, вполне соответствующих данной наметке; для последующих изданий главы были переделаны в отделы, при чем глава пятая распалась на два отдела,

вследствие чего общее число отделов достигло семи. Напротив, последние три пункта не вошли в первый том, и в этом числе пункт седьмой — результат процесса производства.

Закончив написание своей серии из 23 тетрадей в 1863 г., Маркс в течение следующих двух лет создает вчерне гигантское здание «Капитала». Вслед за этим начинается долголетняя работа по подготовке вчерне сделанного труда к опубликованию. Уже 31 июля 1865 г. Маркс пишет Энгельсу: «Что касается моей теоретической работы, то тут дело обстоит так. Остается написать еще три главы, и тогда закончена теоретическая часть (три первых книги)». С января 1866 г. Маркс принимается за переписку начисто и окончательную отделку первого тома. В письме к Энгельсу от 13 февраля 1866 г. Маркс пишет между прочим следующее: «Что касается этой проклятой книги, то дело обстоит следующим образом. Она была закончена в конце декабря... Хотя рукопись готова, в своей теперешней форме она огромна, никто ее не сможет издать кроме меня, даже ты. Я начал ее переписывать и исправлять стиль как раз 1 января, и дело очень быстро подвигалось вперед, так как мне, конечно, очень приятно вылизывать младенца после стольких родовых мук». Несмотря на то, что Маркс занимался окончательной отделкой первого тома по 12 часов в сутки, как он сообщает в одном из своих писем к Кугельману (от 15 января 1866 г.), эта работа заняла у него больше года, и лишь в апреле 1867 г. работа была закончена. Само собою разумеется, что окончательная отделка производилась со свойственной Марксу тщательностью и фактически очевидно являлась еще одной переработкой всего труда в целом.

Ряд соображений дает основание предполагать, что рукопись представляет собой не что иное, как уцелевшую и сохранившуюся часть первоначального чернового текста первого тома «Капитала», написанного Марксом в 1863 — 1865 гг. и послужившего основой для того «переписания начисто» и окончательной отделки, которыми Маркс занялся с начала 1866 г. Повидимому, в процессе этой окончательной обработки Маркс решил не включать в первый том обширной шестой главы, посвященной «результатам непосредственного процесса производства». Таким образом, содержание первого тома замыкалось главой (позже — отделом) о накоплении капитала. Именно в эту главу Маркс включил ряд положений, предварительная наброска которых имеется в публикуемой рукописи.

Публикуемая рукопись написана во всяком случае после окончания Марксом серии тетрадей 1861 — 1863 гг. Содержание ряда мест из этой серии тетрадей в данной рукописи широко использовано. В частности использовано содержание пятой и в еще более

значительной степени двадцать первой тетради. Отдельные страницы двадцать первой тетради попросту приклеены в соответствующих местах данной рукописи.* Следует в то же время заметить, что в этой рукописи Маркс пользуется еще термином «способность к труду» (*Arbeitsvermögen*) вместо «рабочая сила» (*Arbeitskraft*), между тем как в тексте «Капитала» первый термин уже заменен вторым. Ряд мест в этой рукописи представляет собой более раннюю предварительную формулировку положений, встречающихся в «Капитале». Что касается разрозненных страниц, идущих у нас вслед за текстом шестой главы, то часть из них написана бесспорно не раньше 1867 г.

Рукопись шестой главы представляет *выдающийся интерес*. Мы находим в этой рукописи массу *нового*, массу такого материала, который значительно обогащает ряд важнейших сторон экономического учения Маркса, дает блестящие образцы применения марксова метода. Данная рукопись чрезвычайно интересна под углом зрения *становления* экономической системы Маркса, она представляет собой неоценимый материал для исследования истории возникновения гигантского сооружения «Капитала».

Эта работа Маркса теснейшим образом связана прежде всего с содержанием первого тома «Капитала». Маркс отмечает, что данная глава — и в особенности ее последний раздел «Товары как продукт капитала» — составляет переход от первого ко второму тому «Капитала». Наряду с этим мы находим в данной работе ряд моментов, непосредственно связанных с содержанием последних двух томов «Капитала». Маркс освещает в данной работе проблемы, занимающие центральное место как в «Капитале», так и в «Теориях прибавочной стоимости». Здесь встречается ряд положений, которые имеются в «Капитале» и в «Теориях». Однако, эти положения здесь даны в такой форме и в такой связи, которая придает данной работе Маркса крупнейший самостоятельный интерес.

В первом томе «Капитала» Маркс исследует процесс производства капитала. Центральное место в содержании первого тома составляет теория прибавочной стоимости. «Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса» (Ленин). Это учение о прибавочной стоимости в известном смысле подытоживается в рукописи шестой главы, главным образом в *первом* наиболее обширном ее *разделе*, носящем подзаголовок «Капиталистическое производство есть производство прибавочной стои-

* Вот список этих страниц: на странице 475 рукописи наклеена стр. 1303 рукописи 1861 — 1863 гг. на стр. 477 — 1305, на стр. 487 — 1308 и на стр. 490 — 1318.

мости». Капиталистическое производство представляет собой единство противоположностей — процесса труда и процесса увеличения стоимости. Маркс дает в данной рукописи яркую характеристику капиталистического производства. Проследивая превращение *всз-м: жности в действительность*, он показывает, как «капитал в себе», «капитал по своему назначению», потенциальный капитал превращается в действительный и действующий капитал, поглощающий прибавочный труд рабочего класса. Маркс характеризует действие закона стоимости, как закона движения капиталистического производства. И, вскрывая острым оружием революционной материалистической диалектики условия и предпосылки *возникнове-ния* капитала, возникновения отношений капиталистической эксплуатации, он вместе с тем показывает неизбежность его исторической *гибели* и победы нового социалистического строя. Он показывает исторический характер капитала и выясняет историческую миссию капиталистического способа производства. Он показывает, как самая сущность капиталистического способа производства заключается в господстве мертвого овеществленного труда над живым трудом.

Выдающийся интерес имеет данная в этой работе Маркса подробная разработка вопроса о *формальном и реальном подчинении труда капиталу*. Уже формальное подчинение труда капиталу несет с собой возникновение свойственных капиталистическому способу производства противоречий. Однако лишь реальное подчинение труда капиталу, развитие *специфически-капиталистического* способа производства приносит полное развитие заложенных в капитале противоречий. В этой связи Маркс подробно характеризует с целого ряда сторон *основное противоречие* капитализма — противоречие между общественным характером производства и частно-капиталистической формой присвоения. Он показывает, как капитализм обобществляет процесс труда, но делает это в крайне противоречивой форме.

Маркс показывает, как капитал возникает, размывая старый строй, сметая препятствия и границы, которые ему ставятся феодальными отношениями и цеховой организацией. Он подробно характеризует специфические особенности капиталистической системы эксплуатации, которая с одной стороны представляет собой систему наиболее жестокой и безудержной эксплуатации, а с другой стороны создает как материальный базис нового социалистического общества, так и ту силу, которая революционным путем осуществляет переход к социализму — рабочий класс. Маркс в этой связи дает прекрасную характеристику всемирно-исторической миссии пролетариата, показывая, как условия его существования и труда готовят его к выполнению его исторических задач.

Характеризуя капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости, Маркс вскрывает заложенные в нем противоречия. Он дает чрезвычайно яркую характеристику «производства ради производства», отличающего капитализм, и показывает его противоречивый характер, обуславливающий кризисы. В другом месте этой же работы (см. стр. 65) Маркс приводит пророчество Бастиа, который в 1851 г. утверждал, что кризисы в Англии отошли в область прошлого. Маркс замечает, что это пророчество не помешало разразиться в 1857 г. опустошительному кризису, который по своей силе оставил далеко позади все предыдущие. Бастиа таким образом и в этом отношении оказался идейным праотцом современных идеологов и защитников капитализма, всех этих Кулиджей и Гуверов, Гильфердингов и Отто Бауэров, которые со своими пророчествами насчет бескризисного развития капитализма выступали как раз накануне глубочайшего и острейшего из всех кризисов, когда-либо потрясавших капиталистический мир. — Далее этот раздел содержит подробное исследование проблемы производительного и непроизводительного труда. Изложение этого вопроса представляет собой позднейшую обработку того изложения, которое дано в виде приложения в первом томе «Теорий прибавочной стоимости». «Капиталистический процесс производства — указывает Маркс — есть не только производство товаров. Это процесс, который поглощает неоплаченный труд, делает средства производства средствами всасывания неоплаченного труда». Маркс подчеркивает, что при определении производительного труда речь идет о материальном процессе производства, а не о бесплотных идеалистических категориях. Освещение проблемы производительного труда, которое мы имеем в данной работе Маркса, дает интереснейший материал по этой проблеме, вокруг которой немало нагромождено всевозможных извращений марксизма и всякой теоретической путаницы. Данное здесь Марксом изложение проблемы бьет как по идеалистической трактовке проблемы производительного труда (меньшевистская концепция рубинщины), рассматривающей производительный труд вне условий материального производства и превращающей его в идеалистическую категорию, так и по механистическим извращениям, которые стремятся «определить производительный и непроизводительный труд его вещественным содержанием». Подводя итог своего исследования этой проблемы, Маркс подчеркивает, что «определение *производительного труда* (а следовательно и *непроизводительного* как его противоположности) покоится на том, что производство капитала есть производство прибавочной стоимости и что труд, им применяемый, есть труд, производящий прибавочную стоимость».

Наконец, заканчивается этот раздел блестящей характеристикой, свойственной капиталу мистификации. Маркс вскрывает фетишизм, окутывающий общественные производственные отношения при капитализме. В этой связи он приводит ряд определений капитала, даваемых буржуазными экономистами. Необходимо отметить, что современные корифеи буржуазной «науки» недалеко ушли от своих предшественников, принявших на себя убийственные удары Маркса. Если Бастиа заявляет, что «капитал есть власть демократическая, филантропическая и эгалитарная по самому своему существу» — то разве мы в этих наивных словах пустого и вздорного апологета капитализма не имеем одной из первых формулировок той премудрости, которая является «общим достоянием» современной апологетики и которая в частности лежит в основе предательских социал-фашистских теорий «хозяйственной демократии» равно как у современной фашистской демагогии о «национальном» характере и «национальной службе» капитала и т. п.

Второй раздел рукописи посвящен характеристике производства и воспроизводства всего отношения, благодаря которому непосредственный процесс производства характеризуется как специфически-капиталистический. В этом кратком разделе мы имеем постановку ряда проблем, более подробно развитых в анализе накопления капитала, данном в первом томе «Капитала». Здесь мы имеем уже в сущности предварительную формулировку всеобщего закона капиталистического накопления. «Капиталистическое производство есть не только воспроизводство этого отношения, оно есть его воспроизводство во все возрастающем масштабе, и в той же мере, в какой с капиталистическим способом производства развивается общественная производительная сила труда, растет противостоящее рабочему нагроможденное богатство, как *господствующее* над ним *богатство*, как *капитал*, расширяется противостоящий ему мир богатства, как чуждый ему, господствующий над ним мир, и в противоположность этому в той же мере растет его собственная нищета, нужда и зависимость. Его *обнищание* и это *изобилие* соответствуют друг другу, идут нога в ногу. Вместе с тем увеличивается масса этих живых средств производства капитала, трудящийся *пролетариат*. — Поэтому *возрастание капитала и рост пролетариата* выступают как связанные между собой, хотя и полярно разделенные, *продукты* одного и того же процесса».

Наконец, *третий раздел* посвящен исследованию товаров, как продуктов капитала, как продуктов капиталистического производства. Маркс начинает свое исследование в первом томе с товара как элементарной клеточки товарно-капиталистического производства. Очевидно, в тот период, к которому относится написание данной

рукописи, он имел в виду закончить свое исследование характеристикой товара как продукта, как результата капиталистического производства. Товар как результат капиталистического производства существенно отличается от товара как исходного пункта и предпосылки капиталистического производства. Маркс подчеркивает, что такой круговорот изложения, исходящего из товара как элементарной клеточки и возвращающегося к товару как продукту и результату капиталистического производства, соответствует историческому ходу развития. Производство и обращение товаров — предпосылка возникновения капитала. С другой стороны, лишь при капиталистическом способе производства товар становится *всеобщей* формой продукта труда. В этой связи Маркс характеризует соотношение между простым товарным и капиталистическим производством; он показывает те новые характерные черты, которые приносит с собой капиталистический способ производства. В целом ряде мест «Капитала» Маркс имеет дело с *товаром как продуктом капитала*: в анализе уравнения нормы прибыли, в исследовании проблемы воспроизводства, в анализе доходов и их источников. Содержание данного заключительного раздела публикуемой работы чрезвычайно ценно для более углубленного понимания этого ряда проблем.

В данной работе в целом Маркс глубоко вскрывает противоречия, свойственные капиталистическому способу производства. Он показывает тенденции развития и роста этих противоречий. Он характеризует основной классовый антагонизм капиталистического способа производства — антагонизм между пролетариатом и буржуазией — и глубоко вскрывает его основы, заложенные в самой сущности этого способа производства. Он показывает, как противоречия капитализма неизбежно вызывают кризисы. Он ярко обрисовывает историческую миссию капитализма, показывая, как капиталистический способ производства создает предпосылки для нового более высокого общественного строя, но создает их в крайне противоречивой форме, от которой они могут быть освобождены лишь победоносной пролетарской революцией.

Отдельные страницы, которые даны после текста неопубликованной шестой главы, содержат целый ряд интереснейших положений. Мы здесь находим ряд положений, которые служат ценнейшим дополнением к изложению многих важнейших проблем первого тома «Капитала». Особый интерес представляет ряд страниц, посвященных освещению проблем заработной платы и обнищания пролетариата при капитализме.

Данная работа имеет неопенимое *методологическое* значение. В этой работе мы имеем ряд превосходных образцов применения марковского метода — революционной материалистической диалектики.

Учение Маркса — не догма, а руководство к действию. В условиях новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, Ленин поднял учение Маркса на новую высшую ступень. Ленин указывал, что если Маркс не оставил «Логики» (с большой буквы), то зато он оставил логику «Капитала». Данная работа является в этом отношении ценнейшим дополнением к «Капиталу». *Метод* Маркса был сильнейшим оружием в руках Ленина, который мастерски применял и разрабатывал этот метод. Борясь против мещанской контр-революционной идеологии представителей Второго Интернационала, Ленин подчеркивал, что они не поняли решающего в марксизме — его революционной диалектики. И в борьбе против всякого рода оппортунистических шатаний и уклонов Ленин глубоко вскрывал методологические корни той или иной ошибки. Ленин защищал живое действенное учение Маркса, разоблачая извращения и опошления марксова учения со стороны оппортунистов Второго Интернационала. Ленин вел беспощадную борьбу против окостенелых схем и неподвижных догм, в рамки которых пытались втиснуть марксово учение опошлители и извратители марксизма. — Блестящее умение владеть методом Маркса и Ленина характеризует тов. Сталина — вождя и руководителя революционного пролетариата всего мира, великого мастера социалистической стройки. В условиях современной эпохи, эпохи победоносного социалистического строительства в СССР, эпохи борьбы двух систем, мы имеем дальнейшее развитие марксизма-ленинизма в работах тов. Сталина. Он обогатил сокровищницу марксистско-ленинского учения глубоким теоретическим обобщением грандиозного опыта первой в мире социалистической стройки. Он обогатил учение Маркса, Энгельса и Ленина исследованием современного капитализма, капитализма эпохи его гибели. Огромные успехи, достигнутые рабочим классом СССР в деле построения социализма, ярко подтверждают правильность теории научного коммунизма, правильность учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В современной обстановке, когда задачей экономического исследования является марксистско-ленинское познание величайшего в мире опыта нашей революции, гигантского опыта социалистического строительства в СССР, новые материалы, дающие блестящие образцы применения марксова метода, имеют величайшую ценность.

Рукопись имеет огромную ценность для борьбы со всеми враждебными марксизму-ленинизму теориями и извращениями. Блестящая критика, которую Маркс дает в ряде случаев представителям вульгарной политической экономии и представителям реакционно-утопических мелкобуржуазных течений вроде Прудона, в целом ряде отношений чрезвычайно метко попадает в современных буржуазных,

в том числе социал-фашистских, идеологов. Рукопись дает неоценимый материал для разоблачения извращений и искажений марксова учения как со стороны меньшевистствующего идеализма, так и со стороны механистической ревизии. В этом отношении особенно характерно чрезвычайно яркое место на стр. 175, где Маркс (в первую очередь применительно к теории заработной платы, но отнюдь не только по отношению к этой категории) дает классическую формулировку задач *борьбы на два фронта* в области политической экономии.

Рукопись в целом представляет собой *ценнейший вклад* в сокровищницу марксистско-ленинской теории.

III.

Помимо рукописи шестой главы первого тома «Капитала» в настоящем томе «Архива» публикуется впервые на русском языке брошюра Энгельса «Брентано contra Маркс», вышедшая на немецком языке в 1891 г. в Гамбурге, в издании Отто Майснера (издатель «Капитала» Маркса). Поводом к изданию этой брошюры Энгельса послужило появление брошюры Брентано, озаглавленной: «*Моя полемика с Карлом Марксом*. К вопросу об успехах рабочего класса и их причинах», вышедшей в Берлине в 1890 г.

Брошюра Энгельса подводит итог долголетней полемике, возникшей вокруг обвинения, которое было выставлено Брентано по адресу Маркса в анонимной статье, помещенной в органе союза германских промышленников «Конкордия». Брентано обвинил Маркса в том, будто тот в Учредительном манифесте Первого Интернационала и затем в первом томе «Капитала» неправильно цитировал речь Гладстона в палате общин, якобы «присочинив» следующую фразу: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».

В полемике, разгоревшейся в связи с этим анонимным выступлением Брентано, Марксом и Энгельсом было неопровержимо доказано, что данная фраза была действительно произнесена Гладстоном. Будущее светило германской буржуазной науки, краса и гордость катедер-социализма, глава младоисторической школы, Луйо Брентано, начавший свою карьеру с грязных анонимных выпадов против Маркса, оплаченных германским союзом фабрикантов, был таким образом публично пойман с поличным. Чрезвычайно характерно, что даже никто из сонма бесчисленных «ученых» лакеев буржуазии не решился присоединиться к Брентано в этом заранее обреченном на позорнейший провал деле. Лишь после смерти Маркса, надеясь видимо на безнаказанность, к начатому Брентано походу присоединился некий ничтожный профессор одного

из английских университетов, имя которого сохранилось для потомства лишь благодаря этому обстоятельству. В своем предисловии к четвертому изданию первого тома «Капитала» Энгельс рассказал более широким слоям читающей публики историю этой полемики, отнюдь не принеся лавров представителям буржуазной «науки», выступившим в неприглядной роли оплаченных фабрикантами клеветников. Однако, Brentano не пожелал успокоиться, и в 1890 г. он выступает со специальной брошюрой, в которой он по мере своих сил и способностей пытается запутать совершенно ясный вопрос относительно своего давно разоблаченного клеветнического обвинения против Маркса.

Брошюра Энгельса, написанная в виде ответа Brentano, представляет собой подробное изложение всей истории этой долголетней полемики. В виде приложения в брошюре даны все документы, относящиеся к этой полемике.

Чрезвычайно характерно, что единственное обвинение в неправильном цитировании, выдвинутое против Маркса, приводящего в «Капитале» сотни цитат из самых различных источников, касается именно той главы, в которой говорится о всеобщем законе капиталистического накопления. Обвинение, провалившееся с таким позором, касалось той части «Капитала», в которой доказывается неизбежность *абсолютного обнищания пролетариата при капитализме*. В предисловии к первому тому «Капитала» Маркс писал, что «по самому характеру обрабатываемого материала политическая экономия вызывает по отношению к себе самые яростные, самые мелочные, самые непримиримые проявления человеческой ненависти, она пробуждает фурий частного интереса». «Фурии частного интереса» оказались особенно взбешенными учением Маркса об абсолютном обнищании рабочего класса. Неудивительно, что как раз против этой неразрывной составной части марксова учения буржуазия и ее приспешники пытаются бороться всеми способами. Для этой цели все средства хороши.

Брошюра Энгельса против Brentano интересна прежде всего в том отношении, что она лишней раз показывает, как ставили и разрешали проблему обнищания пролетариата в капиталистическом обществе основоположники марксизма.

Среди ревизионистских выдумок немалое место занимает гнуснейшее клеветническое утверждение, будто Маркс и Энгельс к концу своей жизни смягчали резкие революционные формулировки, которые давались ими в молодости. Известно, какими методами оппортунисты извращали позицию Маркса и Энгельса, выбрасывая целые фразы и абзацы из тех их работ, которые попадали в руки Каутских и Бернштейнов. Эта версия усиленно муссируется в ли-

тературе наших врагов также и по вопросу об обнищании пролетариата. Нелепость и вздорность подобного рода утверждений совершенно очевидна. Брошюра Энгельса против Брентано дает лишнее доказательство этому, дает новый ценный материал для опровержения подобных утверждений.

Но эта работа Энгельса представляет и самостоятельный интерес, она дает новое оружие для борьбы против предательских теорий социал-фашизма насчет улучшения положения рабочих при капитализме. Доказывая в полемике против Брентано, что Маркс «и формально и по существу» был абсолютно прав, цитируя пресловутую фразу из речи представителя английского правительства и одного из виднейших политических вождей английской буржуазии, Гладстона, где тот вынужден был признать факт углубления пропасти между богатством немногочисленных слоев собственников и ужасающей нищетой подавляющего большинства населения, Энгельс принимает в заключение чрезвычайно интересную характеристику положения рабочего класса в Англии в период шестидесятых годов. Период шестидесятых годов взят потому, что именно об этом периоде речь шла у Гладстона, как и у Маркса в «Учредительном манифесте» и в «Капитале». Как известно, это был как раз зенит процветания капиталистической Англии, это была эпоха ее наибольшего торгового могущества и промышленного превосходства, период ее монопольного владычества на мировом рынке. И Энгельс блестяще показывает, что даже в этот максимально благоприятный период огромные массы населения находятся на грани нищенства и голода. Энгельс пользуется при этом теми же официальными источниками, которые использованы Марксом в первом томе «Капитала», однако он группирует свои выводы несколько иным способом. Сделанный им подсчет чрезвычайно наглядно показывает, что нищета, необеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне, полуголодное существование были уделом подавляющего большинства английских пролетариев даже в наиболее благоприятную для «владычицы морей» эпоху. Он показывает вместе с тем наличие небольшой прослойки привилегированных рабочих, положение которых значительно лучше положения подавляющей массы пролетариата; это — верхушка, рабочая аристократия, которой перепадает кое-какие куски со стола буржуазии и которая является наиболее консервативным элементом в рабочем движении, становится питательной почвой оппортунизма, главным каналом буржуазного влияния на рабочий класс.

Учение Маркса и Энгельса о неизбежности не только относительного, но и *абсолютного* обнищания пролетариата в капиталистическом обществе, было развито и последовательно защищалось *Лениным*. Ленин разоблачал лживость буржуазной статистики, при-

крашивающей и извращающей действительность, разоблачал реформистские теории насчет смягчения условий эксплуатации, подчеркивал, что «рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, более недоедать, ютиться по подвалам и чердакам».

Публикуемая работа Энгельса должна послужить новым толчком для исследования хода процесса обнищания пролетариата в условиях капитализма, новым толчком к борьбе против предательских измышлений социал-фашизма по данному вопросу.

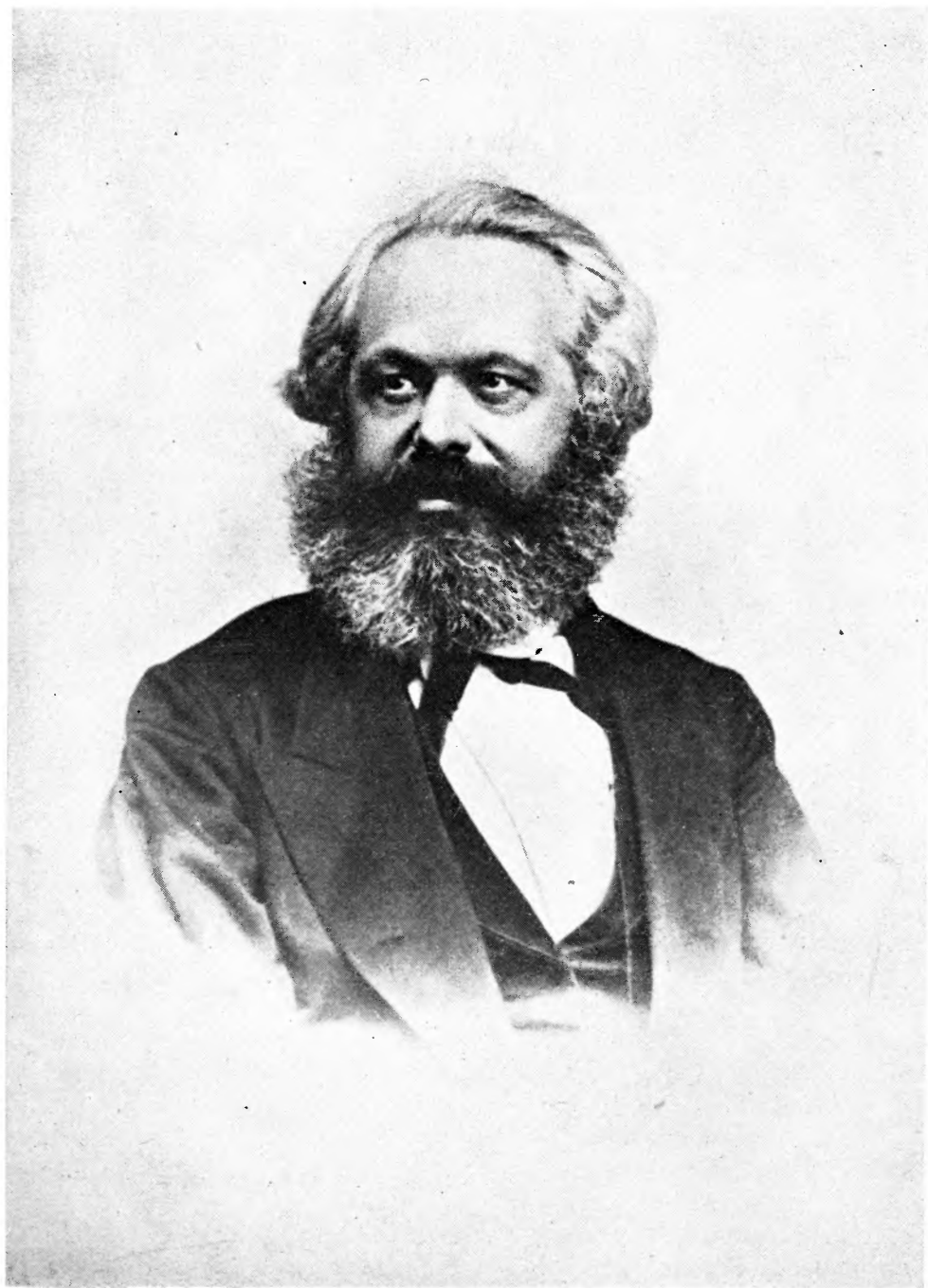
* * *

Текст рукописи шестой главы публикуется в настоящем томе на языке оригинала и в русском переводе. Немецкий и русский текст даны параллельно. Материал расположен соответственно указаниям Маркса, имеющимся в самой рукописи. Все перестановки отдельных частей текста оговорены в подстрочных редакционных примечаниях. Отдельные страницы, лежавшие среди страниц рукописи шестой главы, помещены вслед за текстом этой главы. Слова, принадлежащие редакции и вставленные для связи, а также редакционные примечания, заключены в квадратные скобки []. Отдельные слова и части текста, взятые из рукописи Маркса и приводимые в редакционных примечаниях, помещены вне квадратных скобок. В угловых скобках < > даны отдельные слова и части фраз, зачеркнутые в оригинале. В немецком тексте встречаются слова и целые фразы, написанные по-английски и по-французски. В переводе эти места специально не выделены. Латинские и греческие слова и выражения, встречающиеся в рукописи, воспроизведены в тексте русского перевода; перевод этих выражений дан в квадратных скобках. При воспроизведении немецкого текста ссылки на источники даны в том же виде, как они даны в рукописи. В русском переводе эти ссылки даны в обычной форме. — В указателях ссылки даны на страницы русского перевода.

В подготовке настоящего тома «Архива Маркса и Энгельса» участвовали: *П. Веллер* и *Г. Фрелих* (в редактировании немецкого текста) и *М. Гринбаум* (составление указателей).

Настоящий том был сдан в производство в конце июля 1932 г. Вследствие отсутствия немецкого курсива в типографии набор был закончен лишь в конце февраля. Дальнейшая работа редакционного и типографского коллектива была проведена такими темпами, которые обеспечили выпуск тома к пятидесятилетней годовщине со дня смерти Маркса.

А. Леонтьев

К. МАРКС
НОЯБРЬ 1867 г.

for the Lig.

Der Arbeiterkampf in England

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ МАРКСА.

Die erste Thesen

Die erste Thesen

Die erste Thesen

1) Die erste Thesen

a) Die erste Thesen

b) Die erste Thesen

c) Die erste Thesen

d) Die erste Thesen

e) Die erste Thesen

f) Die erste Thesen

g) Die erste Thesen

h) Die erste Thesen

i) Die erste Thesen

j) Die erste Thesen

k) Die erste Thesen

l) Die erste Thesen

m) Die erste Thesen

n) Die erste Thesen

o) Die erste Thesen

p) Die erste Thesen

q) Die erste Thesen

ERSTES BUCH

DER PRODUKTIONSPROZESS DES KAPITALS

SECHSTES KAPITEL

RESULTATE DES UNMITTELBAREN PRODUKTIONSPROZESSES

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

**РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА
ПРОИЗВОДСТВА**

|| SECHSTES KAPITEL RESULTATE DES UNMITTELBAREN PRODUKTIONS- PROZESSES

Es ist in diesem Kapitel dreierlei zu betrachten:

- 1) *Waren als Produkt des Kapitals*, d[er] kapit[alistischen] Produktion;
- 2) Die kapitalistische Produktion ist *Produktion von Mehrwert*;
- 3) Sie ist endlich *Produktion und Reproduktion des ganzen Verhältnisses*, wodurch dieser unmittelbare Produktionsprozess als *spezifisch kapitalistischer* sich charakterisiert.

Von diesen drei Rubriken ist Nr. 1 in der letzten Bearbeitung für den Druck zuletzt, nicht zuerst, zu stellen, weil es den *Uebergang* zum zweiten Buch — Zirkulationsprozess des Kapitals — bildet. Der Bequemlichkeit wegen fangen wir hier damit an. *

|| [1]** KAPITALISTISCHE PRODUKTION ALS PRODUKTION VON MEHRWERT

Soweit das Kapital nur noch in seinen Elementarformen, als Ware oder Geld, auftritt, tritt der Kapitalist in den bereits bekannten Charakterformen des Warenbesitzers oder Geldbesitzers auf. Deswegen sind aber letztere an und für sich ebensowenig Kapitalisten, als Ware und Geld an und für sich Kapital sind. Wie diese sich nur unter bestimmten Voraussetzungen in Kapital, so verwandeln sich Waren- und Geldbesitzer nur unter denselben Voraussetzungen in Kapitalisten.

Ursprünglich trat das Kapital als *Geld* auf, das sich in *Kapital* verwandeln soll, oder das nur noch *ζωνάμει* nach Kapital ist.

Wie einerseits von den Oekonomen der blunder gemacht wird, diese Elementarformen des Kapitals — Ware und Geld — als solche

* [Gemäss dieser Anweisung haben wir die zweite Rubrik (Manuskriptseiten 459 — 491, bei uns S. 4 — 166) und die dritte (Manuskriptseiten 492 — 495, bei uns S. 166 — 178) an die erste und zweite Stelle gesetzt und die erste Rubrik (Manuskriptseiten 441 — 458, bei uns S. 180 — 228) ans Ende. *D. Red.*].

** [Im Manuskript:] ad 2) [*D. Red.*]

|| ГЛАВА ШЕСТАЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА
ПРОИЗВОДСТВА

441

В этой главе следует рассмотреть три вопроса:

1) *Товары как продукт капитала*, капиталистического производства;

2) Капиталистическое производство есть *производство прибавочной стоимости*;

3) Оно есть, наконец, *производство и воспроизводство всего отношения*, благодаря которому этот непосредственный процесс производства характеризуется как *специфически капиталистический*.

Из этих трех рубрик первая должна быть при последней обработке для печати поставлена в конце, а не в начале, так как она составляет *переход* ко второй книге — к процессу обращения капитала. Ради удобства мы здесь с нее и начинаем. *

|| [I]** КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
КАК ПРОИЗВОДСТВО ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

459

Поскольку капитал выступает еще только в своих элементарных формах, как товар или деньги, капиталист выступает в уже известных характерных формах владельца товаров или владельца денег. Но вследствие этого последние сами по себе столь же мало суть капиталисты, как товары и деньги сами по себе — капитал. Подобно тому как товар или деньги только при определенных предпосылках превращаются в капитал, так и владельцы товаров и денег только при тех же самых предпосылках превращаются в капиталистов.

Первоначально капитал выступал как *деньги*, которым надлежит превратиться в *капитал*; или которые еще только *должны* [потенциально] — капитал.

Экономисты, с одной стороны, делают ошибку, отождествляя эти элементарные формы капитала — товар и деньги — как таковые

* [В соответствии с этим указанием мы переставили вторую рубрику (в рукописи — стр. 459 — 491, у нас — стр. 5 — 167) и третью (в рукописи стр. 492 — 495, у нас стр. 167 — 179) на первое и второе место, а первую рубрику (в рукописи стр. 441 — 458, у нас стр. 181 — 229) — в конец. *Ред.*]

** [В рукописи:] 2. [*Ред.*]

mit dem Kapital zu identifizieren, so andererseits der blunder die Gebrauchswertexistenzweise des Kapitals — die *Arbeitsmittel* — als solche für Kapital zu erklären.

In seiner ersten provisorischen (sozusagen) Form als *Geld* (als Ausgangspunkt der Kapitalbildung) existiert das Kapital nur noch als Geld, also als eine *Summe von Tauschwerten* in der *selbständigen Form des Tauschwerts*, seinem *Geldausdruck*. Aber dies Geld soll sich *verwerten*. Der Tauschwert soll dazu dienen mehr Tauschwert zu schaffen. Die *Wertgrösse* soll wachsen, d. h. der vorhandene Wert soll sich nicht nur erhalten, sondern ein *Increment*, Δ Wert, einen *Mehrwert* setzen, sodass der gegebene Wert — die gegebene Geldsumme als *Fluens*, und das *Increment* als *Fluxion* sich darstellen. Wir kommen auf diesen selbständigen Geldausdruck des Kapitals zurück bei Betrachtung seines Zirkulationsprozesses. Hier, wo wir es mit dem Geld nur noch zu tun haben als *Ausgangspunkt des unmittelbaren Produktionsprozesses* reicht eine einzige Bemerkung hin: Das Kapital existiert hier nur noch als eine *gegebene Wertsumme* = G (Geld), worin aller Gebrauchswert ausgelöscht ist, daher in der Form des Geldes. Die *Grösse* dieser Wertsumme ist begrenzt durch die *Höhe* oder *Quantität* der *Geldsumme*, die sich in Kapital verwandeln soll. Diese Wertsumme wird also dadurch Kapital, dass ihre *Grösse* sich *vergrössert*, dass sie sich in eine *wechselnde Grösse* verwandelt, dass sie von vorn herein ein *Fluens*, das eine *Fluxion* setzen soll. *An sich* ist diese Geldsumme erst Kapital, d. h. ihrer *Bestimmung* nach, weil sie in einer Weise angewandt, verausgabt werden soll, die ihre *Vergösserung* zum Zweck hat, weil sie zum *Zweck ihrer Vergrösserung* verausgabt wird. Erscheint dies mit Bezug auf die vorhandene Wert- oder Geldsumme als ihre *Bestimmung*, ihr innerer Trieb, Tendenz, so mit Bezug auf den *Kapitalisten*, d. h. den Besitzer dieser Geldsumme, in dessen Hand sie diese Funktion untergehen soll, als *Absicht*, *Zweck*. In diesem ursprünglich einfachen Wert- oder Geldausdruck des Kapitals (des werden sollenden Kapitals), worin von aller Beziehung auf Gebrauchswert abstrahiert, sie weggefallen ist, fällt aber auch alle störende Dazwischenkunft und später verwirrende Indizienpunkte des *wirklichen Produktionsprozesses* (Warenproduktion etc.) fort und die *charakteristische spezifische Natur* des kapitalistischen Produktionsprozesses zeigt sich eben so abstrakt einfach. Wenn das

с капиталом, а с другой стороны, они делают ошибку, объявляя капиталом его способ существования в виде потребительной стоимости — *средства труда* — как таковой.

В своей первой, предварительной (так сказать) форме, как *деньги* (как исходный пункт образования капитала), капитал существует еще только как деньги, т. е. как *сумма меновых стоимостей* в *самостоятельной форме меновой стоимости*, его *денежном выражении*. Но эти деньги должны увеличить свою стоимость. Меновая стоимость должна послужить для того, чтобы создать больше меновой стоимости. *Величина стоимости* должна расти, т. е. наличная стоимость должна не только сохраниться, но она должна создать *прирост, Δ стоимости, прибавочную стоимость*, так чтобы данная стоимость, данная сумма денег представилась как *флюэнта*, а прирост — как *флюксия* *. Мы вернемся к этому самостоятельному денежному выражению капитала при рассмотрении процесса его обращения. Здесь, где мы еще имеем дело лишь с деньгами в качестве *исходного пункта непосредственного процесса производства*, достаточно одного единственного замечания: капитал здесь существует еще только как *данная сумма стоимости* = Д (деньги), где всякая потребительная стоимость стерта, стало быть, в форме денег. *Величина* этой суммы стоимости ограничена *высотой* или *количеством денежной суммы*, которая должна превратиться в капитал. Следовательно, эта денежная сумма благодаря тому становится капиталом, что ее *величина увеличивается*, что она превращается в *переменную величину*, что она с самого начала есть текущая, которая должна полагать течение. Лишь в себе эта денежная сумма есть капитал, т. е. по своему *назначению*, только потому, что она должна применяться, расходоваться таким способом, который имеет целью ее *увеличение*, потому что она расходуется с *целью ее увеличения*. Если это по отношению к наличной сумме стоимости или денежной сумме проявляется как ее *назначение*, ее внутренняя движущая сила, тенденция, то по отношению к *капиталисту*, т. е. владельцу этой денежной суммы, в руках которого она должна выполнить эту функцию, — как *намерение, цель*. В этом первоначальном простом стоимостном или денежном выражении капитала (того, что должно стать капиталом), где абстрагировано от всякого отношения к потребительной стоимости, где она отпала, — отпадает также и всякое нарушающее вмешательство и впоследствии запутывающие случайные факторы *действительного процесса производства* (производство товаров и т. д.), и в столь же абстрактно простом виде обнаруживается и *характерная специфическая природа* капиталистического процесса производства. Если первоначальный капитал

* [Маркс пользуется здесь терминами дифференциального исчисления Ньютона. Ред.]

ursprüngliche Kapital eine *Wertsumme* $= x$, so ist der Zweck und wird dies x dadurch Kapital, dass es in $x + \Delta x$ verwandelt wird, d. h. in eine Geldsumme oder Wertsumme $=$ der ursprünglichen Wertsumme $+$ einem Ueberschuss über die ursprüngliche Wertsumme, in die gegebene Geldgrösse $+$ zusätzliches Geld, in den *gegebenen Wert* $+$ *Mehrwert*. Die *Produktion von Mehrwert* — welche die Erhaltung des ursprünglich vorgeschossenen Werts einschliesst, erscheint so als der bestimmende Zweck, das treibende Interesse und das *schliessliche Resultat* des kapitalistischen Produktionsprozesses, als das, wodurch der ursprüngliche Wert in Kapital verwandelt wird. Wie dies erreicht wird, die wirkliche Prozedur dieser Verwandlung von x in $x + \Delta x$, ändert nichts an dem Zweck und Resultat des Prozesses. Es kann allerdings auch ohne kapitalistischen Produktionsprozess x in $x + \Delta x$ verwandelt werden, aber nicht unter der *gegebenen Bedingung* und *Voraussetzung*, dass die konkurrierenden Glieder der Gesellschaft sich als Personen gegenüber treten, die sich nur als *Warenbesitzer* gegenüberstehen und nur als solche in Kontakt miteinander treten (dies schliesst Sklaverei etc. aus) und zweitens nicht unter der anderen Bedingung, dass das gesellschaftliche Produkt als *Ware* produziert wird. (Dies schliesst alle Formen aus, worin für die unmittelbaren Produzenten der Gebrauchswert der Hauptzweck und höchstens der Ueberschuss des Produkts etc. sich in Ware verwandelt).

460 || Dieser Zweck des Prozesses, dass x verwandelt wird in $x + \Delta x$, zeigt ferner, welchen Gang die Untersuchung zu gehn hat. Der Ausdruck muss die Funktion einer variablen Grösse sein, oder in solche sich während des Prozesses verwandeln. Von vornherein als *gegebene Geldsumme* ist x eine konstante Grösse, deren Increment also $= 0$ ist. Es muss also im Prozess in eine andre Grösse verwandelt werden, die ein variables Element enthält. Und es gilt, diesen Bestandteil aufzufinden, und zugleich nachzuweisen, durch welche Vermittlungen aus der ursprünglich konstanten Grösse eine variable wird. Da, wie sich ferner bei der Betrachtung des wirklichen Produktionsprozesses zeigt, ein Teil von x sich wieder rückverwandelt in eine konstante Grösse — nämlich in die Arbeitsmittel, da ein Teil des *Werts* von x nur in der Form bestimmter Gebrauchswerte, statt in der Geldform desselben, ein *change*, der an der konstanten Natur der Wertgrösse nichts ändert, überhaupt an diesem Teil, soweit er Tauschwert ist, nichts ändert, stellt sich x im Prozess dar als c (konstante Grösse) $+$ v (variable Grösse) $= c + v$. Nun ist aber die Differenz $\Delta(c + v) = c + (v + \Delta v)$ und, da die Differenz von $c = 0$, $= (v + \Delta v)$. Was ursprünglich als Δx erscheint, ist also wirklich Δv . Und das

есть *сумма стоимости* равная x , то здесь цель та, — и этот x благодаря этому становится капиталом, — что он превращается в $x + \Delta x$, т. е. в денежную сумму или сумму стоимости, равную первоначальной сумме стоимости плюс излишек сверх первоначальной суммы стоимости, в данную денежную *величину* плюс добавочные деньги, в *данную стоимость* плюс *прибавочная стоимость*. Таким образом, *производство прибавочной стоимости*, заключающее в себе сохранение первоначально авансированной стоимости, выступает как определяющая цель, движущий интерес и *конечный результат* капиталистического процесса производства, как то, благодаря чему первоначальная стоимость превращается в капитал. *Как* это достигается, действительная процедура этого превращения x в $x + \Delta x$ ничего не изменяет в цели и результате процесса. Впрочем, и без капиталистического процесса производства x может превращаться в $x + \Delta x$, но не при *данном условии* и *предпосылке*, что конкурирующие члены общества выступают по отношению друг к другу как лица, которые противостоят друг другу лишь в качестве *товаровладельцев* и только в качестве таковых вступают друг с другом в контакт (это исключает рабство и т. д.), и, во-вторых, не при другом условии, что общественный продукт производится как *товар*. (Это исключает все формы, в которых для непосредственных производителей главной целью является потребительная стоимость, а в товар превращается лишь излишек производства и т. д.)

|| Эта цель процесса, что x превращается в $x + \Delta x$, показы- 460
вает далее, каким путем должно пойти исследование. Это выражение должно быть функцией переменной величины или должно превратиться в таковую во время процесса. С самого начала, как *данная сумма денег*, x есть постоянная величина, прирост которой, следовательно, равен нулю. Следовательно, x должен в процессе превратиться в другую величину, содержащую переменный элемент. И речь идет о том, чтобы найти эту составную часть и вместе с тем показать, путем каких опосредствований первоначально постоянная величина становится переменной. Так как, — как обнаруживается далее при рассмотрении действительного процесса производства, — часть x в свою очередь обратно превращается в постоянную величину — именно в средства труда, которые составляют часть *стоимости* x лишь в форме определенных потребительных стоимостей, а не в их денежной форме, — переменная, которая ничего не изменяет в постоянной природе величины стоимости, вообще ничего не изменяет в этой части, поскольку она есть меновая стоимость, — то x представляется в процессе как c (постоянная величина) $+ v$ (переменная величина) $= c + v$. Теперь же разница $\Delta(c + v) = c + (v + \Delta v)$, а так как разница $c = 0$, то она $= (v + \Delta v)$. То, что

Verhältnis dieses Increments der ursprünglichen Grösse x zu dem Teil von x , dessen Increment es wirklich ist, muss sein ($\Delta v = \Delta x$ (da $\Delta x = \Delta v$)), $\frac{\Delta x}{v} = \frac{\Delta v}{v}$, welches in der Tat die Formel für die *Rate des Mehrwerts* ist.

Da das Gesamtkapital $C = c + v$, wovon c konstant und v variabel, kann C als Funktion von v betrachtet werden. Wächst v um Δv , so wird $C = C'$.

Man hat also:

$$1) C = c + v$$

$$2) C' = c + (v + \Delta v).$$

Zieht man Gleichung 1) von Gleichung 2) ab, so erhält man die Differenz $C' - C$, das Increment von $C = \Delta C$.

$$3) C' - C = c + v + \Delta v - c - v = \Delta v$$

$$4) \Delta C = \Delta v.$$

Man hat also (3) und daher (4) $\Delta C = \Delta v$. Aber $C' - C =$ der Grösse, um die sich C verändert hat ($= \Delta C$), = dem Increment von C oder ΔC , also, 4). Oder das Increment des Gesamtkapitals = dem Increment des variablen Teils des Kapitals, sodass ΔC oder der change des konstanten Teils des Kapitals = 0. Das konstante Kapital also in dieser Untersuchung über ΔC oder $\Delta v = 0$ gesetzt, d. h. muss ausser Acht gelassen werden.

Die Proportion, worin v gewachsen = $\frac{\Delta v}{v}$ (*Rate des Mehrwerts*). Die

Proportion, worin C gewachsen = $\frac{\Delta v}{C} = \frac{\Delta v}{c + v}$ (*Profitrate*).

Die eigentliche, spezifische *Funktion* des Kapitals als Kapital ist also die *Produktion von Mehrwert*, die, wie sich später darstellt, nichts ist als *Produktion von Surplusarbeit, Aneignung von unbezahlter Arbeit* im wirklichen Produktionsprozess, die sich darstellt, vergegenständlicht als *Mehrwert*.

Es hat sich ferner ergeben, dass zur Verwandlung von x in Kapital, in $x + \Delta x$, nötig ist, dass der Wert oder Geldsumme x sich verwandele in die *Faktoren des Produktionsprozesses*, zunächst in die *Faktoren des wirklichen Arbeitsprozesses*. Es ist möglich in gewissen Industriezweigen, dass ein Teil der Produktionsmittel — der *Arbeitsgegenstand* — keinen Wert hat, keine *Ware* ist, obgleich ein Gebrauchswert. In diesem Fall verwandelt sich ein Teil von x bloss in Produktionsmittel, und der Arbeitsgegenstand, soweit die Verwandlung von x in Betracht

первоначально представлялось как Δx , в действительности есть, следовательно, Δv . И отношение этого прироста первоначальной величины x к той части x , прирост которой он составляет в действительности, должно быть ($\Delta v = \Delta x$ (так как $\Delta x = \Delta v$)), $\frac{\Delta x}{v} = \frac{\Delta v}{v}$, что на деле есть формула для *нормы прибавочной стоимости*.

Так как совокупный капитал $C = c + v$, где c постоянно и v переменен, то C можно рассматривать как функцию v . Если v возрастает на Δv , то C становится $= C'$.

Итак, мы имеем:

$$1) C = c + v$$

$$2) C' = c + (v + \Delta v).$$

Вычитая уравнение 1) из уравнения 2), получаем разность $C' - C$, прирост $C = \Delta C$.

$$3) C' - C = c + v + \Delta v - c - v = \Delta v$$

$$4) \Delta C = \Delta v.$$

Следовательно, получается (3) и поэтому (4): $\Delta C = \Delta v$. Но $C' - C$ равно величине, на которую изменилось $C (= \Delta C)$, равно приросту C или ΔC , следовательно 4). Или прирост совокупного капитала равен приросту переменной части капитала, так что ΔC или изменение постоянной части капитала $= 0$. Следовательно, постоянный капитал в этом исследовании относительно ΔC или Δv положен равным нулю, т. е. не должен приниматься во внимание.

Пропорция, в какой возросло $v = \frac{\Delta v}{v}$ (*норма прибавочной стоимости*). Пропорция, в какой возросло $C = \frac{\Delta v}{c} = \frac{\Delta v}{c+v}$ (*норма прибыли*).

Таким образом, собственно специфическая функция капитала как капитала есть *производство прибавочной стоимости*, которое, как обнаруживается впоследствии, есть не что иное, как *производство прибавочного труда, присвоение*, в действительном процессе производства, *неоплаченного труда*, который представляется, овеществляется как *прибавочная стоимость*.

Далее оказалось, что для превращения x в капитал, в $x + \Delta x$, необходимо, чтобы стоимость или сумма денег x превратилась в *факторы процесса производства*, прежде всего в *факторы действительного процесса труда*. В известных отраслях производства бывает, что часть средств производства — *предмет труда* — не имеет никакой стоимости, не есть *товар*, хотя и есть потребительная стоимость. В этом случае часть x превращается только в средства производства, а предмет труда, поскольку речь идет о превращении x ,

kommt, d. h. der Ankauf von Waren durch x , die in den Arbeitsprozess eingehn, beschränkt sich auf den Ankauf von Produktionsmitteln. Ein Faktor des Arbeitsprozesses, der Arbeitsgegenstand, ist hier $= 0$, soweit der Wert in Betracht kommt. Aber wir betrachten die Sache in der vollständigen Form, wo noch der Arbeitsgegenstand $=$ Ware. Für den Fall, wo dies nicht, ist dieser Faktor, as far as value is concerned, $= 0$ zu setzen, um die Rechnung zu rektifizieren.

Wie die Ware unmittelbare Einheit von Gebrauchswert und Tauschwert, so ist der Produktionsprozess, der *Produktionsprozess von Ware* ist, unmittelbare Einheit von Arbeits- und Verwertungsprozess. Wie *Waren*, d. h. unmittelbare Einheiten von Gebrauchswert und Tauschwert, als *Resultat*, als Produkt, aus dem Prozess herauskommen, so gehn sie als konstituierende Elemente in ihn ein. Es kann überhaupt nie etwas aus einem Produktionsprozess herauskommen, was nicht in der Form von Produktionsbedingungen in ihn einging.

Die Verwandlung der vorgeschossenen Geldsumme, der zu verwertenden und in Kapital zu verwandelnden Geldsumme, in die *Faktoren des Produktionsprozesses* ist ein Akt der Warenzirkulation, des Austauschprozesses, und löst sich in eine Reihe von Käufen auf. Dieser *Akt* fällt also noch *ausserhalb* des unmittelbaren Produktionsprozesses. Er leitet ihn nur ein, ist aber die *notwendige Voraussetzung* desselben und wenn wir statt des unmittelbaren Produktionsprozesses das Ganze und die Kontinuität der kapitalistischen Produktion betrachten, bildet diese Verwandlung des Geldes in die *Faktoren des Produktionsprozesses*, der Ankauf von Produktionsmitteln und Arbeitsvermögen, selbst ein *immanentes Moment des Gesamtprozesses*.

461 || Betrachten wir nun die Gestalt des Kapitals *innerhalb* des unmittelbaren Produktionsprozesses, so hat es wie die einfache Ware die *Doppelgestalt* von Gebrauchswert und Tauschwert. Aber in beiden Formen treten weitere Bestimmungen ein, die verschieden von denen der einfachen, selbständig betrachteten Ware, weiter entwickelte Bestimmtheiten.

Was zunächst den Gebrauchswert betrifft, so war sein besondrer Inhalt, seine weitre Bestimmtheit vollständig gleichgültig für die Begriffsbestimmung der Ware. Der Artikel, der Ware und daher Träger des Tauschwerts sein sollte, musste irgendein gesellschaftliches Bedürfnis befriedigen, daher irgendwelche brauchbare Eigenschaften besitzen. Voilà tout. Anders mit dem Gebrauchswert der Waren, die im Produktionsprozess funktionieren. Durch die Natur des *Arbeitsprozesses* dirimieren sich zunächst die Produktionsmittel in

т. е. о закупке входящих в процесс труда товаров на x ограничивается закупкой средств производства. Один фактор процесса труда, предмет труда, здесь равен 0, поскольку речь идет о стоимости. Но мы рассматриваем вопрос в полной форме, где и предмет труда — товар. В том случае, когда этого нет, этот фактор, поскольку речь идет о стоимости, принимается равным нулю и в вычисление вносится поправка.

Подобно тому как товар есть непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости, так и процесс производства, который есть *процесс производства товара*, представляет собою непосредственное единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Подобно тому как *товары*, т. е. непосредственные единства потребительной стоимости и меновой стоимости, выходят из процесса как *результат*, как продукт, точно так же они входят в него как образующие его элементы. Вообще из процесса производства никогда не может выйти ничего такого, что не входило в него в форме условий производства.

Превращение авансированной суммы денег, суммы денег, имеющей увеличиться в стоимости и превратиться в капитал, в *факторы процесса производства*, есть акт товарного обращения, процесса обмена, и распадается на ряд покупок. Следовательно, этот *акт* происходит еще *вне* непосредственного процесса производства. Он лишь является его введением, но он есть *необходимая предпосылка* его, и когда мы рассматриваем не непосредственный процесс производства, а капиталистическое производство в целом и в его непрерывности, то это превращение денег в *факторы процесса производства*, закупка средств производства и способности к труду, образует в свою очередь *имманентный момент совокупного процесса*.

|| Если же мы рассмотрим образ капитала *внутри* непосредственного процесса производства, то он, как и простой товар, имеет *двойственный образ потребительной стоимости и меновой стоимости*. Но в обе формы входят дальнейшие определения, которые отличны от определений простых, самостоятельно рассматриваемых товаров, далее развитые определенности.

Что касается прежде всего *потребительной стоимости*, то ее особое содержание, ее дальнейшая определенность были совершенно безразличны для определения понятия товара. Предмет, который должен был быть товаром и поэтому носителем меновой стоимости, должен был удовлетворять какой-либо общественной потребности, следовательно обладать какими-либо полезными качествами. Вот и все. Иначе обстоит дело с *потребительной стоимостью* товаров, функционирующих в процессе производства. Благодаря природе *процесса труда* средства производства распадаются прежде всего на

Arbeitsgegenstand und *Arbeitsmittel*, oder weiter bestimmt *Rohmaterial* auf der einen Seite, *Instrumente*, *Hilfsmaterialien* usw. auf der andern. Es sind dies *Formbestimmungen des Gebrauchswerts*, die aus der Natur des Arbeitsprozesses selbst entspringen, und so ist — in Beziehung auf die Produktionsmittel — der Gebrauchswert weiter fortbestimmt. Die *Formbestimmung des Gebrauchswerts* wird hier selbst wesentlich für die Entwicklung des *ökonomischen Verhältnisses*, der *ökonomischen Kategorie*.

Ferner aber scheiden sich im Arbeitsprozesse die in ihn eingehenden Gebrauchswerte in zwei streng begrifflich geschiedene Momente und Gegensätze (ganz wie eben gesagt, die *gegenständlichen* Produktionsmittel tun) — auf der einen Seite die *gegenständlichen* Produktionsmittel, die *objektiven* Produktionsbedingungen, auf der andern Seite die *werktätigen* Arbeitsvermögen, die sich zweckmässig äussernde Arbeitskraft, die *subjektive* Produktionsbedingung. Dies ist eine weitere Formbestimmtheit des Kapitals, soweit es *sub specie de. Gebrauchswerts* innerhalb des unmittelbaren Produktionsprozesses erscheint. In der einfachen Ware ist bestimmte zweckmässige Arbeit, Spinnen, Weben usw., im Gespinst, im Geweb verkörpert, vergegenständlicht. Die zweckmässige Form des Produkts ist die einzige Spur, welche die zweckmässige Arbeit zurückgelassen hat und diese Spur selbst kann ausgelöscht sein, wenn das Produkt die Form eines Naturprodukts hat, wie Vieh, Weizen usw. In der Ware erscheint der Gebrauchswert gegenwärtig, als das Vorhandene, das in dem Arbeitsprozess nur als *Produkt* erscheint. Die einzelne Ware ist in der Tat ein fertiges Produkt, hinter dem sein Entstehungsprozess liegt, worin der Prozess, wodurch sich besondere nützliche Arbeit in ihm verkörperte, vergegenständlichte, in der Tat aufgehoben ist. In dem Produktionsprozess wird die Ware. Sie wird beständig als Produkt vom Prozess abgestossen, so dass das Produkt selbst nur als ein Moment des Prozesses erscheint. Ein Teil des *Gebrauchswerts*, worin das Kapital innerhalb des Produktionsprozesses erscheint, ist das *lebendige Arbeitsvermögen* selbst, aber als Arbeitsvermögen von bestimmter, dem besonderen Gebrauchswert der Produktionsmittel entsprechender *Spezifikation* und als sich *betätigendes Arbeitsvermögen*, sich zweckmässig äussernde Arbeitskraft, die die Produktionsmittel zu gegenständlichen Momenten ihrer Betätigung macht und sie daher aus der ursprünglichen Form ihres Gebrauchswerts in die neue Form des Produkts *verwandelt*. Die Gebrauchswerte selbst machen

предмет труда и средство труда, или, определяя подробнее, на сырье, с одной стороны, *инструменты, вспомогательные материалы* и т. д. — с другой. Это — *определения формы потребительной стоимости*, которые возникают из природы самого процесса труда, и таким образом в отношении средств производства потребительная стоимость получает дальнейшее определение. *Определение формы потребительной стоимости* само становится здесь *существенным для развития экономического отношения, экономической категории*.

В дальнейшем, однако, в процессе труда входящие в него потребительные стоимости распадаются на два строго разграниченных в понятии момента или противоположности (точно так же, как выше указано, это происходит с *вещными* средствами производства), — на одной стороне вещные средства производства, *объективные* условия производства, на другой стороне — действующие способности к труду, целесообразно проявляемая рабочая сила, *субъективное* условие производства. Это — дальнейшая определенность формы капитала, поскольку он выступает *sub specie [в виде] потребительной стоимости* внутри непосредственного процесса производства. В простом товаре определенный целесообразный труд — прядение, ткачество и т. д. — воплощен, овеществлен в пряже, в ткани и т. д. Целесообразная форма продукта есть единственный след, оставленный целесообразным трудом, и даже этот след может быть стерт, если продукт имеет форму продукта природы, как скот, пшеница и т. д. В товаре потребительная стоимость выступает как нечто наличное, как то наличное, что в процессе труда проявляется лишь как *продукт*. Отдельный товар на деле есть готовый продукт, позади которого лежит процесс его возникновения, продукт, в котором на деле снят * процесс, благодаря которому в нем воплотился, овеществился особый, полезный труд. В процессе производства товар возникает. Он постоянно отталкивается от процесса как продукт, так что самый продукт выступает лишь как момент процесса. Часть *потребительной стоимости*, в которой капитал выступает внутри процесса производства, есть сама *живая способность к труду*, но как способность к труду определенной, соответствующей особой потребительной стоимости средств производства *спецификации* и как *действующая способность к труду*, как целесообразно *проявляющаяся рабочая сила*, которая делает средства производства вещными моментами своей деятельности и *превращает* их таким образом из первоначальной формы их потребительной стоимости в новую форму продукта. Сами потребительные стоимости проделывают поэтому

* [Также: сохранен, устранен. *Ред.*]

daher innerhalb der Arbeitsprozesse einen *wirklichen Verwandlungsprozess* durch, ob dieser nun mechanischer, chemischer, physikalischer Natur sei. Während in der Ware der Gebrauchswert ein gegebenes Ding mit bestimmten Eigenschaften ist, ist er jetzt Verwandlung der als Rohmaterial und Arbeitsmittel funktionierenden Dinge, Gebrauchswerte, vermittelt der sich durch sie und in ihnen betätigenden lebendigen Arbeit, welche eben das Arbeitsvermögen *actu* ist, in einen Gebrauchswert von veränderter Gestalt — das *Produkt*. So zerfällt also die Gestalt, die das Kapital als *Gebrauchswert* im Arbeitsprozess annimmt, *erstens* in die begriffsmässig dirimierten und auf einander
 462 bezogenen *Produktionsmittel*; *zweitens* in || eine begriffsmässige, aus der Natur des Arbeitsprozesses entquillende Divergenz zwischen den *objektiven* Arbeitsbedingungen (den Produktionsmitteln) und den *subjektiven* Arbeitsbedingungen, dem zweckmässig tätigen *Arbeitsvermögen*, d. h. der Arbeit selbst. *Drittens* aber, das Ganze des Prozesses betrachtet, erscheint der Gebrauchswert des Kapitals hier als Gebrauchswert produzierender Prozess, worin die Produktionsmittel dieser spezifischen Bestimmtheit nach als Produktionsmittel des zweckmässig tätigen, ihrer bestimmten Natur entsprechenden, *spezifischen Arbeitsvermögens* funktionieren. Oder der gesamte *Arbeitsprozess* als solcher, in der lebendigen Wechselwirkung seiner objektiven und subjektiven Momente, erscheint als die Gesamtgestalt des Gebrauchswerts, d. h. [als] die *reale* Gestalt des Kapitals im Produktionsprozess.

Der Produktionsprozess des Kapitals ist vor allem, seine reale Seite betrachtet — oder ihn als Prozess betrachtet, der durch nützliche Arbeit mit Gebrauchswerten neue Gebrauchswerte bildet — *wirklicher Arbeitsprozess*. Als solcher sind seine Momente, seine begriffsmässig bestimmten Bestandteile — die des *Arbeitsprozesses* überhaupt, jedes *Arbeitsprozesses*, auf welcher Stufe der ökonomischen Entwicklung und auf Basis welcher Produktionsweise auch immer derselbe vor sich gehe. Da also die reale Gestalt oder die Gestalt der objektiven Gebrauchswerte, worin das *Kapital besteht*, sein materielles Substrat, notwendig die Gestalt von Produktionsmitteln ist — Arbeitsmittel und Arbeitsgegenstand — die zur Produktion neuer Produkte dienen: da ferner im Zirkulationsprozess, in der Form von Waren, also im Besitz des Kapitalisten als des Warenbesitzers, diese Gebrauchswerte schon vorhanden sind (auf dem Markt), bevor sie ihrem spezifischen Zweck gemäss im Arbeitsprozess funktionieren — weil also das Kapital, — soweit es sich in *objektiven* Arbeitsbedin-

внутри процесса труда *действительный процесс превращения*, будь то механического, химического или физического характера. Между тем как в товаре потребительная стоимость есть данная вещь с определенными свойствами, теперь она есть превращение функционирующих как сырье и средства труда вещей, потребительных стоимостей, посредством действующего через них и в них живого труда, который именно и есть способность к труду *акти* [*в действии*], — в потребительную стоимость измененного образа — в *продукт*. Итак, образ, который капитал, как *потребительная стоимость*, принимает в процессе труда, распадается, *во-первых*, на разделенные в понятии и взаимно-связанные *средства производства*; *во-вторых*, на || соответствующее понятию, из природы процесса труда 462 вытекающее разделение между *объективными* условиями труда (средствами производства) и *субъективными* условиями труда — целесообразно действующей *способностью к труду*, т. е. самим трудом. В-*третьих* же, рассматривая процесс в целом, потребительная стоимость капитала выступает здесь как производящий потребительную стоимость процесс, в котором средства производства функционируют соответственно этой специфической определенности, как средства производства целесообразно действующей, соответствующей их определенной природе *специфической способности к труду*. Или совокупный *процесс труда*, как таковой, в живом взаимодействии его объективных и субъективных моментов выступает как совокупный образ потребительной стоимости, т. е. [как] *реальный* образ капитала в процессе производства.

Процесс производства капитала есть прежде всего, рассматривая его реальную сторону — или рассматривая его как процесс, который благодаря полезному труду над потребительными стоимостями образует новые потребительные стоимости, — *действительный процесс труда*. Его моменты как такового, его определенные соответственно своему понятию составные части суть моменты и составные части *процесса труда* вообще, всякого *процесса труда*, на какой бы ступени экономического развития и на базисе какого бы способа производства он ни происходил. Следовательно, так как реальный образ или образ объективных потребительных стоимостей, из которых *состоит капитал*, его материальный субстрат, есть неизбежно образ средств производства — средство труда и предмет труда, — которые служат для производства новых продуктов, далее, так как в процессе обращения, в форме товаров, следовательно во владении капиталиста как товаровладельца, эти потребительные стоимости уже имеются налицо (на рынке), до того, как они функционируют соответственно их специфической цели в процессе труда; следовательно, так как капитал, — поскольку он представляется в

gungen darstellt — seinem Gebrauchswert nach aus *Produktionsmitteln*, Rohmaterialien, Hilfsmaterialien und Arbeitsmitteln, Werkzeugen, Baulichkeiten, Maschinen usw. besteht, wird daraus der Schluss gezogen, dass alle *Produktionsmittel* *ὀνόμεναι*, und soweit sie als Produktionsmittel funktionieren, *actu Kapital* sind, daher das Kapital ein notwendiges Moment des *menschlichen Arbeitsprozesses überhaupt*, abgesehen von jeder historischen Form desselben, und daher etwas ewiges und durch die Natur der menschlichen Arbeit Bedingtes ist. Ebenso dass, weil der Produktionsprozess des Kapitals überhaupt *Arbeitsprozess* ist, der *Arbeitsprozess als solcher*, der Arbeitsprozess in allen gesellschaftlichen Formen notwendig *Arbeitsprozess des Kapitals* ist. Das Kapital wird so als ein *Ding* betrachtet, das eine gewisse dingliche Rolle, ihm als Ding zukommende Rolle im Produktionsprozess spielt. Es ist dieselbe Logik, die schliesst, dass weil Geld Gold ist, Gold an und für sich Geld ist, dass weil die Lohnarbeit Arbeit, alle Arbeit notwendig Lohnarbeit ist. Es wird so die *Identität* dadurch bewiesen, dass das allen Produktionsprozessen *Identische* im Unterschied von ihren *spezifischen Unterschieden* festgehalten wird. Die Identität wird dadurch bewiesen, dass vom Unterschied abstrahiert wird. Wir kommen im Verlauf dieses Abschnitts auf diesen entscheidend wichtigen Punkt ausführlicher zurück. Hier vorläufig nur das:

Erstens: Die Waren, die der Kapitalist gekauft hat, um sie als *Produktionsmittel* im Produktionsprozess, resp. Arbeitsprozess zu konsumieren, sind sein Eigentum. Sie sind in der Tat nur sein in Waren verwandeltes Geld und ebenso sehr Dasein seines Kapitals als dies Geld war; ja in noch intensiver Weise, sofern sie in der Gestalt vorhanden sind, worin sie wirklich als *Kapital* funktionieren, d. h. als Mittel von Wertschöpfung, zur Verwertung des Werts, d. h. zu seiner Vermehrung. Diese Produktionsmittel sind also *Kapital*. Andererseits hat der Kapitalist mit dem andren Teil der vorgeschossenen Geldsumme Arbeitsvermögen, Arbeiter oder wie in Ch. IV entwickelt, dass dies *erscheint, lebendige Arbeit* gekauft. Diese gehört ihm daher ebenso wohl, wie die objektiven Bedingungen des Arbeitsprozesses. Aber dennoch macht sich hier folgender spezifischer Unterschied geltend: Die wirkliche Arbeit ist das, was der Arbeiter dem capitalist wirklich gibt als Equivalent für den in Arbeitslohn verwandelten Teil
 463 des Kapitals, für den || Kaufpreis der Arbeit. Es ist die Verausgabung seiner Lebenskraft, die Verwirklichung seiner produktiven Fähigkeiten, seine Bewegung, nicht die des Kapitalisten. Als persönliche Funktion betrachtet, in ihrer Realität, ist die Arbeit die Funktion

объективных условиях труда, — по своей потребительной стоимости *состоит из средств производства*, — сырья, вспомогательных материалов и средств труда — инструментов, строений, машин и т. д., — то отсюда делается вывод, что все *средства производства* *бывают* [потенциально] и поскольку они функционируют как средства производства, суть *капитал* *актив* [в действии] и что поэтому капитал есть необходимый момент *человеческого процесса труда вообще*, независимо от какой бы то ни было его исторической формы, и, стало быть, есть нечто вечное, обусловленное природой человеческого труда. Точно так же [делают вывод], что так как процесс производства капитала есть вообще *процесс труда*, то и *процесс труда как таковой*, процесс труда при всех общественных формах, есть неизбежно *процесс труда капитала*. Таким образом, капитал рассматривается как *вещь*, которая играет в процессе производства известную вещную роль, роль присущую ему как вещи. Это та же логика, на основании которой выводится, что так как деньги — золото, то золото само по себе есть деньги, что так как наемный труд — труд, то всякий труд неизбежно есть наемный труд. Таким образом *тождество* доказывается тем, что фиксируется *тождественное* всем процессам производства в отличие от их *специфических различий*. Тождество доказывается тем, что отвлекаются от различий. В этом отделе мы еще вернемся более подробно к этому важному, имеющему решающее значение пункту. Пока ограничимся следующим:

Во-первых: товары, которые капиталист купил, чтобы потратить их в качестве *средств производства* в процессе производства — *реср.* [или] в процессе труда — суть его *собственность*. Они на деле лишь его деньги, превращенные в товары, и они суть в такой же степени бытие его капитала, в какой им были деньги; даже еще более интенсивным способом, поскольку они имеют образ, в котором они действительно функционируют как *капитал*, т. е. как средство созидания стоимости, увеличения стоимости, т. е. ее умножения. Стало быть, эти средства производства суть *капитал*. С другой стороны, капиталист на другую часть авансированной суммы денег купил способность к труду, рабочих, или, как показано в главе IV, это *представляется*, что он купил *живой труд*. Последний поэтому принадлежит ему точно так же, как и объективные условия процесса труда. Однако здесь обнаруживается следующее специфическое различие: действительный труд есть то, что рабочий действительно дает капиталисту как эквивалент за превращенную в заработную плату часть капитала, за покупную цену труда. Это есть 463
затрата его жизненной силы, осуществление его производительных способностей, его движение, а не капиталиста. Если рассматривать труд как личную функцию, в его реальности, он есть функция рабочего,

des Arbeiters und nicht die des Kapitalisten. Vom Standpunkt des Austauschs betrachtet, ist er das, was der Kapitalist von ihm im Arbeitsprozess erhält, nicht das, als was der Kapitalist ihm im Arbeitsprozess gegenübertritt. Dies bildet also einen Gegensatz zu den objektiven Arbeitsbedingungen, die als Kapital, und sofern als Dasein des Kapitalisten, der subjektiven Arbeitsbedingung, der Arbeit selbst oder vielmehr dem *Arbeiter*, der arbeitet, gegenübertreten innerhalb des Arbeitsprozesses selbst. So kommt es, dass sowohl vom Standpunkt des Kapitalisten als von dem des Arbeiters aus das *Produktionsmittel* als Dasein des Kapitals, als eminently *capital* der Arbeit, also dem andern Element, worin sich das vorgeschossene Kapital verwandelt, gegenübertritt und daher auch ausserhalb des Produktionsprozesses *ὀυνάμει* als spezifische Existenzweise des Kapitals erscheine. Es entwickelt sich dies weiter, wie sich zeigen wird, teils aus der allgemeinen Natur des kapitalistischen Verwertungsprozesses (der Rolle, die darin die Produktionsmittel als Aufsauger von lebendiger Arbeit spielen), teils aus der Entwicklung der spezifisch-kapitalistischen Produktionsweise (worin Maschinerie usw. zum wirklichen Herrscher über die lebendige Arbeit wird). Daher auf Grundlage des kapitalistischen Produktionsprozesses dieses *unzertrennliche Zusammenschmelzen der Gebrauchswerte*, worin das Kapital in der Form von *Produktionsmitteln* existiert, und der Bestimmung dieser Produktionsmittel, dieser *Dinge* als *Kapital*, was ein bestimmtes gesellschaftliches Produktionsverhältnis ist, grade, wie innerhalb dieser Produktionsweise den in ihr Befangenen *Produkt* an und für sich als *Ware* gilt. Dies bildet eine Basis für den Fetischismus der Politischen Oekonomen.

Zweitens: Die Produktionsmittel gehn als bestimmte *Waren*, z. B. als Baumwolle, Kohle, Spindeln usw. aus der Zirkulation in den Arbeitsprozess ein. Sie gehn in der *Gestalt des Gebrauchswerts* ein, die sie hatten, solange sie noch als Waren zirkulierten. In den Prozess eingetreten, funktionieren sie dann mit den ihren Gebrauchswerten entsprechenden, ihnen als Dingen dinglich zukommenden Eigenschaften der Baumwolle als Baumwolle etc. Es verhält sich aber anders mit dem Teil des Kapitals, den wir *variables* nennen, der aber erst durch seinen Austausch gegen *Arbeitsvermögen* in den *variablen Teil des Kapitals* wirklich verwandelt wird. Seiner realen Gestalt nach betrachtet, stellt das *Geld* — dieser Kapitalteil, den der Kapitalist im Ankauf von Arbeitsvermögen verausgabte — *nichts* dar als die auf dem *Markt befindlichen* (oder auf ihn within certain

а не капиталиста. Рассматривая рабочего с точки зрения обмена, он—то, что капиталист получает от него в процессе труда, а не то, в качестве чего капиталист выступает по отношению к нему в процессе труда. Следовательно, это составляет противоположность объективным условиям труда, которые как капитал и постольку как бытие капиталиста противопоставляются внутри самого процесса труда субъективному условию труда, самому труду или, точнее, *рабочему*, который работает. Таким образом, выходит, что как с точки зрения капиталиста, так и с точки зрения рабочего *средство производства* как бытие капитала, в качестве *капитала*, по самому существу,* противопоставляется труду, т. е. другому элементу, в который превращается авансированный капитал, и поэтому и вне процесса производства *δυνάμει* [потенциально] выступает как специфический способ существования капитала. Это дальше развивается, как обнаружится, отчасти из всеобщей природы капиталистического процесса увеличения стоимости (из роли, которую в нем играют средства производства как поглотитель живого труда), отчасти из развития специфически капиталистического способа производства (в котором машина и т. д. становится действительным властелином над живым трудом). Отсюда на основе капиталистического процесса производства это *неразрывное слияние потребительных стоимостей*, в которых капитал существует в форме *средств производства*, и назначения этих средств производства, этих *вещей*, как *капитала*, который есть определенное общественное отношение производства; точно так же как в рамках этого способа производства, для опутанных им [лиц] *продукт* сам по себе считается *товаром*. Это образует базис для фетишизма политической экономии.

Во-вторых: средства производства входят в процесс труда из процесса обращения как определенные *товары*, например, как хлопок, уголь, веретена и т. д. Они входят в него в *образе потребительной стоимости*, который они имели, пока они еще были в обращении в качестве товаров. Войдя в процесс, они затем функционируют с соответствующими их потребительным стоимостям, вещно им, как вещам, принадлежащими свойствами хлопка как хлопка и т. д. Но иначе обстоит дело с той частью капитала, которую мы называем *переменной* и которая лишь благодаря обмену ее на *способность к труду* действительно превращается в *переменную часть капитала*. Рассматриваемые по своему реальному образу, *деньги* — эта часть капитала, которую капиталист затрачивает на покупку способности к труду, — представляет *не что иное*, как *находящиеся на рынке* (или при известных условиях выброшенные на рынок)

* [Точнее: в высшей степени. *Ред.*]

terms geworfenen) *Lebensmittel*, die in die individuelle Konsumtion des Arbeiters eingehn. Das Geld ist nur die verwandelte Form dieser Lebensmittel, die der Arbeiter, sobald er es empfangen hat, rückverwandelt in Lebensmittel. Diese Verwandlung sowohl, wie dann die Konsumtion dieser Waren als Gebrauchswerte, ist ein Prozess, der *unmittelbar* nichts zu tun hat mit dem unmittelbaren Produktionsprozess, näher Arbeitsprozess, vielmehr ausserhalb denselben fällt. Der eine Teil des Kapitals und dadurch das Gesamtkapital, wird ja eben dadurch in eine *variable Grösse* verwandelt, dass statt des *Gelds*, einer konstanten Wertgrösse, oder der *Lebensmittel*, worin es sich darstellen kann, ebenfalls konstanten Wertgrössen, umgekehrt ein Element eingetauscht wird, *lebendige Arbeitsvermögen*, das wertschaffend ist und das als wertschöpfendes Element grösser oder kleiner sein kann, sich als *variable Grösse* darstellen kann, überhaupt in allen Umständen nur als eine *fliessende, werdende* — und daher within different limits enthaltne — werdende *Grösse* statt einer *gewordenen* als Faktor in den Produktionsprozess eintritt. Nun kann zwar in der Wirklichkeit der Konsum der Lebensmittel durch die Arbeiter selbst so im Arbeitsprozess einbegriffen sein (eingeschlossen sein), wie der Konsum von *matières instrumentales* durch die Maschinen z. B. in dieselben eingeschlossen ist, so dass der Arbeiter nur als von dem Kapital gekaufte Instrument erscheint, das zu seiner Funktion im Arbeitsprozess des Konsums, des Zusatzes einer gewissen Portion Lebensmittel als seiner *matières instrumentales* bedarf. Es findet dies mehr oder minder statt je nach dem Umfang und der Brutalität der Exploitation des Arbeiters. Indes ist es begrifflich nicht in dieser engen Weise (das weitere sehn wir *ad* [2])* bei der Reproduktion des ganzen Verhältnisses) in dem Kapitalverhältnis enthalten. Im Durchschnitt verzehrt der Arbeiter seine Lebensmittel während der *Unterbrechung* des unmittelbaren Arbeitsprozesses, während die *Maschine* die ihrigen *während ihres Funktionierens* verzehrt (Tier?). Dann aber, die ganze Arbeiterklasse betrachtet, wird ein Teil dieser Lebensmittel von Familiengliedern verzehrt, die noch nicht, oder nicht mehr arbeiten. In der Tat kann sich in der Praxis der Unterschied zwischen einem Arbeiter und einer Maschine auf den zwischen Tier und Maschine, quoad *matières instrumentales*, und deren Konsum reduzieren. Doch ist dies nicht notwendig und gehört daher nicht in die Begriffsbestimmung des Kapitals. Jedenfalls erscheint formell der in Arbeitslohn ausgelegte Teil des Kapitals als ein *nicht mehr* dem Kapitalisten,

* [Im Manuskript:] 3. [Siehe unsere Note S. 4. D. Red.]

средства существования, входящие в индивидуальное потребление рабочего. Деньги — лишь превращенная форма этих средств существования, которую рабочий, как только он получает деньги, вновь превращает в средства существования. Это превращение, точно так же как и последующее потребление этих товаров как потребительных стоимостей, есть процесс, который *непосредственно* не имеет ничего общего с непосредственным процессом производства, точнее, с процессом труда, а, наоборот, происходит вне последнего. Ведь одна часть капитала, а благодаря этому и совокупный капитал, именно потому превращается в *переменную величину*, что вместо *денег*, стоимости постоянной величины, или *средств существования*, в которых они могут быть представлены, тоже стоимости постоянной величины, получается напротив в обмен элемент, *живая способность к труду*, создающая стоимость, и который в качестве творящего стоимость элемента может быть больше или меньше, может представляться как переменная величина, вообще при всех обстоятельствах входит как фактор в процесс производства лишь как *текущая, становящаяся* — и поэтому содержащаяся в различных границах — становящаяся *величина*, а не уже *ставшая*. Правда, на деле само потребление средств существования рабочими может быть настолько включено (насколько заключено) в процесс труда, как заключено в машинах, например, потребление ими вспомогательных материалов, так что рабочий выступает лишь как купленный капиталом инструмент, который нуждается для своего функционирования в процессе труда в потреблении, в добавлении известного количества средств существования в качестве своих вспомогательных материалов. Это имеет место в большей или меньшей степени в зависимости от размера и жестокости эксплуатации рабочего. Однако в капиталистическом отношении это понятие не содержится в таком узком виде (дальнейшее мы видим в пункте [2]* при воспроизводстве всего отношения). В среднем рабочий потребляет свои средства к существованию во время *перерыва* непосредственного процесса труда, тогда как *машина* потребляет свои *во время ее функционирования* (животное?). Если же рассматривать весь рабочий класс, то часть этих средств существования потребляется членами семьи, которые еще не работают или уже больше не работают. На деле на практике различие между рабочим и машиной может свестись к различию между животным и машиной, в отношении вспомогательных материалов и их потребления. Однако это не необходимо и поэтому не входит в определение понятия капитала. Во всяком случае затраченная как заработная плата часть капитала выступает формально

* [В рукописи:] 3. [См. ред. примечание на стр. 5. Ред.]

sondern dem *Arbeiter* gehöriger Teil, sobald er seine reale Gestalt, die der in den Konsum des Arbeiters eingehenden Lebensmittel angenommen hat. Die *Gestalt des Gebrauchswerts*, die er also als Ware vor seinem Eingehn in den Produktionsprozess hat — als *Lebensmittel* — ist also durchaus verschieden von der Gestalt, die er annimmt *innerhalb* dieses Prozesses und welche die der sich *werktätig äussernden Arbeitskraft*, daher der lebendigen Arbeit selbst ist. Dies unterscheidet also diesen Teil des Kapitals spezifisch von dem:

464 | in der Gestalt der Produktionsmittel vorhandenen und dies ist wieder ein Grund, warum auf Grundlage der kapitalistischen Produktionsweise, die *Produktionsmittel* im eminenten Sinn und im *Unterschied* von und *Gegensatz* zu den *Lebensmitteln* als an und für sich *Kapital* erscheinen. Dieser Schein löst sich — von später zu Entwickelndem abgesehen — einfach dadurch auf, dass die *Form des Gebrauchswerts*, worin das Kapital am Schluss des Produktionsprozesses existiert, die des *Produkts* ist und dieses Produkt sowohl in der Form von *Produktionsmitteln* als *Lebensmitteln* existiert, beide also gleichmässig als *Kapital* vorhanden und daher auch im Gegensatz zum lebendigen Arbeitsvermögen vorhanden sind.

Kommen wir nun zum *Verwertungsprozess*.

Mit Bezug auf den *Tauschwert* zeigt sich wieder der Unterschied zwischen der *Ware* und dem im Verwertungsprozess begriffenen Kapital.

Der *Tauschwert* des in den Produktionsprozess eintretenden Kapitals ist kleiner als der Tauschwert des auf den Markt geworfenen oder vorgeschossenen Kapitals war — denn es ist nur der *Wert der Waren*, die als Produktionsmittel in den Prozess treten — d. h. der Wert des *konstanten* Kapitalteils, der in den Produktionsprozess als *Wert* eintritt. Statt dem *Wert* des variablen Kapitalteils haben wir jetzt die *Verwertung* als Prozess, die in actu der Verwertung begriffene Arbeit, die sich beständig als Wert realisiert, aber auch fliessend über die gesetzten Werte zu einer Wertschöpfung fortgeht.

Was nun zunächst die Erhaltung des *alten Werts* betrifft, des Wertteils des konstanten Teils, so hängt diese davon ab: dass der *Wert* der in den Prozess eintretenden Produktionsmittel nicht grösser ist als nötig, also die Waren, woraus sie bestehen, nur die zum Produktionszweck *gesellschaftlich notwendige Arbeitszeit* vergegenständlicht enthalten, z. B. die Baulichkeiten, die Maschinerie etc., und es ist dies Sache des Kapitalisten beim Einkauf dieser Produktionsmittel darauf zu sehn, dass sie die zur Bildung des Produkts dem ave-

как часть, принадлежащая *уже не* капиталисту, а *рабочему*, лишь только она принимает свой реальный образ, образ входящих в потребление рабочего средств существования. Следовательно, *образ потребительной стоимости*, который она, стало быть, имеет как товар до своего вступления в процесс производства — как *средства существования*, — совершенно отличен от образа, который она принимает *внутри* этого процесса и который есть образ *проявляющей себя в действии рабочей силы*, а потому и самого живого труда. Таким образом, это специфически отличает эту часть капитала от налич- 464 ной в форме средств производства части, и это снова служит основанием того, что на основе капиталистического способа производства *средства производства* по самому своему существу и в отличие от *средств существования* и в противоположность им выступают как сам по себе *капитал*. Эта иллюзия — оставляя в стороне подлежащее развитию позднее — распадается уже просто потому, что *форма потребительной стоимости*, в которой капитал существует в конце процесса производства, есть форма *продукта* и этот продукт существует как в форме *средств производства*, так и в форме *средств существования*; следовательно и те и другие в равной мере имеются налицо как *капитал*, стало быть имеются налицо также в противоположность к живой способности к труду.

Перейдем теперь к *процессу увеличения стоимости*.

В отношении *меновая стоимость* опять обнаруживается различие между *товаром* и находящимся в процессе увеличения стоимости капиталом.

Меновая стоимость вступающего в процесс производства капитала меньше, чем была меновая стоимость брошенного на рынок или авансированного капитала, так как это лишь *стоимость товаров*, которые входят в процесс как средства производства, т. е. стоимость *постоянной части* капитала, которая входит в процесс производства как *стоимость*. Вместо *стоимости* переменной части капитала мы имеем теперь *увеличение стоимости* как процесс, имеем находящийся *in actu* [в действии] увеличения стоимости труд, который постоянно реализуется как стоимость и который в текущем виде выходит за рамки данных стоимостей, созидая стоимость.

Что же касается прежде всего сохранения *старой стоимости*, стоимости постоянной части, то это сохранение зависит от того, что *стоимость* входящих в процесс средств производства не больше, чем необходимо, т. е. что товары, из которых они состоят, содержат в вещественном виде лишь *общественно-необходимое* для цели производства *рабочее время*, например строения, машины и т. д.; и это уже дело капиталиста при закупке этих средств производства следить за тем, чтобы они обладали соответствующей, необходимой для

rage entsprechende Güte als Gebrauchswerte haben, sei es als Rohmaterial, sei es als Maschinen etc., also mit der average Güte funktionieren und der Arbeit, dem lebendigen Faktor, keine ungewöhnlichen Hindernisse entgegenzusetzen, z. B. Güte des Rohmaterials, wozu auch gehört, dass die angewandte Maschinerie etc. nicht mehr als den average *déchet* an die Waren abgibt etc. Alles dies ist Sache des Kapitalisten. Aber ferner hängt die Erhaltung des Werts des konstanten Kapitals davon ab, dass es möglichst nur produktiv konsumiert, nicht vergeudet wird, weil sonst ein grösserer Teil vergegenständlichter Arbeit im Produkt enthalten wäre, als *gesellschaftlich notwendig* ist. Zum Teil hängt dies von den Arbeitern selbst ab, und hier beginnt die *Aufsicht des Kapitalisten*. (Durch *task work*, Lohnabzüge weiss er sich dies zu sichern). Ferner, dass die Arbeit ordentlich, zweckgemäss verrichtet wird, die Verwandlung der Produktionsmittel in Produkt sachgemäss vor sich geht, der als Zweck vorschwebende Gebrauchswert als Resultat wirklich herauskommt in *gelungener* Form. Hier tritt wieder die *Aufsicht* und *Disziplin* des Kapitalisten ein. Endlich dass der Produktionsprozess nicht gestört, nicht unterbrochen wird und wirklich zum Produkt fortgeht in der durch die Natur des Arbeitsprozesses und seiner gegenständlichen Bedingungen gegebenen Frist (Zeitraum). Es hängt dies teils von der *Kontinuität der Arbeit* ab, welche mit der kapitalistischen Produktion eintritt. Teils aber von äussern unkontrollierbaren Zufällen. In sofern tritt mit jedem Produktionsprozess ein Risiko für die in ihn eingehenden Werte ein, ein Risiko, dem sie 1) aber auch *ausserhalb* des Produktionsprozesses unterliegen und das 2) *jedem* Produktionsprozess, nicht nur dem des Kapitals, eigen ist. (Das Kapital schützt sich dagegen durch *Assoziation*. Der mit seinen eignen Produktionsmitteln arbeitende unmittelbare Produzent ist demselben Risiko unterworfen. Es ist dies nichts dem kapitalistischen Produktionsprozess Eigentümliches. Wenn in der kapitalistischen Produktion dies Risiko auf den Kapitalisten fällt, so nur weil er das Eigentum an den Produktionsmitteln usurpiert hat).

Was aber nun den lebendigen Faktor des Verwertungsprozesses betrifft, so ist 1) der *Wert* des variablen Kapitals dadurch zu erhalten, dass er ersetzt wird, reproduziert wird, d. h. dass den Produktionsmitteln ein so grosses Quantum Arbeit zugesetzt wird als der Wert des variablen Kapitals oder des Arbeitslohns betrug; 2) ein *Increment* seines Werts, Mehrwert zu schaffen, dadurch dass ein Ueberschuss von Arbeitsquantum über das im Arbeitslohn enthaltene, ein *zusätzliches Arbeitsquantum* im Produkt vergegenständlicht wird.

создания продукта средней доброкачественностью как потребительные стоимости, будь то в качестве сырья, будь то в качестве машины и т. д.; стало быть, чтобы они функционировали со средней доброкачественностью и не ставили труду, живому фактору, необычных препятствий; например — качество сырья; сюда также относится и то, чтобы применяемые машины и т. д. передавали товару не больше, чем средний износ и т. д. Все это — дело капиталиста. Далее, сохранение стоимости постоянного капитала зависит от того, чтобы он по возможности потреблялся только производительно, не расточался, потому что в ином случае в продукте содержалась бы большая часть овеществленного труда, чем это *общественно-необходимо*. Отчасти это зависит и от самих рабочих, и здесь начинается *контроль капиталиста*. (Он обеспечивает себе это путем урочной работы, вычетов из заработной платы.) Далее, чтобы работа выполнялась аккуратно, целесообразно, чтобы превращение средств производства в продукт совершалось надлежащим образом, чтобы представляющаяся как цель потребительная стоимость действительно вышла из процесса производства, как его результат, в *удачной* форме. Здесь опять выступает *контроль* и *дисциплина* капиталиста. Наконец, чтобы процесс производства не нарушался, не прерывался и действительно давал продукт в определяемый природой процесса труда и его объективными условиями срок (промежуток времени). Это зависит отчасти от *непрерывности труда*, которая возникает с капиталистическим производством. Отчасти же от внешних, не поддающихся контролю случайностей. Постольку с каждым процессом производства возникает риск для входящих в него стоимостей, риск, которому они 1) подвергаются, однако, и *вне* процесса производства и который 2) свойствен *каждому* процессу производства, не только капиталистическому. (Капитал обеспечивает себя от него путем *объединения*. Работающий при помощи своих собственных средств производства непосредственный производитель подвергается такому же риску. Это не есть нечто, свойственное только капиталистическому процессу производства. Если в капиталистическом производстве этот риск падает на капиталиста, то только потому, что он узурпировал собственность на средства производства.)

Что же касается живого фактора процесса увеличения стоимости, то 1) *стоимость* переменного капитала должна быть сохранена тем, что он возмещается, воспроизводится, т. е. что к средствам производства прилагается количество труда, равное тому, которое содержала стоимость переменного капитала или заработной платы; 2) должен быть создан *прирост* его стоимости, прибавочная стоимость, путем овеществления в продукте избыточного по сравнению с содержащимся в заработной плате количеством труда, *добавочного количества труда*.

Darin entspricht der Unterschied zwischen dem *Gebrauchswert* des vorgeschossenen Kapitals oder der Waren, worin es existiert, und der *Gestalt des Gebrauchswerts des Kapitals* im|| Arbeitsprozess, dem Unterschied zwischen dem *Tauschwert* des vorgeschossenen Kapitals und der Erscheinung des *Tauschwerts* des Kapitals im Verwertungsprozess, dass dort das Produktionsmittel, das konstante Kapital, in derselben *Gebrauchswertform* in den Prozess tritt, die die Waren, woraus es besteht, vorher hatten, während an die Stelle der fertigen *Gebrauchswerte*, woraus das variable Kapital bestand, der lebendige Faktor der in neuen Gebrauchswerten sich verwertenden Arbeitskraft, realen Arbeit tritt, und dass hier der Wert der Produktionsmittel, des konstanten Kapitals, als solcher in den Verwertungsprozess tritt, während der Wert des variablen Kapitals garnicht in denselben eintritt, sondern ersetzt wird durch die wertschöpferische Tätigkeit, als Verwertungsprozess existierende Tätigkeit des lebendigen Faktors tritt.

Damit die *Arbeitszeit* des Arbeiters im Verhältnis zu ihrer Dauer Wert setze, muss sie *gesellschaftlich notwendige Arbeitszeit* sein. D. h. der Arbeiter muss in einer bestimmten Zeit das *normal gesellschaftliche* Quantum zweckmässiger Arbeit verrichten, und der Kapitalist zwingt ihn daher, dass seine Arbeit wenigstens den normal gesellschaftlichen *Durchschnittsgrad* von Intensivität besitze. Er wird so viel wie möglich sie über dies *Minimum* zu steigern suchen und in einer gegebenen Zeit so viel Arbeit als möglich aus ihm zu extrahieren suchen, denn jede Intensivität der Arbeit über den *Durchschnittsgrad* schafft ihm Mehrwert. Er wird ferner den Arbeitsprozess so viel wie möglich zu verlängern suchen über die Schranken hinaus, die gearbeitet werden muss, um den Wert des variablen Kapitals, den Arbeitslohn, zu ersetzen. Bei gegebener Intensivität des Arbeitsprozesses wird er seine Dauer, bei gegebener Dauer desselben seine Intensivität möglichst zu vermehren streben. Der Kapitalist zwingt den Arbeiter seiner Arbeit den Normalgrad von Intensivität, womöglich einen höheren Grad zu geben und er zwingt ihn, so viel wie möglich seinen Arbeitsprozess über die zur Ersetzung des Arbeitslohns nötige Zeitdauer zu verlängern.

Durch diesen eigentümlichen Charakter des kapitalistischen Verwertungsprozesses erhält auch die *reale Gestalt* des Kapitals im Produktionsprozess, seine *Gestalt als Gebrauchswert*, weitere Modifikation. *Erstens* müssen die Produktionsmittel in einer *Masse* vorhanden sein, die hinreichend ist nicht nur für die Absorption der notwendigen Arbeit, sondern auch für die der Surplusarbeit. *Zweitens*

В этом [пункте] различие между *потребительной стоимостью* авансированного капитала или товаров, в которых он существует, и *образом потребительной стоимости капитала* в процессе труда 465 соответствует различию между *меновою стоимостью* авансированного капитала и проявлением *меновою стоимости* капитала в процессе увеличения стоимости: там средство производства, постоянный капитал, входит в процесс в той же самой *форме потребительной стоимости*, которую раньше имели составлявшие его товары, между тем как на место готовых *потребительных стоимостей*, из которых состоял переменный капитал, вступает живой фактор осуществляющейся в новых потребительных стоимостях рабочей силы, реального труда, а *здесь стоимость* средств производства, постоянного капитала, как таковая, вступает в процесс увеличения стоимости, между тем как *стоимость* переменного капитала совсем не вступает в него, а замещается создающею стоимость деятельностью, выступает в виде существующей как процесс увеличения стоимости деятельности живого фактора.

Для того, чтобы *рабочее время* рабочего создавало стоимость в соответствии с его продолжительностью, оно должно быть *общественно-необходимым рабочим временем*. Т. е. рабочий должен в течение определенного времени выполнять *нормально-общественное* количество целесообразного труда, и поэтому капиталист принуждает его к тому, чтобы его труд обладал по меньшей мере нормально-общественной *средней степенью* интенсивности. Он постарается поднять ее насколько возможно выше этого *минимума* и извлечь из рабочего в течение данного времени возможно больше труда, как так всякое повышение интенсивности труда выше *средней степени* создает ему прибавочную стоимость. Он, далее, постарается насколько возможно удлинить процесс труда за пределы того, сколько необходимо работать, чтобы возместить стоимость переменного капитала, заработную плату. При данной интенсивности процесса труда он будет стремиться по возможности увеличить его продолжительность, при данной его продолжительности — его интенсивность. Капиталист *принуждает* рабочего довести свой труд до нормальной степени интенсивности, до возможно более высокой степени, и он принуждает его насколько возможно удлинить свой трудовой процесс сверх необходимого для возмещения заработной платы времени.

Благодаря этому своеобразному характеру капиталистического процесса увеличения стоимости, дальнейшему изменению подвергается также и *реальный образ* капитала в процессе производства, его образ как *потребительной стоимости*. Во-первых, средства производства должны быть налицо в *количестве*, достаточном не только для поглощения необходимого труда, но и для поглощения

verändert sich die Intensivität und Extension des realen Arbeitsprozesses.

Die Produktionsmittel, die der Arbeiter anwendet im wirklichen Arbeitsprozess, sind zwar das Eigentum des Kapitalisten und treten seiner Arbeit, die seine eigne Lebensäußerung ist, so, wie früher entwickelt, als *Kapital* gegenüber. Aber andererseits ist er es, der sie in seiner Arbeit anwendet. Im wirklichen Arbeitsprozess *vernutzt* er die Arbeitsmittel als Leiter seiner Arbeit, und den Arbeitsgegenstand als die Materie, worin sich seine Arbeit darstellt. Er verwandelt eben dadurch die Produktionsmittel in die zweckgemässe Form des Produkts. Anders stellt sich aber die Sache vom Standpunkt des Verwertungsprozesses dar. Es ist nicht der Arbeiter, der die Produktionsmittel, sondern es sind die Produktionsmittel, die den Arbeiter anwenden. Es ist nicht die lebendige Arbeit, die sich in der gegenständlichen als ihrem objektiven Organ verwirklicht, sondern es ist die gegenständliche Arbeit, die sich durch Einsaugen der lebendigen erhält und vermehrt, und dadurch zum *sich verwertenden Wert*, zum *Kapital* wird, als solches funktioniert. Die Produktionsmittel erscheinen nur noch als *Einsauger* eines möglichst grossen Quantum lebendiger Arbeit. Die lebendige Arbeit erscheint nur noch als das Mittel der Verwertung vorhandener Werte und daher ihrer Kapitalisierung. Und abgesehen von dem früher Entwickelten, erscheinen gerade deswegen wieder die Produktionsmittel éminemment der lebendigen Arbeit gegenüber als Dasein des *Kapitals*, und zwar jetzt als Herrschaft der vergangen, toten Arbeit über die lebendige. Grade als *wertbildend* wird die lebendige Arbeit fortwährend in den Verwertungsprozess der vergegenständlichten einverleibt. Als Anstrengung, als Verausgabung von Lebenskraft, ist die Arbeit die persönliche Tätigkeit des Arbeiters. Aber als *wertbildend*, als im *Prozess ihrer Vergegenständlichung* begriffen, ist die Arbeit des Arbeiters, sobald er in den Produktionsprozess eingetreten, selbst eine *Existenzweise* des Kapitalwerts, ihm einverleibt. Diese *werterhaltende* und *Neuwert* schaffende Kraft ist daher die Kraft des Kapitals und jener Prozess erscheint als der Prozess seiner *Selbstverwertung* und vielmehr der Verarmung des Arbeiters, der den von ihm geschaffenen Wert zugleich als *ihm selbst fremden Wert* schafft.

406 || Auf Grundlage der kapitalistischen Produktion erscheint diese Fähigkeit der vergegenständlichten Arbeit, sich in *Kapital* zu verwandeln, d. h. die Produktionsmittel zu verwandeln in Mittel des Kommandos über und die Exploitation von lebendiger Arbeit, als ihnen an und

прибавочного труда. *Во-вторых*, изменяются интенсивность и длительность * реального процесса труда.

Средства производства, которые рабочий применяет в действительном процессе труда, суть, правда, собственность капиталиста и, следовательно, как было развито раньше, противостоят, как *капитал*, труду рабочего, труду, который представляет собой собственное жизненное проявление рабочего. Но, с другой стороны, именно он применяет их в своей работе. В действительном процессе труда он *потребляет* средство труда как проводник своего труда и предмет труда как материю, в которой его труд выражается. Именно благодаря этому он превращает средства производства в соответствующую данной цели форму продукта. Однако иначе представляется дело с точки зрения процесса увеличения стоимости. Не рабочий применяет средства производства, а средства производства применяют рабочего. Не живой труд осуществляется в овеществленном труде как своим объективным органе, а овеществленный труд сохраняется и увеличивается путем всасывания живого, и благодаря этому становится *стоимостью, увеличивающейся в стоимости, капиталом*, функционирует как таковой. Средства производства выступают теперь только как *поглотитель* возможно большего количества живого труда. Живой труд представляется теперь только еще как средство увеличения стоимости и поэтому как средство их капитализации. И, оставляя в стороне развитое раньше, именно поэтому средства производства по самому существу** выступают в свою очередь по отношению к живому труду как бытие *капитала*, и притом теперь как господство прошлого, мертвого труда над живым. Как раз в качестве *образующего стоимость* живой труд постоянно приобщается к процессу увеличения стоимости овеществленного труда. Как усилие, как затрата жизненной силы, труд есть личная деятельность рабочего. Но как *образующий стоимость*, как находящийся в процессе своего овеществления, труд рабочего, как только последний вступил в процесс производства, есть в свою очередь *способ существования* стоимости капитала, приобщен к ней. Эта *сохраняющая стоимость* и создающая *новую стоимость* сила есть поэтому сила капитала, и этот процесс выступает как процесс *самовозрастания* его *стоимости* и, наоборот, обнищания рабочего, который производит созданную им стоимость вместе с тем как *чуждую ему самому стоимость*.

|| На основе капиталистического производства эта способность 466 овеществленного труда превращаться в *капитал*, т. е. превращать средства производства в средства командования живым трудом и его эксплуатации, представляется свойственной им самим по себе (как

* [Также: экстенсивность, широта. *Ред.*]

** [Точнее: в высшей степени. *Ред.*]

für sich zukommend (wie sie ja *δυνάμει* damit auf dieser Basis verbunden ist), unzertrennbar von ihnen, daher als *Eigenschaft, die ihnen als Dingen, als Gebrauchswerten, als Produktionsmitteln* zukommt. Diese erscheinen daher an und für sich als *Kapital* und das Kapital daher, welches ein *bestimmtes Produktionsverhältnis* ausdrückt, ein bestimmtes gesellschaftliches Verhältnis, worin innerhalb der Produktion die Besitzer der Produktionsbedingungen zu den lebendigen Arbeitsvermögen treten als ein *Ding*, ganz wie der Wert als Eigenschaft eines Dings und die *ökonomische Bestimmung* des Dings als *Ware*, als seine dingliche Qualität erschien, ganz wie die gesellschaftliche Form, welche die Arbeit im Geld erhielt, sich als *Eigenschaften eines Dings* darstellte. 2) In der Tat ist die Herrschaft der Kapitalisten über die Arbeiter nur die Herrschaft der verselbständigten, dem Arbeiter gegenüber verselbständigten *Arbeitsbedingungen* (wozu ausser den objektiven Bedingungen des Produktionsprozesses — den *Produktionsmitteln* — auch die objektiven Bedingungen der Erhaltung und Wirksamkeit der Arbeitskraft, also die *Lebensmittel* gehören) über den *Arbeiter* selbst, obgleich dies Verhältnis sich erst verwirklicht im *wirklichen Produktionsprozess*, der wie wir gesehen, wesentlich *Produktionsprozess von Mehrwert* ist, was die Erhaltung des alten Werts einschliesst, *Selbstverwertungsprozess des vorgeschossenen Kapitals* ist. In der Zirkulation treten sich Kapitalist und Arbeiter nur als *Warenverkäufer* gegenüber, aber durch die spezifisch polarische Natur der Sorten von Waren, die sie einander verkaufen, tritt der Arbeiter notwendig in den Produktionsprozess ein als Bestandteil des *Gebrauchswerts*, des *realen Daseins*, und des *Wertdaseins* des Kapitals, obgleich sich erst *innerhalb* des Produktionsprozesses dies Verhältnis verwirklicht und der als Käufer von Arbeit nur *δυνάμει* existierende Kapitalist erst zum *wirklichen Kapitalisten* wird, wenn der durch den Verkauf seines Arbeitsvermögens *eventualiter* in *Lohnarbeiter* verwandelte Arbeiter in jenem Prozess erst *wirklich* unter das Kommando des Kapitals tritt. Die *Funktionen*, die der Kapitalist ausübt, sind nur die mit *Bewusstsein* und *Willen* ausgeübten Funktionen des Kapitals — des sich verwertenden Werts durch Einsaugung der lebendigen Arbeit — selbst. Der Kapitalist funktioniert nur als *personifiziertes Kapital*, das Kapital als Person, wie der Arbeiter nur als die personifizierte *Arbeit*, die ihm als Qual, als Anstrengung, die aber dem Kapitalisten als Reichtum schaffende und vermehrende Substanz gehört, wie sie als solche in der Tat als dem Kapital im Produktionsprozess einverleibtes Element, sein lebendiger, variabler Faktor erscheint. Die Herrschaft des

она уже *donnée* [потенциально] связана с этим на этой основе), неотделимой от них; стало быть, *свойством*, принадлежащим *им как вещам, как потребительным стоимостям, как средствам производства*. Последние представляются поэтому сами по себе как *капитал*, а отсюда капитал, выражающий *определенное отношение производства*, определенное общественное отношение, в которое внутри производства владельцы условий производства вступают к живой способности к труду, — представляется как *вещь*, совершенно так же, как стоимость представлялась как свойства вещи, а *экономическое определение* вещи как *товара* — как его вещное качество, совершенно так же, как общественная форма, которую труд получал в деньгах, представлялась как свойства вещи. 2) На деле — господство капиталиста над рабочим есть только господство над самим *рабочим* ставших самостоятельными по отношению к рабочему *условий труда* (к которым, кроме объективных условий процесса производства — *средств производства*, — принадлежат также объективные условия сохранения и действительности рабочей силы, т. е. *средства существования*), хотя это отношение осуществляется лишь в *действительном процессе производства*, который, как мы видели, есть по существу своему *процесс производства прибавочной стоимости*, что включает сохранение старой стоимости, есть *процесс самовозрастания стоимости авансированного капитала*. В обращении капиталист и рабочий противостоят друг другу только как *продавцы товаров*, однако благодаря специфически противоположной природе сортов товаров, которые они друг другу продают, рабочий неизбежно вступает в процесс производства как составная часть *потребительной стоимости, реального бытия и стоимостного бытия* капитала, хотя это отношение осуществляется лишь *внутри* процесса производства, и капиталист, как покупатель труда существующий лишь *donnée* [потенциально], становится *действительным капиталистом* только тогда, когда рабочий, превратившийся *eventualiter* [*при случае*] благодаря продаже своей способности к труду в наемного рабочего, лишь в этом процессе *действительно* вступает под команду капитала. *Функции*, выполняемые капиталистом, это только с *сознанием* и *волей* выполняемые функции самого капитала, — стоимости, увеличивающей свою стоимость путем всасывания живого труда. Капиталист функционирует только как *олицетворенный капитал*, капитал как личность, подобно тому как рабочий — лишь как олицетворенный *труд*, который для него только мука, напряжение, капиталисту же принадлежит как создающая и умножающая богатство субстанция, каковой он представляется на деле, как приобщенный в процессе производства к *капитал элемент*, его живой, переменный фактор. Господство капиталиста над рабочим есть

Kapitalisten über den Arbeiter ist daher die Herrschaft der Sache über den Menschen, der toten Arbeit über die lebendige, des Produkts über den Produzenten, da ja in der Tat die Waren, die zu Herrschaftsmitteln (aber bloss als Mittel der Herrschaft des *Kapitals* selbst) über die Arbeiter werden, bloss Resultate des Produktionsprozesses, *die* Produkte desselben sind. Es ist dies ganz *dasselbe* Verhältnis in der materiellen Produktion, im wirklichen Gesellschaftlichen Lebensprozess — denn dies ist der Produktionsprozess — welches sich auf dem ideologischen Gebiet in der *Religion* darstellt, die Verkehrung des Subjekts in das Objekt und umgekehrt. *Historisch* betrachtet erscheint diese Verkehrung als der notwendige Durchgangspunkt, um die Schöpfung des Reichtums als solchen, d. h. der rücksichtslosen Produktivkräfte der gesellschaftlichen Arbeit, welche allein die materielle Basis einer freien menschlichen Gesellschaft bilden können, auf Kosten der Mehrzahl zu erzwingen. Es muss durch diese gegensätzliche Form durchgegangen werden, ganz wie der Mensch seine Geisteskräfte zunächst sich als unabhängige Mächte gegenüber religiös gestalten muss. Es ist der *Entfremdungsprozess* seiner eigenen Arbeit. Insofern steht hier der Arbeiter von vornherein höher als der Kapitalist, als der letztere in jenem Entfremdungsprozess wurzelt und in ihm seine absolute Befriedigung findet, während der Arbeiter als sein Opfer von vorn herein dagegen in einem rebellischen Verhältnis steht und ihn als Knechtungsprozess empfindet. Soweit der Produktionsprozess zugleich wirklicher Arbeitsprozess ist und der Kapitalist als *Aufseher* und *Leiter* desselben eine Funktion in der wirklichen Produktion zu verrichten hat, bekommt
 467 seine Tätigkeit|| in der Tat einen spezifischen, mannigfaltigen Inhalt. Aber der *Arbeitsprozess* selbst erscheint nur als *Mittel* des *Verwertungsprozesses*, ganz wie der Gebrauchswert des Produkts nur als Träger seines Tauschwertes. Die Selbstverwertung des Kapitals — die Schöpfung von Mehrwert — ist also der bestimmende, beherrschende und übergreifende Zweck des Kapitalisten, der absolute Trieb und Inhalt seines Tuns, in der Tat nur der rationalisierte Trieb und Zweck des Schatzbildners, — ein durchaus armseliger und abstrakter Inhalt, der den Kapitalisten von einer andern Seite ganz ebenso sehr unter der Knechtschaft des Kapitalverhältnisses erscheinen lässt, wenn auch von anderer Seite her, auf dem entgegengesetzten Pol, als den Arbeiter.

Das ursprüngliche Verhältnis, worin der would be capitalist Arbeit kauft (nach Ch. IV können wir so sagen statt Arbeitsvermögen):

поэтому господство вещи над человеком, мертвого труда над живым, продукта над производителем, так как ведь на деле товары, которые становятся средством господства над рабочими (но только как средство господства самого *капитала*), суть лишь результаты процесса производства, его продукты. Это совершенно *то же самое* отношение в материальном производстве, в действительном процессе общественной жизни — ибо как раз этим является процесс производства, — какое представляется в идеологической области в *религии* — превращение* субъекта в объект и наоборот. Рассматриваемое *исторически*, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы насильственно добиться за счет большинства создания богатства, как такового, т. е. создания неограниченных производительных сил общественного труда, которые одни могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо пройти через эту содержащую противоположности форму совершенно так же, как человек должен первоначально в своем религиозном сознании противопоставлять себе свои духовные силы как независимые силы. Это — *процесс отчуждения* его собственного труда. Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, постольку, поскольку последний уходит корнями в тот процесс отчуждения и находит в нем абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения. Поскольку процесс производства есть вместе с тем действительный процесс труда и капиталист как *надсмотрщик и руководитель* последнего должен выполнять определенную функцию в действительном производстве, его деятельность получает || на деле специфическое, разнообразное 467 содержание. Но самый *процесс труда* выступает лишь *средством процесса увеличения стоимости*, совершенно так же, как потребительная стоимость продукта — лишь носителем его меновой стоимости. Самовозрастание стоимости капитала, создание прибавочной стоимости есть, следовательно, определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, абсолютное стремление и содержание его деятельности, на деле лишь рационализированное стремление и цель собирателя сокровищ, совершенно убогое и абстрактное содержание, которое заставляет капиталиста, с другой стороны, выступать под рабством капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и с другой стороны — на противоположном полюсе.

Первоначальное отношение, в котором будущий капиталист покупает труд (после главы IV мы можем сказать так вместо: способность

* [Точнее: извращение. Ред.]

vom Arbeiter, um einen Geldwert zu kapitalisieren, und der Arbeiter die Disposition über sein Arbeitsvermögen, seine Arbeit verkauft, um sein Leben zu fristen, ist die notwendige Einleitung und Bedingung — enthält an sich in sich — das nun im wirklichen Produktionsprozess entwickelte Verhältnis, worin der Warenbesitzer zum capitalist, zum personifizierten Kapital und der Arbeiter zur blossen Personifikation der Arbeit für das Kapital wird. Wie jenes erste Verhältnis, worin beide sich scheinbar als *Warenbesitzer* gegenüberreten, die Voraussetzung, so ist es, wie wir später sehn werden, das Resultat und Produkt des kapitalistischen Produktionsprozesses. Aber danach müssen beide Akte auseinandergehalten werden. Der erste gehört der Zirkulation an. Der zweite entwickelt sich auf Basis des ersten erst im wirklichen Produktionsprozess.

Der Produktionsprozess ist *unmittelbare* Einheit von Arbeitsprozess und Verwertungsprozess, wie sein unmittelbares Resultat, die Ware, *unmittelbare* Einheit von Gebrauchswert und Tauschwert ist. Aber der Arbeitsprozess ist nur Mittel des Verwertungsprozesses und der Verwertungsprozess ist als solcher wesentlich *Produktion von Mehrwert*, d. h. *Vergegenständlichungsprozess unbezahlter Arbeit*. Dadurch ist der Gesamtcharakter des Produktionsprozesses spezifisch bestimmt.

Wenn wir den Produktionsprozess unter zwei verschiedenen Gesichtspunkten betrachten 1) als *Arbeitsprozess*, 2) als *Verwertungsprozess*, so liegt schon darin, dass er nur ein einziger, unteilbarer Arbeitsprozess ist. Es wird nicht doppelt gearbeitet, einmal um ein zweckgemässes Produkt, einen Gebrauchswert zu schaffen, die Produktionsmittel in Produkte zu *verwandeln*, und das andermal, um *Wert* und *Mehrwert* zu schaffen, um den *Wert* zu *verwerten*. Die Arbeit wird nur in ihrer bestimmten, konkreten, spezifischen Form, Weise, Existenzweise zugesetzt, worin sie die zweckbestimmte Tätigkeit ist, die die Produktionsmittel in ein bestimmtes Produkt, Spindel und Baumwolle z. B. in *Garn*, verwandelt. Es ist nur Spinnarbeit etc., die zugesetzt wird und die durch ihre Zusetzung fortwährend mehr Garn produziert. Wertsetzend ist diese *reale* Arbeit, soweit sie einen normalen bestimmten Grad von Intensivität besitzt (oder nur *zählt*, soweit sie ihn besitzt) und soweit diese *reale Arbeit* von gegebener Intensivität in bestimmten, durch die Zeit gemessenen Quantitäten, sich im Produkt materialisiert. *Hörte der Arbeitsprozess auf* bei dem Punkt, wo das Quantum der in der Form des Spinnens etc. zugesetzten Arbeit = dem Quantum der im Arbeitslohn enthaltenen Arbeit, so würde kein

к труду) у рабочего, чтобы капитализировать денежную стоимость, а рабочий продает распоряжение своей способностью к труду, свой труд, чтобы влечить свое существование, есть необходимое введение и условие — содержит само по себе в себе — развившееся теперь в действительном процессе производства отношение, в котором владелец товаров становится капиталистом, олицетворенным капиталом, а рабочий простым олицетворением труда для капитала. Подобно тому, как то первое отношение, в котором оба по видимости противостояли друг другу как *товаровладельцы*, есть предпосылка, оно так же, как мы увидим позднее, есть результат и продукт капиталистического способа производства. Однако оба акта должны быть различаемы. Первый относится к обращению. Второй развивается на базе первого только в действительном процессе производства.

Процесс производства есть *непосредственное* единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, равно как его непосредственный результат, товар, есть *непосредственное* единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Но процесс труда есть только средство процесса увеличения стоимости, и процесс увеличения стоимости как таковой по существу есть *производство прибавочной стоимости*, т.е. *процесс овеществления неоплаченного труда*. Этим специфически определяется весь характер процесса производства.

Когда мы рассматриваем процесс производства с двух различных точек зрения, — 1) как *процесс труда*, 2) как *процесс увеличения стоимости*, — то здесь уже заложено, что он есть только единый неделимый процесс труда. Труд не затрачивается дважды, — один раз, чтобы произвести соответствующий данной цели продукт, потребительную стоимость, чтобы *превратить* средства производства в продукты, и другой раз, чтобы создать *стоимость и прибавочную стоимость*, чтобы *увеличить стоимость*. Труд присоединяется лишь в его определенной, конкретной, специфической форме, виде, способе существования, в которой он есть направленная к определенной цели деятельность, которая превращает средства производства в определенный продукт, например веретена и хлопок в *пряжу*. Присоединяется лишь труд прядильщика и т. д., который благодаря своему присоединению непрерывно производит все более пряжи. Создающим стоимость является этот *реальный* труд поскольку он имеет нормальную определенную степень интенсивности (или *принимается в расчет* лишь поскольку он ее имеет) и поскольку этот *реальный* труд данной интенсивности материализуется в продукте в определенных, измеряемых временем количествах. *Если бы процесс труда остановился* на той точке, где количество присоединенного в форме прядения и т. д. труда равно количеству труда, содержащемуся в заработной плате, то не было бы

Mehrwert produziert. Der *Mehrwert* stellt sich daher auch dar in einem *Mehrprodukt*, hier als Quantum Garn überschüssig über das Quantum, dessen Wert = dem Wert des Arbeitslohns. Als Verwertungsprozess erscheint der Arbeitsprozess daher dadurch, dass die in ihm zugesetzte konkrete Arbeit ein Quantum *gesellschaftlich notwendiger Arbeit* ist (durch seine Intensivität), = einem gewissen Quantum gesellschaftlicher Durchschnittsarbeit gesetzt ist und dadurch, dass dies Quantum ausser dem im Arbeitslohn enthaltenen ein *zuschüssiges* Quantum darstellt. Es ist die *quantitative* Berechnung der besonderen konkreten Arbeit als *notwendiger gesellschaftlicher Durchschnittsarbeit*, eine Berechnung, der aber das reale Moment erstens der normalen Intensivität der Arbeit (dass zur Herstellung eines bestimmten Quantums Produkts nur die dazu gesellschaftlich notwendige Arbeitszeit verwandt wird) und der Verlängerung des Arbeitsprozesses über seine zum Ersatz des Werts des variablen Kapitals notwendige *Dauer* entspricht.

468 ¶ Aus dem früher Entwickelten folgt, dass der Ausdruck «*vergegenständlichte Arbeit*» und der Gegensatz von *Kapital* als *vergegenständlichter Arbeit* zur *lebendigen Arbeit* grosser Missdeutung fähig ist.

Ich habe bereits früher ³ gezeigt, dass die Analyse der Ware auf «*Arbeit*» bei allen bisherigen Oekonomen zweideutig und unvollständig ist. Es genügt nicht sie auf «*Arbeit*» zu reduzieren, sondern auf *Arbeit* in der Doppelform, worin sie sich einerseits als *konkrete Arbeit* im *Gebrauchswert der Waren* darstellt, andererseits als *gesellschaftlich notwendige Arbeit* im *Tauschwert* berechnet wird. Vom ersten Gesichtspunkt hängt alles von ihrem besonderen Gebrauchswert, ihrem spezifischen Charakter ab, der eben dem von ihr geschaffenen Gebrauchswert den spezifischen Stempel aufdrückt und ihn zu einem konkreten Gebrauchswert im Unterschied von andern, zu diesem bestimmten Artikel macht. Dagegen wird von ihrer besondern Nützlichkeit, ihrer bestimmten Natur und Art und Weise ganz und gar abstrahiert, soweit sie als *Wertbildendes Element* berechnet und die Ware als ihre *Vergegenständlichung* berechnet wird. Als solche ist sie unterschiedlose, *gesellschaftlich notwendige, allgemeine Arbeit*, ganz und gar gleichgültig gegen jeden besonderen Inhalt, weshalb [sie] auch an ihrem selbständigen Ausdruck, dem *Geld*, an der Ware als *Preis*, einen allen Waren gemeinschaftlichen und nur durch Quantität unterscheidbaren Ausdruck

³ Ohne die Verwirrung war überhaupt der Streit nicht möglich, ob ausser der Arbeit nicht auch die Natur zum Produkt kontribuieren. Dies bezieht sich nur auf die *konkrete Arbeit*.

произведено прибавочной стоимости. *Прибавочная стоимость* поэтому ипредставляется в *прибавочном продукте*, в данном случае как количество пряжи, составляющее излишек сверх того количества, стоимость которого равна стоимости заработной платы. Поэтому процесс труда выступает как процесс увеличения стоимости благодаря тому, что присоединяемый в его ходе конкретный труд есть количество *общественно-необходимого труда* (благодаря его интенсивности) и полагается равным известному количеству среднего общественного труда, и благодаря тому, что это количество представляет, кроме заключенного в заработной плате, *добавочное* количество. Это есть *количественное* исчисление особенного конкретного труда как *необходимого общественного среднего труда*, исчисление, которому, однако, соответствует реальный момент, во-первых, нормальной интенсивности труда (то, что для производства определенного количества продукта применяется лишь общественно-необходимое для этого рабочее время) и удлинения процесса труда за пределы его необходимой для возмещения стоимости переменного капитала *продолжительности*.

|| Из ранее развитого следует, что выражение «овеществленный 468 труд» и противопоставление *капитала* как *овеществленного труда живому труду* способны вызвать грубые ошибки в истолковании.

Я уже ранее³ показал, что анализ товара, сводящий его к «*труду*», у всех предшествующих экономистов двусмыслен и неполон. Недостаточно свести товар к «*труду*», а необходимо свести его к *труду* в двоякой форме, в которой он, с одной стороны, как *конкретный труд*, выражается в *потребительной стоимости товара*, а с другой стороны, как *общественно-необходимый труд*, исчисляется в *меново́й стоимости*. С первой точки зрения все зависит от его особой потребительной стоимости, от его специфического характера, который именно накладывает специфическую печать на созданную им потребительную стоимость и делает ее конкретной потребительной стоимостью в отличие от других, делает ее данным определенным предметом. Напротив, особая полезность товара, его определенная природа и характер остаются совершенно в стороне, поскольку труд принимается в расчет как *создающий стоимость* элемент, а товар — как его овещствление. В качестве такового труд есть безразличный, *общественно-необходимый всеобщий* труд, совершенно равнодушный ко всякому особому содержанию, почему он и получает в своем самостоятельном выражении, в *деньгах*, в *цене* товара, общее всем товарам и различающееся только по

³ Без этого смешения не был бы вообще возможен спор о том, не содействует ли кроме труда также природа образованию продукта. Это относится только к *конкретному* труду.

erhält. Nach der ersten Seite stellt sich die Sache im bestimmten *Gebrauchswert* der Ware, ihrer bestimmten *dinglichen Existenz*, nach der zweiten im *Geld* dar, ob dies nun als Geld, oder als blosses Rechengeld im Preise der Ware existiere. Nach der ersten Seite handelt es sich ausschliesslich um die *Qualität*, nach der zweiten bloss um die *Quantität* der Arbeit. Nach der ersten Seite stellt sich der Unterschied der konkreten Arbeit in der Teilung der Arbeit, nach der zweiten in ihrem unterschiedlosen Geldausdruck dar. Innerhalb des Produktionsprozesses nun tritt uns dieser Unterschied *aktiv* entgegen. Es sind nicht mehr wir, die ihn machen, sondern er wird im Produktionsprozess selbst gemacht.

Der Unterschied von *vergegenständlichter Arbeit* und *lebendiger* stellt sich im *realen Arbeitsprozess* dar. Die Produktionsmittel, z. B. Baumwolle und Spindel etc., sind Produkte, Gebrauchswerte, worin bestimmte nützliche, konkrete Arbeiten, Maschinenbau, Baumwollpflanzen usw. *verkörpert* sind, während die *Spinnarbeit* im Prozess als eine von den in den Produktionsmitteln enthaltenen Arbeiten nicht nur spezifisch verschiedene Arbeit erscheint, sondern als lebendige Arbeit, sich erst verwirklichende und ihr Produkt beständig von sich abstossende Arbeit im Gegensatz zu jenen bereits in ihren eigentümlichen Produkten vergegenständlichten Arbeiten erscheint. Auch von diesem Standpunkt aus stellt sich ein Gegensatz zwischen der einen Seite als vorhandenem Dasein des Kapitals und der lebendigen Arbeit als zunächst Lebensausgabe des Arbeiters dar. Ferner im Arbeitsprozess tritt die vergegenständlichte Arbeit als das *gegenständliche Moment*, Element, für die *Verwirklichung der lebendigen Arbeit* auf.

Ganz anders jedoch erscheint die Sache, sobald der Verwertungsprozess, die Bildung und Schaffung von Neuwert betrachtet wird.

Die Arbeit, die hier enthalten ist in den Produktionsmitteln, ist ein *bestimmtes Quantum allgemeiner gesellschaftlicher Arbeit* und stellt sich daher dar in einer gewissen *Wertgrösse* oder *Geldsumme*, in fact dem *Preise* dieser Produktionsmittel dar. Die Arbeit, die zugesetzt wird, ist ein *bestimmtes zusätzliches Quantum allgemeiner gesellschaftlicher Arbeit* und stellt sich dar als zusätzliche *Wertgrösse* und *Geldsumme*. Die in den Produktionsmitteln bereits enthaltene Arbeit ist dieselbe wie die neu zugesetzte. Sie unterscheiden sich nur dadurch, dass die eine *vergegenständlicht* ist in Gebrauchswerten und die andre im Prozess dieser *Vergegenständlichung* begriffen, die eine vergangen, die andre gegenwärtig, die eine tot, die andre lebendig, die eine *vergegenständlicht* im Perfektum, die andre sich *vergegenständlichend* im Präsens

количеству выражение. С первой стороны дело представляется в определенной *потребительной стоимости* товара, в его определенном *вещном существовании*, со второй — в *деньгах*, — существуют ли последние в виде денег или только в виде счетных денег в цене товара. С первой стороны дело идет исключительно о *качестве*, со второй — только о *количестве* труда. С первой стороны различие конкретного труда представляется в разделении труда, со второй — в безразличном денежном выражении труда. Внутри процесса производства это различие выступает перед нами *активно*. Уже не мы его делаем, а оно само делается в процессе производства.

Различие между *овеществленным трудом* и *живым* выступает в *реальном процессе труда*. Средства производства, например хлопок и веретена и т. д., это — продукты, потребительные стоимости, в которых *воплощены* определенные полезные, конкретные виды труда: машиностроение, посадка хлопка и т. д., между тем как *труд прядильщика* выступает в этом процессе не только как труд, специфически отличающийся от других видов труда, содержащихся в средствах производства, но и как живой труд, как еще лишь осуществляющийся труд, постоянно отталкивающий от себя свой продукт в противоположность тем видам труда, уже овеществленным в их своеобразных продуктах. И с этой точки зрения обнаруживается противоположность между одной стороной, как наличным бытием капитала, и [другой], живым трудом, как затратой жизненных сил рабочего прежде всего. Далее в процессе труда овеществленный труд выступает как *вещный момент*, как элемент * для *осуществления живого труда*.

Совершенно иначе, однако, представляется дело при рассмотрении процесса увеличения стоимости, образования и созидания новой стоимости.

Здесь труд, содержащийся в средствах производства, есть *определенное количество всеобщего общественного труда* и выражается поэтому в *стоимости известной величины* или в *денежной сумме*, фактически в *цене* этих средств производства. Труд, который присоединяется, есть *определенное добавочное количество всеобщего общественного труда* и выражается как *добавочная величина стоимости* или *денежная сумма*. Труд, уже содержащийся в средствах производства, аналогичен вновь присоединенному. Они различаются лишь тем, что один *овеществлен* в потребительных стоимостях, а другой находится в процессе этого *овеществления*, один — прошлый труд, другой — настоящий, один мертвый, другой живой, один *овеществлен* в прошлом времени, другой *овеществляется* в настоящее время.

* [Т. е. как основа, предпосылка. Ред.]

ist. Im Umfang, worin die vergangene Arbeit lebendige ersetzt, wird sie selbst ein Prozess, *verwertet sie sich*, wird sie ein Fluens, das eine Fluxion schafft. Dieses ihr Einsaugen zusätzlicher lebendiger Arbeit ist ihr *Selbstverwertungsprozess*, ihre wirkliche *Verwandlung* 469 *in Kapital*, || in sich selbst verwertenden Wert, ihre Verwandlung aus einer *konstanten Wertgrösse* in eine *variable* und *prozessierende* Wertgrösse. Allerdings kann diese zusätzliche Arbeit nur in der Gestalt konkreter Arbeit und daher den Produktionsmitteln nur in ihrer spezifischen Gestalt als besonderen Gebrauchswerten zugesetzt werden und wird auch der in diesen Produktionsmitteln enthaltene Wert nur durch ihren Konsum als Arbeitsmittel durch die konkrete Arbeit *erhalten*. Dies schliesst jedoch nicht aus, dass der *vorhandene Wert*, die in den Produktionsmitteln *vergegenständlichte* Arbeit sich nicht nur über ihr eignes Quantum, sondern auch über das Quantum der im variablen Kapital vergegenständlichten Arbeit einzig und allein vermehrt, und in dem Grade vermehrt, als sie lebendige Arbeit einsaugt, und diese sich selbst vergegenständlicht als *Geld*, als *allgemein gesellschaftliche Arbeit*. Es ist daher eminently in diesem Sinn, — der sich auf den *Verwertungsprozess*, den eigentlichen Zweck der kapitalistischen Produktion bezieht — dass das Kapital als *vergegenständlichte* Arbeit (accumulated labour, pre-existent labour and so forth) der *lebendigen* Arbeit (immediate labour etc.) gegenübertritt und von den Oekonomen gegenübergestellt wird. Doch fallen sie hier beständig in Widersprüche und Zweideutigkeit — selbst Ricardo — weil sie die Analyse der Ware auf Arbeit in Doppelform nicht klar herausgearbeitet haben.

Durch den ursprünglichen Austauschprozess zwischen Kapitalist und Arbeiter — als Warenbesitzer — tritt nur der lebendige Faktor, das Arbeitsvermögen, als ein Moment der realen Gestalt des Kapitals in den Produktionsprozess ein. Aber erst im Produktionsprozess selbst verwandelt sich die *vergegenständlichte* Arbeit durch Einsaugung der lebendigen Arbeit in *Kapital* und *verwandelt sich daher die Arbeit in Kapital*. *

* [Hier machte Marx den Vermerk:] Note [und folgenden Hinweis:]

Das von P. 96 bis 107 unter der Rubrik: «*Der unmittelbare Produktionsprozess*» Beigebrachte, gehört hierher, ist mit dem vorherigen to blend und beides durch einander to rectify. Ditto gehört hierher p. 262—64 dieses Buchs. Gemäss dieser Anweisung bringen wir die beiden erwähnten Abschnitte an dieser Stelle. Aenderungen («beides durch einander to rectify») wurden nicht vorgenommen. Die einzufügenden Seiten (ursprünglich S. 96—107) wurden von Marx nachträglich unnummeriert in 469a—469 m. Der einzufügende Text, auf S. 469a (96) befindlich, beginnt mit einem von Marx ausgemerzten (vierfach schräg durchgestrichenen Absatz, der eine Fortsetzung des Textes der uns nicht vorliegenden ursprünglichen Seiten 1—95 bildete. Am Kopf der Seite schrieb Marx:] *Das ge-*

В том объеме, в каком прошлый труд замещает живой, он сам становится процессом, *увеличивается в стоимости*, становится флюэнтной, которая создает флюксию. * Это всасывание им добавочного живого труда есть процесс *увеличения им своей стоимости*, его действительное превращение в капитал, || в самовозрастающую стоимость, его пре- 469
вращение из *постоянной величины стоимости* в переменную и *протекающую в виде процесса* величину стоимости. Конечно, этот добавочный труд может быть присоединен лишь в образе конкретного труда и поэтому может быть присоединен к средствам производства лишь в их специфическом образе, как особых потребительных стоимостей, и содержащаяся в этих средствах производства стоимость равным образом *сохраняется* только благодаря их потреблению, как средств труда, конкретным трудом. Это не исключает, однако, того, что *наличная стоимость*, *овеществленный* в средствах производства труд, увеличивается не только сверх своего собственного количества, но также сверх количества овеществленного в переменном капитале труда, увеличивается лишь постольку и в той степени, поскольку и в какой степени он всасывает живой труд и этот последний в свою очередь овеществляется как *деньги*, как *всеобщий общественный труд*. Поэтому преимущественно в этом смысле — в отношении *процесса увеличения стоимости*, подлинной цели капиталистического производства, — капитал как *овеществленный труд* (накопленный труд, ранее существовавший труд и т. д.) противостоит *живому* труду (непосредственному труду и т. д.) и противопоставляется ему экономистами. Однако они здесь постоянно впадают в противоречия и двусмысленность — это [относится] даже [к] Рикардо, — так как они не выработали ясно анализа товара как продукта труда в двойственной форме.

Лишь благодаря первоначальному процессу обмена между капиталистом и рабочим — как товаровладельцами — живой фактор, способность к труду, вступает в процесс производства как момент реального образа капитала. Но лишь в самом процессе производства *овеществленный труд* путем всасывания живого труда превращается в *капитал*, и таким образом *труд превращается в капитал* **.

* [См. ред. примечание на стр. 7. Ред.]

** [Здесь Маркс написал слово:] *Примечание* [и сделал следующее указание:] Изложенное на стр. 96—107 под рубрикой «*Непосредственный процесс производства*» относится сюда; это следует соединить с предыдущим и то и другое выправить. Сюда относятся также стр. 262—264 этой книги. [Согласно этому указанию мы помещаем в данном месте указанные Марксом тексты; изменений в тексте здесь не сделано; страницы вставки, первоначально имевшие нумерацию с 96 по 107, были затем перенумерованы Марксом в стр. 469а—469m. Первая страница вставки (стр. 469а) начинается с зачеркнутого Марксом абзаца, составляющего продолжение предыдущего текста, которым мы не располагаем. Наверху страницы Марксом написано:] Это относится к стр. 496 [описка —

469a || Der kapitalistische Produktionsprozess ist Einheit von Arbeitsprozess und Verwertungsprozess. Um Geld in Kapital zu verwandeln, wird es in Waren verwandelt, welche *Faktoren des Arbeitsprozesses* bilden. Man muss mit dem Geld erst *Arbeitsvermögen* und zweitens *Sachen kaufen*, ohne die Arbeitsvermögen nicht *verbraucht* werden, d. h. nicht *arbeiten* kann. Innerhalb des *Arbeitsprozesses* haben diese Sachen keinen Sinn ausser als *Lebensmittel der Arbeit*, *Gebrauchswerte der Arbeit* zu dienen — in Bezug auf die lebendige Arbeit selbst ihr Material und Mittel, in Bezug auf das Produkt der Arbeit seine Produktionsmittel, in Bezug darauf, dass diese Produktionsmittel selbst schon Produkte sind, Produkte als Produktionsmittel eines neuen Produkts. Aber diese Sachen spielen diese Rolle nicht im Arbeitsprozess, weil der Kapitalist sie kauft, weil sie die verwandelte Form seines Geldes sind, sondern er kauft sie umgekehrt, weil sie diese Rolle im Arbeitsprozess spielen. Für den Spinnprozess als solchen ist es z. B. gleichgültig, dass Baumwolle und Spindel das Geld des Kapitalisten, also *Kapital vorstellen*, dass das verausgabte Geld seiner Bestimmung nach Kapital ist. Arbeitsmaterial und Arbeitsmittel werden sie nur in der Hand des arbeitenden Spinners, und sie werden es dadurch, dass er spinnt, nicht weil er Baumwolle, die einer andern Person gehört, mit einer Spindel, die derselben andern Person gehört, in Garn für dieselbe andre Person verspinnt. Dadurch, dass Waren im Arbeitsprozess verbraucht oder produktiv konsumiert werden, werden sie nicht Kapital, sondern Elemente des Arbeitsprozesses. Sofern diese gegenständlichen Elemente des Arbeitsprozesses vom Kapitalisten gekauft sind, stellen sie sein Kapital vor. Aber dies gilt auch von der Arbeit. Sie stellt auch sein Kapital vor, denn dem Käufer des Arbeitsvermögens gehört die Arbeit ebensowohl wie die von ihm gekauften gegenständlichen Bedingungen der Arbeit. Und nicht nur die einzelnen Elemente des

hört zu p. 496 [(irrtümlich für: p. 469). Der auf den getilgten Absatz folgende nicht durchgestrichene Text trägt die in diesem Zusammenhang hinfällige Ueberschrift:] 6. *Der unmittelbare Produktionsprozess.*

[Der Text des ausgemerzten Absatzes lautet:]

[469a] [...]denn das Kapital, womit das Arbeitsvermögen gekauft wird, besteht in der Tat in Lebensmitteln, obgleich diese Lebensmittel dem Arbeiter vermitteltst des Geldes übermacht werden. Er könnte auch mit den Anhängern des Monetarsystems auf die Frage, was ist Kapital? antworten, *Kapital ist Geld*, denn wenn das Kapital im Arbeitsprozess stofflich in der Form von Rohmaterialien, Arbeitsinstrumenten usw. existiert, existiert es im Zirkulationsprozess in der Form von Geld. So hätte ein antiker Oekonom auf die Frage, was ist ein Arbeiter? mit derselben Logik antworten müssen: Ein Arbeiter ist ein Sklave (weil der Sklave der Arbeiter des antiken Arbeitsprozesses war). [D. Red.]

Капиталистический процесс производства есть единство про- 469а
 цесса труда и процесса увеличения стоимости. Чтобы превратить
 деньги в капитал, их превращают в товары, составляющие *факторы*
процесса труда. На деньги необходимо купить, во-первых, *способ-*
ность к труду и, во-вторых, *вещи*, без которых способность к труду
 не может быть *потреблена*, т. е. не может *работать*. Внутри *процесса*
труда эти вещи не имеют другого значения, кроме того, чтобы слу-
 жить *средствами существования труда, потребительными стоимо-*
стями труда, — в отношении к самому живому труду его материалом и
 средством, в отношении к продукту труда его средствами производ-
 ства, в отношении к тому, что эти средства производства сами уже
 продукты, — продуктами, являющимися средствами производства
 нового продукта. Но эти вещи играют эту роль в процессе производ-
 ства не потому, что капиталист их покупает, что они суть превращен-
 ная форма его денег, а, наоборот, он их покупает именно потому, что
 они играют эту роль в процессе труда. Например, для процесса пря-
 дения, как такового, безразлично, что хлопок и веретена *предста-*
вляют деньги капиталиста, следовательно *капитал*, что затрачен-
 ные деньги по своему назначению суть капитал. Материалом труда
 и средством труда они становятся лишь в руках работающего пря-
 дильщика, и становятся таковыми благодаря тому, что он прядет, а не
 потому, что он из хлопка, принадлежащего другому лицу, при помощи
 веретена, принадлежащего тому же другому лицу, прядет пряжу
 для того же другого лица. Благодаря тому, что товары затрачиваются
 в процессе труда или производительно потребляются, они становятся
 не капиталом, а элементами процесса труда. Поскольку эти вещные
 элементы процесса труда куплены капиталистом, они представляют
 его капитал. Но это относится и к труду. Он тоже представляет его
 капитал, ибо покупателю способности к труду труд принадлежит
 точно так же, как и купленные им вещные условия труда. И ему
 принадлежат не только отдельные элементы процесса труда, но и

вместо 469). Текст, следующий за зачеркнутым абзацем, носит заголовок:]

6. Непосредственный процесс производства.

[Зачеркнутый Марксом текст гласит:] [...] ибо капитал, на который поку- 469а
 пается способность к труду, состоит в сущности из средств существования,
 хотя эти средства существования и передаются рабочему при посредстве де-
 нег. Подобно приверженцам монетарной системы, он на вопрос: что такое
 капитал? мог бы ответить: *капитал это — деньги*, ибо если капитал в процессе
 труда существует в форме сырья, орудий труда и т. д., то в процессе обра-
 щения он существует в форме денег. Таким же образом экономист древности на
 вопрос: что такое рабочий? следуя той же логике, должен был бы ответить:
 рабочий это — раб (ибо раб был рабочим процесса труда древности). [Ред.]

Arbeitsprozesses, der ganze Arbeitsprozess gehört ihm. Das Kapital, das früher in der Form von Geld, existiert jetzt in der Form des Arbeitsprozesses. Weil sich das Kapital des Arbeitsprozesses bemächtigt hat, der Arbeiter daher für den Kapitalisten statt für sich selbst arbeitet, verändert der Arbeitsprozess jedoch nicht seine *allgemeine Natur*. Weil Geld bei seiner Verwandlung in Kapital sich in die Faktoren des Arbeitsprozesses verwandelt, also notwendig auch die Gestalt von Arbeitsmaterial und Arbeitsmitteln annimmt, werden Arbeitsmaterial und Arbeitsmittel nicht von Natur *Kapital*, so wenig wie Gold und Silber von Natur *Geld* werden, weil Geld sich u. a. in Gold und Silber darstellt. Dieselben modernen Oekonomen jedoch, die über die Einfalt des Monetarsystems lachen, wenn es auf die Frage: Was ist Geld? antwortet: Gold und Silber ist Geld, entblöden sich nicht auf die Frage, was ist Kapital? zu antworten: Kapital ist Baumwolle. Sie sagen nichts anderes, wenn sie erklären, dass Arbeitsmaterial und Arbeitsmittel, Produktionsmittel oder Produkte, die zur Neuproduktion verwandt werden, kurz dass die *gegenständlichen Bedingungen der Arbeit* von Natur *Kapital* sind, Kapital sind, sofern und weil sie durch ihre stofflichen Eigenschaften als Gebrauchswerte im Arbeitsprozess dienen. Es ist in der Ordnung, wenn andre hinzufügen: Kapital ist Fleisch und Brot, denn obgleich der Kapitalist das Arbeitsvermögen mit Geld kauft, stellt
 469b dieses Geld in der Tat nur Brot, | Fleisch, kurz die Lebensmittel des Arbeiters vor ¹²⁷. Ein Stuhl mit vier Füßen und einem Samtüberschlag stellt unter gewissen Konjunkturen einen *Thron* vor; deswegen ist dieser Stuhl, ein Ding, das zum Sitzen dient, nicht durch die Natur seines Gebrauchswerts ein Thron. Der wesentlichste Faktor des Arbeitsprozesses ist der Arbeiter selbst und im antiken Produktionsprozess ist dieser Arbeiter Sklave.

¹²⁷ «*Capital* is that part of the wealth of a country which is employed in production, and consists of food, clothing, tools, raw materials, machinery, etc. necessary to give effect to labour». (89. *Ricardo* l. c.). «*Capital* is a portion of the national wealth, employed or meant to be employed, in favouring reproduction». (21. *G. Ramsay*, l. c.) «*Capital*... a particular species of wealth... destined... to the obtaining of other articles of utility». (*F. Torrens* l. c.). «*Capital*... produit... comme moyens d'une nouvelle production». (*Senior*, l. c., p. 318). «Lorsqu'un fonds est consacré à la production matérielle, il prend le nom de capital». (207. t. I. *Storch. Cours d'Economie Politique*. Pariser Ausgabe von 1823). «Le capital est cette portion de la richesse produite qui est destinée à la reproduction». (p. 364. *Rossi, Cours d'Economie Politique*. 1836 — 37. Brüsseler Ausgabe 1842). Rossi quält sich ab mit der «Schwierigkeit», ob man das «Rohmaterial» auch zum Kapital rechnen könne. Man könne zwar unterscheiden zwischen «capital-matière» und

весь процесс труда. Капитал, ранее существовавший в форме денег, теперь существует в форме процесса труда. Однако, вследствие того, что капитал овладел процессом труда, что рабочий, таким образом, работает для капиталиста, вместо того, чтобы работать для себя, процесс труда не изменяет своей *всеобщей природы*. Оттого, что деньги при своем превращении в капитал превращаются в факторы процесса труда, следовательно неизбежно принимают также образ материала труда и средства труда, материал труда и средства труда не становятся *капиталом* по своей природе, как золото и серебро не становятся *деньгами* по своей природе от того, что деньги, между прочим, представляются в золоте и серебре. Однако те же самые современные экономисты, которые смеются над наивностью монетарной системы, когда она на вопрос: «что такое деньги?» отвечает: «золото и серебро — деньги», не стесняются на вопрос: «что такое капитал?» отвечать: «капитал, это — хлопок». Именно это они говорят, утверждая, что материал труда и средства труда, средства производства или продукты, употребляемые для нового производства, короче — что *вещные условия труда* от природы суть *капитал*, суть капитал, поскольку они и потому что они благодаря своим вещественным качествам служат потребительными стоимостями в процессе труда. Другие совершенно последовательно прибавляют: «капитал, это — мясо и хлеб», потому что хотя капиталист покупает способность к труду за деньги, эти деньги на деле лишь представляют хлеб, || мясо, [469b] словом — средства существования рабочих¹²⁷. Стул на четырех ножках под бархатным покрывалом в известных условиях представляет *трон*, но на этом основании этот стул, эта вещь, служащая для сиденья, не есть трон благодаря природе своей потребительной стоимости. Существеннейший фактор процесса труда, это — сам рабочий, а в процессе производства в древности этот рабочий — раб.

¹²⁷ «Капитал — это та часть богатства страны, которая употребляется на производство и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырья, машин и т. д., необходимых для осуществления труда» (*Рикардо*, цит. соч. [Начала политической экономии и налогового обложения], стр. 89). «Капитал есть часть национального богатства, употребленная или предназначенная к употреблению для содействия воспроизводству» (*Г. Рамсэй*, цит. соч. [Опыт о распределении богатства] стр. 21). «Капитал... особый вид богатства... предназначенный... для получения других полезных предметов» (*Торренс*, цит. соч. [Опыт о внешней хлебной торговле] стр. 5). «Капитал... продукты .. как средства нового производства» (*Сениор*, цит. соч., стр. 318). «Когда имущество идет на материальное производство, оно принимает название *капитала*» (*Шторх*, *Курс политической экономии*. Парижское издание 1823 г., т. I, стр. 207). «Капитал есть та часть *произведенного* богатства, которая предназначена для воспроизводства» (*Росси*, *Курс политической экономии*. 1836 — 37. Брюссельское издание 1842, стр. 364). *Росси* мучается над «затруднением», можно ли и «сырье» сделать капиталом. Можно, дескать, различать «капитал

Daraus folgt ebenso wenig, dass der Arbeiter von Natur *Sklave* ist, obgleich letztere Ansicht dem *Aristoteles* nicht ganz fern liegt, als dass Spindel und Baumwolle, weil sie heutzutage vom *Lohnarbeiter* im Arbeitsprozess verzehrt werden, von Natur *Kapital* sind. Diese Verrücktheit, die ein bestimmtes *gesellschaftliches Produktionsverhältnis*, das sich in Dingen darstellt, als dingliche Natureigenschaft dieser Sachen selbst nimmt, schlägt uns ins Gesicht, wenn wir das erste beste Handbuch der Oekonomie aufschlagen, und gleich auf der ersten Seite lesen, dass die Elemente des Produktionsprozesses, auf ihre allgemeinste Form zurückgeführt, Erde, *Kapital* und Arbeit sind¹²⁸. Es könnte ebenso gut gesagt werden, sie seien *Grundeigentum*, Messer, Scheren, Spindeln, Baumwolle, Korn, kurz *Arbeitsmaterial* und *Arbeitsmittel*, und — *Lohnarbeit*. Auf der einen Seite nennen wir die Elemente des Arbeitsprozesses verquickt mit den *spezifischen gesellschaftlichen Charakteren*, die sie auf einer bestimmten *historischen* Entwicklungsstufe besitzen, und auf der andern Seite fügen wir ein Element hinzu, das dem *Arbeitsprozess* unabhängig von allen bestimmten gesellschaftlichen Formen, als einem ewigen Prozesse zwischen Mensch und Natur überhaupt zukommt. (Wir werden weiter unten sehn, dass diese Illusion des Oekonomen, welche die Aneignung des Arbeitsprozesses durch das Kapital mit dem Arbeitsprozess selbst verwechselt, und daher die *gegenständlichen Elemente* des Arbeitsprozesses schlechtthin in Kapital verwandelt, weil sich das Kapital u. a. auch in die gegenständlichen Elemente des Arbeitsprozesses verwandelt — wie diese Illusion, die bei den klassischen Oekonomen nur so lange dauert, als sie den kapitalistischen Produktionsprozess ausschliesslich unter dem Gesichtspunkt des Arbeitsprozesses betrachten und daher durch ihre weitere Entwicklung berichtigen, aus der Natur des kapitalistischen Produktionsprozesses selbst entspringt. Es ergibt sich aber sofort, dass dies eine sehr bequeme Methode ist, die Ewigkeit der kapitalistischen Pro-

«capital-instrument», aber «est-ce (la matière première) vraiment là un instrument de production? n'est-ce pas plutôt l'objet sur lequel les instruments producteurs doivent agir?» (p. 367). Er sieht nicht, dass wenn er einmal das Kapital mit seiner stofflichen Erscheinungsform verwechselt und daher die gegenständlichen Bedingungen der Arbeit schlechtthin Kapital nennt, sie in Bezug auf die Arbeit selbst sich zwar als Arbeitsmaterial und Arbeitsmittel unterscheiden, in Bezug auf das Produkt aber gleichmässig Produktionsmittel sind, wie er Kapital denn auch p. 372 schlechtthin «moyens de production» nennt. «Il n'y a aucune différence entre un *capital* et toute autre portion de richesse: c'est seulement par l'emploi qui en est fait, qu'une chose devient *capital*, c.-à-d. lorsqu'elle est employée dans une opération productive, comme matière première, comme instrument ou comme approvisionnement». (*Cherbuliez. Riche ou Pauvre. Paris. 1841. p. 18*).

¹²⁸ Sieh z. B. *John Stuart Mill. Principles of Political Economy. v. I, b. 1.*

Отсюда столь же мало следует, что рабочий — *раб* от природы, — хотя *Аристотель* не совсем далек от последнего мнения, — как и то, что веретена и хлопок — *капитал* от природы, ибо они ныне потребляются *наемным рабочим* в процессе труда. Это извещение, когда определенное *общественное отношение производства*, выражающееся в вещах, принимается за естественное вещное свойство самих этих предметов, бросается нам в глаза, когда мы раскрываем первое попавшееся руководство политической экономии и на первой же странице читаем, что элементы процесса производства, сведенные к их самой общей форме, это — земля, *капитал* и труд¹²⁸. С тем же основанием можно было бы сказать, что они — *земельная собственность*, ножи, ножницы, веретена, хлопок, зерно, короче — *материал труда и средства труда*, и — *наемный труд*. С одной стороны, мы называем элементы процесса труда, спаянные с *специфическим общественным характером*, которым они обладают на определенной *исторической* ступени развития, а с другой стороны, мы добавляем элемент, присущий *процессу труда* независимо от всех определенных общественных форм, как вечному процессу взаимодействия человека и природы вообще. (Мы дальше увидим, что эта иллюзия экономиста, которая смешивает присвоение процесса труда капиталом с самим процессом труда и поэтому превращает *вещные элементы* простого процесса труда в капитал, так как капитал, между прочим, превращается также в вещные элементы процесса труда, — что эта иллюзия, которая у экономистов-классиков остается лишь, пока они рассматривают процесс капиталистического производства исключительно с точки зрения процесса труда, и которую они в дальнейшем изложении исправляют, вытекает из самой природы капиталистического процесса производства. Однако сразу же ясно, что это очень удобный метод для того, чтобы доказывать вечность капиталистического способа производства или

сырье» и «капитал-инструмент», но «есть ли это (сырье) действительно орудие производства? Не есть ли оно скорее объект, на который орудия производства должны действовать?» (стр. 367). Он не видит, что если уж он смешивает капитал с его вещественной формой проявления и поэтому называет вещные условия труда попросту капиталом, то хотя они в отношении к труду различаются как материал труда и средство труда, но в отношении к продукту они одинаково являются средствами производства; капиталом он потом на стр. 372 называет также «средства производства» вообще. «Нет никакого различия между *капиталом* и всякой другой частью богатства: *вещь* становится *капиталом* только вследствие способа ее употребления, т. е. когда она употребляется для производственных операций, как сырье, как инструмент или как продовольствие» (*Шербюлье, Богатый или бедный*, Париж, 1841 г., стр. 18).

¹²⁸ Смотри, например, *Джон-Стюарт Милль, Начала политической экономии*, т. I, кн. I.

duktionsweise oder das *Kapital* als ein *unvergängliches Naturelement* menschlicher Produktion überhaupt zu beweisen. Arbeit ist ewige Naturbedingung menschlicher Existenz. Der Arbeitsprozess ist nichts als die Arbeit selbst, im Augenblick ihrer schöpferischen Tätigkeit betrachtet. Die allgemeinen Momente des Arbeitsprozesses sind daher von jeder bestimmten gesellschaftlichen Entwicklung unabhängig. Arbeitsmittel und Arbeitsmaterial, wovon ein Teil schon Produkte früherer Arbeit, spielen ihre Rolle in jedem Arbeitsprozess zu allen Zeiten und unter allen Umständen. Hänge ich ihnen daher den Namen *Kapital* an in der Zuversicht, dass «semper aliquid haeret», so habe ich *bewiesen*, dass die Existenz des Kapitals ein ewiges Naturgesetz der menschlichen Produktion ist und dass der Kirgise, der mit einem den Russen gestohlenen Messer Binsen abschneidet und aus diesen Binsen seinen Kahn flicht, ganz ebenso gut ein Kapitalist ist, wie der Herr von Rothschild. Ebenso könnte ich beweisen, dass Griechen und Römer das Abendmahl zu sich nahmen, weil sie Wein tranken und Brot assen, und die Türken sich täglich mit katholischem Weihwasser besprenkeln, weil sie sich täglich waschen. Es ist derartige impertinent seichte Faselei, die man mit selbstgefälliger Wichtigkeit nicht nur von einem *F. Bastiat*, oder in den ökonomischen Traktätchen der *Society for the advancement of useful knowledge*, oder den Kleinkinderschriften einer mother *Martineau*, || sondern sogar von wirklichen Fachschriftstellern ausgepatscht findet. Statt, wie bezweckt wird, in dieser Weise die ewige Naturnotwendigkeit des Kapitals zu beweisen, wird so vielmehr umgekehrt seine Notwendigkeit selbst für eine bestimmte historische Entwicklungsstufe des gesellschaftlichen Produktionsprozesses *verneint*, denn der Behauptung, Kapital sei nichts als Arbeitsmaterial und Arbeitsmittel oder die gegenständlichen Elemente des Arbeitsprozesses seien von Natur Kapital, stellt sich mit Recht die Antwort entgegen, man brauche also Kapital, aber keine Kapitalisten, oder Kapital sei nichts als ein zur Prellerei der Massen erfundener *Name* ¹²⁹.

¹²⁹ «Man sagt uns, dass die Arbeit keinen Schritt ohne Kapital tun kann, dass die Schaufel für den Mann, der gräbt, ebenso wichtig ist wie seine Arbeit, dass Kapital daher ebenso notwendig zur Produktion als die Arbeit selbst. Der Arbeiter weiss dies alles; diese Wahrheit tritt ihm täglich vor Augen; aber diese wechselseitige Abhängigkeit zwischen Kapital und Arbeit hat nichts zu tun mit der relativen Stellung des Kapitalisten und des Arbeiters; noch beweist sie, dass der erstere durch den letztern erhalten werden muss. Kapital ist nichts als unkonsumierte Produktion und alles Kapital, welches in diesem Augenblick existiert, existiert unabhängig von, und ist in keiner Weise identisch mit einem besondern Individuum oder einer besondern Klasse; und wäre jeder Kapitalist und jeder reiche Mann von Grossbritannien plötzlich maustot, kein einziger Partikel Reichtum oder Kapi-

изображать капитал как *непреходящий естественный элемент* человеческого производства вообще. Труд есть вечное естественное условие человеческого существования. Процесс труда есть не что иное, как самый труд, рассматриваемый в момент его творческой деятельности. Всеобщие моменты процесса труда поэтому независимы от какого-либо определенного общественного развития. Средства труда и материал труда, часть которых составляют уже продукты прежнего труда, играют свою роль в любом процессе труда во все времена и при всех обстоятельствах. Поэтому если бы я привесил им название *капитал* в уверенности, что «*semper aliquid haeret*» [«что-нибудь всегда пристает»], то я *доказал бы*, что существование капитала есть вечный естественный закон человеческого производства и что киргиз, который срезает ситник * украденным у русских ножом и из этого ситника плетет свою лодку, — такой же капиталист, как господин фон-Ротшильд. Таким же образом я бы мог доказать, что греки и римляне причащались, потому что они пили вино и ели хлеб, и что турки ежедневно кропят себя католической святой водой, потому что они ежедневно моются. Такого рода нахальное и пустое вранье извергается с самодовольной важностью не только каким-нибудь Ф. Бастиа или в экономических трактатиках *Общества содействия распространению полезных знаний*, или в детских книжках какой-нибудь матушки Мартино, но даже || и настоящими писателями-469с специалистами. Вместо того, чтобы этим путем доказать, в соответствии с поставленной целью, вечную естественную необходимость капитала, таким образом, наоборот, *отрицается* его необходимость даже для определенной исторической ступени развития общественного процесса производства, так как утверждению, что капитал — не что иное, как материал труда и средство труда, или что вещные элементы процесса труда от природы капитал, с полным правом противопоставляется ответ, что, следовательно, нужен капитал, а не капиталисты, или что капитал не что иное, как изобретенное для надувательства масс название ¹²⁹.

* [Вид болотного растения. Ред.]

¹²⁹ «Нам говорят, что труд ни шагу не может ступить без капитала, что лопата для человека, который копает, так же важна, как его труд, что капитал поэтому так же необходим для производства, как самый труд. Рабочий все это знает: эта истина ежедневно перед его глазами; но эта взаимозависимость между капиталом и трудом не имеет ничего общего с относительным положением капиталиста и рабочего, она вовсе не доказывает, что первый должен содержаться вторым. Капитал — не что иное, как непотребленные продукты производства, и весь капитал, который существует в какой-либо момент, существует независимо от какого-либо отдельного лица или отдельного класса и ни в коем случае не тождествен с какими-либо отдельным лицом или отдельным классом; и если бы внезапно все капиталисты и все богачи Великобритании вымерли,

Die Unfähigkeit den Arbeitsprozess selbständig und doch zugleich als eine Seite des kapitalistischen Produktionsprozesses zu begreifen, zeigt sich noch schlagender, wenn uns Herr *F. Wayland* z. B. erzählt, Rohmaterial sei *Kapital*, und durch seine Verarbeitung werde es *Produkt*. So sei Leder das *Produkt* des Gerbers und das *Kapital* des Schuhmachers. Rohmaterial und Produkt sind beides Bestimmungen, die einem *Ding* mit Bezug auf den *Arbeitsprozess* zukommen, und die beide mit seiner Bestimmung *Kapital* zu sein an und für sich nichts zu tun haben obgleich beides, Rohmaterial und Produkt, *Kapital* vorstellen, sobald der Arbeitsprozess vom Kapitalisten angeeignet ist ¹³⁰. Herr *Proudhon* hat dies mit seiner gewohnten «Tiefe» ausgebeutet. «Wodurch verwandelt sich der *Begriff Produkt* plötzlich in den *Begriff Kapital*? Durch die *Idee des Werts*. Das heisst, dass das Produkt, um Kapital zu werden, durch eine authentische Wertschätzung durchgegangen, gekauft oder verkauft, sein Preis debattiert und durch eine Art legaler Konvention fixiert worden sein muss. Dies Fell, wie es aus der Metzgerei kommt, ist das *Produkt* des *Metzgers*. Dies Fell wird es vom Gerber gekauft? Sogleich trägt dieser es oder seinen Wert zu seinen Exploitationsfonds. Durch die Arbeit des Gerbers wird dies *Kapital* wieder *Produkt*».

Herr *Proudhon* zeichnet sich durch den Apparat falscher Metaphysik aus, womit er die allergewöhnlichsten Elementarvorstellungen erst als Kapital in seinen «Exploitationsfonds» einträgt und dann als hochtrabendes «Produkt» dem Publikum verkauft. Die Frage, wie sich *Produkt* in *Kapital* verwandelt, ist an und für sich Unsinn, aber die

tal würde mit ihm verschwinden, noch wäre die Nation verarmt auch nur um den Wert eines Farthings. Es ist das Kapital und nicht der Kapitalist, das wesentlich für die Operationen der Produzenten ist; und da ist ein ebenso grosser Unterschied zwischen diesen zwei als zwischen der Schiffsladung und dem Ladungsschein.» (59. *J. F. Bray: Labour's wrongs and Labour's remedy etc. Leeds 1839.*)

«*Capital* is a sort of cabalistic word like church or state, or any other of those general terms which are invented by those who fleece the rest of mankind to conceal the hand that shears them». (17. *Labour defended against the claims of Capital etc. London. 1825*). Der Verfasser dieser anonymen Schrift ist *Th. Hodgskin*, einer der bedeutendsten modernen englischen Ökonomen. Seine zitierte Schrift, deren Wichtigkeit noch jetzt anerkannt wird (siehe z. B. *John Lator: Money and Morals etc. London, 1852*), rief einige Jahre nach ihrem Erscheinen eine anonyme Gegenschrift *Lord Brougham's* hervor, die ebenso oberflächlich ist als die sonstigen ökonomischen Leistungen dieses Schwätzereigenies.

¹³⁰ «The material which... we obtain for the purpose of combining it with our own (!) industry, and forming it into a product, is called *capital*; and, after the labour has been exerted, and the value created, it is called a *product*. Thus, the same article may be *product* to one, and *capital* to another. Leather is the

Неспособность понять процесс труда как самостоятельный процесс и вместе с тем как сторону капиталистического процесса производства обнаруживается еще более ярко, когда, например, господин *Ф. Уэйленд* нам рассказывает, будто сырье, это — *капитал*, и благодаря своей переработки оно становится *продуктом*. Так кожа будто бы есть *продукт* кожевника и *капитал* сапожника. Сырье и продукт, это — назначения, получаемые *вещью* в связи с *процессом труда*; и оба они сами по себе ничего общего не имеют с назначением вещи быть *капиталом*, хотя оба, сырье и продукт, представляют *капитал*, поскольку процесс труда присваивается капиталистом¹³⁰. Господин *Прудон* использовал это со своей обычной «глубиной». «Благодаря чему *понятие продукт* внезапно превращается в *понятие капитал*? Благодаря *идее стоимости*. Это значит, что продукт, чтобы стать капиталом, должен пройти через подлинную оценку, быть купленным или проданным, его цена должна обсуждаться и быть установленной путем своего рода законного соглашения. Шкура в том виде, в каком она выходит из бойни, есть *продукт мясника*. А если эту шкуру купит кожевник? Тотчас же он делает ее или ее стоимость своим фондом для эксплуатации. Благодаря труду кожевника этот *капитал* становится опять *продуктом*».

Господин *Прудон* отличается аппаратом ложной метафизики, благодаря которой он обыкновеннейшие элементарные представления сначала заносит в свой «фонд эксплуатации» как капитал, а затем продает публике как высокопарный «продукт». Вопрос, каким образом *продукт* превращается в *капитал*, сам по себе бессмыслица,

ни единая частица богатства или капитала не исчезла бы с ними и нация не обеднела бы ни на один фартинг. Капитал, а не капиталист, имеет существенное значение для действий производителя; и различие между этими двумя [капиталом и капиталистом] столь же велико, как между грузом на судне и накладной» (*Дж. Ф. Брэй, Несправедливости в отношении к труду и их устранение* и т. д., Лидс, 1839 г., стр. 59)

«*Капитал* — это своего рода *кабалистическое* слово, как церковь или государство, или какое-либо другое из тех общих слов, которые изобретены теми, кто обдирает остальных людей, чтобы скрыть ту руку, которая их грабит» (*Защита труда от притязаний капитала* и т. д., Лондон, 1825 г., стр. 17). Автор этого анонимного сочинения *Т. Годскин*, один из значительнейших современных английских экономистов. Цитированное сочинение его, важность которого еще теперь признается (см., например, *Джон Лэлоу, Деньги и нравственность* и т. д., Лондон, 1852 г.), вызвало несколько лет после своего появления анонимное возражение *лорда Брума*, которое столь же поверхностно, как и остальные экономические произведения этого гения болтовни.

¹³⁰ «Материал, который... мы получаем для соединения его с нашим *собственным* (!) трудом и превращения его в продукт, называется *капиталом*; после того как труд будет приложен и стоимость создана, он называется *продуктом*. Таким образом, один и тот же предмет может быть *продуктом* для

Antwort ist der Frage wert. In der Tat erzählt uns Herr Proudhon nur die zwei ziemlich bekannten Tatsachen, einmal, dass Produkte mitunter als Rohmaterial verarbeitet werden und zweitens dass *Produkte* zugleich *Waren* sind, d. h. einen *Wert* besitzen, der vor seiner Realisation die Feuerprobe der Debatte zwischen Käufer und Verkäufer bestehen muss. Derselbe «Philosoph» bemerkt: «La différence pour la société, entre capital et produit n'existe pas. Cette différence est toute subjective aux individus». Die abstrakte gesellschaftliche Form nennt er «subjektiv» und seine subjektive Abstraktion nennt er «Gesellschaft».

Wenn der Oekonom, solange er den kapitalistischen Produktionsprozess bloss unter dem Gesichtspunkt des *Arbeitsprozesses* betrachtet, das Kapital für ein blosses *Ding* erklärt, Rohstoff, Instrument usw., so fällt ihm dann wieder ein, dass der Produktionsprozess doch auch Verwertungsprozess ist und jene Dinge mit Bezug auf den Verwertungsprozess nur als *Wert* in Betracht kommen. «Dasselbe Kapital existiert bald unter der Form einer Geldsumme, bald unter der eines Rohstoffs, eines Instruments, einer fertigen Ware. Diese *Dinge* sind eigentlich nicht das *Kapital*; es haust in dem *Wert*, den sie haben». ¹³¹ Sofern dieser Wert «sich erhält, nicht mehr untergeht, sich vervielfältigt, sich
469d von der Ware losreisst,|| die ihn geschaffen hatte, gleich einer metaphysischen und unsubstantiellen Qualität immer im Besitz desselben Produzenten (d. h. Kapitalisten) bleibt», ¹³² wird das, was soeben noch für ein *Ding*, jetzt für eine «kommerzielle Idee» erklärt ¹³³.

Das Produkt des kapitalistischen Produktionsprozesses ist weder ein blosses *Produkt* (Gebrauchswert), noch blosses *Ware*, d. h. Produkt, das einen Tauschwert hat, sondern sein *spezifisches Produkt* ist der *Mehrwert*. Sein Produkt sind *Waren*, die mehr Tauschwert besitzen, d. h. mehr Arbeit darstellen als für ihre Produktion in der Form von

product of the currier, and the capital of the shoemaker». (F. Wayland, l. c., p. 25) (Folgt nun die oben stehende Scheisse aus Proudhon, wobei zu zitieren: «*Gratuit-du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris 1850*, p. 179, 180, 182).

¹³¹ J. B. Say. l. c. t. II. p. 429. Note. Wenn Carey sagt, «Capital... all articles possessing exchangeable value» (H. C. Carey. *Principles of Political Economy. Part I. Philadelphia, 1837*. p. 294), so fällt das in die Erklärung des Kapitals zurück, die wir schon im ersten Kapitel erwähnt: «Capital—is commodities», eine Erklärung, die sich nur auf die Erscheinung des Kapitals im Zirkulationsprozess bezieht.

¹³² Sismondi. *Nouv. Princ. etc.* t. I. p. 89.

¹³³ «Le capital est une idée commerciale». Sismondi. *Etudes etc.* t. II. p. 273.

ответ же достоин вопроса. На деле господин Прудон рассказывает нам лишь два довольно известных факта: во-первых, что продукты иногда перерабатываются как сырье, и, во-вторых, что *продукты* вместе с тем суть *товары*, т. е. обладают *стоимостью*, которая для своей реализации должна пройти через огонь дебатов между покупателем и продавцом. Тот же самый «философ» замечает: «Для общества не существует разницы между капиталом и продуктом. Это различие — совершенно субъективное представление отдельных лиц». Абстрактную общественную форму он называет «субъективной», а свою субъективную абстракцию — «обществом».

Если экономист, пока он рассматривает капиталистический процесс производства лишь с точки зрения *процесса труда*, объявляет капитал только *вещью*, сырьем, инструментом и т. д., то затем ему опять приходит на ум, что процесс производства есть также и процесс увеличения стоимости и что эти вещи в отношении процесса увеличения стоимости рассматриваются лишь как *стоимость*. «Один и тот же капитал существует то в форме суммы денег, то в форме сырья, инструмента, готового товара. Эти *вещи*, собственно, не *капитал*; он гнездится в *стоимости*, которую они имеют»¹³¹. Поскольку эта стоимость «сохраняется, больше не исчезает, умножается... отрывается от товара, || 469d который ее создал, всегда остается, подобно метафизическому и лишённому субстанции качеству, во владении одного и того же производителя (т. е. капиталиста)¹³², то, что только что еще объявлялось *вещью*, теперь объявляется «*коммерческой идеей*»¹³³.

Продукт капиталистического процесса производства не есть ни простой *продукт* (потребительная стоимость), ни простой *товар*, т. е. продукт, имеющий меновую стоимость, а его *специфический продукт* — это *прибавочная стоимость*. Его продукт, это — *товары*, имеющие большую меновую стоимость, т. е. представляющие больше труда, чем было авансировано на их производство в форме денег или

одного и *капиталом* для другого. Кожа — продукт кожевника и капитал сапожника» (Ф. Уэйланд, цит. соч. [Элементы политической экономии], стр. 25). (Затем следует вышеприведенное дерьмо из Прудона, причем цитировать: *Безвозмездность кредита. Дискуссия между г. Фр. Бастиа и г. Прудоном*. Париж, 1850 г., стр. 179, 180, 182).

¹³¹ Ж.-Б. Сэй, цит. соч. [«Трактат о политической экономии»], т. II, стр. 429, примечание. Когда Кэри говорит: «*Капитал*... это все предметы, обладающие меновой стоимостью» (Г. С. Кэри, *Начала политической экономии*, Филадельфия, 1837 г., ч. I, стр. 294), то это следует отнести к разъяснению понятия капитал, которое упоминалось уже нами в первой главе: «капитал, это — *товары*»; это — объяснение, которое относится только к проявлению капитала в процессе обращения.

¹³² Сисмонди, *Новые начала* и т. д., т. I, стр. 89.

¹³³ «Капитал, это — коммерческая идея». Сисмонди, *Этюды* и т. д., т. II, стр. 273.

Geld oder Waren vorgeschossen wurde. Im kapitalistischen Produktionsprozess erscheint der *Arbeitsprozess* nur als *Mittel*, der *Verwertungsprozess* oder die *Produktion von Mehrwert* als Zweck. Sobald sich der Oekonom hierauf besinnt, wird Kapital erklärt als Reichtum, der in der Produktion verwandt wird, um «Profit» zu machen ¹³⁴.

Wir haben gesehen, dass die Verwandlung von Geld in Kapital in zwei selbständige, ganz verschiedenen Sphären angehörige und getrennt von einander existierende Prozesse zerfällt. Der erste Prozess gehört der Sphäre der *Warenzirkulation* an und geht daher auf dem *Warenmarkt* vor. Es ist der *Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens*. Der zweite Prozess ist der *Konsum des gekauften Arbeitsvermögens* oder der *Produktionsprozess* selbst. In dem ersten Prozess stehn sich Kapitalist und Arbeiter nur als Geldbesitzer und Warenbesitzer gegenüber und ihre Transaktion ist, wie die zwischen allen Käufern und Verkäufern, ein Austausch von Equivalenten. Im zweiten Prozess erscheint der Arbeiter *pro tempore* als lebendiger Bestandteil des Kapitals selbst und die Kategorie des Austauschs ist hier gänzlich ausgeschlossen, da der Kapitalist alle Faktoren des Produktionsprozesses, sachliche wie persönliche, sich durch Kauf angeeignet hat, bevor dieser Prozess beginnt. Obgleich aber beide Prozesse selbständig neben einander existieren, bedingen sie sich wechselseitig. Der erste leitet den zweiten ein, und der zweite führt den ersten aus.

Der erste Prozess, der *Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens*, zeigt uns Kapitalist und Arbeiter nur als Käufer und Verkäufer von Ware. Was den Arbeiter von andern Warenverkäufern unterscheidet, ist nur die *spezifische Natur*, der *spezifische Gebrauchswert* der von ihm verkauften Ware. Aber der besondere Gebrauchswert der Waren ändert durchaus nichts an der ökonomischen Formbestimmtheit der Transaktion, nichts daran, dass der Käufer Geld und der Verkäufer Ware vorstellt. Um also zu *beweisen*, dass das Verhältnis zwischen Kapitalist und Arbeiter durchaus nichts als ein Verhältnis zwischen Warenbesitzern ist, die zu ihrem wechselseitigen Vorteil und durch einen freien Kontrakt Geld und Ware mit einander austauschen, genügt es den ersten Prozess zu isolieren und an seinem formellen Charakter festzuhalten. Dies einfache Kunststück ist keine Hexerei, aber es bildet den ganzen Weisheitsvorrat der Vulgärökonomie.

¹³⁴ «*Capital*. That portion of the stock of a country which is kept or employed with a view to profit in the production and distribution of wealth.» (*T. R. Malthus. Definitions in Political Economy*. New edition etc. by John Cazenove. London. 1853. p. 10). «*Kapital* der Teil des zur Produktion und generally for the purpose of obtaining profit employed wealth.» (75. *Th. Chalmers. On Political Economy* etc. London 1832. 2-nd edition).

товаров. В капиталистическом процессе производства *процесс труда* выступает только как средство, *процесс увеличения стоимости* или *производство прибавочной стоимости* — как цель. Как только экономист об этом вспоминает, капитал объявляется богатством, которое применяется в производстве, чтобы приносить «прибыль»¹³⁴.

Мы видели, что превращение денег в капитал распадается на два самостоятельных, принадлежащих к совершенно различным сферам и раздельно один от другого существующих процесса. Первый процесс принадлежит к сфере *обращения товаров* и совершается поэтому на *товарном рынке*. Это — *покупка и продажа способности к труду*. Второй процесс есть *потребление купленной способности к труду* или самый *процесс производства*. В первом процессе капиталист и рабочий противостоят друг другу лишь как владелец денег и владелец товара, и их сделка есть, подобно сделке между всеми покупателями и продавцами, обмен эквивалентов. Во втором процессе рабочий выступает *pro tempore* [на время] как живая составная часть самого капитала, и категория обмена здесь совершенно исключена, так как капиталист присвоил себе путем покупки все факторы процесса производства, вещественные и личные, еще до начала этого процесса. Но хотя оба процесса существуют рядом самостоятельно, они взаимно обуславливаются. Первый служит введением ко второму, а второй служит выполнением первого.

Первый процесс, *покупка и продажа способности к труду*, показывает нам капиталиста и рабочего лишь как покупателя и продавца товара. Рабочего отличает от других продавцов товаров лишь *специфическая природа, специфическая потребительная стоимость* проданного им товара. Но особая потребительная стоимость товаров отнюдь не изменяет ничего в экономической определенности формы сделки, ничего не изменяет в том, что покупатель представляет деньги, продавец — товар. Поэтому для *доказательства* того, что отношение между капиталистом и рабочим есть не что иное, как отношение между товаровладельцами, которые обмениваются друг с другом деньгами и товаром, к обоюдной выгоде и по свободному договору, достаточно изолировать первый процесс и остановиться на его формальном характере. Этот простой фокус — отнюдь не колдовство, и именно он образует весь запас мудрости вульгарной экономики.

¹³⁴ «Капитал. Та часть богатства страны, которая сохраняется или употребляется с целью прибыли в производстве и распределении богатства» (Т. Р). Мальтус, *Политико-экономические определения*. Новое издание и т. д. Джона Кэзенова, Лондон, 1853 г., стр. 10). «Капитал, это — часть богатства, употребляемого для производства и вообще с целью получения прибыли» (Т. Чомерс, *Политическая экономия* и т. д., Лондон 1832 г., 2-е издание, стр. 75).

Wir haben gesehen, dass der Kapitalist sein Geld nicht nur in Arbeitsvermögen, sondern in die gegenständlichen Faktoren des Arbeitsprozesses, die Produktionsmittel, verwandeln muss. Betrachten wir aber das gesamte Kapital auf der einen Seite, also die Gesamtheit der Käufer von Arbeitsvermögen auf der einen Seite, und die Gesamtheit der Verkäufer von Arbeitsvermögen, die Gesamtheit der Arbeiter auf der andren, so ist der Arbeiter eben gezwungen statt einer Ware, sein eigenes Arbeitsvermögen als Ware zu verkaufen, weil ihm auf der andren Seite sämtliche Produktionsmittel, sämtliche gegenständliche Bedingungen der Arbeit ebensogut wie sämtliche Lebensmittel, Geld, [469e] Produktionsmittel und || Lebensmittel als fremdes Eigentum gegenüberstehn, weil also aller *gegenständliche Reichtum* als Eigentum der *Warenbesitzer* dem Arbeiter *gegenübersteht*. Es ist unterstellt, dass er als *Nichteigentümer* arbeitet und die *Bedingungen seiner Arbeit* ihm als *fremdes Eigentum* gegenüberstehn. Dass Kapitalist Nr. I Geldbesitzer ist und von dem Kapitalisten Nr. II, der Produktionsmittel besitzt, diese Produktionsmittel kauft, während der Arbeiter mit dem von dem Kapitalisten Nr. I erhaltenen Geld Lebensmittel von dem Kapitalisten Nr. III kauft, ändert durchaus nichts an dem Umstand, dass die Kapitalisten Nr. I, II und III zusammen die ausschliesslichen Besitzer von Geld, Produktionsmitteln und Lebensmitteln sind. Der Mensch kann nur leben, soweit er seine Lebensmittel produziert und er kann nur Lebensmittel produzieren, sofern er sich im Besitz von Produktionsmitteln, im Besitz der gegenständlichen Bedingungen der Arbeit befindet. Es versteht sich also von vorn herein, dass der Arbeiter, der von Produktionsmitteln entblösst ist, von Lebensmitteln entblösst ist, wie umgekehrt ein Mensch, der von Lebensmitteln entblösst ist, kein Produktionsmittel schaffen kann. Was also selbst im ersten *Prozess*, bevor sich Geld oder Ware wirklich in *Kapital* verwandelt haben, ihnen von vorn herein den *Charakter von Kapital* aufdrückt, ist weder ihre Natur als Geld, noch ihre Natur als Ware, noch der stoffliche Gebrauchswert dieser Waren als Lebensmittel und Produktionsmittel zu dienen, sondern der Umstand, dass dies Geld und diese Ware, diese Produktionsmittel und Lebensmittel als *selbständige Mächte*, personifiziert in ihren Besitzern, dem von allem gegenständlichen Reichtum entblösten *Arbeitsvermögen* gegenübertreten, dass also die zur Verwirklichung der Arbeit notwendigen sachlichen Bedingungen dem Arbeiter selbst *entfremdet* sind, vielmehr als mit eigenem Willen und eigener Seele begabte *Fetische* erscheinen, dass *Waren* als *Käufer* von *Personen* figurieren. Der Käufer des Arbeitsvermögens ist nur die Personifikation von *vergegenständlichter* Arbeit, die einen Teil ihrer selbst in der Form von Lebensmitteln an den Arbeiter abgibt, um das

Мы видели, что капиталист должен превращать свои деньги не только в способность к труду, но и в вещные факторы процесса труда, средства производства. Но если мы рассматриваем, с одной стороны, совокупный капитал, следовательно совокупность покупателей способности к труду, с одной стороны, и совокупность продавцов способности к труду, совокупность рабочих — с другой, то рабочий именно вынужден вместо товара продавать свою собственную способность к труду как товар, потому что все средства производства, все вещные условия труда, равно как все средства существования, деньги, средства производства и || средства существования, противостоят [469e] ему на другой стороне как чужая собственность, — потому что, стало быть, все *вещное богатство противостоит* рабочему как *собственность товаровладельцев*. Предполагается, что он работает как *не имеющий собственности* и что *условия его труда* противостоят ему как *чужая собственность*. Что капиталист № I является владельцем денег и покупает у капиталиста № II, владеющего средствами производства, эти средства производства, между тем как рабочий на деньги, полученные от капиталиста № I, покупает у капиталиста № III средства существования, совершенно ничего не изменяет в том обстоятельстве, что капиталисты № I, II, III вместе являются исключительными владельцами денег, средств производства и средств существования. Человек может жить, только поскольку он производит свои средства существования, и он может производить свои средства существования, только поскольку он владеет средствами производства, владеет вещными условиями труда. Следовательно, само собою понятно, что рабочий, лишенный средств производства, лишен средств существования, как и, наоборот, человек, лишенный средств существования, не может создать средств производства. Следовательно, то, что уже в первом *процессе*, прежде чем деньги или товар действительно превратились в *капитал*, заранее придает им *характер капитала*, — это не их природа как денег и не их природа как товара и не вещественная потребительная стоимость этих товаров, [закрывающаяся в том, чтобы] служить средствами существования и средствами производства; это — то обстоятельство, что эти деньги и этот товар, эти средства производства и средства существования как *самостоятельные силы*, олицетворенные в их владельцах, противостоят *лишенной* всякого вещного богатства *способности к труду*; следовательно, что необходимые для осуществления труда вещные условия *отчуждены* от самого рабочего и выступают, наоборот, как одаренные собственной волей и собственной душой *фетиши*, что *товары* фигурируют как *покупатели людей*. Покупатель способности к труду есть только олицетворение *овеществленного* труда, которое отдает часть самого себя в форме средства существования рабочему, чтобы

lebendige Arbeitsvermögen ihrem andern Teil einzuverleiben und durch diese Einverleibung sich ganz zu erhalten und über ihr ursprüngliches Mass hinaus zu wachsen. Es ist nicht der Arbeiter, der Lebensmittel und Produktionsmittel kauft, sondern die Lebensmittel kaufen den Arbeiter, um ihn den Produktionsmitteln einzuverleiben.

Lebensmittel sind eine besondre stoffliche Existenzform, worin das Kapital dem Arbeiter gegenübertritt, bevor er sie durch Verkauf seines Arbeitsvermögens aneignet. Aber sobald der Produktionsprozess beginnt, ist das Arbeitsvermögen bereits verkauft, die Lebensmittel also, wenigstens de jure, in den Konsumtionsfonds des Arbeiters übergegangen. Diese Lebensmittel bilden kein Element des Arbeitsprozesses, welcher neben dem wirkenden Arbeitsvermögen selbst nichts voraussetzt ausser Arbeitsmaterial und Arbeitsmittel. In der Tat muss der Arbeiter sein Arbeitsvermögen durch Lebensmittel erhalten, aber diese seine Privatkonsumtion, die zugleich Reproduktion seines Arbeitsvermögens ist, fällt ausserhalb des Produktionsprozesses der Ware. Es ist möglich, dass in der kapitalistischen Produktion tatsächlich die ganze disponible Zeit des Arbeiters vom Kapital absorbiert wird, dass also der Verzehr der Lebensmittel tatsächlich als ein blosser Incident des Arbeitsprozesses selbst erscheint, wie der Verzehr von Kohle durch die Dampfmaschine, von Oel durch das Rad oder von Heu durch das Pferd, wie die ganze Privatkonsumtion des arbeitenden Sklaven, und in diesem Sinn zählt *Ricardo* z. B. (sieh oben Note 127), neben Rohmaterial, Werkzeugen u.s.w. «Nahrung und Kleidung» auf als Dinge, die «effect to labour» geben und daher als «Kapital» im
 469f Arbeitsprozess dienen. Wie sich || das aber immer *tatsächlich* gestalten mag, die Lebensmittel, sobald der freie Arbeiter sie verzehrt, sind Waren, die er *gekauft* hat. Sobald sie in seine Hand übergehen, also um so mehr, sobald sie von ihm verzehrt werden, haben sie aufgehört, Kapital zu sein. Sie bilden also keines der *stofflichen Elemente*, worin das *Kapital* im *unmittelbaren Produktionsprozess* erscheint, obgleich sie die *stoffliche Existenzform* des *variablen Kapitals* bilden, das auf dem *Markt*, innerhalb der *Zirkulationssphäre* als Käufer von Arbeitsvermögen auftritt ¹³⁵.

Wenn ein Kapitalist von 500 Talern 400 in Produktionsmittel verwandelt und 100 in Kauf von Arbeitsvermögen auslegt, bilden diese 100 Taler sein *variables* Kapital. Mit diesen 100 Talern kaufen die

¹³⁵ Es ist dies das Richtige, was *Rossis* Polemik gegen die Aufzählung von Lebensmitteln unter den Bestandteilen des produktiven Kapitals zugrunde liegt. Wie unrichtig er aber die Sache fasst und in welchen Wirrwarr er sich daher hineinräsoniert, wird man in einem spätern Kapitel sehn.

приобщить *живую способность к труду* к своей другой части и путем этого приобщения сохранить себя целиком и перерасти свои первоначальные размеры. Не рабочий покупает средства существования и средства производства, а средства существования покупают рабочего, чтобы его приобщить к средствам производства.

Средства существования, это — особая вещественная форма существования, в которой капитал противостоит рабочему, прежде чем последний присвоит их себе путем продажи своей способности к труду. Но лишь только начинается процесс производства, способность к труду уже продана, следовательно средства существования, по крайней мере юридически, перешли в фонд потребления рабочего. Эти средства существования не составляют элемента процесса труда, который наряду с действующей способностью к труду сам не имеет других предпосылок, кроме материала труда и средства труда. На деле рабочий должен поддерживать свою способность к труду при помощи средств существования, но это его частное потребление, которое вместе с тем есть воспроизводство его способности к труду, лежит вне процесса производства товара. Возможно, что в капиталистическом производстве все время, имеющееся в распоряжении рабочего, фактически поглощается капиталом, так что потребление средств существования фактически выступает лишь как инцидент самого процесса труда, как потребление угля паровой машиной, масла колесом или сена лошадью, как все частное потребление работающих рабов; в этом смысле *Рикардо*, например, перечисляет (см. выше примечание 127), наряду с сырьем, инструментами и т. д., «пищу и одежду» как предметы, которые осуществляют труд и поэтому служат как капитал в процессе труда. Как бы || это, однако, 469f ни слагалось фактически, средства существования, поскольку их потребляет свободный рабочий, суть товары, которые он *купил*. Как только они переходят в его руки, — стало быть, тем более, как только они им потребляются, — они перестают быть капиталом. Таким образом, они не образуют ни одного из *вещественных элементов*, в которых *капитал* выступает в *непосредственном процессе производства*, хотя они образуют *вещественную форму существования переменного капитала*, который выступает на *рынке*, внутри *сферы обращения*, как покупатель способности к труду ¹³⁵.

Когда капиталист из 500 талеров превращает 400 в средства производства и расходует 100 на покупку способности к труду, то эти 100 талеров составляют его *переменный капитал*. На эти 100 талеров

¹³⁵ Это — то правильное, что лежит в основе полемики *Росси* против причисления средств существования к составным частям производительного капитала. Как неправильно он, однако, понимает дело, до какой поразительной путаницы он доходит поэтому в своих рассуждениях, мы увидим в одной из следующих глав.

Arbeiter Lebensmittel, sei es vom selben Kapitalisten, sei es von andern. Die 100 Taler sind nur die *Geldform* dieser Lebensmittel, die also in der Tat den *stofflichen Bestand* des variablen Kapitals bilden. Innerhalb des *unmittelbaren Produktionsprozesses* existiert das variable Kapital nicht mehr: weder in Geldform, noch in Warenform, sondern in der Form der *lebendigen Arbeit*, die es sich durch den Kauf des Arbeitsvermögens angeeignet hat. Und nur durch diese Verwandlung des variablen Kapitals in Arbeit, wird überhaupt die in Geld oder Waren vorgeschossene Wertsumme in *Kapital* verwandelt. Obgleich also der *Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens*, wodurch die Verwandlung eines Teils des Kapitals in variables Kapital *bedingt* ist, ein vom *unmittelbaren Produktionsprozess* getrennter und selbständiger, ihm vorhergehender Prozess ist, bildet er die *absolute Grundlage* des kapitalistischen Produktionsprozesses und bildet ein *Moment* dieses Produktionsprozesses selbst, wenn wir ihn als *Ganzes* betrachten und nicht nur im Augenblick der unmittelbaren Warenproduktion. Nur weil der Arbeiter, um zu leben, sein Arbeitsvermögen verkauft, verwandelt sich der gegenständliche Reichtum in Kapital. Nur der *Lohnarbeit* gegenüber werden die *Sachen*, die gegenständliche Bedingungen der Arbeit sind, also die *Produktionsmittel*, und die *Sachen*, die gegenständliche Bedingungen für die Erhaltung des Arbeiters selbst sind, also die *Lebensmittel*, *Kapital*. Kapital ist kein *Ding*, so wenig wie Geld ein *Ding* ist. Im Kapital, wie im Geld, stellen sich bestimmte *gesellschaftliche Produktionsverhältnisse der Personen als Verhältnisse von Dingen* zu Personen dar, oder erscheinen bestimmte gesellschaftliche Beziehungen als *gesellschaftliche Natureigenschaften* von Dingen. Ohne *Salariat* keine Produktion von Mehrwert, sobald die Individuen sich als freie Personen gegenüberstehn, ohne Produktion von Mehrwert keine kapitalistische Produktion, also kein Kapital und kein Kapitalist! Kapital und Lohnarbeit (so nennen wir die Arbeit des Arbeiters, der sein eigenes Arbeitsvermögen verkauft) drücken nur zwei Faktoren desselben Verhältnisses aus. Das Geld kann nicht Kapital werden, ohne sich gegen Arbeitsvermögen als vom Arbeiter selbst verkaufte Ware auszutauschen. Andererseits kann die Arbeit nur als Lohnarbeit erscheinen, sobald ihre *eigenen* gegenständlichen Bedingungen ihr als selbstische Mächte, fremdes Eigentum, für sich seiender und an sich festhaltender Wert, kurz als Kapitalgegentretreten. Wenn das Kapital also seiner stofflichen Seite nach — oder den Gebrauchswerten nach, worin es existiert, nur aus den gegenständlichen Bedingungen der Arbeit selbst bestehn kann, müssen seiner Formseite nach diese gegenständlichen Bedingungen als *fremde*,

рабочие покупают средства существования, будь то у того же самого капиталиста, будь то у другого. 100 талеров — это только *денежная форма* этих средств существования, которые, следовательно, на деле образуют *вещественный состав* переменного капитала. Внутри *непосредственного процесса производства* переменный капитал больше не существует ни в форме денег, ни в форме товаров, а существует в форме *живого труда*, который он себе присвоил путем покупки способности к труду. И только благодаря этому превращению переменного капитала в труд авансированная деньгами или товарами сумма стоимости вообще превращается в *капитал*. Таким образом, хотя *покупка и продажа способности к труду, обуславливающая* превращение одной части капитала в переменный капитал, есть *отделенный от непосредственного процесса производства* и самостоятельный, предшествующий ему процесс, — он составляет *абсолютную основу* капиталистического процесса производства и составляет *момент* самого этого процесса производства, если мы его рассматриваем как *целое*, а не только в момент непосредственного производства товаров. Только потому, что рабочий, чтобы жить, продает свою способность к труду, вещное богатство превращается в капитал. Только по отношению *к наемному труду предметы*, являющиеся вещными условиями труда, т. е. *средства производства, и предметы*, являющиеся вещными условиями для поддержания жизни самого рабочего, т. е. *средства существования*, — становятся *капиталом*. Капитал — не вещь, равно как и деньги — не вещь. В капитале, как и в деньгах, определенные общественные производственные отношения людей представляются отношениями вещей к людям, или определенные общественные отношения выступают как *общественные природные свойства* вещей. Без *наемного труда* нет производства прибавочной стоимости коль скоро индивиды противостоят друг другу как свободные лица, без производства прибавочной стоимости нет капиталистического производства, следовательно нет капитала и нет капиталиста! Капитал и наемный труд (так называем мы труд рабочего, который продает свою собственную способность к труду) выражают только два фактора одного и того же отношения. Деньги не могут стать капиталом, не обменявшись на способность к труду как на проданный самим рабочим товар. С другой стороны, труд может выступить как наемный труд лишь тогда, когда его *собственные* вещные условия противостоят ему как эгоистические силы, как чужая собственность, как для себя сущая и в себе остающаяся стоимость, короче — как капитал. Следовательно, если капитал со своей вещественной стороны или со стороны потребительных стоимостей, в которых он существует, может состоять только лишь из вещных условий труда, то со стороны его формы эти вещные условия должны противостоять

selbständige Mächte der Arbeit gegenüberstehn, als Wert — vergegenständlichte Arbeit — die zur lebendigen Arbeit sich als blosses Mittel seiner eignen Erhaltung und Vermehrung verhält. Die Lohnarbeit oder das Salarium ist also eine notwendige gesellschaftliche Form der Arbeit für die kapitalistische Produktion, ganz wie das Kapital, der potenzierte Wert, eine notwendige gesellschaftliche Form ist, die die gegenständlichen Bedingungen der Arbeit annehmen müssen, damit letztere Lohnarbeit sei. Lohnarbeit ist also notwendige Bedingung für Kapitalbildung und bleibt die beständige notwendige Voraussetzung für kapitalistische Produktion. Obgleich daher der erste Prozess, der Austausch von Geld gegen Arbeitsvermögen, oder der Verkauf des Arbeitsvermögens, als solcher nicht in den unmittelbaren Produktionsprozess eingeht, so geht er dagegen in die Produktion des ganzen Verhältnisses ein ¹³⁶.

Gehn wir nun von dem ersten Prozess, dem Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens, der die Verselbständigung von Produktionsmitteln und Lebensmitteln gegenüber dem wirklichen Arbeiter voraussetzt, also *personifizierte* Produktionsmittel und Lebensmittel voraussetzt, die als *Käufer* mit den Arbeitern als Verkäufern einen Kontrakt schliessen, gehn wir von diesem Prozess, der in der *Zirkulationssphäre*, auf dem *Warenmarkt* vorfällt, zum *unmittelbaren Produktionsprozess* selbst über, so ist dieser zunächst *Arbeitsprozess*. Im Arbeitsprozess tritt der Arbeiter als Arbeiter in ein normales, durch die Natur und den Zweck der Arbeit selbst bestimmtes tätiges Verhältnis zu den Produktionsmitteln. Er eignet und behandelt sie als blosses Mittel und Material seiner
 469g Arbeit. Die selbständige, an sich || festhaltende und ihren eigenen Kopf habende Existenz dieser Produktionsmittel, ihre Trennung von der Arbeit, wird jetzt tatsächlich *aufgehoben*. Die gegenständlichen Bedin-

¹³⁶ Man kann daher schliessen, was ein *F. Bastiat* vom Wesen der kapitalistischen Produktion versteht, wenn er das *Salarium* für eine der kapitalistischen Produktion äusserliche und gleichgültige Formalität erklärt und entdeckt, «que ce n'est pas la forme de la remunération qui crée pour lui (l'ouvrier) cette dépendance». (378. *Harmonies Economiques*. Paris, 1851). Es ist eine Entdeckung — dazu noch missverständenes Plagiat aus wirklichen Oekonomen — würdig desselben schönrednerischen Ignoranten, der in derselben Schrift, also 1851, entdeckte «ce qui est plus décisif et plus infaillible encore, c'est la disparition des grandes crises industrielles en Angleterre». (396). Obgleich *F. Bastiat* die grossen Krisen 1851 aus England wegdekretiert hatte, genoss England schon 1857 wieder eine grosse Krise und entging 1861, wie selbst in den offiziellen Berichten der englischen Handelskammern zu lesen steht, nur durch den Ausbruch des amerikanischen Bürgerkriegs einer industriellen Krise von bisher ungeahntem Umfang.

труду как *чуждые, самостоятельные* силы, как стоимость — овеществленный труд, который относится к живому труду только как к средству своего собственного сохранения и увеличения. Таким образом, наемный труд или салиариат — необходимая общественная форма труда для капиталистического производства, точно так же как капитал, стоимость, возведенная в степень, — необходимая общественная форма, которую должны принять вещные условия труда, для того, чтобы последний был наемным трудом. Стало быть, наемный труд есть необходимое условие образования капитала и остается постоянной необходимой предпосылкой капиталистического производства. Поэтому хотя первый процесс, обмен денег на способность к труду или продажа способности к труду не входит, как таковой, в непосредственный процесс производства, но зато он входит в производство всего отношения ¹³⁶.

Если мы теперь от первого процесса, покупки и продажи способности к труду, который предполагает, что средства производства и средства существования стали самостоятельными по отношению к действительному рабочему, т.е. предполагает *олицетворенные* средства производства и средства существования, которые как *покупатели* заключают договор с рабочими как продавцами, — если мы от этого процесса, происходящего в *сфере обращения*, на *товарном рынке*, перейдем к самому *непосредственному процессу производства*, то этот последний есть прежде всего *процесс труда*. В процессе труда рабочий, как рабочий, вступает в нормальное, определенное природой и целью самого труда, действительное отношение к средствам производства. Он владеет ими и обращается с ними только как со средствами и материалом своего труда. Самостоятельное, остающееся себе || верным, своевольное существование этих средств производства, их отрыв от труда теперь фактически *снимается**. Вещные

¹³⁶ Отсюда можно заключить, какое понятие имеет Ф. Бастиа о сущности капиталистического производства, если он объявляет, что *наемный труд* — внешняя по отношению к капиталистическому производству и безразличная формальность, и делает открытие, «что не *форма вознаграждения* создает для него (рабочего) эту зависимость» (*Экономические гармонии*, Париж, 1851 г., стр. 378). Это — открытие, — к тому же еще искаженный плагиат одного действительного экономиста, — достойное того самого невежественного красноречия, который в этом же сочинении, следовательно в 1851 г., открыл: «что имеет более решающее значение и что еще более неопровержимо, это — *исчезновение больших экономических кризисов* в Англии» (стр. 396). Хотя Ф. Бастиа в 1851 г. декретировал, что в Англии нет больше кризисов, Англия уже в 1857 г. опять испытала большой кризис, а в 1861 г., как можно прочесть даже в официальных отчетах английских торговых палат, избежала промышленного кризиса неслыханных доселе размеров лишь благодаря началу американской гражданской войны.

* [Также: уничтожается, сохраняется. Ред.]

gungen der Arbeit treten in ihrer normalen Einheit mit der Arbeit, als bloße Materie und Organe ihres schöpferischen Wirkens auf. Das Fell, das der Arbeiter gerbt, behandelt er als bloßen Gegenstand seiner produktiven Tätigkeit, nicht als Kapital. Er gerbt nicht dem Kapitalisten die Haut¹³⁷. Soweit der Produktionsprozess bloss *Arbeitsprozess* ist, verzehrt der Arbeiter in diesem Prozess die Produktionsmittel als bloße *Lebensmittel der Arbeit*. Soweit aber der Produktionsprozess zugleich *Verwertungsprozess* ist, verzehrt der Kapitalist in ihm das Arbeitsvermögen des Arbeiters oder eignet sich die lebendige Arbeit als Lebensblut des Kapitals an. Das Rohmaterial, überhaupt der Arbeitsgegenstand, dient nur dazu, fremde Arbeit *einzusaugen* und das Arbeitsinstrument dient nur, als Konduktor, Leiter für diesen *Einsaugungsprozess*. Indem das lebendige Arbeitsvermögen den gegenständlichen Bestandteilen des Kapitals einverleibt ist, wird dies zu einem belebten Ungeheuer, und fängt an zu wirken, «als hätt' es Lieb' im Leibe». Da die Arbeit bloss in einer bestimmten nützlichen Form Wert schafft und da jede besondere nützliche Art Arbeit Material und Mittel von spezifischem Gebrauchswert erheischt, Spindel und Baumwolle usw. für die Spinnarbeit, Amboss, Hammer und Eisen für die Schmiedearbeit usw., kann die Arbeit nur eingesaugt werden, soweit das Kapital die Gestalt der für bestimmte Arbeitsprozesse erheischten spezifischen Produktionsmittel annimmt und nur in dieser Gestalt kann es lebendige Arbeit einsaugen. Hier sieht man also, warum dem Kapitalisten, dem Arbeiter und dem politischen *Oekonomen*, der den Arbeitsprozess nur als vom Kapital angeeigneten Arbeitsprozess zu denken fähig ist, die *stofflichen* Elemente des Arbeitsprozesses wegen ihrer stofflichen Eigenschaften als *Kapital* gelten und warum er unfähig ist, ihre stoffliche Existenz als blosser Faktoren des Arbeitsprozesses loszulösen von der mit ihnen verquickten *gesellschaftlichen* Eigenschaft, die sie zu *Kapital* macht. Er kann das nicht, weil wirklich derselbe identische Arbeitsprozess, dem die Produktionsmittel durch ihre stofflichen Eigenschaften als bloße Lebensmittel der Arbeit dienen, dieselben Produktionsmittel in bloße Einsaugungsmittel der Arbeit verwandelt. Im Arbeitsprozess für sich betrachtet, verwendet der Arbeiter die Produktionsmittel. Im Arbeitsprozess, der zugleich kapitalistischer Produktions-

¹³⁷ «Wir sehn ferner aus den Entwicklungen des Oekonomen selbst, wie das Kapital, das Resultat der Arbeit, im *Prozesse der Produktion*, sogleich wieder zum Substrat, zum Material der Arbeit gemacht, wie also die für einen Augenblick gesetzte *Trennung des Kapitals von der Arbeit*, sogleich wieder in der *Einheit beider aufgehoben* wird». F. Engels. *Deutsch-französische Jahrbücher* usw. p. 99.

условия труда выступают теперь в их нормальном единстве с трудом как простая материя и органы его творческой деятельности. Со шкуркой, которую он дубит, рабочий обращается как с простым предметом своей производительной деятельности, не как с капиталом. Ведь не капиталисту же он дубит кожу¹³⁷. Поскольку процесс производства есть просто *процесс труда*, рабочий потребляет в этом процессе средства производства просто как *средства существования труда*. Но поскольку процесс производства есть вместе с тем *процесс увеличения стоимости*, капиталист потребляет в нем способность к труду рабочего или присваивает себе живой труд как жизненные соки капитала. Сырье, вообще предмет труда, служит только для того, чтобы *всасывать* чужой труд, и инструмент труда служит только как проводник, как то, что управляет, в этом *процессе всасывания*. Благодаря тому, что живая способность к труду приобщается к вещным составным частям капитала, последний становится чудовищем, получившим жизнь, и начинает действовать, «точно побуждаемый страстью». Так как труд только в своей определенной полезной форме создает стоимость и так как каждый особый полезный вид труда требует материала и средств специфической потребительной стоимости, — веретен и хлопка и т. д. для труда прядильщика, наковальни, молота и железа для труда кузнеца и т. д., — то труд может всасываться, лишь поскольку капитал принимает образ требуемых определенными процессами труда специфических средств производства, и только в этом образе он может всасывать живой труд. Таким образом, отсюда понятно, почему капиталист, рабочий и политико-эконом, который способен мыслить процесс труда только как процесс труда, присвоенный капиталом, считают *вещественные* элементы процесса труда *капиталом* в силу их вещественных свойств, и почему он [политико-эконом] неспособен отделить их вещественное существование в качестве простых факторов процесса труда от спаянного с ними *общественного* свойства, делающего их *капиталом*. Он неспособен сделать это, ибо действительно тот же самый, одинаковый процесс труда, в котором средства производства, благодаря своим вещественным свойствам, служат просто как средства существования труда, превращает эти самые средства производства в простые средства всасывания труда. В процессе труда, рассматриваемом сам по себе, рабочий применяет средства производства. В процессе труда, который есть вместе

¹³⁷ «Мы видим далее из разъяснений самого экономиста, как капитал, результат труда, в процессе производства тотчас опять делается основанием, материалом труда, как, следовательно, на одно мгновение допущенный *разрыв между капиталом и трудом* тотчас же опять снимается в единстве обоих». Ф. Энгельс, [Очерк критики политической экономии] *Немецко-французские Ежегодники* и т. д., стр. 99.

prozess ist, verwenden die Produktionsmittel den Arbeiter, so dass die Arbeit nur als Mittel erscheint, wodurch eine bestimmte *Wertgrösse*, also eine bestimmte Masse *vergegenständlichter* Arbeit lebendige Arbeit einsaugt, um sich zu erhalten und zu vermehren. Der Arbeitsprozess erscheint so als *Selbstverwertungsprozess* der vergegenständlichten Arbeit vermittelt der lebendigen Arbeit ¹³⁸. Das *Kapital* wendet den Arbeiter und nicht der Arbeiter das *Kapital* an, und nur *Sachen*, die den Arbeiter anwenden, die daher im Kapitalisten *Selbstigkeit*, eignes Bewusstsein und eignen Willen besitzen, sind *Kapital* ¹³⁹. Sofern der Arbeitsprozess bloss das Mittel und die reale Form des *Verwertungsprozesses* ist, soweit er also ein Prozess ist, der darin besteht, ausser der Arbeit, die im Arbeitslohn vergegenständlicht war, einen *Überschuss unbezahlter Arbeit, Mehrwert*, in Waren zu vergegenständlichen, also *Mehrwert zu produzieren*, ist der Springpunkt dieses ganzen Prozesses der Austausch *vergegenständlichter Arbeit mit lebendiger Arbeit*, der Austausch von weniger *vergegenständlichter Arbeit* gegen mehr *lebendige Arbeit*. Im Austauschprozess selbst wird ein Quantum in Geld als Ware vergegenständlichter Arbeit gegen gleich grosses Quantum im lebendigen Arbeitsvermögen vergegenständlichter Arbeit ausgetauscht. || Es werden dem Wertgesetz des Warenaustausches entsprechend Equivalente ausgetauscht, *gleiche Quanta* vergegenständlichter Arbeit, obgleich das eine Quantum in einer Sache, und das andre in einer lebendigen Person vergegenständlicht. Aber dieser Austausch

¹³⁸ «*Labour is the agency by which capital is made productive of... profit.* (John Wade, l. c., p. 161). «In der bürgerlichen Gesellschaft ist die lebendige Arbeit nur ein Mittel, die aufgehäuften Arbeit zu vermehren.» (p. 12. *Manifest der Kommunistischen Partei*. 1848).

¹³⁹ Der bestimmte *ökonomische* Charakter von *Lebensmitteln*, sich Arbeiter zu kaufen, oder von *Produktionsmitteln*. von Leder und Leisten *Schustergesellen anzuwenden*, diese Verkehrung zwischen Sache und Person, also der *kapitalistische* Charakter ist mit dem *stofflichen* Charakter der Produktionselemente so unzertrennlich *verwachsen*, in der kapitalistischen Produktion und daher in der Phantasie der politischen Ökonomen, dass *Ricardo* z. B., während er es für nötig hält, die stofflichen Elemente des Kapitals näher zu charakterisieren, als *selbstverständlich*, ohne weiteres Bedenken oder weitere Bemerkungen die ökonomisch *richtigen* Ausdrücke braucht, wie «*Capital, or the means of employing labour*» (also nicht «*means employed by labour*», sondern «*means of employing labour*»). (l. c., p. 92), «*quantity of labour employed by a capital*» (p. 419 ib.), «*the fund which is to employ them*» (the labourers), p. 252. usw.' So heisst auch im heutigen Deutschen der Kapitalist, die Personifikation der *Sachen*, die Arbeit nehmen, *Arbeitgeber*, und der wirkliche Arbeiter, der Arbeit gibt, *Arbeitnehmer*. «In der bürgerlichen Gesellschaft ist das Kapital selbständig und persönlich, während das tätige Individuum unselbständig und unpersönlich ist.» (*Manifest der Kommunistischen Partei*. l. c.)

с тем капиталистический процесс производства, средства производства применяют рабочего, так что труд выступает лишь как средство, с помощью которого определенная *величина стоимости*, т. е. определенное количество *овеществленного труда*, всасывает живой труд, чтобы сохраниться и увеличиться. Таким образом, процесс труда выступает как *процесс увеличения своей стоимости* овеществленным трудом посредством живого труда¹³⁸. *Капитал* применяет рабочего, а не рабочий применяет капитал и лишь вещи, которые применяют рабочего, которые поэтому в лице капиталиста обладают *самостью*, собственным сознанием и собственной волей, суть *капитал*¹³⁹. Поскольку процесс труда только средство и реальная форма *процесса увеличения стоимости*, т. е. поскольку он есть процесс, состоящий в том, чтобы кроме труда, овеществленного в заработной плате, овеществить в товарах *излишек неоплаченного труда*, *прибавочную стоимость*, т. е. чтобы *произвести прибавочную стоимость*, — исходный пункт всего этого процесса есть обмен *овеществленного труда* на *живой труд*, обмен меньшего количества *овеществленного труда* на большее количество *живого труда*. В самом процессе обмена одно количество овеществленного в деньгах как товаре труда обменивается на равное ему количество труда, овеществленного в живой способности к труду. || Соответственно 469^h закону стоимости, действующему при обмене товаров, обмениваются эквиваленты, *равные количества* овеществленного труда, хотя одно

¹³⁸ «Труд есть средство, с помощью которого капитал производит... прибыль». (Джон Уэд, цит. соч. [История средних и трудящихся классов], стр. 161). «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство для того, чтобы увеличивать накопленный труд» ([Маркс и Энгельс] *Манифест Коммунистической Партии*, 1848 г., стр. 12 [изд. Партиздата, 1932 г., стр 30]).

¹³⁹ Определенное экономическое свойство *средств существования* — покупать рабочих, или *средств производства*, кожи и колодок, — *применять сапожных подмастерьев*, — это извращение отношения между вещью и человеком, следовательно *капиталистический* характер так нераздельно *сросся* в капиталистическом производстве и поэтому в фантазии политико-экономов с *вещественным* характером элементов производства, что, например, *Рикардо*, в то время как он считал необходимым подробнее охарактеризовать вещественные элементы капитала, употребляет как *само собой разумеющиеся*, без всяких сомнений и оговорок экономически *правильные* выражения, как «*капитал* или *средства применения труда*» (следовательно, не «средства, применяемые трудом», а «средства применения труда») (цит. соч., стр. 92), «количество труда, применяемого капиталом» (там же, стр. 419), «фонд, имеющийся для того, чтобы давать им (рабочим) занятие» (стр. 252) и т. д. Так и на современном немецком языке капиталист, олицетворение *вещей*, берущих труд, называется *работодателем*, а действительный рабочий, отдающий труд, «*берущим работу*». «В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, в то время как трудящийся индивидуум несамостоятелен и обезличен». ([Маркс и Энгельс]. *Манифест Коммунистической Партии*, цит. место [рус. пер., изд. Партиздата, 1932 г., стр. 31]).

leitet nur den *Produktionsprozess* ein, vermittelt dessen in der Tat mehr Arbeit in lebendiger Form eingetauscht wird als in vergegenständlichter Form verausgabt war. Es ist daher das grosse Verdienst der klassischen Oekonomie den ganzen Produktionsprozess als solchen Prozess zwischen *vergegenständlichter Arbeit* und *lebendiger Arbeit* dargestellt und daher das Kapital, im Gegensatz zur lebendigen Arbeit, nur als *vergegenständlichte Arbeit*, d. h. als *Wert*, der sich selbst vermittelt der lebendigen Arbeit *verwertet*, dargestellt zu haben. Ihr Mangel besteht hier nur darin, dass sie erstens unfähig waren nachzuweisen, wie dieser Austausch von mehr lebendiger Arbeit gegen weniger vergegenständlichte Arbeit dem Gesetz des *Warenaustauschs*, der Bestimmung der Warenwerte durch die Arbeitszeit entspricht, und dass sie daher zweitens, den Austausch eines bestimmten Quantum *vergegenständlichter Arbeit* gegen Arbeitsvermögen im *Zirkulationsprozess* unmittelbar zusammenwerfen mit der im Produktionsprozess vorgehenden Einsaugung der lebendigen Arbeit durch die in der Gestalt von Produktionsmitteln vorhandene *vergegenständlichte Arbeit*. Den *Austauschprozess* zwischen variablem Kapital und Arbeitsvermögen werfen sie zusammen mit dem Einsaugungsprozess der lebendigen Arbeit durch das konstante Kapital. Auch dieser Mangel entspringt aus ihrer «kapitalistischen» Befangenheit, denn für den Kapitalisten selbst, der die Arbeit erst zahlt, nachdem sie verwertet ist, erscheint der Austausch von einem kleinen Quantum *vergegenständlichter Arbeit* gegen ein grosses Quantum *lebendiger Arbeit* als *ein einziger unvermittelter Prozess*. Wenn also der moderne Oekonom Kapital als *vergegenständlichte Arbeit* der lebendigen Arbeit gegenüberstellt, so versteht er unter *vergegenständlichter Arbeit* nicht die *Arbeitsprodukte*, soweit sie einen Gebrauchswert haben und Verkörperung bestimmter nützlicher Arbeiten sind, sondern soweit sie Materiatur eines bestimmten Quantum *allgemeiner gesellschaftlicher Arbeit*, daher *Wert*, *Geld* sind, das sich selbst durch den Aneignungsprozess fremder *lebendiger Arbeit* *verwertet*. Diese Aneignung ist vermittelt durch den auf dem *Warenmarkt* vorgehenden Austausch zwischen variablem Kapital und Arbeitsvermögen, wird aber erst ausgeführt im wirklichen Produktionsprozess.¹⁴⁰

¹⁴⁰ Unmittelbare Arbeit und vergegenständlichte Arbeit, gegenwärtige und vergangene Arbeit, lebendige und aufgespeicherte Arbeit usw. sind daher Formen, worin die Oekonomen das Verhältnis von Kapital und Arbeit ausdrücken.

«Labour and capital... the one *immediate labour*,... the other *hoarded labour*». (James Mill. *Elements of Political Economy*. London. 1821, p. 75). «*Antecedent*

количество овеществлено в предмете, а другое в живом человеке. Но этот обмен только служит введением в *процесс производства*, посредством которого на деле получают в обмен больше труда в живой форме, чем было затрачено в овеществленной форме. Поэтому большая заслуга классической политической экономии в том, что она представила весь процесс производства как такой процесс между *овеществленным трудом* и *живым трудом* и таким образом представила капитал, в противоположность живому труду, лишь как *овеществленный труд*, т. е. как *стоимость*, *увеличивающуюся* посредством живого труда. Ее недостаток заключается здесь лишь в том, что экономисты, во-первых, были неспособны показать, как этот обмен большего количества живого труда на меньшее количество овеществленного труда соответствует закону *обмена товаров*, определению стоимости товаров рабочим временем, и, во-вторых, в том, что они поэтому обмен определенного количества *овеществленного труда* на способность к труду в *процессе обращения* непосредственно смешивают с происходящим в процессе производства всасыванием живого труда имеющимся в наличности в образе средств производства *овеществленным трудом*. *Процесс обмена* между переменным капиталом и способностью к труду они смешивают с процессом всасывания живого труда постоянным капиталом. Этот недостаток также вытекает из их «капиталистической» ограниченности *, так как самому капиталисту, который оплачивает труд лишь после того, как он увеличил свою стоимость, обмен малого количества овеществленного труда на большое количество живого труда представляется *единым непосредственным процессом*. Итак, если современный экономист противопоставляет капитал живому труду как *овеществленный труд*, то он понимает под овеществленным трудом *продукты труда*, не поскольку они имеют потребительную стоимость и являются воплощением определенных полезных работ, а поскольку в них материализовано определенное количество всеобщего общественного труда, стало быть поскольку они — *стоимость*, деньги, которые сами *увеличивают* свою стоимость путем процесса присвоения чужого *живого труда*. Это присвоение опосредствуется происходящим на *товарном рынке* обменом между переменным капиталом и способностью к труду, но совершается оно только в действительном процессе производства ¹⁴⁰.

* Также: несвободы. Ред.

¹⁴⁰ Поэтому непосредственный труд и овеществленный труд, настоящий и прошедший труд, живой и накопленный труд и т. д. суть те формы, в которых экономисты выражают отношение между капиталом и трудом.

«Труд и капитал... один — *непосредственный*... труд... другой — *накопленный труд*». (Джеймс Милль, *Элементы политической экономии*, Лондон,

Die Unterordnung des Arbeitsprozesses unter das Kapital ändert zunächst nichts an der wirklichen Produktionsweise und zeigt sich praktisch nur in folgendem: der Arbeiter tritt unter das Kommando, die Leitung und Obergewalt des Kapitalisten, natürlich nur mit Bezug auf seine Arbeit, die dem Kapital gehört. Der Kapitalist passt auf, dass er keine Zeit vergeudet und z. B. in jeder Stunde das Produkt einer Arbeitsstunde liefert, nur die durchschnittlich notwendige Arbeitszeit zur Herstellung des Produkts verwendet. Sofern das Kapitalverhältnis die Produktion beherrschendes Verhältnis ist, der Arbeiter also beständig als Verkäufer und der Kapitalist beständig als Käufer auf dem Markt erscheint, ist der Arbeitsprozess selbst im Grossen und Ganzen *kontinuierlich* und nicht unterbrochen, wie wenn der Arbeiter als unabhängiger Warenproduzent von dem Verkauf || seiner Waren an einzelne Kunden abhängt, da das Minimum des Kapitals gross genug sein muss, den Arbeiter fortwährend zu beschäftigen und den Verkauf der Waren abzuwarten ¹⁴¹. Endlich zwingt der Kapitalist die Arbeiter die Dauer des Arbeitsprozesses möglichst über die Grenzen der zur Reproduktion.

labour (capital)... present labour». (E. G. Wakefield in seiner Ausgabe A. Smiths-London, 1836. t. I. p. 231 Note). «*Accumulated labour (capital)... immediate labour*». (Torrens, l. c. ch. I. [p. 31]). «*Labour and Capital, that is, accumulated labour*». (l. c., p. 499. Ricardo). «The specific advances of the capitalists do not consist of cloth (überhaupt Gebrauchswerten), but of labour». (Malthus. «*The Measure of Value*» etc., London, 1823. p. 17, 18).

«Comme tout homme est forcé de consommer avant de produire, l'ouvrier pauvre se trouve dans la *dépendance* du riche, et ne peut ni vivre ni travailler, s'il n'obtient de lui des denrées et des marchandises existantes, en retour de celles qu'il promet de produire par son travail... pour l'y (id est le riche) faire consentir, il a fallu convenir que toutes les fois qu'il échangerait du *travail fait* contre du *travail à faire*, le dernier aurait une valeur supérieure au premier». (36, 37, t. I. Sismondi: «*De la Richesse commerciale*». Paris, 1803).

Herr W. Roscher, der offenbar nicht einmal ahnt, was die englischen Oekonomen sagen und sich ausserdem unzeitig daran erinnert, dass Senior das Kapital «abstinence» tauft, macht folgende, auch grammatisch «geschickte» Professoralbemerkung: «Die Schule Ricardos pflegt auch das Kapital unter den Begriff der Arbeit zu subsumieren, als, aufgespeicherte Arbeit». Dies ist *ungeschickt*, weil ja (!) der Kapitalbesitzer doch (!) *mehr* (!) getan hat als die *blosse* (!) *Hervorbringung* (!) und *Erhaltung desselben* (!); eben die *Enthaltung* vom eigenen Geniessen, wofür er z. B. Zinsen verlangt». (W. Roscher l. c.)

¹⁴¹ «If in the progress of time a change takes place in their economical position (der workmen), if they become the workmen of a capitalist who advances their wages beforehand, two things take place. First they *can* now labour continuously; and, secondly, an agent is provided, whose office and whose interest it will be, to see that they *do* labour continuously... Here, then, is an increased

Подчинение процесса труда капиталу сначала ничего не изменяет в действительном способе производства и практически обнаруживается лишь в следующем: рабочий поступает под команду, руководство и верховный контроль капиталиста, конечно, лишь в отношении своего труда, который принадлежит капиталу. Капиталист следит, чтобы он не растрачивал времени и, например, каждый час давал продукт одного рабочего часа, употреблял на производство продукта только среднее необходимое рабочее время. Поскольку капиталистическое отношение есть господствующее в производстве отношение, следовательно рабочий постоянно выступает на рынке как продавец, а капиталист постоянно как покупатель, то и самый процесс труда в общем и целом *непрерывен* и не прерывается, как это имеет место, когда рабочий, будучи независимым производителем, зависит от продажи || своих товаров отдельным клиентам, ибо минимум капитала 469; должен быть достаточно велик, чтобы предоставлять занятие рабочим постоянно и иметь возможность ждать с продажей товаров ¹⁴¹. Наконец капиталист принуждает рабочих удлинить сколько возможно продолжительность процесса труда за пределы необходимого для

1821 г., стр. 75). «*Предшествующий труд* (капитал)... *настоящий труд*». (Е. Г. Уэксфильд в его издании Адама Смита. Лондон, 1836 г., т. I, стр. 231, примечание). «*Накопленный труд* (капитал)... *непосредственный труд*». (Торренс, цит. соч., гл. 1 [стр. 31]). «*Труд и капитал*, т. е. *накопленный труд*». (Рикардо, цит. соч., стр. 499). «*Специфическое* авансирование капиталистов состоит не в сукне (вообще не в потребительных стоимостях), а в *труде*». (Мальтус, *Мера стоимости* и т. д., Лондон, 1823 г., стр. 17, 18).

«Так как всякий человек вынужден потреблять, прежде чем производить, бедняк-рабочий находится в *зависимости* от богача и не может ни жить, ни работать, если он не получит от него съестных припасов и наличных товаров в обмен на те, которые он обещает произвести своим трудом... Чтобы заставить его (т. е. богача) согласиться на это, нужно было условиться, что всякий раз, когда он будет обменивать *прошедший труд* на *труд будущий*, последний будет иметь большую стоимость, чем первый». (Сисмонди, *О коммерческом богатстве*, Париж, 1803 г., т. I, стр. 36, 37).

Господин В. Рошер, который, очевидно, даже не представляет себе, что говорят английские экономисты и, кроме того, несвоевременно вспоминает о том, что Сениор окрестил капитал «воздержанием», делает следующее профессорское замечание, «удачное» и в грамматическом отношении: «Школа Рикардо имеет обыкновение и капитал подчинять понятию труда, как «накопленный труд». Это *неудачно*, так как ведь (!) владелец капитала все-таки (!) сделал *большие* (!), чем *лишь* (!) *создание* (!) и содержание *последнего* (!); именно *воздержание* от собственных наслаждений, за что он, например, требует *процент*». (В. Рошер, цит. соч. [Основы политической экономии]).

¹⁴¹ «Если с течением времени в их (рабочих) экономическом положении наступает изменение, если они становятся рабочими капиталиста, который выдает их заработную плату вперед, то имеют место два обстоятельства: во-первых, они *могут* теперь работать непрерывно: и, во-вторых, назначается агент, обязанность и интерес которого — следить, чтобы они *выполняли* работу

des Arbeitslohns notwendigen Arbeitszeit hinaus zu verlängern, da dieser *Ueberschuss von Arbeit* ihm grade den *Mehrwert* liefert ¹⁴².

Wie den Warenbesitzer der Gebrauchswert der Ware nur als Träger ihres Tauschwertes interessiert, so den Kapitalisten der Arbeitsprozess nur als Träger und Mittel des Verwertungsprozesses. Auch innerhalb des Produktionsprozesses — soweit er Verwertungsprozess ist — fahren die Produktionsmittel fort blosser Geldwert zu sein, gleichgültig gegen die besondere stoffliche Gestalt, den besondern Gebrauchswert, worin dieser Tauschwert dargestellt ist, ganz wie innerhalb desselben die Arbeit selbst nicht zählt als produktive Tätigkeit von bestimmtem nützlichem Charakter, sondern als Wertschaffende Substanz, als gesellschaftliche Arbeit überhaupt, die sich vergegenständlicht und bei der das einzig interessante Moment *ihre Quantität* ist. Jede besondere Produktionssphäre gilt dem Kapital daher nur als eine besondre Sphäre, worin Geld angelegt wird, um mehr Geld aus ihm zu machen, um vorhandenen Wert zu erhalten und zu vermehren oder um sich *Mehrarbeit* anzueignen. In jeder besondern Produktionssphäre ist der Arbeitsprozess und sind daher auch die Faktoren des Arbeitsprozesses verschieden. Man kann mit Spindel, Baumwolle und Spinner keine Stiefel machen. Die Anlegung des Kapitals aber in dieser oder jener Produktionssphäre, die Massen, worin sich das Gesamtkapital der Gesellschaft in den verschiedenen Produktionssphären verteilt, endlich das Verhältnis, worin es aus einer Produktionssphäre in die andre auswandert, alles dies ist bestimmt durch das wechselnde Verhältnis, worin die Gesellschaft der Produkte dieser besondern Produktionssphären bedarf, d. h. der

continuity in the labour of all this class of persons. They labour daily from morning to night, and are not interrupted by waiting for or seeking the customer... But the continuity of labour, thus made possible, is secured and improved by the superintendence of the capitalist. He has advanced their wages; he is to receive the products of their labour. It is his interest and his privilege to see that they do not labour interruptedly or dilatorily». (Jones, R., l. c., p. 37 sq. passim).

¹⁴² «Un axiome généralement admis par les économistes est que tout travail doit laisser un excédant. Cette proposition est pour moi d'une vérité universelle et absolue: c'est le corollaire de la loi de la proportionnalité (!), que l'on peut regarder comme le sommaire de toute la science économique. Mais, j'en demande pardon aux économistes, le principe que *tout travail doit laisser un excédant* n'a pas de sens dans leur théorie, et n'est susceptible d'aucune démonstration». (Proudhon, «*Philosophie de la Misère*»). Ich habe in der Schrift: «*Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon*», Paris 1847, p. 76 — 91 nachgewiesen, dass Herr Proudhon nicht die geringste Ahnung davon hat, was dies «*excédant du travail*» ist, nämlich das *Mehrprodukt*, worin sich die Mehrarbeit oder unbezahlte Arbeit des Arbeiters darstellt. Da er in der kapitalistischen Produktion faktisch findet, dass jede Arbeit ein solches «*excédant*»

воспроизводства заработной платы рабочего времени, так как именно этот *излишек труда* доставляет ему *прибавочную стоимость*¹⁴².

Подобно тому как товаровладельца потребительная стоимость товара интересует лишь как носитель стоимости последнего, так капиталиста процесс труда интересует лишь как носитель и средство процесса увеличения стоимости. И внутри процесса производства — поскольку он есть процесс увеличения стоимости — средства производства продолжают быть только денежной стоимостью, равнодушной к особому вещественному образу, к особой потребительной стоимости, в котором эта меновая стоимость представлена, точно так же, как самый труд внутри этого процесса принимается в расчет не как производительная деятельность определенного полезного характера, а как созидаящая стоимость субстанция, как общественный труд вообще, который овеществляется и у которого единственный представляющий интерес момент есть *его количество*. Каждая особая сфера производства поэтому имеет значение для капитала только как особая сфера, куда вкладываются деньги, чтобы сделать из них больше денег, чтобы сохранить наличную стоимость и увеличить ее или чтобы присвоить себе *прибавочный труд*. В каждой особой сфере производства процесс труда и поэтому также факторы процесса труда различны. С помощью веретена, хлопка и прядильщика нельзя сделать сапог. Однако вложение капитала в ту или иную сферу производства, количества, в каких совокупный капитал общества распределяется по различным сферам производства, наконец отношение, в котором он переходит из одной сферы производства в другую, — все это определяется изменяющимся отношением, в каком общество нуждается в продуктах этих особых сфер производства,

непрерывно... Здесь налицо возросшая непрерывность труда всего этого класса людей. Они работают ежедневно с утра до ночи и не прерывают труда, чтобы ждать или искать покупателя... Но непрерывность труда, когда она становится возможной, обеспечивается и совершенствуется благодаря надзору капиталиста. Он авансировал заработную плату рабочих, он должен получить продукты их труда. Его интерес и его привилегия — следить, чтобы они не работали с перерывами или медленно». (Р. Джонс, цит. соч. [Пособие по политической экономии], стр. 37 и сл., повсюду).

¹⁴² «Что всякий труд должен оставлять избыток, это — аксиома, всеобщее признание среди экономистов. Это положение для меня — всеобщая и абсолютная истина: это вывод из закона пропорциональности (!), который можно рассматривать как итог всей экономической науки. Но, прошу извинения у экономистов, принцип, что *всякий труд должен оставлять избыток*, не имеет смысла в их теории и никак не может быть доказан». (Прудон, *Философия нищеты*). Я показал в сочинении: *Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона*, Париж, 1847 г., стр. 76 — 91, что господин Прудон не имеет ни малейшего понятия о том, что такое этот *избыток труда*, а именно — *прибавочный продукт*, в котором выражен прибавочный труд или неоплаченный труд рабочего. Так как фактически он в капиталистическом производстве

Gebrauchswerte der Waren, die sie schaffen; denn obgleich nur der Tauschwert einer Ware bezahlt wird, wird sie immer nur ihres Gebrauchswerts wegen gekauft. <Da das unmittelbare Produkt des Produktionsprozesses *Ware* ist, kann der Kapitalist das am Ende des Prozesses in der Form von *Ware* existierende Kapital, also auch den [in] ihm enthaltenen *Mehrwert* nur realisieren, soweit er Käufer für seine Waren findet>.

Aber das Kapital ist an und für sich gleichgültig gegen die *Besonderheit* jeder Produktionssphäre, und wird nur durch die grössere oder geringere Schwierigkeit im Verkauf der Waren dieser oder jener Produktionssphäre bestimmt, wo es sich anlegt, wie es sich anlegt, und in welchem Umfang es aus einer Produktionssphäre in die andre übergeht oder seine Verteilung zwischen den verschiedenen Produktionssphären wechselt. In der Wirklichkeit stösst diese Flüssigkeit des Kapitals auf Friktionen, die hier nicht weiter zu betrachten sind. Aber einerseits schafft es sich, wie man später sehn wird, Mittel um diese Friktionen, soweit sie nur der Natur des Produktionsverhältnisses selbst entspringen, zu überwältigen, andererseits beseitigt es mit der Entwicklung der ihm eigentümlichen Produktionsweise alle gesetzlichen und ausserökonomischen Hindernisse seiner freien Bewegung in den verschiedenen Produktionssphären. Vor allem wirft es alle gesetzlichen oder traditionellen Schranken um, die es verhindern nach Gutdünken diese oder jene Art von Arbeitsvermögen zu kaufen, oder sich beliebig diese oder jene Art von Arbeit anzueignen. Obgleich ferner das Arbeitsvermögen in jeder besondern Produktionssphäre eine besondere Gestalt besitzt, als Vermögen für Spinnen, Schustern, Schmieden usw., für jede besondere Produktionssphäre daher ein Arbeitsvermögen erheischt ist, das sich nach einer besondern Seite entwickelt hat, ein *besonderes* Arbeitsvermögen, so unterstellt jene gleiche Flüssigkeit des Kapitals seine Gleichgültigkeit gegen den besondern Charakter des Arbeits-

469k || prozesses, den es sich aneignet, dieselbe Flüssigkeit oder *Variabilität* in der Arbeit, also in der Anwendungsfähigkeit des Arbeitsvermögens durch den Arbeiter. Wir werden sehn, dass die kapitalistische Produktionsweise selbst diese ihrer eignen Tendenz entgegenstehenden ökonomischen Hindernisse schafft, aber sie beseitigt alle *gesetzlichen* und *ausserökonomischen* Hindernisse dieser Variabilität. ¹⁴³ Ebenso gleichgültig, wie dem Kapital, als sich verwertendem Wert, die besondere stoffliche Gestalt, worin es im Arbeitsprozesse erscheint, ob als Dampfmaschine,

lässt, sucht er sich diese Tatsache aus irgendeiner mysteriösen Natureigenschaft der Arbeit zu erklären und sich mit den sesquipedalia verba, wie «corollaire de la loi de la proportionnalité» usw. aus der Verlegenheit heraus zu marktschreien.

¹⁴³ «Every man, if not restrained by law, would pass from one employment

т. е. в потребительных стоимостях товаров, которые они создают; ибо, хотя оплачивается всегда лишь меновая стоимость товара, покупается товар всегда лишь ради его потребительной стоимости. <Так как непосредственный продукт процесса производства есть *товар*, то капиталист может реализовать существующий в конце процесса в форме *товара* капитал, а стало быть и содержащуюся в нем *прибавочную стоимость*, лишь поскольку он находит покупателей для своих товаров >.

Но капитал сам по себе равнодушен к *особенности* каждой сферы производства, и только большей или меньшей трудностью продажи товаров той или иной сферы производства определяется, где он вкладывается, как он вкладывается, и в каком объеме он переходит из одной сферы производства в другую или изменяет свое распределение между различными сферами производства. В действительности эта текучесть капитала наталкивается на трения, которые здесь можно подробнее не рассматривать. Но, как увидим дальше, он, с одной стороны, создает себе средства, чтобы преодолеть эти трения; поскольку они возникают только из природы самого отношения производства, а с другой стороны, он устраняет с развитием свойственного ему способа производства все установленные законом и внеэкономические препятствия своему свободному движению в различных сферах производства. Прежде всего он опрокидывает все установленные законом или традиционные ограничения, которые препятствуют ему по своему усмотрению покупать тот или иной вид способности к труду или любым образом присваивать себе тот или иной вид труда. Далее, хотя способность к труду в каждой особой сфере производства имеет особый образ, как способность к прядению, сапожному делу, кузнечному и т. д., и поэтому для каждой особой сферы производства требуется способность к труду, которая развилась в определенную сторону, *обособившаяся* способность к труду, — однако эта текучесть * капитала предполагает его равнодушие к особому характеру процесса || труда, который он себе присваивает, такую же текучесть или *изменчивость* в труде, т. е. в умении рабочего применять свою способность к труду. Мы увидим, что сам капиталистический способ производства создает эти противостоящие его собственной тенденции экономические препятствия, но он устраняет все *установленные законом и внеэкономические* препятствия этой изменчивости ¹⁴³. Подобно тому, как капиталу, в качестве самовозрастающей стоимости, находит, что каждый труд оставляет такой «излишек», он пытается объяснить себе этот факт каким-нибудь таинственным природным свойством труда и, наконец, выбраться из затруднения с помощью нагромождения слов, вроде: «вывод из закона пропорциональности».

* [Точнее: ровная текучесть. *Ред.*]

¹⁴³ «Каждый человек, если бы его не ограничивал закон, переходил бы от

Misthaufen oder Seide, ebenso gleichgültig ist dem Arbeiter der *besondere Inhalt* seiner Arbeit. Seine Arbeit gehört dem Kapital, sie ist nur der Gebrauchswert der Ware, die er verkauft hat und er hat sie nur verkauft, um sich Geld und mit dem Geld Lebensmittel anzueignen. Der Wechsel in der Art der Arbeit interessiert ihn nur deswegen, weil jede besondere Art der Arbeit eine andre Entwicklung des Arbeitsvermögens verlangt. Wenn seine Gleichgültigkeit gegen den besondern Inhalt der Arbeit ihm nicht die Fähigkeit verschafft sein Arbeitsvermögen auf Kommando zu variieren, zeigt er diese Gleichgültigkeit darin, dass er seine Ersatzmänner, die nachwachsende Generation, je nach dem Gebot des Markts aus einem Arbeitszweig in den andern wirft. Je entwickelter die kapitalistische Produktion in einem Lande, um so grösser die Forderung der *Variabilität* an das Arbeitsvermögen, um so gleichgültiger der Arbeiter gegen den *besondern Inhalt* seiner Arbeit und um so flüssiger die Bewegung des Kapitals aus einer Produktionssphäre in die andre. Die klassische Oekonomie setzt die *Variabilität* des Arbeitsvermögens und die *Flüssigkeit* des Kapitals als Axiome voraus, und soweit mit Recht, als dies die Tendenz der kapitalistischen Produktionsweise, die sich trotz aller Hindernisse, die sie grossenteils selbst schafft, rücksichtslos durchsetzt. Um die Gesetze der politischen Oekonomie rein darzustellen, wird von den Friktionen abstrahiert, wie in der reinen Mechanik abstrahiert wird von den besondern Friktionen, die in jedem besondern Fall ihrer Anwendung zu überwaltigen sind.¹⁴⁴

Obleich sich Kapitalist und Arbeiter nur als *Käufer*, Geld, und *Verkäufer*, Ware, auf dem Markt gegenübertreten, so ist dieses Ver-

to another, as the various turns in trade should require». (4. «*Considerations concerning taking off the Bounty on Corn exported*» etc. London, 1753).

¹⁴⁴ Nirgends erscheint die Flüssigkeit des Kapitals, die Variabilität der Arbeit und die Gleichgültigkeit des Arbeiters gegen den Inhalt seiner Arbeit grösser als in den Vereinigten Staaten von Nordamerika. In Europa, selbst in England, ist die kapitalistische Produktion immer noch von feudalen Reminiszenzen heimgesucht und verfälscht. Dass z. B. Bäckerei, Schusterei usw. erst jetzt anfangen *kapitalistisch* in England betrieben zu werden, ist ganz und gar dem Umstand geschuldet, dass das englische Kapital feudale Vorurteile von «Respektabilität» hatte. Es war «respektabel», Neger in die Sklaverei zu verkaufen, aber es war nicht «respektabel», Würste, Stiefel oder Brot zu machen. Aus den Vereinigten Staaten stammt daher auch alle Maschinerie, die die europäischen «unrespektablen» Geschäftszweige der kapitalistischen Produktionsweise unterordnet. Andererseits ist die Person nirgendwo so gleichgültig als in den Vereinigten Staaten gegen die

безразличен особенный вещественный образ, в котором он выступает в процессе труда, будь то паровая машина, куча навоза или шелк, — точно так же безразлично рабочему *особое содержание* его труда. Его труд принадлежит капиталу, он есть только потребительная стоимость товара, который он продал, и он продал его, только чтобы присвоить себе деньги и с помощью денег средства существования. Перемена вида труда интересует его только потому, что каждый особый вид труда требует иного развития способности к труду. Если его равнодушие к особому содержанию труда не делает его способным изменять по команде свою способность к труду, он выказывает это равнодушие тем, что бросает своих заместителей, подрастающее поколение, смотря по требованию рынка, то в одну отрасль производства, то в другую. Чем более развито капиталистическое производство в какой-либо стране, тем больше требование *изменчивости*, предъявляемое к способности к труду, тем равнодушнее рабочий к *особому содержанию* своего труда, и тем более интенсивно* движение капитала из одной сферы производства в другую. Классическая экономия предполагает *изменчивость* способности к труду и *текучесть* капитала как аксиому; и она имеет право на это, поскольку это — тенденция капиталистического способа производства, упорно прокладывающая себе путь несмотря на все препятствия, большей частью создаваемые самим же капиталистическим способом производства. Чтобы представить в чистом виде законы политической экономии, абстрагируют от этих трений, подобно тому как в чистой механике абстрагируют от особых трений, которые нужно преодолеть в каждом отдельном случае ее применения¹⁴⁴.

Хотя капиталист и рабочий противостоят на рынке только как *покупатель*, деньги, и *продавец*, товар, но это отношение благодаря

одного занятия к другому, как того требовали бы различные изменения в состоянии дел». (*Размышления относительно отмены премий на вывоз зерна* и т. д., Лондон, 1753 г., стр. 4).

* [Дословно: более текуче. Рсд.]

¹⁴⁴ Нигде текучесть капитала, изменчивость труда и равнодушие рабочего к содержанию его труда не выступают в большей степени, чем в Соединенных Штатах Северной Америки. В Европе, даже в Англии, капиталистическое производство все еще страдает от феодальных воспоминаний и искажено ими. Например, то обстоятельство, что хлебопечение, сапожное дело и т. д. лишь теперь начинают вестись в Англии *по-капиталистически*, всецело обязано тому, что английский капитал имел феодальные предрассудки относительно «респектабельности». Было «почтенно» продавать негров в рабство, но не было «почтенно» производить колбасы, сапоги или хлеб. Поэтому из Соединенных Штатов происходят также все машины, которые подчиняют капиталистическому способу производства европейские «непочтенные» отрасли дела. С другой стороны, человек нигде не проявляет такого равнодушия к виду труда, который он выполняет, как в Соединенных Штатах, нигде не сознает в такой степени, что труд

hältnis durch den eigentümlichen Inhalt ihres Handels von vorn herein eigen gefärbt, um so mehr, da bei der kapitalistischen Produktionsweise vorausgesetzt ist, dass das Auftreten beider Seiten auf dem Markt in *derselben* entgegengesetzten Bestimmung sich *beständig* wiederholt oder ein beständiges ist. Betrachten wir das Verhältnis von Warenbesitzern überhaupt auf dem Markt, so tritt derselbe Warenbesitzer abwechselnd als Verkäufer und Käufer von Ware auf. Dass sich zwei Warenbesitzer als Käufer und Verkäufer von einander unterscheiden, ist nur ein beständig verschwindender Unterschied, indem alle dieselben Rollen abwechselnd gegeneinander in der Zirkulationssphäre spielen. Nun wird zwar auch der Arbeiter, nachdem er sein Arbeitsvermögen verkauft, in Geld verwandelt hat, Käufer, und treten ihm die Kapitalisten als blosse Warenverkäufer gegenüber. Aber Geld in seiner Hand ist nur Zirkulationsmittel. Auf dem eigentlichen *Warenmarkt* unterscheidet sich der Arbeiter in der Tat, wie jeder andere Geldbesitzer, nur als Käufer von dem Warenbesitzer als Verkäufer. Aber auf dem *Arbeitsmarkt* dagegen tritt ihm das *Geld* stets als Geldform des *Kapitals* gegenüber und daher der Geldbesitzer als personifiziertes Kapital, *Kapitalist*, wie er seiner-

[469] seits dem Geldbesitzer als || blosse Personifikation des Arbeitsvermögens und daher der Arbeit, als *Arbeiter* gegenübertritt.¹⁴⁵ Es ist nicht ein blosser Käufer und ein blosser Verkäufer, die sich gegenüberstehn, sondern es sind *Kapitalist* und *Arbeiter*, die sich in der Zirkulationssphäre, auf dem Markt, als *Käufer* und *Verkäufer* gegenübertreten. Ihr Verhältnis als *Kapitalist* und *Arbeiter* ist die Voraussetzung für ihr Verhältnis als *Käufer* und *Verkäufer*. Es ist nicht wie bei andren Warenverkäufern ein Verhältnis, das schlechthin aus der Natur der Ware selbst entspringt, dass nämlich Keiner unmittelbar die Produkte für seinen Lebensbedarf produziert, sondern Jeder ein bestimmtes Produkt als *Ware* produziert, durch deren Verkauf er sich die Produkte des andern aneignet. Es ist nicht diese *gesellschaftliche Teilung der*

Art der Arbeit, die sie verrichtet, ist nirgends wo so bewusst, dass ihre Arbeit stets dasselbe Produkt, Geld, liefert und passiert nirgendwo mit derselben Nonchalance durch die disparatesten Arbeitszweige. Diese «Variabilität» des Arbeitsvermögens erscheint hier daher als eine ganz distinkte Eigenschaft des freien Arbeiters im Gegensatz zum arbeitenden Sklaven, dessen Arbeitsvermögen stabil und nur in der einmal lokal herkömmlichen Weise zu verwenden ist. «Slave labour is eminently defective in point of versatility... if tobacco be cultivated, tobacco becomes the sole staple, and tobacco is produced whatever be the state of the market, and whatever be the condition of the soil». (46, 47. Cairns, l. c.).

¹⁴⁵ «Das Verhältnis des Fabrikanten zum Arbeiter ist... ein rein ökonomisches. Der Fabrikant ist «das Kapital», der Arbeiter ist die «Arbeit». F. Engels. *Lage der arbeitenden Klassen etc.*, p. 329.

специфическому содержанию их торговой сделки с самого начала своеобразно окрашено, тем более, что при капиталистическом способе производства предполагается, что это выступление обеих сторон на рынке с *тем же самым* противоположным назначением *постоянно* повторяется или является постоянным. Если мы рассматриваем отношение между товаровладельцами вообще на рынке, то один и тот же товаровладелец выступает попеременно как продавец и покупатель товара. Что два товаровладельца отличаются друг от друга как покупатель и продавец, есть только постоянно исчезающее различие, так как все попеременно играют одни и те же роли по отношению друг к другу в сфере обращения. Правда, и рабочий после того, как он продал свою способность к труду, превратил ее в деньги, также становится покупателем, и капиталисты противостоят ему просто как продавцы товаров. Но деньги в его руках только средство обращения. На собственно *товарном рынке* рабочий на деле, как всякий другой владелец денег, отличается только как покупатель от владельца товаров как продавца. Но на *рынке труда*, наоборот, *деньги* противостоят ему всегда как денежная форма *капитала*, и поэтому владелец денег — как олицетворенный капитал, *капиталист*, между тем как он, со своей стороны, противостоит владельцу денег || только как олицетворение [4691] способности к труду и, следовательно, труда, *как рабочий* ¹⁴⁵. Противостоят друг другу не простой покупатель и не простой продавец, а *капиталист* и *рабочий* противостоят друг другу в сфере обращения, на рынке в качестве *покупателя* и *продавца*. Их отношение как *капиталиста* и *рабочего* есть предпосылка их отношения как *покупателя* и *продавца*. Это не есть, как у других владельцев товаров, отношение, которое просто вытекает из природы самих товаров, а именно, что никто не производит непосредственно продукты для своих жизненных потребностей, а каждый производит определенный продукт как *товар*, через продажу которого он присваивает себе продукты других. Это не есть то *общественное разделение труда* и приобретение самостоя-

доставляет всегда один и тот же продукт, деньги, и нигде не проходит с тем же безразличием через самые отчаянные отрасли труда. Эта «изменчивость» способности к труду выступает здесь поэтому как совершенно определенное свойство свободного рабочего, в противоположность работающему рабу, у которого способность к труду устойчива и может применяться только лишь обычным в данной местности способом. «Недостаток рабского труда состоит преимущественно в неподвижности... если производится табак, табак становится единственной отраслью производства, и табак производится, каково бы ни было состояние рынка и каковы бы ни были почвенные условия». (Кернс, цит. соч. [Рабовладельческая держава], стр. 46, 47).

¹⁴⁵ «Отношение фабриканта к рабочему есть чисто экономическое. Фабрикант, это — «капитал», рабочий, это — «труд». Ф. Энгельс, *Положение рабочего класса* и т. д., стр. 329.

Arbeit und *Verselbständigung* der verschiedenen Arbeitszweige gegen einander, wie sie z. B. den Schuster zum Verkäufer von Stiefeln und zum Käufer von Leder oder Brot macht. Sondern es ist die *Teilung* der zusammengehörigen *Elemente des Produktionsprozesses selbst* und ihre bis zur wechselseitigen Personifikation fortgehende *Verselbständigung* gegen einander, wodurch *Geld* als allgemeine Form der *vergegenständlichten Arbeit* zum Käufer von Arbeitsvermögen, der lebendigen Quelle des *Tauschwertes* und daher des Reichtums wird. Der *wirkliche Reichtum*, dem Tauschwert nach betrachtet, *Geld*, dem Gebrauchswert nach betrachtet, *Lebensmittel und Produktionsmittel* — tritt als Person, der *Möglichkeit* des Reichtums, d. h. dem Arbeitsvermögen, als einer andren Person gegenüber.

469m | Indem *Mehrwert* das spezifische Produkt des Produktionsprozesses, ist sein Produkt nicht nur Ware, sondern *Kapital*. Innerhalb des Produktionsprozesses verwandelt sich die Arbeit in Kapital. Die Tätigkeit des Arbeitsvermögens, d. h. die Arbeit, *vergegenständlicht* sich im Produktionsprozess, wird so Wert, aber da die Arbeit, schon bevor sie beginnt, aufgehört hat dem Arbeiter selbst zu gehören, ist das, was sich für ihn vergegenständlicht, *Vergegenständlichung fremder Arbeit* und daher dem Arbeitsvermögen selbständig gegenüberstehender Wert, *Kapital*. Das *Produkt* gehört dem Kapitalisten und es stellt dem Arbeiter gegenüber ebensosehr Kapital vor wie die *Produktionselemente*. Andererseits wird vorhandener Wert — oder Geld — erst *wirklich* Kapital, erstens indem es als sich verwertender Wert, als *prozessierender* Wert darstellt, und als solcher stellt es sich dar, indem die Tätigkeit des Arbeitsvermögens, die Arbeit, im Produktionsprozess als ihm einverleibte und selbst gehörige Energie wirkt, und zweitens indem es als *Mehrwert* sich von sich als ursprünglich vorausgesetztem Wert unterscheidet, was wieder Resultat der Vergegenständlichung der Mehrarbeit ist.

Im Produktionsprozess wird die Arbeit *vergegenständlichte Arbeit* im Gegensatz zum lebendigen Arbeitsvermögen, d. h. Kapital, und zweitens wird durch dieselbe Einsaugung und Aneignung der Arbeit im Produktionsprozess der vorausgesetzte Wert *prozessierender* Wert und daher Wert, der einen von sich verschiedenen Mehrwert schafft. Nur dadurch, dass sich die Arbeit während des Produktionsprozesses

тельности различными отраслями труда по отношению одна к другой, которое делает сапожника, например, продавцом сапог и покупателем кожи или хлеба. Но именно благодаря разделению взаимосвязанных элементов самого процесса производства и приобретению ими самостоятельности по отношению друг к другу, доходящему до обоюдного олицетворения, деньги как всеобщая форма овеществленного труда становятся покупателем способности к труду, живого источника меновой стоимости и, следовательно, богатства. Действительное богатство, рассматриваемое со стороны меновой стоимости — деньги, рассматриваемое со стороны потребительной стоимости — средства существования и средства производства, — противопоставляется, как лицо, возможности богатства, т. е. способности к труду, как другому лицу.

|| Так как прибавочная стоимость есть специфический продукт процесса производства, его продукт есть не только товар, но и капитал. Внутри процесса производства труд превращается в капитал. Деятельность способности к труду, т. е. труд, овеществляется в процессе производства, становится таким образом стоимостью, но так как труд еще до того, как он начинается, перестал принадлежать самому рабочему, то то, что для него овеществляется, есть овеществление чужого труда, и поэтому — стоимость, самостоятельно противостоящая способности к труду, капитал. Продукт принадлежит капиталисту, и он точно так же представляет по отношению к рабочему капитал, как и элементы производства. С другой стороны, наличная стоимость — или деньги — становится действительно капиталом, только, во-первых, когда она представляется как увеличивающаяся в стоимости стоимость, как стоимость, совершающая процесс, и как таковая она представляется благодаря тому, что деятельность способности к труду, труд, в процессе производства действует как приобщенная к нему и принадлежащая ему энергия, и во-вторых, благодаря тому, что она, как прибавочная стоимость, отличается от самой себя как от первоначально предпосланной стоимости, что в свою очередь есть результат овеществления прибавочного труда.

В процессе производства труд становится овеществленным трудом в противоположность живой способности к труду, т. е. капиталом, и, во-вторых, благодаря тому же самому всасыванию и присвоению труда в процессе производства предпосланная стоимость становится стоимостью, совершающей процесс, и поэтому стоимостью, которая создает отличную от себя прибавочную стоимость. Лишь благодаря тому, что труд в течение процесса производства превращается в капитал, предпосланная сумма стоимости, которая была

in Kapital verwandelt, verwirklicht sich die vorausgesetzte Wertsumme, die nur *ὀυάμει* Kapital war, als *wirkliches Kapital* ¹⁴⁶.*

263 [...] || d. h. aus der Produktion einen höheren Wert zurückzuerhalten als die Summe der Werte beträgt, die der Kapitalist in ihm und für ihn (den Produktionsprozess) vorschiesst. Die Produktion der Waren selbst erscheint nur als ein Mittel für diesen Zweck, wie überhaupt der Arbeitsprozess nur als Mittel des Verwertungsprozesses erscheint. Verwertungsprozess ist hier zu nehmen nicht in dem frühern Sinn als Wertbildungsprozess, sondern als Prozess für die Bildung von Mehrwert.

Dies Resultat wird aber zu Wege gebracht, soweit die lebendige Arbeit, die der Arbeiter zu leisten hat, und die sich daher auch in dem Produkt seiner Arbeit vergegenständlicht, grösser ist als die im variablen Kapital enthaltene oder in Arbeitslohn ausgelegte Arbeit oder, was dasselbe, als die zur Reproduktion des Arbeitsvermögens erheischte Arbeit. Insofern nur durch die Produktion von Mehrwert der vorgeschossene Wert Kapital wird, beruht die Entstehung des Kapitals selbst, wie der kapitalistische Produktionsprozess zunächst auf zwei Momenten:

Erstens *Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens*, ein Akt, der in die Zirkulationssphäre fällt, aber das *Ganze des kapitalistischen Produktionsprozesses* betrachtet, nicht nur ein Moment und eine Voraussetzung, sondern auch das beständige Resultat desselben bildet. Dieser Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens unterstellt die Trennung der gegenständlichen Arbeitsbedingungen — also der *Lebensmittel und Produktionsmittel* — von dem lebendigen Arbeitsvermögen selbst, so dass das letztere das einzige Eigentum, worüber der Arbeiter zu verfügen, und die einzige Ware, die er zu verkaufen hat. Die Trennung geht so weit fort, dass jene Bedingungen der Arbeit als *selbständige Personen* dem Arbeiter gegenüberreten, denn der Kapitalist als Besitzer derselben ist nur ihre Personifikation im Gegensatz zum Arbeiter als dem blossen Besitzer des Arbeitsvermögens. Diese Trennung und Verselbständigung ist vorausgesetzt, damit der Kauf und Verkauf des

¹⁴⁶ «Sie (die Arbeiter) tauschen ihre Arbeit (soll heissen ihr Arbeitsvermögen) aus gegen Getreide (id est Lebensmittel). Dies wird für sie Revenu (d. h. fällt ihrer individuellen Konsumtion anheim)... während ihre *Arbeit zum Kapital* für ihren Herrn geworden ist». (Sismondi. N. P. T. I. p. 90). «Die Arbeiter, welche ihre Arbeit im Austausch gebend, sie *in Kapital verwandeln*». (I. c., p. 105).

* [Hier schliesst das erste, S. 44 beginnende Einschiesel, das die Manuskriptseiten 469a — 469m bilden. Nach Marx' Angabe (sieh S. 42 u. 44 unsere Note) folgt hier nunmehr ein zweites, das Marx als Seite 262 — 264 bezeichnet hat. Seite 262 fehlt. D. Red.]

капиталом только *доу́мает*: [потенциально], осуществляется как *действительный капитал* ¹⁴⁶. *

[...] т. е. получить в результате производства большую стоимость, чем 263
сумма стоимостей, которую капиталист в него вкладывает и на него (на производственный процесс) авансирует. Само производство товаров представляется лишь средством для этой цели, как вообще процесс труда представляется лишь средством процесса увеличения стоимости. Процесс увеличения стоимости следует здесь понимать не в прежнем смысле как процесс образования стоимости, а как процесс образования прибавочной стоимости.

Однако этот результат достигается, поскольку живой труд, который должен дать рабочий и который поэтому и овеществляется в продукте его труда, больше, чем труд, содержащийся в переменном капитале или израсходованный на заработную плату, или, что то же самое, больше, чем труд, необходимый для воспроизводства способности к труду. Поскольку лишь благодаря производству прибавочной стоимости авансированная стоимость становится капиталом, само возникновение капитала, как и процесс капиталистического производства, покоятся прежде всего на двух моментах:

Во-первых, *покупка и продажа способности к труду*, акт, который относится к сфере обращения, но при рассмотрении *процесса капиталистического производства в целом* составляет не только один из моментов и предпосылку, но и постоянный результат последнего. Эта покупка и продажа способности к труду предполагает отделение вещных условий труда — т. е. *средств существования и средств производства* — от самой живой способности к труду, так что последняя есть единственная собственность, находящаяся в распоряжении рабочего, и его единственный товар для продажи. Отделение заходит так далеко, что эти условия труда противопоставляются рабочему как *самостоятельные лица*, так как капиталист, в качестве их собственника, есть лишь их олицетворение в противоположность рабочему как собственнику одной лишь способности к труду. Это отделение и приобретение самостоятельности есть предпосылка для того, чтобы происхо-

¹⁴⁶ «Они (рабочие) обменивают свой труд (означает: свою способность к труду) на хлеб (т. е. средства существования). Это становится для них доходом (т. е. идет на их личное потребление)... между тем как их *труд* сделался *капиталом* для их господина». (Сисмонди, *Новые начала*, том I, стр. 90). «Рабочие, которые, давая свой труд в обмен, превращают его в капитал». (цит. соч., стр. 105).

* [Здесь конец первой вставки, охватывающей страницы 469а — 469m оригинала, начинающейся в нашем тексте на стр. 45. Согласно указания Маркса (см. редакционное примечание на стр. 43—45) мы приводим вслед затем вторую вставку, охватывающую страницы, пронумерованные Марксом как стр. 262 — 264. Страницы 262 в оригинале недостает. *Ред.*]

Arbeitsvermögens vorgehe, also überhaupt die lebendige Arbeit der toten Arbeit als Mittel zu ihrer Selbsterhaltung und Selbstvermehrung, also Selbstverwertung einverleibt werde. Ohne den *Austausch* des variablen Kapitals gegen Arbeitsvermögen fände keine Selbstverwertung des Gesamtkapitals statt und daher keine Kapitalbildung oder keine Verwandlung von Produktionsmitteln und Lebensmitteln in Kapital. Das zweite Moment ist nun der wirkliche Produktionsprozess, d. h. also der wirkliche Konsumtionsprozess des vom Geld- oder Warenbesitzer eingekauften Arbeitsvermögens*.

264 || Im wirklichen Produktionsprozess dienen die gegenständlichen Bedingungen der Arbeit — Material und Mittel der Arbeit — nicht nur dazu, dass sich die lebendige Arbeit vergegenständlicht, sondern dass sich *mehr* Arbeit vergegenständlicht als im variablen Kapital enthalten war. Sie dienen also als Absorptionsmittel und Erpressungsmittel der Mehrarbeit, die sich im Mehrwert (und surplusproduce) darstellt. Betrachtet man also beide Momente, erstens den Austausch des Arbeitsvermögens gegen das variable Kapital, und zweitens den wirklichen Produktionsprozess (worin die lebendige Arbeit als agens dem Kapital einverleibt ist), so erscheint der ganze Prozess als ein Prozess, worin 1) weniger vergegenständlichte Arbeit gegen mehr lebendige Arbeit ausgetauscht wird, insofern das, was der Kapitalist realiter für den Arbeitslohn erhält, lebendige Arbeit ist; und 2) die

* [Das nachstehende Zitat, wovon der Anfang fehlt, steht im Manuskript unmittelbar unter dem vorstehenden deutschen Text, auf den es keine Beziehung hat. Es ist vielmehr die Fortsetzung einer Fussnote, [die sich auf den Text der fehlenden Seite 262 bezog. *D. Red.:*]

to three capital workmen or to 4] ordinary' ones... If the three could be hired at 3 l. 10 sh. a piece, while the 4 required 3 l. a piece, though the wages of the three would be higher, the price of the work done by them would be lower. It is true that the causes which raise the amount of the labourers' wages often raise the rate of the capitalist's profit. If, by increased industry, one man performs the work of two, both the amount of wages, and the rate of profits will generally be raised; not by the rise of wages, but *in consequence of the additional supply of labour having diminished its price*, or having diminished the period for which it had previously been necessary to advance that price. The labourer, on the other hand, is principally interested in the *amount of wages*. The amount of his wages being given, it is certainly his interest that the *price of labour should be high*, for on that depends the *degree of exertion* imposed on him». (l. c. 14, 5). Aus derselben Schrift:

«The labourer's situation does not depend on the amount which he receives at any one time, but on his average receipts during a given period... the longer the period taken, the more accurate will be the estimate». (7. l. c.). «Das Jahr am besten als Periode. Umfasst Sommer- und Winterlöhne». (7. l. c.).

дила покупка и продажа способности к труду, следовательно, что-бы вообще живой труд приобщался к мертвому труду как средство его самосохранения и самоувеличения, т. е. самовозрастания. Без обмена переменного капитала на способность к труду не имело бы места самовозрастание совокупного капитала, а следовательно и образование капитала или превращение средств производства и средств существования в капитал. Второй же момент есть действительный процесс производства, т. е., следовательно, действительный процесс потребления способности к труду, закупленной владельцем денег или товаров*.

В действительном процессе производства вещные условия труда — материал и средства труда — служат не только для того, чтобы живой труд овеществлялся, но для того, чтобы овеществлялось *больше* труда, чем содержалось в переменном капитале. Следовательно, они служат средствами поглощения и выжимания прибавочного труда, который представляется в прибавочной стоимости (и прибавочном продукте). Таким образом, если рассматривать оба момента: во-первых, обмен способности к труду на переменный капитал, а во-вторых, действительный процесс производства (в котором живой труд приобщен к капиталу как действующая сила), то весь процесс выступает как процесс, в котором 1) меньшее количество овеществленного труда обменивается на большее количество живого труда поскольку то, что капиталист действительно получает взамен заработной платы, есть живой труд, и 2) вещные формы, в которых капи- 264

* [Следующая цитата, начало которой отсутствует, в рукописи расположена непосредственно вслед за предыдущим текстом, с которым она однако не связана. Она представляет собой продолжение сноски, которая относится к предыдущей стр. 262. *Ред.:*]

«... трем основным рабочим или четырем обыкновенным... Если бы троих можно было нанять по 3 ф. ст. 10 ш. за человека, а на четырех потребовалось бы по 3 ф. ст. на человека, то хотя заработная плата трех первых была бы выше, однако цена выполненного ими труда была бы ниже. Верно, что причины, повышающие размер заработной платы рабочего, часто поднимают вместе с тем и норму прибыли капиталиста. Если благодаря возросшей интенсивности один человек выполняет работу двух, то размер заработной платы и норма прибыли вообще повысятся не вследствие повышения заработной платы, а *вследствие того, что добавочное предложение труда понижает его цену* или сокращает срок, на который прежде необходимо было авансировать эту цену. Рабочий, с другой стороны, заинтересован главным образом в размере *заработной платы*. При данном размере заработной платы он несомненно заинтересован в том, чтобы *цена на труд была высока*, потому что от этого зависит *степень трудового напряжения*, требуемого от него» (цит. соч., стр. 14, 5). Из того же ссчинения:

«Положение рабочего зависит не от суммы, которую он получает каждый данный раз, а от его средней получки за данный период... чем больше взятый период, тем точнее будет подсчет». (цит. соч., стр. 7). В качестве периода лучше всего взять год. Он охватывает летнюю и зимнюю заработную плату» (цит. соч., стр. 7).

gegenständlichen Formen, worin sich das Kapital unmittelbar im Arbeitsprozess darstellt, die Produktionsmittel (also wieder vergegenständlichte Arbeit) als Mittel zur Erpressung und Absorption dieser lebendigen Arbeit — das Ganze als ein Prozess, der zwischen vergegenständlichter und lebendiger Arbeit vorgeht, ein Prozess, der nicht nur die lebendige Arbeit in vergegenständlichte, sondern zugleich die vergegenständlichte Arbeit in Kapital verwandelt, also auch die lebendige Arbeit in Kapital verwandelt. Es ist daher ein Prozess, in dem nicht nur Ware, sondern Mehrwert produziert wird und daher *Kapital*. (cf. 96 — 108) *.

Die Produktionsmittel stellen sich hier dar nicht nur als Mittel zur Verwirklichung der Arbeit, sondern ganz ebenso sehr als *Exploitationsmittel fremder Arbeit* **.

[469] || Es ist über den Wert oder Geld als Vergegenständlichung allgemeiner gesellschaftlicher Durchschnittsarbeit dies noch zu bemerken: Z. B. Spinnarbeit mag an und für sich *über* oder *unter* dem Niveau der gesellschaftlichen Durchschnittsarbeit stehn. D. h. ein gewisses Quantum Spinnarbeit mag $= > <$ demselben Quantum gesellschaftlicher Durchschnittsarbeit, z. B. der in einem gewissen Quantum Gold vergegenständlichten Arbeitszeit von gleicher Grösse (Länge) sein. Wenn aber die Spinnarbeit mit dem in ihrer *Sphäre* normalen Grad der Intensivität verrichtet wird, also z. B. die auf das in einer Stunde fabrizierte Garn verwandte Arbeit = dem Normalquantum Garn ist, das eine Stunde Spinnarbeit unter den gegebenen gesellschaftlichen Bedingungen im Durchschnitt liefert, ist die in dem Garn vergegenständlichte Arbeit *gesellschaftlich notwendige Arbeit*. Als solche hat sie ein quantitativ bestimmtes Verhältnis zu der gesellschaftlichen Durchschnittsarbeit überhaupt, die als Mass gilt, so dass sie dasselbe, grösseres, kleineres Quantum derselben darstellt. Sie drückt also selbst ein *bestimmtes Quantum* der gesellschaftlichen Durchschnittsarbeit aus.

Formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital

Der Arbeitsprozess wird zum Mittel des Verwertungsprozesses, des Prozesses der Selbstverwertung des Kapitals — der Fabrikation von Mehrwert. Der Arbeitsprozess wird subsumiert unter das Kapital (es ist sein *eigner* Prozess) und der Kapitalist tritt in den Prozess als

* [Das Eingeklammerte bezieht sich auf S. 44—84 dieses Bandes, nämlich auf die Seiten 469a — 469m des Manuskripts. Siehe S. 42—44, unsere Note. *D. Red.*]

** [Hier schliesst das zweite Einschiebsel (S. 262—264 des Manuskripts, wovon S. 262 fehlt). Das Folgende ist die Fortsetzung der S. 469 des Manuskripts (S. 42 dieses Bandes). *D. Red.*]

тал непосредственно представляется в процессе труда, средства производства (т. е. опять-таки овеществленный труд) как средства выжимания и поглощения этого живого труда, — в целом как процесс, совершающийся между овеществленным и живым трудом, процесс, который не только превращает живой труд в овеществленный, но вместе с тем превращает овеществленный труд в капитал, а следовательно превращает и живой труд в капитал. Таким образом, это процесс, в котором производится не только товар, но и прибавочная стоимость, а стало быть и *капитал*. (Сравни стр. 96—108) *.

Средства производства представляются здесь не только как средства осуществления труда, но в равной мере как *средства эксплуатации чужого труда* **.

Относительно стоимости или денег, как овеществления всеобщего среднего общественного труда, нужно заметить еще следующее. Пусть, например, труд прядильщика сам по себе стоит *выше* или *ниже* уровня среднего общественного труда. Т. е. пусть известное количество труда прядильщика будет равно, больше или меньше того же количества среднего общественного труда, например овеществленного в известном количестве золота рабочего времени равной величины (продолжительности). Но если труд прядильщика выполняется с нормальной в его *сфере* степенью интенсивности, т. е., например, употребляемый на производимую в один час пряжу труд дает нормальное количество пряжи, которое доставляет в среднем при данных общественных условиях один час труда прядильщика, то труд, овеществленный в пряже, есть *общественно-необходимый труд*. В качестве такового он находится в количественно определенном отношении к среднему общественному труду вообще, который служит мерой; так что труд, овеществленный в пряже, выражает одинаковое, большее, меньшее количество последнего. Он сам, следовательно, выражает *определенное количество* среднего общественного труда.

Формальное подчинение труда капиталу.

Процесс труда становится средством процесса увеличения стоимости, процесса самовозрастания стоимости капитала — производства прибавочной стоимости. Процесс труда подчиняется капиталу (это — его *собственный* процесс), и капиталист вступает в него как управляющий, как руководитель; и этот процесс есть для

* [Это указание послужило Марксу наметкой для включения данной вставки (стр. 45—85 настоящего тома) в текст. См. редакционное примечание на стр. 43. *Ред.*]

** [Здесь кончается вторая вставка (стр. 26.—264 рукописи). Далее следует продолжение текста стр. 469 рукописи (стр. 43 настоящего тома), прерванного двумя вставками. *Ред.*]

Dirigent, Leiter; es ist für ihn zugleich unmittelbar Exploitationsprozess fremder Arbeit. Dies nenne ich die *formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital*. Es ist die *allgemeine* Form alles kapitalistischen Produktionsprozesses; es ist aber zugleich eine *besondere* Form neben der entwickelten *spezifisch-kapitalistischen Produktionsweise*, weil die letztere die erstere, die erstere aber keineswegs notwendig die letztere involviert.

470 || Der Produktionsprozess ist der Prozess des Kapitals selbst geworden. Es ist ein Prozess, der mit den *Faktoren des Arbeitsprozesses* vorgeht, worin sich das Geld des Kapitalisten verwandelt hat, und der unter seiner Leitung vorgeht, und zum Zweck vorgeht aus Geld Mehr Geld zu machen.

Wenn der früher unabhängig für sich selbst produzierende Bauer zum Tagelöhner wird, der für einen Pächter arbeitet, wenn die in der zünftigen Produktionsweise geltende hierarchische Gliederung vor dem einfachen Gegensatz eines Kapitalisten, der Handwerker als Lohnarbeiter für sich arbeiten lässt, verschwindet, wenn der frühere Sklavenhalter seine früheren Sklaven als Lohnarbeiter beschäftigt usw., so sind anders gesellschaftlich bestimmte Produktionsprozesse in den Produktionsprozess des Kapitals verwandelt. Es treten damit die früher entwickelten Aenderungen ein. Der früher unabhängige Bauer wird als Faktor des Produktionsprozesses abhängig von dem Kapitalisten, der selben leitet und seine Beschäftigung selbst hängt von einem Kontrakt ab, den er als Warenbesitzer (Besitzer von Arbeitskraft) mit dem Kapitalisten als Geldbesitzer vorher geschlossen hat. Der Sklave hört auf, ein seinem Anwender angehöriges Produktionsinstrument zu sein. Das Verhältnis von Meister und Gesell verschwindet. Der Meister stand mit dem Gesellen im Verhältnis als Meister des Handwerks. Er steht ihm jetzt nur noch als Besitzer von Kapital, wie der andre ihm nur noch gegenübersteht als Verkäufer von Arbeit. Vor dem Produktionsprozess treten sie sich alle als Warenbesitzer gegenüber und haben nur ein *Geldverhältnis* zusammen, *innerhalb* des Produktionsprozesses als personifizierte Funktionäre der Faktoren dieses Prozesses, der Kapitalist als «Kapital», der unmittelbare Produzent als «Arbeit», und ihr Verhältnis ist bestimmt durch die Arbeit als blossen Faktor des sich selbst verwertenden Kapitals.

Ferner sorgt der Kapitalist dafür, dass die Arbeit den normalen Grad der Güte und Intensivität besitzt und verlängert den Arbeitsprozess soviel als möglich, da damit der von ihm produzierte Mehrwert wächst. Es wächst die *Kontinuität* der Arbeit, wenn an der Stelle früher von einzelnen Kunden abhängigen Produzenten, letztere, die keine Ware mehr

него, вместе с тем, непосредственно процесс эксплуатации чужого труда. Это я называю *формальным подчинением труда капиталу*. Это — *всеобщая* форма всякого капиталистического процесса производства; но это, вместе с тем, *особенная* форма наряду с развитым *специфически-капиталистическим способом производства*, так как последний включает в себе первую, между тем как первая вовсе не включает в себе обязательно последнюю.

1. Процесс производства сделался процессом самого капитала. 470
Это — процесс, происходящий с *факторами процесса труда*, в которые превратились деньги капиталиста, и происходящий под его руководством и с целью сделать из денег больше денег.

Когда производивший прежде независимо, для самого себя, крестьянин становится поденщиком, который работает на арендатора; когда имевшее силу при цеховом способе производства иерархическое расчленение уступает место простой противоположности между капиталистом и ремесленниками, которых он заставляет работать на себя как наемных рабочих; когда прежний рабовладелец применяет своих прежних рабов как наемных рабочих и т. д., то процессы производства с иными общественными определениями превращены в капиталистический процесс производства. При этом происходят перемены, о которых говорилось выше. Прежде независимый крестьянин становится, как фактор процесса производства, зависимым от капиталиста, который руководит этим процессом, и самое его занятие зависит от контракта, который он в качестве товаровладельца (владельца рабочей силы) предварительно заключил с капиталистом как владельцем денег. Раб перестает быть орудием производства, принадлежащим тому, кто его применяет. Отношение мастера и подмастерья исчезает. Мастер относился к подмастерью, как мастер в своем ремесле. Теперь же он противостоит ему лишь как владелец капитала, подобно тому как тот противостоит ему лишь как продавец труда. До процесса производства они противостоят друг другу в качестве товаровладельцев и между ними существует лишь *денежное отношение*, *внутри* же процесса производства они противостоят друг другу как олицетворенные функционеры факторов этого процесса, капиталист как «капитал», а непосредственный производитель как «труд», и их отношение определяется тем, что труд [стал] простым фактором самовозрастающего капитала.

Далее, капиталист заботится о том, чтобы труд обладал нормальной степенью доброкачественности и интенсивности, и как можно больше удлиняет процесс труда, так как таким образом растет производимая им прибавочная стоимость. Растет *непрерывность* труда, когда зависевшие прежде от отдельных клиентов производи-

zu verkaufen haben, am Kapitalisten einen fortwährenden Zahlmeister besitzen.

Es tritt auch die dem *Kapitalverhältnis* immanente Mystifikation ein. Die Werterhaltende Kraft der Arbeit erscheint als Selbsterhaltungskraft des Kapitals, die Wertschöpferische Kraft der Arbeit als Selbstverwertende Kraft des Kapitals, und im Ganzen, dem Begriff nach, die *vergegenständlichte* Arbeit als Anwender der *lebendigen*.

Trotz alledem ist mit jenem change durchaus nicht von vorn herein ein wesentlicher Wechsel in der realen Art und Weise des Arbeitsprozesses, des wirklichen Produktionsprozesses eingetreten. Im Gegenteil liegt es in der Natur der Sache, dass da die Subsumtion des Arbeitsprozesses unter das Kapital eintritt — auf Grundlage eines *vorhandenen Arbeitsprozesses*, der vor dieser seiner Subsumtion unter das Kapital bestand, der sich auf Grundlage früher verschiedener Produktionsprozesse und anderer Produktionsbedingungen gestaltet hat — das Kapital sich einen *gegebenen, vorhandenen Arbeitsprozess* subsumiert, also z. B. handwerksmässige Arbeit, die der kleinen, selbständigen Bauernwirtschaft entsprechende Weise der Agrikultur. Treten Aenderungen in diesen überlieferten und vom Kapital unter sein Kommando gebrachten *Arbeitsprozessen* ein, so können diese Modifikationen nur allmähliche *Folgen* der bereits erfolgten Subsumtion gegebener, überlieferter Arbeitsprozesse unter das Kapital sein. Dass die Arbeit intensiver wird, oder die Dauer des Arbeitsprozesses sich verlängert, dass die Arbeit kontinuierlicher und unter dem Auge des interessierten Kapitalisten ordnungsmässiger usw. wird, verändert an und für sich nicht den Charakter des realen Arbeitsprozesses selbst, der realen Arbeitsweise. Es bildet dies also einen grossen Kontrast zu der, wie gezeigt, im Fortgang der kapitalistischen Produktion sich entwickelnden spezifisch *kapitalistischen Produktionsweise* (Arbeit auf grosser Stufenleiter etc.), die gleichzeitig mit den Verhältnissen der verschiedenen Produktionsagenten, die Art dieser Arbeit und die reale Weise des ganzen Arbeitsprozesses *revolutioniert*. Es ist im Gegensatz zur letztern, dass wir die bisher betrachtete Subsumtion des Arbeitsprozesses (einer schon vor Eintritt des Kapitalverhältnisses entwickelten Arbeitsweise unter dasselbe) unter das Kapital *die formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital* nennen. Das Kapitalverhältnis als *Zwangsverhältnis*, um Mehrarbeit zu erzwingen durch Verlängerung der Arbeitszeit — ein Zwangsverhältnis, das auf keinen persönlichen Herrschafts- und Abhängigkeitsverhältnissen beruht, sondern einfach aus verschiedenen ökonomischen Funktionen entspringt — ist beiden Weisen gemeinsam, aber die spezifisch kapitalistische Produktionsweise kennt auch noch andre Weisen den Mehrwert zu erzwingen. Dagegen auf Basis einer vorhande-

тели, не имеющие уже теперь товаров для продажи, приобретают в лице капиталиста постоянного казначея.

Возникает также и имманентная *капиталистическому отношению* мистификация. Способность труда сохранять стоимость выступает как способность капитала к самосохранению, способность труда создавать стоимость — как способность капитала к самовозрастанию, и в целом, по существу понятия, *овеществленный* труд выступает как фактор, применяющий *живой* труд.

Несмотря на все это, с этой переменной с самого начала отнюдь еще не наступает существенного изменения в реальном способе процесса труда, действительного процесса производства. Наоборот, вполне в порядке вещей, что когда наступает подчинение процесса труда капиталу — на основе *наличного процесса труда*, существовавшего до этого подчинения его капиталу, сложившегося на основе прежде различных процессов производства и других условий производства, — капитал подчиняет себе *данный наличный процесс труда*, т. е., например, ремесленный труд, соответствующий мелкому самостоятельному крестьянскому хозяйству способ земледелия. Когда возникают изменения в этих традиционных и поставленных капиталом под его команду *процессах труда*, то эти изменения могут быть лишь постепенными *следствиями* уже происшедшего подчинения данных традиционных процессов труда капиталу. Тот факт, что труд становится интенсивнее или увеличивается продолжительность процесса труда, что труд становится более непрерывным и под наблюдением заинтересованного капиталиста более упорядоченным и т. д., сам по себе не изменяет характера самого реального процесса труда, реального способа труда. Таким образом, это составляет большой контраст развивающемуся, как показано, в дальнейшем ходе капиталистического производства специфически *капиталистическому способу производства* (труд в крупном масштабе и т. д.), который одновременно с отношениями различных агентов производства *революционизирует* способ этого труда и реальный характер всего процесса труда. Именно в противоположность последнему мы называем рассмотренное до сих пор подчинение процесса труда капиталу (подчинение способа производства, развившегося еще до появления капиталистического отношения последнему) *формальным подчинением труда капиталу*. Капиталистическое отношение как *отношение принуждения*, заключающееся в том, чтобы посредством удлинения рабочего времени вынудить прибавочный труд, — отношение принуждения, не покоящееся ни на каких отношениях личного господства и зависимости, но вытекающее просто из различных экономических функций, — общее обоим способам, но специфически капиталистический способ произ-

nen Arbeitsweise, also einer *gegebenen* Entwicklung der Produktivkraft der Arbeit und dieser Produktivkraft entsprechenden Weise der Arbeit kann Mehrwert nur erzeugt werden durch *Verlängerung der Arbeitszeit*, also in der Weise des *absoluten Mehrwerts*. Dieser als der *einzigen* Form der Produktion des Mehrwerts entspricht daher die *formelle Subsumtion, der Arbeit unter das Kapital*.

- 471 Die allgemeinen Momente des Arbeitsprozesses, wie sie in Ch. II dargestellt werden, also z. B. die Direktion der gegenständlichen Bedingungen der Arbeit in Material und Mittel gegenüber der lebendigen Tätigkeit der Arbeiter selbst usw., sind von jedem historischen und spezifisch gesellschaftlichen Charakter des Produktionsprozesses unabhängig, und für alle möglichen Entwicklungsformen desselben gleich wahr bleibende Bestimmungen, in der Tat unveränderliche Naturbedingungen der menschlichen Arbeit. Es zeigt sich dies gleich schlagend darin, dass sie für die unabhängig arbeitenden, nicht im Austausch mit der Gesellschaft, sondern nur im Austausch mit der Natur produzierenden Menschen gelten, Robinson usw. Es sind also in der Tat absolute Bestimmungen der *menschlichen* Arbeit überhaupt, sobald sie sich aus dem rein tierischen Charakter herausgearbeitet hat.

Worin der selbst nur formell unter das Kapital subsumierte Arbeitsprozess von vorn herein sich unterscheidet und wodurch er sich mehr und mehr unterscheidet, selbst auf Basis der alten überlieferten Arbeitsweise — ist die *Stufenleiter*, worin er ausgeführt wird, also auf der einen Seite der Umfang der vorgeschossenen Produktionsmittel, andererseits die Anzahl der von demselben employer kommandierten Arbeiter. Was z. B. auf Basis der zünftigen Produktionsweise als Maximum erscheint (z. B. mit Bezug auf die Gesellenanzahl) kann kaum ein Minimum bilden für das Kapitalverhältnis. Denn in der Tat kann dies nur noch ganz nominell eintreten, wo der Kapitalist nicht wenigstens so viel Arbeiter beschäftigt, dass der von ihm produzierte Mehrwert als Revenu für seine Privatkonsumtion, und als Akkumulationsfonds hinreicht, so dass er selbst unmittelbarer Arbeit enthoben ist, und nur noch als *Kapitalist* arbeitet, als Oberaufseher und Leiter des Prozesses, gleichsam die mit Willen und Bewusstsein begabte Funktion des in seinem Verwertungsprozess begriffenen Kapitals vollzieht. Diese Erweiterung der *Stufenleiter* bildet denn auch die reale Basis, worauf sich die spezifisch kapitalistische Produktionsweise unter sonst günsti-

водства знает еще другие способы выжимания прибавочной стоимости. На базисе же какого-либо наличного способа производства, т. е. *данного* развития производительной силы труда и соответствующего этой производительной силе способа труда, прибавочная стоимость может быть создана лишь путем *удлинения рабочего времени*, стало быть в виде *абсолютной прибавочной стоимости*. Этой форме, как единственной форме производства прибавочной стоимости, соответствует поэтому *формальное подчинение труда капиталу*.

| Всеобщие моменты процесса труда, как они излагаются в главе 47† II, т. е., например, разделение вещных условий труда на материал и средства труда в отношении их к живой деятельности самих рабочих и т. д., — эти общие моменты суть определения, независимые от какого-либо исторического и специфически общественного характера способа производства, определения, остающиеся одинаково правильными для всех возможных форм развития последнего, суть на деле неизменные естественные условия человеческого труда. Ярким подтверждением этого служит тот факт, что они имеют силу и для людей, работающих независимо, не обменивающихся с обществом, а производящих лишь на основе обмена с природой, как Робинзон и т. д. Следовательно, это на деле абсолютные определения *человеческого* труда вообще, как только он перестает носить чисто животный характер.

То, чем отличается с самого начала процесс труда, еще только формально подчиненный капиталу, и благодаря чему он все более и более отличается, даже на базисе старого традиционного способа производства, это — *масштаб*, в котором он выполняется; стало быть, с одной стороны, — объем авансированных средств производства, с другой стороны — количество рабочих, которыми распоряжается один и тот же наниматель. То, что, например, на базисе цехового способа производства представляется максимумом (например в отношении числа подмастерьев), едва может составлять минимум для капиталистического отношения. Ибо на деле это отношение может возникнуть даже совершенно номинально лишь там, где капиталист применяет по меньшей мере столько рабочих, чтобы производимой им прибавочной стоимости хватало в качестве дохода для его частного потребления и в качестве фонда накопления, с тем, чтобы он сам был освобожден от непосредственного труда и работал лишь как *капиталист*, выполняя, в качестве главного надзирателя и руководителя процесса, словно наделенную волей и сознанием функцию находящегося в процессе увеличения своей стоимости капитала. Это расширение *масштаба* и образует реальный базис, на котором возникает специфически капиталистический способ производства при прочих благоприятных исторических условиях; как

gen historischen Verhältnissen, wie denen des 16. Jahrhunderts z. B., erhebt, obgleich sie natürlich *sporadisch*, als nicht die Gesellschaft beherrschend, an einzelnen Punkten erscheinen kann innerhalb früherer Gesellschaftsformen.

Am deutlichsten wird der unterscheidende Charakter der *formellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital* durch Vergleich mit Zuständen, wo das Kapital bereits in bestimmten, untergeordneten Funktionen, aber noch nicht in seiner herrschenden, die allgemeine Gesellschaftsform bestimmenden Funktion als unmittelbarer Käufer von Arbeit und als unmittelbarer Aneigner des Produktionsprozesses existiert. Das *Wucherkapital* z. B., soweit es den unmittelbaren Produzenten, wie in Indien z. B., Rohmaterial, Arbeitsinstrument oder auch beides in der Form von Geld vorschiesst. Die ungeheuren Zinsen, die es zieht, die Zinsen, die es überhaupt, abgesehen von ihrer Grösse, dem unmittelbaren Produzenten so erpresst, sind nur ein anderer Name für Mehrwert. Es verwandelt in der Tat sein Geld dadurch in Kapital, dass es den unmittelbaren Produzenten unbezahlte Arbeit erpresst, Surplusarbeit. Aber es mischt sich nicht in den Produktionsprozess selbst, der nach wie vor in seiner herkömmlichen Weise neben ihm vorgeht. Es schiesst auf teils aus der *Verkümmrung* dieser Produktionsweise, teils ist es ein Mittel sie zu *verkümmern* und in den ungünstigsten Bedingungen sie fortvegetieren zu machen. Hier findet *noch nicht* die formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital statt. Ein andres Beispiel ist das *Kaufmannskapital*; so weit es einer Anzahl unmittelbarer Produzenten Aufträge gibt, dann ihre Produkte sammelt und sie verkauft, wobei es auch das Rohmaterial etc. vorschiesen mag oder auch Geldvorschüsse machen usw. Es ist diese Form, woraus sich zum Teil das moderne Kapitalverhältnis entwickelt hat, und die hier und da noch immer den Uebergang zum eigentlichen Kapitalverhältnis bildet. Auch hier findet noch keine formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital statt. Der unmittelbare Produzent bleibt immer noch zugleich der Warenverkäufer und Anwender seiner eigenen Arbeit. Es ist hier aber schon mehr als in dem Verhältnis des Wucherkapitals der Uebergang vorhanden. Beide Formen, auf die wir gelegentlich später zurückkommen, reproduzieren sich als Neben- und Uebergangsformen innerhalb der kapitalistischen Produktionsweise.

Es ist Ch. III ausführlich entwickelt worden, wie sich mit der *Produktion des relativen Mehrwerts* — (für den einzelnen Kapitalisten, soweit er die *Initiative* ergreift, dadurch gestachelt, dass der Wert = der gesellschaftlich notwendigen Arbeitszeit, die im Produkt vergegen-

например, условия XVI века, хотя *спорадически*, не будучи господствующим в обществе, он конечно, может появляться в отдельных пунктах внутри прежних общественных форм.

Всего яснее становится отличительный характер *формального подчинения труда капиталу* при сравнении с эпохами, когда капитал уже существует в определенных, подчиненных функциях, но еще не в его господствующей, определяющей всю общественную форму, функции непосредственного покупателя труда и непосредственного присвоителя процесса производства. Например, *ростовщический капитал*, поскольку он авансирует непосредственным производителям, как, например, в Индии, сырье, инструменты или то и другое в форме денег. Чудовищные проценты, которые он взимает, проценты, которые он, оставляя в стороне их высоту, вообще таким образом выжимает из непосредственного производителя, это — лишь другое название для прибавочной стоимости. Он на деле превращает свои деньги в капитал тем, что он выжимает из непосредственного производителя неоплаченный труд, прибавочный труд. Но он не вмешивается в самый процесс производства, который по-прежнему протекает рядом с ним своим традиционным способом. Ростовщический капитал частично развивается вследствие *разорения* этого способа производства, частично он представляет собой способ *разорить* его и привести его к прозябанию в неблагоприятнейших условиях. Здесь *еще не* имеет места формальное подчинение труда капиталу. Другой пример представляет собой *торговый капитал*: поскольку он дает заказы ряду непосредственных производителей, затем собирает их продукты и продает их, причем он может также авансировать сырье и т. п. или давать денежные авансы и т. д. Именно из этой формы частично развилось современное капиталистическое отношение, и она все еще кое-где составляет переход к собственно капиталистическому отношению. Здесь также еще не имеет места формальное подчинение труда капиталу. Непосредственный производитель все еще одновременно и продает свои товары и применяет свой собственный труд. Однако здесь больше элементов перехода, чем в отношении ростовщического капитала. Внутри капиталистического способа производства обе эти формы, к которым мы в дальнейшем при случае вернемся, воспроизводятся как побочные и переходные формы.

Реальное подчинение труда капиталу, или специфически капиталистический способ производства. 472

В главе III было подробно показано, как с производством *относительной прибавочной стоимости* (стимулируемым для отдельного капиталиста, поскольку он берет *инициативу*, тем, что стоимость равна общественно-необходимому рабочему времени, овеществленному в

ständig; dass also *Mehrwert* für ihn kreiert ist, sobald der *individuelle* Wert seines Produkts *unter* dessen gesellschaftlichem Wert steht, und daher *über* seinem individuellen Wert verkauft werden kann)—die ganze reale Gestalt der Produktionsweise ändert und eine spezifisch *kapitalistische Produktionsweise* (auch technologisch) entspringt, auf deren Basis und mit der sich zugleich auch erst die dem kapitalistischen *Produktionsprozesse* entsprechenden *Produktionsverhältnisse* zwischen den verschiedenen Agenten der Produktion, und speziell zwischen Kapitalist und Lohnarbeiter, entwickeln.

Die *gesellschaftlichen* Produktivkräfte der Arbeit, oder die Produktivkräfte direkt *gesellschaftlicher, vergesellschafteter* (gemeinsamer) Arbeit, durch die Kooperation, die Teilung der Arbeit innerhalb des Ateliers, die Anwendung der *Maschinerie*, und überhaupt die Verwandlung des Produktionsprozesses in bewusste *Anwendung* der Naturwissenschaft, Mechanik, Chemie etc., für bestimmte Zwecke, *Technologie* usw., ebenso wie das allem diesen entsprechende *Arbeiten auf grosser Stufenleiter* usw. (es ist nur diese vergesellschaftete Arbeit, die fähig ist, die *allgemeinen* Produkte der menschlichen Entwicklung, wie Mathematik etc. auf den *unmittelbaren* Produktionsprozess anzuwenden, wie andererseits die Entwicklung dieser Wissenschaften eine bestimmte Höhe des materiellen Produktionsprozesses voraussetzt), diese Entwicklung der Produktivkraft der *vergesellschafteten Arbeit* im Gegensatz zur mehr oder minder isolierten Arbeit der Einzelnen usw. und mit derselben die *Anwendung der Wissenschaft*, dieses *allgemeinen* Produkts der gesellschaftlichen Entwicklung, auf den *unmittelbaren Produktionsprozess*, dies alles stellt sich dar als *Produktivkraft des Kapitals*, nicht als Produktivkraft der Arbeit, oder nur als Produktivkraft der Arbeit, soweit sie mit dem Kapital identisch ist, und jedenfalls nicht als Produktivkraft weder des einzelnen Arbeiters, noch der im Produktionsprozess kombinierten Arbeiter. Die Mystifikation, die im Kapitalverhältnis überhaupt liegt, wird jetzt viel weiter entwickelt, als es bei der nur formellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital der Fall war und sein konnte. Andererseits tritt hier auch die historische Bedeutung der kapitalistischen Produktion, eben durch die Umwandlung des unmittelbaren Produktionsprozesses selbst und die Entwicklung der gesellschaftlichen Produktivkräfte der Arbeit, erst schlagend hervor (spezifisch hervor).

Es ist nachgewiesen worden (Ch. III), wie nicht nur «vorgestellt», sondern «tatsächlich» das «Gesellschaftliche» etc. seiner Arbeit dem Arbeiter nicht nur fremd, sondern feindlich und gegensätzlich, und als im Kapital vergegenständlicht und personifiziert gegenübertritt.

продукте, что, следовательно, для него создается *прибавочная стоимость*, как только *индивидуальная* стоимость его продукта оказывается *ниже* его общественной стоимости и *поэтому* продукт может продаваться *выше* его индивидуальной стоимости) изменяется весь реальный образ способа производства и возникает специфически *капиталистический способ производства* (также и технологически), лишь на базисе которого и одновременно с развитием которого развиваются также соответствующие капиталистическому *процессу производства производственные отношения* между различными агентами производства и в особенности между капиталистом и наемным рабочим.

Общественные производительные силы труда, или производительные силы непосредственно *общественного, обобщественного* (совместного) труда, благодаря кооперации, разделению труда внутри мастерской, применению *машин* и вообще превращению процесса производства в сознательное *применение* естествознания, механики, химии и т. д. для определенных целей, *технологии* и т. д., равно как соответствующее всему этому *производство в большом масштабе* и т. д. (только этот обобществленный труд способен применить к *непосредственному* процессу производства *всеобщие* продукты человеческого развития, как математику и т. д., между тем как, с другой стороны, развитие этих наук предполагает определенный уровень материального процесса производства), это развитие производительной силы *обобщественного труда* в противоположность более или менее изолированному труду одиночек и т. д. и вместе с тем *применение науки*, этого *всеобщего* продукта общественного развития, к *непосредственному процессу производства*, — все это представляется *производительной силой капитала*, а не производительной силой труда, или производительной силой труда лишь поскольку он тождествен капиталу, и во всяком случае ни производительной силой отдельного рабочего, ни комбинированных в процессе производства рабочих. Мистификация, заложенная в капиталистическом отношении вообще, теперь развивается гораздо дальше, чем это было и могло быть при лишь формальном подчинении труда капиталу. С другой стороны, лишь здесь с особой яркостью выступает (специфически выступает) и историческое значение капиталистического производства именно благодаря преобразованию самого непосредственного процесса производства и развитию общественных производительных сил труда.

Выше было показано (глава III), как «общественное» и т. д. в труде рабочего не только «в воображении», но и «фактически» противостоит рабочему не только как нечто чуждое, но и как враждебное и противоположное, как овеществленное и олицетворенное в капитале.

Wie die Produktion des absoluten Mehrwerts als materieller Ausdruck der formellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital, so kann die Produktion des relativen Mehrwerts als die der reellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital betrachtet werden.

Jedenfalls entsprechen den beiden Formen des Mehrwerts — dem absoluten und relativen — wenn sie jede für sich in getrennter Existenz betrachtet werden — und der absolute Mehrwert geht stets dem relativen vorher — zwei getrennte Formen der Subsumtion der Arbeit unter das Kapital, oder zwei getrennte Formen der kapitalistischen Produktion, von denen die erste immer den Vorläufer der andern bildet, obgleich die weiter entwickelte, die zweite, wieder die Basis für die Einführung der ersten in neuen Produktionszweigen bilden kann.

473 || Nachträgliches über die formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital

Bevor wir weiter zur Betrachtung der reellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital fortschreiten, noch folgendes Nachträgliches aus meinen Heften.

Die auf dem absoluten Surpluswert beruhende Form nenne ich *Formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital*, weil sie sich nur *formell* von den frühern Produktionsweisen unterscheidet, auf deren Grundlage sie unmittelbar entspringt (eingeführt wird), sei es nun, dass darin der Producer selfemploying, sei es, dass die unmittelbaren Produzenten Surplusarbeit für andre liefern müssen. Der *Zwang*, der ausgeübt wird, ist andrer Art, id est die Methode, wodurch die Surplusarbeit erzwungen wird. Das wesentliche bei der *formellen Subsumtion* ist:

1) das reine Geldverhältnis zwischen dem, der die Surplusarbeit aneignet und dem, der sie liefert: soweit *Unterordnung* entspringt, entspringt sie aus dem *bestimmten Inhalt* des Verkaufs, nicht aus einer ihm vorausgesetzten *Unterordnung*, wodurch der Produzent in andres Verhältnis als das Geldverhältnis (Verhältnis von Warenbesitzer zu Warenbesitzer) gegen den Exploiteur seiner Arbeit infolge politischen etc. Verhältnisses gestellt wäre; es ist *nur* als Besitzer der Arbeitsbedingungen, dass hier der Käufer den Verkäufer in seine *ökonomische* Abhängigkeit bringt; kein politisches und sozial fixiertes Verhältnis von Ueber- und Unterordnung;

2) was in dem ersten Verhältnis eingeschlossen ist — denn sonst hätte der Arbeiter nicht sein Arbeitsvermögen zu verkaufen, dass seine *objektiven Arbeitsbedingungen* (Produktionsmittel) und *subjektiven Arbeitsbedingungen* (Lebensmittel) ihm als *Kapital*, als monopolisiert

Подобно тому как производство абсолютной прибавочной стоимости может рассматриваться как материальное выражение формального подчинения труда капиталу, так производство относительной прибавочной стоимости может рассматриваться как выражение реального подчинения труда капиталу.

Во всяком случае обоим формам прибавочной стоимости — абсолютной и относительной, — если их рассматривать самостоятельно в раздельном существовании, — а абсолютная прибавочная стоимость всегда предшествует относительной, — соответствуют две раздельные формы подчинения труда капиталу, или две раздельные формы капиталистического производства, из которых первая всегда является предшественницей второй, хотя более развитая форма, вторая, в свою очередь может составлять базис для введения первой в новых отраслях производства.

|| Дополнение о формальном подчинении труда капиталу

473

Прежде чем мы продолжим дальнейшее рассмотрение реального подчинения труда капиталу, еще следующие дополнения из моих тетрадей.

Покоящуюся на абсолютной прибавочной стоимости форму я называю *формальным подчинением труда капиталу*, ибо она лишь *формально* отличается от прежних способов производства, на основе которых она непосредственно возникает (вводится); независимо от того, является ли в них производитель самостоятельным или же непосредственные производители вынуждены отдавать другим прибавочный труд. Применяемое *принуждение*, т. е. методы, которыми выжимается прибавочный труд, носит иной характер. Существенно при *формальном подчинении* следующее:

1) чисто денежное отношение между тем, кто присваивает себе прибавочный труд, и тем, кто его отдает: поскольку возникает *подчинение*, оно возникает из *определенного содержания* продажи, а не из предшествующего ей *подчинения*, благодаря которому производитель был бы поставлен в иное, чем денежное, отношение (отношение товаровладельца к товаровладельцу) к эксплуататору своего труда вследствие политического и т. д. отношения; именно *лишь* в качестве владельца условий труда покупатель ставит здесь продавца в *экономическую* зависимость от себя; [это] — не политическое и социально зафиксированное отношение господства и подчинения;

2) в первом отношении уже заключается то [обстоятельство], — ибо в противном случае рабочему не приходилось бы продавать свою способность к труду, — что его *объективные условия труда* (средства производства) и *субъективные условия труда* (средства существования) противостоят ему как *капитал*, как монополизированные

vom Käufer seines Arbeitsvermögens gegenüberstehn. Je vollständiger diese *Arbeitsbedingungen* ihm als fremdes Eigentum gegenüberstehn, umso vollständiger findet *formell* das *Verhältnis von Kapital und Lohnarbeit* statt, also formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital, die Bedingung und Voraussetzung der *reellen* Subsumtion.

In der Produktionsweise selbst findet hier noch kein Unterschied statt. Der *Arbeitsprozess*, *technologisch* betrachtet, geht grad vor sich wie früher, nur jetzt als dem Kapital *untergeordneter* Arbeitsprozess. Es entwickelt sich jedoch im Produktionsprozess selbst, wie früher entwickelt, 1) ein *ökonomisches* Verhältnis der Ueber- und Unterordnung, indem der Konsum des Arbeitsvermögens vom Kapitalisten geschieht, daher von ihm überwacht und dirigiert wird; 2) es entwickelt sich grosse Kontinuität und Intensivität der Arbeit und grössere Oekonomie in der Anwendung der Arbeitsbedingungen, indem alles aufgeboten wird, damit das Produkt nur *gesellschaftlich notwendige* (oder rather noch weniger) *Arbeitszeit* darstellt und dies sowohl mit Bezug auf die lebendige Arbeit, die zu seiner Produktion verwandt wird, als in Bezug auf die *vergegenständlichte* Arbeit, die als Wert der angewandten Produktionsmittel wertbildend in es eingeht.

Bei der *formellen Subsumtion* der Arbeit unter das Kapital erhält der *Zwang zur Surplusarbeit* — und damit einerseits zur Bildung von Bedürfnissen und von Befriedigungsmitteln dieser Bedürfnisse, wie der Produktionsmasse über das Mass der traditionellen Bedürfnisse des Arbeiters hinaus — und Schaffung *freier Zeit* zur Entwicklung, unabhängig von der materiellen Produktion, *nur eine andre* Form als in früheren Produktionsweisen, aber eine Form, die die Kontinuität und Intensivität der Arbeit steigert, die Produktion vermehrt, der Entwicklung der *Variationen der Arbeitsvermögen* günstiger ist, und damit der Differenzierung der Arbeits- und Erwerbsweisen, endlich das Verhältnis der Besitzer der Arbeitsbedingungen und der Arbeiter selbst in ein reines *Kauf- und Verkaufverhältnis* oder *Geldverhältnis* auflöst, und das Exploitationsverhältnis von allen patriarchalischen und politischen oder auch religiösen Verquickungen *ausscheidet*. Allerdings erzeugt das *Produktionsverhältnis* selbst ein neues Verhältnis der *Ueber- und Unterordnung* (das auch *politische* etc. Ausdrücke seiner selbst produziert). Je weniger die kapitalistische Produktion über das formelle Verhältnis herauskommt, um so weniger ist auch jenes Verhältnis entwickelt, da es nur kleine Kapitalisten voraussetzt, die in Bildungs- und Beschäftigungsweise nur wenig von den Arbeitern selbst verschieden sind.

474 || Der Unterschied in der *Art des Verhältnisses der Ueber- und Unterordnung*, ohne die Produktionsweise selbst noch zu berühren, zeigt

покупателем его способности к труду. Чем в большей степени эти *условия труда* полностью противостоят ему как чужая собственность, тем более полным бывает *формальное отношение капитала и наемного труда*, т. е. формальное подчинение труда капиталу, условие и предпосылка *реального* подчинения.

В самом способе производства здесь еще нет различия. Рассматриваемый *технологически, процесс труда* совершается точно так же, как раньше, только теперь — как *подчиненный* капиталу процесс труда. Однако в самом процессе производства развивается, как было ранее изложено: 1) *экономическое* отношение господства и подчинения, благодаря тому что потребление способности к труду осуществляется капиталистом, стало быть, под его наблюдением и руководством; 2) развивается большая непрерывность и интенсивность труда и большая экономия в применении условий труда, так как прилагаются все усилия, чтобы продукт представлял *лишь общественно-необходимое* (или лучше еще меньшее) *рабочее время*, и это как в отношении живого труда, применяемого для его производства, так и в отношении *овеществленного* труда, который, как стоимость употребленных средств производства, входит в него как образующий стоимость фактор.

При *формальном подчинении* труда капиталу *принуждение к прибавочному труду* — а тем самым, с одной стороны, к созданию потребностей и средств удовлетворения этих потребностей, как массы производимого сверх меры обычных потребностей рабочего, и (с другой стороны) к созданию *досуга* для развития сверх времени, необходимого для материального производства, — принимает *только иную* форму, чем при прежних способах производства, но форму, которая повышает непрерывность и интенсивность труда, увеличивает производство, более благоприятствует развитию *изменений способностей к труду* и тем самым дифференциации видов труда и заработка, наконец самое отношение владельцев условий труда и рабочих превращает в чистое *отношение покупки и продажи* или *денежное отношение* и высвобождает отношение эксплуатации от всяких патриархальных и политических, а также религиозных пут. Впрочем само *производственное отношение* порождает новое *отношение господства и подчинения* (которое, в свою очередь, создает для себя *политические* и т. д. выражения). Чем менее капиталистическое отношение выходит за пределы формального отношения, тем меньше также развито это отношение, так как оно предполагает только мелких капиталистов, которые по роду своего образования и занятий лишь немногим отличаются от самих рабочих.

|| Различие в *характере отношения господства и подчинения*, 474 не касаясь еще самого способа производства, более всего обнару-

sich am meisten, wo *ländliche* und *häusliche* Nebenarbeiten, die bloss für den Bedarf der Familie betrieben wurden, in selbständig kapitalistische Arbeitszweige verwandelt werden.

Der Unterschied der *formell* vom Kapital subsumierten Arbeit von früherer Anwendungsart der Arbeit tritt in demselben Umfang hervor, worin die *Grösse des Kapitals* wächst, das der einzelne Kapitalist anwendet, also die *Anzahl der gleichzeitig von ihm beschäftigten Arbeiter*. Erst mit einem gewissen Minimum von Kapital hört der Kapitalist auf selbst Arbeiter zu sein und [beginnt] sich nur die Direktion des Arbeitsprozesses und den Handel mit den produzierten Waren vorzubehalten. Auch tritt erst die *reelle* Subsumtion der Arbeit unter das Kapital ein, *die eigentlich kapitalistische Produktionsweise*, wo sich Kapitalien von gewisser Grösse unmittelbar der Produktion bemächtigt haben, sei es dass der Kaufmann industrieller Kapitalist wird, sei es dass sich auf Basis der *formellen Subsumtion* grössere industrielle Kapitalisten gebildet haben ^a.*

* [Der Text dieser Fussnote steht auf einem nachträglich geschriebenen, zusätzlichen Blatt, das Marx nicht nummerierte. Da unter dem Text der Manuskriptseite 474, auf den sich die Fussnote bezieht, noch ein kurzer Absatz folgt, versah Marx die Fussnote mit der folgenden, ihr vorangestellten Bemerkung:]

^a Dies a) bezieht sich nicht auf den letzten Passus, sondern auf den vorhergehenden.

[Auf diese Bemerkung folgt der Text der Fussnote. D. Red.:]

[474a]

|| a) «A free labourer has generally the liberty of changing his master: this liberty distinguishes a slave from a free labourer, as much as an English man-of-war sailor is distinguished from a merchant sailor... The condition of a labourer is superior to that of a slave, because a labourer *thinks* himself free; and this conviction, however erroneous, has no small influence on the character of a population». (56 — 57. P.R. Edmonds. *Practical, Moral and Political Economy*. London, 1828). «Das Motiv, das einen freien Mann zur Arbeit treibt, ist viel violent, als das, welches einen Sklaven treibt: a free man has to choose between hard labour and starvation (*sieh die Stelle nach*), a slave between... and a good whipping». (56. l. c.). «The difference between the conditions of a slave and a labourer under the money system is very inconsiderable;... the master of the slave understands too well his own interest to weaken his slaves by stinting them in their food; but the master of a free man gives him as little food as possible, because *the injury done to the labourer does not fall on himself alone, but on the whole class of masters*». (l. c.).

«In der antiken Zeit, *to make mankind laborious beyond their wants, to make one part of a state work, to maintain the other part gratuitously*, nur zu bewerkstelligen durch Sklaven: Sklaverei war daher allgemein eingeführt. Slavery was then as necessary towards multiplication, as it would now be destructive of it. The reason is plain. *If mankind be not forced to labour, they will only labour for themselves*; and if they have few wants, there will be few labour. But when states come to be formed and have occasion for idle hands to defend them against the violence of their enemies, food at any rate must be procured for those

живается там, где *земледельческие и домашние* побочные работы, выполнявшиеся только для потребностей семьи, превращаются в самостоятельные капиталистические отрасли труда.

Различие *формально* подчиненного капиталом труда от прежнего способа применения труда выступает в таком же объеме, в каком возрастает *величина капитала*, прилагаемого отдельным капиталистом, т. е. *количество одновременно занятых у него рабочих*. Лишь при известном минимуме капитала капиталист сам перестает быть рабочим и [начинает] оставлять за собой только руководство процессом труда и торговлю произведенными товарами. *Реальное* подчинение труда капиталу, *собственно капиталистический способ производства*, и возникает лишь там, где капиталы известной величины овладевают непосредственно производством, тем ли путем, что купец становится промышленным капиталистом, или что на базисе *формального подчинения* возникли более крупные промышленные капиталисты ^{а*}.

* [Текст этой сноски написан на отдельном листке, которого Маркс не пронумеровал. Так как вслед за тем местом рукописи, к которому относится сноска, на стр. 474 следует еще один абзац, то Маркс снабдил сноску следующей пометкой:]

[а) Это а) относится не к последнему пункту, а к предыдущему. 474а
[Вслед за этой пометкой следует текст сноски. Ред.] «Свободный рабочий обычно может свободно переменить своего хозяина: эта свобода в такой же мере отличает раба от свободного рабочего, в какой английский матрос на военном судне отличается от матроса на коммерческом судне... Положение рабочего выше положения раба, ибо рабочий *считает* себя свободным; и это убеждение, как оно ни ошибочно, имеет не малое влияние на характер населения». (П. Р. Эдмондс, *Практическая, нравственная и политическая экономия*, Лондон, 1828 г., стр. 56 — 57). «Мотив, который побуждает свободного человека работать, на много сильнее побуждения раба: свободному человеку приходится выбирать между тяжелым трудом и голодом (это место проверить), а раба между... и хорошей поркой» (цит. соч., стр. 56). «Различие между положением раба и рабочего при денежной системе весьма незначительно;... хозяин раба слишком хорошо понимает свои собственные интересы, чтобы ослаблять своих рабов, урезывая их в пище; но хозяин свободного человека даст ему так мало пищи, как только возможно, потому что *несправедливость, наносимая рабочему, падает не на одного его хозяина, а на весь класс хозяев*» (цит. соч.).

«В древнем мире заставить людей работать сверх того, что необходимо для удовлетворения их собственных потребностей, заставить часть населения страны работать с целью бесплатного содержания другой части можно было только путем рабства: поэтому рабство было введено повсюду. Рабство было тогда также необходимо для роста производства, как теперь оно было бы пагубно для него. Причина ясна. Если не заставлять людей работать, они будут работать только для себя; и если у них мало потребностей, то будет мало труда. Но с образованием государств появляется нужда в праздных людях, чтобы последние их защищали против насилия их врагов; необходимо во что бы то

Tritt das Verhältnis der Ueber- und Unterordnung an die Stelle von Sklaverei, Leibeigenschaft, Vasallerei, patriarchalischen etc. Formen der Unterordnung, so findet nur eine *Verwandlung in seiner Form* statt. Die Form *wird freier*, weil sie nur noch *sachlicher* Natur, formell freiwillig, *rein ökonomisch*. (Verte). *

475 || Oder das Verhältnis der *Ueber- und Unterordnung* im Produktionsprozess tritt an die Stelle früherer *Selbständigkeit* im Produktionsprozess, wie z. B. bei allen selfsustaining peasants, farmers, die nur eine Produktenrente, sei es an Staat, sei es an landlord zu zahlen hatten, ländlich-häuslicher Nebenindustrie oder *selbständigen Handwerks*. Hier ist also Verlust der frühern *Selbständigkeit* im Produktionsprozess vorhanden und das Verhältnis der Ueber- und Unterordnung ist selbst das Produkt der Einführung der kapitalistischen Produktionsweise.

Endlich kann das Verhältnis von Kapitalist und Lohnarbeiter an die Stelle des *zunftartigen Meisters*, seiner *Gesellen und Lehrlinge* treten, ein Uebergang, den zum Teil die städtische Manufaktur bei ihrer Entstehung durchmacht. Das *mittelaltrige Zunftverhältnis*, das sich in analoger Form auch in Athen und Rom in engen Kreisen entwickelt hat, und das so entscheidend wichtig war in Europa für Bildung der Kapitalisten einerseits, für Bildung eines freien Arbeiterstandes and-

who do not labour; and as by the supposition, the wants of the labourers are small, a method must be found to increase their labour above the proportion of their wants. For this purpose slavery was calculated... The slaves were forced to labour the soil which fed both them and the idle freemen, as was the case in Sparta; or they filled all the servile places which freemen fill now, and they were likewise employed, as in Greece and in Rome, in supplying with manufactures those whose service was necessary for the state. Here then was a violent method of making mankind laborious in raising food... Men were then forced to labour, because they were slaves to others; men are now forced to labour because they are slaves of their own wants. (J. Stuart. (Dublin Edition) v. I, p. 38 — 40).

«Im 16-ten Jahrhundert», sagt derselbe Stuart, «während einerseits die lords ihre retainers entliessen, entliessen die farmers», die sich in industrielle Kapitalisten verwandelten, «die idle mouths. Aus einem *means of subsistence* wurde die Agrikultur in einen *trade* verwandelt». Die Folge war «The withdrawing... a number of hands from a trifling agriculture forces, in a manner, the husbandmen to work harder; and by hard labour upon a small spot, the same effect is produced as with slight labour upon a great extent». (l. c., p. 105).

* [Dieser Hinweis bezieht sich auf die in unserer vorigen Note angeführte Bemerkung von Marx. D. Red.]

Если отношение господства и подчинения возникает вместо рабства, крепостничества, вассальных отношений, патриархальных и т. д. форм подчинения, то происходит только *изменение формы этого отношения*. Форма становится свободнее, потому что она [теперь] имеет *вещный* характер, формально добровольная, *чисто экономическая*. (*Перевернуть страницу**).

|| Или отношение *господства и подчинения* в процессе производ- 475
ства приходит на место прежней *самостоятельности* в процессе производства, как, например, у всех самостоятельных крестьян, фермеров, которые должны платить лишь ренту продуктами государству или землевладельцу, в сельских домашних побочных промыслах или в *самостоятельных ремеслах*. Здесь, следовательно, налицо потеря прежней *самостоятельности* в процессе производства, и само отношение господства и подчинения есть продукт введения капиталистического способа производства.

Наконец, отношение капиталиста и наемного рабочего может заступить место отношения *цехового мастера*, его *подмастерьев и учеников*, — переход, который частично проделывает при своем возникновении городская мануфактура. *Средневековое цеховое отношение*, которое в аналогичной форме развилось также в узких кругах в Афинах и в Риме и которое имело столь важное решающее значение в Европе, с одной стороны — для образования капиталистов, с другой стороны — для образования свободного рабочего сословия,

ни стало добыть пищу для тех, *кто не работает*; а так как, по предположению, потребности рабочих невелики, нужно найти способ *увеличения их труда сверх размеров их потребностей*. *Рабство* было предназначено для этой цели. Рабов заставляли обрабатывать землю, которая кормила как их, так и праздных свободных людей, как это имело место в Спарте, или они занимали все рабские должности, занимаемые в настоящее время свободными людьми; они также использовались, как в Греции и Риме, для снабжения промышленными изделиями тех, чья служба была нужна государству. Здесь применялся *метод насилия*, чтобы заставить людей трудиться над добытием пищи... Люди тогда принуждались к труду потому что *они были рабами других*, теперь люди принуждаются к труду, потому что *они рабы собственных потребностей*. (Дж. Стюарт, [Исследование начал политической экономии] (Дублинское издание), т. I, стр. 38 — 40).

«В XVI столетии, — говорит тот же Стюарт, — в то время как, с одной стороны, лорды увольняли своих слуг, фермеры», превратившиеся в промышленных капиталистов, «увольняли праздные рты». Из *средства существования* земледелие превратилось в *предпринимательскую отрасль*. Следствием было «изъятие... некоторого количества рабочих из мелкого земледелия тем путем, что *вынуждали земледельцев работать интенсивнее, и тяжелым трудом на малой площади достигался такой же результат, как легким трудом на большом пространстве*». (соч., с. 105).

* [Это указание относится к замечанию Маркса, о котором шла речь в предыдущем редакционном примечании. *Ред.*]

rerseits, ist eine *beschränkte*, noch nicht adäquate Form des Kapital- und Lohnarbeitverhältnisses. Es existiert hier einerseits das Verhältnis von Käufer und Verkäufer. Es wird Lohn gezahlt und Meister, Gesell und Lehrling stehn sich als freie Personen gegenüber. Die technologische Basis dieses Verhältnisses ist der *handwerksmässige Betrieb*, worin die mehr oder minder kunstmässige Handhabung des *Arbeitsinstruments* der entscheidende Faktor der Produktion ist, die selbständige persönliche Arbeit, und daher ihre professionelle Entwicklung, die grössere oder kürzere Lehrzeit erheischt, bestimmt hier das Resultat der Arbeit. Der Meister befindet sich hier zwar im Besitz der Produktionsbedingungen, Handwerkszeugs, Arbeitsmaterials (obgleich das Handwerkszeug auch dem Gesellen gehören kann), ihm gehört das Produkt. Insofern ist er *Kapitalist*. Aber als Kapitalist ist er nicht *Meister*. Er ist erstens zunächst selbst *Handwerker* und is supposed Meister zu sein in seinem Handwerk. Innerhalb des Produktionsprozesses selbst figurirt er ebensowohl als Handwerker wie seine Gesellen und er weiht erst seine Lehrlinge in das Geheimnis des Handwerks ein. Er hat zu seinen Lehrlingen ganz dasselbe Verhältnis wie ein Professor zu seinen Schülern. Sein Verhältnis zu Lehrlingen und Gesellen ist daher nicht das des Kapitalisten als solchen, sondern des *Meisters* im Handwerk, der als solcher in der Korporation und daher ihnen gegenüber eine hierarchische Stellung einnimmt, die is supposed auf seine eigene *Meisterschaft* im Handwerk zu beruhen. Sein Kapital ist daher auch sowohl seiner *stofflichen* Gestalt nach als seinem *Wertumfang* nach gebundenes Kapital, das keineswegs noch die freie Gestalt des Kapitals erhalten hat. Es ist nicht ein *bestimmtes Quantum vergegenständlichter Arbeit*, Wert überhaupt, die diese oder jene Form von Arbeitsbedingungen annehmen kann, beliebig annimmt, je nachdem es, um sich Surplusarbeit anzueignen, sich beliebig gegen diese oder jene Form der lebendigen Arbeit austauscht. Nur nachdem er die vorgeschriebenen Stufen von Lehrling, Gesell durchgemacht, usw., selbst sein Meisterstück geliefert hat, kann er Geld in *diesem bestimmten* Arbeitszweig, in seinem eignen Handwerk, teils in die objektiven Bedingungen des Handwerks umsetzen, teils Gesellen damit kaufen und Lehrlinge halten. Nur in seinem eignen Handwerk kann er sein Geld in Kapital verwandeln, d. h. nicht nur als Mittel seiner eignen Arbeit, sondern auch als Exploitationsmittel fremder Arbeit verwenden. Sein Kapital ist an eine bestimmte Form des *Gebrauchswerts* gebunden und tritt daher ebenso wenig als *Kapital* seinen Arbeitern gegenüber. Die Methoden der Arbeit, die er anwendet,

есть *ограниченная*, еще неадекватная форма отношения капитала и наемного труда. Здесь, с одной стороны, существует отношение покупателя и продавца. Имеет место выплата жалования, и отношение мастера, подмастерья и ученика, это — отношение свободных лиц. Технологический базис этого отношения, это — *ремесленное производство*, где более или менее искусное владение *инструментом труда* есть решающий фактор производства, а самостоятельная личная работа и, стало быть, ее профессиональное развитие, требующее более или менее продолжительного срока ученичества, определяет здесь результат труда. Мастер здесь, правда, является собственником условий производства, ремесленных инструментов, сырья, (хотя ремесленный инструмент может принадлежать и подмастерью), ему принадлежит и продукт. Постольку он *капиталист*. Но, как капиталист, он не *мастер*. Он, во-первых, прежде всего сам *ремесленник*, и предполагается, что он мастер своего ремесла. Внутри самого процесса производства он является ремесленником, как и его подмастерья, и он посвящает своих учеников в тайны ремесла. Его отношение к его ученикам совершенно такое же, как отношение профессора к своим студентам. Его отношение к ученикам и подмастерьям поэтому не есть отношение капиталиста как такового, а это есть отношение *мастера* ремесла, который в качестве такового занимает в корпорации, а вместе с тем и по отношению к ним, высшее * положение, которое должно покоиться на его собственном *мастерстве* в ремесле. Поэтому его капитал, как по своему *вещественному* образу, так и по *объему* своей *стоимости*, есть еще связанный капитал, который отнюдь еще не получил свободного образа капитала. Это не есть *определенное количество овеществленного труда*, вообще стоимость, могущая принимать и принимающая любым образом форму тех или иных условий труда, смотря по тому, на какой вид живого труда оно обменивается для присвоения прибавочного труда. Лишь после того, как он пройдет предписанные ступени ученика, подмастерья и т. д., сам представит образец своего искусства, он может в *этой определенной* отрасли труда, в своем собственном ремесле, обратить деньги частично в объективные условия ремесла, частично нанять ** на них подмастерьев и держать учеников. Лишь в своем собственном ремесле он может превратить свои деньги в капитал, т. е. применять их не только как средство своего собственного труда, но и как средство эксплуатации чужого труда. Его капитал связан с определенной формой *потребительной стоимости*, и поэтому столь же мало противостоит его рабочим как *капитал*. Методы труда, которые он применяет,

* [Дословно:] иерархическое [Ред.]

** [Дословно:] купить [Ред.]

sind nicht nur erfahrungsmässige, sondern zunftmässig vorgeschriebene — gelten als die notwendigen, und so erscheint auch nach dieser Seite nicht der Tauschwert, sondern der Gebrauchswert der Arbeit als der letzte Endzweck. Es hängt nicht von seinem Belieben ab, Arbeit von dieser oder jener Qualität zu liefern, sondern der ganze Zunftbetrieb darauf eingerichtet, dass *bestimmte Qualität* geliefert wird. So wenig wie die Arbeitsmethode, steht der Preis der Arbeit seinem Belieben anheim. Die *beschränkte* Form, die sein Vermögen hindert, als *Kapital* zu funktionieren, zeigt sich ferner darin, dass in der Tat ein *Maximum* für den Wertumfang seines Kapitals vorgeschrieben ist. Ueber eine *gewisse Zahl Gesellen* hinaus darf er nicht halten, da durch die Zunft sämtlichen Meistern eine Aliquote am Verdienst ihres Handwerks gesichert werden soll. Endlich das Verhältnis des Meisters zu andren Meistern als Mitglied derselben Zunft; als solcher gehörte er einer Korporation an, die gewisse gemeinschaftliche Produktionsbedingungen (Zunftbande etc.), politische Rechte, Anteil an der städtischen Verwaltung usw. [besass.] Er arbeitete auf Bestellung — mit Ausnahme seiner Arbeiten für Kaufleute — für den unmittelbaren Gebrauchswert, und demgemäss auch die Zahl der Meister geregelt. Er tritt nicht als *blosser Kaufmann* seinen Arbeitern gegenüber. Noch weniger kann der Kaufmann sein Geld in produktives Kapital verwandeln; er kann nur die Waren «verlegen», nicht sie selbst produzieren. *Standesmässige Existenz* — nicht der Tauschwert als solcher, nicht Bereicherung als solche erscheint hier als Zweck und Resultat der Exploitation fremder Arbeit. Das Entscheidende ist hier das *Instrument*. Der Rohstoff wird hier in vielen Arbeitszweigen (z. B. der Schneiderei) dem Meister selbst von seinen Kunden geliefert. Die Schranke der Produktion innerhalb des Ganzen der vorgefundenen Konsumtion ist hier Gesetz. Sie ist also keineswegs geregelt durch die Schranken des Kapitals selbst. Im kapitalistischen Verhältnis verschwinden die Schranken mit den politisch-sozialen Banden, in denen hier noch das Kapital sich bewegt, daher noch nicht als *Kapital* erscheint.

476 || Die bloss formelle Verwandlung des handwerksmässigen Betriebs in kapitalistischen, wo also zunächst der technologische Prozess noch derselbe bleibt, besteht im *Fortfallen aller dieser Schranken* — womit auch das Verhältnis der Ueber- und Unterordnung sich ändert. Der Meister ist nun nicht mehr als Meister Kapitalist, sondern als Kapitalist Meister. Die Schranke seiner Produktion ist nicht mehr bedingt durch die Schranke seines Kapitals. Das Kapital (Geld) kann sich beliebig

не только основаны на опыте, но предписаны цеховыми правилами, — считаются необходимыми, и таким образом и с этой стороны не меновая стоимость, а потребительная стоимость труда выступает последней конечной целью. Не от его свободного выбора зависит давать труд того или иного качества, а все цеховое производство устроено таким образом, чтобы доставлять [товары] *определенного качества*. Как метод труда, так и цена труда не зависят от его произвола. *Ограниченная* форма, препятствующая функционированию его имущества в качестве *капитала*, обнаруживается далее в том, что на деле *максимум* для объема стоимости его капитала предопределен предписаниями. Он не может держать больше *известного количества подмастерьев*, так как цех должен обеспечить всем мастерам определенную долю прибыли их ремесла. Наконец, отношение мастера как члена того же цеха к другим мастерам; как таковой, он принадлежал к корпорации, [имевшей] известные совместные условия производства (цеховые узы и т. д.), политические права, участие в городском управлении и т. д. Он работал на заказ — за исключением его работы на купцов — для создания непосредственной потребительной стоимости, и соответственно этому определялось правилами и количество мастеров. Он противостоял своим рабочим *не только* как *купец*. Еще в меньшей степени может превращать свои деньги в производительный капитал купец: он может лишь быть скупщиком товаров, но не сам их производить. *Приличное его положению существование*, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое, — выступает здесь целью и результатом эксплуатации чужого труда. Здесь решающим является *инструмент*. Сырье здесь во многих отраслях труда (например, в портняжном деле) доставляется мастеру самими заказчиками. Ограниченность производства рамками данного потребления в его целом, есть здесь закон. Производство, следовательно, отнюдь не регулируется границами самого капитала. В капиталистическом отношении ограничения исчезают вместе с социально-политическими путями, в которых здесь еще движется капитал, который здесь поэтому еще не выступает как *капитал*.

Чисто формальное превращение ремесленного предприятия в 476 капиталистическое, где, следовательно, первоначально технологический процесс остается неизменным, состоит в *отпадении всех этих ограничений*, вследствие чего изменяется также отношение господства и подчинения. Мастер теперь уже не в качестве мастера — капиталист, а в качестве капиталиста — мастер. Граница его производства теперь не обусловлена границей его капитала. Капитал

gegen *jede Art* der Arbeit und daher der Arbeitsbedingungen austauschen. Er kann aufhören selbst Handwerker zu sein. Mit der plötzlichen Ausdehnung des Handels und damit der Nachfrage nach Waren durch den Kaufmannsstand, musste der zunftmässige Betrieb von selbst über seine Schranken getrieben, sich formell in kapitalistischen Betrieb umwandeln.

Gegenüber dem selbständigen Handwerker, der für *strange customers* arbeitet, vermehrt sich natürlich die Kontinuität des Arbeiters, der für den Kapitalisten arbeitet, dessen Arbeit keine Grenze an dem zufälligen Bedürfnis einzelner *customers*, sondern nur an dem Exploitationsbedürfnis des ihn beschäftigenden Kapitals. Dem Sklaven gegenüber wird diese Arbeit produktiver, weil intensiver, indem der Sklave nur unter dem Antrieb äusserer Furcht, aber nicht für *seine Existenz* arbeitet, die ihm nicht gehört, und doch *garantiert* ist; der freie Arbeiter dagegen getrieben von seinen *wants*. Das Bewusstsein (oder vielmehr die *Vorstellung*) der freien Selbstbestimmung, der Freiheit, macht den einen zu einem viel besseren Arbeiter als den anderen, und das damit verbundene feeling (Bewusstsein) of *responsibility*; da er, wie jeder Warenverkäufer, *responsibel* ist für die Ware, die er liefert und sie in gewisser Qualität liefern muss, soll er nicht von andern Warenverkäufern derselben *Species* aus dem Feld geschlagen werden. Die *Kontinuität des Verhältnisses* von Sklave und Sklavenhalter ist ein Verhältnis, worin der Sklave durch direkten Zwang erhalten wird. Der freie Arbeiter selbst muss es dagegen erhalten, da seine Existenz und die seiner Familie davon abhängt, dass er fortwährend den Verkauf seines Arbeitsvermögens an den Kapitalisten erneuert.

Bei dem Sklaven erscheint das *Minimum des Salairs* als eine von seiner Arbeit unabhängige, konstante Grösse. Bei dem freien Arbeiter stellt sich dieser *Wert seines Arbeitsvermögens* und der ihm entsprechende *Durchschnittsarbeitslohn* nicht in dieser prädestinierten, von seiner eignen Arbeit unabhängigen, durch seine bloss physischen Bedürfnisse bestimmten Grenze dar. Es ist hier der *Durchschnitt* für die *Klasse* mehr oder minder *konstant*, wie der Wert aller Waren; aber er existiert nicht in dieser unmittelbaren Realität für den *Einzelnen* Arbeiter, dessen Lohn über oder unter diesem Minimum stehn mag. *Der Preis der Arbeit* sinkt bald unter, bald steigt er über *den Wert des Arbeitsvermögens*. Ferner Spielraum (within narrow limits) für die *Individualität* des Arbeiters, wodurch Lohnverschiedenheit teils in *verschiedenen Arbeitszweigen*, teils in *demselben Arbeitszweig*, je nach Arbeit-

(деньги) может любым образом обмениваться на *всякого рода* труд и, стало быть, на *всякого рода* условия труда. Владелец капитала может перестать сам быть ремесленником. С быстрым * расширением торговли и вместе с тем спроса на товары со стороны торговцев, цеховое производство, вышедшее из своих границ, должно было формально превратиться в капиталистическое производство.

По сравнению с самостоятельным ремесленником, работающим на незнакомых заказчиков, здесь, естественно, увеличивается непрерывность труда рабочего, работающего на капиталиста; и границей труда этого рабочего является не случайная потребность отдельных заказчиков, а лишь потребность в эксплуатации применяющего его капитала. По сравнению с трудом раба этот труд производительнее, ибо он интенсивнее, так как раб работает лишь побуждаемый внешним страхом, а не для *своего существования*, которое ему не принадлежит, но тем не менее ему *гарантировано*; свободного рабочего, наоборот, побуждают его потребности. Сознание (или, вернее, *иллюзия* **) свободного самоопределения, свободы, и связанное с этим чувство (сознание) *ответственности* делает свободного рабочего гораздо лучшим работником, чем раба; ибо он, подобно каждому продавцу товаров, ответствен за товар, который он поставляет и который должен обладать определенным качеством, чтобы рабочий не был вытеснен с рынка другими продавцами товаров того же рода. *Непрерывность отношения* раба и рабовладельца есть отношение, в котором раба удерживает прямое принуждение. Наоборот, свободный рабочий сам должен сохранять это отношение, так как его существование и существование его семьи зависит от того, что он постоянно возобновляет продажу капиталисту своей способности к труду.

У раба *минимум заработной платы* выступает как независимая от его труда постоянная величина. У свободного рабочего эта *стоимость его способности к труду* и соответствующая ей *средняя заработная плата* представляются не в таких предопределенных, независимых от его собственного труда, определяемых только его физическими потребностями границах. Здесь *средняя* для всего *класса* более или менее постоянна подобно стоимости всех товаров; но она не существует в такой непосредственной реальности для *отдельного* рабочего, заработная плата которого может быть выше или ниже этого минимума. *Цена труда* то падает ниже, то подымается выше *стоимости способности к труду*. Широкая арена (в узких пределах) для *индивидуальности* рабочего, отсюда различие заработной платы частью в *различных отраслях труда*, частью в одной и

* [Точнее: внезапным. *Ред.*]

** [Дословно: *представление*. *Ред.*]

samkeit, Geschick, Kraft etc. des Arbeiters, und zwar ist diese Verschiedenheit zum Teil bestimmt durch das Mass seiner eigenen persönlichen Leistung. So erscheint Lohngrösse wechselnd als Resultat seiner eigenen Arbeit und ihrer individuellen Qualität. Dies namentlich entwickelt, wo *Stücklohn* gezahlt. Obgleich dieser, wie gezeigt, am allgemeinen Verhältnis zwischen Kapital und Arbeit, zwischen Surplusarbeit und notwendiger Arbeit nichts ändert, so drückt sich dadurch doch das Verhältnis für den einzelnen Arbeiter verschieden aus und zwar nach Mass seiner persönlichen Leistung. Bei dem Sklaven können besondere Kraft oder Geschicklichkeit den *Kaufwert* seiner Person erhöhen, aber das geht ihn selbst nichts an. Anders bei dem freien Arbeiter, der Selbsteigner *seines Arbeitsvermögens* ist.

477 Der höhere Wert dieses Arbeitsvermögens muss ihm selbst bezahlt werden und drückt sich in höherem Lohn aus. Es herrschen also grosse Lohnverschiedenheiten hier vor, je nachdem die besondere Arbeit höher entwickeltes, grössere Produktionskosten erheischendes Arbeitsvermögen erheischt oder nicht und damit ist einerseits der individuellen Verschiedenheit Spielraum eröffnet, andererseits Sporn gegeben zur Entwicklung des eignen Arbeitsvermögens. So sicher es auch ist, dass die Masse der Arbeit aus mehr oder minder unskilled labour bestehen muss und daher auch die Masse des Arbeitslohns durch den *Wert des einfachen Arbeitsvermögens* bestimmt sein muss, so bleibt es einzelnen Individuen möglich, durch besondere Energie, Talent etc. in höhere Arbeitssphären sich aufzuschwingen, ganz wie die abstrakte Möglichkeit bleibt, dass dieser oder jener Arbeiter selbst Kapitalist und Exploiteur fremder Arbeit wird. Der Sklave gehört einem bestimmten *Master*; der Arbeiter muss sich zwar an das Kapital verkaufen, aber nicht an einen bestimmten Kapitalisten und so hat er innerhalb bestimmter Sphäre die Wahl, an wen er sich verkaufen will, und kann seinen master wechseln. Alle diese veränderten Beziehungen machen die Tätigkeit des freien Arbeiters intensiver, kontinuierlicher, beweglicher und geschickter als die des Sklaven, abgesehen davon, dass sie ihn selbst zu einer ganz andren historischen Aktion befähigen. Der Sklave erhält die für seinen Unterhalt nötigen Lebensmittel in *Naturalform*, die ebenso fixiert ist, der Art, wie dem Umfang nach — in *Gebrauchswerten*. Der freie Arbeiter erhält sie in der Form des *Gelds*, des *Tauschwerts*, der abstrakten sozialen Form des Reichtums. So sehr das Salair nun in der Tat nichts

той же отрасли труда соответственно работоспособности, ловкости, силе и т. д. рабочего, и это различие частью определяется именно соразмерно его собственной, личной затрате труда. Таким образом изменяющаяся величина заработной платы представляется результатом его собственного труда и индивидуального качества последнего. В развитом виде это имеет место при *сдельной оплате труда*. Хотя последняя, как показано, ничего не изменяет в общем отношении между капиталом и трудом, между прибавочным трудом и необходимым трудом, но здесь это отношение выражается для отдельного рабочего различным образом, а именно соразмерно его личной затрате труда. У раба особая сила или ловкость могут увеличить *продажную стоимость* его личности, но это не касается его самого. Иначе — у свободного рабочего, который является собственником *своей способности к труду*.

Более высокая стоимость этой способности к труду должна 477 быть уплачена ему самому и выражается в более высокой заработной плате. Здесь, таким образом, имеют место * большие различия в заработной плате, смотря по тому, требует ли особая работа более развитой, требующей больших издержек производства способности к труду или нет; этим, с одной стороны, открывается простор индивидуальному различию, а с другой стороны, дается стимул развитию собственной способности к труду. Хотя и несомненно, что масса труда должна состоять из более или менее необученного труда, а поэтому и масса заработной платы должна определяться *стоимостью простой способности к труду*, тем не менее для отдельных индивидов остается возможным посредством особой энергии, таланта и т. д. подняться в высшие сферы труда, совершенно так же, как остается абстрактная возможность, что тот или иной рабочий сам станет капиталистом и эксплуататором чужого труда. Раб принадлежит определенному *хозяину*; рабочий должен, правда, продавать себя капиталу, но не определенному капиталисту, и таким образом внутри определенной сферы он может выбирать, кому он должен продаться, и может менять своих хозяев. Все эти изменившиеся отношения делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря о том, что они делают его самого способным к совершению другой исторической роли. Раб получает необходимые для его содержания средства существования в *натуральной форме*, которая предопределена как по виду, так и по объему, — в *потребительных стоимостях*. Свободный рабочий получает их в форме *денег, меновой стоимости*, абстрактной социальной формы богатства. Хотя

* [Точнее: преобладают, господствуют. Ред.]

ist als *versilberte* oder *vergoldete* oder *verkupferte* oder *verpapierte* Form der notwendigen Lebensmittel, in die es sich beständig auflösen muss — das *Geld* hier als nur verschwindende Form des Tauschwerts, als blosses *Zirkulationsmittel* funktioniert, bleibt doch in der Vorstellung der *abstrakte Reichtum*, der *Tauschwert*, nicht ein bestimmter, traditionell und lokal beschränkter Gebrauchswert für ihn Zweck und Resultat seiner Arbeit. Es ist der Arbeiter selbst, der das Geld in beliebige Gebrauchswerte umsetzt, mit ihm beliebige Waren kauft und als *Geldbesitzer*, als Käufer von Waren steht er ganz in demselben Verhältnis zu den Verkäufern von Waren, wie alle andren Käufer. Die Bedingungen seiner Existenz zwingen ihn natürlich — ganz so wie der Wertumfang des von ihm erworbenen Geldes — es in einen ziemlich umschriebenen Kreis von Lebensmitteln aufzulösen. Indes ist hier einige Variation möglich, wie z. B. Zeitungen in die notwendigen Lebensmittel des englischen städtischen Arbeiters eingehn. Er kann etwas sparen, schatzbildnern. Er kann auch seinen Lohn vergeuden für Schnaps etc. Aber so agiert er als freier Agent, er muss selbst erhalten; er ist sich selbst verantwortlich für die Art, worin he spends his wages. *Er lernt sich selbst beherrschen im Gegensatz zum Sklaven*, der eines Meisters bedarf. Allerdings gilt dies nur, wenn man die Verwandlung von Leibeignen oder Sklaven in freie Lohnarbeiter betrachtet. Das kapitalistische Verhältnis erscheint hier als eine Erhebung in der sozialen Staffel. Umgekehrt, wo der selbständige Bauer oder Handwerker in einen Lohnarbeiter verwandelt wird. Welcher Unterschied zwischen der proud yeomanry of England, von der Shakespeare spricht, und den englischen Agrikulturtagelöhnern! Da der Zweck der Arbeit bei dem Lohnarbeiter allein das Salair, Geld, ein bestimmtes Quantum Tauschwert ist, in dem jede Besonderheit des Gebrauchswerts ausgelöscht, so ist er völlig gleichgültig gegen den *Inhalt* seiner Arbeit und daher die besondere Art seiner Tätigkeit, während diese Tätigkeit im Zunft- oder Kastensystem als Berufstätigkeit gilt, bei dem Sklaven wie beim Arbeitsvieh nur eine bestimmte ihm aufgezwungene und überkommene Art der Tätigkeit, der Betätigung seines Arbeitsvermögens ist. Soweit daher nicht die Teilung der Arbeit das Arbeitsvermögen ganz vereinseitigt hat, *prinzipiell* ist der freie Arbeiter zu jeder Variation seines Arbeitsvermögens und seiner Arbeitstätigkeit empfänglich

заработная плата есть на деле не что иное, как *посеребренная* или *позолоченная* или *покрытая медью* или *бумагой* форма необходимых средств существования, в которые она постоянно должна превращаться *, а *деньги* здесь функционируют лишь как мимолетная форма меновой стоимости, как простое *средство обращения*, — тем не менее в представлении целью и результатом его труда остается *абстрактное богатство, меновая стоимость*, а не определенная, ограниченная обычаями и местными условиями потребительная стоимость. Рабочий сам превращает деньги в любые потребительные стоимости, покупает на них любые товары, и как *владелец денег*, как покупатель товаров он находится в совершенно таком же отношении к продавцам товаров, как все другие покупатели. Условия его существования вынуждают его конечно — равно как и объем стоимости заработанных им денег — тратить их в довольно ограниченном кругу средств существования. Однако здесь возможны некоторые вариации, — так, например, газеты входят в необходимые средства существования английского городского рабочего. Он может немного сберегать, копить. Он может также проматывать свою заработную плату на водку и т. д. Но он поступает таким образом как свободный человек, ему самому приходится платиться за это; он отвечает перед самим собой за то, каким образом он тратит свою заработную плату. *Он учится владеть самим собою в противоположность рабу*, которому нужен хозяин. Правда, это имеет значение лишь, когда рассматривается превращение крепостного или раба в свободного наемного рабочего. Капиталистическое отношение здесь представляется подъемом на высшую социальную ступень. Обратное там, где самостоятельный крестьянин или ремесленник превращается в наемного рабочего. Какое различие между «гордыми земледельцами Англии», о которых говорит Шекспир, и английскими поденными земледельческими рабочими! Так как цель труда наемного рабочего — только заработная плата, деньги, определенное количество меновой стоимости, в котором стирается всякое различие потребительной стоимости, то он совершенно равнодушен к *содержанию* своего труда и поэтому к особому виду своей деятельности, между тем как эта деятельность при цеховой или кастовой системе считается деятельностью по призванию, а у раба, как у рабочего скота, она является лишь определенным, навязанным ему и традиционным видом деятельности, действия его способности к труду. Поэтому, поскольку разделение труда не сделало способности к труду совершенно односторонней, свободный рабочий *принципиально* восприимчив ко всякой перемене своей способности к труду и своей трудовой деятельности и готов

* [Дословно: растворяться, распадаться. Ред.]

und bereit (wie sich ja bei der surpluspopulation des Landes zeigt, die beständig in die Städte übergeht), die besseren Lohn verspricht. Ist der entwickelte Arbeiter mehr oder minder dieser Variation unfähig, so betrachtet er sie als stets offen für den neuen Nachwuchs, und die neue aufwachsende Arbeitergeneration ist beständig verteilbar und verfügbar für neue Arbeitszweige oder die besonders florierenden Arbeitszweige. In Nordamerika, wo die Lohnarbeit am freiesten von den Rückerinnerungen an altes Zunftwesen etc. entwickelt ist, zeigt sich denn auch besonders diese *Variabilität*, die vollkommene Gleichgültigkeit gegen den bestimmten Inhalt der Arbeit, und den Uebergang aus einem Zweig in den andren. Der Gegensatz dieser *Variabilität* gegen den eintönigen, traditionellen Charakter der *Sklavenarbeit*, die nicht den Produktionsverhältnissen nach variiert, sondern umgekehrt erheischt, dass die Produktion der einmal eingeführten und traditionell vererbten Arbeitsweise angepasst wird, wird daher auch von allen Schriftstellern der Vereinigten Staaten als gewisses Charakteristikum der freien Lohnarbeit des Nordens gegen die Sklavenarbeit des Südens betont. (Sieh *Cairns*.) Die beständige Bildung *neuer Arten* der Arbeit, diese fortwährende Variation — die Mannigfaltigkeit der Gebrauchswerte entspricht und daher auch ist wirkliche Entwicklung des Tauschwerts — daher fortgehende Teilung der Arbeit im *Ganzen der Gesellschaft* erst mit der kapitalistischen Produktionsweise möglich. Sie beginnt mit dem freien handwerksmässig-zünftigen Betrieb, wo sie nicht an der Verknöcherung jedes bestimmten Geschäftszweigs selbst eine Schranke findet.

478 || Nach diesem Zusätzlichen über die *formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital*, kommen wir also jetzt zur:

Reellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital

Das allgemein Charakteristische der *formellen Subsumtion* bleibt, id est die direkte *Unterordnung des Arbeitsprozesses*, in welcher Weise technologisch immer betrieben, *unter das Kapital*. Aber auf dieser Basis erhebt sich eine technologisch und sonstig *spezifische*, die *reale Natur des Arbeitsprozesses* und *seine realen Bedingungen umwandelnde Produktionsweise*, — *kapitalistische Produktionsweise*. Erst sobald diese eintritt, findet statt *reale Subsumtion der Arbeit unter das Kapital*.

«Agriculture for subsistence... changed for agriculture for trade., the improvement of the national territory... proportioned to this change». (49, Note. A. Young. *Political Arithmetic*. London 1774).

к ней (как обнаруживается всегда у избыточного сельского населения, которое постоянно переходит в города), если она сулит лучший заработок. Если взрослый рабочий более или менее неспособен к этой перемене, то он считает ее всегда доступной для нового поколения, и новое подрастающее поколение рабочих постоянно может распределяться и поступать в распоряжение новых или особо процветающих отраслей труда. В Северной Америке, где наемный труд наиболее свободен * от пережитков старого цехового строя и т. д., обнаруживается также особенно эта *изменчивость*, это совершенное равнодушие к определенному содержанию труда и переходу из одной отрасли в другую. Поэтому эта *изменчивость* в противоположность однообразному, традиционному характеру *рабского труда*, который не изменяется соответственно условиям производства, а требует, наоборот, чтобы производство приспособлялось к однажды введенному и по традиции унаследованному способу труда, — отмечается всеми писателями Соединенных Штатов, как известная характеристика свободного наемного труда на Севере по сравнению с рабским трудом Юга (Смотри *Кэрнс*.) Постоянное образование *новых видов* труда, это постоянное изменение, разнообразие потребительных стоимостей, соответствует и именно поэтому есть действительное развитие меновой стоимости; поэтому прогрессирующее разделение труда в *обществе как целом* возможно только при капиталистическом способе производства. Оно начинается с свободным ремесленно-цеховым производством, где оно не находит предела в окостенелости каждой определенной отрасли производства.

|| Итак, после этого дополнения относительного *формального* 478 *подчинения труда капиталу* мы теперь приходим к:

Реальному подчинению труда капиталу.

Общая характерная черта *формального подчинения* остается, а именно — прямое *подчинение процесса труда капиталу*, каким бы технологическим способом он ни происходил. Однако на этом базисе возникает технологически и в других отношениях *специфический, преобразующий реальную природу процесса труда и его реальные условия способ производства — капиталистический способ производства*. Лишь с возникновением последнего имеет место *реальное подчинение труда капиталу*.

«Потребительское земледелие..... сменилось торговым земледелием..... улучшение национальной территории..... пропорционально этой перемене» (А. Юнг. *Политическая арифметика*. Лондон, 1774, стр. 49, примечание).

* [Дословно: наиболее свободно развит. *Ред.*]

Die reale Subsumtion der Arbeit unter das Kapital wird entwickelt in allen den Formen, die den relativen Mehrwert im Unterschied vom absoluten entwickeln.

Mit der realen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital findet eine völlige (und sich beständig fortsetzende und wiederholende) ^a Revolution in der Produktionsweise selbst statt, in der Produktivität der Arbeit und im Verhältnis von Kapitalist und Arbeiter.

Bei der reellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital treten alle früher von uns entwickelten changes im Arbeitsprozess selbst ein. Es werden die *sozialen Produktivkräfte der Arbeit* entwickelt und es wird mit der Arbeit auf grosser Stufenleiter die Anwendung von Wissenschaft und Maschinerie auf die unmittelbare Produktion. Einerseits schafft die *kapitalistische Produktionsweise*, die sich jetzt als eine Produktionsweise sui generis gestaltet, eine veränderte Gestalt der materiellen Produktion. Andererseits bildet diese Veränderung der materiellen Gestalt die Basis für die Entwicklung des Kapitalverhältnisses, dessen adäquate Gestalt daher einem bestimmten Entwicklungsgrad der Produktivkräfte der Arbeit entspricht.

Man hat bereits gesehen, dass ein bestimmtes und stets *wachsendes Minimum von Kapital* in der Hand der einzelnen Kapitalisten einerseits notwendige Voraussetzung, andererseits beständiges Resultat der *spezifisch kapitalistischen Produktionsweise*. Der Kapitalist muss Eigentümer oder Besitzer von Produktionsmitteln auf einer *gesellschaftlichen Stufenleiter* sein, in einem Wertumfang, der alles Verhältnis zu der möglichen Produktion des Einzelnen oder seiner Familie verloren hat. Das *Minimum des Kapitals* ist um so grösser in einem Geschäftszweig, je mehr er kapitalistisch betrieben wird, je höher die gesellschaftliche Produktivität der Arbeit in ihm entwickelt ist. In demselben Umfang muss das Kapital an Wertgrösse zunehmen und gesellschaftliche Dimensionen annehmen, also allen *individuellen* Charakter abstreifen. Eben die Produktivität der Arbeit, Masse der Produktion, Masse der Bevölkerung, Masse der Surplusbevölkerung, die diese Produktionsweise entwickelt, ruft mit freigesetzten Kapital und Arbeit beständig neue Geschäftszweige hervor, in denen das Kapital wieder auf kleiner Stufenleiter arbeiten kann und wieder die verschiedenen Entwicklungen durchlaufen, bis auch diese neuen Geschäftszweige auf gesellschaftlicher Stufenleiter betrieben werden. Dieser Prozess beständig. Gleichzeitig die *kapitalistische Produktion* tendierend sich alle ihrer bisher
 479 noch nicht || bemächtigten *Industriezweige*, wo nur noch *formelle*

^a *Manifest der Kommunistischen Partei* (1848).

Реальное подчинение труда капиталу развивается во всех тех формах, которые развивают относительную прибавочную стоимость в отличие от абсолютной.

С реальным подчинением труда капиталу происходит полная (и постоянно продолжающаяся и повторяющаяся) ^a революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношении капиталиста и рабочего.

При реальном подчинении труда капиталу наступают все ранее развитые нами изменения в самом процессе труда. Развиваются *социальные производительные силы труда*, и вместе с трудом в крупном масштабе развивается применение науки и машин в непосредственном производстве. С одной стороны, *капиталистический способ производства*, который теперь складывается как способ производства особого рода, создает измененный образ материального производства. С другой стороны, это изменение материального образа составляет базис для развития капиталистического отношения, адекватный образ которого поэтому соответствует определенной степени развития производительных сил труда.

Мы уже видели, что определенный и постоянно *растущий минимум капитала* в руках отдельного капиталиста есть, с одной стороны, необходимая предпосылка, с другой стороны — постоянный результат *специфически-капиталистического* способа производства. Капиталист должен быть собственником или владельцем средств производства в *общественном масштабе*; он должен владеть стоимостью в таком объеме, при котором потеряна всякая пропорция к возможному производству одиночки или его семьи. Этот *минимум капитала* в какой-либо отрасли производства тем больше, чем более капиталистически она ведется, чем выше развита в ней общественная производительность труда. В том же объеме капитал должен увеличиваться в стоимости и принимать общественные размеры, следовательно, целиком сбросить *индивидуальный* характер. Именно производительность труда, масса продукции, масса населения, масса избыточного населения, которые развивает этот способ производства, вызывают к существованию, освобождая капитал и труд, постоянно новые отрасли хозяйства, в которых капитал снова может работать в малом масштабе и проходить снова различные стадии развития до тех пор, пока и эти новые отрасли хозяйства не будут вестись в общественном масштабе. Этот процесс носит постоянный характер. В то же время *капиталистическое производство* имеет тенденцию завоевывать все *отрасли производства*, которыми оно еще до сих пор не || овладело, где еще существует лишь *формальное подчинение*. Как 479

^a [Маркс и Энгельс] *Манифест Коммунистической Партии* (1848 г.).

Subsumtion, zu erobern. Sobald sie sich der Agrikultur, Minenindustrie, Manufaktur der Hauptkleidungsstoffe usw. bemächtigt hat, ergreift sie die andren Sphären, wo nur noch *formell* oder auch noch selbständige Handwerker. Schon bei Betrachtung der Maschinerie bemerkt worden, wie die Einführung der Maschinerie in einem Zweig, sie in andren Zweigen und zugleich in andern Arten desselben Zweiges mit sich führt. Z. B. die Maschinenspinnerei führt zur Maschinenweberei; die Maschinenspinnerei in der Baumwollindustrie zur Maschinenspinnerei in Wolle, Leinen, Seide usw. Die gehäufte Anwendung der Maschinerie in Kohlenbergwerken, Baumwollmanufactures usw. machte Einführung der grossen Produktionsweise im Maschinenbau selbst notwendig. Abgesehen von den gesteigerten Mitteln des Verkehrs, die diese Produktionsweise auf grosser Stufenleiter erheischte, ist es andererseits nur durch Einführung der Maschinerie im Maschinenbau selbst — namentlich der zyklischen Prime Motors — die die Einführung von Dampfschiffen und Eisenbahnen möglich machte, den ganzen Schiffsbau umwälzte. Die grosse Industrie wirft in die ihr noch nicht unterworfenen Zweige solche Menschenmassen, oder erzeugt in ihnen solche relative Surpluspopulation, wie zur Verwandlung des Handwerks oder des kleinen formell-kapitalistischen Betriebs in grosse Industrie erheischt ist. Hier folgende Torjeremiade:

«In the good old times, when «Live and let live» was the general motto, every man was contented with one avocation. In the cotton trade, there were weavers, cotton spinners, blanchers, dyers and several other independent branches, all living upon the profits of their respective trades, and all, as might be expected, contented and happy. By and by, however, when the downward course of trade had proceeded to some extent, first one branch was adopted by the capitalist, and then another, till in time, the whole of the people were ousted, and thrown upon the market of labour, to find out a livelihood in the best manner they could. Thus, although *no charter* secures to these men the right to be cotton-spinners, manufacturers, printers etc., yet the course of events has invested them *with a monopoly of all...* They have become Jack-of-all trades, and as far as the country is concerned in the business, it is to be feared, they are masters of none». (56. *Public Economy Concentrated* etc. *Carlisle*. 1833).

Das materielle Resultat der kapitalistischen Produktion, ausser

только оно овладело земледелием, горной промышленностью, производством главнейших сортов тканей для одежды и т. д., оно охватывает другие сферы, где [имеется] еще лишь *формальное* подчинение или еще самостоятельные ремесленники. Уже при рассмотрении машин было замечено, как введение машин в одной отрасли ведет за собой их применение в других отраслях и вместе с тем введение других видов машин в той же отрасли. Например, машинное прядение приводит к машинному ткачеству; машинное прядение в хлопчатобумажной промышленности — к машинному прядению шерсти, льна, шелка и т. д. Участвовавшее применение машин в угольных копях, на хлопчатобумажных фабриках и т. д. сделало необходимым введение производства в крупном масштабе * в самом машиностроении. Не говоря уже о возросших средствах сообщения, которых требовал этот способ производства в большом масштабе, с другой стороны только введение машин в самом машиностроении — именно циклического первичного двигателя — делает возможным введение паровозов и железных дорог, производит переворот во всем судостроении. Крупная промышленность бросает в неподчиненные ей до этого отрасли такие массы людей или вызывает в них такое относительное избыточное население, какие требуются для превращения ремесла или мелкого формально-капиталистического предприятия в крупную промышленность. Приводим здесь следующую торийскую иеремиаду:

«В добрые старые времена, когда «живи и жить давай другим» было общим девизом, каждый человек довольствовался одним занятием. В хлопчатобумажном деле были ткачи, бумагопрядильщики, белильщики, красильщики и различные другие независимые отрасли, все жили на доход от своего собственного дела, и все, как могло бы быть доказано, были довольны и счастливы. Мало-по-малу, однако, когда упадок в делах достиг известных размеров, сначала одна отрасль была захвачена капиталистом, потом другая, до тех пор, пока весь народ не был вытеснен и выброшен на рынок труда добывать средства к существованию любым доступным способом. Таким образом, хотя *никакой закон* не обеспечивает этим людям права быть бумагопрядильщиками, ткачами, набойщиками и т. д., но ход событий дал им *монополию на все....* Они сделались мастерами на все руки, и поскольку мы имеем в виду деловые отношения в стране, следует опасаться, что они ни в одном деле не являются мастерами» (*Общественная экономия в сжатой форме* и т. д. Карлайль. 1833 г., стр. 56)

Материальный результат капиталистического производства,

* [Дословно: крупного способа производства. Ред.]

der Entwicklung der gesellschaftlichen Produktivkräfte der Arbeit, ist die Steigerung der Masse der Produktion und Vermehrung und Vermannigfachung der Produktionssphären und ihrer Abzweigungen, womit sich erst der Tauschwert der Produkte entsprechend entwickelt — die Sphäre, worin sie als Tauschwert wirken oder sich realisieren.

«Produktion um der Produktion» willen — Produktion als Selbstzweck — tritt zwar schon ein mit der formellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital, sobald es überhaupt unmittelbar Zweck der Produktion wird, möglichst grossen und möglichst viel Mehrwert zu produzieren, sobald überhaupt der Tauschwert des Produkts der entscheidende Zweck wird. Indes realisiert sich diese dem Kapitalverhältnis immanente Tendenz erst in adäquater Weise — und wird selbst eine notwendige Bedingung, auch technologisch — sobald sich die spezifisch kapitalistische Produktionsweise und mit ihr die reelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital entwickelt hat.

480 || Dies Letztere schon früher der Sache nach ausführlich entwickelt, dass hier ganz kurz zu sein. Es ist Produktion, die sich nicht an vorausbestimmende und vorausbestimmte Schranke der Bedürfnisse bindet. (Ihr gegensätzlicher Charakter schliesst Schranke der Produktion ein, über die sie beständig hinaus will. Daher Krisen, Ueberproduktion usw.). Dies ist die eine Seite, im Unterschied von früherer Produktionsweise; if you like, die positive Seite. Andererseits die negative, oder der gegensätzliche Charakter: Produktion im Gegensatz zu, und unbekümmert um, den Produzenten. Der wirkliche Produzent als blosses Produktionsmittel, der sachliche Reichtum als Selbstzweck. Und die Entwicklung dieses sachlichen Reichtums daher im Gegensatz zu dem, und auf Kosten des, menschlichen Individuums. Produktivität der Arbeit überhaupt = Maximum von Produkt mit Minimum von Arbeit, daher möglichst Verwohlfeilerung der Waren. Dies wird zum Gesetz, unabhängig vom Willen der einzelnen Kapitalisten, in der kapitalistischen Produktionsweise. Und dies Gesetz verwirklicht sich nur, involviert das andre, dass die Stufenleiter der Produktion nicht nach gegebenen Bedürfnissen, sondern umgekehrt die Masse des Produkts durch die durch die Produktionsweise selbst vorgeschriebene und stets wachsende Stufenleiter der Produktion bestimmt wird. Ihr Zweck, dass das einzelne Produkt etc. möglichst viel unbezahlte Arbeit enthalte, und dies nur erreicht durch die Produktion um der Produktion willen. Es tritt dies einerseits als Gesetz auf, soweit der Kapitalist, der auf zu kleiner Stufenleiter produziert, mehr als das gesellschaftlich notwendige Quantum Arbeit in den Produkten verkörpern würde. Es tritt also als

помимо развития общественных производительных сил труда, есть повышение массы продукции и увеличение количества и разнообразия сфер производства и их разветвлений, и лишь вместе с этим соответственно развивается меновая стоимость продуктов, та сфера, в которой они действуют как меновая стоимость или реализуются.

«Производство ради производства» — производство как самоцель — появляется, правда, уже при формальном подчинении труда капиталу, как только вообще непосредственной целью производства становится производить *возможно большую и возможно больше прибавочной стоимости*, как только вообще меновая стоимость продукта становится решающей целью. Однако эта имманентная капиталистическому отношению тенденция *реализуется адекватным образом* — и сама становится *необходимым условием, также и технологически*, — лишь тогда, когда развился *специфически-капиталистический способ производства* и вместе с ним *реальное подчинение труда капиталу*.

Этот последний момент уже раньше так подробно разбирался 480 по существу, что здесь [можно] быть совершенно кратким. Это — производство, которое не связывается предопределяющими и предопределенными границами потребностей. (Его противоречивый* характер включает *границы производства*, из которых оно постоянно стремится выйти. Отсюда кризисы, перепроизводство и т. д.) Это одна сторона, в отличие от прежнего способа производства; если угодно, положительная сторона. С другой стороны — отрицательная, или противоречивый * характер; *производство* в противоположность *производителю* и не заботящееся о нем. Действительный производитель как простое средство производства, вещное богатство как самоцель. И отсюда развитие этого вещного богатства в противоположность человеческому индивиду и за его счет. *Производительность* труда вообще = *максимуму продукта при минимуме труда*, отсюда по возможности удешевление товаров. Это становится при капиталистическом способе производства *законом*, независимо от желания отдельного капиталиста. И этот закон осуществляется, лишь включая в себя другой, что масштаб производства определяется не данными потребностями, а, наоборот, согласно ему количество продуктов определяется предписываемым самим способом производства и постоянно растущим масштабом производства. Его цель, чтобы отдельный продукт и т. д. содержал *возможно больше неоплаченного труда*, и это достигается только *производством ради производства*. Это выступает, с одной стороны, как закон, поскольку капиталист, производящий в слишком малом масштабе, воплощал бы в продуктах большее, чем общественно-необходимое, количество

* [Точнее: содержащий противоположности. Ред.]

adäquate Ausführung des *Wertgesetzes* auf, das sich erst vollständig entwickelt auf Grundlage der kapitalistischen Produktionsweise. Aber es tritt *andrerseits* als Trieb des einzelnen Kapitalisten auf, der, um dies Gesetz zu durchbrechen, oder es zu seinem eignen Vorteil zu *überlisten*, den *individuellen Wert* seiner Ware *unter* ihren gesellschaftlich bestimmten Wert zu senken sucht.

Allen diesen Produktionsformen (des relativen Mehrwerts), ausser dem *wachsenden Minimum* des zur Produktion erforderlichen *Kapitals*, das gemeinsam, dass die *gemeinschaftlichen Bedingungen* für die Arbeit vieler unmittelbar kooperierenden Arbeiter als solche *Oekonomie* erlauben, im Gegensatz zur Zersplitterung dieser Bedingungen bei Produktion auf kleiner Stufenleiter, indem die *Wirksamkeit* dieser *gemeinsamen Produktionsbedingungen* nicht einen proportionell gleich grossen Zuwachs in ihrer Masse und ihrem Wert bedingt. Ihr *gemeinsamer, gleichzeitiger Gebrauch* lässt ihren *relativen Wert* (mit Bezug auf das Produkt) sinken, so sehr ihre absolute Wertmasse wächst.

Produktive und Unproduktive Arbeit

Wir wollen dies hier kurz vorwegnehmen, bevor wir noch weiter die *veränderte Gestalt* des *Kapitals* betrachten, wie sich als Resultat der kapitalistischen Produktionsweise ergibt.

Da der unmittelbare Zweck und [das] *eigentliche Produkt* der kapitalistischen Produktion — *Mehrwert* ist, so ist nur die *Arbeit produktiv*, die, und nur der Ausüßer von Arbeitsvermögen ein *produktiver Arbeiter*, der, unmittelbar *Mehrwert produziert*, also nur die Arbeit, die direkt im Produktionsprozess zur Verwertung des *Kapitals konsumiert wird*.

Von einfachem Standpunkt des *Arbeitsprozesses* überhaupt aus erschien uns die Arbeit *produktiv*, die sich in einem *Produkt*, näher, einer *Ware*, realisiert. Vom Standpunkt des kapitalistischen Produktionsprozesses kommt die nähere Bestimmung hinzu, dass die Arbeit produktiv ist, die unmittelbar das Kapital verwertet, oder Mehrwert produziert, also sich ohne Equivalent für den Arbeiter, für ihren Verrichter *realisiert* in einer *surplusvalue*, dargestellt in einem *surplus-produce*, also einem *überschüssigen Increment von Ware* für den monopoliser der means of labour, für den *Kapitalisten*; nur die Arbeit, die das variable Kapital und daher das Gesamtkapital setzt als $C +$

труда. Это выступает, следовательно, как адекватное проведение *закона стоимости*, который вполне развивается лишь на основе капиталистического способа производства. Но, с *другой стороны*, это выступает как побуждение отдельного капиталиста, который, чтобы проломить этот закон или *перехитрить* его к своей собственной выгоде, старается понизить *индивидуальную стоимость* своего товара *ниже* ее общественно-определенной стоимости.

Всем этим формам производства (относительной прибавочной стоимости), помимо *роста минимума капитала, необходимого для производства*, обще то, что *общие условия* труда многих непосредственно кооперированных рабочих, как таковые, допускают *экономии*, в противоположность раздроблению этих условий при производстве в малом масштабе, — ибо *действенность * этих общих условий производства* не обуславливает пропорционально равного роста их количества и их *стоимости*. Их *общее, одновременное употребление* понижает их *относительную* (по отношению к продукту) стоимость, как бы сильно ни росла абсолютная масса их стоимости.

Производительный и непроизводительный труд.

Мы здесь вкратце коснемся этого, прежде чем мы будем продолжать рассмотрение *изменившегося образа капитала*, как результата капиталистического способа производства.

Так как непосредственная цель и *собственно продукт* капиталистического производства есть *прибавочная стоимость*, то лишь тот *труд производителен*, который производит непосредственно *прибавочную стоимость*, и лишь тот применяющий свою способность к труду есть *производительный рабочий*, который *производит* непосредственно *прибавочную стоимость*; следовательно, это — лишь тот труд, который *потребляется* в процессе производства для увеличения стоимости капитала.

С точки зрения просто *процесса труда* вообще нам представлялся *производительным* тот труд, который реализуется в *продукте*, конкретнее — в *товаре*. С точки зрения капиталистического процесса производства прибавляется более конкретное ** определение, [именно], что производителен тот труд, который непосредственно увеличивает стоимость капитала, или производит *прибавочную стоимость*, т. е. без эквивалента для рабочего, для своего исполнителя *реализуется* в прибавочной стоимости, выраженной в прибавочном продукте, т. е. в *избыточном приращении товаров* для того, кто монополизировал средства труда, для *капиталиста*; лишь тот труд, который применяется переменным капиталом и поэтому

* [В смысле: производственная мощность. *Ред.*]

** [Дословно: более близкое. *Ред.*]

+ $\Delta C = C + \Delta v$. Es ist also Arbeit, die dem Kapital unmittelbar als *agency* seiner *Selbstverwertung* dient, als Mittel zur Produktion von Mehrwert.

Der kapitalistische Arbeitsprozess hebt die allgemeinen Bestimmungen des Arbeitsprozesses nicht auf. Er produziert Produkt und Ware. Insofern bleibt die Arbeit produktiv, die sich in *Waren*, als Einheit von Gebrauchswert und Tauschwert, vergegenständlicht. Aber der Arbeitsprozess ist nur Mittel für den Verwertungsprozess des Kapitals. Die Arbeit ist also produktiv, die sich in *Waren* darstellt, aber, wenn wir die einzelne Ware betrachten, in einem aliquoten Teil derselben *unbezahlte* Arbeit darstellt, oder wenn wir das Gesamtprodukt betrachten, die in einem aliquoten Teil der *gesamten Warenmasse* bloss unbezahlte Arbeit darstellt, also ein *Produkt* darstellt, das den Kapitalisten nichts kostet.

Der Arbeiter ist *produktiv*, der *produktive Arbeit* verrichtet und die *Arbeit ist produktiv*, die unmittelbar *Mehrwert* schafft, d. h. das Kapital *verwertet*.

481 || Bloss die bürgerliche Borniertheit, die die kapitalistische Form der Produktion für die absolute Form derselben hält, daher für eine einzige Naturform der Produktion, kann die Frage, was *produktive Arbeit* und *produktiver Arbeiter* vom Standpunkt des Kapitals sind, verwechseln mit der Frage, was überhaupt *produktive Arbeit* ist und sich daher bei der tautologischen Antwort begnügen, dass alle Arbeit produktiv ist, die überhaupt produziert, in einem Produkt, oder irgend einem Gebrauchswert, überhaupt in einem Resultat resultiert.

Nur der Arbeiter ist produktiv, dessen Arbeitsprozess = dem *produktiven Konsumtionprozess* des Arbeitsvermögens — des Trägers dieser Arbeit — durch das Kapital oder den Kapitalisten ist.

Es ergibt sich hieraus sofort zweierlei:

Erstens: Da mit der Entwicklung der *reellen Subsumtion der Arbeit unter das Kapital* oder der *spezifisch kapitalistischen Produktionsweise* nicht der einzelne Arbeiter, sondern mehr und mehr ein *sozial kombiniertes Arbeitsvermögen* der *wirkliche Funktionär* des Gesamtarbeitsprozesses wird, und die verschiedenen Arbeitsvermögen, die konkurrieren, und die gesamte produktive Maschine bilden, in sehr verschiedener Weise an dem unmittelbaren Prozess der Waren- oder besser hier Produktbildung teilnehmen, der eine mehr mit der Hand, der andre mehr mit dem Kopf arbeitet, der eine als *manager*, *engineer*, *Technolog* etc., der andre als *overlooker*, der dritte

совокупным капиталом, как $C + \Delta C = C + \Delta v$. Следовательно, это — труд, который служит капиталу непосредственно *фактором* его *самовозрастания*, средством производства прибавочной стоимости.

Капиталистический процесс труда не устраняет всеобщих определений процесса труда. Он производит продукт и товар. Постольку производительным остается тот труд, который овеществляется в *товарах* как единстве потребительной стоимости и меновой стоимости. Но процесс труда есть лишь средство для процесса увеличения стоимости капитала. Следовательно, производителен тот труд, который представляется в *товарах*, — а при рассмотрении отдельного товара — тот труд, который в какой-либо доле товара представляет *неоплаченный труд*, или — при рассмотрении совокупного продукта, — труд, который в какой-либо доле *совокупной товарной массы* представляет только неоплаченный труд, т. е. представляет *продукт*, который ничего не стоит капиталистам.

Тот *рабочий производитель*, который выполняет *производительный труд*, и тот *труд производителен*, который непосредственно создает *прибавочную стоимость*, т. е. увеличивает *стоимость капитала*.

481

Только буржуазная ограниченность, которая считает капиталистическую форму производства абсолютной его формой, а потому единственной естественной формой производства, может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* и *производительный рабочий* с точки зрения капитала, с вопросом о том, что такое вообще *производительный труд*, и поэтому удовлетворяться тавтологическим ответом, что производителен всякий труд, который вообще производит, дает продукт или какую-либо потребительную стоимость, или вообще результат.

Лишь тот рабочий производителен, процесс труда которого равен *производительному процессу потребления* способности к труду — носителя этого труда — капиталом или капиталистом.

Отсюда тотчас же вытекают два следствия:

Во-первых: так как с развитием *реального подчинения труда капиталу* или *специфически капиталистического способа производства* не отдельный рабочий, а все более и более *социально-комбинированная способность к труду* становится *действительным* исполнителем совокупного процесса труда, и различные способности к труду, которые соединяют свои силы и образуют совокупную производительную машину, весьма различным образом принимают участие в непосредственном процессе производства товаров — или здесь лучше сказать продуктов, — один больше работает руками, другой больше головой, один — как управляющий, инженер, технолог и т. д., другой — как надсмотрщик, третий непосредственно как рабочий *физического труда*

als direkter Handarbeiter, oder gar bloss Handlanger, so werden mehr und mehr *Funktionen von Arbeitsvermögen* unter den unmittelbaren Begriff der *produktiven Arbeit* und ihre Träger unter den Begriff der *produktiven Arbeiter*, direkt vom Kapital ausgebeuteter und seinem Verwertungs- und Produktionsprozess überhaupt *untergeordneter Arbeiter* einrangiert. Betrachtet man den *Gesamtarbeiter*, aus dem das Atelier besteht, so verwirklicht sich materialiter seine *kombinierte Tätigkeit* unmittelbar in einem *Gesamtprodukt*, das zugleich eine *Gesamtmasse von Waren* ist, wobei es ganz gleichgültig, ob die Funktion des einzelnen Arbeiters, der nur ein Glied dieses Gesamtarbeiters, ferner oder näher der unmittelbaren Handarbeit steht. Dann aber: Die Tätigkeit dieses Gesamtarbeitsvermögens ist seine *unmittelbare produktive Konsumtion durch das Kapital*, d. h. also Selbstverwertungsprozess des Kapitals, unmittelbare Produktion von Mehrwert, und daher, wie dies später noch weiter entwickelt werden soll, *unmittelbare Verwandlung desselben in Kapital*.

Zweitens: Die näheren Bestimmungen der produktiven Arbeit folgen von selbst aus den gegebenen charakteristischen Merkmalen des kapitalistischen Produktionsprozesses. *Erstens* tritt der Besitzer des Arbeitsvermögens als *Verkäufer* desselben, irrationell, wie wir gesehen haben ausgedrückt, als direkter Verkäufer von *lebendiger Arbeit*, nicht von *Ware*, dem Kapital oder dem Kapitalisten gegenüber. Er ist *Lohnarbeiter*. Dies ist die *erste Voraussetzung*. Zweitens aber, eingeleitet durch diesen vorläufigen, der Zirkulation angehörigen Prozess, wird sein Arbeitsvermögen und seine Arbeit als *lebendiger Faktor* dem Produktionsprozess des Kapitals unmittelbar einverleibt, wird selbst einer seiner *Bestandteile*, und zwar der *variierende*, der nicht nur die vorgeschossenen Kapitalwerte teils erhält, teils reproduziert, sondern zugleich *vermehrt* und daher erst durch Schöpfung des Mehrwerts, in sich verwertenden Wert, in Kapital verwandelt. Diese Arbeit *vergegenständlicht* sich unmittelbar während des Produktionsprozesses als *fließender Wertgrösse*.

Es kann einerseits die *erste Bedingung stattfinden*, ohne dass die *zweite stattfindet*. Ein Arbeiter kann *Lohnarbeiter*, Tagelöhner etc. sein. Es findet dies jedesmal statt, wenn das zweite Moment fehlt. Jeder produktive Arbeiter ist Lohnarbeiter, aber deswegen ist nicht jeder Lohnarbeiter produktiver Arbeiter. So oft die Arbeit gekauft wird, um als *Gebrauchswert* verzehrt zu werden, als *Dienst*,

или даже как простой подручный, — то все большее количество *функций способности к труду* включается в непосредственное понятие *производительного труда*, а их носители — в понятие *производительных рабочих*, — рабочих, непосредственно эксплуатируемых капиталом и вообще *подчиненных* его процессу увеличения стоимости и процессу производства. Если рассматривать *совокупного рабочего*, из которого состоит мастерская, то *materialiter* [материально] его *комбинированная деятельность* осуществляется непосредственно в *совокупном продукте*, который вместе с тем есть *совокупная масса товаров*, при чем совершенно безразлично, находится ли функция отдельного рабочего, который является только одним из звеньев этого собирательного рабочего, дальше или ближе к непосредственному ручному труду. Далее, деятельность этой совокупной способности к труду есть ее *непосредственное производительное потребление капиталом*, т. е. процесс самовозрастания капитала, непосредственное производство прибавочной стоимости, и, следовательно, как это будет развито ниже, — *непосредственное превращение последней в капитал*.

Во-вторых: более конкретные * определения производительного труда сами собой вытекают из данных характерных признаков капиталистического процесса производства. *Во-первых*: владелец способности к труду противостоит капиталу или капиталисту как *продавец* ее в иррациональном, как мы видели, выражении, как прямой продавец *живого труда*, а не товаров. — Он — *наемный рабочий*. Это — *первая предпосылка*. А во-вторых, имея этот предварительный и принадлежащий к обращению процесс в качестве введения, его способность к труду и его труд, как *живой фактор*, непосредственно приобщается к процессу производства капитала, сама становится одной из его *составных частей*, а именно *изменяющейся*, которая не только частью сохраняет, частью воспроизводит авансированные в качестве капитала стоимости **, но вместе с тем *увеличивает* их и лишь таким путем, создавая прибавочную стоимость, превращает их в самовозрастающую стоимость, в капитал. Этот труд *овеществляется непосредственно* в течение процесса производства как *текущей величины стоимости*.

С одной стороны, возможно наличие *первого условия при отсутствии второго*. Рабочий может быть *наемным рабочим*, поденщиком и т. д. Это имеет место каждый раз, когда отсутствует второй момент. Всякий производительный рабочий — *наемный рабочий*, но отсюда не следует, что всякий *наемный рабочий* — *производительный рабочий*. Всегда, когда труд покупается, чтобы быть потребленным как *потребительная стоимость*, как *услуга*, а не для того, чтобы

* [Дословно: более близкие. *Ред.*]

** [Дословно: авансированные стоимости капитала. *Ред.*]

nicht um als *lebendiger Faktor* an die Stelle des Werts des variablen Kapitals zu treten, und dem kapitalistischen Produktionsprozess einverleibt zu werden, ist die Arbeit keine produktive Arbeit und der Lohnarbeiter kein produktiver Arbeiter. Seine Arbeit wird dann ihres *Gebrauchswerts* wegen, nicht als *Tauschwert setzend*, sie wird *unproduktiv*, nicht produktiv konsumiert. Der Kapitalist steht ihr daher nicht als Kapitalist, als Repräsentant des Kapitals gegenüber. Er tauscht sein Geld gegen sie als *Revenu*, nicht als *Kapital* aus. Ihre Konsumtion konstituiert nicht G-W-G', sondern W-G-W (letztes die *Arbeit* oder der *Dienst* selbst). Das Geld funktioniert hier nur als Zirkulationsmittel, nicht als Kapital.

- 482 || So wenig die *Waren*, die der Kapitalist kauft zu seinem Privatkonsum, produktiv konsumiert werden, *Faktoren des Kapitals* werden, so wenig die *Dienste*, die er freiwillig oder gezwungen (beim Staat etc.) ihres *Gebrauchswerts* wegen, zu seiner Konsumtion kauft. Sie werden kein Faktor des Kapitals. Sie sind daher keine produktiven Arbeiten und ihre Träger keine *produktiven Arbeiter*.

Je mehr sich die Produktion überhaupt als Produktion von Waren entwickelt, um so mehr muss Jeder und will jeder *Warenhändler* werden, Geld machen, sei es aus seinem Produkt, sei es aus seinen *Diensten*, wenn sein Produkt seiner natürlichen Beschaffenheit gemäss nur in der Form des Dienstes existiert, und dies *Geldmachen* erscheint als der letzte Zweck jeder Art von Tätigkeit. (Siehe *Aristoteles*)^a. In der kapitalistischen Produktion wird nun einerseits die Produktion der Produkte als Waren, andererseits die Form der Arbeit als *Lohnarbeit* absolut. Eine Masse von Funktionen und Tätigkeiten, die einen Heiligenschein um sich hatten, als Selbstzweck galten, gratis geschahen oder auf Umwegen bezahlt wurden (wie alle Professionals, Aerzte, barristers etc. in England, wo der barrister und der physician nicht auf Zahlung klagen konnten oder können), verwandeln sich einerseits direkt in *Lohnarbeiter*, so verschieden ihr Inhalt und ihre *Zahlung* sein mag^b. Andererseits verfallen sie — ihre Wertschätzung, der *Preis* dieser verschiedenen *Tätigkeit* von der Hure zum König — den *Gesetzen*, die den *Preis der Lohnarbeit* regeln. Die Entwicklung dieses letzteren Punkts gehört in Spezialabhandlung über die Lohnarbeit und den Arbeitslohn, nicht hierher. Diese Erscheinung nun, dass mit der Entwicklung der kapitalistischen Produktion, alle *Dienste* sich in *Lohnarbeit* verwandeln und alle ihre Verrichter sich in *Lohnarbeiter* verwandeln, sie also diesen *Charakter* mit dem

^a *Aristoteles*.

^b *Manifest der Kommunistischen Partei*.

в качестве *живого фактора* занять место стоимости переменного капитала и приобщиться к капиталистическому процессу производства, — труд не есть производительный труд, а наемный рабочий не есть производительный рабочий. Его труд тогда потребляется ради его *потребительной стоимости*, а не как *создающий меновую стоимость*, он потребляется *непроизводительно*. Капиталист, стало быть, противостоит ему не как капиталист, не как представитель капитала. Он обменивает на труд свои деньги как доход, а не как *капитал*. Потребление его конституирует не $D—T—D'$ а $T—D—T$ (последнее — *труд*, или, собственно, *услуга*). Деньги здесь функционируют лишь как средство обращения, а не как капитал.

|| Подобно тому как *товары*, которые капиталист покупает для 482 своего частного потребления, не потребляются производительно, не становятся *факторами капитала*, точно так же не становятся ими и *услуги*, которые он покупает для своего потребления добровольно или по принуждению (у государства и т. д.) ради их *потребительной стоимости*. Они не становятся фактором капитала. Они поэтому не производительный труд, и их носители не *производительные рабочие*.

Чем больше производство вообще развивается как производство товаров, тем более каждый должен и хочет стать *продавцом товаров*, делать деньги, будь то из своего продукта, или из своих *услуг*, если его продукт в соответствии с его естественными свойствами существует только в форме услуги, и это *делание денег* выступает как конечная цель всякого вида деятельности. (Смотри *Аристотель*)^а. В капиталистическом же производстве с одной стороны производство продуктов как товаров, с другой стороны форма труда как *наемного труда* становится абсолютной. Масса функций или родов деятельности, которые имели вокруг себя ореол святости, считались самоцелью, выполнялись даром или оплачивались окольными путями (как все представители свободных профессий, врачи, адвокаты и т. д. в Англии, где адвокат и врач не могли или не могут взыскивать оплату по суду), превращаются с одной стороны прямо в *наемных рабочих*, как бы различно ни было содержание и *оплата* [этих функций]^б. С другой стороны, они подпадают — их оценка, *цена* этой различной деятельности от проститутки до короля — *под те же законы, которые определяют цену наемного труда*. Разбор этого последнего пункта относится не сюда, а к специальному разделу о наемном труде и заработной плате. То явление, что с развитием капиталистического производства все *услуги* превращаются в *наемный труд* и все оказывающие их превращаются в *наемных рабочих*,

^а *Аристотель*. [О государстве.]

^б [Маркс и Энгельс]. *Манифест Коммунистической Партии*.

produktiven Arbeiter gemein haben, gibt zur Verwechslung beider um so mehr Anlass, weil es eine die *kapitalistische Produktion* charakterisierende und durch sie selbst geschaffene Erscheinung ist. Andererseits gibt es den Apologeten Anlass, den produktiven Arbeiter, weil er Lohnarbeiter ist, in einen Arbeiter zu verwandeln, der bloss seine *Dienste* (d. h. seine Arbeit als Gebrauchswert) gegen *Geld* austauscht. Damit wird dann glücklich über die *differentia specifica* dieses «produktiven Arbeiters» und der kapitalistischen Produktion — als einer Produktion von Mehrwert, als Selbstverwertungsprozess des Kapitals, dessen blosser sich einverleibter *agency* die lebendige Arbeit ist, hinweggeschlüpft. Ein Soldat ist ein Lohnarbeiter, Söldner, aber er ist deswegen kein produktiver Arbeiter.

Weiterer Irrtum entspringt aus zwei Quellen.

Erstens: innerhalb der kapitalistischen Produktion werden immer Teile der warenproduzierenden Arbeiten in einer Weise verrichtet, die *früheren Produktionsweisen* angehören, wo also das *Verhältnis von Kapital und Lohnarbeit* faktisch noch nicht existiert und daher die dem kapitalistischen Standpunkt entsprechende Kategorie von *produktiver* und *unproduktiver* Arbeit garnicht anwendbar ist. Aber der herrschenden Produktionsweise entsprechend werden die auch wirklich von ihr noch nicht subsumierten Verhältnisse unter sie idealiter subsumiert. Z. B. der selfemploying labourer ist sein eigener Lohnarbeiter, seine eignen Produktionsmittel treten ihm als Kapital in der Vorstellung gegenüber. Als sein eigener Kapitalist wendet er sich selbst als Lohnarbeiter an. Derartige Anomalien bieten der Kannegiesserei über produktive und unproduktive Arbeit dann ein willkommenes Feld.

483 || *Zweitens:* Gewisse *unproduktive Arbeiten* mögen incidentaliter mit dem Produktionsprozess verknüpft sein und mag selbst ihr *Preis* in den *Preis der Ware* eingehn, also das für sie ausgelegte Geld so für einen *Teil des vorgeschossenen Kapitals* bilden und ihre Arbeit daher als Arbeit erscheinen, die sich nicht mit *Revenu*, sondern direkt mit *Kapital* austauscht.

Nehmen wir gleich den letzten Fall, die *Steuern*, den Preis für die Regierungsdienste etc. Aber dies gehört zu den *faux frais de production* und ist eine dem kapitalistischen Produktionsprozess an und für sich *zufällige* und in keiner Art durch denselben *bedingte*, und ihm notwendige, immanente Form. Werden z. B. sämtliche *indirekte* Steuern in *direkte* verwandelt, so werden die Steuern nach wie vor gezahlt, aber bilden nicht mehr Kapitalvorschuss, sondern *Revenu- verausgabung*. Die Möglichkeit dieser Formverwandlung zeigt ihre

следовательно имеют эту общую с производительными рабочими *черту*, тем более дает повод к смешению тех и других, что это есть явление, характеризующее *капиталистическое производство* и созданное им самим. С другой стороны, оно дает апологетам повод превращать производительного рабочего, — на том основании, что он наемный рабочий, — в рабочего, который обменивает на *деньги* только свои *услуги* (т. е. свой труд как потребительную стоимость). Таким путем счастливо обходится *differentia specifica* [специфическое отличие] этого «производительного рабочего» и капиталистического производства как производства прибавочной стоимости, как процесса самовозрастания капитала, к которому живой труд приобщается лишь как исполнитель. Солдат — наемный рабочий, наемщик, но из этого не следует, что он производительный рабочий.

Дальнейшее заблуждение вытекает из двух источников.

Во-первых: в рамках капиталистического производства товаро-производящие работы всегда частично выполняются способом, принадлежащим *более ранним способам производства*, где, следовательно, фактически еще не существует *отношения капитала и наемного труда*, поэтому совершенно неприменима соответствующая капиталистической точке зрения категория *производительного и непроизводительного труда*. Но соответственно господствующему способу производства отношения, в действительности ему еще не подчиненные, подчиняются ему *idealiter* [в представлении]. Так, например, самостоятельный работник [выступает как] свой собственный наемный рабочий, его собственные средства производства в представлении противостоят ему как капитал. Как свой собственный капиталист, он применяет самого себя в качестве наемного рабочего. Такого рода аномалии представляют подходящее поле действия болтовне о производительном и непроизводительном труде.

|| *Во-вторых:* известные *непроизводительные работы* могут быть 483 случайно связаны с процессом производства, а их *цена* может даже входить в *цену товаров*, стало быть, израсходованные на них деньги могут в известной степени составлять *часть авансированного капитала* и, таким образом, этот труд может выступать как труд, который обменивается не на *доход*, а прямо на *капитал*.

Возьмем сейчас последний случай, *налоги*, цену за правительственные услуги и т. д. Это принадлежит к *непроизводительным издержкам производства*, это — *случайная* для капиталистического производства самого по себе и никоим образом не *обусловленная* им, не необходимая, имманентная ему форма. Если, например, *все косвенные* налоги превратить в *прямые*, то налоги попрежнему будут уплачиваться, но они уже будут не авансированием капитала, а *израсходованием дохода*. Возможность такого превращения формы

Aeusserlichkeit, Gleichgültigkeit und Zufälligkeit für den kapitalistischen Produktionsprozess. Mit einer Formverwandlung der produktiven Arbeit hörte dagegen die Revenu des Kapitals und das Kapital selbst auf.

Ferner z. B. Prozesse, materielle Akte etc. Alles dies bezieht sich auf Stipulationen zwischen den Warenbesitzern als Käufern und Verkäufern von Waren, und hat mit dem Verhältnis von Kapital und Arbeit nichts zu tun. Die Funktionäre mögen dadurch zu Lohnarbeitern des Kapitals werden; sie werden dadurch nicht zu produktiven Arbeitern.

Produktive Arbeit ist nur ein abkürzender Ausdruck für das ganze Verhältnis und Art und Weise, worin das Arbeitsvermögen und die Arbeit im kapitalistischen Produktionsprozess figuriert. Sprechen wir also von *produktiver Arbeit*, so sprechen wir von *gesellschaftlich bestimmter Arbeit*, Arbeit, die ein ganz bestimmtes Verhältnis zwischen dem Käufer und Verkäufer von Arbeit einschliesst. Produktive Arbeit tauscht sich direkt mit *Geld als Kapital* aus, d. h. mit Geld, das an sich Kapital ist, die Bestimmung hat als Kapital zu funktionieren und dem Arbeitsvermögen als Kapital gegenübertritt. Produktive Arbeit ist also solche, die für den Arbeiter nur den vorherbestimmten Wert seines Arbeitsvermögens reproduziert, dagegen als Wertschaffende Tätigkeit das Kapital verwertet, die von ihr geschaffenen Werte dem Arbeiter selbst als *Kapital gegenübergesetzt*. Das spezifische Verhältnis zwischen der *vergegenständlichten und lebendigen Arbeit*, das die erste zu Kapital, macht die letztere zu *produktiver Arbeit*.

Das spezifische Produkt des kapitalistischen Produktionsprozesses, Mehrwert, wird nur durch Austausch mit der *produktiven Arbeit* geschaffen.

Was ihren *spezifischen Gebrauchswert* für das Kapital bildet, ist nicht ihr bestimmter nützlicher Charakter, so wenig wie die besonderen nützlichen Eigenschaften des Produkts, worin sie sich vergegenständlicht, sondern ihr Charakter als schöpferisches Element des Tauscherts (Mehrwerts).

Der kapitalistische Produktionsprozess ist nicht bloss die Produktion von Waren. Er ist ein Prozess, der unbezahlte Arbeit absorbiert, die Produktionsmittel zu Mitteln der Einsaugung unbezahlter Arbeit macht.

Aus dem Bisherigen geht hervor, dass *produktive Arbeit* zu sein eine Bestimmung der Arbeit ist, die an und für sich absolut nichts zu tun hat mit dem *bestimmten Inhalt* der Arbeit, ihrer besonderen

показывает, что она является внешней, безразличной и случайной для капиталистического процесса производства. Наоборот, с превращением формы производительного труда прекратился бы доход капитала и [существование] самого капитала.

Далее, например, процессы, материальные акты и т. д. Все это имеет отношение лишь к договорам между товаровладельцами как покупателями и продавцами товаров и не имеет ничего общего с отношением капитала и труда. Чиновники благодаря этому могут стать наемными рабочими капитала, но они от этого не становятся производительными рабочими.

Производительный труд, это — лишь сокращенное выражение для всего отношения и того способа, каким способность к труду и труд фигурируют в капиталистическом процессе производства. Таким образом, если мы говорим о *производительном труде*, то мы говорим об *общественно-определенном труде*, о труде, который включает совершенно определенное отношение между покупателем и продавцом труда. Производительный труд обменивается прямо на *деньги как капитал*, т. е. на деньги, которые сами по себе суть капитал, имеют назначение функционировать как капитал и противостоят способности к труду, как капитал. Следовательно, производительный труд, это — труд который для рабочего воспроизводит лишь заранее определенную стоимость его способности к труду, но зато, как создающая стоимость деятельность, увеличивает стоимость капитала и *противопоставляет* созданные этим трудом стоимости самому рабочему как *капитал*. Специфическое отношение между *овеществленным* и *живым трудом*, которое делает первый капиталом, делает последний *производительным* трудом.

Специфический продукт капиталистического процесса производства, прибавочная стоимость, создается лишь благодаря обмену на *производительный труд*.

Специфическую потребительную стоимость последнего для капитала образует не его определенный полезный характер, так же как и не особые полезные свойства продукта, в котором он овеществляется, а его характер как элемента, создающего меновую стоимость (прибавочную стоимость).

Капиталистический процесс производства есть не только производство товаров. Это — процесс, который поглощает неоплаченный труд, делает средства производства средствами всасывания неоплаченного труда.

Из предыдущего вытекает, что быть *производительным трудом* есть назначение труда, которое само по себе абсолютно ничего общего не имеет с *определенным содержанием* труда, с его особой

Nützlichkeit oder dem eigentümlichen Gebrauchswert, worin sie sich darstellt.

484 || Arbeit *desselben Inhalts* kann daher produktiv und unproduktiv sein.

Z. B. Milton, who did the paradise lost, war ein unproduktiver Arbeiter. Der Schriftsteller dagegen, der Fabrikarbeit für seinen Buchhändler liefert, ist ein produktiver Arbeiter. Milton produzierte das Paradise lost, wie ein Seidenwurm Seide produziert, als Betätigung *seiner* Natur. Er verkaufte später das Produkt für 5 l. und wurde insofern Warenhändler. Aber der Leipziger Literaturproletarier, der auf Kommando seines Buchhändlers Bücher, z. B. Kompendien über Politische Oekonomie produziert, ist annähernd ein produktiver Arbeiter, soweit seine Produktion unter das Kapital subsumiert ist und nur zu dessen Verwertung stattfindet. Eine Sängerin, die wie der Vogel singt, ist ein unproduktiver Arbeiter. Wenn sie ihren Gesang für Geld verkauft, ist sie sofern Lohnarbeiter oder Warenhändler. Aber dieselbe Sängerin, von einem entrepreneur engagiert, der sie singen lässt um Geld zu machen, ist ein produktiver Arbeiter, denn sie *produziert* direkt Kapital. Ein Schulmeister, der andre unterrichtet, ist kein produktiver Arbeiter. Aber ein Schulmeister, der als Lohnarbeiter in einem Institut mit andern engagiert ist, um durch seine Arbeit das Geld des Entrepreneurs der knowledge mongering institution zu verwerthen, ist ein produktiver Arbeiter. Doch sind die meisten dieser Arbeiten, der Form nach betrachtet, kaum formell unter das Kapital subsumiert, sondern gehören den Uebergangsformen an.

Im Ganzen sind die Arbeiten, die nur als Dienste genossen, nicht in von den Arbeitern trennbare und daher ausser ihnen als selbständige Ware existierende Produkte verwandelt, dennoch aber direkt *kapitalistisch* exploitiert werden können, verschwindende Grössen, verglichen mit der Masse der kapitalistischen Produktion. Sie sind deshalb ganz ausser Acht zu lassen und nur zu behandeln in der Lohnarbeit, unter der Kategorie der Lohnarbeit, die nicht zugleich produktive Arbeit ist.

Dieselbe Arbeit (z. B. gardening, tailoring etc.) kann von demselben workingman im Dienste eines industriellen Kapitalisten, oder eines unmittelbaren Konsumenten verrichtet werden etc. In beiden Fällen ist er Lohnarbeiter oder Tagelöhner, aber in dem einen Fall ist er *produktiver*, in dem andern *unproduktiver* Arbeiter, weil er in dem einen Fall Kapital produziert, in dem andern nicht; weil in

полезностью или своеобразной потребительной стоимостью, в которой он выражается.

Поэтому труд *одного и того же содержания* может быть производительным и непроизводительным. 484

Например, Мильтон, который написал «Потерянный рай», был непроизводительным работником. Наоборот, писатель, который доставляет своему книготорговцу работу на фабричный манер, есть производительный работник. Мильтон производил «Потерянный рай» подобно тому, как шелковичный червь производит шелк; это было проявление *его* природы. Он продал потом продукт за 5 ф. ст. и постольку сделался продавцом товара. Но лейпцигский литератор-пролетарий, который производит по приказу своего книготорговца книги, например руководства по политической экономии, — приблизительно производительный работник, поскольку его производство подчинено капиталу и происходит только для увеличения стоимости последнего. Певица, которая поет, как птица, — непроизводительный работник. Если она продает свое пение за деньги, она постольку — наемный работник или продавец товаров. Но та же певица, ангажированная антрепренером, который заставляет ее петь, чтобы «сделать деньги», — производительный работник, ибо она непосредственно *производит* капитал. Школьный учитель, обучающий других, — не производительный работник. Но школьный учитель, который приглашен в какой-либо институт вместе с другими как наемный работник, чтобы своим трудом увеличить стоимость денег владельца торгующего знанием учреждения, — производительный работник. Тем не менее большинство этих видов труда, рассматривая их со стороны формы, едва подчинены капиталу формально; они принадлежат к переходным формам.

В целом те работы, которые могут быть потреблены лишь в виде услуг и не могут быть превращены в отделимые от рабочих и, стало быть, существующие вне их самостоятельные продукты, но которые, тем не менее, могут непосредственно *капиталистически* эксплуатироваться, составляют ничтожную величину по сравнению с объемом капиталистического производства. Их поэтому следует оставить в стороне и рассмотреть лишь при исследовании наемного труда, под рубрикой наемного труда, который не есть вместе с тем производительный труд.

Один и тот же труд (например, садоводство, портняжество и т. д.) может одним и тем же рабочим выполняться на службе у промышленного капиталиста или у непосредственного потребителя и т. д. В обоих случаях он наемный рабочий или поденщик, но в первом случае он *производительный*, во втором *непроизводительный* рабочий, потому что в одном случае он производит капитал,

dem einen Fall seine Arbeit ein Moment des Selbstverwertungsprozesses des Kapitals bildet, in dem andern nicht.

Ein grosser Teil des jährlichen Produkts, das als Revenu verzehrt wird und nicht mehr als Produktionsmittel von neuem in die Produktion eingeht, besteht aus den fatalsten, die jämmerlichsten Gelüste, fancies usw. befriedigenden Produkten (Gebrauchswert). Dieser Inhalt ist für die Bestimmung der produktiven Arbeit ganz gleichgültig (obgleich natürlich wenn ein unproportioneller Teil so reproduziert würde, statt in Produktionsmittel und Lebensmittel zurückverwandelt zu werden, die von neuem in die Reproduktion, sei es der Waren, sei es der Arbeitsvermögen selbst eingehn — kurz, die produktiv konsumiert werden, — die Entwicklung des Reichtums natürlich einen check erhielte). Diese Sorte produktiver Arbeit produziert Gebrauchswerte, vergegenständlicht sich in Produkten, die nur für die unproduktive Konsumtion bestimmt, in ihrer Realität, als Artikel, keinen *Gebrauchswert* für den Reproduktionsprozess haben (sie können dies nur bekommen durch *Stoffwechsel*, durch Austausch mit reproduktiven Gebrauchswerten; aber das ist nur ein Displacement. Somewhere müssen sie als unreproduktiv konsumiert werden. Andre solcher in den unproduktiven Konsumtionsprozess fallenden Artikel könnten nötigenfalls auch wieder als Kapital funktionieren. Das Nähere hierüber gehört in Ch. III Buch II über den Reproduktionsprozess. Es ist hier nur diese Bemerkung zu antizipieren: Es ist für die gewöhnliche Oekonomie unmöglich über die Schranken der Luxusproduktion, vom Standpunkt der kapitalistischen Produktion selbst ein vernünftiges Wort zu sagen. Die Sache ergibt sich aber sehr einfach, wenn die Momente des Reproduktionsprozesses ordentlich analysiert werden. Wird der Reproduktionsprozess gehemmt oder sein Fortschritt, soweit er schon durch den natürlichen Fortschritt der Population bedingt ist, aufgehalten durch unverhältnismässige Anwendung solcher *produktiven Arbeit*, die in unreproduktiven Artikeln sich darstellt, so ist also zu wenig notwendige Lebensmittel oder zu wenig Produktionsmittel etc. reproduziert worden, so ist der Luxus verdamulich vom Standpunkt der kapitalistischen Produktion. Im übrigen ist er eine absolute Notwendigkeit für eine Produktionsweise, die den Reichtum für die Nicht-Produzenten produziert, also ihm notwendige Formen geben muss, worin er von dem bloss geniessenden Reichtum aneignenbar).

в другом — нет; потому что в одном случае его труд составляет момент процесса самовозрастания капитала, а в другом — нет.

Большая часть годового продукта, который потребляется как доход и больше не входит вновь в производство как средство производства, состоит из удовлетворяющих самым жалким прихотям, капризам и т. д. обыденнейших * продуктов (потребительная стоимость). Это содержание совершенно безразлично для определения производительного труда (хотя, конечно, если бы непропорционально большая часть воспроизводилась таким образом, вместо того, чтобы опять превратиться в средства производства и средства существования, которые вновь входят в воспроизводство товаров или в воспроизводство самой способности к труду, словом — которые потребляются производительно, — развитие богатства, конечно, понесло бы ущерб). Этот вид производительного труда производит потребительные стоимости, овеществляется в продуктах, которые предназначаются только для непроизводительного потребления, не имеют в их реальности, как предметы, никакой *потребительной стоимости* для процесса воспроизводства. (Они могут ее получить только путем *обмена вещей*, путем обмена на служащие для воспроизводства потребительные стоимости; но это — лишь перемещение. Где-нибудь они должны быть потреблены не для воспроизводства**. Иные подобные предметы, относящиеся к процессу непроизводительного потребления, могут, в случае необходимости, опять функционировать как капитал. Подробнее об этом — в III главе II книги о процессе воспроизводства. Здесь только предварительно следующее замечание. Обыденная политическая экономия не в состоянии сказать что-либо вразумительное о границах производства предметов роскоши с точки зрения самого капиталистического производства. Но дело оказывается весьма простым, если разобрать как следует моменты процесса воспроизводства. Если процесс воспроизводства тормозится, если его рост, поскольку он обуславливается уже естественным ростом населения, задерживается непропорциональным применением такого *производительного труда*, который выражается в предметах, не служащих для воспроизводства, — то, следовательно, воспроизводится слишком мало необходимых средств существования или слишком мало средств производства и т. д., и тогда роскошь достойна осуждения с точки зрения капиталистического производства. В остальном же она есть абсолютная необходимость для способа производства, который производит богатство для непродвигших, стало быть неизбежно должен давать ему формы, в которых оно может присваиваться богатством, которое только потребляет.)

* [Слово в данном контексте не поддается точной передаче. *Ред.*]

** [Дословно: невоспроизводительно. *Ред.*]

Für den Arbeiter selbst ist diese produktive Arbeit, wie jede andre, bloss Mittel zur Reproduktion seiner notwendigen Lebensmittel; für den Kapitalisten, dem die Natur des Gebrauchswerts, und der Charakter der angewandten konkreten Arbeit an und für sich ganz gleichgültig, bloss ein *moyen de battre monnaie, de produire la survalue*.

485 || Die Sucht die *produktive* und *unproduktive* Arbeit durch ihren *stofflichen* Inhalt zu bestimmen, rührt aus drei Quellen her.

1) Die der kapitalistischen Produktionsweise eigentümliche, und aus ihrem Wesen entspringende fetischistische Anschauung, welche *ökonomische* Formbestimmtheiten, wie *Ware* zu sein, *produktive* Arbeit zu sein etc., als den stofflichen Trägern dieser Formbestimmtheiten oder Kategorien an und für sich zukommende Eigenschaft betrachtet.

2) Dass den Arbeitsprozess als solchen betrachtet, die Arbeit nur *produktiv* ist, die in einem *Produkt* (materiellen Produkt, da es sich hier nur um materiellen Reichtum handelt) resultiert;

3) Dass im *wirklichen* Reproduktionsprozess — seine *realen* Momente betrachtet, ein grosser Unterschied mit Bezug auf die Bildung etc. des Reichtums, zwischen der Arbeit, die sich in reproduktiven Artikeln und andrer, die sich in blossen luxuries darstellt.

(*Beispiel*: Ob ich eine Hose kaufe oder ob ich Tuch kaufe und einen Schneidergesellen ins Haus nehme, dem ich seinen *Dienst* (id est seine Schneiderarbeit) zahle, ist für mich völlig gleichgültig. Ich kaufe sie vom merchant tailor, weil sie so wohlfeiler. In beiden Fällen verwandle ich das Geld, das ich aus gebe, in einen Gebrauchswert, der meiner individuellen Konsumtion anheimfallen, mein individuelles Bedürfnis befriedigen soll, nicht in Kapital. Der Schneidergeselle leistet mir denselben *Dienst*, ob er bei dem merchant tailor für mich arbeitet oder in meinem Hause. Dagegen besteht der Dienst, den derselbe Schneidergeselle, von einem merchant tailor verwandt, diesem Kapitalisten leistet, darin dass er 12 Stunden arbeitet und nur 6 etc. bezahlt erhält. Der Dienst, den er ihm leistet, besteht also darin, dass er 6 Stunden umsonst arbeitet. Dass dies in der Form von Hosenmacherei geschieht, *versteckt* nur die wirkliche Transaktion. Sobald der merchant tailor kann, sucht er die Hosen daher wieder in Geld zu verwandeln, d. h. in eine Form, worin der bestimmte Charakter der Schneiderarbeit völlig verschwunden ist, und der geleistete Dienst sich darin ausdrückt, dass aus einem Taler zwei geworden sind.

Dienst ist überhaupt nur Ausdruck für den *besonderen* Gebrauchs-

Для самого рабочего этот производительный труд, как всякий другой, есть лишь средство воспроизводства необходимых ему средств существования; для капиталиста, для которого природа потребительной стоимости и характер примененного конкретного труда сами по себе совершенно безразличны, — только средство наживы, производства прибавочной стоимости.

¶ Стремление определить *производительный и непроизводительный* 485 труд его *вещественным* содержанием проистекает из трех источников:

1) Свойственное капиталистическому способу производства и вытекающее из его сущности фетишистское воззрение, которое рассматривает *экономические* определенности формы, — как-то быть *товаром*, быть *производительным* трудом и т. д., — как свойство, принадлежащее вещественным носителям этих определенностей формы или категорий самим по себе.

2) Что, если рассматривать процесс труда как таковой, только тот труд *производителен*, результатом которого является продукт (материальный продукт, ибо здесь речь идет лишь о материальном богатстве);

3) Что в *действительном* процессе производства, — если рассматривать его *реальные* моменты, — существует большое различие в отношении образования и т. д. богатства между трудом, который выражается в предметах, служащих для воспроизводства, и трудом, который выражается в одной лишь роскоши.

(Пример. Покупаю ли я брюки или покупаю сукно и приглашаю на дом портного, которому я плачу за его *услугу* (т. е. за его портняжную работу), — для меня совершенно безразлично. Я покупаю брюки готовыми, потому что так они обходятся дешевле. В обоих случаях я превращаю деньги, которые я расходую, не в капитал, а в потребительную стоимость, которая идет на мое индивидуальное потребление и должна удовлетворить мою индивидуальную потребность. Портной оказывает мне одинаковую *услугу*, работает ли он для меня у портного-капиталиста или у меня на дому. Наоборот, услуга, которую тот же портной, работая у портного-капиталиста, оказывает этому капиталисту, состоит в том, что он работает 12 часов и получает плату только за 6. Таким образом, услуга, которую он ему оказывает, состоит в том, что он 6 часов работает даром. Что это происходит в форме производства брюк, только *скрывает* действительную сделку. Поэтому портной-капиталист старается при первой возможности опять превратить брюки в деньги, т. е. в форму, в которой совершенно исчез определенный характер портняжного труда, и оказанная услуга выражается в том, что из одного талера стало два.

Услуга есть вообще лишь [способ] выражения для *особой потреби-*

wert der Arbeit, soweit diese nicht als Sache, sondern als Tätigkeit nützlich ist. Do ut facias, facio ut facias, facio ut des, do ut des, sind hier ganz gleichgültige Formen desselben Verhältnisses, während in der kapitalistischen Produktion das do ut facias ein sehr spezifisches Verhältnis zwischen dem gegenständlichen Reichtum und der lebendigen Arbeit ausdrückt. Weil also in diesem *Kaufen von Diensten* das spezifische Verhältnis von Arbeit und Kapital gar nicht enthalten, entweder völlig ausgelöscht, oder gar nicht vorhanden ist, ist es natürlich die Lieblingsform von Say, Bastiat et Consorten, um das *Verhältnis von Kapital und Arbeit* auszudrücken).

Auch der Arbeiter kauft mit Geld *Dienste*, was eine Art der Ver-
ausgabung, aber keine Manier ist das Geld in Kapital zu verwandeln.

Kein Mensch kauft ärztliche oder juristische «Dienstleistungen» als Mittel, das so ausgelegte Geld in Kapital zu verwandeln.

Ein grosser Teil der *Dienste* gehört in die Konsumtionskosten von Waren, wie Köchin etc.

Der Unterschied der *produktiven* und *unproduktiven Arbeit* besteht bloss darin, ob Arbeit gegen *Geld als Geld* oder gegen *Geld als Kapital* ausgetauscht wird. Wo z. B., wie beim selfemploying labourer, artisan etc., ich seine *Ware* kaufe, kommt die Kategorie überhaupt nicht in Frage, weil kein direkter Austausch zwischen Geld und Arbeit irgendeiner Art, sondern zwischen *Geld und Ware*.

486 || (Bei der nicht materiellen Produktion, selbst wenn sie rein für den Austausch betrieben wird, Waren produziert, ist zweierlei möglich:

1) Sie resultiert in Waren, die getrennt vom Produzenten bestehn, also im Intervall zwischen Produktion und Konsumtion als Waren zirkulieren können, wie Bücher, Gemälde, alle Kunstprodukte, die von der Kunstleistung des exekutierenden Künstlers verschieden sind. Hier ist kapitalistische Produktion in sehr beschränktem Masse anwendbar. Diese Leute, soweit sie nicht als sculptors etc. Gesellen etc. halten, arbeiten meist (wenn nicht selbständig) für ein Kaufmannskapital, z. B. Buchhändler, ein Verhältnis, das nur Uebergangsform selbst zur bloss *formell kapitalistischen Produktionsweise* bildet.

тельной стоимости труда, поскольку она полезна не как вещь, а как деятельность. *Do ut facias, facio ut facias, facio ut des, do ut des* [даю, чтобы ты сделал, делаю, чтобы ты сделал, делаю, чтобы ты давал, даю, чтобы ты давал], здесь совершенно безразличные формы одного и того же отношения, между тем как в капиталистическом производстве *do ut facias* [даю, чтобы ты сделал] выражает весьма специфическое отношение между вещным богатством и живым трудом. Поэтому, так как в этой *покупке услуг* совершенно не содержится специфического отношения между трудом и капиталом, так как оно здесь или полностью изгладилось, или его совсем не имеется, то она, естественно, для Сая, Бастиа и их сподвижников является излюбленной формой для выражения *отношения капитала и труда*.)

Рабочий также покупает на деньги *услуги*; это есть способ израсходования денег, но не способ превращать деньги в капитал.

Ни один человек не покупает врачебных или юридических «услуг» в качестве средства превращения израсходованных этим путем денег в капитал.

Большая часть *услуг* относится к издержкам потребления товаров, как кухарка и т. д.

Различие между *производительным* и *непроизводительным трудом* состоит лишь в том, обменивается ли труд на *деньги как деньги* или на *деньги как капитал*. Если я, например, покупаю у самостоятельного работника, ремесленника и т. д. его *товар*, то об этой категории вообще не может быть речи, потому что здесь нет прямого обмена между деньгами и каким бы то ни было видом труда, а есть обмен между *деньгами и товаром*.

|| (При нематериальном производстве, даже если оно ведется исключительно для обмена, производит товары, — возможны два случая*:

1) Оно имеет своим результатом товары, которые существуют отдельно от производителя и, стало быть, могут в промежуток между производством и потреблением обращаться как товары, например книги, картины, все произведения искусства, которые существуют отдельно от художественной деятельности выполняющего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо в очень ограниченной мере. Эти люди, поскольку они не держат подмастерьев, как скульпторы и т. д., работают большей частью (если они не самостоятельны) на торговый капитал, например на книго-торговцев; это — отношение, которое само составляет только переходную форму к лишь *формально капиталистическому способу производства*. То обстоятельство, что именно в этих переходных формах

* [Дословно: возможно двоякое. *Ред*].

Dass in diesen Uebergangsformen, gerade die Exploitation der Arbeit am grössten, ändert nichts an der Sache;

2) Das Produkt ist nicht trennbar vom Akt des Produzierens. Auch hier findet kapitalistische Produktionsweise nur beschränkt statt und kann der Natur der Sache nach nur in einigen Sphären stattfinden. (Ich will *den Arzt*, nicht seinen Laufburschen). Z. B. bei Unterrichtsanstalten können die Lehrer blosser Lohnarbeiter für den Unternehmer der Lernfabrik sein. Dergleichen nicht zu berücksichtigen für das Ganze der kapitalistischen Produktion).

«Produktive labourer, der directly vermehrt *his master's wealth*».
(*Malthus. Principles of Political Economy. 2-nd edition. London 1836*).

Der Unterschied von *produktiver* und *unproduktiver Arbeit* wichtig mit Bezug auf die Akkumulation, da nur der Austausch gegen produktive Arbeit eine der Bedingungen der Rückverwandlung von Mehrwert in Kapital ist.

Der Kapitalist als Repräsentant des in seinem Verwertungsprozess begriffenen — des *produktiven Kapitals* — verrichtet eine *produktive Funktion*, die gerade darin besteht, produktive Arbeit zu dirigieren und zu exploitieren. Im Gegensatz gegen Mitzehrer der *Surplusvalue*, die in keinem solchen unmittelbaren und tätigen Verhältnis zu ihrer Produktion steh[en], ist seine Klasse die *produktive Klasse* par excellence. (Als Lenker des Arbeitsprozesses kann der Kapitalist *produktive Arbeit* verrichten im Sinne, dass seine Arbeit in den Gesamt-arbeitsprozess einbegriffen, der sich im Produkt verkörpert). Wir kennen hier nur noch das Kapital innerhalb des unmittelbaren Produktionsprozesses. Wie es sich mit andern Funktionen des Kapitals verhält — und den Agenten, deren es sich innerhalb dieser Funktionen bedient — kann erst später entwickelt werden.

Die Bestimmung der *produktiven Arbeit* (und daher auch der *unproduktiven*, als ihres Gegenteils) beruht also darauf, dass die Produktion des Kapitals Produktion von Mehrwert und die von ihr angewandte Arbeit Mehrwert produzierende Arbeit ist.

(Gehört vielleicht besser in B. III. Ch. III.)

Da der Zweck der kapitalistischen Produktion (und daher der *produktiven Arbeit*) nicht die Existenz der Produzenten, sondern die

господствует самая большая эксплуатация труда, нисколько не меняет существа дела;

2) Продукт неотделим от производительного акта. И здесь капиталистический способ производства имеет место лишь в ограниченных рамках и по самой природе вещей может иметь место только в некоторых сферах. (Я нуждаюсь во *враче*, не в его рассыльном). Например, в учебных заведениях учителя могут быть лишь наемными рабочими для предпринимателя фабрики обучения. Но подобные случаи не должны приниматься во внимание при рассмотрении капиталистического производства в целом).

«Производительный рабочий тот, который непосредственно увеличивает *богатство своего хозяина*» (*Мальтус. Начала политической экономии*, 2-е изд., Лондон, 1836).

Различие между *производительным и непроизводительным трудом* важно в отношении накопления, так как лишь обмен на производительный труд есть одно из условий обратного превращения прибавочной стоимости и капитал.

Капиталист, как представитель капитала, находящегося в процессе увеличения своей стоимости, — *производительного капитала*, — выполняет *производительную* функцию, которая именно в том и состоит, чтобы управлять и эксплуатировать *производительный труд*. В противоположность к другим соучастникам потребления *прибавочной стоимости*, которые не находятся в таком непосредственном и активном отношении к ее производству, его класс — *производительный класс* par excellence [преимущественно]. (Как руководитель процесса труда, капиталист может выполнять *производительный труд* в том смысле, что его труд включен в совокупный рабочий процесс, который воплощается в продукте). Здесь мы знаем капитал лишь внутри непосредственного процесса производства. Как обстоит дело с другими функциями капитала и какими средствами * он пользуется в рамках этих функций — может быть развито лишь позднее.

Итак, определение *производительного труда* (а следовательно, и *непроизводительного* как его противоположности) покоится на том, что производство капитала есть производство прибавочной стоимости и что труд, им применяемый, есть труд, производящий прибавочную стоимость.

Валовой и чистый продукт.

487

(Может быть, лучше отнести к тому III, главе III.)

Так как цель капиталистического производства (а потому и *производительного труда*) заключается не в [обеспечении] существова-

* [Также: факторами, агентами. *Ред.*]

Produktion von Mehrwert, so ist alle notwendige Arbeit, die keine Surplusarbeit produziert, überflüssig und wertlos für die kapitalistische Produktion. Dasselbe gilt für eine Nation von Kapitalisten. Alles *produit brut*, welches nur den Arbeiter reproduziert, d. h. kein *produit net* (Surplusproduce) produziert, ist ebenso überflüssig wie jener Arbeiter selbst. Oder wenn Arbeiter auf einer gewissen Entwicklungsstufe der Produktion nötig waren, um *produit net* zu produzieren, werden sie auf einer fortgeschrittenen Stufe der Produktion, die ihrer nicht mehr bedarf, überflüssig. Oder nur die für das Kapital profitable Menschenzahl ist nötig. Dasselbe gilt für eine Nation von Kapitalisten. «Das Realinteresse einer Nation, ist es nicht dasselbe (wie das eines Privatkapitalisten, dem, wenn der Profit seines Kapitals von 20 000 «nur in allen Fällen nicht unter 2000 sinkt», gleichgültig ist, ob er «100 oder 1000 Menschen in Bewegung setzt»), wenn nur ihre *revenu net et réel*, ihre *rents* und *profits* dieselben sind, was liegt daran, ob sie sich aus 18 oder 12 Millionen Individuen zusammensetzt?.. Wenn 5 Millionen Menschen die Nahrung und Kleidung für 10 Millionen Menschen produzieren könnten, so wären die Nahrung und Kleidung dieser 5 Millionen die *revenu net*. Zöge das Land einen Vorteil davon, wenn es, um dieselbe *revenu net* zu produzieren, 7 Millionen Menschen nötig hätte, d. h. wenn es nötig wäre, dass 7 Millionen angewandt würden, um die Nahrung und Kleidung von 12 Millionen zu produzieren? Die Nahrung und Kleidung von 5 Millionen wäre stets die *revenu net*».

Selbst die Philanthropie kann nichts gegen diesen Satz Ricardos einzuwenden haben. Denn es ist immer besser, dass unter 10 Millionen nur 50% als reine Produktionsmaschinen für 5 Millionen, als unter 12 Millionen 7 oder $58\frac{3}{4}$ [%] als solche vegetieren.

«Of what use in a modern kingdom would be a whole province thus divided (zwischen selfsustaining little farmers wie in den first times of ancient Rome), however well cultivated, except for the mere purpose of breeding men, which, singly taken, is a most useless purpose». (47. *Arthur Young. Political Arithmetic etc. London, 1774*).

Dass der Zweck der kapitalistischen Produktion das *Net Produce* ist, in der Tat bloss in der Form des *Surplusproduce*, worin sich die *Sur-*

ния производителей, а в производстве прибавочной стоимости, то весь необходимый труд, который не производит прибавочного труда, излишен и не имеет стоимости для капиталистического производства. Это положение имеет силу и по отношению к капиталистической нации [в целом]. Весь тот *валовой продукт*, который лишь воспроизводит рабочего, т. е. не производит *чистого продукта* (прибавочного продукта), так же излишен, как и производящий его рабочий. Или, если рабочие были необходимы на известной степени развития производства, чтобы производить чистый продукт, то они становятся излишними на более развитой ступени производства, которая в них больше не нуждается. Иными словами, необходимо только то количество людей, которое может принести прибыль капиталу. То же относится и к капиталистической нации. «Разве реальный интерес нации не таков же (как интерес частного капиталиста, которому безразлично, приводит ли он в движение 100 или 1 000 человек», если только прибыль на его капитал, равный 20 000, «во всех случаях остается не ниже 2 000»), если только чистый и реальный доход нации, ее ренты и прибыли остаются неизменными, не безразлично ли при этом, состоит ли она из 18 или 12 миллионов человек?.. Если 5 миллионов человек могут произвести пищу и одежду для 10 миллионов, то пища и одежда 5 миллионов и составляет чистый доход. Разве страна извлекла бы выгоду, если бы для производства того же самого чистого дохода было бы необходимо 7 миллионов людей, т. е., если бы было необходимо применение труда 7 миллионов человек, чтобы произвести пищу и одежду для 12 миллионов? Пища и одежда 5 миллионов была бы попрежнему чистым доходом».

Даже филантропия ничего не может возразить против этого положения Рикардо. Ибо во всяком случае лучше, чтобы из 10 миллионов лишь 50 процентов прозябали в качестве машин, занятых исключительно производством для 5 миллионов, чем чтобы из 12 миллионов — 7 или $58\frac{3}{4}$ [процентов].

«Какая польза была бы для современного государства от целой провинции, разделенной таким образом (между самостоятельными мелкими фермерами, как это было в ранний период в древнем Риме); как бы хорошо она ни обрабатывалась, она годилась бы лишь для разведения людей, что, взятое изолированно, представляет собою самую бесполезную цель» (*Артур Юнг. Политическая арифметика* и т. д. Лондон, 1774, стр. 47).

Что цель капиталистического производства есть *чистый продукт*, на деле заключено * уже в форме *прибавочного продукта*, в которой представляется прибавочная стоимость, [в том], что капи-

* [Точнее: положено. *Ред.*]

plusvalue darstellt, gesetzt, dass die kapitalistische Produktion essentially *Produktion von Mehrwert* ist.

Es steht dies entgegen z. B. der altertümlichen, frühern Produktionsweisen entsprechenden Ansicht, wonach die städtischen Magistrate etc. z. B. Erfindungen verboten haben, um Arbeiter nicht ausser Brot zu setzen, da der Arbeiter als solcher als Selbstzweck galt und sein standesmässiger Erwerb als sein Privilegium, in dessen Erhaltung die ganze alte Ordnung interessiert war. Es steht entgegen der noch national tingierten Anschauung des Protektionssystems (im Gegensatz zum freetrade), dass Industrien etc. als Existenzquellen einer grossen Masse Menschen national zu beschützen seien gegen auswärtige Konkurrenz etc. Es steht aber auch entgegen A. Smiths Ansicht, dass z. B. die Anlage des Kapitals in der Agrikultur «produktiver», weil dasselbe Kapital mehr Hände beschäftige. Alles das sind für die entwickelte kapitalistische Produktionsweise veraltete und unwahre, falsche Anschauungen. Ein grosses Bruttoproduct (as far as the variable part of capital is concerned) in *Proportion* zu kleinem Nettoproduct ist = geringer Produktivkraft der Arbeit und daher des Kapitals.

488 || Es sind jedoch traditionell allerlei konfuse Vorstellungen mit diesem Unterschied von Brutto- und Netto-Product verbunden. Dies stammt zum Teil her von der *Physiokratie* (sieh Buch IV), zum Teil von A. Smith, der die kapitalistische Produktion immer noch verwechselt hier und da mit der Produktion für die unmittelbaren Produzenten.

Wenn ein einzelner Kapitalist Geld ins Ausland schickt, wo er 10% interest kriegt, während er im Inland eine Masse Surpluspeople beschäftigen könnte, so verdient er vom kapitalistischen Standpunkt eine Bürgerkrone, denn dieser tugendhafte Bürger vollzieht das Gesetz, das innerhalb des Weltmarkts, wie innerhalb der Wände einer Gesellschaft, das Kapital verteilt, je nach der Rate des Profits, die besondere Produktionssphären liefern, und sie eben dadurch ausgleicht und die Produktion proportioniert. (Es ist gleichgültig, ob das Geld z. B. dem Kaiser von Russland für Kriege gegen die Türkei etc. geliefert wird). Der einzelne Kapitalist befolgt damit nur das immanente Gesetz und daher die Moral des Kapitals to produce as much surplusvalue as possible. Mit der Betrachtung des unmittelbaren Produktionsprozesses hat dies jedoch nichts zu tun.

капиталистическое производство по самому существу есть *производство прибавочной стоимости*.

Это положение находится, например, в противоречии с взглядами, соответствующими старым, более ранним способам производства, руководствуясь которыми городские магистраты запрещали, например, изобретения, чтобы не лишать рабочих куска хлеба, ибо рабочий как таковой считался самоцелью, а соответствующий его положению заработок — его привилегией, в сохранении которой был заинтересован весь старый строй. Оно противоречит также воззрению протекционизма (в противоположность фритредерству), которое еще было национально окрашено и согласно которому следует охранять от иностранной конкуренции и т. д. национальную промышленность и т. д., являющуюся источником существования значительных масс людей. Но оно противоречит также и взгляду А. Смита, по которому, например, вложение капитала в сельское хозяйство «более производительно», так как в нем тот же капитал занимает большее количество людей. Все это для развитого капиталистического способа производства — воззрения устарелые, неверные и ложные. Большой валовой продукт (поскольку речь идет о переменном капитале) *по отношению* к малому чистому продукту равносильна незначительной производительной силе труда, а стало быть и капитала.

|| Однако по традиции с этим различием между валовым и чистым 488 продуктом связаны всякого рода путанные представления. Источником их являются отчасти *физиократы* (см. том IV), отчасти А. Смит, который там и сям все еще смешивает капиталистическое производство с производством для непосредственных производителей.

Когда отдельный капиталист переводит деньги за границу, где он получает 10% прибыли, в то время как он внутри страны мог бы дать работу большому количеству избыточного населения, то он с капиталистической точки зрения заслуживает высшей похвалы, так как этот добродетельный буржуа выполняет закон, который распределяет капитал как на мировом рынке, так и в пределах определенного общества в соответствии с нормой прибыли, которую составляют отдельные отрасли производства, именно таким образом уравнивая отрасли и осуществляя известные пропорции в производстве. (При этом безразлично, предоставляются ли, например, деньги русскому императору для войн с Турцией и т. д.) Действуя таким образом, отдельный капиталист следует лишь имманентному закону, а следовательно и морали капитала — производить столько прибавочной стоимости, сколько возможно. Но с рассмотрением непосредственного процесса производства это не имеет ничего общего.

Ferner setzt man dabei oft *kapitalistischer Produktion* die *unkapitalistische* gegenüber, z. B. die *agriculture for subsistance*, in welcher Hände beschäftigt, der *agriculture for trade*, die dem *Markt* ein viel grösseres Produkt liefert, daher erlaubt aus den früher in der Agrikultur Beschäftigten ein Nettoproduce in der Manufaktur herauszuschlagen. Aber dieser Gegensatz ist keine Bestimmung *innerhalb* der kapitalistischen Produktionsweise selbst.

Im Ganzen haben wir gesehen, dass es das Gesetz der kapitalistischen Produktion, das konstante Kapital zu vermehren gegen das variable und den Mehrwert, das Net Produce; zweitens das Net Produce zu vermehren im Verhältnis zu dem Teil des Produkts, der das Kapital ersetzt, id est Arbeitslohn. Nun werden diese zwei Sachen verwechselt. Nennt man das gesamte Produkt Brutto-Produkt, so wächst es in der kapitalistischen Produktion gegen das Netto-Produkt; nennt man den in Arbeitslohn + Net Produce auflösbaren Teil des Produkts Netto-Produkt, so wächst das Netto-Produkt gegen das Brutto-Produkt. Nur in der Agrikultur (durch Verwandlung von Ackerland in Viehweide etc.) wächst oft das Netto-Produkt auf Kosten des Brutto-Produkts (der gesamten Produktenmasse) infolge gewisser der Rente eigentümlichen Bestimmungen, die nicht hierher gehören.

Sonst ist die Lehre von dem *Netto-Produkt* als dem letzten und höchsten Zweck der Produktion, nur der brutale, aber richtige Ausdruck dafür, dass die *Verwertung des Kapitals* und daher die *Kreation von Mehrwert*, ohne Rücksicht auf den Arbeiter, die treibende Seele der kapitalistischen Produktion ist.

Als das höchste Ideal — entsprechend dem relativen Wachstum des *produit net* — der kapitalistischen Produktion, möglichste Verminderung der vom *Salair*, möglichste Vermehrung der vom *produit net* Lebenden.

Da die lebendige Arbeit — innerhalb des Produktionsprozesses — dem Kapital bereits einverleibt ist, stellen sich alle *gesellschaftlichen Produktivkräfte der Arbeit* als *Produktivkräfte*, als dem Kapital inhärente Eigenschaften dar, ganz wie im Geld der allgemeine Charakter der Arbeit, soweit sie wertbildend, als Eigenschaft eines Dings erschien. Umsomehr jenes der Fall, als

1) zwar die Arbeit als *Aeusserung des Arbeitsvermögens*, als Anstrengung dem *einzelnen Arbeiter* gehört (es ist das, womit er

Далее, при этом часто противопоставляют *капиталистическому производству некапиталистическое*, например потребительское земледелие, в котором заняты рабочие руки, — торговому земледелию, которое доставляет *рынку* гораздо большее количество продуктов и, поэтому, позволяет из ранее занятых в сельском хозяйстве *выжимать* чистый продукт в мануфактуре. Но эта противоположность не есть определение *внутри* самого капиталистического способа производства.

В общем мы видели, что закон капиталистического производства заключается в увеличении постоянного капитала по отношению к переменному и прибавочной стоимости, чистому продукту; во-вторых, в увеличении чистого продукта в отношении к той части продукта, которая возмещает капитал, т. е. заработную плату. Эти же две вещи смешиваются. Если совокупный продукт называть валовым продуктом, то при капиталистическом способе производства он возрастает по отношению к чистому продукту, если же называть чистым продуктом ту часть продукта, которая распадается на заработную плату плюс чистый продукт, то чистый продукт возрастает по отношению к валовому продукту. Лишь в сельском хозяйстве (благодаря превращению пахотной земли в пастбища и т. п.) чистый продукт часто возрастает за счет валового (всей массы продукта) вследствие известных характерных для ренты определений, которые сюда не относятся.

В остальном же учение о *чистом продукте*, как о конечной и высшей цели производства, есть лишь грубое, но верное выражение того, что *увеличение стоимости капитала* и, следовательно, создание прибавочной стоимости, безо всякого внимания к рабочему, есть движущая душа капиталистического производства.

Как высший идеал — соответственно относительному росту чистого продукта — капиталистического производства [выступает] возможно большее сокращение живущих заработной платой, возможно большее возрастание живущих на чистый продукт.

Мистификация капитала и т. д.

489

Так как живой труд — в процессе производства — уже общен к капиталу, то все *общественные производительные силы* труда представляются *производительными силами*, присущими капиталу свойствами, совершенно так же как в деньгах всеобщий характер труда, поскольку он образует стоимость, представлялся свойством вещи. Это тем более имеет место, что

1) хотя труд, как *проявление способности к труду*, как усилие, принадлежит *отдельному рабочему* (это то, чем он *realiter* [ре-

realiter dem Kapitalisten zahlt, was er ihm gibt), obgleich sie als sich im Produkt vergegenständlicht, als dem Kapitalisten gehörig, *dagegen die gesellschaftliche Kombination*, worin die einzelnen Arbeitsvermögen nur als besondere Organe des das Gesamtatelier bildenden Gesamt-Arbeitsvermögens funktionieren, nicht ihnen gehört, sondern ihnen vielmehr als *kapitalistisches Arrangement* entgegentritt, ihnen *angelan* wird;

2) diese *gesellschaftlichen Produktivkräfte* der Arbeit oder *Produktivkräfte der gesellschaftlichen Arbeit* sich historisch erst mit der spezifisch kapitalistischen Produktionsweise entwickeln, also als etwas dem Kapitalverhältnis Immanentes und von ihm Untrennbares erscheinen;

3) die *Objektiven Arbeitsbedingungen*, mit der Entwicklung der kapitalistischen Produktionsweise, eine veränderte Gestalt annehmen, durch die Dimension, worin, und die Oekonomie, womit sie angewandt werden (ganz abgesehen von der Form der Maschinerie etc.). Sie werden entwickelter als konzentrierte Produktionsmittel, *gesellschaftlichen* Reichtum darstellend, und was eigentlich das Ganze erschöpft, im Umfang und dem Effekt der *Produktionsbedingungen gesellschaftlich* kombinierter Arbeit. Von der Kombination der Arbeit selbst abgesehen, erscheint dieser *gesellschaftliche Charakter der Arbeitsbedingungen* — wozu unter anderem ihre Form als Maschinerie und capital fixe in jeder Form gehört — als etwas durchaus Selbständiges, vom Arbeiter unabhängig existierendes, als eine *Existenzweise des Kapitals* und daher auch unabhängig von den Arbeitern durch die *Kapitalisten* Arrangiertes. Wie der *gesellschaftliche Charakter* ihrer eignen Arbeit, so erscheint noch viel mehr der *gesellschaftliche Charakter*, den die Produktionsbedingungen als *gemeinschaftliche* Produktionsbedingungen kombinierter Arbeit erhalten, als *kapitalistischer*, unabhängig von den Arbeitern diesen Produktionsbedingungen als solchen zukommender Charakter.

ad 3) wollen wir hier gleich folgendes bemerken, was zum Teil Späteres antizipiert:

Der *Profit* im Unterschied vom Mehrwert — kann steigen durch ökonomische Verwendung der *gemeinsamen* Arbeitsbedingungen, sei es dass z. B. Gebäulichkeit gespart wird, Heizung, Beleuchtung usw., der Wert des Prime Motor nicht in demselben Grade wächst wie seine Kraft, Oekonomie im Preis des Rohstoffs, Wiedervernutzung des Abfalls, Verminderung der Administrationskosten, der Warenhäuser

ально] платит капиталисту, то, что он ему дает), несмотря на то, что, овеществленное в продукте, оно * принадлежит капиталисту, — *напротив* того, та *общественная комбинация*, в которой отдельные способности к труду функционируют лишь как особые органы совокупной способности к труду, составляющей мастерскую в целом, принадлежит не им, а, наоборот, противостоит им как *капиталистическая организация*, навязывается им;

2) эти *общественные производительные силы* труда или *производительные силы общественного труда* развиваются исторически лишь вместе со специфически-капиталистическим способом производства, т. е., выступают как нечто имманентное капиталистическому отношению и от него неотделимое;

3) *объективные условия труда* с развитием капиталистического способа производства принимают видоизмененный образ благодаря масштабу, в котором они применяются, и экономии, с которой они применяются (совершенно оставляя в стороне форму машин ** и т. п.). Они становятся более развитыми как концентрированные средства производства, представляющие *общественное богатство*, и что, собственно, исчерпывает все в объеме и результатах *производственных условий общественно-комбинированного труда*. Оставляя в стороне самое комбинацию труда, этот *общественный характер условий труда*, — к чему, между прочим, относится и их форма как машин ** и основного капитала в любой форме — представляется как нечто совершенно самостоятельное, существующее независимо от рабочего, как *способ существования капитала* и, стало быть, как нечто организованное *капиталистами* независимо от рабочих. В еще большей мере, чем *общественный характер* их общественного труда, *общественный характер*, который принимают условия производства в качестве *совместных условий* производства комбинированного труда, представляется как *капиталистический*, присущий этим условиям производства как таковым независимо от рабочих, характер.

Относительно пункта 3 мы здесь сразу заметим следующее, что отчасти предвосхищает дальнейшее:

Прибыль, в отличие от прибавочной стоимости, может возрастать благодаря экономному использованию *совместных* условий труда, например благодаря тому, что сберегают на строениях, отоплении, освещении и т. д., что стоимость первичного двигателя возрастает не в такой степени, как его мощность, [далее] — экономия в цене сырья, использование отбросов, сокращение административных рас-

* [Т. е. проявление способности к труду. *Ред.*]

** [Точнее: машинной системы. *Ред.*]

bei massenhafterer Produktion etc., alle diese *relativen* Verwohlfeilerungen des konstanten Kapitals bei absolutem Wachsen seines Werts, beruhen darauf, dass diese Produktionsmittel, Arbeitsmittel wie Arbeitsmaterial, *gemeinsam* verwandt werden, und diese *gemeinsame* Verwendung hat zur absoluten Voraussetzung das *gemeinsame* Zusammenarbeiten konglomerierter Arbeiter, ist also selbst nur *gegenständlicher* Ausdruck des *gesellschaftlichen* Charakters der Arbeit und der daher resultierenden *gesellschaftlichen* Produktivkraft, wie ja die besondere Gestalt dieser Bedingungen z. B. als Maschinerie meist nicht anwendbar ausser für kombinierte Arbeit. Sie erscheinen aber, dem Arbeiter gegenüber, der innerhalb dieselben tritt, als *gegebene*, von ihm *unabhängige* Bedingungen, als *Gestalt des Kapitals*. Es erscheint deshalb auch z. B. die Oekonomisierung derselben (und das daher entspringende Wachsen des Profits und Verwohlfeilerung der Waren) als etwas ganz Verschiedenes von der *Surplusarbeit* des Arbeiters, als direkte *Tat* und *Veranstaltung des Kapitalisten*, der hier überhaupt als Personifikation des *gesellschaftlichen* Charakters der Arbeit, des *Gesamtateliers* als solchen funktioniert. Die *Wissenschaft* als das allgemeine geistige Produkt der gesellschaftlichen Entwicklung, erscheint hier ebenso dem Kapital direkt einverleibt (die Anwendung derselben als *Wissenschaft*, getrennt von dem Wissen und Können der einzelnen Arbeiter, auf den materiellen Produktionsprozess), und die allgemeine Entwicklung der Gesellschaft, weil sie vom Kapital der Arbeit gegenüber ausgebeutet wird, als Produktivkraft des Kapitals gegenüber der Arbeit wirkt, erscheint als *Entwicklung des Kapitals* und um so mehr, da für die grosse Mehrzahl die *Entleerung des Arbeitsvermögens* gleichen Schritt damit hält.

490 || Der Kapitalist selbst ist nur Gewalthaber als Personifizierung des Kapitals (weswegen er in der italienischen Buchha[ltung] beständig als Doppelfigur figurirt, z. B. als debtor seines eignen Kapitals).

Die *Produktivität* des Kapitals besteht zunächst, die *formelle* Subsumtion betrachtet, bloss in dem *Zwang zur Surplusarbeit*; ein Zwang, den die kapitalistische Produktionsweise mit frühern Produktionsweisen teilt, aber in einer der Produktion günstigeren Form ausübt.

Selbst das bloss *formelle* Verhältnis betrachtet, die *allgemeine* Form der kapitalistischen Produktion, die ihre minder mit ihrer mehr entwickelten Weise teilt, erscheinen die *Produktionsmittel*, die *sachlichen Arbeitsbedingungen*, nicht als dem Arbeiter, sondern er ihnen subsumiert. Capital employs labour. Schon dies Verhältnis in seiner

ходов, складов при массовом производстве и т. д.; все эти способы *относительного удешевления* постоянного капитала при абсолютном росте его стоимости покоятся на том, что эти средства производства, как средства труда, так и материал труда, применяются *совместно* и это *совместное* применение имеет своей абсолютной предпосылкой *совместную* работу объединенных рабочих, следовательно есть, в свою очередь, лишь *вещное* выражение *общественного характера труда* и вытекающей из этого *общественной* производительной силы, подобно тому как и особый образ этих условий труда, например как машин, в большинстве случаев может применяться лишь при комбинированном труде. По отношению же к рабочему, который к ним приступает*, они выступают как *данные, независимые* от него условия, как *образ капитала*. Поэтому, например, и экономия последних и вытекающий из нее рост прибыли и удешевление товаров выступает как нечто совершенно отличное от *прибавочного труда* рабочего, как *прямое действие* и *творчество капиталиста*, который здесь вообще функционирует как олицетворение *общественного* характера труда, *мастерской в целом*, как таковой. *Наука*, как всеобщий духовный продукт общественного развития, здесь точно так же выступает прямо приобщенной к капиталу (применение ее как науки в материальном процессе производства отдельно от знаний и умения отдельных рабочих), и развитие общества в целом, благодаря тому, что оно эксплуатируется капиталом по отношению к труду, действует как производительная сила капитала по отношению к труду, представляется *развитием самого капитала*, и это тем более, что для огромного большинства это идет в ногу с *опустошением способности к труду*.

|| Сам капиталист является властителем лишь как олицетворение 490 капитала (почему он в итальянской бухгалтерии фигурирует всегда как двойственная фигура, например как дебитор собственного капитала).

Производительность капитала состоит прежде всего, если рассматривать *формальное* подчинение, лишь в *принуждении к прибавочному труду*; принуждение, которое капиталистический способ производства разделяет с прежними способами производства, но осуществляет его в более благоприятной для производства форме.

Даже, если рассматривать *чисто формальное* отношение, *всеобщую* форму капиталистического производства, которую разделяют как более, так и менее развитые способы этого производства, — *средства производства, вещные условия труда* выступают не как подчиненные рабочему, а, наоборот, он подчинен им. Капитал *применяет* труд.

* [Точнее: который в них вступает. Ред.]

Einfachheit Personifizierung der Sachen und Versachlichung der Personen.

Komplizierter aber und scheinbar mysteriöser wird das Verhältnis, indem mit der Entwicklung der spezifisch kapitalistischen Produktionsweise, nicht nur diese Dinge — diese Produkte der Arbeit, als Gebrauchswerte wie als Tauschwerte — sich dem Arbeiter gegenüber auf die Füße stellen und ihm als *«Kapital»* gegenübertreten, sondern der gesellschaftlichen Form der Arbeit sich als *Entwicklungsformen des Kapitals* darstellen und daher die so entwickelten Produktivkräfte der gesellschaftlichen Arbeit als *Produktivkräfte des Kapitals*. Als solche gesellschaftliche Kräfte sind sie der Arbeit gegenüber *«kapitalisiert»*. In der Tat ist die *gemeinschaftliche* Einheit in der Kooperation, die Kombination in der Teilung der Arbeit, die Anwendung der Naturkräfte und Wissenschaften, der Produkte der Arbeit als *Maschinerie* — alles dies tritt den einzelnen Arbeitern als *fremd, sachlich, vorgefunden*, ohne und oft gegen ihr Zutun da, selbständig gegenüber, als blosse Daseinsformen der von ihnen unabhängigen und sie *beherrschenden Arbeitsmittel*, soweit sie *sachlich*, und den im Kapitalisten oder seinen understrappers (Repräsentanten) inkarnierten Einsicht und Willen des Gesamtateliers, soweit dies durch ihre eigne Kombination gebildet — als *Funktionen* des Kapitals, das im Kapitalisten lebt. Die gesellschaftlichen Formen ihrer eignen Arbeit subjektiv-objektiv — oder die Form ihrer eignen gesellschaftlichen Arbeit sind von den einzelnen Arbeitern ganz unabhängig gebildete Verhältnisse; die Arbeiter als unter das Kapital subsumiert, werden Elemente dieser gesellschaftlichen Bildungen, aber diese gesellschaftlichen Bildungen gehören nicht ihnen. Sie treten ihnen daher gegenüber als *Gestalten* des Kapitals selbst, als im Unterschied von ihrem vereinzeltten Arbeitsvermögen dem Kapital gehörige, aus ihm entspringende und ihm einverleibte Kombinationen. Und dies nimmt um so realere Form an, je mehr einerseits ihr Arbeitsvermögen selbst durch diese Formen so modifiziert wird, dass es in seiner Selbständigkeit, also *ausser* diesem kapitalistischen Zusammenhang ohnmächtig wird, seine selbständige Produktionsfähigkeit gebrochen wird, andererseits mit der Entwicklung der Maschinerie auch technologisch die Bedingungen der Arbeit als die Arbeit beherrschend erscheinen und zugleich sie ersetzen, unterdrücken, überflüssig machen in ihren selbständigen Formen. In diesem Prozess, worin die *gesellschaftlichen* Charaktere ihrer Arbeit ihnen gewissermassen *kapitalisiert* gegenübertreten — wie z. B. in der Maschinerie die sichtbaren Produkte der Arbeit als Beherrscher der Arbeit erscheinen — findet natürlich dasselbe statt für die Naturkräfte

Уже это простое отношение есть персонификация вещей и овеществление лиц.

Это отношение становится сложней и кажется более таинственным благодаря тому, что с развитием специфически капиталистического способа производства не только эти вещи, эти продукты труда, как потребительные стоимости и меновые стоимости, утверждают себя* по отношению к рабочему и противопоставляются ему как *«капитал»*, но и представляются общественной форме труда *формами развития капитала*, и поэтому развившиеся таким образом производительные силы общественного труда представляются как *производительные силы капитала*. Как такие общественные силы они по отношению к труду *«капитализированы»*. На деле *совместное* единство труда в кооперации, комбинация в разделении труда, применение сил природы и наук, продуктов труда как *машин* — все это самостоятельно противопоставляется отдельным рабочим как *чуждые, вещные, заранее данные, имеющиеся без, а часто и против их участия, как простые формы бытия независимых от них и господствующие над ними орудия труда*, поскольку они вещны, а воплощенным в лице капиталиста или его подчиненного (представителя) рассудку и воле мастерской в целом, поскольку это создано их собственной комбинацией, — как *функции капитала*, который живет в [лице] капиталиста. Общественные формы их собственного труда или — субъективно-объективно — форма их собственного общественного труда суть отношения, образованные совершенно независимо от отдельных рабочих; рабочие, как подчиненные капиталу, становятся элементами этих общественных образований, но эти общественные образования принадлежат не им. Поэтому они противостоят им как *образы* самого капитала, как принадлежащие самому капиталу в отличие от их отдельных способностей к труду, как комбинации, возникающие из капитала и приобщенные к нему. И это принимает тем более реальную форму, чем более, с одной стороны, сама их способность к труду благодаря этим формам модифицируется таким образом, что она сама по себе**, т. е. *вне* этой связи, становится бессильной, и ее самостоятельная производственная способность подрывается, а с другой стороны, с развитием машинного производства условия труда и технологически выступают как господствующие над трудом, и вместе с тем заменяют труд, угнетают и делают его излишним в его самостоятельной форме. В этом процессе, в котором *общественные* черты их труда противостоят им в известной мере *капитализированными*, как, например, в машинном производстве видимые продукты труда выступают как владыки труда, — то же самое, естественно, имеет место по отношению к силам природы и

* [Дословно: становятся на ноги. *Ред.*]

** [Дословно: в своей самостоятельности. *Ред.*]

und die Wissenschaft, das Produkt der allgemeinen geschichtlichen Entwicklung in ihrer abstrakten Quintessenz — sie treten ihnen als *Mächte des Kapitals* gegenüber. Sie trennen sich in der Tat von dem Geschick und der Kenntnis des einzelnen Arbeiters — und obgleich sie an ihrer Quelle betrachtet wieder das Produkt der Arbeit sind — erscheinen sie überall, wo sie in den Arbeitsprozess eintreten, als dem Kapital *einverleibt*. Der Kapitalist, der eine Maschine anwendet, braucht sie nicht zu verstehn. (Sieh Ure). Aber in der Maschine erscheint die realisierte Wissenschaft als *Kapital* den Arbeitern gegenüber. Und in der Tat erscheinen alle diese auf *gesellschaftliche Arbeit* begründete Anwendung von Wissenschaft, Naturkraft, und Produkte der Arbeit in grossen Massen, ja selbst nur als *Exploitationsmittel* der Arbeit, als Mittel Surplusarbeit anzueignen, daher als dem Kapital angehörige *Kräfte* gegenüber der Arbeit. Das Kapital wendet natürlich alle diese Mittel nur an, um die Arbeit zu exploitiern, aber, um sie zu exploitiern, muss es sie auf die Produktion anwenden. Und so erscheint die Entwicklung der *gesellschaftlichen* Produktivkräfte der Arbeit und die Bedingungen [dieser Entwicklungen, als *Tat des Kapitals*, zu der sich der einzelne Arbeiter nicht nur passiv verhält, sondern die im Gegensatz zu ihm vorgehn.

Das Kapital selbst ist doppelt, da es aus Waren besteht,

[1] *Tauschwert* (Geld), aber sich *verwertender Wert*, Wert, der dadurch Wert schafft, als *Wert wächst*, ein Increment erhält, dass es *Wert* ist. Dies reduziert sich auf Austausch eines gegebenen Quantums gegenständlicher Arbeit gegen ein grösseres Quantum lebendiger Arbeit.

[2] *Gebrauchswert*, und hier erscheint es seinen bestimmten Verhältnissen im Arbeitsprozess nach. Aber grade hier bleibt es nicht bloss Arbeitsmaterial, Arbeitsmittel, denen die *Arbeit* gehört, die sich die Arbeit einverleibt haben, sondern mit der Arbeit auch ihre *gesellschaftlichen Kombinationen* und die diesen gesellschaftlichen Kombinationen entsprechende Entwicklung der Arbeitsmittel. Die kapitalistische Produktion entwickelt zuerst im Grossen — reisst los von dem einzelnen selbständigen Arbeiter — die Bedingungen des Arbeitsprozesses, sowohl seine gegenständlichen, als subjektiven, aber entwickelt sie als den *einzelnen Arbeiter* beherrschende und ihm *fremde Mächte*.

So wird das Kapital ein sehr mysteriöses Wesen.

491 Die Arbeitsbedingungen türmen sich als *soziale Mächte* gegenüber dem Arbeiter auf und in dieser Form sind sie *kapitalisiert*.

науке — продукту общего исторического развития в его абстрактном итоге* — они противопоставляются рабочим как *силы* капитала. Они на деле отделяются от ловкости и познаний отдельного рабочего и хотя по своему источнику они в свою очередь суть продукт труда, — они повсюду, где они вступают в процесс труда, выступают как *приобщенные* к капиталу. Капиталист, применяющий машину, не обязан понимать ее устройства. (См. Юра.) Но в *машине* реализованная наука выступает по отношению к рабочему как *капитал*. И на деле, все это основанное на *общественном труде* применение науки, сил природы и продукты труда в крупном масштабе сами выступают по отношению к труду лишь как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно как *силы*, принадлежащие капиталу. Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь с целью эксплуатации труда, но для эксплуатации последнего он должен применять их к производству. И таким образом развитие *общественных* производительных сил труда и условия этого развития выступают как *действие капитала*, к которому** отдельный рабочий относится не только пассивно, но которое совершается в противоположность к нему.

Сам капитал носит двойственный характер, так как он состоит из товаров:

[1] *Меновая стоимость* (деньги), но *самовозрастающая стоимость*, которая создает стоимость, *возрастает* как *стоимость*, получает прирост — благодаря тому, что она есть *стоимость*. Это сводится к обмену данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда.

[2] *Потребительная стоимость*, и тут капитал выступает со стороны своих определенных отношений в процессе труда. Но именно здесь капитал не остается только материалом труда, средством труда, которым принадлежит *труд*, которые приобщили себе труд, а вместе с трудом [он приобщает себе] также его *общественные комбинации* и развитие средств труда, соответствующее этим общественным комбинациям. Капиталистическое производство развивает впервые в крупном масштабе, — большей частью независимо от отдельных самостоятельных рабочих, — условия процесса труда как *вещные* так, и субъективные, но развивает их как господствующие над *отдельным рабочим* и чуждые ему *силы*.

Таким образом капитал становится очень таинственным существом. 491

Условия труда нагромождаются как *социальные силы*, направленные против рабочего, и в этой форме они *капитализированы*.

* [Дословно: квинт-эссенции. *Ред.*]

** [Т. е.: действию. *Ред.*]

Das Kapital ist also *produktiv*,

1) als *Zwang zur Surplusarbeit*. Die Arbeit ist *produktiv* eben als Verrichter dieser Surplusarbeit, durch die Differenz zwischen dem Wert des Arbeitsvermögens und seiner Verwertung.

2) als *Personifikation und Repräsentant*, verdinglichte Gestalt der «gesellschaftlichen Produktivkräfte der Arbeit» oder der Produktivkräfte der gesellschaftlichen Arbeit. Wie das Gesetz der kapitalistischen Produktion — die Kreation von Mehrwert etc. — hierzu zwingt, früher auseinandergesetzt. Es erscheint als ein Zwang, den die Kapitalisten sich wechselseitig und den Arbeitern antun, — also in der Tat als Gesetz des Kapitals gegen beide. Die gesellschaftliche Naturkraft der Arbeit entwickelt sich nicht im *Verwertungsprozess* als solchem; sondern im *wirklichen Arbeitsprozess*. Sie stellt sich daher dar als Eigenschaften, die dem Kapital als Ding zukommen, als sein Gebrauchswert. Die produktive Arbeit — als Wert produzierend, steht dem Kapital stets als Arbeit der *vereinzelten* Arbeiter gegenüber, welche gesellschaftlichen Kombinationen diese Arbeiter immer im Produktionsprozess eingehen mögen. Während das Kapital so den Arbeitern gegenüber die gesellschaftliche Produktivkraft der Arbeit, stellt die produktive Arbeit dem Kapital gegenüber immer nur die Arbeit der *vereinzelten* Arbeiter dar.

Man hat bei dem *Akkumulationsprozess* gesehen, wie das Moment, wodurch die bereits vergangene Arbeit in der Form produzierter Produktivkräfte und Produktionsbedingungen die Reproduktion, dem Gebrauchswert und Tauschwert nach, steigert — sowohl die Wertmasse, die ein bestimmtes Quantum lebendiger Arbeit *erhält*, als die *Masse Gebrauchswerte*, die es neu produziert — als dem *Kapital immanente Kraft* erscheint, weil die *vergegenständlichte Arbeit* stets kapitalisiert dem Arbeiter gegenüber funktioniert.

«Le capital c'est la puissance démocratique, philanthropique et égalitaire par excellence». (29. F. Bastiat. *Gratuité du crédit* etc. Paris, 1850).

«Stock cultivates land; stock employs labour». (A. Smith, l. c., b. V., ch. II., edit. Buchanan. 1814. v. III, p. 309).

«Capital is... collective force». (162. John Wade. *History of the Middle and Working Classes* etc. 3 ed. London, 1835). «Kapital ist nur ein anderer Name für Zivilisation». (104. l. c.).

Таким образом капитал *производителен*,

1) как *принуждение к прибавочному труду*. Труд *производителен* именно как исполнитель этого прибавочного труда, благодаря разности между стоимостью способности к труду и стоимостью, получаемой от ее использования.

2) как *персонафикация и представитель* — овеществленный образ «общественных производительных сил труда» или производительных сил общественного труда. Каким образом закон капиталистического производства — создание прибавочной стоимости и т. д. — к этому принуждает, уже было разъяснено выше. Он выступает как принуждение, которое капиталисты применяют* друг к другу и к рабочим, — т. е. на деле как закон капитала по отношению к тем и другим. Общественная естественная сила труда развивается не в *процессе увеличения стоимости* как таковом, а в *действительном процессе труда*. Поэтому эта сила представляется как свойства, присущие капиталу как вещи, как его потребительная стоимость. Производительный труд как производящий стоимость всегда противостоит капиталу как труд *отдельных* рабочих, в какие бы общественные комбинации эти рабочие ни вступали в процессе производства. В то время как капитал представляет, таким образом, по отношению к рабочим общественную производительную силу труда, производительный труд всегда представляет по отношению к капиталу лишь труд *отдельных* рабочих.

При рассмотрении *процесса накопления* мы видели, каким образом момент, благодаря которому уже прошедший труд в форме произведенных производительных сил и условий производства повышает [объем] воспроизводства в отношении потребительной стоимости и меновой стоимости, — как массу стоимости, которая *сохраняется*** определенным количеством живого труда, так и *массу потребительных стоимостей*, которые он производит заново, — выступает как *имманентная капиталу сила*, так как *овеществленный труд* всегда функционирует по отношению к рабочему капитализированным.

«Капитал есть власть демократическая, филантропическая и эгалитарная по самому своему существу». (Ф. Бастиа. *Безвозмездность кредита* и т. д. Париж, 1850, стр. 29).

«Капитал обрабатывает землю, капитал применяет труд». (А. Смит, цит. соч., кн. V, гл. II, изд. Бьюкенен 1814 г., т. III, стр. 309).

«Капитал, это... — коллективная сила». (Джон Уэд, стр. 162. *История средних и трудящихся классов* и т. д. Лондон, 1835 г., 3-е изд.), «Капитал — лишь другое название цивилизации». (цит. соч., стр. 104).

* [Точнее: оказывают. *Ред.*]

** [Здесь имеется в виду сохранение стоимости постоянного капитала путем перенесения ее живым трудом на продукт. *Ред.*]

«La classe des capitalistes, considérée en bloc, se trouve dans une position normale, en ce que son bien-être suit la marche du progrès social». (75, *Riche ou Pauvre. Cherbuliez.*) «Le capitaliste est l'homme social par excellence, il représente la civilisation». (76. l. c.).

Flach: «*Productive Power of capital* ist nichts als die Quantität der realen productive power, welche der Kapitalist vermittelt seines Kapitals kommandieren kann». (p. 91. *J. St. Mill: Essays on some unsettled questions of Political Economy. London, 1844*).

«The accumulation of capital, or the means of employing labour... must in all cases depend on the productive powers of labour». (92. *Ricardo. Principles. 3 ed. 1821*). Ein Kommentator von Ricardo bemerkt hierzu: «*If the productive powers of labour mean the smallness of that aliquot part of any produce that goes to those whose manual labour produced it, the sentence is nearly identical*». (p. 71. *Observations on certain verbal disputes in Political Economy. London, 1821*).

Die beständige Transposition der Arbeit in das Kapital gut ausgedrückt in folgenden naiven Sätzen *Destutt de Tracy*:

«Ceux qui vivent de profits — (les capitalistes industriels) alimentent tous les autres, et seuls augmentent la fortune publique et créent tous nos moyens de jouissance. Cela doit être, *puisque le travail est la source de toute richesse*, et puisque eux seuls donnent une *direction utile* au travail actuel, en faisant un usage utile du travail accumulé». (242. *Destutt de Tracy* l. c. [«*Traité d'Economie Politique*»]). Weil die Arbeit die Quelle alles Reichtums ist, ist das Kapital der Vermehrer allen Reichtums. «Nos facultés sont notre seule richesse originaire, notre travail produit tous les autres, et tout travail bien dirigé est productif». (243. l. c.). Unsre Vermögen sind unser einziger Originalreichtum. Darum ist das Arbeitsvermögen kein Reichtum. Die Arbeit produziert alle andren Reichtümer, d. h. sie produziert Reichtümer für alle andern ausser sich selbst, und nicht sie selbst ist Reichtum, sondern bloss ihr Produkt. Jede wohldirigierte Arbeit ist produktiv; d. h. jede produktive Arbeit, jede Arbeit, die dem Kapitalisten Profit abwirft, ist wohldirigiert.

So sehr ist in der Vorstellung die Transposition der gesellschaftlichen Produktivkräfte der Arbeit in dingliche Eigenschaften des Kapitals eingebürgert, dass die Vorteile der Maschinerie, Anwendung der Wissenschaft, Erfindung usw. in dieser ihrer *entfremdeten* Form

«Класс капиталистов, рассматриваемый в целом, находится в нормальном положении в том отношении, что его благосостояние растет вместе с социальным прогрессом» (*Шерблюе. Богатый или бедный*, стр. 75). «Капиталист — общественный человек по преимуществу; он является представителем цивилизации» (цит. соч., стр. 76).

Плоско: «*Производительная сила капитала* есть лишь то количество реальной производительной силы, которой капиталист может распоряжаться посредством своего капитала». (*Дж. Ст. Милль. Опыты о некоторых неразрешенных вопросах политической экономии*. Лондон, 1844 г., стр. 91).

«Накопление капитала и ли средства для применения труда... должно во всех случаях находиться в зависимости от *производительных сил труда*». (*Рикардо. Начала*. 1821 г. 3-е изд., стр. 92). Один комментатор Рикардо замечает по этому поводу: «Если *производительные силы труда* означают незначительные размеры той доли продуктов, которую получают лица, произведшие ее своим ручным трудом, то это суждение почти тождественно» (*Соображения о некоторых словесных спорах в политической экономии*. Лондон, 1821 г., стр. 27).

Постоянное перенесение свойств труда на капитал* хорошо выражено в следующих наивных положениях *Дестют де Траси*:

«Те, кто живет на прибыли — (промышленные капиталисты) кормят всех остальных и они одни увеличивают общественное благосостояние и создают все наши средства наслаждений. Это так и есть, *ибо труд есть источник всякого богатства*, и только они одни дают полезное *направление* живому труду, употребляя с пользой накопленный труд». (*Дестют де Траси*, цит. соч., стр. 242). Так как труд есть источник всякого богатства, то капитал есть сила, увеличивающая всякое богатство. «Наши способности — единственное наше прирожденное богатство, наш труд производит все остальные богатства и всякий правильно направленный труд производителен». (цит. соч. стр. 243). Наши способности суть наше единственное прирожденное богатство. Поэтому способность к труду не есть богатство. Труд производит все остальные богатства, т. е. он производит богатства для всех кроме самого себя, и не он сам есть богатство, а лишь его продукт. Всякий хорошо направленный труд производителен, это значит, что всякий производительный труд, всякий труд, который приносит прибыль капиталисту, хорошо направлен.

Подстановка на место общественных производительных сил труда вещных свойств капитала настолько укоренилась в представлении, что преимущества машин, применения науки, изобретений и т. д.

* [Дословно: перестановка труда в капитал. *Ред*]

als die *notwendige* Form, und daher dies alles als *Eigenschaften des Kapitals* vorgestellt wird. Was hier als Basis dient, ist 1) die Form, worin sich auf Basis der kapitalistischen Produktion, also auch im Bewusstsein der in dieser Produktionsweise Befangenen, die Sache darstellt; 2) das historische Faktum, dass zuerst und im Unterschied zu früheren Produktionsweisen in der *kapitalistischen* Produktionsweise diese Entwicklung stattfindet, der *gegensätzliche* Charakter dieser Entwicklung also ihr immanent *scheint*.

**[II*. DIE KAPITALISTISCHE PRODUKTION IST PRODUKTION UND
REPRODUKTION DES SPEZIFISCH KAPITALISTISCHEN
PRODUKTIONSVERHÄLTNISSES]**

492 || Das Produkt der kapitalistischen Produktion ist nicht nur *Mehrwert*, es ist *Kapital*.

Kapital ist, wie wir sahen, G-W-G', sich selbst *verwertender Wert*, Wert, der Wert gebiert.

Zunächst ist die vorgeschossene Geld- oder Wertsumme, selbst nach ihrer Verwandlung in die Faktoren des Arbeitsprozesses — in Produktionsmittel, *konstantes* Kapital — und in *Arbeitsvermögen*, worin sich das variable Kapital umgesetzt hat, nur *an sich*, nur *δυνάμει*, Kapital und solches ist es noch mehr *nur*, vor seiner Umsetzung in die Faktoren des wirklichen Produktionsprozesses. Erst innerhalb desselben, durch *wirkliche* Einverleibung der lebendigen Arbeit in die gegenständlichen Daseinsformen des Kapitals, erst durch die *wirkliche* Einsaugung von zusätzlicher Arbeit, verwandelt sich nicht nur *diese Arbeit* in Kapital, sondern verwandelt sich die vorgeschossene Wertsumme aus möglichem Kapital, aus Kapital der Bestimmung nach, in wirkendes und wirkliches Kapital. Was ging während des Gesamtprozesses vor? Der Arbeiter verkaufte die Verfügung über sein Arbeitsvermögen um die notwendigen Lebensmittel, gegen einen gegebenen Wert, bestimmt durch den Wert seines Arbeitsvermögens. Was ist also, ihn betrachtet, das Resultat? Simplement und purement die Reproduktion seines Arbeitsvermögens. Was gab er daher weg? Die Wert erhaltende, Wert schaffende und vermehrende Tätigkeit, seine Arbeit. Er kömmt also aus dem Prozess heraus, wie er, von der Abnutzung seiner Arbeitskraft abgesehen, in ihn eintrat, als bloss subjektive Arbeitskraft, die denselben Prozess von neuem durchlaufen muss, um sich zu erhalten.

Das Kapital dagegen kömmt nicht aus dem Prozess heraus, wie es in ihn einging. Es hat sich *in* ihm erst in wirkliches Kapital, in

* [Im Manuskript:] ad 3) [Sieh. S. 4, unsere Note. D. Red.]

представляются в этой их *отчужденной* форме как *необходимая* форма и поэтому все это представляется *свойствами капитала*. Основанием здесь служит: 1) форма, в которой это дело представляется на базисе капиталистического производства, а следовательно и в сознании опутанных этим способом производства; 2) тот исторический факт, что это развитие впервые имеет место в отличие от прежних способов производства [именно] при *капиталистическом* способе производства и поэтому *противоречивый* характер этого развития *кажется* ему имманентным.

[П*. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЕСТЬ ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО СПЕЦИФИЧЕСКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА.]

|| Продукт капиталистического производства есть не только *прибавочная стоимость*, но и *капитал*. 492

Капитал, как мы видели, есть $D-T-D'$, *самовозрастающая стоимость*, стоимость, которая порождает стоимость.

Ближайшим образом авансированная денежная сумма или сумма стоимостей — даже после ее превращения в факторы процесса труда, в средства производства — *постоянный капитал*, и в *способность к труду*, в которую обратился переменный капитал, — есть капитал лишь в себе, лишь *дотации* [потенциально]; а в еще большей степени он есть лишь таковой до своего превращения в факторы действительного процесса производства. Лишь внутри последнего, благодаря *действительному* приобщению живого труда к вещным формам бытия капитала, лишь благодаря действительному всасыванию добавочного труда, происходит не только превращение *этого труда* в капитал, но происходит превращение авансированной суммы стоимости из возможного капитала, из капитала по назначению — в действующий и действительный капитал. Что происходило в течение процесса в целом? Рабочий продавал право на распоряжение его способностью к труду за необходимые средства существования, за данную стоимость, которая определяется стоимостью его способности к труду. Итак, каков результат, если рассматривать рабочего? Исключительно лишь воспроизводство его способности к труду. Что он за это отдавал? Деятельность, которая сохраняет, создает и увеличивает стоимость, свой труд. Таким образом, он выходит из этого процесса — оставляя в стороне снашивание его рабочей силы — таким же, каким он в него вступил, просто как субъективная рабочая сила, которая должна снова пройти этот же процесс, чтобы *сохраниться*.

Наоборот, капитал выходит из процесса не таким, каким он в него вступил. Лишь в нем он превратился в действительный капитал,

* [В рукописи:] 3) [Смотри редакционное примечание на стр. 5. *Ред.*]

sich verwertenden Wert verwandelt. Das Gesamtprodukt ist jetzt die Form, worin es als verwirklichtes Kapital existiert und als solches steht es als Eigentum des Kapitalisten, als selbständige und durch die Arbeit selbst geschaffene Macht ihr von neuem gegenüber. Der Produktionsprozess war daher nicht nur sein Reproduktionsprozess, sondern sein Produktionsprozess als Kapital. Früher standen die Produktionsbedingungen sofern als Kapital gegenüber, als er sie *verselbstständigt* sich gegenüber *vorfand*. Jetzt ist es das Produkt seiner eigenen Arbeit, dass er sie als in *Kapital* verwandelte Produktionsbedingungen sich gegenüber findet. Was als Voraussetzung, ist nun das Resultat des Produktionsprozesses.

Dass der Produktionsprozess *Kapital* schafft, ist soweit nur ein anderer Ausdruck dafür, dass er *Mehrwert* geschaffen hat.

Aber hierbei bleibt die Sache nicht stehn. Der *Mehrwert* wird rückverwandelt in zusätzliches Kapital, zeigt sich als Bildung von neuem Kapital oder von vergrössertem Kapital. So hat das *Kapital Kapital* geschaffen, sich nicht nur als Kapital realisiert. Der *Akkumulationsprozess* ist selbst ein immanentes Moment des kapitalistischen Produktionsprozesses. Er schliesst ein neue *Schöpfung von Lohnarbeitern*, Mitteln zur Verwirklichung und Vermehrung des vorhandenen Kapitals, sei es nun, dass früher von der kapitalistischen Produktion noch nicht ergriffene Teile der Bevölkerung, wie Weiber und Kinder, von ihm subsumiert, sei es, dass die durch den natürlichen Anwuchs der Population vermehrte Arbeitermasse ihm unterworfen wird. Bei näherer Betrachtung ergibt sich, dass das Kapital diese Produktion der Arbeitskraft selbst, die Produktion der von ihm auszu-beutenden Menschenmasse, seinen Exploitationsbedürfnissen gemäss-*regelt*. Kapital produziert also nicht nur Kapital, es produziert eine wachsende Arbeitermasse, den Stoff, wodurch es allein als zusätzliches Kapital funktionieren kann. Die Arbeit produziert also nicht nur im Gegensatz zu sich die Arbeitsbedingungen auf stets erweiterter Stufenleiter als *Kapital*, sondern das Kapital produziert auf stets sich erweiternder Stufenleiter die *produktiven Lohnarbeiter*, deren es bedarf. Die Arbeit produziert ihre Produktionsbedingungen als *Kapital* und das Kapital die Arbeit als Mittel seiner Verwirklichung als Kapital, als Lohnarbeit. Die kapitalistische Produktion ist nicht nur Reproduktion des Verhältnisses, sie ist seine Reproduktion auf stets wachsender Stufenleiter, und im selben Masse, wie mit der

в самовозрастающую стоимость. Совокупный продукт — вот теперь та форма, в которой он существует как осуществившийся капитал, и в качестве такового он вновь противостоит труду как собственности капиталиста, как самостоятельная, созданная самим трудом сила. Таким образом, процесс производства был не только процессом его воспроизводства, но и процессом его производства как капитала. Прежде условия производства противостояли [рабочему] как капитал, постольку, поскольку он *находил* их *ставшими самостоятельными* по отношению к нему. Теперь это продукт его собственного труда—[то обстоятельство], что он их находит как превращенные в *капитал* условия производства, противостоящие ему. То, что было предпосылкой, то теперь результат процесса производства.

Постольку то обстоятельство, что процесс производства создает *капитал*, есть лишь другое выражение того, что он создал *прибавочную стоимость*.

Но на этом дело не останавливается. *Прибавочная стоимость* превращается обратно в добавочный капитал, она служит для образования* нового капитала или возросшего капитала. Таким образом *капитал* создал *капитал*, а не только реализовался как капитал. *Процесс накопления* есть лишь имманентный момент капиталистического процесса производства. Он включает в себя все снова *создание наемных рабочих*, средств осуществления и увеличения наличного капитала, путем ли подчинения ему той части населения, которая — как например женщины и дети — до сих пор не была им охвачена, или же путем подчинения ему увеличившейся благодаря естественному приросту населения рабочей массы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что капитал *регулирует* соответственно своим потребностям эксплуатации это производство самой рабочей силы, производство людской массы, которую ему надлежит эксплуатировать. Итак, капитал производит не только капитал, он производит возрастающую массу рабочих, материал, при помощи которого он только и может функционировать как добавочный капитал. Итак, не только труд производит во все расширяющемся масштабе условия труда в противоположность себе, как *капитал*, но и капитал производит во все расширяющемся масштабе *производительных наемных рабочих*, которые ему необходимы. Труд производит свои условия производства как *капитал*, а капитал [производит] труд как средство своего осуществления в качестве капитала, как наемный труд. Капиталистическое производство есть не только воспроизводство этого отношения, оно есть его воспроизводство во все возрастающем масштабе, и в той же мере, в какой с капиталистическим способом производства развивается общественная

* [Дословно: оказывается образованием. *Ред.*]

kapitalistischen Produktionsweise die gesellschaftliche Produktivkraft der Arbeit sich entwickelt, wächst der dem Arbeiter gegenüber aufgetürmte Reichtum, als ihn *beherrschender Reichtum*, als *Kapital*, dehnt sich ihm gegenüber die Welt des Reichtums als eine ihm fremde und ihn beherrschende Welt aus, und in demselben Verhältnis entwickelt sich seine subjektive Armut, Bedürftigkeit und Abhängigkeit im Gegensatz. Seine *Entleerung* und jene *Fülle* entsprechen sich, gehn gleichen Schritt. Zugleich vermehrt sich die Masse dieser lebendigen Produktionsmittel des Kapitals, das arbeitende *Proletariat*.

493 || *Wachstum des Kapitals* und *Zunahme des Proletariats* erscheinen daher als zusammengehörige, wenn auch polarisch verteilte *Produkte* desselben Prozesses.

Das Verhältnis wird nicht nur reproduziert, nicht nur auf beständig massenhafterer Stufenleiter produziert, das nicht nur mehr Arbeiter sich schafft und auch früher ihm nicht unterworfenen Produktionszweige fortwährend ergreift, sondern, wie sich bei Darstellung der spezifisch kapitalistischen Produktionsweise gezeigt hat, es wird unter beständig günstigeren Umständen für die eine Seite, die Kapitalisten, und beständig ungünstigeren für die andre, die Lohnarbeiter, reproduziert.

Die Kontinuität des Produktionsprozesses betrachtet, ist der Arbeitslohn nur der *Teil* des vom Arbeiter beständig produzierten Produkts, der sich an ihn in Lebensmittel umsetzt und daher in Mittel der Erhaltung und Vermehrung der Arbeitsvermögen, deren das Kapital zu seiner Selbstverwertung, zu seinem Lebensprozess bedarf. Diese Erhaltung und Vermehrung der Arbeitsvermögen, als Resultat des Prozesses, erscheint also selbst nur als Reproduktion und Erweiterung seiner ihm gehörigen Reproduktionsbedingungen und Akkumulationsbedingungen. (Sieh den Yankee).

Damit verschwindet auch der *Schein*, den auf der Oberfläche das Verhältnis besass, dass sich gleichberechtigte *Warenbesitzer*, in der Zirkulation, auf dem Warenmarkt gegenüberstehen, die wie alle andren *Warenbesitzer* nur durch den stofflichen Inhalt ihrer Waren, den besondern Gebrauchswert der Waren, die sie aneinander zu verkaufen haben, sich von einander unterscheiden. Oder diese *ursprüngliche* Form des Verhältnisses bleibt nur noch als *Schein* des ihm zugrunde liegenden, des *kapitalistischen* Verhältnisses, übrig.

Es sind hier zwei Momente zu unterscheiden, wodurch die *Reproduktion des Verhältnisses selbst* auf stets sich erweiternder Stufenleiter sich als *Resultat des kapitalistischen Produktionsprozesses* von der

производительная сила труда, растет противостоящее рабочему нагроможденное богатство как *господствующее* над ним *богатство*, как *капитал*, расширяется противостоящий ему мир богатства как чуждый ему, господствующий над ним мир и в противоположность этому в той же мере растет его собственная нищета, нужда и зависимость. Его *обнищание** и это *изобилие* соответствуют друг другу, идут нога в ногу. Вместе с тем увеличивается масса этих живых средств производства капитала, трудящийся *пролетариат*.

|| Поэтому *возрастание капитала* и *рост пролетариата* выступают 493 как связанные между собой, хотя и полярно разделенные, *продукты* одного и того же процесса.

Это отношение не только воспроизводится, не только производится во все более массовом масштабе, не только создает себе больше рабочих и постоянно охватывает также ранее ему не подчиненные отрасли производства, но, как показано при изложении специфически капиталистического способа производства, оно воспроизводится при все более благоприятных условиях для одной стороны, для капиталистов, и все более неблагоприятных для другой — для наемных рабочих.

С точки зрения непрерывности процесса производства заработная плата есть только *часть* постоянно производимого рабочим продукта, которая в заработной плате обращается в средства существования и таким образом в средства сохранения и увеличения способностей к труду, которые необходимы капиталу для его самовозрастания, для его жизненного процесса. Таким образом, это сохранение и умножение способностей к труду как результат процесса выступает в свою очередь лишь как воспроизводство и расширение принадлежащих ему условий воспроизводства и условий накопления (см. янки).

Вместе с этим исчезает также *видимость*, которой обладало это отношение на поверхности [явлений], а именно, что на товарном рынке в обращении противостоят друг другу равноправные *товаровладельцы*, которые подобно всем другим *товаровладельцам* отличаются друг от друга вещественным содержанием их товаров, особенной потребительной стоимостью товаров, которые они продают друг другу. Или эта *первоначальная* форма отношения остается только как *видимость* лежащего в ее основе *капиталистического* отношения.

Здесь необходимо различать два момента, которыми *воспроизводство самого отношения* во все расширяющемся масштабе как *результат процесса капиталистического производства* отличается

* [Дословно: опустошение. *Ред.*]

ersten Form unterscheidet, wie sie einerseits *historisch* auftritt, andererseits auf der Oberfläche der entwickelten kapitalistischen Gesellschaft sich beständig von neuem darstellt.

1) *Erstens mit Bezug auf den einleitenden Prozess, der innerhalb der Zirkulation vorgeht, den Kauf und Verkauf von Arbeitsvermögen.*

Der kapitalistische Produktionsprozess ist nicht nur die *Verwandlung* des Werts oder der Ware, die der Kapitalist zum Teil auf den Markt bringt, zum Teil innerhalb des Arbeitsprozesses an sich hält, *in Kapital*; sondern diese in Kapital *verwandelten* Produkte sind nicht *seine* Produkte, sondern die des Arbeiters. Er verkauft beständig ihm einen Teil seines Produkts — notwendige Lebensmittel — für Arbeit; zur Erhaltung und Vermehrung des Arbeitsvermögens, des *Käufers* selbst, und borgt ihm gegenüber beständig einen anderen Teil seines Produkts, die objektiven Arbeitsbedingungen, als Mittel zur Selbstverwertung des Kapitals, als *Kapital*. Während der Arbeiter so seine Produkte als *Kapital*, reproduziert der Kapitalist den Arbeiter als *Lonharbeiter* und daher als Verkäufer seiner Arbeit. Das Verhältnis von blossen Warenverkäufern schliesst ein, dass sie *ihre* eignen, in verschiedenen Gebrauchswerten verkörperten *Arbeiten* austauschen. Der Kauf und Verkauf des Arbeitsvermögens als beständiges *Resultat* des kapitalistischen Produktionsprozesses schliesst ein, dass der Arbeiter beständig einen Teil seines eigenen Produkts gegen seine lebendige Arbeit *zurückkaufen* muss. Damit *zerrinnt* der *Schein* des blossen *Vergältnissees* von *Warenbesitzern*. Dieser beständige Kauf und Verkauf von Arbeitsvermögen und das beständige Gegenübertreten der von dem Arbeiter selbst produzierten Ware als *Käufer* seines Arbeitsvermögens und als konstantes Kapital, erscheint nur als *vermittelnde Form* seiner Unterjochung unter das Kapital, der lebendigen Arbeit als blossen Mittels zur Erhaltung und Vermehrung der ihr gegenüber verselbständigten *gegenständlichen* Arbeit. Es ist dies eine dieser Produktionsweise immanente *Form* der Vermittlung, diese Verewigung des Verhältnisses des Kapitals als Käufers und des Arbeiters als Verkäufers von Arbeit; aber es ist eine Form, die sich nur der Form nach von andern mehr direkten Formen der Knechtung der Arbeit und des *Eigentums an sie* auf Seiten der Besitzer der Produktionsbedingungen unterscheidet. Sie *vertuscht* als blosses *Geldverhältnis* die wirkliche Transaktion und die perpetuierliche Abhängigkeit, die beständig erneuert wird, durch diese Vermittlung des Kaufs und Verkaufs. Es werden nicht nur reproduziert beständig die Bedingungen dieses *Handels*; sondern das, womit der eine kauft, und was
494 der andre verkaufen muss, ist Resultat || des Prozesses. Die beständige Erneuerung dieses Verhältnisses von *Kauf und Verkauf* vermittel

от первой формы, с одной стороны, как оно выступает *исторически*, а, с другой стороны, как оно постоянно все вновь представляется на поверхности развитого капиталистического общества.

1) *Во-первых, по отношению к вводному процессу*, который происходит в рамках [процесса] обращения — *покупки и продажи способности к труду*.

Капиталистический процесс производства есть не только *превращение* стоимости или товара — которые капиталист частично выносит на рынок, частично в процессе труда удерживает у себя — *в капитал*, но эти продукты, *превращенные* в капитал, не его продукты, а продукты рабочего. Капиталист неизменно продает рабочему в обмен за его труд часть его продукта — необходимые средства существования, необходимые для сохранения и умножения способности к труду, самого *покупателя*, и постоянно ссужает по отношению к нему другую часть его продукта, объективные условия труда, как средства самовозрастания капитала, как *капитал*. Между тем как рабочий воспроизводит таким образом свои продукты как *капитал*, капиталист воспроизводит рабочего как *наемного рабочего* и поэтому как продавца своего труда. Отношение простых продавцов товаров включает в себя то, что они обменивают *свои* собственные *работы*, воплощенные в различных потребительных стоимостях. Покупка и продажа способности к труду как постоянный *результат* капиталистического процесса производства включает в себя, что рабочий должен *покупать* обратно часть своего собственного продукта в обмен за свой живой труд. Таким образом *исчезает иллюзия* отношения как простого *отношения товаровладельцев*. Эта постоянная покупка и продажа способности к труду и постоянное противопоставление произведенного самим рабочим товара как *покупателя* его способности к труду и как постоянного капитала выступает лишь как *опосредствующая форма* его подчинения капиталу, [как форма] живого труда как простого средства сохранения и умножения *овеществленного* труда, получившего самостоятельность по отношению к нему. Это увековечение отношения между капиталом как покупателем и рабочим как продавцом труда есть имманентная этому способу производства *форма* опосредствования, но это — форма, которая лишь по форме отличается от других более прямых форм порабощения труда и *собственности на него* со стороны владельцев условий производства. Она *смазывает* как *денежное отношение* действительную сделку и непрерывную зависимость, которая постоянно возобновляется благодаря этому опосредствованию покупки и продажи. Постоянно воспроизводятся не только условия этой сделки, но результатом || процесса является и то, чем один покупает и что 494 другой должен продавать. Постоянное возобновление этого отношения

nur die Beständigkeit des spezifischen Abhängigkeitsverhältnisses und gibt ihr den betrügenden *Schein* einer Transaktion, eines Kontrakts zwischen gleichberechtigten und sich gleich frei gegenüberstehenden *Warenbesitzern*. Dieses *einleitende* Verhältnis erscheint jetzt selbst als immanentes Moment der in der kapitalistischen Produktion produzierten Herrschaft der gegenständlichen Arbeit über die lebendige.

Es irren also sowohl

die, die die Lonharbeit, den Verkauf der Arbeit an das Kapital, und damit die Form des *Salariats*, als der kapitalistischen Produktion *äusserlich* betrachten; sie ist eine *wesentliche* und durch das kapitalistische Produktionsverhältnis selbst stets von neuem produzierte *Form* der Vermittlung desselben;

die, die in diesem oberflächlichen Verhältnis, in dieser *wesentlichen Formalität*, *Schein* des Kapitalverhältnisses, sein *Wesen* selbst finden, und daher das Verhältnis zu charakterisieren vorgeben, indem sie Arbeiter und Kapitalisten unter das allgemeine Verhältnis von *Warenbesitzern* subsumieren und damit apologisieren, seine *differentia specifica* auslöschen.

2) Damit das Kapitalverhältnis überhaupt eintrete, ist bestimmte historische Stufe und Form der gesellschaftlichen Produktion vorausgesetzt. Es müssen sich, innerhalb einer früheren Produktionsweise, Verkehrs- und Produktionsmittel und Bedürfnisse entwickelt haben, die über die alten Produktionsverhältnisse hinaus und zu ihrer Verwandlung in das Kapitalverhältnis hindrängen. Aber sie brauchen nur so weit entwickelt zu sein, damit die formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital vor sich gehe. Auf Basis dieses veränderten Verhältnisses entwickelt sich aber eine spezifisch veränderte Produktionsweise, die einerseits neue materielle Produktivkräfte schafft, andererseits auf deren Grundlage sich erst entwickelt, und damit in der Tat sich neue reale Bedingungen schafft. Es tritt damit eine vollständige ökonomische Revolution ein, die einerseits erst der Herrschaft des Kapitals über die Arbeit ihre realen Bedingungen schafft, vollendet, entsprechende Form gibt, andererseits in den von ihr gegensätzlich zum Arbeiter entwickelten Produktivkräften der Arbeit, Produktionsbedingungen und Verkehrsverhältnissen, die realen Bedingungen einer neuen, die gegensätzliche Form der kapitalistischen Produktionsweise aufhebenden Produktionsweise, und so die materielle Basis eines neu

покупки и продажи опосредствует лишь постоянный характер специфического отношения зависимости и придает ему обманчивую *видимость* сделки, договора между равноправными и одинаково свободно противостоящими друг другу *товаровладельцами*. Это *вводное* отношение выступает теперь само как имманентный момент создаваемого капиталистическим производством господства овеществленного труда над живым.

Следовательно, ошибаются:

как те, которые рассматривают наемный труд, продажу труда капиталу и тем самым форму *наемного труда* как *внешнюю* по отношению к капиталистическому производству; она есть *существенная* и постоянно вновь воспроизводимая самим капиталистическим отношением производства *форма* опосредствования последнего;

так и те, которые в этом поверхностном отношении, в этой *существенной формальности, видимости* капиталистического отношения находят самую его *сущность* и утверждают поэтому, что они характеризуют это отношение, когда они подчиняют рабочих и капиталистов всеобщему взаимоотношению *товаровладельцев* и тем самым апологизируют это отношение, стирая его *differentia specifica* [специфическое отличие].

2) Для того, чтобы капиталистическое отношение вообще возникло, необходима в качестве предпосылки определенная историческая ступень и форма общественного производства. В рамках прежнего способа производства должны развиваться средства сообщения, средства производства и потребности, которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в капиталистическое отношение. Но они должны быть развиты лишь настолько, чтобы произошло формальное подчинение труда капиталу. На базисе же этого изменившегося отношения, развивается специфически измененный способ производства, который, с одной стороны, создает новые материальные производительные силы, с другой стороны — сам развивается лишь на их основе и тем самым на деле создает себе новые реальные условия. Вместе с тем наступает полная экономическая революция, которая, с одной стороны, впервые создает реальные условия для господства капитала над трудом, завершает, дает этому соответствующую форму, а с другой стороны, в развитых ею в противоположность рабочему производительных силах труда, в условиях производства и сообщения создает реальные условия нового способа производства, устраняющего противоречивую * форму капиталистического способа производства, и создает таким образом материальный базис для преобразованного

* [Точнее: содержащую противоположности. *Ред.*]

gestalteten gesellschaftlichen Lebensprozesses und damit einer neuen Gesellschaftsformation schafft.

Es ist dies eine wesentlich verschiedene Auffassung von der der bürgerlichen, in den kapitalistischen Vorstellungen selbst befangenen Ökonomen, die zwar sehn, wie *innerhalb* des Kapitalverhältnisses produziert wird, aber nicht, wie dieses *Verhältnis* selbst produziert wird und zugleich in ihm die materiellen Bedingungen seiner Auflösung produziert und damit seine *historische Berechtigung* als *notwendige Form* der ökonomischen Entwicklung, der Produktion des gesellschaftlichen Reichtums, beseitigt wird.

Wir haben dagegen gesehen, nicht nur wie das Kapital produziert, sondern wie es selbst produziert wird und wie es als ein wesentlich verändert[es] aus dem Produktionsprozess herauskömmt als wie es in ihn einging. Einerseits gestaltet es die Produktionsweise um; andererseits ist diese veränderte Gestalt der Produktionsweise und eine besondre Stufe der Entwicklung der materiellen Produktivkräfte die Grundlage und Bedingung — die Voraussetzung seiner eignen Gestaltung.

495

Resultat des unmittelbaren Produktionsprozesses

Nicht nur die gegenständlichen Bedingungen des Produktionsprozesses erscheinen als sein Resultat; sondern ebenso ihr *spezifisch gesellschaftlicher* Charakter; die gesellschaftlichen Verhältnisse, und daher die gesellschaftliche Stellung der Produktionsagenten gegen einander, — die *Produktionsverhältnisse* selbst werden produziert, sind beständig erneuertes Resultat des Prozesses*.

[454]

Uebergang von 1) und 2) dieses Kapitels zu 3) was wir hier zuerst als
1) behandeln**

Wir haben gesehen, dass die kapitalistische Produktion Produktion von Mehrwert ist und als solche Produktion von Mehrwert (in der *Akkumulation*) zugleich *Produktion von Kapital* und *Produktion* und *Reproduktion* des ganzen Kapitalverhältnisses auf stets ausgedehnter (erweiterter) Stufenleiter. Aber der Mehrwert wird nur produziert als ein Teil des Warenwerts, wie er sich denn auch darstellt in einem bestimmten Quantum Ware oder surplusproduce. Das Kapital produziert nur *Mehrwert* und reproduziert sich selbst nur als *Produzent von Waren*. Es ist daher die *Ware* als sein *unmittelbares Produkt*, womit wir uns zunächst wieder beschäftigen müssen. *Waren* aber, wie wir gesehen haben, sind ihrer *Form* (ihrer ökonomischen Formbestimmtheit

* [Mit diesem Satz bricht im Manuskript der Text des \ I. Kapitels ab. D. Red.]

** [Siehe S. 4, unsere Note. D. Red.]

по-новому общественного процесса жизни и тем самым новой общественной формации.

Это — понимание, существенно отличное от воззрений, находящихся в плену капиталистических представлений буржуазных экономистов, которые хотя и видят, как осуществляется производство *внутри* капиталистического отношения, но вместе с тем не понимают, как создается само это *отношение*, и как вместе с тем в нем создаются материальные условия его разложения и тем самым устраняется его *историческое оправдание* как *необходимой формы* экономического развития, производства общественного богатства.

Мы, напротив, видели не только, каким образом капитал производит, но и каким образом он сам производится и как выходит из производственного процесса существенно изменившимся по сравнению с тем, как он в него вступил. С одной стороны, он преобразует способ производства, с другой стороны — этот измененный образ способа производства и особая ступень развития материальных производительных сил есть основа и условие, предпосылка его собственного образования.

Результат непосредственного процесса производства

495

Не только вещные условия процесса производства выступают как его результат, но и их *специфически общественный* характер, общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами *производственные отношения* производятся, суть непрерывно возобновляющийся результат процесса*.

Переход от 1) и 2) этой главы к 3), который мы здесь сначала рассмотрели [454] как 1) **

Мы видели, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости и как такое производство прибавочной стоимости (при *накоплении*) есть вместе с тем *производство капитала* и *производство* и воспроизводство всего капиталистического отношения во все более расширенном (увеличенном) масштабе. Но прибавочная стоимость производится лишь как часть товарной стоимости, и затем она выражается также в определенном количестве товаров или прибавочного продукта. Капитал производит *прибавочную стоимость* и воспроизводит себя самого только как *производитель товаров*. Поэтому мы должны прежде всего опять заняться *товаром* как его *непосредственным продуктом*. Но, как мы видели, *товары*, рассматриваемые со стороны их *формы* (их экономической определенности формы) являются *неполными результатами*.

* [Этой фразой в рукописи обрывается текст шестой главы. *Ред.*]

** [См. редакционное примечание на стр. 5. *Ред.*]

nach) betrachtet, *unvollständige Resultate*. Sie haben erst gewisse Formverwandlungen durchzumachen—sie müssen in den Austauschprozess wieder eingehn, worin sie diese Formverwandlungen durchmachen—bevor sie als Reichtum, sei es in der Form von Geld, sei es als Gebrauchswerte, wieder funktionieren können. Wir haben also die *Ware* jetzt als nächstes Resultat des kapitalistischen Produktionsprozesses näher zu betrachten und dann die weiteren Prozesse, die sie durchzumachen hat. (Waren sind die Elemente der kapitalistischen Produktion und Waren sind das *Produkt* derselben, sind die Form, worin das Kapital am Ende des Produktionsprozesses wieder erscheint.

[444] || Wir gehn von der Ware, von dieser spezifisch gesellschaftlichen Form des Produkts — als Grundlage und Voraussetzung der kapitalistischen Produktion aus. Wir nehmen das einzelne Produkt in die Hand und analysieren die Formbestimmtheiten, die es als Ware enthält, die es zur Ware stempeln. Vor der kapitalistischen Produktion wird ein grosser Teil des Produkts nicht als Ware produziert, nicht zur Ware. Andererseits ist dann ein grosser Teil der Produkte, die in die Produktion eingehn, nicht Ware, geht nicht als Ware in den Produktionsprozess ein. Die Verwandlung der Produkte in Waren findet nur an einzelnen Punkten statt, erstreckt sich nur auf den Ueberschuss der Produktion, oder nur auf einzelne Sphären derselben (Manufakturprodukte) etc. Die Produkte gehn weder dem ganzen Umfang nach als Handelsartikel in den Prozess ein, noch kommen sie ihrer ganzen Breite nach als solche aus ihm heraus⁵. Dennoch ist Warenzirkulation und Geldzirkulation in bestimmten Grenzen, daher eine bestimmte Gradentwicklung des Handels, *Voraussetzung, Ausgangspunkt der Kapitalbildung* und der kapitalistischen Produktionsweise. Als solche Voraussetzung behandeln wir die Ware, indem wir von ihr als dem einfachsten Element der kapitalistischen Produktion ausgehn. Andererseits aber ist die *Ware* Produkt, Resultat der kapitalistischen Produktion. Was erst als ihr Element, stellt sich später als ihr eignes Produkt dar. Erst auf ihrer Basis wird es allgemeine Form des Produkts Ware zu sein, und je mehr sie sich entwickelt, desto mehr gehn alle Produktionsingredienzen als Ware in ihren Prozess ein*.

⁵ Sieh das *französische Werk*, das about 1752, wo benauptet, dass vor... Weizen nur als Handelsartikel in Frankreich betrachtet worden sei.

* [Hach der Ueberschrift der beiden vorigen Absätze, machte Marx den Vermerk:] (Cf. p. 444) [Dementsprechend plazieren wir den Text des vorstehenden Absatzes, der auf der Seite 444 des Manuskripts durch mehrfache Einklammerung hervorgehoben ist, an diese Stelle. D. Red.]

Они должны предварительно проделать известные превращения формы — они должны опять войти в процесс обмена, в котором они проделывают эти превращения формы, — прежде чем они снова смогут функционировать как богатство, в форме ли денег или как потребительные стоимости. Итак, мы должны теперь ближе рассмотреть *товар* как ближайший результат капиталистического процесса производства, а затем дальнейшие процессы, которые он должен пройти. Товары суть элементы капиталистического производства и товары суть *продукт* последнего, суть форма, в которой капитал выступает снова в конце процесса производства.

|| Мы исходим из товара, этой специфически общественной формы [444] продукта, как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем в руки отдельный продукт и анализируем определенности формы, которые он содержит как товар, которые накладывают на него клеймо товара. До капиталистического производства значительная часть продукта производится не как товар, не для того, чтобы быть товаром. С другой стороны, тогда значительная часть продуктов, входящих в производство, — не товары, они входят в производственный процесс не как товары. Превращение продуктов в товары имеет место только в отдельных пунктах, распространяется только на излишек производства или же на отдельные сферы его (мануфактурные продукты) и т. д. Продукты во всем своем объеме не входят в процесс производства как предметы торговли и во всей своей массе не выходят из него как таковые⁵. Тем не менее обращение товаров и денежное обращение в определенных границах, а потому и определенная ступень развития торговли есть *предпосылка, исходный пункт образования капитала* и капиталистического способа производства. Как таковую предпосылку рассматриваем мы товар, исходя из него, как из простейшего элемента капиталистического производства. С другой же стороны, *товар* есть продукт, результат капиталистического производства. Что сначала было элементом капиталистического производства, позднее оказывается его собственным продуктом. Только на его основе становится всеобщей формой продукта — быть товаром, и чем больше он развивается, тем больше все ингредиенты * производства входят в его процесс как товар **.

⁵ Смотри французское сочинение, вышедшее около 1752 г., где утверждается, что до [здесь Маркс в рукописи оставил место для вставки. — *Ред.*] только пшеница во Франции считалась предметом торговли.

* [Составные части. — *Ред.*]

** [После заголовка обоих предыдущих абзацев Маркс сделал пометку]: (Сравни стр. 444). [Соответственно этому указанию мы помещаем здесь текст последнего абзаца, который на стр. 444 выделен посредством заключения в скобки. *Ред.*]

[441]

|| [III] * WAREN ALS PRODUKT DES KAPITALS

Die *Ware*, als die elementarische Form des bürgerlichen Reichtums, war unser Ausgangspunkt, die Voraussetzung für die Entstehung des Kapitals. Andererseits erscheinen *Waren* jetzt als das *Produkt des Kapitals*.

Dieser Zirkellauf unsrer Darstellung entspricht sowohl der *historischen Entwicklung* des Kapitals, für welche ein *Warenaustausch*, *Warenhandel* eine der Entstehungsbedingungen bildet, die sich selbst aber auf der Grundlage verschiedener Produktionsstufen bildet, denen allen gemein ist, dass in ihnen die kapitalistische Produktion noch gar nicht oder nur noch sporadisch existiert. Andererseits ist der entwickelte Warenaustausch und die *Form der Ware* als allgemein notwendige gesellschaftliche Form des Produkts selbst erst das *Resultat der kapitalistischen Produktionsweise*.

Betrachten wir andererseits die Gesellschaften *entwickelter kapitalistischer Produktion*, so erscheint in ihnen die Ware sowohl als die beständige elementarische <Existenzbedingung> Voraussetzung des Kapitals wie andererseits als das unmittelbare Resultat des kapitalistischen Produktionsprozesses.

Ware und Geld sind beide elementarische Voraussetzungen des Kapitals, entwickeln sich aber erst zu Kapital unter gewissen Bedingungen. Kapitalbildung kann nicht stattfinden, ausser auf Grundlage der Warenzirkulation (welche Geldzirkulation einschliesst), also auf einer schon gegebenen, zu einem gewissen Umfang gediehenen Stufe des Handels, während umgekehrt Warenproduktion und Warenzirkulation zu ihrem Dasein keineswegs die kapitalistische Produktionsweise voraussetzen, vielmehr, wie ich früher schon auseinandergesetzt ¹, auch «vorbürgerlichen Gesellschaftsformen angehört». Sie sind *historische*
 442 *Voraussetzung* der kapitalistischen Produktionsweise. || Andererseits aber wird die Ware erst die *allgemeine Form des Produkts*, muss alles Produkt die Form der Ware annehmen, ergreifen Kauf und Verkauf nicht nur den Ueberfluss der Produktion, sondern ihre Substanz selbst, und treten die verschiedenen Produktionsbedingungen selbst umfassend als *Waren* auf, die aus der Zirkulation in den Produktionsprozess eingehn, nur auf Grundlage der kapitalistischen Produktion. Wenn die *Ware* daher einerseits als Voraussetzung der Kapitalbildung, erscheint

* [In Manuskript:] ad 1) [Vergleiche S. 4 dieses Bandes. D. Red.]

¹ «Zur Kritik der politischen Oekonomie», Berlin 1859, p. 74.

[III]* ТОВАРЫ КАК ПРОДУКТ КАПИТАЛА

[441]

Товар как элементарная форма буржуазного богатства был нашим исходным пунктом, предпосылкой возникновения капитала. С другой стороны, *товары* теперь выступают как *продукт капитала*.

Этот круговорот нашего изложения соответствует также и *историческому развитию* капитала, для которого** *обмен товаров, товарная торговля* является одним из условий возникновения, которое однако в свою очередь образуется на основе различных ступеней развития производства, которым всем обще то обстоятельство, что капиталистическое производство на этих ступенях еще совсем не существует или существует только спорадически***. С другой стороны, развитой обмен товаров и *форма товара* как всеобщее необходимая общественная форма продукта сами только *результат капиталистического способа производства*.

Если мы рассматриваем, с другой стороны, общества с *развитым капиталистическим производством*, то там товар выступает как постоянной, элементарной предпосылкой <условием существования> капитала, так и непосредственным результатом капиталистического процесса производства, с другой стороны.

Товар и деньги суть элементарные предпосылки капитала, но они развиваются в капитал только при известных условиях. Образование капитала не может иметь места иначе, как на основе обращения товаров (которое включает в себе и денежное обращение), следовательно, на данной, уже выросшей до известных размеров, ступени торговли, между тем как, наоборот, производство товаров и обращение товаров отнюдь не предполагают капиталистического способа производства в качестве предпосылки своего существования: напротив, как я уже раньше разъяснил¹, они относятся также к «добуржуазным формам общества». Они — *историческая предпосылка* капиталистического способа производства. || Однако, с другой стороны, лишь на основе капиталистического производства товар становится *всеобщей формой продукта*, всякий продукт должен принять форму товара, покупка и продажа охватывают не только излишек производства, но и основную массу произведенного, и выступают, охватывая различные условия производства в качестве *товаров*, которые из [процесса] обращения вступают в процесс производства. Поэтому, будучи, с одной стороны, предпосылкой образования капитала, *товар*, с другой

* [В рукописи 1). См. примечание на стр. 5. *Ред.*]

** [Т. е. развития. *Ред.*]

*** [Спорадически — не сплошь, не в качестве системы. *Ред.*]

¹ «К критике политической экономии», Берлин, 1859 г., стр. 74 [см. русский перевод, изд. 1933 г., стр. 112. *Ред.*].

andererseits die *Ware*, soweit sie *allgemeine elementarische Form des Produkts* ist, wesentlich als das Produkt und Resultat des kapitalistischen Produktionsprozesses. Produkte nehmen auf früheren Produktionsstufen *teilweise* die Form der Ware an. Das Kapital dagegen produziert sein Produkt notwendig als *Ware* ². Im Mass der Entwicklung der kapitalistischen Produktion, id est des Kapitals, realisieren sich daher auch die allgemeinen über die Ware entwickelten Gesetze, z. B. die den Wert betreffenden, in der verschiedenen Form der Geldzirkulation.

Es zeigt sich hier, wie selbst früheren Produktionsepochen angehörige ökonomische Kategorien auf Grundlage der kapitalistischen Produktionsweise einen spezifisch verschiedenen, historischen Charakter erhalten.

Die Verwandlung des Geldes, das selbst nur verwandelte Form der Ware, in Kapital findet nur statt, sobald das Arbeitsvermögen in eine Ware für den Arbeiter selbst verwandelt ist, die Kategorie des Warenhandels sich also einer früher von ihr ausgeschlossenen oder nur sporadisch in ihr eingeschlossenen Sphäre schon bemächtigt hat. Nur sobald die arbeitende Bevölkerung aufgehört hat, entweder selbst zu den *objektiven* Arbeitsbedingungen noch zu gehören oder selbst noch als Warenproduzent auf den Markt zu treten, statt des Produkts ihrer Arbeit vielmehr ihre Arbeit selbst oder genauer ihr Arbeitsvermögen verkauft, wird die Produktion ihrem ganzen Umfang, ihrer ganzen Tiefe und Breite nach *Warenproduktion*, verwandelt sich alles Produkt in Ware und treten die gegenständlichen Bedingungen jeder einzelnen Produktionssphäre selbst als Ware in sie ein. Nur auf Grundlage der kapitalistischen Produktion wird die Ware in der Tat die *allgemeine elementarische Form des Reichtums*. Hat sich das Kapital z. B. noch nicht der Agrikultur bemächtigt, so wird ein grosser Teil des Produkts noch unmittelbar als Subsistenzmittel, nicht als Ware produziert werden; ein grosser Teil der Arbeiterbevölkerung wird noch nicht in Lonharbeiter und ein grosser Teil der Arbeitsbedingungen noch nicht in Kapital verwandelt sein. Es ist hierin eingeschlossen, dass die entwickelte Teilung der Arbeit, wie sie *zufällig* im Innern der Gesellschaft erscheint, und die kapitalistische Teilung der Arbeit im Innern des Ateliers, einander wechselseitig bedingen und produzieren. Denn *Ware* als notwendige Form des Produkts und daher die Entäusserung des Produkts als notwendige Form seiner Aneignung, unterstellt völlig entwickelte *Teilung der gesellschaftlichen Arbeit*, während andererseits nur auf Grundlage der kapitalistischen Produktion, also auch der *kapitalistischen Teilung der Arbeit* im Innern des Ateliers, alles Produkt notwendig

² Sismondi.

стороны, поскольку он есть *всеобщая элементарная форма продукта*, выступает по существу как продукт и результат капиталистического процесса производства. На более ранних ступенях производства продукты *частично* принимают форму товаров. Наоборот, капитал производит свой продукт неизбежно как *товар*². Поэтому по мере развития капиталистического производства, т. е. капитала, всеобщие законы товара, например законы, относящиеся к стоимости, реализуются в отличной форме денежного обращения.

Здесь обнаруживается, как даже относящиеся к более ранним эпохам производства экономические категории получают на основе капиталистического способа производства специфически отличный, исторический характер.

Превращение денег, которые сами суть лишь превращенная форма товара, в капитал имеет место лишь с тех пор, как способность к труду превратилась в товар для самого рабочего, и следовательно категория товарной торговли уже овладела сферой, прежде из нее исключенной или заключенной в нее только спорадически. Лишь с тех пор как трудящееся население перестало либо само еще принадлежать к числу *объективных* условий труда, либо само выступать на рынке как товаропроизводитель, с тех пор как оно, наоборот, продает не продукт своего труда, а самый труд свой или, точнее, свою способность к труду,—производство во всем своем объеме, во всей своей глубине и широте становится *товарным производством*, весь продукт превращается в товар, и вещные условия каждой отдельной сферы производства сами вступают в нее как товар. Только на основе капиталистического производства товар действительно становится *всеобщей элементарной формой богатства*. Если, например, капитал еще не овладел земледелием, то большая часть продукта еще будет производиться непосредственно как средства поддержания жизни, а не как товар; большая часть рабочего населения еще не превратится в наемных рабочих и большая часть условий труда еще не превратится в капитал. Сюда включено также и то, что развитое разделение труда, как оно выступает *случайным* внутри общества, и капиталистическое разделение труда внутри мастерской взаимно обуславливают и производят друг друга. Ибо *товар* как необходимая форма продукта, и поэтому отчуждение продукта как необходимая форма его присвоения, предполагает вполне развитое *разделение общественного труда*, между тем как, с другой стороны, только на основе капиталистического производства, следовательно также *капиталистического разделения труда* внутри мастерской, весь продукт неизбежно принимает форму товара, и все

² Сисмонди.

die Form der Ware annimmt und alle Produzenten daher notwendig Warenproduzenten sind. Mit der kapitalistischen Produktion ist daher auch erst allgemein der Gebrauchswert durch den Tauschwert vermittelt.

Drei Punkte.

1) Die kapitalistische Produktion macht erst Ware zur allgemeinen Form aller Produkte.

2) Warenproduktion führt notwendig zur kapitalistischen Produktion, sobald der Arbeiter aufgehört hat Teil der Produktionsbedingungen zu sein (Sklaverei, Leibeigenschaft) oder die Basis nicht naturwüchsiges Gemeinwesen bleibt (Indien). Von dem Moment an, wo die Arbeitskraft selbst allgemein zur Ware wird.

3) Die kapitalistische Produktion hebt die Basis der Warenproduktion auf, die vereinzelt unabhängige Produktion und den Austausch der Besitzer von Waren oder den Austausch von Äquivalenten. Der Austausch von Kapital und Arbeitskraft wird formell:

Auf diesem Standpunkt wird es auch ganz gleichgültig, in welcher Form die Produktionsbedingungen selbst in den *Arbeitsprozess* eintreten, ob sie wie z. B. ein Teil des konstanten Kapitals, Maschinerie usw., nur ihren Wert allmählich an das Produkt abgeben oder wie das Rohmaterial materiell in es aufgehen; ob ein Teil || des Produkts, wie z. B. der Samen in der Agrikultur, direkt wieder von Produzenten selbst als Arbeitsmittel vernutzt oder ob er erst vorher verkauft und dann von neuem in ein Arbeitsmittel verwandelt wird. Alle produzierten Arbeitsmittel funktionieren, abgesehen von ihrem Dienst als Gebrauchswerte im Produktionsprozess, jetzt zugleich als Elemente des *Verwertungsprozesses*. Soweit sie nicht in wirkliches Geld, werden sie in Rechengeld verwandelt, werden sie als Tauschwerte behandelt und, wird das Wertelement, das sie dem Produkt in einer oder der anderen Weise zusetzen, genau berechnet. Im selben Masse z. B. wie die Agrikultur ein kapitalistisch betriebener Industriezweig wird, — die kapitalistische Produktion ihren Sitz auf dem Lande aufschlägt — im selben Masse, wie die Agrikultur für den Markt produziert, *Waren* produziert, Artikel für den Verkauf und nicht die eigene unmittelbare Konsumtion, — im selben Masse berechnet sie ihre Auslagen, behandelt jedes item derselben als Ware, (ob sie es nun von einem Dritten, oder von sich selbst, *der Produktion*, kauft), und daher, soweit die Ware als selbständiger Tauschwert behandelt wird, als *Geld*. Da also Weizen, Heu, Vieh, Samen aller Art usw., als Waren *verkauft* werden — und sie ohne den Verkauf überhaupt nicht als Produkte gelten — gehen sie auch als

производители поэтому неизбежно суть производители товаров. Поэтому только при капиталистическом производстве потребительная стоимость целиком * опосредствуется меновой стоимостью.

Три пункта.

1) Только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой всех продуктов.

2) Товарное производство необходимо приводит к капиталистическому производству, как только рабочий перестал быть частью условий производства (рабство, крепостничество), или базисом не остается первобытная община (Индия), с того момента, как сама рабочая сила повсюду * становится товаром.

3) Капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен товаро-владельцев или обмен эквивалентов. Обмен капитала и рабочей силы становится формальным.

С этой точки зрения совершенно безразлично также, в какой форме сами условия производства входят в *процесс труда*, передают ли они, — как, например, часть постоянного капитала, машины и т. д., — свою стоимость продукту постепенно или, — как сырой материал, — переходят материально в продукт; употребляется ли часть || про- 443
дукта, — как, например, семена в земледелии, — опять самим производителем прямо, как средство труда, или продукт сначала продается и потом снова превращается в средство труда. Все произведенные средства труда функционируют теперь — независимо от того, чем служат потребительные стоимости в процессе производства, — вместе с тем как элементы *процесса увеличения стоимости*. Поскольку они не превращаются в действительные деньги, — они превращаются в счетные деньги, они рассматриваются как меновые стоимости, и точно вычисляется элемент стоимости, который они тем или иным образом прибавляют к продукту. Например, в той мере, как земледелие становится отраслью производства, которая ведется капиталистически, — и капиталистическое производство внедряется в деревне, — в той мере, как земледелие производит для рынка, производит *товары*, предметы для продажи, а не для собственного непосредственного потребления, — постольку оно вычисляет свои издержки, каждую их часть рассматривает как товар (покупает ли оно ее у третьих лиц или у самого себя, у *производства*) и поэтому как *деньги*, поскольку товары рассматриваются как самостоятельная меновая стоимость. Так как, следовательно, пшеница, сено, скот, семена всех родов и т. д. *продаются* как товары, — а без продажи они вообще не считаются продуктами, — они и в производство входят как *товары* или как *деньги*.

* [Точнее: всеобщее. *Ред.*]

Waren, resp. als Geld in die Produktion ein. In demselben Masse wie die *Produkte*, werden natürlich auch die *Produktionsbedingungen*, die *Elemente der Produkte* — die mit jenen Produkten identische Dinge sind — zu *Waren* und, soweit der Verwertungsprozess in Betracht kömmt, werden sie in der selbständigen Form des Tauschwertes, als *Geldgrössen* verrechnet. Der unmittelbare Produktionsprozess ist hier beständig untrennbar *Arbeitsprozess und Verwertungsprozess*, wie das Produkt *Einheit von Gebrauchswert und Tauschwert*, d. h. *Ware*. Von diesem Formellen abgesehen: In demselben Masse entwickelt sich, dass der farmer z. B. seine *Auslagen kauft*, entwickelt sich also Samenhandel, Düngerhandel, Handel mit Zuchtvieh etc. — während er seine Einnahmen *verkauft*; dass also für den einzelnen farmer diese Produktionsbedingungen auch aktuell aus der Zirkulation in seinen Produktionsprozess eingehn, die Zirkulation faktisch zur Voraussetzung seiner Produktion wird, indem sie * mehr und mehr wirklich *gekaufte* (oder *kaufbare*) Waren sind. Waren sind sie schon ohnehin für ihn als Artikel, Arbeitsmittel, die zugleich *Wertteile* seines Kapitals bilden. (Er berechnet sie daher als an sich *qua Produzent* verkauft, wenn er sie in natura der Produktion zurückgibt.) Und zwar entwickelt sich dies in demselben Verhältnis, wie sich die kapitalistische Produktionsweise der Agrikultur entwickelt, sie also mehr und mehr fabrikmässig betrieben wird.

Die *Ware* als *allgemein notwendige Form des Produkts*, als spezifische Eigentümlichkeit der kapitalistischen Produktionsweise, zeigt sich handgreiflich in der mit der Entwicklung der kapitalistischen Produktion herbeigeführten Produktion auf grosser Stufenleiter, der Einseitigkeit und *Massenhaftigkeit des Produkts*, die ihm einen gesellschaftlichen und an die gesellschaftlichen Zusammenhänge streng gebundenen Charakter aufzwingt, dagegen seine unmittelbare Beziehung als Gebrauchswert zur Befriedigung des Bedürfnisses des Produzenten, als etwas ganz zufälliges, gleichgültiges und unwesentliches erscheinen lässt. Dies Massenprodukt muss als Tauschwert realisiert werden, die Metamorphose der Ware durchlaufen, nicht nur als eine Notwendigkeit für die Subsistenz des Produzenten, der als Kapitalist produziert, sondern als Notwendigkeit für die Erneuerung und Kontinuität des Produktionsprozesses selbst. Es fällt daher auch dem Handel anheim
444 Sein Käufer ist nicht || der unmittelbare Konsument, sondern der Kauf-

[* D. h. die Produktionsbedingungen. D. Red.]

В той же мере, как и *продукты*, становятся естественно *товарами* и *условия производства, элементы продуктов*, которые суть вещи, тождественные с этими продуктами, — и, поскольку речь идет о процессе увеличения стоимости, они входят в расчет в самостоятельной форме меновой стоимости, как *денежные величины*. Непосредственный процесс производства здесь постоянно представляет собой неравдельно *процесс труда и процесс увеличения* стоимости, а продукт — *единство потребительной и меновой стоимости*, т. е. *товар*. Помимо этого формального момента в той же мере развивается то, что фермер, например, при своих *издержках* производит *покупки*, — стало быть развивается торговля семенами, торговля удобрением, торговля племенным скотом и т. д., — между тем как свои доходы он реализует путем *продажи*; так что, следовательно, для отдельного фермера эти условия производства также действительно входят из обращения в его процесс производства, обращение фактически становится предпосылкой его производства, так как они * все более и более суть действительно *купленные* (или *могущие быть купленными*) товары. Товарами они и без того являются для него как вещи, средства труда, которые вместе с тем образуют *части стоимости* его капитала. (Поэтому он зачисляет их проданными самому себе *как производителю*, когда он снова в натуре возвращает их производству.) И это развивается именно по мере того, как развивается капиталистический способ производства в земледелии, стало быть, по мере того, как оно все более и более ведется фабричным способом.

Товар как *всеобщая необходимая форма продукта*, как специфическая особенность капиталистического способа производства наглядно обнаруживается в производстве в широком масштабе, которое приносится развитием капиталистического производства, в односторонности и *массовости продукта*, которая ему придает ** общественный и строго связанный с общественными отношениями характер и ведет к тому, что его непосредственное отношение в качестве потребительской стоимости к удовлетворению потребностей производителя выступает как нечто совершенно случайное, безразличное и несущественное. Этот массовый продукт должен быть реализован как меновая стоимость, пройти метаморфоз товара не только как необходимость для поддержания жизни производителя, который производит как капиталист, но также как необходимость для возобновления и непрерывности самого процесса производства. Поэтому он становится также достоянием торговли. Его покупатель — не || не посредствен- 444 ный потребитель, а купец, который занимается метаморфозом

* [Т. е. условия производства. Ред.]

** [Дословно: навязывает. Ред.]

mann, der die Metamorphose der Ware als ein eignes Geschäft betreibt³. Endlich entwickelt das Produkt seinen Charakter als Ware, und damit seinen Charakter als Tauschwert, indem sich mit der kapitalistischen Produktion die Mannigfaltigkeit der Produktionssphären, also die Sphäre der Austauschbarkeit des Produkts beständig vervielfacht⁴.

Die *Ware*, wie sie aus der kapitalistischen Produktion herauskömmt, ist verschieden bestimmt von der Ware, wie von ihr als Element, Voraussetzung der kapitalistischen Produktion ausgegangen wird. Wir gingen aus von der einzelnen Ware als einem selbständigen Artikel, worin sich ein bestimmtes Quantum Arbeitszeit vergegenständlicht, und der daher einen Tauschwert von gegebener Grösse hat.

Die Ware erscheint jetzt doppelt weiter bestimmt:

1) Was in ihr vergegenständlicht, von ihrem Gebrauchswert abgesehen, ist ein bestimmtes Quantum gesellschaftlich notwendiger Arbeit, aber während es bei der Ware als solcher durchaus unentschieden bleibt (und in der Tat gleichgültig ist), von wem diese Vergegenständlichte Arbeit herrührt usw., enthält die *Ware als Produkt des Kapitals* zum Teil bezahlte, zum Teil unbezahlte Arbeit. Es ist vorhin bemerkt worden, dass dieser Ausdruck sofern nicht korrekt, als die Arbeit selbst nicht direkt gekauft und verkauft wird. Aber in der Ware ist eine Gesamtsumme Arbeit *vergegenständlicht*. Ein Teil dieser vergegenständlichten Arbeit (abgesehen vom konstanten Kapital, wofür Equivalent gezahlt) ist für das Equivalent des Arbeitslohns eingetauscht, ein anderer Teil ist ohne Equivalent vom Kapitalisten angeeignet. Beide Teile sind vergegenständlicht, daher als Teile des Warenwertes vorhanden. Und es dient als Abkürzung, den einen als bezahlte, den anderen als unbezahlte Arbeit zu charakterisieren.

445 || 2) Die einzelne Ware erscheint nicht nur materiell als Teil des Gesamtprodukts des Kapitals, als ein aliquoter Teil des von ihm produzierten lot. Wir haben überhaupt nicht mehr die einzelne selbständige Ware, das einzelne Produkt vor uns. Nicht einzelne Waren erscheinen als Resultat des Prozesses, sondern eine *Warenmasse*, worin sich der Wert des vorgeschossenen Kapitals + dem Mehrwert — der angeeigneten Surplusarbeit — reproduziert hat, und die jede einzelne: Träger des Werts des *Kapitals* und des von ihm produzierten Mehrwerts. Die auf einzelne Ware verwandte Arbeit, — schon wegen der Durchschnittsberechnung, also ideellen Schätzung, die gilt für den Teil des konstanten Kapitals, der bloss als Déchet in den Wert des Gesamtprodukts eingeht,

³ Sismondi.

⁴ Vgl. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», p. 17. Auch Wakefield.

товаров как самостоятельным делом³. Наконец продукт разворачивает свой характер товара и тем самым свой характер меновой стоимости благодаря тому, что вместе с капиталистическим производством постоянно умножается разнообразие сфер производства, следовательно и сфера возможности обмена продукта⁴.

Товар, как он выходит из капиталистического производства, определен отлично от товара, как от него исходят в качестве элемента, предпосылки капиталистического производства. Мы исходили от отдельного товара как самостоятельного предмета, в котором овеществляется определенное количество рабочего времени и которое поэтому имеет меновую стоимость данной величины.

Теперь товар выступает в дальнейшем двояком определении:

1) В нем овеществлено — отвлекаясь от его потребительной стоимости — определенное количество общественно-необходимого труда; но в то время как относительно товара как такового остается совершенно неизвестным (и фактически безразлично), чей этот овеществленный труд и т. д., — *товар как продукт капитала* содержит частью оплаченный, частью неоплаченный труд. Ранее было замечено, что это выражение является неточным постольку, поскольку сам труд прямо не покупается и не продается. Но в товаре *овеществлена* совокупная сумма труда. Одна часть этого овеществленного труда (если отвлечься от постоянного капитала, за который уплачен эквивалент) получена в обмен на эквивалент заработной платы, другая часть присвоена капиталистом без эквивалента. Обе части овеществлены, поэтому они налицо как части товарной стоимости. И в целях сокращения мы называем одну часть оплаченным, другую — неоплаченным трудом.

|| 2) Отдельный товар выступает не только материально как часть 445 совокупного продукта капитала, как кратная часть произведенной им массы. Мы вообще имеем перед собой уже не отдельный самостоятельный товар, не отдельный продукт. Не отдельные товары выступают как результат процесса, а *товарная масса*, в которой воспроизведена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость — присвоенный прибавочный труд, и каждый отдельный товар есть носитель стоимости *капитала* и произведенной им прибавочной стоимости. Труд, употребленный на отдельный товар, совершенно невозможно вычислить — уже вследствие среднего вычисления, т. е. идеальной оценки, применяемой к той части постоянного капитала, которая входит просто как затрата в стоимость совокупного

³ Сисмонди.

⁴ Ср. «К критике политической экономии», стр. 17 [русс. пер., изд. 1933 г., стр. 55 — *Ред.*]. Также Уэкфилд:

wie überhaupt für die gemeinschaftlich konsumierten Produktionsbedingungen, wie endlich wegen der direkt gesellschaftlichen und zur Durchschnittsarbeit vieler kooperierenden Individuen sich ausgleichen und geschätzten Arbeit — garnicht mehr zu berechnen. Sie gilt nur als aliquoter Teil der auf sie fallenden und *ideell* geschätzten Gesamtarbeit. Bei der *Preisbestimmung* der einzelnen Ware erscheint sie als blosser ideeller Teil des Gesamtprodukts, worin sich das Kapital reproduziert.

3) Als solcher, — Träger des Gesamtwerts des Kapitals + Mehrwerts, im Unterschied von der Ware, die uns ursprünglich selbständig erschien, — als *Produkt des Kapitals* — in der Tat als verwandelte Form des sich nun verwertet habenden Kapitals, zeigt sich die *Ware* jetzt in dem *Umfang*, den *Dimensionen* des *Verkaufes*, die stattfinden müssen, damit der alte Kapitalwert und ditto der von ihm erzeugte Mehrwert realisiert werden, was keineswegs damit geschieht, dass die einzelnen Waren oder ein Teil der einzelnen Waren zu ihrem Wert verkauft werden.

Wir haben früher gesehen, wie die Ware, um für die Zirkulation zurecht gemacht zu werden, eine doppelte Existenzweise erhalten muss. Sie muss dem Käufer nicht nur als ein Artikel von bestimmten nützlichen Eigenschaften, als ein bestimmter *Gebrauchswert*, der bestimmte Bedürfnisse, sei es der individuellen, sei es der produktiven Konsumtion befriedigt, gegenüberreten. Ihr Tauschwert muss eine von ihrem Gebrauchswert verschiedene und distinkte, selbständige, obgleich ideelle *Form* erhalten haben. Sie muss als die Einheit von Gebrauchswert und Tauschwert, aber darin zugleich als das Gedoppelte *erscheinen*. Ihr Tauschwert erhält diese selbständige, von ihrem Gebrauchswert durchaus unabhängige Form, als blosses Dasein der materialisierten gesellschaftlichen Arbeitszeit, in ihrem *Preis*, diesem Ausdruck, worin der Tauschwert als Tauschwert, d. h. als *Geld* ausgedrückt ist, und zwar ist er so ausgedrückt im *Rechengeld*.

Es gibt nun in der Tat einzelne Waren, wie z. B. Eisenbahnen, grosse Baulichkeiten usw., die einerseits so kontinuierlicher Natur, andererseits solchen Umfangs sind, dass das ganze Produkt des vorgeschossenen Kapitals als eine *einzelne* Ware erscheint. Hier gälte also das Gesetz, das sich bei der Betrachtung der einzelnen Ware gezeigt hat, dass ihr *Preis* nichts als ihr in Geld ausgedrückter Wert ist. Der

продукта, как и вообще к сообща потребленным условиям производства; равно как, наконец, вследствие прямо общественного труда, который выравнивается и оценивается как средний труд многих работающих сообща индивидов. Он * имеет лишь значение как кратная часть совокупного, приходящегося на него и оцененного *идеально* труда. При *определении цены* отдельного товара он выступает как простая идеальная часть совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал.

3) Как таковой, — носитель совокупной стоимости капитала плюс прибавочная стоимость, в отличие от товара, который первоначально выступал перед нами самостоятельным, — как *продукт капитала*, на деле как превращенная форма капитала, прошедшего свой процесс увеличения стоимости, *товар* теперь обнаруживается в *объеме, в размерах продажи*, которые должны иметь место, чтобы реализовалась прежняя стоимость капитала и уже упомянутая произведенная им прибавочная стоимость, что ни в коем случае не может быть достигнуто [лишь] тем, что отдельные товары или часть их будут продаваться по их стоимости.

Мы уже раньше видели, что товар для того, чтобы быть готовым к обращению, должен получить двойственную форму существования. Он должен противостоять покупателю не только как вещь с определенными полезными свойствами, не только как определенная *потребительная стоимость*, удовлетворяющая определенные потребности, будь то индивидуального или производственного потребления. Его меновая стоимость должна получить отличную от его потребительной стоимости и определенную самостоятельную, хотя и идеальную *форму*. Он должен *выступать* как единство потребительной стоимости и меновой стоимости, но вместе с тем и как раздвоенное в этом единстве. Его меновая стоимость получает эту самостоятельную, совершенно независимую от его потребительной стоимости форму, как простое бытие материализованного общественного рабочего времени, в его *цене*, в этом выражении, в котором меновая стоимость выражена, как меновая стоимость, т. е. как *деньги*, и она выражена таким образом именно в *счетных деньгах*.

В действительности имеются единичные товары, как, например, железные дороги, крупные строения и т. д., которые, с одной стороны, имеют такой неразрывный характер, а с другой стороны — такой объем, что весь продукт авансированного [на их производство] капитала выступает как *единичный* товар. Здесь, следовательно, имел бы силу закон, который был обнаружен при рассмотрении единичного отдельного товара, а именно, что *цена* товара есть не что иное, как его стоимость, выраженная в деньгах. Совокупная стоимость капитала

* [Т. е. труд, употребленный на производство отдельного товара. *Ред.*]

Gesamtwert des Kapitals + Mehrwert wäre in der einzelnen Ware enthalten und im Rechengeld auszudrücken. Die Preisbestimmung einer solchen Ware würde sich von der früher gegebenen der einzelnen Ware nicht weiter unterscheiden, weil das *Gesamtprodukt* des Kapitals hier wirklich als *einzelne* Ware vorhanden wäre. Es ist also unnötig weiter hierbei zu verweilen.

Die Mehrzahl der Waren jedoch sind diskreter Natur (und selbst die kontinuierlichen können meist ideell als diskrete Größen behandelt werden), d.h. sie sind, als Massen eines gewissen Artikels betrachtet, teilbar nach ihnen als besonderen Gebrauchswerten gewohnheitsgemäss zukommenden *Maassen*, || z. B. *a* Quarter Weizen, *b* Zentner Kaffee, *c* Ellen Leinwand, *x* Dutzend Messer, wo die einzelne Ware selbst als Masseinheit gilt usw.

Nun haben wir uns zunächst nach dem *Gesamtprodukt* des Kapitals umzusehn, welches stets als eine *einzelne* Ware, von welchem Umfang immer und ob diskret oder kontinuierlich, betrachtet werden kann als ein einziger Gebrauchswert, dessen Tauschwert daher auch im *Gesamtpreis* als Ausdruck des Gesamtwerts dieses Gesamtprodukts erscheint.

Es hat sich bei Betrachtung des *Verwertungsprozesses* gezeigt, dass ein Teil des vorgeschossenen konstanten Kapitals, wie Baulichkeiten, Maschinerie usw., nur bestimmte Wertquoten, die es als Arbeitsmittel im Arbeitsprozess verliert, an das Produkt abgibt, dass es nie in der Form seines eignen Gebrauchswerts in das Produkt materialiter eingeht, dass es während längerer Periode fortfährt in dem Arbeitsprozess der Produktion der Ware zu dienen, und dass der Wertteil, den es während einer bestimmten Zeitperiode an das während dieser Periode hervorgebrachte Produkt abgibt, geschätzt wird nach dem Verhältnis dieser bestimmten Periode zur Gesamtperiode, während deren es sich als Arbeitsmittel abnutzt, damit seinen Gesamtwert verliert und damit seinen Gesamtwert auf das Produkt übertragen hat, so dass, wenn es z. B. während 10 Jahren dient, nach einer Durchschnittsrechnung, es an das Produkt eines Jahres $\frac{1}{10}$ seines Werts abgegeben, $\frac{1}{10}$ seines Werts dem Jahresprodukt des Kapitals zugesetzt hat. Soweit dieser Teil des konstanten Kapitals, nach Abstossung einer gewissen Produktenmasse, fortfährt als Arbeitsmittel zu dienen, und nach der obenerwähnten Durchschnittsschätzung fortwährend einen bestimmten Wert zu repräsentieren, geht es nicht in die Wertbildung der abgestossenen Produktenmasse ein. Sein Gesamtwert ist überhaupt nur bestimmend für den

плюс прибавочная стоимость заключалась бы в единичном товаре и могла бы выражаться в счетных деньгах. Определение цены такого товара не отличалось бы более ничем от ранее данного определения цены единичного товара, потому что *совокупный продукт* капитала здесь действительно был бы на лицо как *единичный* товар. Следовательно, излишне долгие на этом останавливаться.

Однако большинство товаров являются делимыми (и даже неделимыми можно обычно идеально рассматривать как делимые величины), т. е. они, если рассматривать их как определенные количества известных предметов, могут делиться на соответствующие обычно употребляемым для данной потребительной стоимости *мерам* части, || например, *a* кварталов пшеницы, *b* центнеров кофе, *c* аршин 446 полотна, *x* дюжин ножей, где единицей измерения служит сам единичный товар, и т. д.

Теперь перейдем к рассмотрению *совокупного продукта* капитала, который, независимо от объема и от делимого или неделимого характера можно всегда считать *единичным* товаром, единой потребительской стоимостью, меновая стоимость которой поэтому и проявляется в *совокупной цене*, как выражение всей стоимости этого совокупного продукта.

При рассмотрении *процесса увеличения стоимости* обнаружилось, что часть авансированного постоянного капитала, как-то строения, машины и т. д., передает продукту только определенные доли стоимости, которые постоянный капитал, в качестве средств труда, теряет в процессе труда, что постоянный капитал никогда не входит в продукт материально в форме своей собственной потребительной стоимости, что она в течение более долгого периода продолжает в процессе труда служить производству товара, и что та часть стоимости, которую он в течение определенного периода времени передает производимому в течение этого периода продукту, определяется отношением этого определенного периода ко всему периоду, в продолжение которого он изнашивается, как средство труда, теряет вследствие этого всю свою стоимость и переносит ее на продукт; так что например, если он служит в среднем счете в течение десяти лет, то он передает продукту одного года $\frac{1}{10}$ своей стоимости, прибавляет $\frac{1}{10}$ своей стоимости к годовому продукту капитала. Поскольку эта часть постоянного капитала, после выпуска известного количества продуктов, продолжает служить средством труда и продолжает все еще представлять по вышеупомянутой средней оценке определенную стоимость, она не входит в образование стоимости выпущенной массы продуктов. Его совокупная стоимость вообще только постольку

Wert der abgestossenen Produktenmasse, der Produktenmasse, zu deren Produktion es bereits gedient hat, soweit der während einer bestimmten Zeitperiode von ihm abgegebene Wert als aliquoter Teil seines Gesamtwerts abgeschätzt ist, bestimmt ist durch das Verhältnis der Zeitperiode, worin es gedient hat und einen Teil seines Werts abgibt, zur Gesamtzeitperiode, während deren es dient und seinen Gesamtwert an das Produkt abgibt. Im Uebrigen kommt sein noch fortexistierender Wert für die Wertschätzung der bereits abgestossenen Warenmasse nicht in Betracht. Er kann also mit Bezug auf dieselbe gleich Null gesetzt werden. Oder was auf dasselbe herauskommt, für den vorliegenden Zweck kann die Sache der Vereinfachung halber so betrachtet werden, als ob das *gesamte Kapital*, auch der Teil seines konstanten Teils, der erst in längeren Produktionsperioden ganz in ihr Produkt eingeht, ganz in dem von uns zu betrachtenden Produkt des Gesamtkapitals enthalten, aufgegangen wäre.

Nehmen wir also an, das Gesamtprodukt sei = 1200 Ellen Leinwand. Das vorgeschossene Kapital sei = 100 £, wovon 80 £ konstantes Kapital, 20 £ variables Kapital darstellen und die Rate des Mehrwerts sei = 100%, so dass der Arbeiter die Hälfte des Arbeitstags für sich, die andere Hälfte gratis für den Kapitalisten arbeitet. In diesem Fall ist der produzierte Mehrwert = 20 £ und der Gesamtwert der 1200 Ellen = 120 £, wovon 80 £ vom konstanten Kapital zugesetzter Wert, 40 £ neu zugesetzte Arbeit darstellen, wovon die Hälfte den Arbeitslohn ersetzt, die andre Hälfte Surplusarbeit darstellt || oder Mehrwert bildet.

Da mit Ausnahme der neu zugesetzten Arbeit die Elemente der kapitalistischen Produktion selbst schon als Ware, also mit bestimmten Preisen in den Produktionsprozess eingeht, so ist der Wert, den das konstante Kapital zusetzt, schon als *Preis* gegeben, z. B. im obigen Fall 80 £ für Flachs, Maschinerie etc. Was aber die neuzugesetzte Arbeit betrifft, wenn der durch die notwendigen Lebensmittel bestimmte Arbeitslohn = 20 £, und die Mehrarbeit so gross wie die bezahlte Arbeit, muss sie sich darstellen in einem Preis von 40 £, da der Wert, worin sich die zugesetzte Arbeit darstellt, von ihrem Quantum abhängt, keineswegs aber von den Verhältnissen, worin sie bezahlt wird. Der Gesamtpreis der vom Kapital von 100 £ produzierten 1200 Ellen also = 120 £.

Wie nun den Wert der einzelnen Ware, hier der Elle Leinwand bestimmen? Offenbar indem wir den *Gesamtpreis* des Gesamtprodukts dividieren durch die Anzahl des nach gegebenen Maassen in aliquote

играет определяющую роль для стоимости выпущенного количества продуктов, того количества продуктов, для производства которого он уж послужил, поскольку передаваемая им в течение определенного периода времени стоимость оценивается как кратная часть его совокупной стоимости, определяется отношением периода времени, в течение которого он служил и передавал часть своей стоимости, ко всему периоду времени, в течение которого он служит и передает продукту всю свою стоимость. В остальном его еще продолжающая существовать стоимость не принимается в соображение при определении стоимости уже выпущенной массы товаров. Ее можно, следовательно, по отношению к последней, принять равной нулю. Или, что то же самое, для данной цели можно ради упрощения считать, что *совокупный капитал* — также и та доля его постоянной части, которая лишь в течение более длительных периодов производства переходит в продукт целиком, — целиком содержится, растворяется в рассматриваемом нами продукте совокупного капитала.

Итак, положим, что совокупный продукт = 1 200 аршин холста. Пусть авансированный капитал = 100 ф. ст., из которых 80 ф. ст. представляет постоянный капитал и 20 ф. ст. переменный; норма прибавочной стоимости = 100%, так что рабочий в течение одной половины рабочего дня работает для себя, а в течение другой половины работает даром для капиталиста. В этом случае произведенная прибавочная стоимость = 20 ф. ст., а совокупная стоимость 1 200 аршин = 120 ф. ст., из которых 80 ф. ст. представляют стоимость, прибавленную постоянным капиталом, 40 ф. ст. — вновь присоединенный труд; из них половина возмещает заработную плату, а вторая половина выражает прибавочный труд || или образует прибавочную стоимость. 447

Так как, за исключением вновь присоединенного труда, элементы капиталистического производства сами входят в процесс производства уже как товары, следовательно с определенными ценами, то стоимость, прибавляемая постоянным капиталом, уже дана как *цена*, например, в приведенном выше случае 80 ф. ст. за лен, машины и т. д. Что же касается вновь присоединенного труда, то он, если заработная плата, определяемая необходимыми средствами существования = 20 ф. ст., а прибавочный труд равен по количеству оплаченному труду, должен выражаться в цене 40 ф. ст., ибо стоимость, которую представляет присоединенный труд, зависит от его количества, а отнюдь не от условий, при которых она оплачивается. Итак, совокупная цена произведенных капиталом в 100 ф. ст. 1 200 аршин = 120 ф. ст.

Как теперь определить цену отдельного товара, здесь — аршина холста? Очевидно, *деля всю цену* совокупного продукта на число, получающееся от разделения продукта на кратные части,

Teile geteilten, eingeteilten Produkts, den *Gesamtpreis* des Produkts dividieren durch die *Anzahl der Maasse*, worin der *Gebrauchswert* sein Mass enthielt, also z. B. im vorliegenden Fall $\frac{120 \text{ £}}{1 \text{ 200 Ellen}}$; dies gibt für die ein-

zelne Elle Leinwand einen Preis von 2 sh. Wird die Elle, die als Mass der Leinwand dient, nun ferner als Masstab entwickelt, durch Einteilung derselben in weitere aliquote Teile, so können wir ferner den Preis der halben Elle usw., ebenso bestimmen. Der Preis der einzelnen Ware ist so bestimmt, indem ihr Gebrauchswert als aliquoter Teil des Gesamtprodukts und ihr Preis als entsprechender aliquoter Teil des vom Kapital hervorgebrachten Gesamtwerts berechnet ist.

Man hat gesehen, dass entsprechend verschiedenen Graden in der *Produktivität* oder *Produktivkraft der Arbeit* dieselbe Arbeitszeit sich in einem sehr verschiedenen Quantum Produkte, oder gleich grosser Tauschwert in ganz verschiedenen Quantis von Gebrauchswerten darstellt. Nimm an, im vorliegenden Fall vervierfache sich die Produktivität der Leinwebarbeit. Das konstante Kapital, Flachs, Maschinerie etc., das von der in 40 £ dargestellten Arbeit bewegt wurde, war = 80 £. Vervierfache sich die Produktivität der Webarbeit, so wird sie das vierfache davon in Bewegung setzen, also für 320 £ Flachs etc. Und die Ellenzahl würde sich vervierfachen, von 1200 auf 4800 Ellen wachsen. Die neu zugesetzte Webarbeit aber wird sich nach wie vor in 40 £ darstellen, da ihr Quantum unverändert geblieben wäre. Der Gesamtpreis der 4800 Ellen also jetzt = 360 £ und der Preis der einzelnen Elle = $\frac{360 \text{ £}}{4800 \text{ Ellen}} = 1 \text{ Elle } 1\frac{1}{2} \text{ sh.}$ Der Preis der einzelnen Elle

wäre gesunken von 2 sh. oder 24 d. auf $1\frac{1}{2}$ sh. oder 18 d., um $\frac{1}{4}$, weil das in der Elle enthaltene konstante Kapital $\frac{1}{4}$ weniger zusätzliche lebendige Arbeit bei seiner Umwandlung in Leinwand eingesaugt hätte, oder dasselbe Quantum Webarbeit sich auf ein grösseres Quantum Produkt verteilte. Für den vorliegenden Zweck ist es jedoch noch besser ein Beispiel zu nehmen, wo das vorgeschossene Gesamtkapital *dasselbe* bleibt, aber die Produktivkraft der Arbeit infolge blosser Naturbedingungen, z. B. Gunst oder Ungunst der Jahreszeit, [sich] in sehr

448 verschiedenen Quantis desselben || Gebrauchswerts, z. B. Weizen darstellt. Gesetzt das Arbeitsquantum spent upon an acre of land, z. B. in the production of wheat, stelle sich dar in £ 7, wovon 4 £ neu zugesetzte Arbeit, 3 £ in konstantem Kapital bereits vergegenständlichte Arbeit darstellen. Von den 4 £ sei 2 £ Arbeitslohn und 2 £ Mehrarbeit, nach

соответственно данным мерам, *деля совокупную цену* продукта на *число [единиц] меры*, которой измеряется *потребительная стоимость*, т. е.,

например, в данном случае $\frac{120 \text{ ф. ст.}}{1\ 200 \text{ аршин}}$; это дает для одного ар-

шина холста цену в 2 шиллинга. Если аршин, служащий мерой холста, развивается дальше как масштаб путем деления на более мелкие кратные части, то мы можем точно так же определить далее цену половины аршина и т. д. Таким образом для определения цены единичного товара его потребительная стоимость исчисляется как кратная часть совокупного продукта, а его цена, как соответствующая кратная часть произведенной капиталом совокупной стоимости.

Мы видели, что, соответственно различным степеням *производительности* или *производительной силы труда*, одно и то же рабочее время представляется в весьма различном количестве продуктов, или равновеликая меновая стоимость представляется в совершенно различных количествах потребительных стоимостей. Предположим, что в данном случае производительность льноткачества учетверяется. Постоянный капитал, лен, машины и т. д., который приводился в движение трудом, выражающимся в 40 ф. ст., был равен 80 ф. ст. Если производительность труда ткача учетверится, то он приведет в движение вчетверо большее количество постоянного капитала, т. е. на 320 ф. ст. льна и т. д. И число аршин учетверилось бы, выросло бы с 1 200 до 4 800 аршин. Однако вновь присоединенный труд ткача будет попрежнему выражаться в 40 ф. ст., так как его количество осталось бы неизменным. Совокупная цена 4 800 аршин, следовательно, теперь = 360 ф.

ст. и цена одного аршина = $\frac{360 \text{ ф. ст.}}{4\ 800 \text{ аршин}} = 1\frac{1}{2}$ шиллинга. Цена

одного аршина с 2 шиллингов, или 24 пенсов, упала бы до $1\frac{1}{2}$ шиллингов, или 18-ти пенсов, на $\frac{1}{4}$, потому что содержащийся в аршине постоянный капитал впитал в себя на $\frac{1}{4}$ меньше присоединенного к нему при его превращении в холст живого труда, или то же количество труда ткача распределилось на большее количество продукта. Для данной цели, однако, еще лучше взять пример, когда совокупный авансированный капитал остается *неизменным*, производительная же сила труда вследствие только природных условий, например благоприятного или неблагоприятного сезона, представляется в весьма различных количествах одной и той же

|| потребительной стоимости, например, пшеницы. Предположим, что 448 количество труда, потраченное на акр земли, например при производстве пшеницы, представляется в 7 ф. ст., из которых 4 ф. ст. представляют вновь присоединенный труд, а 3 ф. ст. — уже овеществленный труд в постоянном капитале. Из 4 ф. ст. пусть 2 ф. ст. будет заработной платой, а 2 ф. ст. — прибавочный труд, соответственно

dem vorausgesetzten Verhältnis der $\frac{\text{Surplusarbeit}}{\text{Mehrarbeit}} = \frac{100}{100}$. Aber die crop soll vary mit Variation der Jahreszeit.

<i>Gesamtzahl der Qrs.</i>	<i>one qr.</i>	<i>Wert oder Preis des Gesamtprodukts</i>
«When he has 5	— he can sell 28 sh.	7 l.
4 $\frac{1}{2}$	about 31	ditto
4	35	"
3 $\frac{1}{2}$	40	"
3	46 sh. 8 d.	"
2 $\frac{1}{2}$	56	"
2	70	" » 6

Der *Wert* oder *Preis* des Gesamtprodukts des für 1 Acre vorgeschossenen Kapitals von 5 £ bleibt hier immer derselbe = 7 £, da die vorgeschossene Summe vergegenständlichter und neu zugesetzter lebendiger Arbeit konstant bleibt. Diese selbe Arbeit stellt sich aber in sehr verschiedenen Quantis von Quarters dar, und das einzelne Quarter, derselbe aliquote Teil des Gesamtprodukts, hat daher sehr verschiedene Preise. Diese Variation in den Preisen der mit demselben Kapital produzierten einzelnen Waren ändert aber durchaus nichts an der Rate des Mehrwerts, an dem Verhältnis des Mehrwerts zum variablen Kapital, oder an dem Verhältnis, worin sich der gesamte Arbeitstag in bezahlte und unbezahlte Arbeit teilt. Der Gesamtwert, worin sich die neu zugesetzte Arbeit darstellt, bleibt derselbe, weil nach wie vor dasselbe Quantum lebendiger Arbeit dem konstanten * Kapital zugesetzt ist und das Verhältnis des Mehrwerts zum Arbeitslohn, oder des bezahlten zum unbezahlten Teil der Arbeit bleibt dasselbe, ob die Elle, bei wachsender Produktivität der Arbeit, 2 oder 1 $\frac{1}{2}$ sh. kostet. Was sich in Bezug auf die einzelne Elle verändert hat, ist das Gesamtquantum Webarbeit, das ihr zugesetzt ist, aber das Verhältnis, worin sich dies Gesamtquantum in bezahlte und unbezahlte Arbeit teilt, bleibt dasselbe für jeden aliquoten Teil dieses Gesamtquantums, der in der einzelnen Elle enthalten ist, ob grösser oder kleiner. Ebenso, unter der *gegebenen* Voraussetzung, würde das Steigen des Preises

⁶ p. 107 «*An Inquiry into the Connections etc.*». By a Farmer. Lond. 1773.

* [Bei Marx offensichtlicher Schreibfehler:] variablen [D. Red.]

предположенному нами отношению $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{100}{100}$. Но урожай будет изменяться с изменением [условий] сезона.

Общее количество кварталов		За 1 квар.		Стоимость или цена совокупного продукта.	
«Когда у него 5	— он может продать за	28 шилл.		7 ф. ст.	
4 $\frac{1}{2}$ — " " "	около	31 "		то же	
4 — " " "	"	35 "		"	
3 $\frac{1}{2}$ — " " "	"	40 "		"	
3 — " " "	"	46 "	8 п.	"	
2 $\frac{1}{2}$ — " " "	"	56 "		"	
2 — " " "	"	70 "		"	⁶

Стоимость или цена совокупного продукта капитала в 5 ф. ст., авансированного на 1 акр, остается здесь все той же = 7 ф. ст., так как авансированная сумма овеществленного и вновь присоединенного живого труда остается постоянной. Но этот же самый труд представляется в весьма различных количествах кварталов, и поэтому отдельный квартал, та же самая кратная часть совокупного продукта, имеет весьма различные цены. Это изменение в ценах произведенных одним и тем же капиталом единичных товаров отнюдь ничего не изменяет в норме прибавочной стоимости, в отношении прибавочной стоимости к переменному капиталу или в отношении, в каком совокупный рабочий день делится на оплаченный и неоплаченный труд. Совокупная стоимость, в которой представляется вновь присоединенный труд, остается неизменной, потому что к постоянному * капиталу попрежнему присоединяется одинаковое количество живого труда, и отношение прибавочной стоимости к заработной плате, или отношение оплаченной части труда к неоплаченной, остается неизменным, стоит ли аршин при растущей производительности труда 2 или 1 $\frac{1}{2}$ шиллинга. Что изменилось в отношении к отдельному аршину, так это совокупное количество труда ткача, которое к нему присоединяется; отношение же, в котором это совокупное количество делится на оплаченный и неоплаченный труд, остается неизменным для каждой кратной части этого общего количества, содержащейся в отдельном аршине, независимо от того, будет ли она больше или меньше. Точно так же при данном

⁶ «Исследование связи и т. д.». Сочин. фермера, Лондон, 1773 г., стр. 107.

* [У Маркса очевидная описка: переменный. Ред.]

des Quarters im zweiten Fall mit der abnehmenden Produktivität der Arbeit, der Umstand, dass die neu zugesetzte Arbeit sich auf weniger Quarters verteilt, ein grösseres Quantum neu zugesetzter Arbeit daher
 449 auf das einzelne Quarter fällt, || durchaus keinen Unterschied machen an dem Verhältnis, worin sich dieses grössere oder kleinere Quantum Arbeit, das das einzelne Quarter absorbiert, in bezahlte und unbezahlte Arbeit verteilt, keinen Unterschied, weder an dem Gesamtmehrwert, den das Kapital produziert hat, noch an dem aliquoten Teil Mehrwert, der im Wert des einzelnen Quarters, relativ zu dem ihm überhaupt neu zugesetzten Wert, enthalten ist. Ist unter den gegebenen Voraussetzungen einem bestimmten Quantum Arbeitsmittel mehr lebendige Arbeit zugesetzt, so ist ihm im selben Verhältnis mehr bezahlte und unbezahlte Arbeit, wenn weniger, im selben Verhältnis weniger bezahlte und weniger unbezahlte Arbeit zugesetzt, aber das *Verhältnis* zwischen diesen beiden Bestandteilen der neu zugesetzten Arbeit bleibt *unverändert*.

Von einzelnen störenden Einflüssen abgesehen, deren Betrachtung für den vorliegenden Zweck gleichgültig, ist es die Tendenz und das Resultat der kapitalistischen Produktionsweise, die Produktivität der Arbeit fortwährend zu steigern, daher die Masse der mit derselben zusätzlichen Arbeit in Produkte verwandelten Produktionsmittel fortwährend zu vermehren, die neu zugesetzte Arbeit fortwährend sozusagen über eine grössere[Produktenmasse zu verteilen und daher den *Preis* der einzelnen Ware zu senken oder die Warenpreise überhaupt zu *verwohlfeilern*. Aber diese Verwohlfeilerung der Warenpreise involviert an und für sich durchaus keinen Wechsel weder in der *Masse* des von demselben variablen Kapital {produzierten Mehrwerts, noch in der in der einzelnen Ware enthaltenen proportionellen Teilung der neu zugesetzten Arbeit in bezahlte und unbezahlte, oder der in der einzelnen Ware realisierten Rate des Mehrwerts. Wenn ein[bestimmtes Quantum Flachs, Spindel etc. zu ihrer Verwandlung in eine Elle Leinwand weniger Webarbeit absorbiert, so ändert dies durchaus nichts an dem Verhältnis, worin sich diese grössere oder geringere Webarbeit in bezahlte und unbezahlte teilt. Das *absolute Quantum* der einem bestimmten Quantum bereits vergegenständlichter Arbeit neu zugesetzten lebendigen Arbeit ändert nichts an dem *Verhältnis*, worin sich dies für die einzelne Ware variierende grössere oder kleinere Quantum in bezahlte und unbezahlte Arbeit teilt. Trotz der aus einer Variation in der Produktivkraft der Arbeit entspringenden Variation in den Warenpreisen, resp. einer Senkung dieser Warenpreise und Verwohlfeilerung der Ware,

предположении, повышение цены квартера во втором случае вследствие падающей производительности труда, то обстоятельство, что вновь присоединенный труд распределяется на меньшее количество кварталов и на каждый квартал падает поэтому большее количество вновь присоединенного труда, || отнюдь не внесло бы никакого изменения 449 в то отношение, в каком это большее или меньшее количество труда, поглощаемое отдельным кварталом, делится на оплаченный и неоплаченный труд, никакого изменения ни в совокупном количестве прибавочной стоимости, которую произвел капитал, ни в той кратной части прибавочной стоимости, которая содержится в стоимости отдельного квартера, пропорционально вообще вновь присоединенной к нему стоимости. Если при данных предпосылках к определенному количеству средств труда присоединяется больше живого труда, то к нему присоединяется оплаченного и неоплаченного труда пропорционально больше; если меньше, — то оплаченного и неоплаченного труда пропорционально меньше; но *отношение* между этими двумя составными частями вновь присоединенного труда остается неизменным.

Если отвлечься от отдельных нарушающих [общую тенденцию] влияний, рассмотрение которых не имеет значения для данной цели, то тенденция и результат капиталистического способа производства состоит в том, чтобы постоянно повышать производительность труда и, следовательно, постоянно увеличивать массу средств производства, превращаемых в продукты данным количеством присоединенного к ним труда, чтобы постоянно, так сказать, раскладывать вновь присоединенный труд на большую массу продуктов и понижать таким образом *цену* отдельного товара, или вообще *удешевлять* товарные цены. Но это удешевление товарных цен само по себе не включает в себе никакого изменения ни в *массе* произведенной данным переменным капиталом прибавочной стоимости, ни в заключающемся в отдельном товаре пропорциональном делении вновь присоединенного труда на оплаченный или неоплаченный, или в реализованной в отдельном товаре *норме* прибавочной стоимости. Если определенное количество льна, веретен и т.д. при своем превращении в аршин холста поглощает меньше труда ткача, то это отнюдь ничего не изменяет в том отношении, в котором этот больший или меньший труд ткача делится на оплаченный и неоплаченный. *Абсолютное количество* живого труда, вновь присоединенного к известному количеству уже овеществленного труда, ничего не изменяет в том *отношении*, в котором это, изменяющееся в отдельном товаре, большее или меньшее количество делится на оплаченный и неоплаченный труд. Таким образом, несмотря на вытекающее из изменения в производительной силе труда изменение в ценах товаров, или понижение товарных цен и удешевление

kann also das Verhältnis bezahlter und unbezahlter Arbeit, überhaupt die vom Kapital realisierte Rate des Mehrwerts *konstant* bleiben. Würde keine Variation in der Produktivkraft der den Arbeitsmitteln neu zugesetzten Arbeit eintreten, sondern in der Produktivkraft der Arbeit, die die Arbeitsmittel schafft, deren Preis daher steigen oder fallen würde, so ist es ebenfalls klar, dass die so bewirkte Variation in den *Warenpreisen* die konstante Teilung der in denselben enthaltenen zusätzlichen lebendigen Arbeit in bezahlte und unbezahlte nicht alterieren würde.

Umgekehrt. Wenn *Variation in den Warenpreisen* eine konstante Rate des Mehrwerts, eine konstante Teilung der zusätzlichen Arbeit in bezahlte und unbezahlte nicht ausschliesst, so schliesst *Konstanz der Warenpreise* eine Variation in der Rate des Mehrwerts, einen Wechsel in der proportionellen Teilung der neu zugesetzten Arbeit in bezahlte und unbezahlte nicht aus. Wir wollen zur Vereinfachung der Sache annehmen, dass in dem Arbeitszweig, wovon die Rede, keine *Variation in der Produktivkraft aller in ihr enthaltenen Arbeit*, also z.B. im obigen Fall keine Variation in der Produktivität der Webarbeit eintrete oder der Arbeit eintrete, die Flachs, Spindeln usw. liefere. Nach der obigen Annahme werden 80 £ in konstantem Kapital, 20 £ in variablem ausgelegt. Diese 20 £ sollen 20 Tage (Wochentage z. B.) von 20 Webern darstellen. Nach der Voraussetzung produzierten sie 40 £, arbeiteten also halben Tag für sich, halben Tag für den Kapitalisten. Aber ferner |
 450 gesetzt der Arbeitstag sei = 10 Stunden gewesen und werde nun auf 12 verlängert, so dass die Surplusarbeit um 2 Stunden per Mann vermehrt würde. Der Gesamtarbeitstag wäre um $\frac{1}{5}$ gewachsen, von 10 Stunden auf 12. Da $10 : 12 = 16 \frac{2}{3} : 20$, wären $16 \frac{2}{3}$ Weber jetzt nur noch nötig, um dasselbe konstante Kapital von 80 £ in Bewegung zu setzen, daher 1200 Ellen Leinwand zu produzieren. (Denn 20 Mann, die 10 Stunden arbeiten, arbeiten 200, und $16 \frac{2}{3}$, die 12 Stunden arbeiten, arbeiten auch 200). Oder lassen wir nach wie vor die 20 Arbeiter, so werden sie jetzt statt 200 Stunden — 240 Stunden Arbeit zusetzen. Und da der Wert von 200 Stunden täglich per Woche sich in 40 £, würde der von 240 Stunden täglich per Woche sich in 48 £ ausdrücken. Da aber die Produktivkraft der Arbeit etc. dasselbe geblieben und da auf 40 £ 80 £ konstantes Kapital käme, würden auf 48 £ 96 £ konstantes Kapital kommen. Das vorgelegte Kapital betrüge also 116 £ und der von ihm produzierte Warenwert = 148 £. Da aber 120 £ = 1200 Ellen, sind $128 \text{ £} = 1280 \text{ Ellen}$. Die Elle würde also kosten: $\frac{128 \text{ £}}{1280} = \frac{1}{10} \text{ £} = 2 \text{ sh}$. Der Preis der einzelnen Elle wäre unverändert, weil sie nach

товара, отношение между оплаченным и неоплаченным трудом, вообще реализованная капиталом норма прибавочной стоимости, может оставаться *постоянной*. Если бы изменение произошло не в производительной силе труда, вновь присоединяемого к средствам труда, а в производительной силе труда, создающего средства труда, и цены последних поэтому повысились бы или упали бы, то точно так же совершенно ясно, что вызванное таким образом изменение в *товарных ценах* не изменило бы постоянного деления содержащегося в них присоединенного живого труда на оплаченный и неоплаченный.

Наоборот. Если *изменение в товарных ценах* не исключает неизменной нормы прибавочной стоимости, неизменного деления присоединяемого труда на оплаченный и неоплаченный, то *постоянство товарных цен* не исключает изменения в норме прибавочной стоимости, перемены в пропорциональном делении вновь присоединенного труда на оплаченный и неоплаченный. Предположим, для упрощения дела, что в отрасли труда, о которой идет речь, не происходит никакого *изменения в производительной силе всего заключенного в нем труда*, следовательно, например, в выше приведенном случае, в производительности труда ткача или труда, который доставляет лен, веретена и т. д. По сделанному выше предположению расходуется 80 ф. ст. постоянного капитала и 20 ф. ст. переменного. Пусть эти 20 ф. ст. представляют 20 дней (будничных, например) 20 ткачей. По предположению они производили 40 ф. ст., т. е. работали полдня для себя, полдня для капиталиста. Предположим далее, || что рабочий день равен 10 ча- 450 сам и удлиняется до 12-ти, так что прибавочный труд увеличивается на 2 часа на человека. Совокупный рабочий день вырос бы на $\frac{1}{5}$, с 10 часов до 12. Так как $10 : 12 = 16\frac{2}{3} : 20$, теперь было бы нужно лишь $16\frac{2}{3}$ ткача, чтобы привести в движение данный постоянный капитал в 80 ф. ст. и произвести 1 200 аршин холста. (Ибо 20 человек, работающих по 10 часов, дают 200 часов труда, а $16\frac{2}{3}$, работающих по 12 часов, дают также 200 часов труда.) Или, если мы оставим попрежнему 20 рабочих, то теперь они присоединят вместо 200 часов — 240 часов труда. Или так как стоимость 200 часов ежедневно выражается в течение недели в 40 ф. ст., то стоимость 240 часов ежедневно выразится в течение недели в 48 ф. ст. Но так как производительная сила труда и т. д. осталась прежняя и так как на 40 ф. ст. приходится 80 ф. ст. постоянного капитала, то на 48 ф. ст. придется 96 ф. ст. постоянного капитала. Вложенный капитал, следовательно, был бы 116 ф. ст., и произведенная им товарная стоимость = 144 ф. ст. Но так как 120 ф. ст. = 1 200 аршин, то 128 ф. ст. = 1 280 аршин. Аршин, следовательно, будет стоить $\frac{128 \text{ ф. ст.}}{1280} =$
 $= \frac{1}{10}$ ф. ст. = 2 шиллинга. Цена одного аршина осталась бы

wie vor dasselbe Gesamtquantum in den Arbeitsmitteln vergegenständlichter und neu zugesetzter Webarbeit gekostet hätte. Aber der in jeder Elle enthaltene Mehrwert wäre gewachsen. Früher kam auf 1200 Ellen 20 £ Mehrwert, also auf 1 Elle $\frac{20\text{£}}{1200} = \frac{2}{120} = \frac{1}{60} \text{ £} = \frac{1}{3} \text{ sh.} = 4 \text{ d.}$ Jetzt kommt auf 1280 Ellen 28 £, [auf 1 Elle]* $5\frac{1}{3} \text{ d.}$, da $5\frac{1}{3} \text{ d.} \times 1280 = 28 \text{ £}$, welches die wirkliche Summe des in den 1280 Ellen enthaltenen Mehrwerts. Ebenso sind die zusätzlichen 8 £ Mehrwert = 80 Ellen (à 2 sh. per Elle) und in der Tat ist die Ellenzahl gewachsen von 1200 auf 1280 Ellen.

Der *Warenpreis* bleibt hier derselbe; die Produktivkraft der Arbeit bleibt dieselbe. Das in Arbeitslohn ausgelegte Kapital bleibt dasselbe. Nichts desto weniger steigt die Summe des Mehrwerts von 20 auf 28 oder um 8, welches das $2\frac{1}{2}$ oder $\frac{5}{2}$ von 20 ist; da $8 \times \frac{5}{2} = \frac{40}{2} = 20$, also um 40%. Dies ist die Prozentzahl, worum der Gesamtmehrwert gewachsen ist. Was aber die *Rate des Mehrwerts* anbetrifft, so war sie ursprünglich 100% und ist jetzt 140%.

451 Diese Sauzahlen können später berichtigt werden. Einstweilen genügt es, dass bei *konstanten Warenpreisen* der Mehrwert wächst, weil dasselbe *variable Kapital mehr Arbeit* in Bewegung setzt, und daher nicht nur *mehr Waren* von demselben *Preis* produziert, sondern mehr Waren, worin *mehr unbezahlte Arbeit* enthalten ist.

Die richtige Rechnung ist gezeigt in folgender Gegeneinanderstellung, wozu noch folgendes vorherzuschicken:

Wenn 20 v ursprünglich = 20 zehnstündigen Tagen (die man als Wochentage mit 6 multiplizieren kann, ändert an der Sache nichts), und der Arbeitstag = 10 Stunden, so diese Gesamtarbeit = 200 Stunden.

Wird der Tag von 10 auf 12 Stunden verlängert (und die Mehrarbeit von 5 auf 7), so die Gesamtarbeit der 20 = 240 Stunden.

Stellt sich 200 Stunden Arbeit in 40 £ dar, so 240 in 48 £.

Setzen 200 Stunden konstantes Kapital von 80 £ in Bewegung, so 240 eins von 96 £.

Produzieren 200 Stunden 1200 Ellen, so 240 Stunden dagegen 1440 Ellen.

* [Im Manuskript:] 28 £; jetzt $5\frac{1}{4} \text{ d.}$, [D. Red.]

неизменной, так как он попрежнему стоил бы того же самого совокупного количества труда, овеществленного в средствах труда, и вновь присоединенного труда ткача. Но содержащаяся в каждом аршине прибавочная стоимость возросла бы. Раньше на 1 200 аршин приходилось 20 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно на 1 аршин $\frac{20 \text{ ф. ст.}}{1200} =$

$$= \frac{2}{120} = \frac{1}{60} \text{ ф. ст.} = \frac{1}{3} \text{ шилл.} = 4 \text{ пенса.}$$

Теперь на 1 280 аршин — 28 ф. ст., [на один аршин] $5\frac{1}{3} * \text{ пенса}$, так как $5\frac{1}{3} \text{ пенса} \times 1280 = 28 \text{ ф. ст.}$, что и есть действительная сумма заключенной в 1 280 аршин прибавочной стоимости. Добавочные 8 ф. ст. прибавочной стоимости равны 80 аршин (по 2 шиллинга аршин) и действительно число аршин увеличилось с 1 200 до 1 280.

Товарная цена остается здесь неизменной; производительная сила труда — также. Затраченный на заработную плату капитал равным образом не изменился. Тем не менее сумма прибавочной стоимости повышается с 20 до 28 или на 8, что получается от деления 20 на $2\frac{1}{2}$ или $5\frac{1}{2} **$; ибо $8 \times \frac{5}{2} = 40\frac{1}{2} = 20$, т. е. на 40%. Это — то число процентов, на которое увеличилась совокупная прибавочная стоимость. Что же касается *нормы прибавочной стоимости*, то она первоначально была 100%, а теперь равна 140%.

Эти цифры могут быть впоследствии уточнены. Пока достаточно, что при *постоянных товарных ценах* || прибавочная стоимость растет, когда тот же переменный капитал приводит в движение *больше* труда, и поэтому производит не только *больше* товаров по той же *цене*, но и *больше* товаров, в которых содержится *больше* неоплаченного труда. 451

Правильное вычисление показано в нижеследующем сопоставлении, которому еще надо предпослать следующее:

Если 20v первоначально = 20 десятичасовых дней (которые, как будничные дни, могут быть умножены на 6, что ничего не изменяет), а рабочий день = 10-ти часам, то этот общий труд = 200 часам.

При удлинении дня с 10 до 12 часов (и росте прибавочного труда с 5 до 7 часов), совокупный труд 20 = 240 часам.

Если 200 часов труда представляются в 40 ф. ст., то 240 — 48 ф. ст.

Если 200 часов приводят в движение постоянный капитал в 80 ф. ст., то 240 — [постоянный капитал] в 96 ф. ст.

Если в 200 часов производится 1 200 аршин, то в 240 часов — 1 440 аршин.

* [В рукописи — $5\frac{1}{4}$. Ред.]

** [В рукописи: что составляет $2\frac{1}{2}$ или $\frac{5}{2}$ от 20. Ред.]

Und nun die folgende Gegenüberstellung:

	$\overset{c}{\curvearrowright} \overset{v}{\curvearrowright} m$	Wert des Gesamtprodukts	Rate des Mehrwerts	Summe des Mehrwerts	Ellen	Preis der Elle	Quantum Webarbeit in der Elle	Surplusarbeit	Rate der Surplusarbeit
I	80 £ 20 £ 20 £	120 £	100%	20	1 200	2 sh. 8 d.	4 d.		4 : 4 = 100%
II	6 £ 20 £ 28 £	144 £	140%	28	1 440	2 sh. 8 d.	4 $\frac{2}{3}$ d.	4 $\frac{1}{3}$ d.	4 $\frac{1}{3}$: 3 $\frac{2}{3}$ = 140%

7 : 5 = die Stundenzahl von 5 auf 7 gestiegen.

Infolge der Erhöhung des *absoluten Mehrwerts*, id est durch die Verlängerung des Arbeitstags, hat sich das Verhältnis im Gesamtquantum der angewandten Arbeit von 5 : 5 auf 7 : 5, von 100 auf 140% gesteigert und dieses Verhältnis zeigt sich ditto in der *einzelnen Elle*. Die Gesamtmasse des Mehrwerts aber ist bestimmt durch die *Anzahl* der Arbeiter, die zu dieser gesteigerten Rate angewandt. Wären diese infolge des verlängerten Arbeitstags vermindert — nur dasselbe Quantum Arbeit wie vorher, also wegen des verlängerten Arbeitstags verminderte Anzahl von Arbeitern angewandt worden, so wäre die Steigerung der Rate des Mehrwerts *dieselbe* geblieben, aber nicht die seiner absoluten Summe.

Nehmen wir nun umgekehrt an, dass der *Arbeitstag derselbe* bliebe = 10 Stunden, dass aber infolge einer *Vermehrung in der Produktivität der Arbeit*, weder im konstanten Kapital, das die Webarbeit anwendet, noch in der Webarbeit selbst, sondern in anderen Industriezweigen, deren Produkte in den Arbeitslohn eingehen, die notwendige Arbeit von 5 auf 4 Stunden reduziert würde, so dass die Arbeiter jetzt 6 Stunden statt 5 für den Kapitalisten und 4 statt 5 für sich arbeiten. || Das Verhältnis der Surplusarbeit zur notwendigen war 5 : 5 = $\frac{100}{100}$, 100%, es ist jetzt 6 : 4 = 150 : 100 = 150%.

Nach wie vor 20 Mann zu 10 Stunden verwandt = 200 Stunden; setzen nach wie vor dasselbe konstante Kapital von 80 £ in Bewegung. Der Wert des Gesamtprodukts nach wie vor 120 £, die Ellenzahl = 1200, der Preis der Elle = 2 sh. Da sich überhaupt nichts in den Produktionspreisen verändert hat. Das Gesamtprodukt (Wert nach) von 1 war = 2 £, und von 20 = 40. Wenn aber 5 Stunden per Tag die Woche = 20, so 4 = 16, womit er jetzt dieselbe Masse Lebensmittel

А теперь следующее сопоставление:

	C	V	M	Стоимость со- вокупного про- дукта.	Норма прибав- очной стоимо- сти.	Сумма прибавоч- ной стоимости.	[Количество] ар- шин.	Цена аршина.	Количество тру- да ткача в ар- шине.	Прибавочный труд.	Норма прибавоч- ного труда.
				ф. ст.				шилл.	пенс.	пенс.	
I	80 ф. ст.	20 ф. ст.	20 ф. ст.	120	100 %	20	1200	2	8	4	4 : 4 = 100 %
II	96 ф. ст.	20 ф. ст.	28 ф. ст.	144	140 %	28	1440	2	8	4 ² / ₃	4 ² / ₃ : 3 ¹ / ₃ = 140 %

7 : 5 = число часов увеличилось
с 5 до 7.

Вследствие повышения *абсолютной прибавочной стоимости*, т. е. путем удлинения рабочего дня, пропорциональное отношение совокупного количества присоединенного труда повысилось с 5 : 5 до 7 : 5, со 100 до 140 %, и это отношение обнаруживается так же в *единичном* аршине. Совокупная масса прибавочной стоимости определяется *количеством* рабочих, применяемых при этой повышенной норме. Если бы последняя вследствие удлинения рабочего дня уменьшилась, если бы применялось то же количество труда, как прежде, т. е. если бы вследствие удлиненного рабочего дня применялось уменьшенное количество рабочих, то *неизменным* осталось бы повышение нормы прибавочной стоимости, но не повышение ее абсолютной суммы.

Теперь предположим, наоборот, что *рабочий день* остается без изменения = 10 часов, но что вследствие *увеличения производительности труда*, — ни в постоянном капитале, который применяет труд ткача, ни в самом труде ткача, а в других отраслях промышленности, продукты которых входят в заработную плату, — необходимый труд уменьшился бы с 5 до 4 часов, так что рабочие теперь будут работать для капиталиста 6 часов вместо 5-ти, а для себя 4 вместо 5. || От- 452

ношение прибавочного труда к необходимому было $5 : 5 = \frac{100}{100}$, 100 %, оно теперь $6 : 4 = 150 : 100 = 150 %$.

Здесь попрежнему применяется 20 человек в течение 10 часов = = 200 часов; они попрежнему приводят в движение постоянный капитал в 80 ф. ст. Стоимость совокупного продукта попрежнему 120 ф. ст., количество аршин = 1200, цена аршина = 2 шиллинга, ибо в ценах производства вообще ничего не изменилось. Совокупный продукт (по стоимости) одного рабочего был = 2 ф. ст., а 20-ти = 40 ф. ст. Но если 5 часов ежедневно в неделю = 20 [ф. ст.], то 4 = 16.

wie früher kauft. D[as] in Zahlung der 20, die nur noch 4 Stunden notwendiger Arbeit verrichten = 16 £ statt früher 20. Das variable Kapital von 20 auf 16 gefallen, setzt aber nach wie vor dasselbe Quantum absoluter Arbeit in Bewegung. Aber dies Quantum vereteilt sich anders. Früher war $1\frac{1}{2}$ bezahlt, $1\frac{1}{2}$ unbezahlt. Jetzt ist von 10 Stunden 4 bezahlt und 6 nicht bezahlt, also $2\frac{2}{5}$ bezahlt und $3\frac{3}{5}$ nicht bezahlt; oder statt des Verhältnisses von 5 : 5, das von 6 : 4, so statt einer Rate des Surpluswerts von 100% eine von 150. Um 50% gestiegen die Rate des Mehrwerts. Auf die Elle käme $3\frac{1}{5}$ d. bezahlte und $4\frac{4}{5}$ d. unbezahlte Webarbeit; dies ist $\frac{24}{5} : \frac{16}{5}$ oder 24 : 16, wie oben. Wir hätten daher:

	c	v	m	Wert des Gesamtprodukts	Rate des Mehrwerts	Summe des Mehrwerts	Ellen	Preis der Elle	Quantum Wearbeit	Surplusarbeit	Rate der Surplusarbeit
III	80	16	24	120 £	150%	24	1 200	2 sh.	8 d.	$4\frac{4}{5}$ d.	$\frac{4\frac{4}{5}}{3\frac{1}{5}} = \frac{24}{16} = 150\%$

Man bemerkt hier, dass die Summe des Mehrwerts nur 24 statt 28 wie in II. Wenn aber in III dasselbe variable Kapital von 20 ausgelegt, so wäre das *Gesamtquantum* der angewandten Arbeit gestiegen, da es dasselbe bleibt, wenn ein variables Kapital von 16 ausgelegt. Es wäre also, da 20 um $\frac{1}{4}$ mehr als 16, um $\frac{1}{4}$ gestiegen. Das *Gesamtquantum der angewandten Arbeit wäre gestiegen, nicht nur das Verhältnis der Surplusarbeit zur bezahlten*. Da 16 bei dieser neuen Rate liefert 40 £, so 20 liefert 50, wovon 30 Mehrwert. Wenn 40 £ = 200 Stunden, wären 50 = 250 Stunden. Und wenn 200 in Bewegung setzten 80 c, so 250 Stunden 100 c. Wenn endlich 200 Stunden 1200 Ellen produzieren, so 250 Stunden 1500 Ellen. Die Rechnung wäre also die:

	c	v	m	Gesamtwert	Rate des Mehrwerts	Summe des Mehrwerts	Ellen	Preis der Elle	Quantum Wearbeit	Surplusarbeit	RATE
IIIa	100	20	30	150	150%	30	1 500	2 sh.	8 d.	$4\frac{4}{5}$ d.	150%

[ф. ст.], при помощи которых он теперь покупает прежнее количество предметов продовольствия. Оплата 20 рабочих, которые теперь выполняют только 4 часа необходимого труда, = 16 ф. ст. вместо прежних 20. Переменный капитал уменьшился с 20 до 16, но он попрежнему приводит в движение то же самое абсолютное количество труда. Однако отношение отдельных частей этого количества другое. Раньше $\frac{1}{2}$ оплачивалась, $\frac{1}{2}$ не оплачивалась. Теперь из 10 часов 4 оплачиваются и 6 не оплачиваются, т. е. $\frac{2}{5}$ оплачиваются и $\frac{3}{5}$ не оплачиваются; или вместо отношения 5 : 5 — отношение 6 : 4, т. е. вместо нормы прибавочной стоимости в 100% — норма в 150%. На 50% увеличилась норма прибавочной стоимости. На аршин приходилось бы $3\frac{1}{5}$ оплаченного и $4\frac{1}{5}$ неоплаченного труда ткачей; это составляет $\frac{24}{5} : \frac{16}{5}$ или 24 : 16, как выше. Мы имели бы поэтому:

	C	V	M	Стоимость со- вокупного про- дукта.	Норма приба- вочной стоимо- сти.	Сумма прибавч. ной стоимости.	[Количество] ар- шин.	Цена аршина.	Количество тру- да ткач.	Прибавочный труд.	Норма прибавочного труда
				ф. ст.				шилл.	пенс.	пенс.	
III.	80	16	24	120	150 %	24	1 200	2	8	$4\frac{1}{5}$	$4\frac{1}{5} : 3\frac{1}{5} = 24 : 16 = 150\%$

Здесь мы замечаем, что сумма прибавочной стоимости составляет только 24, вместо 28, как во II. Но если бы в III также затратить переменный капитал в 20 ф. ст., то *совокупное количество* приложенного труда возросло бы; ибо оно остается неизменным, когда расходуется переменный капитал в 16 ф. ст. Оно, следовательно, так как 20 ф. ст. на $\frac{1}{4}$ больше 16 — поднялось бы на $\frac{1}{4}$. *Повысилось бы совокупное количество приложенного труда, а не только отношение прибавочного труда к оплаченному.* Так как 16 при этой новой норме дает 40 ф. ст., то 20 дают 50, из которых 30 прибавочная стоимость. Если 40 ф. ст. = 200 часам, 50 были бы равны 250 часам. И если 200 приводили в движение 80 с, то 250 часов — 100 с. Если, наконец, 200 часов приводят 1 200 аршин, то 250 часов — 1 500 аршин. Расчет был бы, следовательно, такой:

	C	V	M	Совокуп- ная стои- мость	Норма приба- вочной стои- мости	Сумма приба- воч- ной стои- мости	[Количе- ство] ар- шин	Цена аршина	Количе- ство тру- да ткача	Прибавоч- ный труд	Норма
III-a	100	20	30	150	150	30	1 500	2 шилл.	8 пенс.	$4\frac{1}{5}$ пенса	150%

Es ist dies überhaupt zu merken, dass wenn infolge des Sinkens des Arbeitslohnes (Folge hier der vermehrten Produktivkraft) *weniger variables Kapital* nötig ist, um dasselbe Quantum Arbeit anzuwenden, also *dasselbe Quantum Arbeit mit grösserem Vorteil* für das Kapital anzuwenden, indem der bezahlte Teil desselben Quantums fällt gegen den unbezahlten, dagegen, wenn der Kapitalist fortfährt *dieselbe Masse variables Kapital* auszulegen, er doppelt gewinnt, weil er nicht nur auf dasselbe Gesamtquantum eine *erhöhte Rate des Mehrwerts*, sondern dann zu *dieser erhöhten Rate des Mehrwerts ein grössres Quantum Arbeit* ausbeutet, although his variable capital has not increased in magnitude.

453 || Es hat sich also gezeigt:

1) bei *wechselnden Warenpreisen* kann die Rate und Masse des Mehrwerts *konstant bleiben*; und

2) bei *konstanten Warenpreisen* kann die Rate und Masse des Mehrwerts *variieren*.

Die Warenpreise überhaupt, wie dies entwickelt bei Betrachtung der Produktion des Mehrwerts, influenzieren ihn nur, soweit sie in die Reproduktionskosten des Arbeitsvermögens eingehen und daher seinen eignen Wert affizieren; eine Affektion, die in kürzeren Perioden durch entstehende Einflüsse paralysiert sein kann.

Aus 1) folgt, dass das aus der Entwicklung der Produktivkraft der Arbeit entspringende Sinken der Warenpreise, Verwohlfeilerung der Waren — abgesehen von dem Teil der Waren, die durch ihre Verwohlfeilerung das Arbeitsvermögen selbst verwohlfeilern (wie ihre Verteuerung es umgekehrt verteuert) — zwar einschliesst, dass weniger Arbeit in den einzelnen Waren materialisiert ist oder dieselbe Arbeit sich in einer grösseren Warenmasse darstellt, weswegen ein geringerer aliquoter Teil derselben auf die einzelne Ware fällt, schliesst aber an und für sich nicht ein, dass die *proportionelle Teilung* der in jeder einzelnen Ware enthaltenen Arbeit zwischen *bezahlter* und *unbezahlter* wechselt. Die entwickelten zwei Gesetze gelten allgemein für alle Waren, also auch für die, die nicht in die Reproduktion des Arbeitsvermögens direkt oder indirekt eingehen, deren Verwohlfeilerung oder Verteuerung also gleichgültig für die Bestimmung des *Werts* des Arbeitsvermögens selbst.

Aus 2) folgt — (sieh ad III und IIIa) — dass obgleich die *Warenpreise* dieselben bleiben, und die Produktivkraft der lebendigen Arbeit dieselbe bleibt, die unmittelbar in dem Produktionszweig angewandt wird, deren Resultat diese Ware — *Rate und Masse des Mehrwerts*

Следует вообще заметить, что когда вследствие понижения заработной платы (здесь — как следствие увеличенной производительной силы) необходимо *меньше переменного капитала* для применения данного количества труда, т. е. для применения *данного количества труда с большей* выгодой для капитала, благодаря тому, что оплаченная часть этого же количества падает по сравнению с неоплаченной, — то в тех случаях, когда капиталист продолжает вкладывать *прежнюю сумму переменного капитала*, он выигрывает вдвойне, так как он получает не только *повышенную норму прибавочной стоимости* на прежнюю общую сумму, но и эксплуатирует при *этой повышенной норме прибавочной стоимости большее количество труда*, хотя его переменный капитал не возрос в своей величине.

|| Итак, следовательно, обнаружилось:

453

1) при *изменяющихся товарных ценах* норма и масса прибавочной стоимости могут *оставаться постоянными*; и

2) при *постоянных товарных ценах* норма и масса прибавочной стоимости могут *изменяться*.

Товарные цены вообще, как это было развито при рассмотрении производства прибавочной стоимости, влияют на нее лишь поскольку они входят в издержки воспроизводства способности к труду и влияют таким образом на ее собственную стоимость; воздействие, которое в более краткие периоды может быть парализовано противоположными влияниями.

Из 1) следует, что вытекающее из развития производительной силы труда падение товарных цен, удешевление товаров, — оставляя в стороне ту часть товаров, которая своим удешевлением удешевляет самое способность к труду (как, наоборот, их вздорожание удорожает способность у труду), — означает*, правда, что в отдельных товарах **материализовано меньше труда**, или что то же самое количество труда выражается в большем количестве товаров, вследствие чего на отдельный товар падает меньшая кратная часть труда; но это удешевление само по себе не означает, что изменяется *пропорциональное деление* заключающегося в каждом отдельном товаре труда на *оплаченный и неоплаченный*. Два выведенных выше закона действительны вообще для всех товаров, следовательно и для тех, которые не входят, прямо или косвенно, в воспроизводство способности к труду, удешевление **или** вздорожание которых, следовательно, безразлично для определения *стоимости* самой способности к труду.

Из 2) следует — (смотри III и III-a) — что хотя *товарные цены* остаются теми же, и производительная сила живого труда, применяемого непосредственно в той отрасли производства, результатом

* [Дословно: включает. Ред.]

steigen können. (Es hätte ebenso entwickelt werden können das *Umgekehrte*, dass sie sinken können, wenn entweder der Gesamtarbeitstag verkürzt oder durch Verteuerung anderer Waren die *notwendige Arbeitszeit* bei gleichbleibendem Arbeitstag wächst.) Es ist dies der Fall, weil ein *variables Kapital von gegebener Grösse* sehr *ungleiche* Quanta Arbeit von gegebener Produktivkraft anwenden kann (und die Warenpreise bleiben dieselben, solange die Produktivkraft der Arbeit sich nicht ändert) oder *variables Kapital von variierender Grösse gleiche* Quanta Arbeit von gegebener Produktivkraft anwendet. Kurz, ein variables Kapital von bestimmter Wertgrösse setzt keineswegs stets dieselben Quanta lebendiger Arbeit in Bewegung und, soweit es daher als blosses Symbol für die Quanta Arbeit betrachtet wird, die es in Bewegung setzt, ist [es] ein Symbol von *variabler Grösse*.

Diese letzte Bemerkung — (ad 2) und das Gesetz 2)) zeigt, wie die Ware als *Produkt des Kapitals*, als *aliquoter Bestandteil des Kapitals*, als Träger des Kapitals, das sich verwertet hat und daher einen aliquoten Teil des vom Kapital geschaffenen Mehrwerts in sich enthält, anders betrachtet werden muss, als wir früher beim Beginn unserer Entwicklung der einzelnen selbständigen Ware betrachtet haben.

(Wenn wir von Warenpreisen sprechen, so hier immer unterstellt, dass der *Gesamtpreis* der vom Kapital produzierten Warenmasse = dem *Gesamtwert* dieser Masse und daher der *Preis* des aliquoten Teils der einzelnen Ware = dem aliquoten Teil jenes Gesamtwerts. *Preis* hier überhaupt nur der Geldausdruck von *Wert*. Von den Werten verschiedene Preise kommen überhaupt bisher in unserer Entwicklung noch nicht vor).

[454] || Die einzelne Ware — als Produkt des Kapitals, in der Tat als Elementarteil des reproduzierten und verwerteten Kapitals — zeigt ihren Unterschied von der einzelnen Ware, von der wir als Voraussetzung der Kapitalbildung ausgingen, von der *selbständig* betrachteten Ware, auch darin, — ausser dem bisher betrachteten, die Preisbestimmung betreffenden Punkte —, dass wenn die Ware zu ihrem Preis verkauft wird, der *Wert* des zu ihrer Produktion vorgeschossenen Kapitals, und noch minder der, in [dem] von diesem Kapital geschaffenen *Mehrwert* realisiert ist. Ja als blosser Träger des Kapitals, nicht nur materiell, als Teils des Gebrauchswerts, woraus das Kapital besteht, sondern als Träger des *Werts*, woraus das Kapital besteht — können Waren zu dem ihrem Wert entsprechenden Preis verkauft werden und dennoch *unter* ihrem Wert als *Produkt des Kapitals* verkauft sein und

которой являются эти товары, остается той же, — *норма и масса прибавочной стоимости* могут увеличиваться. (Можно было бы также развить *обратное*, что они могут падать, если сокращается совокупный рабочий день или если благодаря вздорожанию других товаров возрастает *необходимое рабочее время* при неизменном рабочем дне.) Это происходит потому, что *переменный капитал данной величины* может применять весьма *н е р а в н ы е* количества *труда данной производительной силы* (а товарные цены остаются неизменными, поскольку не изменяется производительная сила труда) или *переменный капитал изменяющейся величины* применяет *р а в н ы е* количества труда данной производительной силы. Короче, переменный капитал определенной величины стоимости отнюдь не приводит в движение всегда одни и те же количества живого труда; поэтому, поскольку он рассматривается как простой символ тех количеств труда, которые он приводит в движение, он есть символ *переменной величины*.

Это последнее замечание — (к 2-му и 2-й закон) показывает, что товар, как *продукт капитала*, как *кратная составная часть капитала*, как носитель увеличившегося в стоимости капитала, стало быть заключающий в себе кратную часть произведенной капиталом прибавочной стоимости, должен рассматриваться иначе, чем мы его рассматривали раньше в начале нашего исследования отдельного самостоятельного товара.

(Когда мы говорим о товарных ценах, то здесь всегда предполагается, что *совокупная цена* произведенной капиталом массы товара = *совокупной стоимости* этой массы, и поэтому *цена* кратной части, отдельного товара, равна кратной части этой совокупной стоимости; цена здесь вообще только — денежное выражение *стоимости*. Цены, отличные от стоимостей, вообще до сих пор в нашем изложении не рассматриваются.)

|| *Отдельный товар* — как продукт капитала, на деле как эле- [454]ментарная часть воспроизведенного и увеличившегося в стоимости капитала, — обнаруживает свое отличие от отдельного товара, из которого мы исходили как из предпосылки образования капитала, от рассматриваемого *самостоятельного* товара, еще в том, — кроме пункта, рассмотренного до сих пор, и касающегося определения цены, — что когда товар продается по своей цене, *стоимость* израсходованного на его производство капитала не реализуется и еще меньше реализуется созданная этим капиталом *прибавочная стоимость*. Как простые носители капитала — не только материально, как части потребительной стоимости, из которой состоит капитал, но и как носители *стоимости*, из которой состоит капитал — товары могут продаваться по цене, соответствующей их стоимости, и тем не менее быть проданными

als Bestandteile des Gesamtprodukts, worin nun das sich verwertet habende Kapital zunächst existiert.

In unserem obigen Beispiel reproduzierte sich ein Kapital von 100 £ in 1200 Ellen Leinwand, vom Preis von 120 £. Nach früher gegebener Auseinandersetzung können wir, da wir hatten $80, 20 \overset{c}{|} \overset{v}{20} \overset{m}{|}$ die Sache so darstellen, dass die 80 £ konstantes Kapital dargestellt sind in 800 Ellen oder $\frac{2}{3}$ des Gesamtprodukts; 20 £ variables Kapital oder Arbeitslohn in 200 Ellen oder $\frac{1}{6}$ des Gesamtprodukts und 20 £ Mehrwert ditto in 200 Ellen oder einem zweiten $\frac{1}{6}$ des Gesamtprodukts. Werden nun nicht 1 Elle, sondern z. B. 800 verkauft zu ihrem Preise = 80 £ und wären die zwei anderen Teile unverkaufbar, so wäre selbst von dem ursprünglichen Kapitalwert 100 nur $\frac{4}{5}$ reproduziert. Als Träger des Gesamtkapitals, d. h. als einziges *aktuelles Produkt* des Gesamtkapitals von 100, wären die 800 Ellen *unter ihrem Wert* verkauft, und zwar $\frac{1}{3}$ unter ihrem Wert, da der Wert des Gesamtprodukts = 120 und 80 nur = $\frac{2}{3}$ des Gesamtprodukts, das fehlende Wertquantum 40 aber gleich dem andern Drittel dieses Produkts, Diese 800 Ellen könnten auch, für sich betrachtet, *über ihrem Wert* verkauft werden und wären doch als Träger des Gesamtkapitals *zu ihrem Wert* verkauft, z. B. wenn sie selbst zu 90, die übrigen 400 Ellen aber zu nur 30 £ verkauft würden. Wir wollen aber vom Verkauf einzelner Portionen der Warenmasse *über* oder *unter* ihrem Wert ganz absehen, da nach der Voraussetzung die Waren überhaupt *zu* ihrem Wert verkauft werden.

- 455 ||Es handelt sich hier nicht nur darum, wie bei der selbständigen Ware, dass sie zu ihrem Wert, sondern dass sie als Träger des zu ihrer Produktion vorgeschossenen Kapitals und daher als *aliquoter Teil des Gesamtprodukts des Kapitals* zu ihrem Werte (Preise) verkauft wird. Werden von diesem Gesamtprodukt, 1200 Ellen = 120 £, nur 800 verkauft, so stellen diese 800 nicht $\frac{2}{3}$ aliquote Teile des Gesamtwerts, sondern den ganzen Gesamtwert vor, und repräsentieren also einen Wert von 120 und nicht von 80 und die einzelne Ware nicht $\frac{80}{800} = \frac{8}{80} = \frac{4}{40} = \frac{2}{20}$ £ = 2 sh., sondern $\frac{120}{800} = \frac{12}{80} = \frac{3}{20} = 3$ sh. Danach wäre die einzelne Ware um 50% zu teuer verkauft, würde sie zu 3 sh. statt zu zwei verkauft. Als aliquoter Teil des produzierten Gesamtwerts muss die einzelne Ware zu ihrem Preis verkauft werden

ниже их стоимости, как продукта капитала и как составных частей совокупного продукта, в котором теперь ближайшим образом существует увеличивший свою стоимость капитал.

В вышеприведенном нами примере капитал в 100 ф. ст. воспроизводился в 1200 аршинах полотна ценою в 120 ф. ст. Согласно прежде данному объяснению, так как мы имели 80^C , 20^V , 20^M , мы можем представить дело так, что 80 ф. ст. постоянного капитала представлены в 800 аршинах или $\frac{2}{3}$ совокупного продукта; 20 ф. ст. переменного капитала или заработная плата — в 200 аршинах или в $\frac{1}{6}$ совокупного продукта и 20 ф. ст. прибавочной стоимости — также в 200 аршинах или в последней $\frac{1}{6}$ всего продукта. Если же не один аршин, а, например, 800 продаются по их цене, равной 80 ф. ст., а две другие части не могут быть проданы, то даже из первоначальной стоимости капитала в 100 ф. ст. было бы воспроизведено только $\frac{4}{5}$. Как носители совокупного капитала, т. е. как единственный *действительный продукт* совокупного капитала в 100 ф. ст., 800 аршин были бы проданы *ниже их стоимости*, именно на $\frac{1}{3}$ ниже их стоимости, так как стоимость совокупного продукта равна 120, и 80 [ф. ст.] равны только $= \frac{2}{3}$ всего продукта, а недостающее количество стоимости 40 [ф. ст.] равно остальной $\frac{1}{3}$ этого продукта. Эти 800 аршин могли бы также, рассматриваемые сами по себе, быть проданы *выше* своей стоимости и были бы все-таки, как носители всего капитала, проданы *по их стоимости*, например, когда они сами были бы проданы за 90, а прочие 400 аршин только за 30 ф. ст. Но мы вообще совсем не будем касаться продажи отдельных частей товарной массы *выше* или *ниже* их стоимости, так как согласно нашему предположению товары вообще продаются *по их стоимости*.

|| Здесь речь идет не только о том, что товары продаются по своей 455 стоимости, как это имело место при анализе самостоятельного товара, но и о том, что они продаются по своей стоимости (цене) как носители авансированного на их производстве капитала и поэтому как *кратная часть совокупного продукта капитала*. Если из этого совокупного продукта, 1200 аршин $= 120$ ф. ст., будет продано лишь 800, то эти 800 представляют не $\frac{2}{3}$ части совокупной стоимости, а всю совокупную стоимость, и представляют, следовательно, стоимость в 120 ф. ст., а не в 80, а отдельный товар не $= \frac{80}{800} = \frac{8}{80} = \frac{4}{40} = = \frac{2}{20}$ ф. ст. $= 2$ шиллинга, а $= \frac{120}{800} = \frac{12}{80} = \frac{3}{20} = 3$ шиллинга. Таким образом отдельный товар продавался бы на 50% дороже обычного*, если бы он продавался за 3 шиллинга вместо 2-х. Как кратная часть произведенной совокупной стоимости отдельный товар

* Дословно: чересчур дорого. *Ред.*

und daher als *aliquoter Teil* des verkauften Gesamtprodukts. Sie muss verkauft werden nicht als selbständige Ware, sondern z. B. $\frac{1}{1200}$ des Gesamtprodukts, daher als Ergänzung zu den übrigen $\frac{1199}{1200}$. Es kommt darauf an, dass die einzelne Ware zu ihrem Preis $\times$ mit der *Anzahl*, welche den Nenner ihrer als aliquoten Teils bildet, verkauft wird.

(Es ergibt sich hier schon von selbst, dass da mit der *Entwicklung der kapitalistischen Produktion* und der ihr entsprechenden Verwohlfeilerung der Ware *ihre Masse* wächst, die *Anzahl* Waren, die verkauft werden müssen, *wächst*, also beständige *Ausdehnung des Markts* nötig ist, ein Bedürfnis für die kapitalistische Produktionsweise. Doch gehört this point better to the subsequent book). (Es ergibt sich daraus auch, warum, wenn der Kapitalist z. B. 1 200 Ellen zu 2 sh., er 1 300 nicht zu diesem Preise liefern könnte. Weil die zusätzlichen 100 vielleicht Vorkehrungen im konstanten Kapital etc. erheischen würden, die für eine Zusätzliche Produktion von 1 200 Ellen, aber nicht für die von 100 jenen Preis abwerfen würden usw.).

Man sieht hieraus, wie die Ware, als *Produkt des Kapitals* sich unterscheidet von der *einzelnen Ware*, *selbständig behandelt*, und wird sich dieser Unterschied mehr und mehr zeigen und mehr und mehr auch die Reale Preisbestimmung der Ware usw. affizieren, je weiter wir den kapitalistischen Produktions- und Zirkulationsprozess verfolgt haben werden.

Der Punkt, worauf ich hier aber noch speziell aufmerksam machen will, der:

Man hat in Ch. II, 3, dieses Ersten Buchs gesehen, wie die verschiedenen Wertteile des Produkts des Kapitals — Wert des konstanten Kapitals, Wert des variablen Kapitals und Mehrwert — einerseits in ihren *proportionellen Teilen* sich in jeder einzelnen Ware als aliquotem Teil des produzierten *Gesamtgebrauchswerts* und als aliquotem Teil des *produzierten Gesamtwerts* dargestellt sind, sich wiederholen; wie andererseits das Gesamtprodukt in gewisse Portionen, Quotitäten des produzierten Gebrauchswerts, Artikels geteilt werden kann, wovon ein Teil nur den Wert des konstanten Kapitals, der andre nur den des variablen, der dritte endlich nur den des Mehrwerts darstellt. Diese beiden Darstellungen, obgleich wie früher gezeigt, der Sache nach identisch, *widersprechen* sich in ihrer Ausdrucksweise. Denn in der letzteren Auffassung erscheinen die einzelnen Waren, die z. [B.] zu lot 1 gehören, das bloss den Wert des konstanten Kapitals reproduziert, so als ob sie nur vor dem Produktionsprozesse vergegenständlichte

должен продаваться по своей цене и, стало быть, как *кратная часть* проданного совокупного продукта. Он должен быть продан не как самостоятельный товар, а, например, как $\frac{1}{1200}$ совокупного продукта, стало быть, как дополнение к прочим $\frac{1199}{1200}$. Дело заключается в том, чтобы отдельный товар был продан по своей цене, *помноженный на количество*, которое является знаменателем его как кратной части.

(Отсюда уже само собой вытекает, что так как с *развитием капиталистического производства* и с соответствующим ему удешевлением товара *его масса* растет; *растет* количество товаров, которые должны быть проданы, то необходимо постоянное *расширение рынка*; [это] — потребность для капиталистического способа производства. Но этот пункт скорее относится к следующей книге.) (Этим также объясняется, почему, если капиталист, например, продает 1 200 аршин по 2 шиллинга, он не мог бы отпустить по этой цене 1 300. Ибо добавочные 100 аршин, может быть, потребовали бы нововведений в постоянном капитале и т. д., которые бы оправдали эту цену при добавочном производстве в 1200 аршин, а не при производстве в 100 и т. д.).

Отсюда видно, как товар, как *продукт капитала*, отличается от *отдельного товара*, рассматриваемого *самостоятельно*, и это различие будет все более и более обнаруживаться и все более и более влиять и на реальное определение цены товаров, чем дальше мы будем прослеживать процесс капиталистического производства и обращения.

Пункт, на который я здесь, однако, еще специально хочу обратить внимание, следующий:

В главе II, 3 этой первой книги мы видели, как различные части стоимости продукта капитала — стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочная стоимость — с одной стороны, представляются, повторяются в своих *пропорциональных частях* в каждом отдельном товаре как кратной части произведенной *совокупной потребительной стоимости* и как кратной части *произведенной совокупной стоимости*; как, с другой стороны, совокупный продукт может быть разделен на известные части, доли произведенной *потребительной стоимости*, предмета, из которых одна часть представляет лишь стоимость постоянного капитала, другая — лишь стоимость переменного капитала, третья, наконец, — лишь прибавочную стоимость. Хотя эти оба выражения, как раньше было показано, по существу тождественны, они *противоречивы* в способе их выражения. Ибо в последнем понимании отдельные товары, принадлежащие к *первой части*, воспроизводящей просто стоимость постоянного капитала, выступают так, как будто они выражают только

Arbeit darstellten. Also z. B. die 800 Ellen = 80 £ = dem Wert des vorgeschossenen konstanten Kapitals nur den Wert des konsumierten Baum[woll]garns, Oels, Kohlen, Maschinerie etc., aber keinen Wertpartikel der neu zugesetzten Webarbeit darstellen, während doch andererseits als *Gebrauchswert betrachtet*, jede Elle Leinwand ausser dem in ihr enthaltenen Flachs etc. ein bestimmtes Quantum Webarbeit enthält, das ihr eben die Form der Leinwand gegeben hat, und in ihrem *Preis* von 2 sh., 16 d. als Reproduktion des in ihr aufgezehrten konstanten Kapitals, 4 d. für Arbeitslohn, 4 d. in ihr materialisierte unbezahlte Arbeit enthält. Dieser scheinbare Widerspruch — dessen Mangel an Lösung, wie man später sehn wird, zu fundamentalen blunders in der Analyse Anlass gegeben — ist at first view, für den, der nur den *Preis* der einzelnen Ware im Auge hält, ganz so *verwirrend*, wie etwa der kurz vorher aufgestellte Satz, dass die einzelne Ware oder ein bestimmtes Quotum des Gesamtprodukts zu seinem Preis *unter* seinem Preis; *über* seinem Preis zu seinem Preis und sogar *über* seinem Preis *unter* seinem Preis verkauft werden kann. Ein Beispiel dieser Konfusion Proudhon (verte).*

(Der Preis der Elle im obigen Beispiel bestimmt, nicht isoliert, sondern als aliquoter Teil des Gesamtprodukts.)

456 || (Das vorher über die *Preisbestimmung Entwickelte* habe ich früher so dargestellt (es sind vielleicht einzelne Ausdrücke daraus der vorhergehenden Darstellung einzuschieben []):

Ursprünglich fassten wir *die einzelne Ware selbständig*, als Resultat und direktes Produkt eines bestimmten Quantums Arbeit. Jetzt, wo sie *Resultat, Produkt des Kapitals*, ändert sich die Sache *formell* (später *wirklich* in den Produktionspreisen) dahin: Die produzierte Masse von Gebrauchswerten stellt ein *Quantum Arbeit* dar = dem *Wert des im Produkt enthaltenen und aufgezehrten konstanten Kapitals* (des von ihm auf das Produkt übertragenen Quantums *materialisierter Arbeit*) + des gegen das variable Kapital eingetauschten *Arbeitsquantums*, wovon ein Teil den Wert des variablen Kapitals ersetzt und der andre *Mehrwert* bildet. Ist die im Kapital enthaltene Arbeitszeit in Geld ausgedrückt = 100 £, wovon 40 £. variables Kapital ist und Rate des Mehrwerts = 50%, so drückt sich die Gesamtmasse der im Produkt enthaltenen Arbeit aus in 120 £. Bevor die Ware zirkulieren kann, muss ihr *Tauschwert* vorher in *Preis* verwandelt werden. Ist das Gesamtprodukt daher nicht ein einziges kontinuierliches

* [Diese Angabe bezieht sich auf Seite 457 des Manuskripts, S. 222 ff. dieses Bandes. D. Red.]

овеществленный до процесса производства труд. Следовательно, например, 800 аршин = 80 ф. ст. = стоимости авансированного постоянного капитала представляют только стоимость потребленной льняной пряжи, масла, угля, машин и т. д., но не представляют никакой части вновь приложенного труда ткача, между тем как, с другой стороны, *рассматриваемый как потребительная стоимость*, каждый аршин полотна, кроме содержащегося в нем льна и т. д., содержит определенное количество труда ткача, которое именно придало ему форму полотна, и в своей *цене* в 2 шилл. содержит 16 пенсов, воспроизводящих потребленный им постоянный капитал, 4 пенса, возмещающих заработную плату, и 4 пенса — материализованный в нем неоплаченный труд. Это кажущееся противоречие, — неумение разрешить его, как увидим позже, дало повод к фундаментальным ошибкам в анализе, — с первого взгляда совершенно также *сбивает с толку* того, кто имеет в виду только *цену* отдельного товара, как, примерно, несколько ранее выставленное положение, что отдельный товар или определенная доля совокупного продукта может продаваться *по* своей цене *ниже* своей цены, *выше* своей цены *по* своей цене и даже *выше* своей цены *ниже* своей цены. Пример этой путаницы — Прудон*.

(Цена аршина в вышеприведенном примере определяется не изолировано, а как кратной части совокупного продукта.)

|| (Выше сказанное об определении цены я прежде изложил та- 456
ким образом: (может быть отдельные выражения оттуда следует
включить в предыдущее изложение []):

Первоначально мы брали *отдельный товар самостоятельно*, как результат и прямой продукт определенного количества труда. Теперь, когда он — *результат, продукт капитала*, дело изменяется *формально* (позже *действительно* в ценах производства) таким образом: Произведенная масса потребительных стоимостей представляет *количество труда*, равное *стоимости заключающегося в продукте и потребленного постоянного капитала (переданного им продукту количества материализованного труда)* плюс обмененное на переменный капитал количество *труда*, одна часть которого возмещает стоимость переменного капитала, а другая образует *прибавочную стоимость*. Если содержащееся в капитале рабочее время, выраженное в деньгах, равно 100 ф. ст., из которых 40 ф. ст. составляют переменный капитал, и норма прибавочной стоимости = 50%, то совокупная масса содержащегося в продукте труда выражается в 120 ф. Прежде чем товар может войти в обращение, его *меновая стоимость* должна быть предварительно превращена в *цену*. Поэтому, если

* [Здесь пометка Маркса:] Перевернуть страницу. [Это указание относится к стр. 457 рукописи, стр. 223 и сл. настоящего тома. Ред.]

Ding, so dass sich das ganze Kapital in einer *einzelnen* Ware reproduziert, wie z. B. ein Haus — so muss das Kapital den *Preis* der einzelnen Ware berechnen, d. h. den Tauschwert der einzelnen Ware in Rechengeld darstellen. Je nach der verschiedenen Produktivität der Arbeit wird sich nun der *Gesamtwert* von 120 £ auf mehr oder weniger Produkte *verteilen*, der *Preis* der einzelnen Ware also im *umgekehrten Verhältnis* zur Gesamtanzahl der Waren, einen grösseren oder kleineren aliquoten Teil der 120 £ per Stück darstellen. Ist das Gesamtprodukt z. B. = 60 Tonnen Kohlen, so 60 Tonnen = 120 £ = 2 sh. per Tonne $= \frac{120 \text{ £}}{60}$; ist das Produkt = 75 Tonnen, so die Tonne $= \frac{120}{75} = 1 \text{ £}$ 12 sh., wenn = 240 Tonnen, so $= \frac{120}{240} = \frac{12}{24} = \frac{1}{2} \text{ £}$ usw. Der *Preis* der einzelnen Ware also $= \frac{\text{dem Gesamtpreis des Produkts}}{\text{Gesamtanzahl der Produkte}}$, der Gesamtpreis dividiert durch die Gesamtanzahl der Produkte, die nach verschiedenen Maassen, je nach dem Gebrauchswert des Produkts gemessen wird.

Ist so der Preis der einzelnen Ware = dem Gesamtpreis der vom Kapital 100 produzierten Warenmasse (Tonnenzahl) *dividiert* durch die Gesamtzahl der Waren (hier der Tonnen), so ist andererseits der *Gesamtpreis* des Gesamtprodukts = dem Preis der einzelnen Ware *multipliziert* mit der *Gesamtanzahl* der produzierten Waren. Ist mit der Produktivität die Masse der Waren * gestiegen, so die Anzahl, während der Preis der einzelnen Ware gefallen ist. Umgekehrt wenn die Produktivität abgenommen hat, wo der eine Faktor, der Preis steigt, und der andre Faktor, die Anzahl abnimmt. Solange *das ausgelegte Quantum Arbeit dasselbe*, stellt es sich im selben *Gesamtpreis* von 120 £ dar, wie viel davon immer auf die einzelne Ware falle mit ihrer im Verhältnis zur Produktivität der Arbeit variierenden Masse.

Ist der Preisteil, der auf das einzelne Produkt fällt — der aliquote Teil des Gesamtwerts — kleiner wegen der grösseren Anzahl Produkte, d. h. wegen der grösseren Produktivität der Arbeit, so ist auch der Mehrwertteil, der auf es fällt, kleiner, der aliquote Teil des Gesamtpreises, worin sich der Mehrwert von 20 £ ausdrückt, und der an ihm hängt. Dadurch wird aber das *Verhältnis* des Preisteils der einzelnen Ware, der Mehrwert ausdrückt, zu dem Preisteil der Ware, der Arbeitslohn oder bezahlte Arbeit darstellt, nicht alteriert.

* [Im Manuskript steht:] Produktivität der Waren die **Masse** [D. Red.]

совокупный продукт не есть один неделимый предмет, когда весь капитал воспроизводится в *единичном* товаре, как например, дом, то капитал должен вычислить *цену* отдельного товара, т. е. выразить меновую стоимость отдельного товара в счетных деньгах. В зависимости от различной производительности труда *совокупная стоимость* в 120 ф. ст. будет *делиться* на большее или меньшее количество продуктов, следовательно *цена* отдельного товара будет представлять, в *обратном отношении* к общему количеству товаров, большую или меньшую кратную часть 120 ф. ст. на единицу товаров. Например, если совокупный продукт = 60 тоннам угля, то 60 тонн = 120 ф. ст. = 2 ф. ст. за тонну = $\frac{120}{60}$ ф. ст.; если продукт = 75 тоннам, то тон-

на = $\frac{120}{75} = 1$ ф. ст. 12 шилл.; если = 240 тоннам, то = $\frac{120}{240} = \frac{12}{24} = \frac{1}{2}$ ф.

ст. и т. д. Итак, *цена* отдельного товара = $\frac{\text{совокупная цена продукта}}{\text{общее количество продуктов}}$, совокупная цена, разделенная на общее количество продуктов, которое измеряется различными мерами, соответственно потребительной стоимости продукта.

Если, таким образом, цена отдельного товара = совокупной цене произведенной капиталом в 100 ф. ст. массы товаров (числа тонн), *разделенной* на общее количество товаров (в данном случае тонн), то, с другой стороны, *общая цена* совокупного продукта = цене отдельного товара, *умноженной* на *общее число* произведенных товаров. Если с ростом производительности труда возросла масса товаров, то увеличилось их количество, между тем как цена, отдельного товара упала. Обратное происходит, когда производительность уменьшилась, тогда один фактор — цена — повышается, а другой фактор — количество — уменьшается. Пока *затраченное количество* труда неизменно, оно выражается в неизменной *совокупной цене* в 120 ф. ст., сколько бы из нее ни приходилось на отдельный товар сообразно его изменяющемуся в зависимости от производительности труда количеству.

Если часть цены, которая приходится на отдельный продукт, — кратная часть совокупной стоимости — мала вследствие большого количества продуктов, т. е., вследствие большей производительности труда, то меньше и падающая на него часть прибавочной стоимости, кратная часть совокупной цены, в которой выражается прибавочная стоимость в 20 ф. ст. и которая связана с продуктом. Но это не изменяет *отношения* той части цены отдельного товара, которая выражает прибавочную стоимость, к той части цены товара, которая представляет заработную плату или оплаченный труд.

Allerdings hat sich nun bei Betrachtung des kapitalistischen Produktionsprozesses [gezeigt], dass — abgesehen von der Verlängerung des Arbeitstages — mit der Verwohlfeilung der Waren, die den Wert des Arbeitsvermögens bestimmen, in den notwendigen Konsum des Arbeiters eingehn, die Tendenz vorhanden ist, das Arbeitsvermögen selbst zu verwohlfeilern, und daher gleichzeitig den *bezahlten* Teil der Arbeit zu verkürzen und den *unbezahlten* zu verlängern bei gleichbleibender Grösse des Arbeitstags.

Während also in der früheren Voraussetzung der Preis der einzelnen Ware in demselben Verhältnis, worin sie aliquoten Teil des Gesamtwerts bildet, in demselben Verhältnis, worin sie am Gesamtpreis partizipiert, auch an dem *Mehrwert* partizipiert, wird jetzt trotz des sinkenden Preises des Produkts der Teil dieses Preises, der Mehrwert darstellt, steigen. Dies aber nur der Fall, weil im *Gesamtpreis* des Produkts, infolge der vergrösserten Produktivität der Arbeit, der Mehrwert einen grösseren proportionellen Platz einnimmt. Derselbe Grund — die gewachsene Produktivität der Arbeit (das *Umgekehrte* wäre der Fall bei abnehmender Produktivität), die dasselbe Quantum Arbeit, denselben Wert von 120 £ sich in grösserer Produktenmasse darstellen lässt, daher den *Preis* der einzelnen Ware senkt, vermindert den *Wert des Arbeitsvermögens*. Obgleich daher der *Preis der einzelnen Ware sinkt*, obgleich das Gesamtquantum der in ihr enthaltenen Arbeit, daher ihr Wert, abnimmt, nimmt der proportionelle Bestandteil dieses Preises, der aus Mehrwert besteht, zu, oder in dem geringeren Gesamtquantum Arbeit, das in der einzelnen Ware, z. B. der einzelnen Tonne, steckt, steckt ein grösseres *Quantum unbezahlter Arbeit* als früher, wo die Arbeit unproduktiver, die Masse des Produkts kleiner, der Preis der einzelnen Ware höher war. In dem *Gesamtpreis* 120 £ steckt nun mehr unbezahlte Arbeit und daher in jedem aliquoten Teil dieser 120 £ []).

- 457 || Es sind ähnliche *puzzles*, die Proudhon verwirren, indem er nur auf Preis der einzelnen, selbständigen Ware sieht und nicht die Ware als *Produkt des Gesamtkapitals*, daher das Verhältnis betrachtet, worin sich das Gesamtprodukt mit seinen respektiven Preisen begrifflich teilt.

«Il est impossible que *l'intérêt du capital* (dies ist nur ein besonders benannter Teil des Mehrwerts) s'ajoutant dans le commerce au *salaire de l'ouvrier* pour composer le *prix de la marchandise*, l'ouvrier puisse racheter ce qu'il a lui-même produit. Vivre en travaillant est un principe qui, sous le régime de l'intérêt, implique contradiction». (105. *Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris 1850.*)

Впрочем, при рассмотрении капиталистического процесса производства [обнаружилось], что, — оставляя в стороне удлинение рабочего дня, — с удешевлением товаров, определяющих стоимость способности к труду, входящих в необходимое потребление рабочих, имеется на лицо тенденция удешевлять самую способность к труду и поэтому одновременно укорачивать *оплаченную* часть труда и удлинять *неоплаченную* при неизменной величине рабочего дня.

Следовательно, тогда как при прежнем предположении доля *прибавочной стоимости* в цене отдельного товара была пропорциональна той доле, которую эта цена составляет в совокупной стоимости, в совокупной цене, — то теперь, несмотря на падение цены продукта, часть этой цены, выражающая прибавочную стоимость, будет возрастать. Но это происходит только потому, что вследствие роста производительности труда прибавочная стоимость занимает пропорционально большее место в *совокупной цене* продукта. Та же самая причина, — возросшая производительность труда (*обратное* имело бы место при уменьшающейся производительности), вследствие которой то же количество труда, та же стоимость 120 ф. ст. представляется в большей массе продуктов и поэтому *цена* отдельного товара понижается, — уменьшает *стоимость способности к труду*. Поэтому хотя *цена отдельного товара падает*, хотя общее количество заключающегося в нем труда и, стало быть, его стоимость уменьшается, — пропорциональная составная часть этой цены, которая состоит из прибавочной стоимости, увеличивается, или в меньшем общем количестве труда, заключающегося в отдельном товаре, например, в отдельной тонне, заключается большее *количество неоплаченного труда*, чем прежде, когда труд был менее продуктивным, масса продукта была меньше, цена отдельного товара выше. В *совокупной цене* в 120 ф. ст. заключается теперь больше неоплаченного труда, а следовательно и в каждой кратной части этих 120 ф. ст.[]]

|| Подобные *загадки* сбили с толку Прудона, который обращает внимание только на цену отдельного самостоятельного товара, а не рассматривает товар как *продукт совокупного капитала* и поэтому не рассматривает той пропорции, в которой в понятии делятся соответственные цены совокупного продукта. 457

«Невозможно, чтобы рабочий был в состоянии опять купить то, что он сам произвел, когда *цена товара* в торговле *составляется* путем присоединения *процента на капитал* (это только носящая особое название часть прибавочной стоимости) к *заработной плате рабочего*. Жить работая, это — принцип, который заключает в себе противоречие при господстве процента». (*Безвозмездность кредита. Дискуссия между г. Фр. Бастиа и г. Прудоном. 1850, стр. 105.*)

Es ist ganz richtig: Um die Sache klar zu machen, nehmen wir an, der Arbeiter, «l'ouvrier», um den es sich handelt, sei die ganze Arbeiterklasse. Das Wochengeld, das sie erhält, und womit sie nun Lebensmittel zu kaufen hat etc., wird ausgelegt in einer Masse von Waren, deren *Preis*, jede einzelne und alle zusammen betrachtet, ausser einem Teil = Arbeitslohn, einen Teil = *Mehrwert* enthält, wovon der von Proudhon erwähnte Zins nur einen, und vielleicht relativ nur kleinen proportionellen Teil bildet. Wie ist es nun möglich, dass die Arbeiterklasse mit ihrer Wocheneinnahme, die nur = *Salair*, eine Warenmasse kaufen soll, die = *Salair* + *Mehrwert*? Da der Wochenlohn, für die ganze Klasse betrachtet, nur = der wöchentlichen Summe der Lebensmittel, folgt sonnenklar, dass der Arbeiter mit der erhaltenen Geldsumme die notwendigen Lebensmittel *nicht* kaufen kann. Denn die Geldsumme, die er erhalten = Wochenlohn, dem ihm bezahlten Wochenpreis seiner Arbeit, während der Preis der wöchentlich notwendigen Lebensmittel = dem Wochenpreis der in ihnen enthaltenen Arbeit + dem Preis, worin sich die unbezahlte Mehrarbeit darstellt. Ergo: «il est impossible que... l'ouvrier puisse racheter ce qu'il a lui-même produit. *Vivre en travaillant*» impliziert unter diesen Voraussetzungen daher «*contradiction*». Proudhon hat ganz Recht, soweit als der *Schein* geht. Wenn er aber statt die Ware selbständig zu betrachten, sie als Produkt des Kapitals betrachtet, so wird er finden, dass das Wochenprodukt sich in einen Teil zerlegt, dessen Preis = dem Arbeitslohn, = dem während der Woche ausgelegten variablen Kapital keinen *Surpluswert* etc. enthält, ein andrer Teil, dessen Preis nur = dem Surpluswert usw.; obgleich der Preis der Ware alle jene Elemente einschliesst etc., es ist aber grade nur jener erstre Teil, den der Arbeiter rückkauft (wobei für den vorliegenden Zweck gleichgültig, dass er bei diesem Rückkauf beschissen werden kann und wird von Epicier etc.).

So verhält es sich im Durchschnitt mit den Proudhonschen scheinbar tiefen und unentwirrbaren ökonomischen Paradoxen. Sie bestehen darin, dass er die Verwirrung, welche die ökonomischen Erscheinungen in seinem Kopf erzeugt, als das Gesetz der Erscheinung ausspricht.

(In der Tat ist sein Satz noch schlechter, weil er die Voraussetzung impliziert, dass der wahre Preis der Ware = dem in ihr enthaltenen *Salair*, = dem in ihr enthaltenen Quantum *bezahlter* Arbeit und

Совершенно правильно. Чтобы разъяснить вопрос, предположим, что рабочий, «l'ouvrier», о котором здесь говорится, — это весь рабочий класс. Недельная плата, которую он получает и на которую ему приходится покупать средства существования и т. д., расходуется на массу товаров, *цена* которых, рассматривая каждый из них отдельно и все вместе, кроме части, равной заработной плате, содержит часть, равную *прибавочной стоимости*, только одну и, может быть, относительно лишь небольшую пропорциональную часть которой составляет упоминаемый Прудонем процент. Как же возможно, чтобы рабочий класс с его недельным доходом, равным только заработной плате, мог купить массу товаров, равную заработной плате плюс прибавочная стоимость? Так как недельная заработная плата, рассматриваемая в отношении рабочего класса в целом, равна лишь недельной сумме средств существования, то ясно, как день, что рабочий на полученную им сумму денег *не* может купить необходимых средств существования. Ибо полученная им сумма денег равна недельной заработной плате, уплаченной ему недельной цене его труда, между тем как цена необходимых еженедельно средств существования равна недельной цене заключающегося в них труда плюс цена, в которой выражается неоплаченный прибавочный труд. Следовательно, «невозможно, чтобы... рабочий мог опять купить то, что он сам произвел. *Жить работая*» поэтому при этих предположениях заключает в себе «*противоречие*». Прудон совершенно прав, поскольку дело касается *видимости*. Но если он, вместо того, чтобы рассматривать товар самостоятельно, будет рассматривать его как продукт капитала, то он найдет, что недельный продукт распадается на одну часть, цена которой, равная заработной плате, равная израсходованному в течение недели переменному капиталу, не содержит *прибавочной стоимости* и т. д., [и] другую часть, цена которой равна лишь прибавочной стоимости и т. д.; хотя цена товара заключает в себе все те элементы и т. д., но рабочий вновь покупает лишь именно эту первую часть (при чем для данной цели безразлично, что он при этой обратной покупке может быть обманут и действительно обманывается мелочным торговцем и т. д.).

Так обстоит обычно с прудоновскими экономическими парадоксами, кажущимися глубокими и неразрешимыми. Они состоят в том, что ту путаницу, которую экономические явления выгивают в его голове, он изображает как закон явления.

(На деле его тезис еще хуже, потому что в нем заключается предположение, что истинная цена товара равна заключающейся в нем заработной плате, равна заключающемуся в нем количеству *оплаченного труда*, а *прибавочная стоимость*, процент и

der *Mehrwert*, Zins etc. nur ein *Aufschlag*, willkürlicher, über diesen wahren Preis der Ware ist.)

Aber noch schlechter ist seine Kritik durch die Vulgärökonomie. Z. B. Herr *Forcade* (hier ¹ die Stelle zu zitieren), macht ihm nicht nur bemerklich, dass sein Satz auf der einen Seite zu viel beweise, indem nach demselben die Arbeiterklasse überhaupt nicht leben könne, sondern dass er auf der andren Seite im Aussprechen des Paradoxen nicht weit genug gehe, indem ja der Preis der Waren, die der Arbeiter kauft, ausser dem *Salair* + Zins etc. auch noch Rohmaterial usw. (kurz die Preiselemente des konstanten Kapitals) einschliesse. Ganz richtig, *Forcade*. But what next? Er zeigt, dass das Problem in der Tat noch schwieriger ist, als Proudhon es hinstellt — und dies ist ein Grund für ihn, selbst nicht bis zu dem Umfang, worin P[roudhon] es aufgestellt, es *nicht* zu lösen, sondern mit einer (sieh Nr. ¹) nichtssagenden Phrase drüber wegzuschlüpfen.

458 ||In der Tat ist dies das Gute an Proudhons Manier, dass, indem er mit sophistischer Selbstgefälligkeit die Verwirrung der ökonomischen Phänomene offen ausspricht im Gegensatz zu den Vulgärökonomern, die sie zu vertuschen suchen, aber unfähig sind sie zu begreifen, ihre theoretische Jämmerlichkeit ans Licht gezogen wird. So bezeichnet Herr W. Thucydides *Roscher* Proudhons «*Qu'est-ce que [la] Propriété?*» als «verwirrt und verwirrend». In dem «verwirrend» ist das Gefühl der Ohnmacht der Vulgärökonomie gegenüber dieser Verwirrung ausgesprochen. Sie ist unfähig, die Widersprüche der kapitalistischen Produktion selbst in der verwirrten, oberflächlichen und sophistischen Form, worin Proudhon sie fasst und ihr an den Kopf wirft, zu lösen. Es bleibt ihr nichts übrig als von der ihr theoretisch unüberwindlichen Sophisterei zu appellieren an den «gemeinen» Menschenverstand und sich darauf zu berufen, dass ja doch die Dinge ihren Gang gehn. Ein schöner Trost für angebliche «Theoretiker».

(Nb. Dieser ganze Passus über Proudhon kömmt wohl besser in C. III, Buch II oder noch später.)

Jetzt ist zugleich die in Ch. I dargestellte Schwierigkeit gelöst. Werden die *Waren*, die das Produkt des Kapitals bilden, zu den durch ihren Wert bestimmten Preisen verkauft, verkauft also die gesamte Kapitalistenklasse die Waren *zu ihrem Wert*, so realisiert jeder einen Mehrwert, d. h. er verkauft einen Wertteil der Ware, der ihm nichts gekostet, den er nicht gezahlt hat. Der Gewinn, den sie wechselseitig machen, wird so nicht durch gegenseitige Uebervorteilung:

¹ *Forcade*

т. д. есть лишь *надбавка*, произвольная, к этой истинной цене товара.)

Но еще хуже критика его со стороны вульгарной экономии. Например, господин *Форкад* (здесь ¹ процитировать это место) обращает его внимание не только на то, что его тезис, с одной стороны, доказывает слишком много, так как, согласно этому тезису, рабочий класс вообще не мог бы существовать, но что он, с другой стороны, в формулировке парадокса идет недостаточно далеко, так как ведь цена товаров, которые рабочий покупает, кроме заработной платы плюс процент и т. д. включает также и сырой материал и т. д. (короче — элементы цены постоянного капитала). Совершенно правильно, Форкад. Но что же дальше? Он показывает, что проблема в действительности еще труднее, чем в том виде, как ее ставит Прудон, и это для него является основанием не решать ее даже в том объеме, как ее поставил Прудон, а отделаться от нее ничего не говорящей фразой (см. № 1).

В сущности в манере Прудона хорошо то, что когда он, с софистическим самодовольством, открыто формулирует путаницу экономических явлений в противоположность вульгарным экономистам, которые стараются ее затушевать, но неспособны ее понять, — их теоретическое убожество вытаскивается на свет. Так, господин В. Фукидид *Рошер* называет «*Что такое собственность?*» Прудона «запутанной и запутывающей». В слове «запутывающая» выражается чувство бессилия вульгарной экономии справиться с этой путаницей. Вульгарная экономия неспособна разрешить противоречия капиталистического производства даже в той запутанной, поверхностной и софистической форме, в какой их берет Прудон и обрушивает на голову этих экономистов. Вульгарной экономии больше ничего не остается, как апеллировать от теоретически непреодолимой для нее софистики к «простому» здравому смыслу и ссылаться на то, что ведь все-таки дела идут своим порядком. Прекрасное утешение для людей, которые выдают себя за «теоретиков».

(N. В. Все это место о Прудоне лучше, пожалуй, поместить в главе III 2-ой книги или еще позже.)

Теперь вместе с тем разрешена трудность, о которой говорилось в главе первой. Если *товары*, составляющие продукт капитала, продаются по ценам, определяющим их стоимостью, если, следовательно, весь класс капиталистов продает товары *по их стоимости*, то каждый реализует прибавочную стоимость, т. е. он продает часть стоимости товаров, которая ему ничего не стоила, которой он не оплатил. Таким образом, прибыль, которую они получают * достигается не

¹ *Форкад*.

* [Дословно: друг с другом делают. *Ред.*]

erreicht — diese kann nur darauf sich beziehen, dass der eine dem andren ein Stück des ihm zukommenden Mehrwerts abschnappt, — nicht dadurch, dass sie sich ihre Waren über ihrem Wert, sondern dass sie sich dieselben zu *ihrem Wert* verkaufen. Diese Voraussetzung, dass die Waren zu ihren Werten entsprechenden Preisen verkauft werden, bildet die Grundlage auch der im folgenden Buch enthaltenen Untersuchungen.

Das nächste Resultat des unmittelbaren kapitalistischen Produktionsprozesses, sein Produkt, sind *Waren*, in deren Preis nicht nur der Wert des vorgeschossenen, während ihrer Produktion konsumierten Kapitals ersetzt, sondern zugleich die während derselben Produktion konsumierte Surplusarbeit als *Surpluswert* materialisiert, vergegenständlicht ist. Als *Ware* muss das Produkt des Kapitals in den Austauschprozess der Waren, und damit nicht nur in den wirklichen Stoffwechsel eingehn, sondern zugleich jene Formverwandlungen durchmachen, die wir als Metamorphose der Waren dargestellt haben. Soweit es sich nur um die formellen Wandlungen — die Verwandlung dieser Waren in Geld und ihre Rückverwandlung in Waren handelt — ist der Prozess bereits in dem, was wir «einfache Zirkulation» nannten — die Zirkulation der Waren als solcher — dargestellt. Aber diese Waren sind jetzt zugleich Träger des Kapitals; sie sind das verwertete, mit Mehrwert geschwängerte Kapital selbst. Und in dieser Beziehung schliesst ihre Zirkulation, die jetzt zugleich Reproduktionsprozess des Kapitals, weitere Bestimmungen ein, die der abstrakten Betrachtung der Warenzirkulation fremd waren. Wir haben die Zirkulation der Waren daher jetzt zu betrachten als den *Zirkulationsprozess des Kapitals*. Dies geschieht im nächsten Buch *.

* [Hier endet das eigentliche Thema des VI. Kapiteis (in der Marxschen Numerierung des Manuskripts die Seiten 441 — 495 mit den Eienschiebseln S. 469a (96) bis 469 m (107) und 263 bis 264 (wovon der Aufaug, die Seite 262, fehlt); siehe in diesem Band die Seiten 4 — 228. Was nun folgt, sind einzelne Seiten, die offenbar um- und in die schon vorliegende Fassung hineinverarbeitet werden sollten. Wie bringen sie in der zufälligen Aufeinanderfolge, die entsteht, wenn man der Marxschen, grosse Lücken aufweisenden Numerierung derselben folgt. *D. Red.*]

взаимным обсчитыванием, — это последнее может состоять только в том, что один отхватывает у другого часть приходящейся тому прибавочной стоимости, — не тем, что они продают друг другу товары выше их стоимости, а тем, что они продают их друг другу по *их стоимости*. Эта предпосылка, что товары продаются по ценам, соответствующим их стоимости, составляет также основание исследований, содержащихся в следующей книге.

Ближайший результат непосредственного капиталистического процесса производства, его продукт, это — *товары*, в цене которых не только возмещается стоимость авансированного, потребленного во время их производства капитала, но вместе с тем материализован, овеществлен, как *прибавочная стоимость*, потребленный во время их производства прибавочный труд. Как *товар*, продукт капитала должен войти в процесс обмена товаров и тем самым не только войти в действительный обмен веществ, но и проделать вместе с тем те превращения формы, которые мы изобразили, как метаморфозы товаров. Поскольку дело касается только формальных превращений — превращения этих товаров в деньги и их обратного превращения в товар, — то этот процесс уже изображен в том, что мы называли «простым обращением» — обращением товаров, как таковых. Но эти товары теперь, вместе с тем, носители капитала; они теперь самый капитал, увеличившийся в стоимости, оплодотворенный прибавочной стоимостью. И в этом отношении их обращение, которое теперь вместе с тем [есть] процесс воспроизводства капитала, включает в себе дальнейшие определения, которые были чужды абстрактному рассмотрению обращения товаров. Поэтому нам теперь предстоит рассмотреть обращение товаров как *процесс обращения капитала*. Это делается в следующей книге *.

* [Здесь кончается рукопись шестой главы (по марксовой нумерации стр. 441 — 495 со вставками стр. 469а (96) по 469 m (107) и 263 — 264 (начало этой второй вставки, стр. 262, отсутствует); см. стр. 4 — 228 настоящего тома. Теперь следуют отдельные разрозненные страницы, которые очевидно должны были быть использованы при дальнейшей обработке. *Ред.*]

[EINZELNE SEITEN]

24 || <eine temporäre Verfügung über> sein Arbeitsvermögen. Sobald seine Arbeit wirklich beginnt, hat sie bereits aufgehört ihm zu gehören, kann also nicht mehr von ihm *verkauft* werden.

Die eigentümliche Natur dieser spezifischen Ware, des Arbeitsvermögens, bringt es mit sich, dass mit der Abschliessung des Kontrakts zwischen Käufer und Verkäufer die verkaufte Ware erst wirklich als Gebrauchswert in die Hände des Käufers * übergegangen ist. Der Tauschwert dieser Ware, gleich dem jeder andren Ware, ist bestimmt, bevor sie in Zirkulation tritt, weil sie als Vermögen, als Kraft verkauft wird und eine bestimmte Arbeitszeit erheischt war, um dieses Vermögen, diese Kraft zu produzieren. Der Tauschwert dieser Ware existiert daher vor ihrem Verkauf, aber ihr Gebrauchswert besteht erst in der nachträglichen Kraftäusserung. Die Veräusserung der Kraft und ihre wirkliche Aeusserung, d. h. ihr Dasein als Gebrauchswert fallen daher der Zeit nach auseinander. Es verhält sich wie mit einem Hause, dessen Gebrauch mir für einen Monat verkauft ist. Der Gebrauchswert ist mir hier erst geliefert, nachdem ich das Haus einen Monat bewohnt habe. So ist mir der Gebrauchswert des Arbeitsvermögens erst geliefert, nachdem ich es verbraucht habe, in der Tat für mich habe arbeiten lassen. Bei solchen Gebrauchswerten aber, wo die formelle Entäusserung der Ware durch den Verkauf und das wirkliche Ueberlassen ihres Gebrauchswerts an den Käufer der Zeit nach auseinander fallen, wirkt, wie wir früher gesehn, das Geld des Käufers erst als *Zahlungsmittel*. Das Arbeitsvermögen wird für den Tag, die Woche usw. *verkauft*, aber es wird erst *bezahlt*, nachdem es während eines Tags, einer Woche usw. konsumiert worden ist. In allen Ländern von entwickeltem Kapitalverhältnis wird das Arbeitsvermögen erst *bezahlt*, nachdem es funktioniert hat. Ueberall *schiesst* daher der Arbeiter dem Kapitalisten den Gebrauch seiner Ware *vor*, lässt sie vom Käufer konsumieren, *kreditiert* sie, bevor er ihren Tauschwert bezahlt erhält. In Zeiten von Krisen und selbst bei einzelnen Bankerotten zeigt sich, dass dies beständige Kreditieren der Arbeiter an die Kapitalisten, das aus der besondern Natur des verkauften Gebrauchswerts entspringt, kein leerer Wahn ist. ⁵²

* [Im Manuskript steht:] Verkäufers [D. Red.]

⁵² «L'ouvrier prête son industrie». *Storch. Cours d'Economie Politique*. Petersburger Ausgabe. 1815. t. II. p. 36, aber, setzt *Storch* schlau hinzu, er «*risque rien*» ausser de perdre... son salaire... l'ouvrier ne transmet rien de maté-

[ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ]

⟨временное право распоряжения⟩ его способностью к труду. Как 24 только его труд действительно начался, он перестает ему принадлежать, следовательно не может быть более им *продан*.

Своеобразная природа этого специфического товара, способности к труду, приводит к тому, что лишь с заключением договора между покупателем и продавцом проданный товар действительно переходит в руки покупателя *, как потребительная стоимость. Меновая стоимость этого товара, как и всякого другого товара, определена до того, как он вступает в обращение, так как он продается как способность, как сила, и требовалось определенное рабочее время, чтобы произвести эту способность, эту силу. Таким образом меновая стоимость этого товара существует до его продажи, потребительная же стоимость его заключается лишь в последующем проявлении силы. Поэтому отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е., ее бытие, как потребительной стоимости, не совпадают во времени. Дело обстоит так же, как с домом, пользование которым продано мне на один месяц. Потребительная стоимость отдана после того, как я прожил месяц в этом доме. Точно так же потребительная стоимость способности к труду отдана мне лишь после того, как я использовал ее, действительно заставил ее работать на меня. Но в отношении таких потребительных стоимостей, когда формальное отчуждение товаров путем продажи и действительная передача ее потребительной стоимости покупателю не совпадают во времени, деньги покупателя, как мы видели раньше, выступают сначала как *платежное средство*. Способность к труду *продается* на день, на неделю и т. д., но она *оплачивается* лишь после потребления ее в течение дня, недели и т. д. Во всех странах с развитыми капиталистическими отношениями способность к труду оплачивается лишь после того, как она функционировала. Следовательно, рабочий везде *авансирует* капиталисту свой товар, представляет его покупателю для потребления, *дает* его в *кредит*, прежде чем он получает оплату меновой стоимости этого товара. Во времена кризисов и даже при единичных банкротствах обнаруживается, что это постоянное кредитование капиталистов рабочими, которое вытекает из особого характера продаваемой потребительной стоимости, вовсе не пустая игра воображения ⁵².

* [В оригинале описка: продавца. *Ред.*]

⁵² «Рабочий *одалживает* свой труд» (*Шторх. Курс политической экономии*. Петербургское изд. 1815 г.; т. II, стр. 36) но, лукаво добавляет *Шторх*, он *«не рискует что-либо потерять... кроме своей заработной платы... Рабочий*

Indes ändert es an der Natur des Warenaustausches selbst nichts, ob Geld als Kaufmittel oder als Zahlungsmittel funktioniert. Der Preis des Arbeitsvermögens wird im Kauf kontraktlich festgesetzt, obgleich er erst später realisiert wird. Diese Form der Zahlung ändert ebenso wenig daran, dass diese Preisbestimmung sich auf den *Wert des Arbeitsvermögens* bezieht und weder auf den *Wert des Produkts*, noch auf den *Wert der Arbeit*, die als solche überhaupt nicht Ware ist.

Der *Tauschwert* des Arbeitsvermögens, wie sich gezeigt, wird gezahlt, wenn der Preis der Lebensmittel gezahlt wird, die in einem gegebenen Gesellschaftszustand gewohnheitsmässig notwendig sind, damit der Arbeiter sein Arbeitsvermögen mit dem notwendigen Grad von Kraft, Gesundheit, Lebensfähigkeit überhaupt ausübe und sich durch Ersatzmänner verewige ⁵³.

riel. (37. l. c.). «All labour is paid after it has ceased». (104. *An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand* etc. London, 1821). Andre praktische Konsequenzen, die aus dieser, übrigens in der Natur des Verhältnisses begründeten Zahlungsweise hervorgehn, gehören nicht in den Bereich unsrer Untersuchung. Jedoch mag ein Beispiel am Platz sein. In London existieren zweierlei Sorten von Bäcker, die «full priced», die das Brot zu seinem vollen Preise verkaufen, und die «undersellers», die es unter diesem Preis verkaufen. Letztre Klasse bildet über $\frac{3}{4}$ der gesamten Bäcker. (p. XXXII. Report des Regierungskommissars H. S. Tremenhere über die «Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc». London, 1862). Diese «undersellers» verfälschen grossenteils das Brot durch Beimischung von Alaun, Seife, Perlasche, Kalk, Derbyshire Steinmehl usw. (Siehe das oben zitierte Blue Book, ebenso den Bericht des «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» und C. Hassall's: «Adulterations Detected. 2nd edition. London 1861). Sir John Gordon erklärte vor dem Committee von 1855, dass infolge dieser Fälschungen «the poor men who lived on 2 lbs. of bread a day did not take in one fourth of that amount of nutrition», abgesehen von den «injurious effects on health». Aber ein Grund warum «ein sehr grosser Teil der arbeitenden Klasse», obgleich die Fälschung ihnen bekannt, das Alaun, Steinmehl usw. mit in den Kauf nimmt, führt Tremenhere (l. c. p. XLXVIII) an, dass es für sie «a matter of necessity is to take, from their baker, or from the chendler's shop whatever bread may be offered to them», weil sie, die den Arbeitslohn erst Ende der Woche erhalten, «only pay for the week's supply to the family at the week's end» und, fügt Tremenhere, mit Anführung der Zeugenaussagen hinzu, «it is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner».

⁵³ Petty bestimmt den Wert des täglichen Arbeitslohns als Wert des «daily food», das für den Arbeiter hinreicht «so as to live, labour, and generate». (69. *Political Anatomy of Ireland*. (1672) edition, London, 1691. Zitiere nach Dureau de la Malle).

«The price of labour is always constituted of the price of necessities». Der Arbeiter erhält nicht den entsprechenden Lohn, «whenever the price of necessities is such, that the labouring man's wages will not, suitably to his low rank and station, as a labouring man, support such a family as is often the lot of many of

Между тем характер товарообмена нисколько не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или платежного средства. Цена способности к труду устанавливается договором при покупке, хотя она реализуется лишь позднее. Эта форма оплаты также ничего не изменяет в том, что это определение цены относится к *стоимости способности к труду*, а не к *стоимости продукта* и не к *стоимости труда*, который как таковой вообще не есть товар.

Меновая стоимость способности к труду, как обнаружилось, оплачивается, если уплачивается цена средств существования, которые обычно необходимы при данном состоянии общества для того, чтобы рабочий применял свою способность к труду с надлежащей степенью силы, здоровья, жизнеспособности вообще и чтобы он себя увековечивал, создавая себе заместителей.⁵³

не передает *ничего материального* (там же, стр. 37). «Всякий труд оплачивается после того, как он прекратился» (*Исследование тех принципов о природе спроса и т. д.* Лондон, 1821, стр. 104). Другие практические выводы, вытекающие из этого определяемого, впрочем, самой природой отношения способа оплаты, не входят в рамки нашего исследования. Однако уместно привести один пример. В Лондоне существует два рода пекарей: продающие хлеб *по полной цене* и продающие его *ниже* этой цены. Последняя категория составляет более $\frac{3}{4}$ общего числа пекарей (Отчет правительственного комиссара Г. С. Тременхир о «Жалобах поденщиков-пекарей» и т. д. Лондон, 1862 г., стр. XXXII). Эти «продавцы, продающие по пониженной цене», большей частью фальсифицируют хлеб путем примешивания квасцов, мыла, очищенного поташа, извести, дербиширской каменной муки и т. д. (Смотри цитированную выше «Синюю книгу», а также отчет «Гомиссии 1855 г. по разоблачению фальсификации пищи» и работу доктора Эссоло: «Разоблачение фальсификации», 2-е изд. Лондон, 1861 г., Сэр Джон Гордон заявил перед Комитетом 1855 г., что вследствие этих фальсификаций «бедняк, который съедал 2 ф. хлеба в день, не получал питательных веществ и четверти этого количества», не говоря уже о «вредных последствиях для здоровья». Но в качестве основания, почему «значительная часть рабочего класса» терпит хлеб с большой примесью квасцов, каменной муки и т. д., хотя рабочим и известна фальсификация, Тременхир приводит следующее (цит. соч., стр. XLXVIII): «они вынуждены брать у своего пекаря или в лавке любой хлеб, который им предлагают», так как они, получая заработную плату лишь в конце недели, «платят только в конце недели за снабжение своей семьи в течение недели», и — прибавляет к этому Тременхир, ссылаясь на показания свидетелей — «известно, что хлеб, выпеченный из этих смесей, изготовляется специально для такого рода продажи».

⁵³ Петти определяет стоимость поденной заработной платы как стоимость «дневного пропитания», которое достаточно для рабочего, «чтобы жить, работать и размножаться». (*Политическая экономия Ирландии* (1672) изд. Лондон, 1691, стр. 69, цитирую по Дюро де-Ля-Маль.)

«Цена труда всегда образуется из цены предметов первой необходимости». Рабочий не получает соответственной заработной платы, «когда цена предметов первой необходимости такова, что заработная плата рабочего, *соответственно* его низкому рангу и положению как рабочего, недостаточна для прокормления

Wenn der Mensch sich vor allen andren Tieren durch Schrankenlosigkeit und Dehnbarkeit seiner Bedürfnisse auszeichnet, gibt es andererseits kein Tier, das seine Bedürfnisse in demselben unglaublichen Grad kontrahieren und sich auf dasselbe Minimum seiner Lebensbedingungen beschränken kann, mit einem Wort, kein Tier, welches dasselbe Talent zum *Verirrländern* besitzt. Von einem solchen *physi-*
 25 *schen Minimum* der Existenz ist nicht | die Rede, wenn es sich vom *Wert* des Arbeitsvermögens handelt. Wie bei jeder Ware kann beim Arbeitsvermögen sein Preis *über* seinen Wert steigen oder *unter* ihn fallen, also nach einer oder der andren Richtung von dem Preise abweichen, der nur der Geldausdruck des Wertes selbst ist. Das Niveau der Lebensbedürfnisse selbst, deren Gesamtwert den Wert des Arbeitsvermögens bildet, kann steigen oder sinken. Die Analyse dieser Schwankungen gehört jedoch nicht hierher, sondern in die Lehre vom Arbeitslohn. Es wird sich im Fortgang dieser Untersuchung zeigen,

them to have». (p. 19. *Jacob Vanderlint: Money answers all Things.* London, 1734.)

«Le simple ouvrier, qui n'a que ses bras et son industrie, n'a rien qu'autant qu'il parvient à vendre à d'autres sa peine... En tout genre de travail *il doit arriver et il arrive en effet*, que le salaire de l'ouvrier se borne à ce qui lui est nécessaire pour lui procurer sa subsistance». (*Turgot: «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses»*. (1766). *Oeuvres*, T. I, p. 10, édition Daire. Paris, 1844).

«The price of the necessities of life is, in fact, the cost of producing labour». 48, Note. *Malthus. Inquiry into etc. Rent. London, 1815*). «Aus einer verglichenen Uebersicht über Kornpreise und Arbeitslöhne seit der Regierung Edward's III, seit 500 Jahren also, folgt, dass die tägliche Einnahme des Arbeiters in diesem Land häufiger unter als über einem Peck Weizen ($= \frac{1}{4}$ Bushel) stand; dass ein Peck Weizen eine Art Mittelpunkt, eher etwas über dem Mittelpunkt, bildet, um den die Arbeitslöhne, im Korn ausgedrückt, je nach Nachfrage oder Zufuhr oszilliert haben». (*Malthus. Principles of Political Economy. 2nd edition. London, 1836. p. 254.*)

«The natural price of any article, is that... bestowed upon its production... Its (labour's) natural price... consists in such a quantity of the necessities and comforts of life, as, from the nature of the climate and the habits of the country, are necessary to support the labourer, and to enable him to rear such a family as may preserve, *in the market*, an undiminished supply of labour... The natural price of labour... though it varies under different climates, and with the different stages of national improvement, may, in any given time and place be regarded as very nearly stationary». (*R. Torrens: An Essay on the External Corn Trade. London. 1815. p. 55 — 65 passim*).

Если человек отличается от всех остальных животных безграничностью своих потребностей и их способностью к расширению, то, с другой стороны, нет ни одного животного, которое было бы способно до такой невероятной степени сокращать свои потребности и ограничиваться таким минимумом условий своей жизни; словом, нет ни одного животного, которое обладало бы талантом жить так, как живут в Ирландии *. Не о таком *физическом минимуме* уровня существования || идет речь, когда дело идет о *стоимости* способности к труду. Как и цена каждого товара, цена способности к труду может подниматься *выше* ее стоимости или падать *ниже* ее, стало быть отклоняться в ту или другую сторону от цены, которая есть лишь денежное выражение стоимости. Уровень жизненных потребностей, совокупная стоимость которых образует стоимость способности к труду, может, в свою очередь, повышаться или понижаться. Однако анализ этих колебаний относится не сюда, а к учению о заработной плате. В дальнейшем ходе настоящего исследования выяснится,

такой семьи, что часто выпадает на долю многих из них». (Яков Вандерлинт. *Деньги удовлетворяют всему*. Лондон, 1734, стр. 19.)

«Простой рабочий, который имеет только свои руки и свой труд, не имеет ничего, кроме того, что ему приходится продавать другим свой труд... При всех видах труда *должно случиться и действительно это так и случается*, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему необходимо для приобретения средств существования» (Тюрго. *Размышления об образовании и распределении богатства*. (1766 г.). Сочинения, изд. Дар, Париж, 1844 г., т. I, стр. 10).

«Цена предметов, необходимых для жизни, и составляет в действительности стоимость производящего труда». (Мальтус. *Исследование и т. д. ренты*. Лондон 1815 г., стр. 48, примечание.) «Из сравнительного обзора хлебных цен и заработной платы со времен Эдуарда III, т.-е. за 500 лет, получается вывод, что поденный доход рабочего в этой стране чаще был ниже, нежели выше, цены гарнца пшеницы ($\approx \frac{1}{4}$ бушеля); что гарнец пшеницы образует нечто вроде средней точки — скорее несколько выше средней точки, — вокруг которой колебалась в зависимости от спроса и предложения высота заработной платы, выраженная в пшенице». (Мальтус. *Начала политической экономии*. 2-е изд. Лондон, 1836 г., стр. 254.)

«Естественная цена любого товара это то... что затрачено на его производство... Его (труда) естественная цена... состоит из такого количества предметов первой необходимости и жизненных благ, какое, в зависимости от климата и обычаев страны, необходимо для поддержания жизни рабочего и для того, чтобы он мог вырастить семью, достаточную для сохранения на рынке неумешенного предложения труда. Естественная цена труда... хотя она различается в зависимости от различных климатических условий и различных стадий национального преуспеяния, может считаться в данном месте и в данное время почти постоянной». (Р. Торренс. *Опыт о внешней хлебной торговле*. Лондон, 1815 г., стр. 55 — 65 и в др. местах.)

* [Дословно: которое обладало бы подобным талантом обирландиться. Ред].

dass es für die Analyse des Kapitals ganz gleichgültig ist, ob man das Niveau der Arbeiterbedürfnisse hoch oder niedrig voraussetzt. Wie in der Theorie, wird übrigens auch in der Praxis vom Wert des Arbeitsvermögens als einer *gegebenen Grösse* ausgegangen. Ein Geldbesitzer z. B., der sein Geld in Kapital, z. B. in das Betriebskapital einer Baumwollfabrik, verwandeln will, erkundigt sich vor allem nach der durchschnittlichen Höhe des Arbeitslohns an dem Ort, wo er die Fabrik zu errichten beabsichtigt. Er weiss, dass wie die Baumwollpreise, so der Arbeitslohn beständig von dem Durchschnitt abweicht, aber er weiss zugleich, dass diese Schwankungen sich ausgleichen. In seinen Rechnungsanschlag geht der Arbeitslohn daher als eine *gegebene Wertgrösse* ein. Andererseits bildet der *Wert des Arbeitsvermögens* die bewusste und ausgesprochene Grundlage der *Trades' Unions*, deren Wichtigkeit für die englische Arbeiterklasse kaum überschätzt werden kann. Die *Trades' Unions* bezwecken nichts anderes als das *Sinken des Niveaus* des Arbeitslohns unter seine traditionell in verschiedenen Geschäftszweigen gegebene Höhe zu verhindern, das Herunterdrücken des *Preises* des Arbeitsvermögens unter seinen *Wert*. Sie wissen natürlich, dass ein Wechsel im Verhältnis der Nachfrage und Zufuhr* einen Wechsel im Marktpreis hervorbringt. Einerseits aber ist das Eintreten eines solchen Wechsels sehr verschieden von der einseitigen Behauptung des Käufers, in diesem Falle des Kapitalisten, dass solcher Wechsel eingetreten ist. Andererseits existiert «ein grosser Unterschied zwischen der durch Nachfrage und Zufuhr bestimmten Höhe des Arbeitslohns, d. h. der Höhe, welche die ehrliche (fair) Operation des Warenaustauschs ergibt, *wenn Käufer und Verkäufer auf gleichem Fusse verhandeln*, und der Höhe des Arbeitslohns, die der Verkäufer, der Arbeiter, sich gefallen lassen muss, wenn der Kapitalist mit jedem Mann *einzel*n verhandelt und eine Herabdrückung durch Exploitation der zufälligen Not Einzelner Arbeiter (die unabhängig von dem allgemeinen Verhältnis von Nachfrage und Zufuhr) diktiert. Die Arbeiter *kombinieren*, um sich *in dem Kontrakt über den Verkauf ihrer Arbeit* einigermaßen auf den Fuss der Gleichheit mit dem Kapitalisten zu setzen. Dies ist das *Rationale* (der logische Grund) der *Trades' Unions*»⁵⁴. Was sie bezwecken ist, «dass die zufällige unmittelbare Bedürftigkeit eines Arbeiters ihn nicht zwingt, sich mit geringerem Arbeitslohn zu begnügen, als Nachfrage und Zufuhr *vorher*, in dem bestimmten Arbeitszweig festgesetzt hat»⁵⁵

⁵⁴ J. T. Dunning (Secretary to the London consolidated society of bookbinders). *Trades, Unions and Strikes: their philosophy and intention*. London. 1860. p. 6, 7.

⁵⁵ l. c., p. 7.

* [Im Manuskript steht:] Zufrage [D. Red.]

что для анализа капитала совершенно безразлично, исходим ли мы из предположения высокого или низкого уровня потребностей рабочих. Как в теории, так, впрочем, и на практике исходят из стоимости способности к труду как *данной величины*. Так, например, владелец денег, который хочет превратить свои деньги, предположим, в производительный капитал хлопчатобумажной фабрики, прежде всего наводит справки о средней заработной плате в том месте, где он намеревается основать фабрику. Он знает, что как цены на хлопок, так и заработная плата постоянно отклоняются от среднего уровня, но он знает также, что эти колебания уравниваются. Поэтому в его сметную калькуляцию заработная плата входит как *стоимость данной величины*. С другой стороны, *стоимость способности к труду* составляет сознательную и открытую основу *трэд-юнионов*, значение которых для английского рабочего класса едва ли может быть переоценено. *Трэд-юнионы* имеют своей целью не что иное, как воспрепятствовать падению уровня заработной платы ниже его высоты, традиционно данной в различных отраслях хозяйства, воспрепятствовать снижению *цены* способности к труду ниже ее *стоимости*. Они, конечно, знают, что изменение соотношения спроса и предложения вызывает изменение рыночной цены. Но, с одной стороны, наступление такого изменения имеет место отнюдь не всегда, когда покупатель, в данном случае капиталист, односторонне утверждает, что такое изменение наступило. С другой стороны, существует «большая разница между уровнем заработной платы, определяемой спросом и предложением, т. е. уровнем, который вытекает из честного (справедливого) акта товарообмена, когда покупатель и продавец договариваются как равные, и уровнем заработной платы, на которую продавец, рабочий, вынужден согласиться, когда капиталист договаривается с каждым рабочим в *отдельности* и диктует снижение заработной платы, эксплуатируя случайную нужду отдельных рабочих (независимо от общего соотношения спроса и предложения). Рабочие *объединяются*, чтобы до некоторой степени *стоять на равной ноге с капиталистом при заключении договора о продаже их труда*. Это — *рациональная [сторона]* (логическое основание) *трэд-юнионов*»⁵⁴. Они ставят себе целью, «чтобы случайная непосредственная нужда рабочего не заставляла его довольствоваться более низкой заработной платой, чем та, которая была ранее установлена спросом и предложением в данной отрасли труда»⁵⁵,

⁵⁴ Т. Дэй. Дэннинг (Секретарь Лондонского объединенного союза переплетчиков). *Трэд-юнионы и стачки; их философия и назначение*, Лондон, 1860 г. стр. 6, 7.

⁵⁵ Цит. соч. стр. 7.

und so den *Wert* des Arbeitsvermögens in einer bestimmten Späre überhaupt unter sein gewohnheitsmässiges Niveau herabzudrücken. Dieser *Wert* des Arbeitsvermögens wird «von den Arbeitern selbst als das *Minimum des Lohns*, von dem Kapitalisten als *uniformer, gleichmässiger Arbeitslohn* für alle Arbeiter in einem Geschäft betrachtet» ⁵⁶. Die Unions erlauben daher ihren Mitgliedern nie *unter* diesem Minimum des Lohns zu arbeiten ⁵⁷. Sie sind von den Arbeitern selbst gestiftete Assekuranzgesellschaften hierzu. Ein Beispiel mag den Zweck dieser zur Protektion des *Werts* des Arbeitsvermögens gebildeten Kombinationen unter den Arbeitern erklären. In allen Geschäften in London gibt es sogenannte «*Sweaters*» (Ausschweisser). «Ein *Sweater* ist jemand, der es übernimmt, eine gewisse Quantität Werk zum gewohnheitsmässigen Arbeitslohn einem ersten Unternehmer zu liefern, es jedoch durch andre zu einem niedrigeren Preise verrichten lässt; diese Differenz, die seinen Profit bildet, ist aus den Arbeitern, die wirklich das Werk verrichten, *ausgeschweisst*» ⁵⁸ und stellt nichts vor als den Unterschied zwischen dem *Wert* des Arbeitsvermögens, der vom ersten Unternehmer *gezahlt* wird und dem *unter*

⁵⁶ l. c., p. 17.

⁵⁷ Es versteht sich, dass die Kapitalisten diesen «*uniform rate of labour*» als Eingriff in die persönliche Freiheit des Arbeiters denunzieren, als ein Hindernis, das den Kapitalisten hindere, dem Zug seines Herzens zu folgen und das besondere Talent usw. besonders zu belohnen. Herr Dunne *, dessen eben zitierte Schrift nicht nur die Sache trifft, sondern mit glücklicher Ironie behandelt, antwortet, dass die Trades' Unions dem Kapitalisten erlauben «to pay for superior skill, or working ability, as much more as he pleases», ihn aber verhindern, 99/100 der Lohnmasse, d. h. den Lohn des «common run of men», der Durchschnittsarbeiter in jedem Geschäft, unter das «*Minimum des Salairs*», d. h. den gewohnheitsmässigen Wert des durchschnittlichen Arbeitsvermögens herabzudrücken. Dass die Verbindungen der Arbeiter gegen den Despotismus des Kapitals von einem Edinburgh Reviewer (1860. Ueber die Combinations of Trade) als eine Sklaverei denunziert werden, der sich diese freeborn Britons in unbegreiflicher Verblendung freiwillig unterwerfen, ist in der Ordnung. Im Krieg wünscht man, dass die feindliche Armee sich nicht dem Despotismus der Disziplin unterwerfe. Aber der moralisch indignierte Reviewer entdeckt noch Schlimmeres. Die Trades' Unions sind ein Sacrilegium, denn sie verletzen die Gesetze des *Free Trade*! Quelle horreur! Herr Dunne * antwortet u. a.: «It would not be a *free exchange of blows*, if one of the parties were to have one arm disabled or tied down, while the other had the free use of {both... the employer wishes to deal with his men singly, so that he whenever he pleases, may give the «sweaters» price for their labour; their right arm as bargainners being tied down by their necessities in its sale. This he calls *free trade*, but the freedom is all on his own side. Call it *trade*, if you will, it is not *free exchange*». (47, l. c.)

⁵⁸ l. c., p. 6.

* [Soll heissen:] Dunning [D. Red.]

снижая таким образом вообще *стоимость* способности к труду в определенной отрасли ниже ее обычного уровня. Эта *стоимость* способности к труду «рассматривается самими рабочими, как *минимум заработной платы*, а капиталистами, как *единообразная равномерная заработная плата* для всех рабочих данного предприятия»⁵⁶. Юнионы поэтому никогда не разрешают своим членам работать за плату *ниже* этого минимума⁵⁷. Они стали страховыми обществами, устроенными самими рабочими. Поясним примером цель этих объединений рабочих, созданных для защиты *стоимости* способности к труду. Во всех предприятиях Лондона есть так называемые «*выжиматели пота*». «*Выжиматель пота*, это — тот, который обязуется выполнить определенное количество работы для первого встречного предпринимателя за обычную заработную плату, но заставляет произвести эту работу других за более низкую цену; эта разница, которая составляет его прибыль, получена путем *выжимания пота* из рабочих, которые действительно произвели работу»⁵⁸, и представляет не что иное, как разность между *стоимостью* способности к труду, которую платит первый предприниматель, и ценой, *ниже*

⁵⁶ Цит. соч., стр. 17.

⁵⁷ Понятно, что капиталисты шельмуют этот «*единообразный уровень заработной платы*» как посягательство на личную свободу рабочего, которое мешает капиталисту следовать велениям своего сердца и особо оплачивать особый талант и т. д. Г. Даннинг — только что цитированная работа которого не только попадает в точку, но и освещает вопрос с меткой прозорливостью, — отвечает, что трэд-юнионы позволяют капиталисту «платить за высшую квалификацию или способность больше, сколько ему угодно», но мешают ему понижать девятию девять сотых массы заработной платы, т. е. заработную плату «середняка» — среднего рабочего в каждом предприятии — ниже «*минимальной заработной платы*», т. е. обычной стоимости средней способности к труду. Что эти объединения рабочих против деспотизма капитала шельмуются одним Единбургским обозревателем (1860. Об объединениях труда) как рабство, которому эти свободнорожденные британцы добровольно подчинились по непонятному ослеплению, — вполне в порядке вещей. На войне всякий желает, чтобы враждебная армия не подчинялась деспотизму дисциплины. Но морально возмущенный *обозреватель* раскрывает еще худшее. Трэд-юнионы совершают святотатство, так как они нарушают законы *свободной торговли*! Какой ужас! Г. Даннинг отвечает между прочим: «Это не было бы *свободным обменом ударов*, если у одной стороны одна рука была бы бессила или связана, в то время как другая сторона могла бы свободно пользоваться обеими руками... Предприниматель желает договариваться со своим рабочим в одиночку, чтобы, когда ему вздумается, платить «потогонную» цену за их труд; их правая рука, как продавцов, связана необходимостью для них продавать свой труд. Это предприниматель называет *свободной торговлей*, но свобода тут только на его стороне. Называйте это *торговлей*, если вам угодно, но это не *свободный обмен*». (цит. соч., стр. 47).

⁵⁸ Цит. соч. стр. 6.

dem Wert des Arbeitsvermögens stehenden Preis, den der *Ausschweisser* den wirklichen Arbeitern zahlt ⁵⁹. Es ist nun, nebenbei bemerkt, eine höchst charakteristische *...

259 Die Form des *Stücklohns* wird z. B. in den englischen Potteries benutzt, um junge apprentices (mit dem 13. Jahr) bei schwachem Stücklohn zu engagieren, so dass sie sich «zum grossen Nutzen ihrer Meister» grade in ihrer Entwicklungsperiode überarbeiten. Es wird dies offiziell als einer der Gründe der Degeneration der Bevölkerung in den Töpfereifabriken angegeben ⁴¹.

Die Steigerung des Gesamtarbeitslohns (z. B. des wöchentlichen) in den Arbeitszweigen, worin task work frisch eingeführt wird — Steigerung sage infolge der erhöhten Intensivität der Arbeit, sobald sie eine gewisse Höhe erreicht hat, wird für die masters selbst ein Grund zur Verkürzung des Arbeitslohns, weil sie ihn für höher halten als

⁵⁹ «Es hat sich eine philanthropische Assoziation in London gebildet, die bezweckt, Kaufkontrakte für Militärbekleidung zu denselben Preisen zu schliessen, welche die Regierung gegenwärtig den contractors zahlt und dennoch den verhungierenden Nähterinnen einen Aufschlag von 30% auf ihre gegenwärtigen Löhne zu zahlen. Dies Resultat wird nämlich erreicht durch die Beseitigung des «middleman», dessen Profite dem Menschenmaterial zu gut kommen sollen, aus dem er sie bisher herausgeschnitten hat. Mit allen Vorteilen, die die Gesellschaft gewähren kann, kann eine Nähterin nicht mehr verdienen als 1 shilling für 10 Stunden ununterbrochener Arbeit an Militärhemden, nämlich für zwei Hemden den Tag und bei Kleidungsstücken nicht mehr als 1 sh. 6 d. den Tag, für zwölfstündige Arbeit. Bei den jetzigen Kontraktverhältnissen schwanken ihre Löhne von 5 bis 8 d. für zehnstündige Arbeit, wobei sie noch das Garn usw. stellen müssen». (*Times*, 13. März 1860).

* [Hier bricht der Text der Seite 25 ab. D. Red.]

⁴¹ «There are, in the employ of the manufacturer, many youths who are taken as apprentices at the early age of 13 and 14 as flar-pressers and hollow-ware pressers. For the first two years they are paid weekly wages of 2 s. to 3 s. 6 d. per week. After that they begin to work on the *piece-work system*, earning journeymens' wages. «The practice», as Longe says, «of employing a great number of apprentices and taking them at the age of 13 and 14 is very common in a certain class of manufactories, a practice which is not only very prejudicial to the interests of the trade, but is probably another great cause to which *the bad constitutions of the potters is to be attributed*. This system, so advantageous to the employer, who requires quantity rather than quality of goods, tends directly to encourage the young potter greatly to overwork himself during the 4 or 5 years during which he is employed on the piece work system, but at low wages». The consequences of overwork in the hot stoves at that early age may readily be anticipated». (XIII. *Childrens' Employment Commission. First Report. London 1863*).

стоимости способности к труду, которую *выжиматель пота* платит действительным рабочим⁵⁹. Между прочим весьма характерно...*

Форма *сдельной заработной платы* применяется, например, в 259 английских горшечных мастерских, чтобы нанимать за низкую заработную плату малолетних учеников (начиная с 13 лет), чтобы они, «к большой выгоде их хозяев», работали сверх меры как раз в период их созревания. Это официально признается одной из причин вырождения населения, работающего на горшечных фабриках⁴¹.

Рост совокупной заработной платы (например, недельной) в тех отраслях производства, где только что введена поурочная заработная плата, — повышение, скажем, вследствие возросшей интенсивности труда, — как только этот рост достигает известной высоты, становится для хозяев основанием для снижения заработной платы, потому что они считают ее более высокой, чем это полезно

⁵⁹ «В Лондоне образовалась филантропическая ассоциация, которая ставит себе целью заключать договоры на пошивку военной одежды по таким же ценам, какие правительство в настоящее время платит контрагентам, и тем не менее обеспечить умирающим с голоду швеям 30%-ную надбавку к их нынешней заработной плате. Этот результат достигается именно путем устранения «посредника», прибыли которого должны поступить в пользу того человеческого материала, за счет которого он их до сих пор извлекал. При всех преимуществах, которые общество может предоставить, швея не может заработать более 1 шиллинга в 10 часов непрерывной работы над военными рубашками, именно за две рубашки в день, а при шитье предметов одежды — не более 1 шилл. 6 пенсов в день при 12 часовом труде. При нынешних договорных отношениях их заработная плата колеблется в размере от 5 до 8 пенсов за 10-часовой труд, при чем они должны еще сами давать нитки». («Таймс», 13 марта 1860 г.)

* [Здесь обрывается текст стр. 25. Ред.]

⁴¹ «У фабриканта работает много подростков, поступивших на работу в качестве учеников в раннем возрасте 13 и 14 лет и занятых изготовлением глиняной посуды. В течение первых двух лет они получают от 2 шилл. до 3 шилл. 6 п. в неделю. После этого они начинают работать по *сдельной системе работы*, получая заработок поденщика. «Практика», по заявлению Лонга, «применять труд значительного количества подростков с 13 и 14-летнего возраста очень распространена в определенной категории производств, практика, которая не только крайне вредна для интересов производства, но помимо того является вероятно серьезной причиной, объясняющей *скверное состояние [здоровья] гончаров*. Эта система, столь выгодная для предпринимателя, требующего скорее количества, чем качества товаров, непосредственно содействует тому, чтобы поощрять юных гончаров *сильно надрабатываться на работе* в течение 4 или 5 лет, когда они работают на сдельной системе, но за низкую заработную плату». Легко можно предвидеть последствия чрезмерной работы у горячих печей в этом раннем возрасте». (Комиссия по детскому труду. Первый отчет. Лондон, 1863 г., стр. XIII).

dem Arbeiter gut ist. Task-work als ein Mittel zur Erniedrigung des Arbeitslohns so direkt denunziert ⁴².

Es muss an und für sich klar sein, dass die Art *wie* der Arbeitslohn ausgezahlt wird, an und für sich nichts an seiner Natur verändert, obgleich die Art der Zahlung — die übrigens der manchmal technischen Natur der Arbeit nach nur eine oder die andre Weise zulässt — mehr als die andre die Entwicklung des kapitalistischen Produktionsprozesses begünstigen mag.

Es ist klar, dass die *individuellen* Verschiedenheiten des Arbeitslohns, die mit dem Stücklohn freieres Spiel haben als mit dem Zeitlohn, nur Abweichungen von dem Niveau des Arbeitlohns sind. Aber der Stücklohn, wenn nicht durch andre Umstände paralysiert, hat eine Tendenz, dies Niveau selbst herabzudrücken*.

Arbeitslohn als der *Gesamtpreis* der täglichen Durchschnittsarbeit, widerspricht dem Begriff des Werts. Jeder *Preis* muss reduzierbar sein auf einen *Wert*, da der Preis an und für sich nur der Geldausdruck des Werts ist und der Umstand, dass aktuelle Preise über oder unter dem ihrem Wert entsprechenden Preis stehn, ändert nichts daran, dass sie ein, wenn im vorausgesetzten Fall auch *quantitativ* zu grosser oder zu kleiner — quantitativ inkongruenter Ausdruck des Werts der Ware sind. Aber hier beim *Preis der Arbeit* wäre *qualitative* Inkongruenz.

Note 16. *Zu p. 244.* «When corn forms a part of the subsistence of the labourer, an increase in its natural price, necessarily occasions an increase in the natural price of labour; or, in other words, when it requires a greater quantity of labour to procure subsistence, a greater quantity of labour, or of its produce, must remain with the labourer, as his wages. But, as a greater quantity of his labour, or (what is the same thing) of the produce of his labour, becomes necessary to the subsistence of the labouring manufacturer, and is consumed by him while at work, a smaller quantity of the productions of labour will remain with the employer». (235, 236. *R. Torrens: An Essay on the External Corn Trade.* 1815).

260 ¶ Da der Wert einer Ware = der in ihr enthaltenen notwendigen Arbeit, so wäre der Wert eines Arbeitstages — der sonst unter

⁴² «Indeed, the main objection in different trades *to working by the piece* is the complaint that, when the men are found to earn good wages at it, the employer wishes to reduce the price of the work, and that it is so often made use of as a means or reducing wages. (Dunne **, l. c. p. 22).

* [Der vorstehende Absatz im Manuskript einmalig quer durchgestrichen. *D. Red.*]

** [Soll heissen:] *Dunning* [*D. Red.*]

рабочему. Таким образом, поурочная плата и разоблачается как прямое средство снижения заработной платы ⁴².

Должно быть само по себе ясно, что способ, *каким* уплачивается заработная плата, сам по себе ничего не меняет в ее природе, хотя один способ оплаты,— который, впрочем, иногда зависит от технических особенностей труда, допускающих только тот или иной способ,— может больше чем другой благоприятствовать развитию процесса капиталистического производства.

Ясно, что *индивидуальные* различия в заработной плате, которым сдельная плата открывает больший простор, чем повременная плата, суть лишь отклонения от уровня заработной платы. Но сдельная плата, если это не парализуется другими обстоятельствами, имеет тенденцию понижать самый этот уровень *.

Заработная плата, как *совокупная цена* дневного среднего труда, противоречит понятию стоимости. Всякая *цена* должна быть сводима к *стоимости*, так как цена сама по себе есть только денежное выражение стоимости, и то обстоятельство, что действительные цены стоят выше или ниже цены соответствующей их стоимости, ничего не меняет в том, что они суть — в предполагаемом случае слишком большое или слишком малое — *количественно* несовпадающее выражение стоимости товара. Но здесь в *цене труда* было бы *качественное* несовпадение.

Примечание 16, к стр. 244. «Когда хлеб составляет часть средств существования рабочего, повышение естественной цены хлеба неизбежно вызывает повышение естественной цены труда; или, другими словами, когда требуется большее количество труда для того, чтобы добыть средства существования, большее количество труда или его продукта должно остаться у рабочего в виде его заработной платы. Но, так как большее количество его труда или (что одно и то же) продукта его труда становится необходимым для существования трудящегося производителя и потребляется им пока он работает, меньшее количество продукта труда остается у предпринимателя» (Р. Торренс. *Опыт о внешней хлебной торговле*. 1815 г., с.235, 236).

|| Так как стоимость товара равна содержащемуся в нем необходимому труду, то стоимость рабочего дня — когда труд выполняется 260

⁴² «В различных отраслях промышленности главное возражение против *сдельной работы* сводится к тому, что когда рабочие получают хороший заработок, *предприниматель стремится понизить цену за труд*, и что эта система часто используется в качестве средства снижения заработной платы» (Даннинг, цит. соч., стр. 22).

* [Этот абзац в рукописи перечеркнут вертикальной чертой. *Ред.*]

den adäquaten Produktionsbedingungen verrichtet wird und mit dem durchschnittlichen, *gewöhnlichen* gesellschaftlichen Mass von Intensivität und Geschick — gleich dem in ihm enthaltenen Tag Arbeit, was Unsinn ist und gar keine Bestimmung abgibt. Der *Wert der Arbeit* — d. h. der Preis der Arbeit (qualitativ) von seinem Geldausdruck entblösst — ist also ein irrationeller Ausdruck und in der Tat bloss eine verwandelte und verkehrte Form für den *Wert des Arbeitsvermögens*. (*Preis*, der nicht auf *Wert* reduzierbar ist, sei es unmittelbar oder durch eine Reihe Mittelglieder, drückt irgend einen bloss zufälligen Austausch von irgend etwas gegen Geld aus. Und so können Dinge, die der Natur der Sache nach keine *Waren* sind und daher in diesem Sinn extra commercium hominum, durch ihren Austausch gegen Geld in *Waren* verwandelt werden. Daher der Zusammenhang zwischen Venalität und Korruption und Geldverhältnis. Da das Geld die verwandelte Gestalt der Ware ist, sieht man ihm nicht an, wo es herkommt, was in ihm verwandelt ist, Gewissen, Jungfernschaft oder Erdäpfel).

Aber ganz ebenso irrationell wie der Zeitlohn als unmittelbarste Form des Arbeitslohns, ist der Stücklohn, wenn er unmittelbar als Ausdruck eines Wertverhältnisses dienen soll. Es ist z. B. in einem Stück Ware (abgesehen von dem in ihr enthaltenen konstanten Kapital) eine Arbeitsstunde vergegenständlicht = 6 d. sage. Der Arbeiter erhält 3 d., oder der *Wert dieses Stücks* mit Bezug auf den Arbeiter ist nicht durch den in ihm enthaltenen *Wert*, als gemessen durch die Arbeitszeit, bestimmt. In der Tat drückt dieser Stücklohn daher *unmittelbar* kein Wertverhältnis aus. Es handelt sich nicht darum, den Wert des Stücks durch die in ihm enthaltene Arbeitszeit zu messen, sondern umgekehrt, die notwendige Arbeitszeit, die der Arbeiter verrichtet hat, durch das Stück zu messen. Der Lohn, den er erhält, ist demnach *Zeitlohn*, indem das Stück nur den Beruf hat, die Zeit zu messen, für die er den Lohn erhält, und als Garantie zu dienen, dass er nur *notwendige Arbeitszeit* angewandt, also mit der gehörigen Intensivität gearbeitet hat, ausserdem seine Arbeit (als Gebrauchswert) die gehörige Qualität besessen. Der *Stücklohn* ist also nichts als eine *bestimmte Form* des Zeitlohns, der seinerseits nur die verwandelte Form für den *Wert des Arbeitsvermögens*, respektive der diesem Wert quantitativ entsprechenden oder von ihm abweichenden *Preise des Arbeitsvermögens*. Wenn der Stücklohn die Tendenz hat, grossen Spielraum für die Individualität des Arbeiters

при прочих соответствующих условиях производства и со средней, *обычной* общественной мерой интенсивности и ловкости — была бы равна содержащемуся в нем одному дню труда, что является бессмыслицей и не соответствует никакой цели *. Таким образом, *стоимость труда*, — т. е. цена труда, (качественно) освобожденная от своего денежного выражения, — есть иррациональное выражение и на деле лишь превращенная и извращенная форма для *стоимости способности к труду*. (Цена, которая несводима к *стоимости*, выражает, непосредственно или при помощи ряда посредствующих звеньев, какой-либо лишь случайный обмен чего-нибудь на деньги. И таким образом вещи, которые по природе своей не *товары* и поэтому в этом смысле *extra commercium hominum* [вне людского общения], могут благодаря своему обмену на деньги превращаться в товары. Отсюда связь между продажностью и коррупцией и — денежным отношением. Так как деньги суть превращенный образ товара, то по ним не видно, какого они происхождения — и что превращено в них — совесть, девственность или картофель.)

Но совершенно так же иррациональна, как и повременная плата, в качестве наиболее непосредственной формы заработной платы, столь же иррациональна и сдельная плата, когда она должна служить непосредственным выражением отношения стоимости. Например, в штуке товара (оставляя в стороне заключающийся в нем постоянный капитал) овеществлен один час труда, равный 6 пенсам. Рабочий получает 3 пенса, т. е. *стоимость этой штуки* по отношению к рабочему не определяется содержащейся в нем *стоимостью*, измеряемой рабочим временем. Поэтому эта сдельная плата на деле не выражает *непосредственно* отношения стоимости. Дело не в том, чтобы измерить стоимость штуки товара содержащимся в ней рабочим временем, а, наоборот, в том, чтобы затраченное рабочим необходимое рабочее время измерить штукой товара. *Поэтому* плата, которую он *получает*, есть *повременная плата*, так как штука товара имеет лишь назначение измерять время, за которое рабочий получает плату, и служить гарантией того, что он применил лишь *необходимое рабочее время*, т. е. работал с надлежащей интенсивностью, и что, кроме того, его труд (как потребительная стоимость) обладал надлежащим качеством. Следовательно, *сдельная плата* есть не что иное, как *определенная форма* повременной платы, которая, со своей стороны, есть лишь превращенная форма *стоимости способности к труду*, или количественно соответствующих этой стоимости или отклоняющихся от нее *цен способности к труду*. Если сдельная плата имеет тенденцию предоставлять большой простор

* [Дословно: не представляет собой никакого назначения. *Ред.*]

zu lassen, also den Lohn einzelner Arbeiter über das allgemeine Niveau mehr oder minder zu erheben, treibt er ebenso sehr dazu, den Lohn andrer Arbeiter unter das Niveau zu senken und dies Niveau selbst durch die aufgestachelte und aufs äusserste gespannte Konkurrenz der Arbeiter, zu fällen.

Insofern die Intensivität der Arbeit — bei sonst gleichen Umständen — gemessen wird durch die Masse Produkt, die der Arbeiter in einer bestimmten Zeit liefert, muss man, wenn man die Zeitlöhne (z. B. den Lohn des Arbeitstags von gegebener Länge) in verschiedenen Ländern vergleicht, zugleich vergleichen, wie sich diese Löhne verhalten, wenn als Stücklohn ausgedrückt. Man erhält erst dadurch das wahre Verhältnis zwischen notwendiger und Mehrarbeit, oder zwischen Arbeitslohn und Mehrwert. Es wird sich dann oft finden, dass obgleich der scheinbare Zeitlohn höher in reichen Ländern, der Stücklohn höher in armen Ländern ist, der Arbeiter hier also in der Tat einen grössern Teil des Arbeitstags zur Reproduktion seines Salairs erheischt als dort, also die Rate des Mehrwerts hier kleiner ist als dort und der verhältnismässige Arbeitslohn daher grösser. In der Tat also der reale Preis der Arbeit hier höher ist als dort. Verschiedene Nationen betrachtet, macht ausser der Dauer und der vom einzelnen Arbeiter unabhängigen Produktivität die Intensivität ebenso grossen Unterschied, wie die Dauer des Arbeitstags. Der intensivere Nationale Arbeitstag gilt = dem weniger intensiven $+x$. Nimmt man den Arbeitstag der Gold und Silber produzierenden Länder als das Mass des internationalen Arbeitstags an, so wird sich der intensivere englische Arbeitstag von 12 Stunden z. B. in mehr Gold ausdrücken als der weniger intensive spanische; d. h. er wird höher im Verhältnis zu dem mittleren im Gold und Silber realisierten Arbeitstag stehn. Ein höherer nationaler Arbeitslohn, den gesamten Tag von einer gegebenen Länge betrachtet, höher nicht nur dem Gebrauchswert, sondern dem Tauschwert nach und daher auch im Geldausdruck (gegebenen Wert von Gold und Silber vorausgesetzt, muss höherer Geldausdruck immer mehr Wert und niedrigerer immer minder Wert ausdrücken; die Geldlöhne der Arbeiter bei verschiedenen Nationen *gleichzeitig* betrachtet, ist der *Wert von Gold und Silber* stets als gegeben vorausgesetzt, da selbst ein *Wechsel* in diesem Wert für die verschiedenen Nationen *gleichzeitig*, also soweit ihr

индивидуальности рабочего, т. е. поднимать плату отдельного рабочего в большей или меньшей степени выше общего уровня, то она в точно такой же степени ведет к понижению платы других рабочих ниже этого уровня и к понижению самого этого уровня благодаря обостренной и крайне напряженной конкуренции среди рабочих.

Поскольку интенсивность труда — при прочих равных обстоятельствах — измеряется количеством продукта, которое рабочий доставляет в определенное время, необходимо при сравнении повременных плат (например, оплаты рабочего дня данной продолжительности) в различных странах одновременно сопоставить отношение этих плат, если они выражены в форме сдельной платы. Только таким образом мы получаем истинное отношение между необходимым и прибавочным трудом или между заработной платой и прибавочной стоимостью. Тогда часто окажется, что хотя видимая повременная плата выше в богатых странах, сдельная плата выше в бедных странах; т. е., здесь * рабочему, в действительности, требуется большая часть рабочего дня для воспроизводства его заработной платы, чем там; т. е. норма прибавочной стоимости здесь меньше, чем там, и относительно ая заработная плата поэтому больше. Таким образом на деле реальная цена труда здесь выше, чем там, стало быть, больше. При рассмотрении различных наций — помимо продолжительности и независимой от сдельного рабочего производительности — интенсивность обуславливает столь же большое различие, как и продолжительность рабочего дня. Более интенсивный национальный рабочий день считается равным менее интенсивному $+x$. Если взять рабочий день производящих золото и серебро стран в качестве единицы измерения международного рабочего дня, то более интенсивный английский 12 часовой рабочий день, например, выразится в большем количестве золота, чем менее интенсивный испанский; т. е. он будет стоять выше по отношению к среднему реализованному в золоте и серебре рабочему дню. Более высокая национальная заработная плата, если рассматривать совокупный рабочий день данной продолжительности, выше не только по потребительной стоимости, но и по меновой стоимости, а следовательно и в денежном выражении (предполагая данную стоимость золота и серебра, более высокое денежное выражение всегда должно выражать больше стоимости и более низкое всегда — меньше стоимости; если рассматривать денежную заработную плату рабочих различных наций *одновременно*, то *стоимость золота и серебра* всегда предполагается данной, так как даже *изменение* этой стоимости происходит *одновременно* для различных наций, т. е. поскольку дело касается

* [Т. е. в бедных странах. *Ред.*]

wechselseitiges Verhältnis angeht, *kein* Wechsel vorhanden ist), unterstellt also in der Tat keinen höhern *Preis der Arbeit*, als Preis für bestimmtes Arbeitsquantum. Bei längerer Arbeitsdauer, wie, was international dasselbe, bei grösserer Intensivität der Arbeit, kann der Arbeitslohn in dem einen Land höher sein als in dem andern, aber erstens dennoch einen kleinern Teil des Gesamttags ausmachen, also relativ kleiner sein und zweitens selbst einen geringeren *Preis der Arbeit* darstellen. Z. B. erhält der Arbeiter täglich 3 sh. für 12 Stunden, so ist das weniger als wenn sein Taglohn $2\frac{1}{2}$ sh. für 11 Stunden beträgt. Denn die eine Stunde Mehrarbeit schliesst eine viel grössere Abnutzung, also raschere Reproduktion des Arbeitsvermögens ein. Noch grösser wäre der Unterschied, wenn die $2\frac{1}{2}$ sh. für 10, und die 3 für *

- 379 «Although skill and mechanical science may do much, the preponderance of the *vital element is essential in the extension of manufactures*. The system of *morcellement*, in preventing a rapid development of the population, has thus tended indirectly to retard the extension of manufactures. It has also had that effect in a direct manner. It has retained a large population attached to and occupied upon the soil. The cultivation of the soil is their primary occupation — that which is followed with pride and contentment — their employment in spinning, weaving, and the like is but a subsidiary one necessary for their support. Their savings are hoarded for the purpose of increasing their inheritance and they are not prone to wander from home in search of fresh occupation or new habits. (Also grade hier, wo saving = hoarding relatively to a high degree still exists, and is able to exist under the given circumstances, is the *formation of capital*, relatively speaking, and the *development of capitalistic production*, prevented, in comparison to England, by the very same economical conditions that are favourable to the hoarding etc.). The position of a proprietor, the possession of a house, of a plot of ground, is the chief object also of the factory operative, and of almost every poor man who has not already a property; in fact, all look to the land.. From

* [Die Seiten 261 und 262 fehlen. Statt dieser fehlenden Fortsetzung liegt ein als Seite 379 bezeichnetes Blatt vor, das sich dem Thema nach einigermassen ungezwungen dem vorstehenden Text anschliesst und von Marx überschrieben ist: *ad b) Verschiedne Zentralisation der Produktionsmittel bei verschiedenen Völkern.* [Auf dieses Stichwort folgt der nachstehende Text. D. Red.]

их *взаимного* отношения, не происходит *никакого* изменения), на деле, стало быть, не предполагает более высокой *цены труда*, чем цена за определенное количество труда. При большей продолжительности труда, как и при большей интенсивности труда, что одно и то же в международном масштабе, заработная плата может в одной стране быть выше, чем в другой, но, во-первых, тем не менее составлять меньшую часть совокупного рабочего дня, т.е. быть относительно меньше, и, во-вторых, в свою очередь, представлять меньшую *цену труда*. Например, если рабочий получает ежедневно 3 шиллинга за 12 часов, то это меньше, чем если его заработная плата составляет $2\frac{1}{2}$ шиллинга за 11 часовый день. Ибо этот один час прибавочного труда означает гораздо большую изнашиваемость, стало быть [необходимость] более быстрого воспроизводства способности к труду. Различие было бы еще больше, если бы $2\frac{1}{2}$ шиллинга рабочий получал за 10, а 3 за...*

| «Хотя ловкость и технические знания имеют большое значение, 379 но преобладание *живого элемента* существенно для *расширения промышленности*. Система *парцелирования*, препятствуя быстрому росту населения, задерживала таким образом косвенно развитие промышленности. Она приводила к этому результату также и прямым путем. Она удерживала значительную часть населения прикрепленной к земле и занятой на ней. Обработка земли, это — их основное занятие, которое выполняется с гордостью и удовлетворением, между тем как прядение, ткачество и тому подобное, это — вспомогательные занятия, необходимые для их существования. Они копят свои сбережения для увеличения наследства и они не склонны уходить с родины в поисках новых занятий или новых навыков. (Следовательно, как раз здесь, где сбережения и накопления имеются в относительно высокой степени, и их наличие возможно при данных обстоятельствах, *образованию капитала*, относительно говоря, и *развитию капиталистического производства* по сравнению с Англией мешают как раз те экономические условия, которые благоприятствуют накоплению и т. д.) Быть собственником, владеть домом, участком земли, составляет также основную цель фабричного рабочего и почти каждого бедняка, не владеющего еще собственностью; в сущности, все стремятся к

*[Следующие страницы рукописи 261—262 отсутствуют. Вслед за этим расположена страница, на которой, повидимому, не Марксом поставлен номер 379 и содержание которой в известной мере связано с предметом предыдущего изложения. Эта страница озаглавлена Марксом:] *к b) Различная централизация средств производства у разных народов.* [За этим заголовком следует текст. *Ред.*]

this description of the character and occupations of a very numerous class of the French people, it will be readily inferred that, unlike that of England, the manufacturing industry of France is represented by small establishments, (zeigt sich hier wie nötig die Expropriation von Grund und Boden nötig für die Entwicklung der grossen Industrie) some moved by steam and water, many dependent for their moving power upon animal labour and many factories still entirely employing manual labour only. The *characteristic of French industry* is well described by Baron C. Dupin, as *consequent upon the system of the tenure of land*. He says: «As France is the country of divided properties, that of small holdings, so it is the country of the division of industry, and of small workshops». (67, 68. *Rep[ort] of Ins[pectors] of Fact[ories]*. 31. Oct. 1855). Derselbe Factory Inspector (A. Redgrave) gibt (für 1852) eine Uebersicht der französischen *textile manufactures*, of whatever importance, woraus folgt, dass <die treibende Kraft *Steam* 2,053 (Pferdekraft), *Water* 959 und *Other Mechanical Power* 2,057>. (p. 69, l. c.)¹. Er vergleicht diesen return mit dem return of the number of factories etc., presented to the House of Commons in 1850, und zeigt daraus «the following remarkable difference between the system of textile manufacture of England and that of France». Nämlich folgendes Resultat:

380 | «The number of factories in France is 3 times as large as those in England, while the number of persons employed in them is *only* $\frac{1}{5}$ greater; but the very different proportions of machinery and moving power will be best shown by the following comparison:

	France	England
Number of Factories	12,986	4,330
Number of persons Employed	706, 450	596,082. In der Tat in Frankreich unter factories aufgezählt, was in England garnicht zu dieser Kategorie gerechnet wird.

^a Was als vorläufige (ursprüngliche) Akkumulation des Kapitals erscheint, ist in der Tat nur Verselbständigung der Produktionsbedingungen — ihre Loscheidung vom selfemploying producer und seine Verwandlung in Lohnarbeiter. Im Text ist dies gezeigt an der Manufaktur. Klar dies z. B. aber auch an dem Verhältnis des farming capitalist und des Bauern etc. «La grande culture n'exige pas une plus grande masse de capitaux que la petite ou la moyenne culture; elle en

земле... Из этого описания характера и занятий весьма многочисленного класса французского народа с очевидностью вытекает, что промышленность Франции, в отличие от английской, представлена мелкими предприятиями (отсюда видно, как необходима экспроприация земли для развития крупной промышленности), из которых некоторые приводятся в движение паром и водой, для многих двигательной силой служит труд животных, многие же фабрики все еще применяют исключительно ручной труд. Эта характеристика французской промышленности, вытекающая из системы землевладения, хорошо изложена бароном Л. Дюпен. Он говорит: «Так как Франция — страна распыленной земельной собственности, мелких земельных участков, то она также страна распыленной промышленности, мелких мастерских». (*Отчет фабричных инспекторов, 31 октября 1855 г.*, стр. 67, 68). Тот же фабричный инспектор (А. Редгрэв) дает (за 1852 г.) обзор французской текстильной промышленности по отраслям различного значения, откуда следует, что $\angle$ двигательная сила пара — 2.053 (лошадиных сил), воды — 959 и других механических двигателей — 2.057 $\angle$. (цит. соч., стр. 69)^а. Он сравнивает этот отчет с отчетом о количестве фабрик и т. д., представленным Палате общин в 1850 г., и на основе его показывает «следующую примечательную разницу между системой текстильной промышленности в Англии и Франции». А именно — следующий результат:

«Число фабрик во Франции втрое превышает число фабрик в 380 Англии, между тем как количество занятых в них рабочих лишь на $\frac{1}{5}$ больше; весьма различное соотношение машин и людской силы лучше всего видно из следующего сопоставления:

	Франция	Англия
Число фабрик	12 986	4 330
Количество занятых лиц	706 450	596 082
		Во Франции к фабрикам причисляются предприятия, которые в Англии совершенно не фигурируют в этой категории.

^а То, что выступает в качестве предварительного (первоначального) накопления капитала, есть на деле лишь приобретение самостоятельности условиями производства — их отделение от самостоятельного производителя и его превращение в наемного рабочего. В тексте это показано на примере мануфактуры. Но это ясно также и на отношении фермера-капиталиста и крестьянина и т. д. «Обработка земли в крупном масштабе не требует большей

Average Number of Persons in each factory	54	137
Average Number of spindles to each person		
Employed	7	43 also 6 mal so viel in England als in Frankreich.
Average Number of Persons to each loom	2	2 (Powerloom only)
	(Power und handloom)	

Es sind danach in Frankreich *mehr* Personen employed als in England, aber auch nur, weil im englischen Return alle handloom weaving ausgeschlossen; aber auf das average establishment kommen in England mehr als 2 mal so viel, wie in France $\left(\frac{54}{136} = \frac{27}{68} = \frac{13}{34} = \frac{1}{3} \text{ beinahe}\right)$, also grössere agglomeration der Personen unter dem Commando desselben Kapitals. In Frankreich 3 mal soviel Fabriken, aber nur $\frac{1}{5}$ mehr Personen darin beschäftigt, also *weniger* Personen beschäftigt im Verhältnis zur Zahl der establishments. Ferner mit Bezug auf die mass of machinery coming upon each person, in England 6 mal soviel spindles als in Frankreich. Wären alle Personen Spinner, so kämen auf Frankreich 4,945,180 spindels, in England auf $\frac{1}{5}$ weniger. So in England 1 power loom auf 2 persons, in France 1 power or 1 hand loom.

Persons 596, 082
 43
 ———
 1788246
 2384328
 ———
 25,631,526

In England 25,631,526. Ferner the steam power employed in factories of Great Britain = 108,113 horses; the proportion of persons employed about $5\frac{1}{2}$ persons to each horse power of steam; the proportion of France upon this estimate should give a steam power = 128,409 horses, whereas the *whole* of the steam power of France was in 1852

exige moins au contraire, aber in diesen verschiedenen Systemen müssen die Kapitalien verschieden distribuiert sein; dans la grande culture les capitaux appliqués à l'agriculture doivent se trouver entre les mains d'un petit nombre d'hommes qui salarient les bras qu'ils emploient». (p. 218. 2-ème livraison, 1825. Mathieu de Dombasle: «Annales Agricoles de Roville»).

Среднее количество лиц на каждой фаб- рике	54	137
Среднее количество веретен на занятое лицо	7	43, стало быть в Англии в 6 раз больше чем во Франции.
Среднее количество лиц на станок . . .	2	
	(паровых и ручных станков)	2 (только паровых станков)

Согласно этому во Франции оказывается *больше* занятых лиц, чем в Англии, но это объясняется лишь тем, что из английского отчета исключены все ручные ткачи; но в среднем на предприятие в Англии приходится вдвое больше рабочих, чем во Франции $\left(\frac{54}{136} = \frac{27}{68} = \frac{13}{34} = \text{почти } \frac{1}{3} \right)$, стало быть большее объединение лиц под командой одного и того же капиталиста. Во Франции имеется втрое больше фабрик, но на них занято лишь на $\frac{1}{5}$ больше лиц, стало быть занято *меньше* лиц по отношению к *количеству предприятий*. Далее, в отношении количества машин на одно лицо в Англии приходится в 6 раз больше веретен, чем во Франции. Если бы все [эти] лица были прядильщиками, на Францию приходилось бы 4 945 150 веретен, в Англии на $\frac{1}{5}$ меньше. Так, в Англии приходится 1 паровой станок на 2 рабочих, во Франции 1 паровой или 1 ручной станок.

Лиц 596 082	В Англии 25 631 526. Далее применяемая на
43	фабриках в Англии паровая сила = 108 113 л. с.;
1 788 246	в отношении к числу занятых лиц это со-
2 384 328	ставляет около $5\frac{1}{2}$ лиц на одну паровую л. с.;
25 631 526	соотношение во Франции, основанное на
	этом же исчислении, дало бы паровую силу =
	= 128 409 л. с., между тем как <i>вся</i> паровая сила была во Франции

массы капитала, чем мелкая или средняя; напротив, она требует... [относительно] меньше капитала, но в этих различных системах капиталы должны быть различно распределены; при крупной обработке применяемые в земледелии капиталы должны находиться в руках незначительного количества людей, оплачивающих нанимаемых ими рабочих» (*Матье де Домбаль «Ровильский Сельскохозяйственный Ежегодник», 1825 г., 2-е изд., стр. 217*).

only = 75,518 horses, produced by 6,080 steam-engines, of the average power of less than $12\frac{1}{2}$ horses to each; while the number of steam engines employed in the textile factories of France appears to have been in 1852 2053 and the power of those engines to be equal to 20,282 horses, distributed as follows:

	Factories	Power in horses
Employed in spinning only	1,438	16,494
» » weaving only	101	1,738
» » finishing etc.	242	612
» » other processes	272	1,438
	2,053	20,282
	(p. 70, l. c.)	

«The absence, in France, of the bones and sinews of manufactures, coal and iron must ever retard her progress as a manufacturing country» (l. c.).

Auf den einzelnen Arbeiter in der englischen Fabrik kommt viel mehr Arbeitsmaschinerie und Treibbewegungsmaschinerie (Mechanic Power), also auch viel mehr Rohstoff von ihm verarbeitet in *derselben* Zeit, compared to the Frenchmen. The productive power of his labour is, therefore, much greater, as is the capital that employs him. The number of establishments much smaller in England than in France. The number of workingmen employed on the average, in one single establishment, much greater in England than in France, although the total number employed in France greater than in England, although in a small proportion only, compared to the number of establishments.

Es zeigt sich hier, dass infolge von historischen etc. Umständen, die verschieden eingewirkt haben auf die *relative Grösse der Konzentration der Produktionsmittel*, entsprechend relativ grösserer oder kleinerer *Expropriation* der Masse der unmittelbaren Produzenten, sehr verschiedene Entwicklungsstufe der Produktivkräfte und der *kapitalistischen Produktionsweise* überhaupt. Es ist dies aber grade im umgekehrten Verhältnis zum «saving» und «hoarding» des unmittelbaren Produzenten selbst, der in Frankreich sehr gross verglichen mit England. Die Stufenleiter, worauf die surpluslabour der producers can be «saved» and «hoarded» and «accumulated» and brought together in great masses, id est *concentrated*, can be used as capital, corresponds exactly to the degree in which their surpluslabour is hoarded etc. by their employers instead of by themselves; corresponds, therefore, to the degree in which the great mass of the real

в 1852 г. = лишь 75 518 л. с., мощности, которую дали 6 080 паровых машин со средней мощностью меньше, чем в $1\frac{1}{2}$ л. с. на каждую машину; между тем как количество паровых машин, применяемых на текстильных фабриках, в 1852 г. во Франции составляло 2 053, мощность этих машин равнялась 20 282 л. с. и была распределена следующим образом:

	Фабрики	Лошадиных сил
Занятых только прядением	1 438	16 494
» » ткачеством . . .	101	1 738
» » отделкой и т. д.	242	612
другими процессами	272	1 438
	2 053	20 282

(цит. соч., стр. 70).

«Отсутствие во Франции костей и мускулов промышленности, угля и железа, неизбежно задерживает ее развитие как промышленной страны» (цит. соч.).

На отдельного рабочего на английских фабриках приходится гораздо больше рабочих машин и машин, приводящих в движение механические двигатели, и, стало быть, он за *тот же* промежуток времени обрабатывает гораздо больше сырья, чем во Франции. Производительная сила его труда поэтому гораздо больше, равно как и капитал, который его применяет, больше. Число предприятий в Англии гораздо меньше, чем во Франции. Число рабочих, занятых в среднем в одном предприятии, гораздо больше в Англии, чем во Франции, хотя общее число занятых рабочих во Франции больше, чем в Англии, правда, лишь в незначительной пропорции по сравнению с числом предприятий.

На этом примере ясно видно, что вследствие исторических и т. д. условий, которые различным образом влияли на *относительные размеры концентрации средств производства*, в соответствии с *относительно большей или меньшей экспроприацией* массы непосредственных производителей, производительные силы и *капиталистический способ производства* вообще находятся на весьма разных ступенях развития. Но это стоит как раз в обратной пропорции к «сбережениям» и «накоплениям» непосредственных производителей, которые во Франции очень велики по сравнению с Англией. Уровень развития, на котором прибавочный труд производителя может «сберегаться», «накапливаться», «быть аккумулярованным» и собираться в больших количествах, т. е. *концентрироваться*, применяться в качестве капитала, всецело соответствует степени, в какой их прибавочный труд накапливается и т. д. их нанимателями, а не ими самими; стало быть, соответст-

producers is precluded from the capacity and the conditions of «saving», «hoarding», «accumulating», is in one word precluded from all power of appropriating its own surplus labour to any important degree, because of their more or less complete *expropriation from their means of production*. Capitalistic Accumulation and concentration are based upon, and correspond to, the facility of *appropriating other people's surplus labour in great masses*, and the corresponding inability of these people themselves to lay any claim to their own surplus labour. It is, therefore, the most ludicrous delusion fullacy, or imposture, to explain, and account for, this capitalistic Accumulation, by confounding it with, and, as far as phraseology goes, converting it into, a process quite its opposite, exclusive of it, and corresponding to a mode of production upon whose ruins capitalistic production can alone be reared. It is this one of the delusions carefully entertained by the Political Economy. The truth is this, that in this Bourgeois society, every workman if he is an exceedingly clever and shrewd fellow, and gifted with bourgeois instincts, and favoured by an exceptional fortune, can possibly be converted himself into an *exploiteur du travail d'autrui*. But where there was no travail to be exploité, there would be no capitalist nor capitalistic production.

|| ⁷⁵ * *Ricardo* tröstet in der Tat die Arbeiter damit, dass infolge der steigenden Produktivkraft der Arbeit die Zunahme des Gesamtkapitals gegen den variablen Bestandteil, auch der als Revenue verzehrte Teil des Mehrwerts wächst, und daher increased demand for menial servants. (*Ricardo*, Principles. p. 473).

⁷⁶ «Property... is essential to preserve the common unskilled labourer from falling into the condition of a piece of machinery, bought at the *minimum* market price at which it can be produced, that is at which labourers can be got to exist and propagate their species, to which he is *invariably* reduced sooner or later, when the interests of capital and labour are quite distinct, and are left to adjust themselves under the sole operation of the law of supply and demand». (*Samuel Laing*. «*National Distress*». London, 1844. p. 46).

* [Diese Nummer, wie auch die nachfolgenden, ist keine Seitennummer, sondern die Ordnungszahl einer Fussnote, die der nachstehende Text bildet. Die Seiten, auf denen sich diese Fussnoten befinden, sind nicht paginiert. D. Red.]

вует степени, в какой значительная часть действительных производителей лишена возможности и условий «сберегать», «накоплять», «аккумулировать», словом, лишена какой бы то ни было возможности присваивать в сколько-нибудь значительном размере свой собственный прибавочный труд вследствие того, что у них более или менее полно *экспроприированы их средства производства*. Капиталистическое накопление и концентрация основаны и соответствуют легкости *присваивания в больших количествах чужого прибавочного труда* и соответствующей невозможности для людей, у которых отчуждают их прибавочный труд, предъявлять какие бы то ни было требования на их собственный прибавочный труд. Следовательно, это нелепая иллюзия, заблуждение или мошенничество — объяснять и обосновывать это капиталистическое накопление, смешивая его с процессом и, поскольку дело касается фразеологии, превращая его в процесс, — совершенно противоположный ему, исключаящий его и соответствующий способу производства, на развалинах которого только и может возвыситься капиталистическое производство. Это одно из заблуждений, старательно поддерживаемых политической экономией. Дело в том, что в этом буржуазном обществе каждый рабочий, если он необычайно способный и хитрый парень, одаренный буржуазными инстинктами, и если судьба ему исключительно благоприятствует, может и сам превратиться в *эксплоататора чужого труда*. Но там где нет труда, который можно эксплуатировать, там не будет ни капиталиста, ни капиталистического производства.

^{75*} *Рикардо* в сущности утешает рабочих тем, что вследствие увеличивающейся производительности труда увеличивается весь капитал по отношению к его переменной составной части, а также растет потребляемая, как доход, часть прибавочной стоимости, и поэтому возрастает спрос на домашних слуг. (*Рикардо. Начала*, стр. 473).

⁷⁶ «Собственность... необходима, чтобы предохранить рядового необученного рабочего от падения до состояния части машины, покупаемой по *минимальной* рыночной цене, по которой она может быть произведена, т. е. цене, при которой рабочие могут существовать и продолжать свой род; до такого состояния рабочий рано или поздно *неизбежно* будет доведен в условиях, когда интересы капитала и труда совершенно различны, и их регулирование предоставлено исключительно действию закона спроса и предложения». (*Сэмюэль Ленг. Национальное бедствие*, Лондон, 1844 г., стр. 46).

* [Это число — номер сноски, а не страницы. Страницы, на которых помещен следующий текст ряда сносок, не пронумерованы. *Ред.*]

77 *Irland. Emigration.* Soweit die wirkliche Zu- oder Abnahme der Arbeiterpopulation in dem zehnjährigen Zyklus der Industrie irgendeinen wahrnehmbaren Einfluss auf den Arbeitsmarkt ausüben kann, könnte es nur in England sein, und wir nehmen es als Muster, weil hier kapitalistische Produktionsweise entwickelt ist und nicht, wie auf dem Kontinent von Europa, grossenteils noch auf dem Boden einer ihr nicht entsprechenden Bauernwirtschaft sich bewegt, nur durch den Einfluss, den die Verwertungsbedürfnisse des Kapitals auf die Ausdehnung oder Kontraktion der Emigration ausüben. Es ist zunächst zu bemerken, dass die Emigration des Kapitals, d. h. der Teil der jährlichen Revenu, der als Kapital im Ausland, namentlich in den Kolonien und United States von Amerika angelegt wird, viel grösser ist im Verhältnis zum jährlichen Akkumulationsfonds als die Zahl der Auswanderer zum jährlichen Bevölkerungszuschuss. Ein Teil dazu reist in der Tat nur dem Kapital nach. Ferner besteht die Auswanderung aus England, soweit ihr Hauptbestandteil, die agrikole, betrachtet wird, grossenteils nicht aus Arbeitern, sondern aus Pächterssöhnen usw. Sie wurde bisher mehr als ersetzt durch die Immigration aus Irland. Die Perioden der Stagnation und Krise, wo der Drang nach Auswanderung am grössten, sind dieselben, wo mehr Zuschusskapital ins Ausland gesandt und die Perioden, wo die Emigration abnimmt, dieselben, wo die Emigration des überschüssigen Kapitals abnimmt. Das absolute Verhältnis von dem im Land angewandten Kapital und Arbeitskraft wird also durch die Schwankungen der Emigration wenig berührt. Nähme die Emigration in England ernstliche Dimensionen an, im Verhältnis zum jährlichen Zuwachs der Bevölkerung, so wäre es um seine Weltmarktsstellung geschehn. Die irische Emigration seit 1848 hat die Malthusianer in allen ihren Erwartungen und Vorhersagungen geprellt. Erstens hatten sie eine Auswanderung, die das Mass des Bevölkerungszuschusses übersteigt, für unmöglich erklärt. Die Irländer haben das Problem gelöst, trotz ihrer Armut. Der ausgewanderte Teil schickt jährlich grossenteils die Mittel zur Auswanderung den Zurückgebliebenen. Zweitens aber hatten dieselben Herrn vorhergesagt, dass die famine, die eine Million hinraffte und der darauffolgende Exodus, ganz so in Irland wirken werde, wie der Black Death Mitte des 14. Jahrhunderts in England. Es hat grade das Gegenteil stattgefunden. Die Produktion nahm rascher ab als die Bevölkerung und ebenso die Beschäftigungsmittel der Agrikulturarbeiter, obgleich ihr Lohn heute, den verschiedenen Preis der Lebensmittel betrachtet, nicht höher steht als 1847. Die Bevölkerung aber hat sich in 15 Jahren von 8 auf

⁷⁷ *Ирландия. Эмиграция.* Поскольку действительный прирост или убыль рабочего населения может оказывать сколько-нибудь ощутительное влияние на рынок труда в десятилетнем цикле промышленности, это могло бы быть только в Англии, — и мы берем ее в качестве образца, потому что капиталистический способ производства здесь развит, а не развивается * еще большей частью на почве не соответствующего ему крестьянского хозяйства, как на материке Европы, — и могло бы быть только благодаря влиянию, которое потребности увеличения стоимости капитала оказывают на усиление или ослабление эмиграции. Прежде всего надо заметить, что эмиграция капитала, т. е. та часть годового дохода, которая вкладывается, как капитал, за границей, в особенности в колониях и Соединенных Штатах Америки, гораздо больше в отношении к фонду ежегодного накопления, чем число эмигрирующих в отношении к ежегодному приросту населения. Часть эмигрирующих на деле следует лишь за капиталом. Далее, эмиграция из Англии, поскольку дело касается ее основной части, земледельцев, состоит преимущественно не из рабочих, а из сыновей арендаторов и т. д. До сих пор они с избытком возмещались иммиграцией из Ирландии. Периоды застоя и кризиса, когда стремление к эмиграции всего сильнее, это те именно периоды, когда за границу уходит больше избыточного капитала, а периоды, когда эмиграция ослабевает, это те периоды, когда сокращается эмиграция избыточного капитала. Таким образом, колебания в эмиграции мало затрагивают абсолютное отношение между *применяемым* в стране капиталом и рабочей силой. Если бы эмиграция в Англии приняла серьезные размеры по отношению к ежегодному приросту населения, то Англия потеряла бы свое положение на мировом рынке. Ирландская эмиграция с 1848 г. обманула все ожидания и предсказания мальтузианцев. Во-первых, они объявили невозможной эмиграцию, которая превышает размеры прироста населения. Ирландцы эту проблему разрешили, несмотря на свою бедность. Эмигрировавшая часть ежегодно высылает большую часть средства для эмиграции оставшимся дома. А во-вторых, эти самые господа предсказывали, что голод, унесший миллионы жизней, и последовавший за ним массовый исход [эмигрантов] будут иметь точно такое же влияние в Ирландии, какое имела «черная смерть» ** середины XIV столетия в Англии. Произошло как раз обратное. Производство падало быстрее, чем убывало население, как и средства для занятий сельских рабочих, хотя их заработная плата, принимая во внимание различие цен на средства существования, теперь не выше, чем была в 1847 году. Население же за 15 лет уменьшилось с

* [Дословно: движется. *Ред.*]

** [Т. е. эпидемия чумы, свирепствовавшая в то время в Европе. *Ред.*]

ungefähr $4\frac{1}{2}$ Millionen vermindert. Allerdings ist die Viehproduktion einigermassen gewachsen und Lord Dufferin, der Irland in eine blosser Schafweide verwandeln will, hat ganz Recht, dass es immer noch viel zu zahlreich ist. Die Irländer unterdes tragen nicht nur ihre eignen Knochen nach Amerika, sondern sich selbst, und das «Exoriare aliquis ultor» wird sich furchtbar jenseits des Transatlantic [bewahrheiten.]

Betrachten wir die zwei letzten Jahre 1864 und 1865, so finden wir für die Haupterops:

	1864 qrs.	1865 qrs.	Decrease
Wheat	875,782	826,783	48,999
Oats	7,826,332	7,659,727	166,605
Barley	761,909	732,017	29,892
Bere	15,160	13,989	1,171
Potatoes	4,312,388	3,865,990	446,398
Turnips	3,467,659	3,301,683	165,976
Flax	64,506	39,561	24,945

(Das official: «*Agricult. Statistics Ireland*». Dublin, 1866. p. 4).

Dies verhindert nicht, dass einzelne Subjekte sich bei dem raschen Ruin des Landes bereichern. So z. B.

die Zahl der Personen, die von 900 bis 1000 £ jährliches Einkommen 1864 : 59 und 1865 : 66, die, die 1000 — 2000 £ : 1864 : 315, 1866 : 342; 1864 nahmen:

		1864	1865
Incomes zwischen	3000 — 4000	46	50
	4000 — 5000	19	28
	5000 — 10000	30	44
	10000 — 50000	23	25

und drei Personen, von denen jede 87, 706 £; drei, von denen jede 91,509 £ («*Income and Property Tax Return*». 7. August 1866). Lord Dufferin, der zu der Zahl dieser «Ueberzähligen» gehört, findet, mit Recht, dass Irland immer noch viel zu viel Einwohner zählt.

8 миллионов примерно до $4\frac{1}{2}$. Впрочем, несколько возросло разведение скота, и лорд Дафферин, который хочет превратить Ирландию в сплошное пастбище для овец, совершенно прав, говоря, что население все еще слишком многочисленно. Между тем ирландцы не только собственные кости свои переносят в Америку, но и сами туда переселяются, и ужасным будет по ту сторону Атлантического океана «*exoriare aliquis ultor*» [«пусть родится некий мститель»]*.

Рассматривая урожай двух последних лет, 1864 и 1865 г., мы находим для главнейших сортов:

	1864 квартеров	1865 квартеров	Уменьшение
Пшеница	875 782	826 783	48 999
Овес	7 826 332	7 659 727	166 605
Ячмень	761 909	732 017	29 892
Веге [разновидность ячменя]	15 160	13 989	1 171
Картофель	4 312 388	3 865 990	446 398
Репа	3 467 659	3 301 683	165 976
Лен	64 506	39 561	24 945

(Официальная «Сельскохозяйственная статистика Ирландии». Дублин 1866 г., стр. 4).

Это не мешает тому, чтобы отдельные субъекты обогащались при быстром разорении страны. Так, например,

количество лиц, имевших от 900 до 1 000 фунт. ежегодного дохода, в 1864 г. 59 и в 1865 г. 66; имевших от 1 000 до 2 000: в 1864 г. 315, в 1866 г. 342; в 1864 г. было:

	1864	1865
доходов между 3 000 — 4 000	46	50
4 000 — 5 000	19	28
5 000 — 10 000	30	44
10 000 — 50 000	23	25

и три лица, имевших [в среднем] по 87 706 ф. ст. в 1864 г. и по 91 509 ф. ст. в 1865 г. (*Отчет о подоходном и поимущественном обложении*, 7 августа 1866 г.)

Лорд Дафферин, который принадлежит к числу этих «сверхкомплектных», справедливо находит, что в Ирландии все еще слишком много жителей.

* [Из *Энеиды* Вергилия. Ред.]

[*] «Erst unter Friedrich II. wurde für die meisten Provinzen des Königreichs Preussen den Untertanen (Bauern) die Erbllichkeit und das Eigentumsrecht gesichert. Und diese Verordnung half dazu, ein Leiden des Landvolks zu enden, welches das Land zu *entvölkern* drohte. Denn grade im vorigen (18.) Jahrhundert, seit die Gutsherrn darauf bedacht waren, den *Ertrag ihrer Wirtschaft zu steigern*, fanden sie vorteilhaft, *einzelne ihrer Untertanen auszutreiben und die Bauernäcker zum Herrengut zu schlagen*. Die ausgetriebenen Leute verfielen als heimatlose Leute dem Elend; den übrigen Untertanen aber wurden dadurch die Lasten vollends unerträglich gemacht, denn ihnen wurde jetzt von den Gutsherren zugemutet, auch noch die früheren Bauernäcker zu bestellen, deren Besitzer sonst durch ihre Arbeit die Bestellung des Herrenguts erleichtert hatten. Dies «*Bauernlegen*» war im *östlichen Deutschland* besonders arg geworden. Als Friedrich II. *Schlesien* eroberte, waren dort viele 1000 Bauerngüter ohne Wirte; die Hütten lagen in Trümmern, die Aecker waren in den Händen der Gutsherren. *Alle eingezogenen Stellen* mussten wieder aufgebaut, mit Wirten besetzt, mit Vieh und Geräte ausgestattet und als erblicher und eigentümlicher Besitz an Landbauern ausgegeben werden. Auf *Rügen* verursachte derselbe Missbrauch noch in der Jugend von Moritz Arndt Aufstände des Landvolks, Soldaten wurden entsendet, Auführer eingekerkert; dafür suchten die Bauern Rache, sie lauerten einzelnen Edelleuten auf und erschlugen sie. Ebenso war in *Kursachsen* noch 1790 derselbe Missbrauch eine Ursache der Empörung». (G. Freitag).

Es zeigte sich hier recht, was es mit den feudalen Nobelgefühlen auf sich hatte! **

[***]|| Obgleich die Kapitalbildung und die kapitalistische Produktionsweise wesentlich beruht auf Aufhebung nicht nur der feudalen Produktionsweise, sondern auf *Expropriation* der Bauern, Handwerker, überhaupt der Produktionsweise, die auf dem *Privateigentum des unmittelbaren Produzenten an seinen Produktionsbedingungen* beruht; obgleich die kapitalistische Produktionsweise, einmal eingeführt, in demselben Masse sich entwickelt, als jenes Privateigentum und die auf ihm gegründete Produktionsweise aufgehoben wird, also jene unmittelbaren Produzenten *expropriert* werden unter dem Namen der *Konzentration des Kapitals* (Zentralisation); obgleich jener *Expropriationsprozess*, wie er sich später systematisch wiederholt in

* [Diese und die folgende Seite ist ebenfalls nicht paginiert. D. Red.]

** [Der Text dieser Seite ist einmalig vertikal durchgestrichen. D. Red.]

*** [Auch diese Seite ist nicht numeriert. D. Red.]

* «Лишь при Фридрихе II в большей части провинций королевства Пруссии подданным (крестьянам) было обеспечено право наследования и право собственности. И это постановление помогло... смягчению страданий сельского населения, грозивших обезлюдить страну. Так как именно в прошлом (18-ом) столетии, с того времени, как помещики стали заботиться о *повышении дохода своего хозяйства*, они стали находить выгодным *прогонять отдельных подвассальных им людей и присоединять крестьянские пашни к господскому имению*. Изгнанники, становясь бездомными людьми, впадали в нищету; вследствие этого тяжесть повинностей оставшихся подданных становилась совершенно невыносимой, так как теперь помещики требовали от них, чтобы они возделывали еще бывшие крестьянские пашни, владельцы которых до этого своим трудом облегчали им возделывание господского имения. Это *«изгнание крестьян»* было особенно сильно в *восточной Германии*. Когда Фридрих II покорил *Силезию*, там много тысяч крестьянских участков было без хозяев; хижины представляли собой груды обломков, пашни были в руках помещиков. *Все отобранные участки* необходимо было вновь отстроить, на каждом из них водворить хозяина, снабдить скотом и утварью и передать крестьянам в их собственное и наследственное владение. На *Рюгене* подобное злоупотребление еще в юности Морица Арендта вызывало восстания сельского населения. Туда были посланы солдаты, мятежники были посажены в тюрьмы; крестьяне местили за это, подстерегали отдельных дворян и убивали их. Подобное злоупотребление было причиной восстания в *курфюршестве Саксонии* еще в 1790 г.» (Г. Фрейтаг.)

Это ярко показывает, что значили благородные чувства феодалов! **

*** Хотя образование капитала и капиталистический способ производства по существу покоится не только на уничтожении феодального способа производства, но и на *экспроприации* крестьян, ремесленников, вообще [на уничтожении] способа производства, покоящегося на *частной собственности непосредственного производителя на его условия производства*; хотя капиталистический способ производства, когда он уже введен, развивается по мере того, как уничтожается эта частная собственность и основанный на ней способ производства и как, следовательно, происходит *экспроприация* этих непосредственных производителей под названием *концентрации капитала* (централизация); хотя *этот процесс экспроприации*, систематически

* [Эта страница и следующие не пронумерованы. Ред.]

** [Текст этой страницы перечеркнут вертикальной чертой. Ред.]

*** [Эта страница также не пронумерована. Ред.]

dem clearing of estates, zum Teil als gewaltsamer Akt die kapitalistische Produktionsweise einleitet — so liebt es nicht nur die *Theorie der kapitalistischen Produktionsweise* (die *Politische Oekonomie*, *Rechtsphilosophie* usw.), sondern der Kapitalist selbst in seiner *Vorstellung* seine Art Eigentum und Aneignung, die auf der Aneignung fremder Arbeit in ihrem Fortgang und auf der Expropriation des unmittelbaren Produzenten in ihrer Grundlage beruht, mit jener *Produktionsweise* zu verwechseln, die umgekehrt das *Privateigentum* des unmittelbaren Produzenten an seinen *Produktionsbedingungen* voraussetzt — eine Voraussetzung, unter welcher die kapitalistische Produktionsweise in Agrikultur und Manufaktur etc. unmöglich wäre — und daher auch jeden Angriff auf diese *Form der Aneignung* als einen Angriff auf jenes erarbeitete Eigentum, ja auf *alles Eigentum* darzustellen. Es kommt dabei natürlich immer grosse Schwierigkeit heraus die Expropriation der arbeitenden Masse vom Eigentum als Lebensbedingung des auf Arbeit ruhenden Eigentums darzustellen. (Uebrigens beim Privateigentum in jener Form immer wenigstens *Sklaverei* der Familienglieder eingeschlossen, die rein vom Familienhaupt vernutzt und exploitiert werden). Die allgemeine *juristische Vorstellung* von Locke bis Ricardo daher die des *kleinbürgerlichen Eigentums*, während die von ihnen dargestellten Produktionsverhältnisse der *kapitalistischen Produktionsweise* angehören. Was dies möglich macht, ist das Verhältnis des *Käufers* und *Verkäufers*, die *formell* dieselben bleiben in beiden Formen. Man findet bei allen diesen Schriftstellern das Doppelte:

1) *ökonomisch* gegen das auf *Arbeit* beruhende *Privateigentum*, zeigen die Vorteile der *Expropriation der Masse* und der *kapitalistischen Produktionsweise* nach;

2) *ideologisch* und *juristisch* wird die *Ideologie* des auf *Arbeit* beruhenden *Privateigentums* ohne weiteres auf das auf der *Expropriation der unmittelbaren Produzenten* beruhende Eigentum übertragen.

| 79 So z. B. die Redensart von Wegwälzen gegenwärtiger Lasten auf künftige Generationen durch Staatsschulden. A kann dem B, der ihm Waren wirklich oder zum Schein leiht, eine Schuldverschreibung auf *Produkte der Zukunft* geben, wie es ja auch Poeten und Musiker der Zukunft gibt. Aber A und B zusammen verzehren nie ein Atom vom Produkt der Zukunft. Jede Zeit zahlt ihre eignen Kriegskosten.

повторяющийся впоследствии в «очистке имений», частью является, как насильственный акт, *введением* в капиталистический процесс производства, — тем не менее не только *твория капиталистического способа производства (политическая экономия, философия права и т. д.)*, но и сам капиталист в своем представлении любит смешивать свой вид собственности и присвоения, покоящийся в своем развитии на присвоении чужого труда и в своей основе на экспроприации непосредственного производителя, с тем *способом производства, который* наоборот предполагает *частную собственность непосредственного производителя на его условия производства*, — предположение, при котором был бы невозможен капиталистический способ производства в земледелии и в промышленности *, и поэтому также изображать всякое посягательство на последнюю *форму присвоения*, как посягательство на эту заработанную собственность, вообще *на всякую собственность*. При этом, конечно, всегда получается большее затруднение, когда приходится изображать экспроприацию собственности у трудящейся массы как жизненное условие покоящейся на труде собственности. (Впрочем при частной собственности в той форме всегда существует по крайней мере *рабство* членов семьи, которыми пользуется и которых эксплуатирует глава семьи.) Поэтому общее *юридическое* представление от Локка до Рикардо — представление *мелко-буржуазной* собственности, между тем как изображаемые ими производственные отношения относятся к *капиталистическому способу производства*. Это возможно именно благодаря тому, что отношение *продавца и покупателя* остается *формально* тем же в обеих формах. У всех этих писателей мы находим [следующую] двойственность:

1) *Экономически* они против *покоящейся на труде частной собственности*, доказывают преимущества *экспроприации масс и капиталистического способа производства*.

2) *Идеологически и юридически* идеология *частной собственности, покоящейся на труде*, без дальнейших околичностей переносится на *собственность, покоящуюся на экспроприации непосредственных производителей*.

79 Такова например фраза о перенесении тяготей настоящего на будущее поколение посредством государственных долгов. А может дать *Б*, который действительно или фиктивно дает ему в долг товары, долговую расписку на *продукты будущего*, ведь бывают же потенциальные поэты и музыканты. Но *А* и *Б* вместе не потребляют ни единого атома продукта будущего. Всякая эпоха сама

* [Дословно: и в мануфактуре. Ред.]

Dagegen kann ein Arbeiter in diesem Jahr die Arbeit der drei folgenden Jahre vorverausgaben.

«In pretending to stave off the expenses of the present hour to a future day, in pretending that you can burthen posterity to supply the wants of the existing generation», behauptet man das Absurde, «that you can consume what does not yet exist, that you can feed on provisions before their seeds have been sown in the earth... All the wisdom of our statesmen will have ended in a great transfer of property from one class of persons to another, in creating an enormous fund for the rewards of jobs and peculation». (8, 9. *Percy Ravenstone. M. A. Thoughts on the Funding System and its Effects. London, 1824*).

73

Die Colliers

Wie diese Abhängigkeit der colliers für ihre Wohnungen von den Exploiteurs wirkt, zeigt sich bei jedem Strike. Z. B. November 1863 Strike in Durham. Die Leute wurden im härtesten Wetter mit Frau und Kind an die Luft gesetzt und die Möbel etc. vor die Türen geworfen. Es galt also vor allem Obdach während der kalten Nächte zu finden. Ein grosser Teil schlief an offener Luft; ein Teil brach ein in ihre evacuated dwellings und occupied sie während der Nacht. Die Minenexploiteurs liessen darauf den folgenden Tag Tür und Fenster vernageln und verbarren, um den Herausgeworfenen den Luxus abzuschneiden, in eiskalter Nacht auf dem nackten Boden der leeren cottages zu schlafen. Die Leute nahmen nun ihre Zuflucht dazu, hölzerne cabins, Wigwams von Torf aufzuschlagen, aber diese wurden wieder niedergerissen durch die Eigentümer der Felder. Eine Masse Kinder starben und verdarben während dieses Feldzugs der Arbeit gegen das Kapital. (*Reynolds Newspaper. November, 29. 1863*).

оплачивает свои военные издержки. Наоборот, рабочий может в этом году дать вперед труд последующих трех лет.

«Уверяя, что издержки текущего дня можно переложить на будущие дни, уверяя, что можно обременить потомство удовлетворением потребностей нынешнего поколения», утверждают бессмыслицу, «что можно потратить то, чего еще не существует, что можно питаться продуктами, прежде чем их семена посеяны в землю... Вся мудрость наших государственных мужей сведется к значительной передаче собственности от одного класса людей другому, к созданию огромного фонда для вознаграждения за выгодные сделки и расхищение казны». *Перси Ревенстон. М. А. Мысли о системе государственных долгов и ее следствиях. Лондон. 1824 г. (стр. 8—9).*

Углекопы

73

Как действует эта зависимость углекопов в жилищном вопросе от этих эксплуататоров, обнаруживается во время каждой стачки. Например стачка в Даргеме в ноябре 1863 г. Людей в самую суровую погоду с женами и детьми выкидывали на улицу и выбрасывали мебель и проч. за двери. Таким образом, прежде всего нужно было найти приют в холодные ночи. Большая часть спала под открытым небом, часть вламывалась в свои стоявшие теперь пустыми жилища и занимала их на ночь. Хозяева копей после этого на следующий день приказывали запереть и заколотить окна и двери, чтобы лишить выброшенных на улицу роскоши спать в морозную ночь на голом полу пустых домов. Люди тогда стали прибегать к постройке деревянных будок, торфяных шалашей, но собственники полей их сносили. Дети массами умирали и погибали во время этого похода труда против капитала. (*Газета Рейнольда, 29 ноября 1863 г.*).

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОРТРЕТ 1893 г.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

БРЕНТАНО CONTRA МАРКС

**ПО ПОВОДУ МНИМОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЦИТАТЫ.
ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ДОКУМЕНТЫ**

ГАМБУРГ.

ИЗДАНИЕ ОТТО МЕЙСНЕРА 1891 Г.

In Sachen

Brentano contra Marx

wegen angeblicher Citatsfälschung.

Geschichtserzählung und Dokumente.

Von

Friedrich Engels.

Hamburg.

Verlag von Otto Meissner

1891

Обложка брошюры Энгельса: «Брентано contra Маркс»...

В предисловии к 4-му изданию первого тома «Капитала» Маркса я вынужден был вернуться к полемике против Маркса, начатой анонимным автором в берлинской «Concordia» в 1872 г. и возобновленной в 1883 г. Седлей Тейлором из Кембриджа в газете «Times». Анонимный автор, который был раскрыт Тейлором и оказался Луио Brentano, обвинял Маркса в фальсификации цитаты. Сделанное мною в этом предисловии краткое сообщение (оно напечатано среди приложенных документов под № 12) по этому вопросу ни в коем случае не ставило себе целью сделать нечто приятное господину Brentano. Что могло быть естественнее его ответа мне? И он сделал это в брошюре «*Meine Polemik mit Karl Marx. Zugleich ein Beitrag zur Frage des Fortschritts der Arbeiterklasse und seiner Ursachen. Von Lujo Brentano. Berlin, Walther & Apolant. 1890.*» [«Моя полемика с Карлом Марксом. Вместе с тем очерк к вопросу о прогрессе рабочего класса и его причинах. Соч. Луио Brentano. Берлин, 1890 г.»]

Эта брошюра дает и слишком много и слишком мало. Слишком много потому, что она «вместе с тем» подробно говорит о взглядах господина Луио Brentano на «прогресс рабочего класса и его причины». Это не имеет абсолютно никакого отношения к предмету спора. Я должен только заметить, что постоянно повторяемое заявление господина Brentano, что законодательство об охране труда рабочих и организация профессиональных союзов содействуют улучшению положения рабочего класса, ни в коем случае не является его собственным открытием. Маркс и я неоднократно повторяли это, правда с очень большими ограничениями, начиная с «Положения рабочего класса в Англии» и «Нищеты философии» и кончая «Капиталом» и моими последними статьями. Во-первых, благоприятное влияние профессиональных союзов, оказывающих сопротивление, ограничивается периодами среднего и цветущего положения дел; в периоды застоя и кризиса они регулярно дают осечку. Утверждение господина Brentano, что «они в состоянии парализовать роковое действие резервной армии», является смехотворным хвастовством. И во-вторых, — не говоря уже о других менее важных ограничениях, — ни законодательство об охране труда, ни сопротивление профессиональных союзов не устраняет того самого существенного, что должно быть устранено: капиталистических отношений, которые постоянно вновь воспроизводят антагонизм между классом капиталистов и

классом наемных рабочих. Масса наемных рабочих на всю жизнь обречена на наемный труд, пропасть между ними и капиталистами становится все глубже и шире по мере того, как современная крупная промышленность овладевает всеми отраслями производства. Так как господин Брентано хочет сделать наемного раба *довольным* наемным рабом, то ему приходится колоссальнейшим образом преувеличивать благоприятное влияние охраны труда, борьбы профессиональных союзов, крохоборческого социального законодательства и т. д.; а так как мы имеем возможность противопоставить этим преувеличениям простые факты, то этим объясняется его гнев.

Брошюра эта дает слишком мало, так как из документов этой полемики она дает только те материалы, которые исходили непосредственно от господина Брентано и Маркса, и совершенно ничего не говорит о тех документах, которые появились с тех пор по этому вопросу. Чтобы дать возможность читателю составить себе общее суждение по этому вопросу, я даю в приложении: 1) инкриминируемые места из Учредительного манифеста Генерального совета Интернационала и из «Капитала»; 2) полемику между господином Брентано и Марксом; 3) полемику между Седлей Тейлором и Элеонорой Маркс; 4) мое предисловие к 4-му изданию «Капитала» и возражение на него господина Брентано, 5) то, что касается писем Гладстона к господину Брентано. Само собой разумеется, что я при этом выпускаю те места из рассуждений Брентано, которые не касаются вопроса о фальсификации цитаты, а представляют лишь его «очерк к вопросу о прогрессе» и т. д.

I.

В № 10 берлинской «Concordia» от 7 марта 1872 г. появилось резкое нападение на Маркса, как автора Учредительного манифеста Генерального совета Интернационала 1864 г. В этом манифесте Маркс будто бы сфальсифицировал цитату из бюджетной речи тогдашнего канцлера английского казначейства Гладстона от 16 апреля 1863 г.

Соответствующее место из Учредительного манифеста напечатано в приложении, документ № 1. Статья «Concordia» напечатана там же, документ № 3. В этом последнем документе обвинение формулировано следующим образом.

«Каково же отношение между содержанием этой речи и цитатой Маркса? Гладстон сперва констатирует, что несомненно имело место колоссальное увеличение доходов страны. Это, по его мнению, доказывается подходящим налогом. Но подходящий налог взимается только начиная с доходов в 150 ф. ст. и выше. Лица, имеющие меньший доход, не платят в Англии подоходного налога. Маркс пользуется тем фактом, что Гладстон приводит это по-просту для правильной оценки

своего масштаба. чтобы приписать ему следующие слова: «*Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами*». По этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу*».

Таково обвинение и, заметим кстати, единственное обвинение, выдвигаемое против Маркса анонимным автором, который, как теперь известно, носит имя Луйо Брентано.

№ 10 «Concordia» был в мае 1872 г. прислан Марксу из Германии. На имеющемся еще у меня экземпляре сделана отметка: «Орган немецкого союза фабрикантов». Маркс, который никогда ничего не слышал об этом листке, принял, таким образом, автора за литераторствующего фабриканта и соответственно с этим относился к нему.

Маркс указал в своем ответе в «Volksstaat» (документ № 4), что соответствующая фраза цитируется не только профессором Бисли в 1870 г. в «Fortnightly Review», но цитирована, еще до появления Учредительного манифеста, в «Theory of the Exchanges», London, 1864 г.* и, наконец, что отчет «Times» от 17 апреля 1863 г. формально и по существу также содержит эту фразу в таком виде, в каком он ее цитирует: «Увеличение, которое я только что описал» (именно как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), «всецело ограничивается имущими классами». Если в сборнике «Hansard» нет этого места, несомненно компрометирующего Гладстона как канцлера английского казначейства, то это объясняется тем, что господин Гладстон оказался достаточно ловким, чтобы по традиционному английскому парламентскому обычаю подчистить его.

Во всяком случае, здесь было дано доказательство, что якобы присочиненная фраза 17 апреля 1863 г. *имеется буквально* в отчете «Times» о речи Гладстона, произнесенной им накануне вечером. А «Times» в то время был органом Гладстона.

Что же отвечает скрывающийся, подобно фиалке в тени, господин Брентано? («Concordia», 4 июля 1872 г., документ № 5).

С наглостью, которой он никогда не позволил бы себе если бы он выступал под своим собственным именем, он повторяет обвинение, что Маркс присочинил фразу. Это обвинение — прибавляет он — «тяжелое, а в связи с приводимыми вескими доказательствами — прямо-таки уничтожающее». Доказательством является ничто иное, как соответствующее место из «Hansard», где этой фразы нет. Это обстоятельство могло, таким образом, быть «уничтожающим» в лучшем

[Речь идет об анонимной брошюре «The Theory of exchanges. The bank charter act of 1844. The abuse of the metallic principle to depreciation. London, 1864.—Теория размена. Банковский акт 1844 г. Злоупотребление металлическим принципом и обесценение. Лондон, 1864 г. *Ред.*].

случае именно для этой злополучной фразы, помещенной в «Times» и отсутствующей у «Hansard».

Но этот победный петушинный крик должен был только прикрыть тот пренебрежительный факт, что из отчета «Times» выяснилось, что «присочиненная» фраза соответствует действительности. И с уверенностью, что эти документальные доказательства, на которых основано обвинение, «неопровержимы» и с течением времени могут стать «прямо-таки уничтожающими», наш анонимный будущий профессор с ожесточением набрасывается на цитату, приводимую у Бисли и в «Theory of the Exchanges», всячески затуманивает вопрос, утверждает, будто Бисли цитировал по «Учредительному манифесту», а Маркс по «Theory of the Exchanges» и т. д. Но все это второстепенные вещи. Если бы даже они были верны, они ничего не доказывали бы по вопросу о том, произнес ли Гладстон эту фразу или Маркс ее выдумал. Но по своему характеру они не могли быть окончательно решены ни господином Брентано тогда, ни мною теперь. Они, наоборот, служат для того, чтобы отвлечь внимание от главного, а именно от злополучного отчета «Times».

Прежде чем приступить к последнему, анонимный автор подкрепляет себя употреблением крепких словечек вроде: «граничащее с преступлением легкомыслие», эта «лживая цитата» и т. д., а затем он раздражается следующей решительной тирадой:

«Но тут мы переходим к третьему средству защиты Маркса, и *по наглой лживости* оно еще далеко превосходит все, до сих пор приведенное. Так, Маркс не стесняется сослаться на «Times» от 17 апреля 1863 г. для доказательства точности своей цитаты. Но «Times» от 17 апреля 1863 г., стр. 7, стр. 8 (должно быть — столбец) «5, строка 17 и сл., передает эту речь следующим образом». И затем следует отчет «Times», в котором сказано: «Увеличение, которое я описал» (именно как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), — данные о котором основываются «на мой взгляд, на точных обследованиях, — *ограничивается исключительно теми классами, которые владеют собственностью*».

И вот приходится удивляться «наглой лживости» Маркса, который еще осмеливается утверждать, что в отчете «Times» содержится фраза: Это ошеломляющее увеличение и т. д. всецело ограничивается имущими классами!

В Учредительном манифесте сказано: *This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property* [Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *всецело ограничивается имущими классами*].

«Times» говорит: *The augmentation there described* (относительно которого даже господин Брентано, анонимно или нет, до сих пор не

оспаривал, что здесь речь идет о прежде указанном intoxicating augmentation of wealth and power [ошеломляющем увеличении богатства и мощи] and which is founded, I think, upon accurate return, is an augmentation entirely confined to classes of property [и которое, на мой взгляд, основано на точных данных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами].

И вот после того, как господин Брентано сам указывает в отчете «Times» фразу, якобы присочиненную Марксом, потому что ее нет у «Hansard», и таким образом сам обнаруживает наглую лживость, приписываемую им Марксу, он с торжеством заявляет, что «оба отчета», «Times» «Hansard», «по существу вполне совпадают». Отчет «Times» дает лишь в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Hansard» передает буквально. Но несмотря на то, что и отчет «Times» утверждает нечто прямо противоположное *тому пресловутому месту* из Учредительного манифеста, несмотря на то, что и по отчету «Times» Гладстон сказал, что, по его мнению, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается одними зажиточными классами, Маркс имеет наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня следующее: «Формально и по существу Гладстон заявил, таким образом, 16 апреля 1863 г. в Нижней палате, по отчету его собственного органа, «Times», от 17 апреля 1863 г., что это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».

Si duo faciunt idem, non est idem. Если двое делают одно и то же, то это не одно и то же.

Если Маркс приводит слова Гладстона — это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами, — то это — «присочинено», это — «пресловутое место», «целиком сфальсифицированное». Если же отчет «Times» приводит слова Гладстона: «Это только что описанное мною ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами», то это только «формально более сжато», чем отчет «Hansard», в котором эта фраза отсутствует, и есть «прямая противоположность тому» (а именно тому же самому) «пресловутому месту из Учредительного манифеста». А когда Маркс для подтверждения ссылается на это место из отчета «Times», то господин Брентано говорит: «и после этого он имеет еще наглость сослаться на газетные отчеты, которые *прямо противоречат ему*». Для этого надо действительно обладать совершенно ослепленной «наглостью».

И с «наглостью», действительно отличающейся от марксовой, анонимный автор, сиречь Луйо Брентано, заставляет Гладстона сказать, что, «по его *мнению*, это ошеломляющее увеличение богатства и мощи *не* ограничивается зажиточными классами».

На деле же и по «Times» и по «Hansard» Гладстон говорит, что он с болью и беспокойством смотрел бы на это «ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается только зажиточными классами», а далее он говорит, по отчету «Times», что оно в самом деле «ограничивается только имущими классами».

«В самом деле», замечает, наконец, с негодованием добродетельный анонимный автор, «для характеристики подобных приемов можно употребить только одно слово, очень хорошо известное самому Марксу (смотри «Капитал», стр. 257): они просто «бесчестны».

Чьи приемы, господин Луйо Brentano?

II.

Ответ Маркса («Volksstaat», 7 августа 1872 г. документ № 6) с достаточным добродушием разбирает по существу все пустяки, нагроможденные господином Brentano по поводу профессора Бисли, «Theory of Exchanges» и т. д.; мы оставляем это в стороне как второстепенный вопрос. Но в заключение Маркс приводит еще два факта, имеющие решающее значение для главного вопроса. Кроме отчета «Times», «присочиненное» место имеется также в отчетах двух других лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. Согласно «Morning Star» Гладстон сказал: «Это увеличение, — которое только что было описано как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, — всецело ограничено классами, владеющими собственностью». Согласно «Morning Advertiser»: «Упомянутое» — только что как ошеломляющее увеличение богатства и мощи — «увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью».

Для всякого другого противника это доказательство было бы «прямо-таки уничтожающим». Но не для анонимного Brentano. Ответа Brentano («Concordia» от 22 августа 1872 г., документ № 7), свидетельствующего о не уменьшившейся наглости, Маркс никогда не видел, так как ему не посылались номера «Concordia» после 11 июля. Я сам читал этот ответ только в перепечатке Brentano («Meine Polemik etc. 1890») и должен здесь поэтому волей-неволей принять его в расчет.

«Упорная лживость, с которой он» (Маркс) «держится за искаженную цитату..., удивительна даже для того, кто не брезгает никакими средствами для своих разрушительных планов». Цитата продолжает быть «ложной», и отчет «Times» «говорит нечто прямо противоположное, причем отчеты «Times» и «Hansard» вполне тождественны». Но тот апломб, с которым господин Brentano это утверждает, еще ничто в сравнении с той «наглостью», с которой он вдруг делает нам следующее сообщение:

«Второе средство затемнить отчет «Times» состояло в том, что Маркс в своем немецком переводе просто выбросил то придаточное

предложение, из которого вытекало, что Гладстон только сказал, что увеличение богатства, о котором можно судить по данным подоходного налога, *ограничивается имущими классами*, так как трудящиеся классы не подлежат обложению подоходным налогом, и что поэтому из данных подоходного налога ничего нельзя узнать о росте благосостояния трудящихся классов; но он не сказал, что трудящиеся классы действительно исключены из необыкновенного увеличения национального богатства».

Если «Times» таким образом говорит, что рост, о котором столько говорили, ограничивается имущими классами, то он говорит противоположное тому, что сказано в «присочиненной» фразе, которая говорит то же самое. Что же касается «просто выброшенного придаточного предложения», то оно ни в коем случае не будет отдано господину Брентано, если только он проявит немного терпения. После того, как у него благополучно сошел первый смелый прыжок, ему уже легче утверждать, что черное бело и белое черно. После того, как он расправился с «Times», его уже мало беспокоят «Morning Star» и «Morning Advertiser». «Ибо эти газеты, даже в его (Маркса) передаче, говорят в нашу пользу. Сказав, согласно обеим газетам, что он *не* думает» (так, как известно, утверждает Брентано), «что *это* ошеломляющее увеличение богатства и мощи ограничивается зажиточными классами, Гладстон продолжает: *«Этот огромный прирост богатства совершенно не принимает во внимание положение рабочего населения. Упомянутое увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся только классами, владеющими собственностью»*. Значение и употребление слова «принимать во внимание» ясно указывают, что под этим приростом и под упомянутым увеличением подразумевается тот прирост, о котором можно судить (*sic!*) на основании данных о подоходном налоге».

Иезуит, придумавший *si duo faciunt idem non est idem*, — школьник в сравнении с анонимным Брентано. Когда «Times», «Morning Star» и «Morning Advertiser» единогласно заявляют, что «присочиненная», согласно Брентано, Марксом фраза действительно была сказана Гладстоном, то эти три газеты единогласно говорят «в пользу» Брентано, а когда затем Маркс дословно приводит ту же самую фразу, то она является «ложной цитатой», «наглой лживостью», «целиком фальсифицированной», «ложью» и т. д. Когда же Маркс не может с этим согласиться, то наш анонимный автор, имя которому Луйо Брентано, не может этого понять и считает это «просто бесчестным».

Но покончим, однако, раз навсегда с «присочинением», приведя отчеты всех лондонских утренних газет от 17 апреля 1863 г. по поводу этого места.

«Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» мы уже приводили.

«Daily Telegraph»: «Что касается до меня, то я могу сказать, что я со страхом и беспокойством смотрел бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи*, если бы я думал, что оно ограничивается зажиточными классами. Эта сторона проблемы богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. *Указанное увеличение есть увеличение, всецело ограниченное имущими классами*».

«Morning Herald»: «Что касается до меня, то я могу сказать, что я со страхом и беспокойством смотрел бы на *это ошеломляющее увеличение богатства*, если бы я думал, что оно ограничивается зажиточными классами. *Это огромное увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *ограничивается всецело увеличением капитала* и не принимает в расчет беднейших классов».

«Morning Post»: «Я могу сказать, что я, со своей стороны, смотрел бы со страхом и беспокойством на это огромное увеличение богатства, если бы я думал, что его блага ограничиваются классами зажиточного состояния. *Это увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и совершенно не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов».

«Daily News»: «Что касается до меня, то я могу сказать, что я смотрел бы со страхом и беспокойством на *это огромное увеличение богатства*, если бы я думал, что блага его ограничиваются зажиточными классами. *Это увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов».

«Standard»: «Я могу сказать, что я, со своей стороны, со страхом и беспокойством смотрел бы на *это ошеломляющее увеличение богатства*, если бы я думал, что оно ограничивается зажиточными классами. *Это огромное увеличение богатства*, которое я описал и которое основано на точных данных, *всецело ограничивается увеличением капитала* и не принимает в расчет беднейших классов».

Приведенные здесь восемь газет, насколько мне известно, единственные утренние газеты, в то время выходившие в Лондоне. Их показания очень «убедительны». Четыре из них — «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser», «Daily Telegraph» — передают эту фразу буквально в том же контексте, в каком «присочинил» ее Маркс. Это увеличение, которое только что было описано как ошеломляющее увеличение богатства и мощи, *«всецело ограничивается имущими классами»*. Четыре другие, «Morning Herald», «Morning Post», «Daily News», «Standard», передают ее «формально только в более сжатом

выражении, что еще более усиливает ее; а именно указанное увеличение *«всецело ограничивается увеличением капитала»*.

Все названные восемь газет имеют каждая свой особый полный штаб парламентских репортеров. Они, таким образом, представляют столько же совершенно независимых друг от друга свидетелей. Далее, они, взятые все вместе, лишены партийности, так как принадлежат к самым различным партийным направлениям. И за обе редакции фразы, которую никак нельзя утаить, ручаются как тори, так и виги и радикалы. Согласно четырем из них, Гладстон сказал: *«всецело ограничивается имущими классами»*. Согласно четырем другим, он сказал: *«всецело ограничивается увеличением капитала»*. Восемь неоспоримых свидетелей показывают, таким образом, что Гладстон действительно произнес эту фразу. Вопрос сводится только к тому, сказал ли он ее в смягченном Марксом выражении или же в усиленном выражении, данном четырьмя отчетами.

Против них всех в своем одиноком величии стоит «Hansard». Но «Hansard» не неопровержим, как утренние газеты. Отчеты «Hansard» подвергаются цензуре, цензуре самих ораторов. Именно поэтому «принято» цитировать по «Hansard».

Восемь внушающих доверие свидетелей против одного внушающего подозрение! Но какое до этого дело нашему уверенному в победе анонимному автору? Именно *потому*, что отчеты всех восьми утренних газет приписывают «это пресловутое место» Гладстону, именно *потому* они говорят в «пользу» анонимного автора, именно *этим* они как раз доказывают, что Маркс «присочинил» это место!

Ничто, в самом деле, не может превзойти «наглости» анонимного Брентано.

III.

На деле, однако, бросающееся в глаза нахальство, которым поражает Брентано, представляет собой только тактический маневр. Он увидел, что нападение на «присочиненную» фразу потерпело неудачу и что ему приходится найти себе оборонительную позицию. Он ее нашел: теперь ему нужно только отступить на эту новую позицию.

Уже в своем первом ответе Марксу (документ № 5) Брентано, хоть и робко, намекает на это свое намерение. К этому вынуждает его роковой отчет «Times». Хотя отчет этот содержит «пресловутое», «присочиненное» место, но это в сущности пустяк. Ибо вследствие того, что этот отчет «по существу вполне совпадает» с «Hansard», он говорит «нечто прямо противоположное этому пресловутому месту», хотя и содержит его буквально. Таким образом, важен уже не точный текст «пресловутого места», а его смысл. Теперь уже дело идет не об

отрицании этого места, а об утверждении, что оно имеет противоположное значение тому, что оно говорит.

И после того, как Маркс в своем втором ответе заявляет, что недостаток времени принуждает его раз навсегда прекратить свои приятные сношения со своим анонимным противником, этот последний с тем большим апломбом принимается за эту не вполне чисто-плотную тему. И это он делает во втором своем возражении, переданном здесь в документе № 7.

Здесь он утверждает, что Маркс старается *затемнить* отчет «Times», по существу вполне совпадающий с «Hansard», тремя способами. Во-первых, неправильным переводом выражения *classes who are in easy circumstances* [зажиточные классы]. Этот пункт, как абсолютно второстепенный, я оставляю в стороне. Всем хорошо известно, что Маркс совершенно иначе владел английским языком, чем Брентано, но что именно думал Гладстон в то время, употребляя это выражение, — и думал ли он вообще что-нибудь, — не сможет сказать *теперь*, через 27 лет, даже он сам.

Второй пункт заключается в том, что Маркс «просто скрыл» из отчета «Times» известное «придаточное предложение». Соответствующее место подробно приведено в предыдущем отделе II стр. 279. Скрыв придаточное предложение, Маркс хотел скрыть от своих читателей тот факт, что увеличение богатства, которое видно из данных подоходного налога, ограничивается имущими классами, потому что рабочий класс не подлежит подоходному налогу, и что из этих данных ничего нельзя извлечь относительно увеличения благосостояния рабочих, а вовсе не то, что рабочий класс на самом деле исключен из необычайного увеличения национального богатства.

Фраза из отчета «Times» в собственном переводе Брентано гласит: «Описанное мной увеличение, данные которого, как я полагаю, основаны на точных обследованиях, ограничивается исключительно классами, владеющими собственностью». Столь злонамеренно «скрытое» Марксом придаточное предложение состоит из слов: «и данные которого, как я полагаю, основаны на точных обследованиях». Двукратным и, следовательно, упорным сокрытием этих чрезвычайно важных слов Маркс хотел скрыть от своих читателей, что указанное увеличение является увеличением *лишь доходов, подлежащих обложению подоходным налогом*, другими словами, доходов «классов, владеющих собственностью».

Уж не ослеп ли господин Брентано от нравственного негодования по поводу того, что он зарапортовался насчет «лживостя? Или же он думает, что может бесцеремонно утверждать, что угодно, так как Маркс ведь больше не ответит? Факт тот, что инкриминируемая цитата у Маркса, как в Учредительном манифесте, так и в «Капитале»,

начинается следующими словами: «С 1842 по 1852 гг. *подлежащий обложению доход* (the taxable income) этой страны увеличился на 6%..., за восемь лет, с 1853 по 1861 гг., он увеличился, если мы и т. д.».

Известен ли господину Брентано какой-нибудь «подлежащий обложению доход» в Англии, кроме дохода, подлежащего обложению подоходным налогом? И прибавляло ли в высокой степени важное «придаточное предложение» хоть что-нибудь к этому ясному объяснению, что здесь речь идет исключительно о доходах, подлежащих подоходному налогу? Или же он придерживается того взгляда, как это почти может казаться, что бюджетные речи Гладстона «фальсифицируются», что к ним «присочиняют» или из них «скрывают» что-нибудь, если тот, кто цитирует их, не дает при этом, à la Брентано, целой лекции об английском подоходном налоге, к тому же «фальсифицируя» и подоходный налог, как показал Маркс (документ № 6) и как вынужден признать сам господин Брентано? (документ № 7). И если «присочиненная» фраза просто говорит, что это увеличение, о котором только что говорил Гладстон, ограничивается имущими классами, то разве она по существу не говорит то же самое, так как ведь только имущие классы платят подоходный налог? Но, конечно, в то время как господин Брентано открыто поднимает ужасный шум по поводу этой фразы, как марксовой фальсификации и наглой лжи, он сам тайком пропускает ее через заднюю дверь.

Брентано хорошо знал, что Маркс приводит слова Гладстона о «подлежащих обложению доходах», а не о каких-либо других. Ибо в своем первом обвинении (документ № 3) он цитирует это место из Учредительного манифеста и даже переводит taxable как «подлежащий обложению». Если он теперь в своем втором возражении «скрывает» это и если он, начиная с этого дня вплоть до своей брошюры 1890 г., продолжает утверждать, что Маркс намеренно и злобно скрывает тот факт, что Гладстон говорил здесь только о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом, то не должны ли мы бросить ему в лицо его собственные выражения: «лживый», «подделка», «наглая лживость», «просто бесчестно» и т. д.

Но вернемся к тексту.

«В-третьих, наконец, Маркс старался скрыть совпадение отчета «Times» с отчетом «Hansard», не приводя тех фраз, в которых Гладстон даже по отчету «Times» прямо и определенно доказывает улучшение положения британского рабочего класса».

В своем втором ответе анонимному Брентано Марксу пришлось доказать, что он не «присочинял» «пресловутой» фразы, а затем опровергнуть наглое утверждение анонима о том, что в вопросе о данном пункте, который один только служит предметом спора, отчет «Times» и отчет «Hansard» «по существу вполне совпадают», хотя

первый дословно содержит спорную фразу, второй же полностью выпускает ее. Для этого единственного спорного пункта было абсолютно безразлично, что еще говорил Гладстон по поводу улучшения положения британского рабочего класса.

Напротив, в Учредительном манифесте, — а ведь это и есть тот документ, который Брентано обвиняет в фальсификации цитат, — на странице 4, всего за несколько строк до «пресловутой» фразы, прямо сказано, что канцлер казначейства (Гладстон) в период тысячелетнего царства свободной торговли сказал в Нижней палате: «Положение британского рабочего в среднем улучшилось в такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и беспримерна в истории всех стран и времен». А ведь это именно те слова, которые, согласно Брентано, злонамеренно были скрыты Марксом.

Во всей полемике, начиная с первого своего ответа Марксу в 1872 г. (документ № 5) до введения и приложения к «*Meine Polemik etc.* 1890», господин Брентано — с ловкостью рук, которую, конечно мы ни в коем случае не должны считать «наглой лживостью», — умалчивает о том факте, что Маркс в Учредительном манифесте определенно приводит утверждения Гладстона об этом беспримерном улучшении положения рабочих. И в этом своем втором возражении, — которое, как было указано, осталось неизвестным Марксу до самой его смерти, а мне до появления в 1890 г. брошюры «*Meine Polemik etc.*», — в котором обвинение в присочинении фразы оставлено только для видимости, а на деле отброшено, в котором не только робко допускается, что присочиненная фраза есть подлинно гладстоновская, но и утверждается, что она «говорит в нашу пользу», т. е. в пользу Брентано, — в этом втором возражении Брентано отступает на новую оборонительную линию. Маркс-де исковеркал и запутал речь Гладстона; Маркс заставляет Гладстона говорить, что богатства богатых колоссально выросли, бедное же рабочее население в лучшем случае стало менее бедно. А между тем Гладстон без обвиняков сказал, что положение рабочих беспримерно улучшилось.

Эта вторая оборонительная линия уничтожается тем неопровержимым фактом, что именно в инкриминируемом документе, в Учредительном манифесте, эти гладстоновские слова приведены буквально. И это *было известно* Брентано. «Но что за беда? Ведь читатели «*Concordia*» не могут его контролировать!»

Впрочем, поскольку речь идет о том, что в самом деле сказал Гладстон, мы скажем об этом еще несколько слов.

В заключение Брентано, чувствуя себя в безопасности, во-первых, благодаря своей анонимности и, во-вторых, благодаря заявлению Маркса, что он не желает больше заниматься им, доставляет себе следующее маленькое удовольствие: «Если господин Маркс,

наконец, разражается еще бранью, то мы можем его уверить, что его противнику ничего не может быть более желательно, как заключающееся в ней признание своей слабости. Брань есть оружие того, у кого исчерпаны другие средства защиты».

Пусть читатель сам судит о том, насколько Маркс во втором своем ответе «разразился бранью». Что же касается господина Брентано, то мы уже дали букет его вежливых словечек. Бросаемые щедро в лицо Марксу словечки вроде «ложь», «наглая лживость», «лживые цитаты», «просто бесчестно» и т. д. представляют, во всяком случае, назидательное «признание слабости» и безошибочный признак того, что у господина Брентано «исчерпаны другие средства защиты».

IV.

Этим заканчивается первый акт нашего главного и официального действия. Таинственный, если еще не тайный советник Брентано достиг того, на что он едва ли мог надеяться. Правда, ему не повезло с якобы «присочиненной» фразой; это первоначальное обвинение он фактически отбросил. Но он изобрел себе новый способ защиты и в этом способе он *сохранил за собой последнее слово*, а в таком случае в немецком профессорском мире можно сказать, что поле брани осталось за ним. Он мог бы, таким образом, похвастаться, — по крайней мере перед равными себе, — что он победоносно отразил нападки Маркса, а его самого литературно убил. Но несчастный Маркс ни слова не узнал о своей насильственной смерти в «Concordia»; напротив, он имел «наглость» прожить еще одиннадцать лет, одиннадцать лет непрерывного роста его успеха, одиннадцать лет непрерывного роста числа его последователей во всех странах, одиннадцать лет все расширяющегося признания его заслуг.

Брентано и компания мудро остерегались раскрыть глаза заблуждающемуся Марксу на этот самообман или разъяснить ему, что он уже давно умер. Но когда он в 1883 г. в самом деле умер, они уже дальше не могли терпеть, у них слишком сильно чесались руки. И тогда на сцену выступил Седлей Тейлор с письмом в «Times» (документ № 8).

Тейлор выступает ни с того, ни с сего, если только он или его друг Брентано, — как это почти кажется на деле, — не сговорились заранее с Эмилем де-Лавеле. Высокопарным слогом, свидетельствующим о сознании им безнадежности своего дела, он говорит, что ему кажется «крайне странным, что на долю профессора Брентано выпало спустя восемь лет разоблачить *mala fides* [недобросовестность] (Маркса)» И тут начинается хвастовство по поводу атаки, мастерски проведенной богоподобным Брентано, вскоре последовавших за этим

предсмертных судорог бесчестного Маркса и т. д. Как обстояло дело в действительности, наши читатели уже видели. В предсмертных судорогах отпадали только утверждения Брентано о присочиненной фразе.

Наконец, приведем еще в заключение следующие слова: «Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!»

«Подробное сличение текстов» уже совсем забавно. Анонимный Брентано цитирует *только* «Hansard». Маркс доставляет ему отчет «Times», дословно содержащий отсутствующую у «Hansard» оспариваемую фразу. После этого Брентано цитирует уже и отчет «Times», притом на три строчки дальше, чем цитировал его Маркс. Эти три строчки должны доказать, что «Times» и «Hansard» вполне совпадают, что якобы «присочиненная» Марксом фраза *не* помещена в отчете «Times», хотя она там дословно помещена, или, по крайней мере, что если она и помещена там, то имеет значение, противоположное тому, что она прямо говорит. Эту головоломную операцию Тейлор называет «подробным сличением текста».

Дальше, совершенно неверно, будто после этого Маркс уклонился от дальнейшего спора под предлогом якобы недостатка времени. И Седлей Тейлор знал это или обязан был знать. Мы видели, что Маркс доставил еще анонимному богоподобному Брентано доказательство того, что отчеты «Morning Star» и «Morning Advertiser» точно так же содержат «присочиненную» фразу. И только после этого он заявил, что не может больше жертвовать своим временем для анонимного автора.

Дальнейшая полемика между Тейлором и Элеонорой Маркс (документы № № 9, 10, и 11) показала прежде всего, что Седлей Тейлор ни на минуту не пытался сохранить в силе первоначальное обвинение в присочинении фразы. Он позволяет себе сказать, что это «имело совершенно второстепенное значение». Опять прямое отрицание факта, который был или должен был быть ему известен.

Во всяком случае, мы принимаем к сведению его признание, что этого обвинения нельзя больше поддерживать, и поздравляем с этим его друга Брентано.

В чем же в таком случае состоит обвинение? Оно сводится ко второй оборонительной позиции господина Брентано, утверждавшего, что Маркс хотел извратить смысл речи Гладстона, — новое обвинение, о котором, как мы уже указывали, Марксу никогда ничего не было известно. Во всяком случае, оно приводит нас в совершенно другую

область. Сперва речь шла об определенном факте: присочинил ли Маркс эту фразу или нет. Что это обвинение победоносно было опровергнуто Марксом, теперь никто не отрицает. Но новое обвинение в извращающем смысл цитировании приводит нас в область субъективных мнений, которые неизбежно должны быть различны. *De gustibus non est disputandum* [о вкусах не спорят]. То, что один считает неважным, — само по себе или для целей цитирования, — то другой может считать важным и решающим. Консерватор никогда не угодит своим цитированием либералу, а либерал консерватору, социалист же никогда не угодит ни одному из них, ни обоим вместе. Член какой-нибудь партии, против которого противники цитируют слова его собственных товарищей, обыкновенно находит, что в цитате выпущено самое существенное место, определяющее истинный смысл. Это так обычно и допускает столько индивидуальных взглядов, что никто обыкновенно не придает ни малейшего значения подобным обвинениям. Если бы Brentano воспользовался своей анонимностью для того, чтобы выставлять против Маркса только это обвинение, то последний едва ли считал бы необходимым ответить даже одно слово.

Чтобы со свойственной ему ловкостью придать делу этот новый оборот, Седлей Тейлор вынужден трижды отречься от своего друга и товарища Brentano. Он отрекается от него, во-первых, отбрасывая его первоначальное единственное обвинение в «присочинении» и даже отрицает его существование как первоначального и единственного. Затем он отрекается от него, без всякой церемонии отстраняя непогрешимого «Hansard», цитирование которого в качестве исключительного источника составляет «обычай» высоконравственного Brentano, и пользуется, выражаясь словами того же Brentano, «неизбежно плохим отчетом «Times». Он отрекается от него третий раз, — а также и от своего собственного письма в «Times» в придачу, — выискивая «соответствующую цитату» не в Учредительном манифесте, а в «Капитале». И это просто потому, что он никогда не видел в глаза Учредительного манифеста, на который он имел «дерзость» ссылаться в своем письме в «Times»! Вскоре после своего спора с Элеонорой Маркс он тщетно искал этот манифест в Британском музее и был там представлен своей противнице, у которой он спросил, не сможет ли она доставить ему экземпляр? Тогда я достал из своих бумаг экземпляр, который Элеонора послала ему. Ставшее для него благодаря этому возможным «подробное сравнение текста», повидимому, убедило его, что молчание — самый лучший ответ.

И, в самом деле, было бы совершенно излишне прибавлять хотя бы одно слово ко второму ответу Элеоноры Маркс (документ № 11).

V.

Третье действие. Напечатанное в документе № 12 необходимое извлечение из моего предисловия к 4-му изданию первого тома «Капитала» Маркса объясняет, почему я там должен был вернуться к давнишней полемике господ Brentano и Седлей Тейлора. Это предисловие заставило Brentano ответить. Ответ появился в брошюре: «Meine Polemik mit Karl Marx usw. von Lujo Brentano, Berlin 1890». Здесь он перепечатывает теперь наконец открыто свои анонимные статьи из «Concordia» и ответы Маркса в «Volksstaat», сопроводжая их предисловием и двумя приложениями, на которых мы принуждены волей-неволей остановиться.

Прежде всего мы должны констатировать, что и здесь нет больше речи о «присочиненной» фразе. На первой же странице цитируется фраза из Учредительного манифеста, а затем идет утверждение, что Гладстон, «в прямую противоположность указанию Карла Маркса, сказал», что эти цифры относятся только к плательщикам подоходного налога (эти слова Гладстона отмечены и Марксом, так как он определенно ограничивает эти цифры *подлежащим обложению доходом*), но что положение рабочего класса в то же самое время беспримерно улучшилось (эти слова Гладстона Маркс также приводит девятью строками выше инкриминируемой цитаты). Я предлагаю читателю самому сравнить Учредительный манифест (документ № 1) с утверждением Brentano (документ № 13), чтобы увидеть, как Brentano или «присочиняет» противоречие, или каким-нибудь другим способом фабрикует его там, где абсолютно никакого противоречия нет. Но так как обвинение в присочиненной фразе потерпело позорную неудачу, Brentano принужден, хотя он и убежден в противоположном, стараться внушить своим читателям, что Маркс хотел утаить тот факт, что Гладстон говорит здесь только о «подлежащем обложению доходе» или о доходах тех классов, которые владеют собственностью. При этом Brentano даже не замечает, что этим его первое обвинение превращается в свою противоположность, причем это второе обвинение прямо опровергает первое.

После того как он благополучно справился с этой «фальсификацией», он находит нужным обратить внимание «Concordia» на якобы сделанную Марксом «фальсификацию»; «Concordia» тогда предлагает ему написать статью против Маркса. Дальнейшее так восхитительно, что должно быть передано дословно.

«Статья не была мною подписана; с одной стороны, это было сделано по желанию редакции *в интересах престижа ее газеты*, с другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что после литературной полемики, которую прежде вел Маркс, можно

было ожидать, что он будет осыпать своего противника личными оскорблениями и что поэтому было бы *лишь забавно* оставить его в неведении относительно личности его противника».

Итак, редакция «Concordia» желала, чтобы «в интересах престижа ее газеты» Brentano скрывал свое имя! Какой же репутацией пользуется Brentano у своих собственных партийных друзей! Мы охотно верим ему, что нечто подобное с ним произошло, но что он сам повсюду об этом трубит, это просто бесподобно со стороны этого господина. Впрочем, это его дело и дело редакции «Concordia».

Так как «можно было ожидать, что Маркс будет осыпать своего противника личными оскорблениями», то было бы, конечно, «лишь забавно оставить его в неведении относительно личности его противника». Как можно осыпать *личными* оскорблениями человека, которого *не* знаешь, до сих пор остается тайной. Личные выпады возможны лишь в том случае, если что-нибудь знаешь о данном лице. Но ставший в интересах престижа газеты анонимным, господин Brentano избавил своего противника от этого труда. Он сам вдруг развязно «разразился бранью», сперва напечатанным жирным шрифтом обвинением в «присочинении», затем в «наглой лживости», в «простой бесчестности» и т. д. Господин Brentano, — не его аноним, — очевидно, сделал здесь описку. Не для того, чтобы известный Маркс мог «осыпать личными оскорблениями» неизвестного Brentano, а для того, чтобы скрывшийся Brentano мог осыпать «личными оскорблениями» известного Маркса, — именно для этого господин Brentano «с другой стороны, тем менее мог возражать» против предписанной ему анонимности.

И это должно было быть «забавно»! В самом деле, так и случилось, но не по желанию господина Brentano. Как Маркс, так позднее и его дочь, а теперь я, — все мы старались придать этой полемике веселый характер. Но тот успех, который мы при этом имели, велики он или мал, — мы имели за счет господина Brentano. Его статьи представляют собою все, что угодно, но только не нечто «забавное». Если здесь и есть что-либо забавное, то это может быть приписано исключительно ударам, которые Маркс направляет на теневую сторону его «оставшейся в неизвестности личности» и который потерпевший теперь задним числом хотел бы пропустить как «грубости его непристойной полемики». Острую полемику Вольтера, Бомарше, Поля Луи Курье называли «грубостями непристойной полемики» их противники — юнкера, попы, юристы или принадлежавшие к какому-нибудь другому цеху, что не мешало этим «грубостям» сегодня быть признанными в качестве выдающихся образцов произведений литературы. И мы получили так много удовольствия от этих и других подобных же образчиков «непристойной полемики»,

что и целой сотни Brentano не удастся увлечь нас в область немецкой университетской полемики, где царит только бессильная злоба немощной зависти и самая отчаянная скука.

Между тем Brentano полагает, что он настолько обработал своих читателей, что может теперь с развязной миной преподнести им изрядную понюшку табаку:

«А когда было доказано, что и «Times»... воспроизвел эту (гладстоновскую) речь в смысле, совпадающем со стенографическим отчетом, он (Маркс) поступил, как писала редакция «Concordia», подобно каракатице, выпускающей в воду черную жидкость, чтобы сделать ее мутной и затруднить своему противнику преследование, т. е. он изо всех сил старался затемнить предмет спора, придираясь к совершенно безразличным пустякам».

Если отчет «Times», который дословно содержит «присочиненную» фразу, по смыслу совпадает со «стенографическим», т. е. с «Napsard», который прямо опускает ее, и если Brentano опять хвастается, что он это доказал, то что же это может означать, как не то, что обвинение в «присочинении» фразы полностью, — хотя стыдливо и втихомолку, — отбрасывается и что Brentano, принужденный от нападения перейти к обороне, отступает на свою вторую оборонительную позицию? Мы только констатируем это: мы думаем, что в III и IV разделах мы разбили и эту вторую позицию в центре и атаковали ее с обоих флангов.

Но тут выступает подлинный университетский полемист. Когда гордый своей победой Brentano прижал таким образом своего противника к стене, тогда последний поступил как каракатица, замутил воду и затемнил спорный вопрос, выдвигая на первый план совершенно безразличные пустяки.

Иезуиты говорят: *si fecisti, nega*. Если ты что-нибудь совершил, отрицай это. Немецкий университетский полемист идет дальше и говорит: если ты выкинул какую-нибудь гнусную адвокатскую каверзу, то свали ее на твоего противника. Как только Маркс процитировал «Theory of the Exchanges» и профессора Бисли — и только потому, что они цитируют спорное место так же, как и он, — каракатица Brentano всеми присосками своих десяти ног «впился» в них и выпустил такое количество «черной жидкости», что нужно пристально присмотреться и принять энергичные меры, чтобы не потерять из виду действительный «предмет спора», а именно якобы присочиненную фразу. Во втором своем ответе он придерживается того же самого метода. Сперва затевается новый спор с Марксом по поводу значения выражения «classes in easy circumstances», спор, который в лучшем случае не мог кончиться ничем иным, кроме столь желательного для Brentano «затемнения». Затем он опять выпускает

черную жидкость по поводу знаменитого придаточного предложения, которое якобы Маркс умышленно скрыл и которое, как мы показали, отлично могло быть выпущено, так как факт, на который оно косвенно указывало, был уже ранее ясно и определенно приведен Марксом в процитированной им ранее фразе из речи. А в-третьих, у нашей каракатицы имеется еще в запасе довольно много черной жидкости, чтобы еще раз затемнить предмет спора утверждением, будто Маркс опять выпустил несколько предложений в цитате из «Times», — предложений, которые не имеют решительно ничего общего с единственным пунктом, который *в то время* являлся предметом спора, с якобы присочиненной фразой.

Такую же растрату черной краски мы видим в находящейся перед нами апологии самого себя. Сперва, конечно, опять фигурирует «Theory of the Exchanges». Затем вдруг нам преподносится лассалевский «железный закон заработной платы», хотя, как известно, Маркс имеет к нему такое же отношение, как Брентано к изобретению пороха, и хотя Брентано должно быть известно, что Маркс в I томе «Капитала» решительно отказался от какой бы то ни было ответственности за какие бы то ни было выводы Лассалья и что закон заработной платы в том же томе представлен Марксом как функция различных переменных величин, как чрезвычайно эластичный и поэтому далеко не железный. А раз в ход пошло выделение черной жидкости, то нет уже никаких препятствий; тут за волосы притягивается все, что угодно, конгресс в Галле, Либкнехт и Бебель, бюджетная речь Гладстона в 1843 г., английские профессиональные союзы, — все это, чтобы защититься против перешедшего в наступление противника посредством самовосхваления господина Брентано и его благородных, гуманных принципов, к которым с такой пронией относятся злые социалисты. Можно было бы подумать, что в стремлении «затемнить» вопрос участвует целая дюжина каракатиц.

И все это потому, что Брентано сам знает, что он безнадежно зарапортовался со своим утверждением о «присочиненной» фразе и у него нехватает мужества честно и открыто отказаться от него. «Если бы теперь» Брентано, — употребляя его собственные слова, — «просто признал, что он был введен в заблуждение... этой книгой», а именно «Hansard», «то, правда, можно было бы удивляться тому, что он полагался на подобные источники», как на безусловно достоверные, «но ошибка была бы, по крайней мере, исправлена. Но об этом у него не было и речи». Вместо этого извергается для затемнения целая масса чернил, и если мне здесь приходится быть столь многословным, то это объясняется тем, что мне приходится сперва устранить все эти притянутые за волосы посторонние вопросы и рассеять все, что затемняет вопрос, чтобы выделить действительный предмет спора.

Между тем Brentano имеет еще для нас *in petto* [в запасе] сообщение, которое действительно «может быть лишь забавным». В самом деле, с ним сыграли такую печальную шутку, что он и теперь не может успокоиться, пока не облегчит свое сердце от всех своих горестей. Сперва «Concordia» вычеркнула его имя в интересах престижа своей газеты. Brentano достаточно благороден, чтобы в интересах дела пойти на такую жертву. Затем Маркс обрушивается на него грубостями своей непристойной полемики. И это он принимает. На все это он хотел бы только «ответить дословной перепечаткой всей полемики». Но увы! «Редакции часто имеют свое собственное суждение; специальный журнал, который я считал для этого наиболее подходящим по сравнению с другими, отказался от перепечатки, заявив, что спор этот лишен общего интереса». Такова уже участь благородных людей в этом греховном мире: их лучшие намерения терпят неудачу благодаря испорченности и равнодушию людей. И чтобы вознаградить непризнанного простака за его незаслуженные неудачи, мы здесь преподносим ему «дословную перепечатку всей полемики», так как потребовалось бы еще довольно много времени, пока ему удалось бы найти редакцию, которая бы «не имела собственного суждения».

VI.

Брошюрка Brentano, кроме самовосхваления, служащего введением, содержит еще два приложения. В первом содержатся выписки из «Theory of the Exchanges», которые должны доказать, что эта книга была одним из главных источников, из которых Маркс составил свой «Капитал». Я не буду останавливаться на этом новом расточении черной краски. Я имею дело только со старым обвинением, помещенным в «Concordia». В течение всей своей жизни Маркс не мог угодить господину Brentano и не желал ему угождать. Поэтому у Brentano наверное есть неиссякаемый запас жалоб против Маркса, и было бы глупо с моей стороны вдаваться в них. Это значило бы в угоду ему переливать из пустого в порожнее.

Наивно только, что здесь, в конце цитаты, от Маркса требуется «воспроизведение действительной бюджетной речи». Именно это Brentano понимает под правильным цитированием. Конечно, если всегда необходимо воспроизводить всю действительную речь, то никогда еще ни одна речь не цитировалась без «искажения».

Во втором приложении Brentano наступает на меня. Я-де в 4-м издании I тома «Капитала» в якобы неправильной цитате ссылаюсь на «Morning Star». И этим Brentano пользуется, чтобы опять извержением потока черной краски совершенно затемнить первоначаль-

ный предмет спора, фразу в Учредительном манифесте, и вместо нее он метит в приведенное уже С. Тейлором место из «Капитала». Чтобы доказать, что я неправильно указываю источники и что Маркс мог заимствовать «неправильную цитату» только из «Theory of the Exchanges», Брентано печатает отчеты «Times», «Morning Star» и цитату по «Капиталу» рядом в параллельных столбцах. Это второе приложение перепечатано здесь в документе № 14 б.

Брентано начинает здесь отчет «Morning Star» словами: «Что касается меня» и т. д. (I must say for one etc.). Этим он таким образом утверждает, что предшествующие фразы о росте подлежащих обложению доходов от 1842 до 1852 г. и от 1853 по 1861 г. отсутствуют в «Morning Star», откуда, конечно, следует, что Маркс пользовался не «Morning Star», а «Theory of the Exchanges».

«Читатели» его брошюры, «в которых он заинтересован, не могут ведь его контролировать!» Но другие люди могут это сделать, и тогда они увидят, что это место все же имеется в «Morning Star». Мы перепечатываем его здесь, а рядом с ним место из «Капитала» по-немецки и по-английски для поучения Брентано и его читателей:

Morning Star от 17 апр. 1863.

In ten years, from 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent, as nearly as I can make out — a very considerable increase in ten years. But in eight years from 1853 to 1861 the income of the country again increased from the basis taken in 1853 by 20 per cent. The fact is so astonishing as to be almost incredible.

В переводе это означает:

За десять лет, с 1842 до 1852 г., подлежащий обложению доход страны повысился на 6%, поскольку я могу это установить, — очень значительный рост для десяти лет. Но за восемь лет, с 1853 до 1861 г., доход страны опять повысился на 20%, если

«Капитал», том I, изд. 1-ое, стр. 639; изд. 2-ое, стр. 678; изд. 3-ье, стр. 671; изд. 4-ое, стр. 617, примечание 103.*

From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent...

in the 8 years from 1853 to 1861...
...it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent. The fact is so astonishing as to be almost incredible.

С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%....,

за 8 лет, с 1853 по 1861 г. он повысился, если мы примем за

* [См. «Капитал», т. I, русское издание 1928—1932 гг., стр. 520. Ред.]

мы примем за основание 1853 г. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным.	основание 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным.
---	---

Отсутствие этой фразы в его цитате из «Morning Star» является главным козырем Brentano в его утверждении, что Маркс цитировал из «Theory of the Exchanges», а не из «Morning Star». Указанию, что цитата приведена по «Morning Star», он противопоставляет этот изобличающий пробел в параллельных столбцах. А между тем фраза эта имеется в «Morning Star», и именно в той же редакции, как у Маркса, и уличающий пробел является собственной фабрикацией Brentano. Если это не является «утаиванием», и к тому же еще «искажением», то в таком случае эти слова вообще не имеют никакого смысла.

Но если в *начале* цитаты Brentano «искажает» и если теперь он очень остерегается утверждать, что в *середине* этой самой цитаты Маркс «присочинил» фразу, то это нисколько не мешает ему постоянно утверждать, что в *конце* цитаты Маркс утаил часть ее.

В «Капитале» Маркс обрывает цитату на следующем месте: «Я не решаюсь утверждать, что крайности бедности уменьшились». Но этим не заканчивается фраза в отчете «Times» и «Morning Star», после запятой там следуют слова: «но положение британского рабочего в среднем — мы имеем счастье знать это — является необычайным (в «Times» сказано: за последние 20 лет положение британского рабочего улучшилось в такой степени, которая, как мы знаем, необычайна), так что мы можем считать его почти беспримерным в истории всех стран и времен».

Таким образом, Маркс здесь обрывает в середине фразы, «заставляет Gladstone закончить в середине фразы», «вследствие чего фраза эта теряет всякий смысл». И уже во втором ответе (документ № 7) Brentano называет это «абсолютно бессмысленным изложением».

Фраза Gladstone: «Я не решаюсь утверждать, что крайности бедности уменьшились», есть совершенно определенное законченное выражение. Если она имеет смысл, то она имеет его взятая сама по себе, в отдельности. Если же она не имеет смысла, то какое бы длинное окончание мы ни прибавили к ней посредством всяких «но», оно не придаст ей смысла. Если фраза эта не имеет «никакого смысла» в цитате Маркса, то в этом вина не Маркса, который ее цитирует, а Gladstone, который ее произнес.

Обратимся теперь для более глубокого расследования этого важного случая к единственному источнику, который, согласно «пра-

вам» господина Brentano, принято цитировать, — к непогрешимому «Hansard». Там, согласно собственному переводу Brentano, сказано:

«Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая полюсы богатства и бедности». *Точка.* И только *после* этой точки начинается новая фраза: «Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего» и т. д. Если Маркс здесь, таким образом, точно так же ставит точку, то он делает то же самое, что и непорочный «Hansard» и если Brentano делает из этой точки новое преступление Маркса и утверждает, будто Маркс обрывает Гладстона в середине фразы, то как раз он доверяет «неизбежно плохим газетным отчетам» и должен сам отвечать за последствия. Этим разбивается также утверждение, будто Маркс этой точкой сделал фразу совершенно бессмысленной; точка принадлежит не ему, а Гладстону, и о смысле или бессмыслице этой фразы Brentano следует говорить с Гладстоном, нас это больше не касается.

Brentano ведь и без того состоит в переписке с Гладстоном. Мы, конечно, не знаем, что Brentano ему писал, и мы точно так же знаем очень немного из того, что Гладстон писал Brentano. Во всяком случае, Brentano из гладстоновских писем напечатал только две маленькие фразы (документ № 16), относительно которых я в своем ответе (документ № 17) указал, что «эта произвольная мозаика вырванных из общей связи предложений» ничего не говорит в *пользу* Brentano, между тем как тот факт, что он прибегает к такому способу опубликования вместо напечатания всей корреспонденции, говорит весьма многое *против* него.

Но допустим на минуту, что обе эти маленькие фразы допускают только самое благоприятное для Brentano толкование. Что же из этого следует?

«Вы совершенно правы, а Маркс абсолютно неправ». «Я не сделал никаких изменений». Это будто бы — ибо, насколько мне известно, Гладстон по-немецки не пишет — слова экс-министра.

Значит ли это: я не произнес «пресловутой» фразы, и Маркс ее «присочинил»? Конечно, нет. Восемь лондонских утренних газет до 17 апреля 1863 г. единогласно называли бы подобное утверждение лживым. Что фраза эта была произнесена, они доказывают без всякого сомнения. Если, таким образом, Гладстон не внес никаких изменений в отчет «Hansard», — хотя я на двенадцать лет моложе его, я не доверял бы так уверенно своей памяти относительно таких мелочей, которые имели место 27 лет тому назад, — то отсутствие фразы у «Hansard» ничего не говорит в пользу Brentano и говорит очень многое против «Hansard».

Если оставить в стороне этот единственный пункт о «присочиненной» фразе, то мнение Гладстона здесь совершенно ничего не доказывает. Ибо, если только мы оставили в стороне этот пункт, мы попадаем в область ничего не говорящих мнений, где каждый после многолетнего спора полагается только на свою память. Что господин Гладстон, поскольку ему приходится быть цитируемым, предпочитает метод цитирования Брентано, этого восхищенного его сторонника, методу цитирования Маркса, этого резко критикующего его противника, — это вполне понятно, и это его бесспорное право. Для нас же и для вопроса, цитировал ли Маркс без злого умысла или со злым умыслом, взгляд Гладстона по этому вопросу не имеет даже такого значения, как взгляд первого встречного незаинтересованного третьего лица, так как в этом вопросе Гладстон уже является не свидетелем, а стороной.

VII.

В заключение остановимся еще коротко на том, что сказал Гладстон в том действительно ставшем «пресловутым» благодаря Брентано месте своей бюджетной речи в 1863 г. и что из сказанного им Маркс цитировал, «присочинил» или «утаил». Чтобы по возможности пойти навстречу господину Брентано, мы возьмем за основу неопроверженного «Hansard» и к тому же в его собственном переводе.

«За десятилетие с 1842 по 1852 г. включительно подлежащий обложению доход страны, насколько мы могли это точно установить, увеличился на 6%; а за восемь лет, с 1853 до 1861 г., доход страны опять-таки увеличился на 20% по сравнению с исходной величиной. Это настолько необычайный и поразительный факт, что он представляется почти невероятным».

Против этой цитируемой Марксом фразы Брентано сам ничего не возражает, кроме только того, что она якобы взята из «Theory of the Exchanges». Но по поводу цитаты Брентано здесь нужно заметить, что и он далек от цитирования «действительной бюджетной речи». Он устраняет следующий затем экскурс Гладстона по вопросу о причинах этого поразительного увеличения, не отмечая даже многоточием пропущенные места. Далее следует:

«Так, господин председатель, обстоит дело, поскольку речь идет о всеобщем увеличении накопления. Что же касается меня, то я должен сказать, что я смотрел бы с болью и большой тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если бы думал, что этот рост ограничивается тем классом людей, который можно характеризовать как пользующийся благосостоянием. Цифры, которые я привел, совершенно не отражают — или отражают в очень слабой степени — положение тех, которые не платят подоходного налога;

или другими словами: хотя для выяснения истинного положения дел эти цифры в общем вполне достаточны, они совершенно не отражают собственности рабочего населения и увеличения его доходов.

Здесь далее следует, согласно Брентано, фраза, «присочиненная» Марксом, но безусловно сказанная Гладстоном по свидетельству всех восьми утренних газет от 17 апреля:

«Увеличение, которое я описал и которое, как я полагаю, основано на точных данных, есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью» («Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» «Daily Telegraph»). «Оно всецело ограничивается увеличением капитала» («Morning Herald», «Standard», «Daily News», «Morning Post»).

«Hansard» после слова «доходов» тотчас же продолжает: «Косвенно, впрочем, даже *простое увеличение капитала* крайне выгодно для рабочего класса, так как это увеличение удешевляет тот товар, который во всем процессе производства непосредственно вступает в конкуренцию с трудом».

Несмотря на то, что «Hansard» пропускает «пресловутую» фразу, он в этом вопросе говорит совершенно то же самое, что говорят остальные газеты: было бы очень неприятно для оратора, если бы это ошеломляющее увеличение ограничивалось *classes in easy circumstances* [зажиточными классами]. Но хотя он очень об этом сожалеет, тем не менее описанное им увеличение ограничивается людьми, которые не принадлежат к рабочему классу и которые достаточно богаты, чтобы платить подоходный налог, и это есть в действительности «лишь увеличение капитала»!

И здесь, наконец, раскрывается секрет гнева Брентано. Он прочитывает эту фразу в Учредительном манифесте, находит там роковое признание, добывает себе версию «Hansard», не находит там злополучной фразы и спешит объявить всему миру, что Маркс формально и по существу присочинил эту фразу! — Маркс показывает ему эту фразу в «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser». Теперь, наконец, Брентано должен хотя бы для видимости заняться «подробным сличением текстов». И что же он находит? Что «Times», «Morning Star», «Morning Advertiser» «по существу вполне совпадают» с «Hansard». К сожалению, он упускает из виду, что в таком случае и «присочиненная» фраза должна по существу полностью совпадать с «Hansard» и что отсюда должно, наконец, вытекать совпадение по существу «Hansard» с Учредительным манифестом.

И весь этот шум был поднят только потому, что Брентано упустил произвести подробное сличение текстов, якобы сделанное Седлей Тейлором, и в сущности не понял даже, что сказал Гладстон согласно «Hansard». Правда, это было не совсем легко, ибо несмотря на утверждение

Брентано, что эта речь «вызвала к себе внимание и удивление всего образованного мира... в особенности... вследствие ее ясности», читатели могли убедиться, что, по «Hansard», она произнесена крайне напыщенно, запутанным языком, сопровождается многими оговорками и запутывается в своих собственных повторениях. В особенности чистейшим вздором является фраза о том, что увеличение капитала представляет чрезвычайное преимущество для рабочих, потому что оно удешевляет тот товар, который в процессе производства *непосредственно вступает в конкуренцию с трудом*. Если какой-нибудь товар вступает в конкуренцию с трудом, и этот товар (например машины) становится дешевле, то первым и ближайшим результатом его является падение заработной платы. И это, по господину Гладстону, было бы «крайне выгодно для рабочего класса»! Как гуманно поступили некоторые лондонские утренние газеты, например «Morning Star», приписав в своих «неизбежно плохих» отчетах к вышеупомянутой непонятной фразе то, что Гладстон, вероятно, *хотел* сказать, а именно, что увеличение капитала полезно для рабочих благодаря удешевлению главных предметов потребления!

Мы не можем знать, имел ли Гладстон в виду, когда он говорил, что с болью и с большим беспокойством смотрел бы на этот ошеломляющий рост, если бы он должен был думать, что этот рост ограничен зажиточными классами, — имел ли он *в виду* другой рост богатства, кроме того, о котором он только что *говорил*, а именно значительно улучшившегося, по его мнению, положения всей нации; не *забыл* ли он немедленно о том, что он говорил об увеличении доходов классов, платящих подоходный налог, а не о каком-либо другом, — об этом мы ничего не можем знать. Маркс был обвинен в фальсификации, и здесь речь идет о тексте и его грамматическом смысле, о том, что *сказал* Гладстон, а не о том, что он, может быть, *хотел* сказать. Этого последнего Брентано также не знает, да и сам Гладстон через 27 лет также не является в этом отношении компетентным. И нас это, во всяком случае, нисколько не касается.

Итак, совершенно ясный смысл этих слов состоит в следующем. — Подлежащий обложению доход вырос ошеломляющим образом. Мне было бы очень жаль, если бы это только что описанное увеличение ограничилось только зажиточными классами, но оно ограничивается только ими, так как рабочие не имеют подлежащих обложению доходов; это, следовательно, — простое увеличение капитала! Но и оно выгодно для рабочих, потому что оно и т. д.

Приведем теперь Маркса: «Ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». Так передана фраза в Учредительном манифесте, который дал повод ко всему этому ожесточенному спору. Но с тех пор, как Брентано не осмеливается

больше утверждать, что Маркс ее присочинил, нет уже речи об Учредительном манифесте, и все нападки направлены против цитирования этого места в «Капитале». Так Маркс прибавляет еще следующую фразу: «но... это увеличение капитала может представлять косвенным образом выгоду для рабочего населения, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления».

«Произвольно составленная мозаика фраз, вырванных из общей связи», у Маркса говорит таким образом «по существу», «только в более сжатой форме» как раз именно то, что, по словам незапятнанного «Hansard», говорил Гладстон. Единственный упрек, который можно сделать Марксу, состоит в том, что он, пользуясь «Morning Star» а не «Hansard», придает смысл заключительной фразе Гладстона, которая у последнего представляла бессмыслицу.

Далее следует у «Hansard»: «Но кроме того можно с уверенностью утверждать, что на долю массы народа выпали более непосредственные и более крупные выгоды. Глубокое и неопенимое утешение доставляет сознание, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая крайние полюсы богатства и бедности».

У Маркса сказано: «В то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли крайности бедности».

Маркс передает только кратко оба тощих положительных утверждения, которые у «Hansard» разбавлены целой массой ничего не говорящих елейных фраз. Можно с уверенностью сказать, что они от этого ничего не теряют, а, наоборот, выигрывают.

Наконец, в заключение у «Hansard» сказано: «Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего, будь то крестьянин или горнорабочий, необученный или обученный рабочий, то мы увидим из многочисленных и несомненных показаний, что за последние двадцать лет произошло такое огромное увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории любой страны и любого исторического периода».

Эта фраза приведена в Учредительном манифесте несколькими строками раньше вышеприведенной «пресловутой» фразы. Там сказано: «Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г. в период тысячелетнего царства свободной торговли, в то время, когда канцлер казначейства говорил в Нижней палате: «Положение британского рабочего в среднем улучшилось до такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и беспримерна в истории всех стран и времен». Таким образом, все существенное приведено. Но Брентано упорно скрывает от своих

читателей, которые, конечно, не могут его контролировать, что это сказано в Учредительном манифесте. Не можем же мы преподнести каждому из его читателей по экземпляру, как Седлей Тейлору.

Notabene: В своем втором ответе (документ № 6) Марксу пришлось защищать только Учредительный манифест, так как до тех пор Брентано еще не втянул в круг своих придирок указанное место из «Капитала». И в последовавшем после этого втором возражении (документ № 7) нападки Брентано все еще направлены против Учредительного Манифеста и защиты его Марксом.

Только после смерти Маркса делу придали новый оборот, притом это сделал не Брентано, а его кембриджский оруженосец. Только теперь было открыто, что Маркс в «Капитале» скрыл убедительные утверждения Гладстона о беспримерном улучшении положения британских рабочих и этим придал противоположный смысл словам Гладстона.

Здесь мы должны констатировать, что Маркс упустил случай воспользоваться блестящим риторическим оборотом. Весь отдел, во введении к которому была цитирована речь Гладстона, имеет целью привести доказательства того, что огромное большинство британского рабочего класса именно во время этого ошеломляющего увеличения богатства находилось в подавленном и унижительном положении. Какой поразительный контраст с этими извлеченными из официальных парламентских отчетов данными о нищете масс представляли бы эти напыщенные слова Гладстона о беспримерном в истории всех стран и времен счастливом положении британского рабочего класса!

Но если Маркс не желал воспользоваться этим риторическим эффектом, то у него не было никакого основания цитировать эти слова Гладстона; во-первых, они не представляют ничего, кроме общепринятой фразы, повторение которой каждый британский канцлер казначейства считает долгом приличия в хорошие или даже сносные времена; эти слова поэтому не имеют никакого значения. Во-вторых, Гладстон через год отказался от этих слов, когда он в своей следующей бюджетной речи от 7 апреля 1864 г., в период еще большего промышленного расцвета, говорил о массах, находящихся «на краю пауперизма», и об отраслях промышленности, «в которых заработная плата не поднялась», и когда он заявил — согласно «Hansard»: «И опять-таки, что же в общем представляет в большинстве случаев человеческая жизнь, как не борьбу за существование?»¹ Но эту бюджетную

¹ Приводим здесь продолжение этой речи по «Hansard». — Число пауперов упало до 840 000. «Сюда не включены те, которые получают вспомоществование от благотворительных учреждений или получают поддержку от частной благотворительности... Кроме всего этого примите во внимание тех, которые находятся на границе этой области, а также [подумайте], сколько рабочих мужественно,

речь Гладстона Маркс цитирует непосредственно после речи 1863 г., и если сам Гладстон 7 апреля 1864 г. объявлял не существующим то беспримерное благосостояние, для существования которого у него 16 апреля 1863 г. имелись «многочисленные и несомненные показания», то для Маркса отпадал и последний повод цитировать эти бойкие, но, к сожалению, эфемерные даже для Гладстона утверждения. Он мог удовлетвориться заявлением оратора, что в то время как доходы в 150 ф. ст. и выше возросли ошеломляющим образом, бедные будто бы стали во всяком случае менее бедны, а пропасть между крайним богатством и крайней бедностью едва ли стала меньше.

Мы не станем говорить о манере официальных немецких экономистов цитировать Маркса отдельными фразами, вырванными из общей связи. Если бы он после каждой такой цитаты поднимал шум на манер господина Брентано, он никогда не мог бы с этим покончить.

Рассмотрим однако немного подробнее беспримерный рост средств существования, которыми пользовался тогда британский рабочий, крестьянин или горнорабочий, квалифицированный или неквалифицированный рабочий.

Крестьянин в Англии и в большей части Шотландии является только сельскохозяйственным наемным рабочим. В 1861 г. имелось всего 1 098 261 крестьян, из них батраков живущих на ферме 204 962¹. С 1849 до 1859 г. их денежная заработная плата повысилась на 1, а в некоторых случаях на 2 шилл. в неделю, однако в последнем счете это повышение оставалось по большей части только номинальным. Каково было их положение в 1863 г., в каких поистине собачьих жилищных условиях они жили, описывает доктор Хантер (Public Health Report, VII, 1864 [Отчет о народном здравии]). «На содержание сельского рабочего тратится самая низкая сумма, на которую только можно жить». Согласно тому же отчету, снабжение средствами пропитания части семейств рабочих (в особенности в восьми

но с большим трудом ведут борьбу, чтобы удержаться на уровне, находящемся выше положения пауперов». В приходе одного священника в восточной части Лондона из 13 000 душ 12 000 всегда находятся на краю буквальной нищеты. Один хорошо известный филантроп заявил, что в восточной части Лондона имеются целые кварталы, где никогда нельзя увидеть ни омнибуса, ни пролетки, никогда нельзя услышать уличной музыки или даже встретить нищего... Конечно, средства для того, чтобы вести борьбу за существование, *несколько лучше, чем прежде* (1)... Во многих местах заработная плата поднялась, но во многих других она не поднялась и т. д. — И эта иеремияда печатается через год после напыщенных заявлений о «беспримерном» подъеме!

¹ Цифры взяты частью из переписи за 1861 г., частью же из отчетов Children's Employment Commission 1863 — 67 [Комиссии по обследованию детского наемного труда 1863 — 67].

поименованных графствах) ниже минимума, абсолютно необходимого для предотвращения вызываемых голодом болезней. А профессор Торольд Роджерс, политический сторонник Гладстона, заявляет в 1866 г. (*History of Agriculture and Prices* [История сельского хозяйства и цен]), что сельские рабочие опять стали крепостными и — как он доказывает исчерпывающим образом — крепостными, пользующимися плохим пропитанием и плохим жилищем, живущими гораздо хуже, чем их предки во времена Артура Юнга (1770 — 1780 гг.), и несравненно хуже поденных рабочих в XIV — XV столетиях. — С «крестьянами», следовательно, Гладстону решительно не везет.

Как же обстоит дело с «горнорабочими»? По этому вопросу у нас имеется парламентский отчет за 1866 г. В 1861 г. в Соединенном королевстве работало 565 875 горнорабочих, из них в угольных копях 246 613. В последних плата мужчин немного повысилась, к тому же у них по большей части восьмичасовая смена, между тем как подростки должны работать от 14 до 15 часов. Рудничная инспекция — чистейший фарс: на 3 217 копеек имеется всего 12 инспекторов. В результате чего жизнь массы горнорабочих приносится в жертву взрывам, которых по большей части можно было бы избежать. Владельцы копеек обыкновенно вознаграждают себя за небольшое повышение заработной платы вычетами из заработной платы посредством обмеривания и обвешивания. В железных рудниках, согласно отчету Royal Commission [Королевской комиссии] за 1864 г., положение еще хуже.

А как же обстоит дело с «обученными» рабочими? Возьмем металлистов, их всего 396 998. Из них от 70 000 до 80 000 слесарей-механиков, которые находились в самом деле в хорошем положении благодаря силе сопротивления их старого, сильного и богатого профессионального союза. Также и у других рабочих металлистов, поскольку они должны были обладать физической силой и ловкостью, наблюдался известный подъем, который был естественным в период снова улучшившегося в 1859 и 1860 гг. положения дела. Наоборот, положение занятых в этом же производстве женщин и детей (в одном только Бирмингеме и окрестностях было 10 000 женщин и 30 000 подростков моложе 18 лет) было достаточно бедственным, положение же кузнецов, производящих гвозди и цепи (26 130), было крайне бедственным.

В текстильной промышленности 456 646 прядильщиков хлопка и ткачей, к которым надо прибавить еще 12 556 ситцепечатников, составляют большинство. Вероятно, они были бы очень удивлены, услышав о своем беспримерном счастье — в апреле 1863 г., во время самого сильного недостатка хлопка и американской гражданской войны, в то время (в октябре 1862 г.), когда 60% веретен и 58% ткацких станков не работали, остальные же работали только 2 — 3 дня в не-

делю; когда больше 50 000 рабочих хлопчатобумажной промышленности, одиночки и семейные, получали помощь от общественной благотворительности или от комитета помощи, а (в марте 1863 г.) 125 625 получали от того же Комитета за голодную плату занятие на общественных работах или в школах шитья! (Watts, The Facts of the Cotton Famine 1866, p. 211. [Уотс, Факты о хлопковом голоде в 1866 г., стр. 211]). Остальным текстильным рабочим, особенно в шерстяной и льняной отраслях, было относительно неплохо, недостаток хлопка поднял степень их занятости.

Отчеты Children's Employment Commission дают нам самые точные сведения о положении дел в целом ряде менее крупных отраслей хозяйства. Чулочное производство — 120 000 рабочих, из которых только 4 000 защищены фабричным законом, в числе остальных — много малолетних детей, — огромный чрезмерный труд; плетение кружев и аппретура, по преимуществу кустарное производство, — из 150 000 рабочих только 10 000 пользуются защитой фабричного закона, колоссальный чрезмерный труд детей и девушек; плетение соломы и выделка соломенных шляп — 40 000, почти исключительно дети, которых постыдно изводят работой; наконец, производство одежды и обуви, в котором занято 380 218 портных и модисток, 380 716 белощвеек и — только в Англии и Уэльсе — 573 380 мужчин-рабочих, из них 273 223 сапожников и 146 042 портных, из которых $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ моложе 20 лет. Из этих $1\frac{1}{4}$ миллиона самое большее 30% мужчин, работавших на частных заказчиков, находились в более или менее сносных условиях. Остальные, — как и во всех других приведенных здесь отраслях производства, — подвергались эксплуатации посредников, факторов и предпринимателей, этих выжимателей пота, как их называют в Англии, и это одно уже характеризует положение этих слоев рабочих: огромный чрезмерный труд при нищенской заработной плате.

Не лучше обстояло дело с «беспримерным» счастьем рабочих в бумажной промышленности (100 000 рабочих, из которых половину составляют женщины), в горшечном деле (29 000), в шляпном деле (15 000 в одной только Англии), в стекольной промышленности (15 000), в печатном деле (35 000), производстве искусственных цветов (11 000) и т. д., и т. д.

Одним словом, Children's Employment Commission требовала, чтобы не меньше 1 400 000 занятых в промышленности женщин, подростков и детей были поставлены под защиту фабричного закона, чтобы оградить их от разрушающего действия чрезмерного труда.

Наконец, число пауперов, живущих за счет благотворительности, составляло в 1863 г. 1 079 382.

На основании этого мы можем сделать приблизительный подсчет

тех рабочих, которым в 1863 г., без сомнения, очень плохо жилось: сельских рабочих средним числом 1 100 000, рабочих хлопчатобумажной промышленности 496 000, швей и модисток 751 000, портных и сапожников — за вычетом 30% — 401 000, рабочих кружевной промышленности 150 000, производства бумаги 100 000, чулочного производства 120 000, мелких отраслей промышленности, обследованных Ch. Empl. Commission, 189 000, наконец пауперов 1 079 000. Всего 4 549 000 рабочих, к которым в ряде случаев надо еще прибавить членов их семейств.

А ведь 1863 год был *благоприятным* промышленным годом. От кризиса 1857 г. промышленность уже целиком оправилась, спрос быстро увеличивался, за исключением хлопчатобумажной промышленности почти все отрасли промышленности работали полным темпом. Где же здесь «беспримерное» повышение?

Фабричное законодательство сороковых годов значительно подняло положение охватываемых им рабочих. Но это касалось в 1863 г. только рабочих, занятых в шерстяной, полотняной и шелковой промышленности, — круглым счетом 270 000, рабочие же хлопчатобумажной промышленности умирали с голоду. В белильном и красильном производстве законодательная охрана существовала только на бумаге. Далее, в тех отраслях промышленности, в которых необходима полная мужская сила, а иногда и ловкость, сопротивление организованных в профессиональные союзы рабочих доставило последним участие в выгодах благоприятного для промышленности сезона в форме более высокой заработной платы, и можно сказать, что в среднем в *этих* отраслях промышленности, требующих приложения тяжелого мужского труда, уровень жизни рабочих определенно повысился, хотя все же смешно изображать это повышение как «беспримерное». Но в то время, как огромная масса производительного труда переложена на машины, которые обслуживаются слабыми мужчинами, женщинами и незрелыми работниками, политики все еще продолжают рассматривать сильных, занятых тяжелым трудом мужчин как единственных рабочих и по их положению судят о положении всего рабочего класса.

Этим вышеупомянутым $4\frac{1}{2}$ миллионам находящихся в тяжелом положении рабочих и пауперов мы можем противопоставить 270 000 текстильных рабочих в шерстяной, льняной и шелковой промышленности. Мы можем далее принять, что из 376 000 рабочих металлистов одна треть живет хорошо, вторая треть — сносно и лишь последняя треть, к которой принадлежат рабочие моложе 18 лет, гвоздари, кузнецы, изготовляющие цепи и женщины, — плохо. Положение 566 000 горнорабочих мы в среднем можем считать сносным. Хорошим можно считать положение строительных рабочих, за исключе-

нием хлопчатобумажных районов. Из столяров в мебельном производстве самое большое $\frac{1}{3}$ находилась в хороших условиях, остальная масса работала на хозяйчиков-эксплоататоров (sweaters [выжимателей пота]). У железнодорожных служащих уже тогда господствовал огромный чрезмерный труд, который лишь в последние 20 лет вызвал организованное сопротивление. Одним словом, мы едва ли насчитаем всего на всего один миллион рабочих, относительно которых мы можем сказать, что их положение улучшилось в связи с ростом промышленности и прибылей капиталистов; остальные находятся в среднем положении, в общем извлекают ничтожную пользу из общего улучшения состояния промышленности или же состоят из смешанных по полу и возрасту рабочих сил, так что улучшение положения мужского труда компенсируется чрезмерным трудом женщин и подростков.

А если этого еще недостаточно, то можно сравнить отчеты о народном здравии (Public Health), которые понадобились именно потому, что «беспримерное» улучшение положения рабочего класса за последнее двадцатилетие до 1863 г. выразилось в распространении тифа, холеры и других столь же милых болезней, которые, наконец, проникли из рабочих кварталов в аристократические кварталы городов. В этих отчетах было произведено расследование беспримерного «роста средств к жизни» британских рабочих в отношении жилищ и пропитания и было найдено, что в многочисленных случаях жилища их являются прямо очагами болезней, а пища скудна и находится на уровне или даже ниже уровня, при котором неизбежно развиваются болезни, вызываемые голодом.

Таково было, следовательно, действительное положение британского рабочего класса в начале 1863 г. Такой вид имело «беспримерное» улучшение положения рабочего класса, которым кичится Гладстон. И если Маркса можно в чем-нибудь упрекнуть, то в том, что, опустив указанное хвастливое высказывание господина Гладстона, он оказал ему незаслуженную услугу.

Вывод: Во-первых, Маркс ничего не «присочинил».

Во-вторых, он не «утаил» ничего такого, на что Гладстон имел бы право жаловаться.

И, в-третьих, то обстоятельство, что из многих тысяч цитат в произведениях Маркса Брентано и К^о наподобие пиявок прицепились к этой единственной цитате, доказывает, что они прекрасно знают, «как цитирует Карл Маркс» — а именно, что он цитирует правильно.

ДОКУМЕНТЫ.

1. ИНКРИМИНИРУЕМЫЕ ЦИТАТЫ.

№ 1. Учредительный манифест.

Первое издание озаглавлено: Address and Provisional Rules of Working Men's Association established September 28, 1864 at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London. Price one penny. Printed at the «Beehive» Newspaper Office 10, Bolt Court, Fleet Street, 1864. [Адрес и Временный устав Международного товарищества рабочих, учрежденного 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в Лондоне в зале св. Мартина]. Манифест начинается следующими словами: «Весьма знаменателен тот факт, что с 1848 г. по 1864 г. нищета рабочих масс не уменьшилась, между тем как этот период является беспримерным в отношении развития промышленности и роста торговли». В виде доказательства приведены факты из отчетов «Public Health» о недостаточном питании различных групп городских и сельских рабочих. Затем манифест продолжает:

«Such are the official statements published by order of Parliament in 1864, during the millenium of free trade, at a time when the chancellor of the Exchequer told the House of Commons that «the average condition of the British labourer has improved in a degree we know to be extraordinary and unexampled in the history of any country or any age». Upon these official congratulations jars the dry remark of the Official Public Health Report: «The Public Health of a country means the health of its masses and the masses will scarcely be healthy unless, to their very base, they be at least moderately prosperous».

«Dazzled by the «Progress of the Nation» statistics dancing before his eyes, the Chancellor of the Exchequer exclaims in wild ecstasy: «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent, in the eight years (from 1853 to 1861) it has increased from the basis taken in 1853 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible!.. This intoxicating augmentation of wealth and power, adds Mr. Gladstone, is entirely confined to classes of property».

В переводе это означает:

«Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в период тысячелетнего царства свободной торговли, в то время, как канцлер казначейства сказал в Палате общин, что «положение британского рабочего в среднем улучшилось до такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и беспримерна в истории всех стран и времен!». Но каким резким диссонансом по отношению к этим казенным самовосхвалениям звучит сухое краткое замечание официального Public Health Report [Отчет о народном здравии]: «Под народным здравием какойнибудь

страны следует понимать здоровье ее народной массы. Но эти массы едва ли могут быть здоровы, если они не пользуются, до последних слоев своих, самым скромным благосостоянием».

«Ослепленный «прогрессом нации» сбитый с толку статистическими цифрами, канцлер казначейства восклицает в диком экстазе: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны увеличился на 6%; за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, прибавляет к этому Гладстон, всецело ограничивается имущими классами».

№ 2. «Капитал».

Маркс „Капитал“, I т., 3-е изд., стр. 670—672.

«После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора британского народа: «Как ни быстро возрастало население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства». ¹⁰¹ Обратимся теперь к непосредственным деятелям этой промышленности или к производителям этого богатства, к рабочему классу. «Одна из самых печальных черт социального положения страны, — говорит Гладстон, — заключается в том, что наряду с уменьшением потребительной силы народа и с возрастанием лишений и нищеты трудящегося класса происходит постоянное накопление богатства в высших классах и постоянное приращение капитала». ¹⁰² Так говорил этот елейный министр в Палате общин 14 февраля 1843 г. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г. внося свой бюджет, он говорил: «С 1842 г. по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления — в то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли крайности бедности». ¹⁰³ Как слаба утешительная часть речи! Если рабочий класс остался «беден»,

¹⁰¹ Census etc. I. c. p. 11. [Перепись и т. д., цит. соч., стр. 11].

¹⁰² Гладстон в Палате общин 14 февраля 1843 г. «It is one of the most melancholy features in the social state of the country, that while there was a decrease in the consuming power of the people, and an increase in the privations and distress of the labouring class and operatives, there is at the same time a constant accumulation of wealth in the upper classes, an increase and a constant increase of capital».

¹⁰³ «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... in the 8 years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent. The fact is so astonishing as to be almost incredible... this intoxicating augmentation of wealth and power... entirely confined to classes of property.. must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption — while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! at any rate, whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say». Речь Гладстона в Палате общин 16 апреля 1863 г.

но только «менее беден», в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался столь же бедным. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства. Что же касается удешевления средств существования, то официальная статистика, напр. данные лондонского Orphan Asylum [сиротского приюта] обнаруживают за трехлетие 1860 — 1862 гг. вздорожание их в среднем на 20% по сравнению с трехлетием 1851 — 1853 гг. В следующие три года 1863 — 1865 — прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля и целой массы других необходимых средств существования.¹⁰⁴ Следующая бюджетная речь Гладстона, 7 апреля 1864 г., представляет пиндаровский дифирамб прогрессу обогащения и умеряемому «бедностью» счастью народа. Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих словах: «Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»¹⁰⁵.

Профессор Фоусетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, без всяких околичностей заявляет: «Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала (за последние десятилетия), но этот кажущийся выигрыш в значительной степени уничтожается тем, что многие необходимые средства существования все дорожают (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов)... Богатые быстро становятся все богаче («the rich grow rapidly richer»), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, которым они задолжали»¹⁰⁶. [«Капитал», т. I, ОГИЗ, 1930 г., стр. 520 — 521].

¹⁰⁴ См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the Un. Kingdom, Part. VI. London, 1866», p. 260 — 273 passim [Разные статистические данные Соединенного королевства, Лондон, 1866 г., ч. VI, стр. 260 — 273, повсюду].

Добавление ко 2-му изданию. В качестве доказательства вместо статистики сиротских приютов и т. д. могли бы послужить также декларации министерской газеты, когда они выступают на защиту выдачи приданого детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне средств существования.

¹⁰⁵ «Think of those, who are on the border of that region (pauperism)», «wages... in others not increased.... human life is but in nine cases out of ten a struggle for existence» (Gladstone, Н. о. С. 7 Apr. 1864). Один английский писатель характеризует постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона в 1863 и 1864 гг. следующей цитатой из Мольера:

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir,
Il condamne au matin ses sentiments du soir,
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode».

[Вот, каков человек в самом деле. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех других, в тягость себе самому, он каждую минуту меняет свои мнения, как моду.] (The theory of the Exchanges etc. Lond. 1864, p. 135).

¹⁰⁶ Н. Fawcett, l. c. p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов в их занятиях.

П. БРЕНТАНО И МАРКС.

№ 3. Обвинение.

„Concordia“ № 10, 7 марта 1872 г.

Как цитирует Карл Маркс.

В составленном Карлом Марксом Учредительном манифесте¹ Международного товарищества рабочих имеется следующее место:

«Ослепленный «прогрессом нации», сбитый с толку статистическими цифрами, канцлер казначейства восклицает в диком экстазе: «С 1842 до 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 6%, а за восемь лет, 1853 — 1861 гг., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Этот факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... *Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», п р и б а в л я е т Г л а д с т о н, «всецело ограничивается имущими классами».*

Эта цитата Маркса получила громкую известность. Мы встретили ее в целом ряде статей. Но, конечно, авторы редко указывали на Учредительный манифест Международного товарищества рабочих как на источник, из которого они ее извлекли. Они заставляли предполагать, будто они сами читали бюджетную речь Гладстона. Насколько это верно в данном случае, можно судить из следующего сравнения речи Гладстона (ср. Hansard, Parliamentary Debates, 3 Series. Vol. 170, стр. 243 и сл.):

«Подходящий налог в 7 пенсов с фунта в 1842 — 43 г., имевший силу только для Великобритании и взимавшийся в ней только с доходов в 150 ф. ст. и более, в названной мной росписи намечен с общей суммы доходов, достигавшей 156 000 000 ф. ст. Исчисленные на такой же самой основе и с теми же самыми ограничениями доходы в 1860 — 1861 г. составляли 221 000 000 ф. ст. И мне не известно, чтобы произошло какое-нибудь изменение в налоговом деле, или произошло какое-нибудь улучшение в способе взимания налогов, которым как-нибудь можно было бы объяснить разницу. Наоборот, от поры до времени законодательство делало уступки или облегчения, которые, поскольку они имели влияние, скорее имели бы противоположное действие. Разница составляет, однако, не меньше 65 000 000 ф. ст. годового дохода или двух седьмых общего облагаемого налогом дохода страны на указанном основании. Это — в высшей степени замечательный результат; притом одна особенность этого результата при серьезном рассмотрении еще более заслуживает внимания, а именно ускоренный рост в последнюю часть этого периода. Я еще раз прошу комитет уделить несколько минут внимания этому вопросу. Я сравниваю два периода — один до 1853 г. и второй начиная с 1853 г., когда изменено было основание. За десятилетие с 1842 по 1852 г. включительно подлежащий обложению доход страны, насколько мы могли это точно установить, увеличился на 6%; а за восемь лет с 1853 — 1861 гг. доход страны опять-таки увеличился на 20% по сравнению с исходной величиной. Это настолько необычайный и поразительный факт, что он представляется почти невероятным».

¹ Перепечатан в «Volksstaat», № 5 от 17 января 1872 г.

«Так, господин председатель, обстоит дело, поскольку речь идет о всеобщем увеличении накопления. Что же касается меня, *то я должен сказать, что я смотрел бы с болью и большой тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если бы я думал, что он ограничивается тем классом людей, который можно характеризовать как пользующийся благосостоянием.* Цифры, которые я привел, совершенно не отражают — или отражают в очень слабой степени — положение тех, которые не платят подоходного налога; или, другими словами: хотя для выяснения истинного положения дел эти цифры в общем вполне достаточны, они совершенно не отражают собственности рабочего населения и увеличения доходов последнего. Косвенно, впрочем, даже простое увеличение капитала крайне выгодно для рабочего класса, так как это увеличение удешевляет тот товар, который во всем процессе производства непосредственно вступает в конкуренцию с трудом. *Но кроме того можно с уверенностью утверждать, что на долю массы народа выпали более непосредственные и более крупные выгоды. Глубокое и неоценимое утешение доставляет сознание, что в то время как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны.* Я не беру на себя смелости определить, увеличилась ли или уменьшилась по сравнению с прежними временами огромная пропасть, разделяющая крайние полюсы богатства и бедности. *Но если мы будем рассматривать в среднем положение британского рабочего, будь то крестьянин или горнорабочий, необученный или обученный рабочий, то мы увидим из многочисленных и несомненных показаний, что за последние двадцать лет произошло такое огромное увеличение его средств к жизни, которое мы имеем основание считать почти беспримерным в истории любой страны и любого исторического периода».*

Каково же отношение между содержанием этой речи и цитатой Маркса? Гладстон сперва констатирует, что несомненно имело место колоссальное увеличение доходов страны. Это, по его мнению, доказывается подоходным налогом. Но подоходный налог взимается только начиная с доходов в 150 ф. ст. и выше. Лица, имеющие меньший доход, не платят в Англии подоходного налога. Маркс пользуется тем фактом, что Гладстон приводит это по-просту для правильной оценки своего масштаба, чтобы приписать ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами.»* Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней, сказано прямо противоположное. *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!*

№ 4. Ответ Маркса.

Volkstaat № 44, суббота 1 июня 1872 г.

Один из друзей прислал мне из Германии № 10 «Concordia, журнал по рабочему вопросу», от 7 марта, в котором этот «орган немецкого союза фабрикантов» напечатал передовую статью под заглавием *«Как цитирует Карл Маркс».*

В Учредительном манифесте Международного товарищества

рабочих я, между прочим, привожу одно место из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которого нет в полуофициальном издании парламентских дебатов «Hansard». Отсюда простодушная фабрикантская логика «Concordia» прямо заключает: «Этой фразы нет нигде в речи Гладстона», и она злорадно выражает свое ликование, печатая жирным шрифтом на фабрикантском немецком языке: *«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу»*.

Было бы в самом деле очень странно, если бы напечатанный первоначально на английском языке в Лондоне на глазах у Гладстона Учредительный манифест приписал ему вставленную мною фразу, которая без протестов с чьей-либо стороны в течение семи с половиной лет обошла всю лондонскую прессу, пока, наконец-то, — наконец-то она не была разоблачена «учеными» из немецкого союза фабрикантов в Берлине.

Фраза, о которой идет речь в Учредительном манифесте, гласит:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property» (p. 6, Inaugural Address etc.). (В переводе это буквально значит: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*).

В статье в «Fortnightly Review» (ноябрь 1870 г.), которая обратила на себя большое внимание и обсуждалась во всей лондонской прессе, господин Бисли, профессор истории в здешнем университете, цитирует на стр. 518: «An intoxicating augmentation of wealth and power as Mr. Gladstone observed, entirely confined to classes of property» (В переводе: *«ошеломляющее увеличение богатства и мощи, как заметил Гладстон, всецело ограничивается имущими классами»*).

Но статья профессора Бисли появилась через шесть лет после Учредительного манифеста! Прекрасно! Обратимся затем к специальному произведению, исключительно предназначенному для лондонского Сити, которое не только появилось раньше Учредительного манифеста, но еще до основания Международного товарищества рабочих. Она называется «The Theory of Exchanges. The Bank Charter Act of 1844, London, 1864, издана у T. Cautley Newby 30, Welbeck Street. Бюджетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике, и на стр. 134 из нее приведено следующее место:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property» (В переводе: *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*), т. е. буквально так, как цитирую я.

Этим было уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов «формально и по существу соврал», ославив эту «фразу» как «мой» фабрикат!

Заметим между прочим: простодушная «Concordia» перепечатывает жирным шрифтом другое место, в котором Гладстон мелет что-то о «необыкновенном и беспримерном для всех стран и времен» улучшении положения английского рабочего класса за последние 20 лет. Жирный шрифт должен доказывать, что я скрыл это место. Наоборот: в Учредительном манифесте я как раз особенно подчеркиваю вопиющий контраст этой циничной фразы с «ужасающей статистикой» («appalling statistics»), как ее правильно характеризует профессор

Бисли, приводимой в английских официальных отчетах относительно этой эпохи ¹.

Автор «Theory of Exchanges», подобно мне, цитировал не по «Hansard», а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля. В своем собрании выписок за 1863 г. я тщетно искал данную выписку, а также и название газеты, из которой она была сделана. Но это не относится к делу. Хотя парламентские отчеты лондонских газет всегда отличаются друг от друга, я все же был уверен, что ни одна из них не могла совершенно пропустить это столь поразительное заявление Гладстона. И вот я раскрываю «Times» от 17 апреля 1863 г. — она и тогда, как теперь, была органом Гладстона, — и нахожу там на с. 7 в 5 столбце отчет о бюджетной речи:

«That is the state of the case as regards the wealth of this country. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain, upon the intoxicating augmen'tation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property».

В переводе: «Так обстоит дело с богатством этой страны. Я, с своей стороны, смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы я думал, что оно ограничивается только имущими классами ². Здесь совершенно не принято во внимание трудящееся население. Увеличение, которое я описал, (которое он только что охарактеризовал как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи») всецело ограничивается имущими классами».

Таким образом, Гладстон, «формально и по существу» заявил 16 апреля 1863 г. в Нижней палате, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., что «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами» и что до известной степени ему становится жутко при одной только мысли, что этим увеличением богатства воспользовалась только часть этой массы, та часть, которая пользуется действительным благосостоянием.

Italiam! Italiam! Наконец, мы добрались и до «Hansard». В его позднейшем, наспех выправленном издании Гладстон был так благоразумен, что выбросил место, компрометирующее, конечно, лорда-канцлера казначейства. Это, впрочем, традиционный английский парламентский прием, а отнюдь не изобретение Ласкера, направленное против Бебеля. Точное сравнение действительно произнесенной Гладстоном речи, как она фигурирует в «Times», с позднее искаженной Гладстоном формой ее представляло бы веселый образчик для характеристики этого елеино-многословного, педантичного, строго-ортодоксального буржуазного героя, робко выставляющего напоказ свое

¹ С другим апологетическим вздором из этой же речи я уже разделался в своей работе «Капитал» (стр. 638, 639).

² Слова: «easy classes», «classes in easy circumstances» были впервые введены Уэджфильдом для обозначения богатой части имущего класса.

благочестивое и свое либеральное «attitudes of mind» [направление].

Самыми досадными вещами в моем «*Kapitale*» являются многочисленные официальные данные для характеристики хозяйничанья фабрикантов, в которых ни один ученый до сих пор не мог найти ошибки. Это обстоятельство дошло даже до слуха господ из немецкого союза фабрикантов. Но они думали:

«Was kein Verstand der Verständigen sieht,
Das übt in Einfalt ein kindlich Gemüth»

[«То, чего не видит разум разумного, — заметит простодушие ребенка».]

Сказано — сделано. За сведениями о кажущейся им подозрительной цитате в Учредительном адресе они обратились к деловому другу в Лондоне, к первому встречному Мунделла, который, будучи сам фабрикантом, поспешил послать на континент черным по белому извлечение из парламентских дебатов «Hansard». Таким образом они узнали мой фабричный секрет. Я фабрикую не только текст, но еще сверх того — также и цитату к нему. И опьяненные победой, они прокричали на весь мир: «*Как цитирует Карл Маркс!*» Таким образом, мой товар раз навсегда был лишен кредита и даже, как это подобает фабрикантам, обычным деловым путем, без всяких расходов на изучение вопроса.

Досадный эпилог покажет, может быть, членам союза фабрикантов, что, как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они столь же пригодны для суждения о литературных произведениях, как осел для игры на гитаре.

Карл Маркс.

Лондон, 23 мая 1872 г.

№ 5. Возражение анонимного автора.

„Concordia“ № 27, 4 июля 1872 г.

Как Карл Маркс защищается.

I.

Наши читатели, может быть, помнят статью «Как цитирует Карл Маркс» в № 10 этого журнала от 7 марта с. г. Мы рассматриваем там одно место из написанного Марксом Учредительного манифеста Интернационала, которое приобрело известную славу и часто приводится, в особенности социалдемократией, как яркое доказательство безнадёжного ухудшения положения рабочего класса, если современный государственный и общественный строй будет продолжать существовать. В этом месте Маркс цитирует бюджетную речь Гладстона от 16 апреля 1863 г. В этой речи Гладстон прежде всего констатирует, что произошел «необычный и почти ошеломляющий рост» дохода страны, и он доказывает это увеличением подоходного налога. Но цифры, которые он для этого приводит, «очень мало или совершенно не отражают положения тех, которые не платят подоходного налога»; они «не отражают собственности рабочего населения и увеличения доходов последнего». В Англии люди, имеющие меньше 150 ф. ст., не платят подоходного налога. Маркс

воспользовался тем фактом, что Гладстон упомянул об этом для правильной оценки своего масштаба, чтобы приписать Гладстону фразу: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». Этой фразы нет, однако, нигде в гладстоновской речи. Гладстон сказал как раз наоборот, что он не думает, чтобы «это увеличение ограничивалось зажиточным классом людей». И возмущенные нахальством, с которым Маркс таким образом цитируя искажает, мы заявили: «Маркс эту фразу формально и по существу присочинил».

Это было тяжелое обвинение; для доказательства оно приводило убедительный материал, который является прямо уничтожающим, в особенности для свирепствующей среди нашей социалдемократии веры в никем не превзойденную основательную ученость, правдивость и непогрешимость лондонского оракула. Поэтому оно не могло быть оставлено без опровержения или, по крайней мере, чего-либо, похожего на опровержение. В № 44, «Volksstaat» — от 1-го июня¹ Маркс пытался дать опровержение. Однако, нашему противнику решительно не удалось оправдаться от упрека в mala fides [недобросовестном] цитировании. Способ его оправдания может скорее доказать эту mala fides, если вообще может что-нибудь доказать. Дерзость, с которой он опять злоупотребляет невозможностью для читателей «Volksstaat» проверить точность его данных, превосходит еще непристойность его способа цитирования.

Само собой разумеется, что Маркс не идет так далеко, чтобы оспаривать точность нашей цитаты из стенографического отчета парламента. Прежде всего для него важно доказать свою bona fides [добросовестность] при цитировании, и для этой цели он ссылается на то, что другие так же цитировали, как и он. Он пишет:

«В статье в «Forthnightly Review» (ноябрьский номер 1870 г.), которая обратила на себя большое внимание и обсуждалась во всей лондонской прессе, господин Бисли, профессор истории в здешнем университете, цитирует на стр. 518: «Ошеломляющее увеличение богатства и мощи, как заметил Гладстон, всецело ограничивается имущими классами». Но статья профессора Бисли, появилась через шесть лет после Учредительного адреса!»

Соввершенно верно. Но здесь забыли прибавить еще одно «но». Эта статья профессора Бисли трактует собственно вопрос об истории Интернационала и написана, как говорит сам автор, на основании материала, доставленного ему самим Марксом. Более того. В том месте Бисли отнюдь не цитирует Гладстона, а лишь указывает, что в Учредительном манифесте Интернационала содержится эта ци-

¹ Т. е., таким образом, почти через четверть года после появления статьи в «Concordia». Тем не менее «Volksstaat» имел бесстыдство упрекать нас уже через две недели после того, как он напечатал опровержение Маркса, в том, что мы «геройски умолчали» об этом опровержении. Мы думаем, что «Volksstaat» не имеет никакого основания так гореть желанием второго и более острого опровержения его господина и учителя. Причина задержки нашего ответа заключалась, впрочем, отчасти в том, что одного из цитируемых Марксом источников нельзя было достать здесь и пришлось выписать его из Англии, отчасти же в том, что для освещения именно этих цитат требовались более длинные выписки из указанных источников, вследствие чего данная статья оказалась очень длинной и из-за недостатка места мы были вынуждены несколько раз ее откладывать. — Редакция «Concordia».

тата. «От этой ужасающей статистики», пишет Бисли, «манифест переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащие обложению доходы страны за восемь лет увеличились на 20%, «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», как заметил Гладстон, «всецело ограничивается» и т. д. — В самом деле, великолепный способ доказательства. Подсовывают человеку, который не знает нашей нечестности, лживые указания, последний доверчиво передает их дальше, а затем ссылаются на это сообщение, а также на честность того, кто это передает, чтобы таким образом доказать точность этих указаний и свою честность! — В своей защите Маркс продолжает:

«Обратимся затем к специальному произведению, исключительно предназначенному для лондонского Сити, которое не только появилось раньше Учредительного манифеста, но еще до основания Международного товарищества рабочих. Оно называется «The Theory of Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. London 1864 г., издание T. Cautley Newby, 30 Welbeck Street. Бюджетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике и на стр. 134 из нее приведено следующее место: «Это ошеломляющее» и т. д., т. е. буквально так, как цитирую я. — Этим было уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов «формально соврал», ославив эту «фразу» как «мой» фабрикат!.. Автор «Theory of Exchanges» — продолжает затем Маркс — подобно мне, цитирует не по «Hansard», а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля».

И в самом деле, автор этой книги, которая, между прочим, представляет обыкновенный пасквиль, также не цитировал по «Hansard» как и Маркс. Но Маркс, как мы это сейчас покажем, не цитировал даже по лондонской газете. Прежде всего мы должны, однако, здесь заметить, что, говоря о том, что Маркс присочинил указанную фразу к гладстоновской речи, мы «ни формально, ни по существу» не утверждали, что он сам и сфабриковал ее. Это имело бы место лишь в том случае, если бы Маркс был сам автором этой оставшейся очень таинственной книги, как можно было бы, пожалуй, подумать, судя по тому ужасному слогу, каким она написана. Источником, из которого Маркс цитирует эту фразу, является именно эта книга, и этим именно объясняется причина, почему он, как он сам указывает, «тщетно искал данную выписку, а также и название газеты, из которой она была сделана, в своем собрании выписок за 1863 год!» Это происхождение марксовской цитаты ясно обнаруживается из сравнения того места из его книги «Капитал», в которой Маркс упоминает о речи Гладстона, с «Theory of the Exchanges». В «Капитале» на стр. 639, и в особенности в примечании 103 цитируется эта речь в том абсолютно бессмысленном изложении, который эта книга [Theory of the Exchanges] дает на стр. 134. И комментарии, которые Маркс дает по поводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге, а также и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера; точно также на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные лондонского Orphan Asylum о вздорожании средств к жизни, точность которых Маркс, однако подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (смотри «Капитал», стр. 640, примечание 104).

Теперь мы спрашиваем: лжет ли человек лишь в том случае, когда он сам выдумывает неправду, или же и тогда, когда он повторяет ее, в то время, как он знает или должен был бы знать правду? Мы думаем, что ответ не подлежит никакому сомнению. И, во-вторых, разве Маркс, повторяя содержащуюся в «Theory of the Exchanges» неправду, не делал этого заведомо или разве он не должен был бы, по крайней мере, знать этого? Ответ на этот вопрос также очень прост. Первое, несомненно хорошо известное Марксу правило всякого истолкования состоит в том, чтобы места, которые на первый взгляд содержат противоречия и поэтому лишены смысла, толковать так, чтобы отпало противоречие, или, если это оказывается невозможным для данного текста, лучше перейти к критике текста, чем верить в наличие противоречия. Тем более это было необходимо по отношению к речи, которая вызвала к себе внимание и удивление всего образованного мира, в особенности вследствие ее ясности и владению материалом. И, наконец, отказ от такой точности был легкомыслием, граничащим с преступлением, если автор имел в виду вырвать из контекста место, составляющее одну половину заключающегося в этом изложении противоречия, и бросить его в виде доноса на имущих среди неимущих всего земного шара. Итак, если Карл Маркс должен был бы уже в силу требований культурности, научности и добросовестности воздержаться от вышеуказанного варианта, то преступное легкомыслие, с которым он позволил себе привести эту подложную цитату, особенно непристительно с его стороны, потому что текст речи Гладстона был вполне доступен для него. Во-первых, английские газеты привели эту речь на следующий день после того, как она была произнесена, если не буквально, то во всяком случае верно по смыслу. Затем речь тотчас же после ее произнесения была дословно опубликована Гладстоном в его обратившей на себя большое внимание книге: «Financial Statements», London 1863 [«Речи по финансовым вопросам», Лондон 1863], и на стр. 403 этой книги речь передана именно так, как мы ее цитируем. Наконец, Маркс мог найти стенографический отчет этой речи в «Hansard's Parliamentary Debates». К тому же принято цитировать парламентские речи по стенографическим отчетам, если даже они и не содержат противоречий в неизбежно плохих газетных отчетах.

Но тут мы переходим к третьему средству защиты Маркса, и по наглой лживости оно еще далеко превосходит все до сих пор приведенное. Маркс не стесняется сослаться на «Times» от 17 апреля 1863 г. для доказательства точности своей цитаты. Но «Times» от 17 апреля 1863 г., стр. 7, столбец 5, строка 17 и сл., передает эту речь следующим образом:

«Так обстоит дело с богатством этой страны. Я, с своей стороны, смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и моги, если бы я думал, что оно ограничивается зажиточными классами. Здесь совершенно не принято во внимание трудящееся население. Увеличение, которое я описал и которое, как я полагаю, основано¹ на точных исследова-

¹ Маркс в своей немецкой цитате в «Volksstaat» выпускает последнее придаточное предложение и зато вставляет следующее: «которое он (Гладстон)

ниях, всецело ограничивается теми классами, которые владеют собственностью». (Маркс цитирует «Times» до сих пор, мы цитируем его дальше.) «Конечно, увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочих, так как оно удешевляет тот товар, который выступает непосредственно в конкуренцию с трудом в процессе производства. (Слушайте! Слушайте!) Но мы чувствуем глубокое и, я должен сказать, бесценное утешение, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, что положение крайней бедности улучшилось, но *мы счастливы при мысли, что положение британских рабочих в среднем за последние 20 лет улучшилось до такой необычайной степени, которую мы имеем основание объявить почти беспримерным в истории всех стран и времен.* (Одобрение)».

Сравнение этого отчета «Times» с отчетом по «Hansard» в «Concordia» от 7 марта показывает, что оба отчета по существу совершенно совпадают. Отчет «Times» дает только в более сжатой форме то, что стенографический отчет «Hansard» дает буквально. Но несмотря на то, что и в отчете «Times» содержится прямо противоположное тому, что содержится в пресловутом месте Учредительного адреса, несмотря на то, что и по отчету «Times» Гладстон сказал, что он думает, что это ошеломляющее увеличение богатства и мощи не ограничивается имущими классами, Маркс имеет наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня:

«Формально и по существу» Гладстон заявил, таким образом, 16 апреля 1863 г., что «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».

Даже более того! Так как мы сообщили уже публике точный текст речи по «Hansard», а этот текст абсолютно исключает всякую возможность какого бы то ни было искажения, то это очень фатальное обстоятельство стараются устранить фразой, что «в его позднейшем, наспех выправленном издании Гладстон был так благоразумен, что выбросил, конечно, компрометирующее лорда-канцлера казначейства место». Нехватало еще указания на то, что Гладстон, вероятно, сделал это, принимая во внимание появившийся только в 1864 г. пасквиль: «The Theory of the Exchanges».

Что же можно сказать о подобных приемах! Сперва нам преподносят на основании темного пасквиля цитату, целиком сфальсифицированную, противоречивое содержание которой доказывает эту фальсификацию даже без сопоставления с оригиналом. Притянутый затем к ответу Маркс заявляет, что другие так же цитировали, как и он, и в подтверждение ссылается на людей, которым он сам сперва навязал ложь. Более того — из того обстоятельства, что его грязный источник с ним согласен, он хочет сделать аргумент для своего оправдания и для доказательства точности своей цитаты,

только что характеризовал как «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи». Этот пропуск и вставка также продиктованы намерением ввести в заблуждение читателя относительно смысла слов Гладстона. Как доказывает выпущенное придаточное предложение и, кроме того, общий контекст, смысл речи следующий: Вытекающий из данных о подходящем налоге рост богатства ограничивается только имущими классами (так как этому налогу подлежат только те лица, которые имеют 150 ф. ст. и больше дохода), что же касается трудящихся классов, то мы знаем и т. д.

как будто оба черпали из одного общего третьего источника, между тем как один только списывал у другого. И в конечном счете у него еще хватает дерзости ссылаться на газетные отчеты, которые прямо противоречат ему. В сущности для обозначения таких «приемов» мы знаем только одно слово, очень хорошо знакомое самому Марксу (см. «Капитал» стр. 257): они просто «бесчестны».

«Досадный эпилог разъяснит, может быть, членам союза фабрикантов», — говорит в заключение своей защиты Маркс, — «что как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они столь же пригодны для суждения о литературных произведениях, как осел для игры на гитаре».

Мы предоставляем читателю спокойно решить, на чьей стороне фальсификация и досадный эпилог. В следующей статье мы объясним господину Марксу, какое значение мы придаем содержанию слов Гладстона.

Вторая статья, «Concordia» № 28, 11 июля 1872 г., не дает абсолютно ничего относящегося к делу, и поэтому здесь не приводится.

№ 6. Второй ответ Маркса.

Volkstaat № 63, 7 августа 1872 г.

В «Concordia» от 4 июля немецкий союз фабрикантов старается мне доказать, что его «ученые» не менее хорошо разбираются в оценке литературных товаров, чем он сам в фальсификации товаров.

По поводу приведенного в Учредительном манифесте Интернационала места из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г. орган фабрикантов (№ 10) заявил: *«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу»*.

Он объявлял, таким образом, эту фразу по форме и по содержанию целиком моим фабрикатом. Более того. Он совершенно точно знал, как я ее сфабриковал. *«Маркс пользуется тем фактом»,* говорит этот орган, *«что Гладстон утверждает то или другое, чтобы приписать Гладстону и т. д.»* Я процитировал ту же фразу из сочинения «Theory of the Exchanges», появившегося раньше Учредительного манифеста, и обнаружил грубую ложь органа фабрикантов. Он после этого выписал из Лондона, как он сам рассказывает, неизвестную ему книгу и убедился в этом факте. Как же теперь выпутаться? Послушаем:

«Говоря о том, что Маркс присочинил указанную фразу к гладстоновской речи, мы ни формально, ни по существу не утверждали, что он сам и сфабриковал ее».

Здесь очевидно произошло свойственное сознанию фабрикантов смешение понятий. Если, например, обманщик фабрикант, в согласии со своими деловыми друзьями, распространяет свертки лент, содержащие якобы три дюжины, на самом же деле только две дюжины аршин, то он действительно *присочинил* одну дюжину именно потому, что он *«не произвел ее»*. Почему же не должно произойти то же самое с присочиненными фразами, как с присочиненными аршинами лент? «Ум огромного большинства людей», говорит

Адам Смит, «неизбежно развивается на их повседневных делах», следовательно, и ум фабрикантов.

При посредстве «Volksstaat» я расширил научный материал органа фабрикантов не только при помощи цитаты из «Theory of the Exchanges», но и при помощи страниц моего «Капитала», которые касаются бюджетной речи Гладстона. И он теперь старается доказать посредством доставленного мною же ему материала, что спорное место я цитировал не из «лондонской газеты», а из «Theory of Exchanges». Способ доказательства представляет собой еще один образец фабрикантской логики.

Я рассказал фабрикантской газете, что «Theory of the Exchanges» на стр. 134 цитирует точно так же, как цитирую я, и она открывает, что я цитирую точно так же, как цитирует «Theory of Exchanges» на стр. 134.

Далее! «И комментарии, которые Маркс дает по поводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге». Это просто ложь. Я связываю на стр. 639 «Капитала» мои комментарии со словами речи Гладстона: «В то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли крайности бедности». По этому поводу я замечаю: «Как слаба утешительная часть речи! Если рабочий класс остался «беден», но только «менее беден», в то время, как он создавал «шоломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался столь же бедным. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства...» Этих «комментариев» нет нигде в «Theory of Exchanges».

«И комментарии... уже имеются в этой книге, а также и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера».

Таким образом, я «специально» цитирую Мольера и предоставляю «ученым» из «Concordia» расследовать и сообщить публике, что эта цитата взята из «Theory of the Exchanges». На самом же деле в примечании 105, стр. 640 «Капитала», я определенно говорю, что автор «Theory of the Exchanges» *следующей цитатой из Мольера характеризует* «постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона».

Наконец: «точно также на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные «London Orphan Asylum» о вздорожании средств к жизни, точность которых Маркс, однако, подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (см. «Капитал», стр. 640, примечание 104).»

«Concordia» сознательно забывает сказать своим читателям, что «эта книга» не указывает *никаких источников*. Что хотела она доказать? Что я заимствовал из «этой книги» место из речи Гладстона, не будучи знаком с ее источником; а как же она это доказывает? Тем, что я действительную цитату из этой книги проверяю независимо от нее по оригинальным источникам!

По поводу моей цитаты из статьи профессора Бисли в «Fortnightly Review» (ноябрь 1870 г.) «Concordia» замечает:

«Эта статья профессора Бисли трактует собственно вопрос об истории Интернационала и написана, как говорит сам автор, на основании материала, доставленного ему самим *Марксом*».

Профессор Бисли говорит:

«Товарищество своим успехом никому столько не обязано, как дру Карлу Марксу, который, по моему мнению, не имеет равного себе по своему знанию истории и статистики промышленного движения во всех странах Европы. Я в значительной степени (*largely*) обязан ему за содержащиеся в этой статье сведения».

Весь материал, доставленный мною профессору Бисли, относился исключительно к истории Интернационала, и там не было ни одного слова по поводу содержания Учредительного манифеста, который был ему известен со времени его издания. Его вышеприведенное замечание так мало вызывает в этом отношении сомнений, что «*Saturday Review*» в критике его статьи больше чем намекает, что он сам является автором Учредительного манифеста ¹.

«*Concordia*» утверждает, что профессор Бисли не цитирует указанного места из речи Гладстона, а только указывает, «что Учредительный манифест содержит эту цитату». Разберем дело:

Профессор Бисли говорит: «манифест представляет, вероятно, самую сильную и блестящую защиту интересов рабочих против среднего класса, которая когда-либо была изложена на каких-нибудь двенадцати мелких страницах. Я хотел бы иметь место для многочисленных выписок из него». Упомянув об «ужасающей статистике Синих книг», на которые ссылается адрес, он продолжает:

«От этой ужасающей статистики манифест переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащий обложению доход страны за восемь лет увеличился на 20%, «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», как заметил Гладстон, «всецело ограничивается имущими классами». Профессор Бисли приводит слова: «как заметил Гладстон» без кавычек, приводит их от своего имени и этим самым точнейшим образом доказывает «*Concordia*», что бюджетную речь Гладстона он знает — только из цитаты Учредительного манифеста! Лондонский деловой друг немецкого союза фабрикантов один только знает бюджетные речи Гладстона, точно также как только он один знает, что «лица, имеющие меньше 150 ф. ст. дохода, в Англии не платят подоходного налога» (смотри № 10 и 27 «*Concordia*») Английских сборщиков податей, наоборот, преследует навязчивая идея, что налог не взимается только с доходов ниже 100 ф. ст.

По поводу спорного места в Учредительном манифесте газета фабрикантов писала:

«Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона». Я доказал обратное приведением цитаты из отчета «*Times*» от 17 апр. 1863 г. Я привел эту цитату в «*Volksstaat*» по английски и по немецки, потому что утверждение Гладстона, что он «смотрел бы с тревогой и беспокойством на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается *«classes who are in easy circumstances»* — нуждается в комментарии. Ссылаясь на Уэкфилда, я заметил, что «*classes who are in easy circumstances*» — это выражение, которому ни одно немецкое слово не соответствует точно, — означает «собственно богатых», «действительно зажиточную часть» иму-

¹ Проф. Бисли письменно обратил мое внимание на это *quid pro quo* [смешение].

пих классов. Уэкфильд называет даже прямо собственно средний класс «the uneasy class», что приближается к немецкому выражению «незажиточный» класс¹.

Орган фабрикантов не только замалчивает мой разбор. Снабжая цитируемое мною место своими словами: «Маркс цитирует «Times» до сих пор», он дает понять своим читателям, что он цитирует по моему переводу, на самом же деле он переводит «classes who are in easy circumstances», в отличие от меня, не словами «зажиточные классы», а «классы, пользующиеся благосостоянием». Он предполагает еще наличность достаточного понимания в своих читателях, чтобы видеть, что не все составные части имущего класса являются «зажиточными», хотя обладание собственностью всегда считается у них «приятным условием». Но и в том переводе моей цитаты, который дает «Concordia», Гладстон характеризует описанный им прогресс капиталистического богатства как *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»* и замечает, что он при этом *«совершенно не принял во внимание трудящегося населения»*, и в заключение он говорит, что это *«увеличение ограничивается всецело теми классами, которые владеют собственностью»*. Приписав Гладстону в отчете «Times» от 17 апреля 1863 г. «формально и по существу» то же самое, что я ему приписал в Учредительном манифесте, «ученый муж» из немецкого союза фабрикантов надменно бьет себя в полную грудь и кричит: *«Но несмотря на это Маркс имеет еще наглость писать в «Volksstaat» от 1 июня: «формально и по существу Гладстон заявил, таким образом, 16 апреля 1863 г. в Нижней палате, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., что это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. «Ученый муж» немецкого Союза фабрикантов, очевидно, хорошо знает, что он должен преподносить своим читателям!

Я заметил в «Volksstaat» от 1 июня, что «Concordia» старается убедить своих читателей, что я в Учредительном манифесте не привел фраз Гладстона о повышении жизненного уровня британского рабочего класса, между тем как я там как раз наоборот обращал величайшее внимание на вопиющее противоречие этой декламации с официально установленными фактами. В своем ответе от 4 июля орган фабрикантов повторяет тот же самый маневр. «До сих пор», говорит он, Маркс «цитирует «Times», мы цитируем его дальше». Я в ответе должен был в сущности цитировать только спорное место. Остановимся, однако, на минуту на «дальнейшем».

Пропев свой гимн увеличению капиталистического богатства, Гладстон обращается к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс участвовал в *«ошеломляющем увеличении богатства и мощи»*. По отчету «Times», он, напротив, продолжает следующими словами: *«Но увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочего и т. д.»*. Он далее утешает себя тем, «что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны». Наконец, он утверждает, что он и его разбогатевшие парламентские

¹ «The middle or uneasy class» (England and America, London 1833 v I стр. 185) [«Средний или незажиточный класс» (Англия и Америка, Лондон 1833, т. I, стр. 185)].

друзья «так счастливы знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания знают противоположное, а именно «что положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось до такой необычайной степени, которая, как нам известно, необыкновенна и почти беспримерна в истории всех стран и времен».

До Гладстона все его предшественники по должности были «так счастливы», что в своих бюджетных речах они дополняли описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь однако, дело идет не о правильности или неправильности имеющих у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что с его точки зрения мнимое и «необыкновенное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит «ошеломляющему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами». Наоборот, ортодоксальное учение апологетов капитала — а одним из наилучше оплачиваемых апологетов его является Гладстон, — и заключается в том, что самое испытанное средство для рабочих *улучшить свое положение* состоит в *обогащении* своих эксплуататоров.

Беззастенчивая пошлость или пошлая беззастенчивость органа фабрикантов доходит до своего апогея в утверждении, что «отчет «Times» дает только в более сжатой форме то, что *дает буквально*¹ стенографический отчет «Hansard». Сопоставим оба эти отчета:

I.

Из речи Гладстона, 16 апреля 1863 г., напечатанной в «Times» 17 апреля 1863 г.

В таком положении находится богатство страны. Я, с своей стороны, должен сказать, что я смотрел бы почти с тревогой и беспокойством на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи*, если бы думал, что оно ограничивается одними зажиточными классами (classes who are in easy circumstances). Но здесь совершенно не принято во внимание положение трудящегося населения. *Увеличение, которое я описывал, ... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами.* Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.»

II.

Из речи Гладстона 16 апреля 1863 г., напечатанной у «Hansard», том 170-й, парламентские дебаты от 27 марта до 28 мая 1863 г.

В таком положении находится всеобщий прогресс накопления, но, я с своей стороны, должен сказать, что я *смотрел бы с некоторой болью и с значительной тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост*, если бы думал, что он ограничивается той категорией лиц, которых можно считать зажиточными (the classes of persons who may be described as in easy circumstances). Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положения тех, которые не платят подоходного налога, *или, другими словами, достаточно точные для установления истины вообще* (I), они совершенно не принимают во внимание *имущество* (I) рабочего на-

¹ Газета фабрикантов в самом деле, кажется, думает, что большие лондонские газеты не пользуются стенографами для своих парламентских отчетов.

селения или (!) рост его *дохода*. Косвенно же на деле простой рост капитала чрезвычайно выгоден для рабочего класса и т. д.»

Я предоставляю самому читателю сравнить напыщенный, запутанный, сопровождающийся массой оговорок казенный, бюрократический стиль в издании «Hansard» с отчетом «Times».

Здесь достаточно установить тот факт, что слова отчета «Times»: «... это ошеломляющее увеличение богатства и мощи..., увеличение, которое я *описал*... *представляет увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами*» у «Hansard» отчасти искажены, а отчасти выпущены. Их напыщенный «буквальный смысл» не ускользнул ни от одного свидетеля. Например:

«Morning Star» 17 апреля 1863 г. (*Бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1863 г.*).

«Я, с своей стороны, должен сказать, что смотрел бы со страхом и беспокойством на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи*, если бы думал, что оно ограничивается действительно зажиточными классами (classes who are in easy circumstances). *Это огромное увеличение богатства (this great increase of wealth)* совершенно не принимает в расчет положения рабочего населения. Это увеличение есть увеличение (the augmentation is an augmentation) *всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью (entirely confined to the classes possessed of property)*. Но *это увеличение (but that augmentation)* должно косвенным образом быть выгодно для рабочего населения и т. д.»

«Morning Advertiser» 17 апреля 1863 г. (*Бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1863 г.*).

«Я, с своей стороны, должен сказать, что смотрел бы почти с тревогой и страхом (alarm) на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи*, если бы думал, что оно ограничивается действительно зажиточными классами (classes who are in easy circumstances). *Этот огромный прирост богатства* совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. *Упомянутое увеличение (the augmentation stated)* *представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые владеют собственностью (classes possessed of property)*. *Это увеличение (this augmentation)* должно быть косвенным образом выгодно для рабочего класса и т. д.»

Таким образом, Гладстон впоследствии утаил в полуофициальном издании его речи в «Hansard» сказанные им в Нижней палате 17 апреля 1863 г. слова: «*Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... есть увеличение всецело ограничивающееся имущими классами*». «Concordia» не нашла их поэтому в извлечении, присланном лондонским деловым другом, и подняла шум: «Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. *Маркс и по форме и по существу причинил эту фразу*». Нет ничего удивительного в том, что она теперь поучает меня, что «обычай» критики цитировать парламентские речи так, как они были официально

фальсифицированы, а не так, как они действительно были произнесены. Такой «обычай» в самом деле соответствует «всеобщему» берлинскому «образованию» и ограниченному прусскому верноподанническому рассудку немецкого союза фабрикантов. Недостаток времени заставляет меня раз навсегда прекратить мои приятные сношения с ним, но на прощание я должен, однако, предложить его «ученым мужам» разгрызть следующий орешек: В какой статье и кто именно сказал по адресу противника — по меньшей мере равному «Concordia» по положению, — следующие веские слова: «Asinus manebis in secula seculorum [Ты во веки веков останешься ослом]?»

Карл Маркс.

Лондон, 28 июля 1872.

№ 7. Второе возражение анонимного автора.

„Concordia“ № 34, 22 августа 1872 г.

Еще к характеристике Карла Маркса.

Маркс в «Volksstaat» от 7 августа ответил на статью «Как Карл Маркс защищается», помещенную в № 27 «Concordia». Упорная лживость, с которой он настойчиво держится за искаженную цитату из Gladstonовской бюджетной речи 16 апреля 1863 г., удивительна даже для того, кто не брезгает никакими средствами для своих разрушительных планов. В сущности, ее можно объяснить только боязнью автора, что признание неверности этой цитаты, этого самого выигрышного места Учредительного манифеста, при большом распространении последнего будет иметь для автора его тяжелые результаты.

В своей первой защите Маркс, как известно, согласился, что стенографический отчет Gladstonовской речи, помещенный в «Hansard», не содержит этой цитаты. И причина заключалась в том, что Gladston намеренно выбросил компрометирующее его место! Первое доказательство: профессор Бисли цитировал эту речь в статье в «Fortnightly Review» в таком же виде, как Учредительный манифест.

Это могло бы вызвать у читателя мысль, что профессор Бисли цитировал эту речь Gladstonа в статье на какую-то другую историческую тему, помимо Интернационала. Мы поэтому заметили, вопервых, что эта статья говорит об истории Интернационала и основана на материале, который Маркс сам доставил автору. И Маркс этого даже не оспаривает. Но он уверяет, что доставленный им материал ни единым словом не ссылался на содержание Учредительного манифеста, известного профессору Бисли со времени его издания. Но мы этого не говорили и не намекали даже на это. И мы верим утверждению Маркса на слово. Если бы он привел профессору Бисли «Theory of the Exchanges» в виде доказательства своей цитаты, то последний наверное не решился бы ее перепечатать. Вторых, мы возразили, и это самое главное возражение: Бисли не цитировал указанное место из речи Gladstonа, а дал его только

в анализе Учредительного манифеста. Мы приводим дословно указанную фразу из статьи Бисли, как можно видеть из № 27 «Concordia». Тем обстоятельством, что Бисли в своем анализе приводит слова «как заметил Гладстон» без кавычек¹, Маркс теперь пользуется, чтобы внушить читателям, что Бисли, неожиданно прерывая свой анализ, говорит эти слова от своего собственного имени!!

Второе доказательство того, что Гладстон позднее выбросил из своей речи указанные слова, Маркс хотел найти в том, что появившаяся уже ранее Учредительного манифеста книга «The Theory of the Exchanges» цитирует гладстоновскую речь буквально так, как адрес. Мы просмотрели книгу и нашли, что это верно и что все говорит за то, что Маркс сам сперва заимствовал свою цитату из этой книги. Главным признаком этого было то, что «Капитал» Маркса на стр. 639, в особенности в примечании № 103, приводит эту речь в таком же *абсолютно бессмысленном* изложении, в каком ее буквально приводит «Theory of the Exchanges» на стр. 134. Это указание на «Theory of the Exchanges», как на источник марксовской цитаты, подтвердилось еще тем, что Маркс в том месте своей книги «Капитал», где он приводит речь Гладстона в такой же редакции, как «Theory of the Exchanges» на стр. 134, приводит еще другие цитаты, находящиеся в том же месте этой книги, и прибавляет такие же комментарии. Что же возражает на это Маркс? Во-первых, что он прибавил еще комментарии, которых нет в «Theory of the Exchanges». Но этого не исключает также и наше замечание. Затем, что он автором цитаты из Мольера определенно назвал автора «Theory of the Exchanges». Но мы не говорим противоположного. Наконец, что касается данных лондонского «Orphan Asylum», которые Маркс цитирует на стр. 640 своей книги, как и «Theory of the Exchanges» на стр. 135, то Маркс сам признает, что он буквально привел их из этой книги, а затем проверил их точность по подлинным источникам. Маркс таким образом сам доказывает, что часть комментариев, которыми он сопровождает цитаты из речи Гладстона, взятые из «Theory of the Exchanges». Он сам таким образом доказывает точность пунктов, которыми мы поддерживаем наш главный аргумент относительно того, что и цитату из речи Гладстона он заимствовал из этой книги. Но против этого главного аргумента, а именно против замечания, что он, как и «Theory of the Exchanges», приводит речь Гладстона *в таком же абсолютно бессмысленном изложении*, он ничего не приводит.

В-третьих, наконец, Маркс старался доказать свое утверждение, что Гладстон задним числом сфальсифицировал свою собственную бюджетную речь в стенографическом отчете «Hansard», ссылкой на отчет об этой речи, помещенный в «Times» от 17 апреля 1863 г. Но этот отчет доказывает прямо противоположное, причем «Times» и «Hansard» по существу вполне согласны. Чтобы затемнить своим читателям сознание этого, Маркс стал применять различные средства. *Первым средством*, которое вместе с тем должно было привести

¹ Добавочное примечание для повторного издания: Профессор Бисли писал цитируемое им из Учредительного манифеста место буквально так, как оно помещено там. Но в последнем вводное предложение, само собой разумеется, помещено без кавычек.

в новое удивление читателей «Volksstaat» по поводу учености их оракула, явился филологический экскурс. И по отчету «Times», поскольку Маркс цитировал его, Гладстон определенно сказал, что он полагает, что ошеломляющее увеличение богатства и мощи, о которой он говорил, *не ограничивается «to the classes who are in easy circumstances», т. е. зажиточными классами. Ссылаясь на Уэкфильда, написавшего книгу «The middle or uneasy class» [«Средний или незажиточный класс»], Маркс утверждал, что, по словам Гладстона, это увеличение ограничивается не только «собственно богатой», а «действительно зажиточной частью» имущих классов, а так как мы не приняли во внимание всех этих обстоятельств, то он теперь обвиняет нас в утайке. Но если мы молчали по поводу этой новой попытки фальсификации, то это произошло только потому, что она в самом деле была слишком очевидна. Ибо что бы Уэкфильд ни имел в виду, называя средний класс the uneasy class, все же общий смысл гладстоновской речи даже в том виде, как ее дает отчет «Times», показывает, что Гладстон в этом месте под «classes who are in easy circumstances» подразумевал те классы, которые не принадлежат к рабочему населению, так как он противопоставляет их последнему.*

Второе средство затемнить отчет «Times» состояло в том, что Маркс в своем немецком переводе этого отчета просто выбросил то придаточное предложение, из которого вытекало, что Гладстон только сказал, что увеличение богатства, о котором можно судить по данным подоходного налога, ограничивается имущими классами, так как трудящиеся классы не подлежат обложению подоходным налогом, и поэтому из данных подоходного налога ничего нельзя узнать о росте благосостояния рабочего класса; но он не сказал, что трудящиеся классы действительно исключены из необыкновенного увеличения национального богатства. Маркс, который, как мы только что видели, совершенно без всякой нужды обвинил «Concordia» в утайке, опять спокойно утаивает придаточное предложение, хотя мы указали ему на его искажение. Но еще более того. Так как мы, согласно с истиной, сказали, что отчет «Times» дает только в более сжатом виде то же самое, что дает буквально стенографический отчет «Hansard», он отрицает это и осмеливается перепечатать рядом отчет по «Times» и отчет по «Hansard», причем он, конечно, *опять выбрасывает это придаточное предложение.* Но что за беда? Читатели «Volksstaat», которые его интересуют, не могут ведь контролировать его!

В-третьих, наконец, Маркс старался скрыть совпадение отчета «Times» с отчетом «Hansard», не цитируя тех фраз, в которых Гладстон даже по отчету «Times» прямо и определенно доказывает улучшение положения британского рабочего класса. Мы сделали по поводу этого замечание и цитировали спорное место отчета «Times» целиком. Несмотря на это, Маркс лжет своим читателям, говоря, что мы хотели дать понять, что мы цитировали «Times» по его переводу!! Напротив, он, само собой разумеется, утаивает наше указание (в № 28), что то вопиющее противоречие, в котором должны находиться, по Марксу, утверждения Гладстона об улучшении положения британского рабочего класса с официально установленными фактами, на деле вовсе не имеет места; он, напротив, опять повторяет это обвинение.

Кроме того, Маркс в своем ответе в «Volksstaat» от 7 августа приводит еще двух новых свидетелей правильности своего понимания гладстоновской бюджетной речи — «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 г. Но нам вовсе нет надобности проверять, цитировал ли Маркс эти обе газеты без новых искажений¹. Ибо эти газеты даже в его передаче говорят в нашу пользу. Сказав, согласно обеим газетам, что он не думает, что *это* ошеломляющее увеличение богатства и мощи ограничивается зажиточными классами, Гладстон продолжает: «*Этот огромный прирост богатства совершенно не принимает во внимание* положения рабочего населения. *Упомянутое* увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые владеют собственностью». Значение и употребление слов «*принимать во внимание*» ясно указывают, что под *этим* приростом и упомянутым увеличением подразумевается тот прирост, о котором можно судить на основании данных о подоходном налоге.

Но ссылка на этих двух мнимых свидетелей есть только проявление хвастовства своей основательностью, которой должна поддерживаться вера читателей «Volksstaat» в своего оракула. Статья Маркса в «Volksstaat» от 7 августа является образчиком такого хвастовства и заслуживает того, чтобы наши читатели сами познакомились с ней. Мы должны привести еще только один пример этого хвастовства, чтобы отнять у Маркса возможность упрекать нас в том, что мы хотим скрыть от наших читателей, что он в одном второстепенном пункте исправил нас. Мы сказали, что лица, имеющие меньше 150 ф. ст. годового дохода, в Англии не платят подоходного налога. Маркс высмеивает нас за наше незнание того, что этот налог прекращается только при доходе меньше 100 ф. ст. Но закон 1842 г. не подвергал налогу все доходы ниже 150 ф. ст., а в 1853 г., наоборот, налогу были подвержены все доходы выше 100 ф. ст., причем, однако, вновь подверженные обложению доходы облагались меньшим процентом, чем налоги в 150 ф. ст. и выше. А затем в 1863 г. привилегированный класс был расширен до 200 ф. ст. и уменьшение налогов сохранено в таком виде, что при всяком доходе, начиная со 100 ф. ст. включительно и ниже, 60 ф. ст. всегда следует вычитать как не подлежащие обложению.

Маркс заканчивает свою статью словами, что недостаток времени заставляет его раз навсегда прекратить свои приятные сношения с нами. Мы понимаем, что Маркс не может не приветствовать возможность избегать людей, которые могут указать ему его фальсификации. Если господин Маркс раздражается еще бранью, то мы можем его уверить, что его противнику ничего не может быть более желательно, чем заключающееся здесь признание своей слабости. Брань есть оружие того, у кого исчерпаны другие средства защиты.

¹ Добавочное примечание для повторного издания. И здесь также Маркс выбрасывает те же самые фразы, которые он выбросил в своей передаче отчета «Times». Смотри оба отчета в начале.

III. СЕДЛЕЙ ТЕЙЛОР И ЭЛЕОНОРА МАРКС.

№ 8. Нападки С. Тейлора.

„Times“ 29 ноября 1883 г.

Главному редактору «Times».

Разрешите мне указать в «Times», что ошибочная цитата из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которую повторил, полагаясь на немецкие источники, столь выдающийся публицист, как профессор Эмиль де-Лавелэ, и по поводу которой им послано разъяснение в сегодняшний номер «Times», датирует еще с 1864 г. и была помещена в манифесте, опубликованном советом известного Международного товарищества рабочих.

Что является крайне странным, это то, что на долю профессора Brentano (в то время в Бреславле теперь в Страсбурге) выпало спустя восемь лет разоблачить в немецком журнале *mala fides* [недобросовестность], которая очевидно продиктовала в манифесте цитату из речи Гладстона.

Карл Маркс, который, как признанный автор манифеста, пытался защищать цитату, имел смелость утверждать в предсмертных судорогах, в которые его быстро привели мастерские нападки Brentano, что Гладстон состряпал отчет для «Hansard» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и выбросил оттуда одно место, которое могло, конечно, компрометировать английского канцлера казначейства. Когда Brentano доказал путем детального сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом «недостатка времени!»

Вся переписка Brentano — Маркс в высокой степени достойна быть извлеченной из газетных коллекций и переизданной на английском языке, так как она проливает яркий свет на степень литературной порядочности последнего; это особенно необходимо в такое время, когда его главное произведение преподносится нам не более и не менее, как новое евангелие социального возрождения.

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой

Седлей Тейлор.

Trinity College, Кембридж, 26 ноября (1883 г.)

Эта статья появилась в «Times» 29 ноября 1883 года. 30 ноября младшая дочь Маркса Элеонора послала свой ответ в «Times». Ответ не был напечатан. Такая же участь постигла второе письмо — главному редактору. Тогда Э. Маркс обратилась в «Daily News», опять-таки совершенно напрасно. Тогда она напечатала как обвинение Седлей Тейлора, так и свой ответ в февральской книжке 1884 г. социалистического журнала «To-Day». Мы здесь приводим ее ответ.

№ 9. Ответ Элеоноры Маркс.

„То-Day“, февраль 1884 г.

Главному редактору «Times».

В «Times» от 29 ноября Седлей Тейлор упоминает известную цитату из речи Гладстона, которая «датирует еще с 1864 г. и была помещена в манифесте, опубликованном Советом известного Международного товарищества рабочих». Далее он продолжает: (Я цитирую здесь письмо Тейлора, начиная от «Что является крайне странным» до «недостатка времени»).

Фактическая сторона дела вкратце состоит в следующем. Упоминанная цитата состоит из нескольких фраз из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г. После описания необычайного роста богатства, имевшего место в этой стране между 1853 и 1861 гг., Гладстону приписываются слова: «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами». Анонимный писатель, который оказался профессором Brentano, напечатал в немецком журнале «Concordia» от 7 марта 1872 г. ответ, в котором было сказано: «Этой фразы нет нигде в речи Гладстона. Маркс присочинил эту фразу и по форме и по существу».

В этом состоял единственный пункт спора между моим отцом и анонимным противником.

В своих ответах в лейпцигской газете «Volksstaat» от 1 июня и 7 августа 1872 г. Маркс цитирует следующие отчеты о речи Гладстона: «Times», 17 апреля: «Описанное мною выше увеличение, основывающееся, как я полагаю, на точных данных, есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами». — «Morning Star» 17 апреля: «Это увеличение есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами». «Morning Advertiser», 17 апреля: «Указанное увеличение ограничивается исключительно имущими классами».

Анонимный Brentano «в предсмертных судорогах, в которые быстро привели» его «мастерские нападки», теперь старался найти защиту в обычном при подобных обстоятельствах утверждении, что, если даже цитата не фальсифицирована, она все же «вводит в заблуждение», «заключает в себе mala fides», «недобросовестно вырвана из контекста» и т. д. Я боюсь, что Вы не предоставите мне места для ответа на повторенное теперь через 11 лет господином Тейлором обвинение Brentano. Это, может быть, и не понадобится, так как господин Тейлор говорит: «Вся переписка Brentano-Маркса в высокой степени достойна быть извлеченной из газетных коллекций и переизданной на английском языке». Я вполне приветствую это. Память о моем отце только выиграет от этого. Что же касается отклонения газетных отчетов о данной речи от отчета «Hansard», то решение этого вопроса я предоставляю тем, кто более всего в этом заинтересован.

Из многих тысяч цитат в произведениях моего отца это единственная, точность которой когда-либо оспаривалась. Довольно характерен тот факт, что патентованные экономисты постоянно возвращаются к этому изолированному и не совсем удачному примеру.

Выражаясь словами господина Тейлора, «он проливает яркий свет на степень литературной порядочности последнего (Маркса), столь необходимый в такое время, когда его главное произведение преподносится нам не более и не менее, как новое евангелие социального возрождения».

Остаюсь, милостивый государь,
преданная Вам

Элеонора Маркс.

Лондон, 30 ноября, 1883 г.

№ 10. Возражение С. Тейлора.

„To-Day“, март 1884 г.

В редакцию «To-Day».

Милостивые государи. Никто не может больше меня сожалеть о том, что г-же Маркс было отказано в помещении ее письма, на которое она имела такое очевидное право. Я, однако, очень далек от ее мнения, что «единственный спорный пункт» между доктором Марксом и профессором Брентано заключался в том, имела ли известная фраза в речи Гладстона или нет. На мой взгляд этот вопрос имел совершенно второстепенное значение в сравнении с вопросом, была ли упомянутая цитата приведена с намерением передать смысл речи Гладстона или исказить ее.

Само собой разумеется, совершенно невозможно в этом письме обсудить обширный спор между Брентано и Марксом, если не расширить недопустимым образом его размеров. Но так как госпожа Маркс в Вашей газете назвала официально высказанный мною взгляд «оскорблением» и «пасквилем»¹, то я принужден просить вас напечатать в параллельных столбцах обе следующие цитаты, на основании которых Ваши читатели сами будут иметь возможность судить, честно или нечестно цитировал доктор Маркс в своем большом произведении «Капитал» бюджетную речь 1863 г. Читателям писем Маркса в его переписке с Брентано будет понятно, почему я пользуюсь отчетом «Times» вместо отчета «Hansard».

«Times» 17 апреля 1863 г.

За десять лет, с 1842 до 1852 гг. включительно, подлежащий обложению доход страны, поскольку мы можем это точно установить, повысился на 6%; но за восемь лет, с 1853 г. до 1861 г., доход страны опять-таки повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%. Это факт настолько поразительный, что он представляется почти невероятным...

«Капитал», 2-е изд. стр. 678. Примечание 103.

«С 1842 до 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%...

...за восемь лет, с 1853 до 1861 г. он повысился, если принимать за основание доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным...

¹ В не напечатанном здесь сопроводительном письме в редакцию «To-Day».

... Я, с своей стороны, должен сказать, что я почти с тревогой и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается зажиточными. При этом совершенно не принято во внимание положение трудящегося населения. Описанное мною увеличение, основанное, как я полагаю, на точных данных, есть увеличение, всецело ограниченное имущими классами. Но увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочего, так как оно удешевляет тот товар, который в производстве вступает в прямую конкуренцию с трудом. У нас имеется, однако, то глубокое и, я должен сказать, бесценное утешение, что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились, но в среднем положение британского рабочего — мы имеем счастье знать это, — за последние 20 лет улучшилось в такой степени, которая, как мы знаем, необычайна и о которой мы можем сказать, что она почти беспримерна в истории какой бы ни было страны и каких бы ни было времен».

Я прошу обратить особенное внимание на смысл подчеркнутых мною мест в отчете «Times». Фраза: «Я с своей стороны... зажиточными классами» передает нам взгляд оратора, что только что описанное ошеломляющее увеличение богатства и мощи не ограничивается лицами зажиточного состояния. Здесь, правда, есть противоречие в словах в сравнении со следующей фразой: «Описанное... имущими классами», но стоящие между ними слова «при этом совершенно не принято... населения» показывают, что не может оставаться никакого сомнения относительно того, что имел в виду Гладстон, а именно, что приведенные им цифры, основанные на данных подоходного налога, включают в себя только доходы, не свободные от подоходного налога¹. Поэтому они ни в коем случае не указывали, насколько за исследуемый период увеличилась общая сумма доходов трудящегося населения. Заключительная фраза от: «но положение» до конца самым определенным образом объясняет, что Гладстон признавал на основании доказательств, не зависящих от данных подоходного налога, не подлежащим сомнению необыкновенное, почти беспримерное улучшение среднего положения британских рабочих.

С какой целью эти существенные места были почти целиком вычеркнуты, вследствие чего газетный отчет был низведен до той

... это ошеломляющее увеличение богатства и мощи...

...всецело ограничивается имущими классами, но... но он должен иметь косвенную выгоду для рабочего населения, так как он удешевляет предметы всеобщего потребления...

...в то время, как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решаюсь сказать, изменились ли крайности бедности». — «Гладстон в Палате общин 16 апреля 1863 г.»

¹ Свободны от подоходного налога в 1842 — 1853 гг. были доходы до 150 ф. ст., а с 1853 г. до 100 ф. ст.

замечательной формы, в которой он помещен в книге д-ра Маркса? Как я думаю, очевидно, с той целью, чтобы произвольно сконструированная мозаика, составленная из оставшихся еще слов Гладстона, могла быть понята таким образом, будто тот утверждает, что заработки рабочего населения лишь незначительно увеличились, между тем как доходы имущих классов сильно увеличились, — взгляд, который определенно опровергается выпущенными местами в пользу совершенно другого утверждения.

Я не хочу также оставить без внимания тот факт, что за немецким переводом этой изуродованной цитаты в тексте «Капитала» непосредственно следует выражение презрительного удивления Маркса по поводу «слабого утешения», которое представляют слова, фигурирующие здесь в конце фразы Гладстона, в сравнении с его прежним описанием роста богатства имущих классов.

Остаюсь, милостивые государи, искренне

Ваш Седлей Тейлор.

Trinity College, Кембридж, 8 феврал 1884 г.

№ 11. Второй ответ Элеоноры Маркс.

„To-Day“, март 1884 г.

В редакцию «To-Day».

Милостивые государи. Господин Седлей Тейлор оспаривает мое указание, что в то время, когда анонимный клеветник обрушился на д-ра Маркса, единственный спорный пункт заключался в том, употребил ли Гладстон известные слова или нет. По его мнению, вопрос на самом деле заключался в том, «была ли соответствующая цитата приведена с намерением передать взгляд Гладстона или исказить его».

Передо мной статья из «Concordia» (№ 10, 7 марта 1872): «Как Карл Маркс цитирует». Здесь анонимный автор сперва цитирует Учредительный манифест Интернационала, затем место из речи Гладстона, полный текст ее по «Hansard»; затем он резюмирует это место по-своему и к своему собственному удовлетворению; наконец, он в заключение говорит: «Маркс пользуется фактом, что Гладстон приводит это по-просту для точной оценки своего масштаба, чтобы приписать ему следующие слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»*. Но этой фразы нет нигде в речи Гладстона. В ней сказано прямо противоположное. *Маркс эту фразу присочинил по форме и по существу»*.

В этом состоит обвинение и единственное обвинение, выставленное против Маркса. В сущности, его обвиняют в том, что он искажил смысл слов Гладстона «присочинением» целой фразы. В обвинении нет ни слова о «вводящих в заблуждение» или «недобросовестно вырванных из контекста» цитатах. Вопрос просто стоит в том, «имелась ли известная фраза в речи Гладстона или нет».

Одно из двух. Или господин Тейлор читал нападки Брентано и ответы моего отца, и в таком случае его утверждение прямо про-

тиворечит тому, о чем он не может не знать, что это правда. Или же он не читал их. А что же в таком случае? В таком случае это — человек, который датирует свои письма из Trinity College, Кембридж, который без всякого повода дает себе особенный труд задеть литературную добропорядочность моего покойного отца в такой форме, которая неизбежно сводится к «клевете», если только он не может этого доказать; который поднимает это обвинение на основании литературного спора 1872 г. между анонимным писателем (который, согласно Тейлору, был профессором Брентано) и моим отцом; который в пламенных выражениях описывает «мастерские удары» Георгия Победоносца — Брентано и «предсмертные судороги», в которые он быстро привел дракона Маркса; который со всеми подробностями может сообщить нам об уничтожающих успехах, которых достиг упомянутый Георгий Победоносец «детальным сличением текстов» и который после всего этого ставит меня в деликатное положение, что я из человеколюбия заранее должна предположить, что он никогда не читал ни строчки из того, о чем он говорит.

Если бы господин Тейлор читал «мастерские» статьи своего анонимного друга, он нашел бы в них следующее: «Теперь мы спрашиваем: лжет ли человек лишь в том случае, когда он сам выдумывает неправду, или же и тогда, когда он повторяет ее, в то время как он знает или должен был бы знать правду». Так говорит «мастерский» и столь же строго добродетельный, сколь и анонимный, Брентано в своем возращении на первый ответ моего отца («Concordia» № 27, 4 июля 1872 г., стр. 210). И на этой же странице он перед лицом всего мира утверждает, что «и по отчету «Times» Гладстон сказал, что он думает, что это ошеломляющее увеличение богатств и мощи не ограничивается имущими классами».

Если, таким образом, Брентано, повидимому, не знает, в чем состоял действительный предмет спора, то, может быть, господин Седлей Тейлор лучше осведомлен об этом? В его письме в «Times» речь шла об одной цитате из Учредительного адреса Интернационала. В его письме в «To-Day» речь идет о цитате из «Капитала». Тут вопрос переносится в другую плоскость, но я на это не жалуюсь. Господин Тейлор приводит теперь место из речи Гладстона так, как оно цитировано на стр. 678 и 679 «Капитала», параллельно с этим же самым местом по отчету не «Hansard», а «Times». «Читателям писем Маркса в его переписке с Брентано будет понятно, почему я пользуюсь отчетом «Times» вместо отчета «Hansard». Но мы уже видели, что господин Тейлор не принадлежит к этим «читателям». Почему он так действует, может быть понятно другим, но ему самому едва ли, если мы должны верить его собственной аргументации.

Во всяком случае, мы теперь перешли от непогрешимого «Hansard» к тому же самому отчету, по поводу использования которого анонимный Брентано («Concordia», стр. 210) упрекает моего отца, что он пользуется «только неизбежно плохими газетными отчетами». Одно несомненно: «почему» г-на Тейлора должно быть «понятно» для его друга Брентано.

Для меня это «почему» в сущности очень понятно. Слова, в присочинении которых был обвинен мой отец («увеличение, всецело ограниченное имущими классами»), эти слова находятся как в отчете «Times», так и других ежедневных газет, между тем как в «Hansard» они не

только «кое-как исправлены», но и совсем «опущены». Этот факт был установлен Марксом. Господин Тейлор, который в своем письме в «Times» еще ужасно возмущался такой непροстителыной «дерзостью», теперь сам принужден отказаться от непорочного «Hansard» и искать защиты в «неизбежно плохом», по словам Брентано, отчете «Times».

Перейдем теперь к самой цитате. Господин Тейлор обращает наше особое внимание на два указанные им места. В первом он соглашается: *«здесь в самом деле есть противоречие в словах* в сравнении со следующей фразой *«описанное мною увеличение... имущими классами», но стоящие между ними слова «при этом совершенно не принято... населения» показывают, что не может оставаться никакого сомнения относительно того, что имел в виду Гладстон»* и т. д. Здесь мы, очевидно, попадаем в область теологии. Это хорошо известный стиль ортодоксального толкования библии. Это место в сущности противоречит себе, но если его толковать согласно с истинной верой христианина, тогда можно найти, что его смысл не противоречит истинной вере. Если господин Тейлор толкует Гладстона таким же образом, как Гладстон толкует библию, то он не может рассчитывать ни на каких сторонников, кроме ортодоксов.

Но Гладстон в этом специальном случае или говорил по-английски, или нет. Если нет, то нам не поможет никакое цитирование и никакое толкование. Если да, в таком случае он сказал, что ему было бы очень жаль, если бы это ошеломляющее увеличение мощи и богатства ограничивалось зажиточными классами, но оно всецело ограничено имущими классами. И это именно цитировал Маркс. Второе место представляет одно из тех обычных мест, которые с незначительными изменениями повторяются в каждой британской бюджетной речи, за исключением только плохих времен. Что Маркс думал об этом и обо всей речи, показывает следующее извлечение из его второго ответа анонимному клеветнику: «Пропев свой гимн увеличению капиталистического богатства, Гладстон обращается к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс участвовал в ошеломляющем увеличении богатства и мощи. По отчету «Times», он, напротив, продолжает следующими словами: «Но увеличение капитала имеет косвенную выгоду для рабочего и т. д.». Он далее утешает себя тем, «что в то время, как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны». Наконец, он утверждает что, он и его разбогатевшие парламентские друзья «так счастливы знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания знают противоположное, а именно, «что положение британского рабочего в среднем за последние двадцать лет улучшилось в такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и почти беспримерна в истории всех стран и времен». До Гладстона все его предшественники по должности были «так счастливы», что в своих бюджетных речах они дополняли описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь, однако, дело не в правильности или неправильности имеющихсЯ у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что с его точки зрения мнимое и «необыкновенное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит ошеломляю-

печему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами. Наоборот, ортодоксальное учение апологетов капитала, — а одним из лучше оплачиваемых апологетов его является Гладстон, — и заключается в том, что самое испытанное средство для рабочих улучшить свое положение состоит в обогащении своих эксплуататоров». («*Volksstaat*» № 63, 7 августа 1872 г.).

Кроме того, чтобы доставить удовольствие господину Тейлору, сказанное место из речи Гладстона целиком приведено в Учредительном манифесте на стр. 5, непосредственно перед спорной цитатой. А что же другое, кроме этого адреса, обвинял первоначально господин Тейлор? Разве так же невозможно извлечь из него указание на первоначальные источники, как невозможно получить какой-нибудь разумный мотив от Догберри? ¹

«Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона» являются предметом примечания 105 на той же странице (679) «Капитала», к которой отсылает нас господин Тейлор. Действительно, очень похоже, что Маркс специально старался по своей «недобросовестности» устранить одно из этих противоречий! Совершенно напротив, Маркс не устранил ничего заслуживающего внимания и ничего не «присочинил». Но он восстановил и извлек из забвения известную фразу из речи Гладстона, которая несомненно была сказана, но которая каким то образом сумела улетучиться из отчета «*Hansard*».

Элеонора Маркс.

IV. ЭНГЕЛЬС И БРЕНТАНО.

№ 12. Из предисловия Энгельса.

к четвертому изданию I т. „Капитала“ Маркса.

Полная проверка всех многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Для этого издания младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд сравнить все цитированные места с оригиналами так, что английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились в английском издании не в виде обратного перевода с немецкого, а в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Притом кое-где оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью описками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска, — погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты избрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы из старых тетрадей, составленных в Париже в 1843 — 1845 годах, когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода

¹ Догберри — известный своими нелепыми изречениями герой комедии Шекспира «Много шума из-за ничего». Одно из изречений его Маркс цитирует в конце 1-й главы I тома «Капитала» *Ред.*

смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, например в цитатах из Стюарта, Юра и т. д., я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущим, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не изменил в книге ничего заслуживающего упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричард Джонса (стр. 562 четвертого издания, примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде.

Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой выдвигали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием.

В берлинской «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 года анонимная статья под заглавием: «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс искажил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата помещена в Учредительном манифесте Международной ассоциации рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого изд, стр. 671 третьего издания). В стенографическом (квази-официальном) отчете «Hansard» [говорит автор упомянутой статьи] нет и намека на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». «Этой фразы вовсе нет в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное. (Дальше жирным шрифтом следует.) *Маркс формально и по существу присочинил эту фразу*».

Маркс, получив этот номер «Concordia» в мае, ответил анониму в «Volksstaat» в № от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого именно газетного отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских сочинений и сослался кроме того на отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал: «That is the state of the case as regards the wealth of this country. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property»¹.

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы очень жаль, если бы это так было, но в действительности это именно так: это

¹ «Таково состояние этой страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой, почти со страхом взираю на это ошеломляющее увеличение богатства и силы, если бы был уверен, что оно ограничивается лишь зажиточными классами. Между тем данные факты не дают нам никаких сведений относительно положения рабочего населения. Тот рост богатства, который я описал здесь, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, ограничивается всецело имущими классами».

ошеломляющее увеличение богатства и силы всецело ограничивается имущими классами, что же касается квази-официального «Hansard», то Маркс говорит далее: «В его позднейшем, наспех выправленном издании Гладстон был так благоразумен, что выбросил место, компрометирующее, конечно, лорда-канцлера казначейства. Это впрочем, традиционный английский парламентский прием, а вовсе не изобретение Ласкера, направленное против Бебеля».

Но аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники от вторых рук, стыдливо намекает на «обычай» цитировать парламентские речи по стенографическим отчетам; но [уверяет он дальше]; отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Hansard» (где этой фразы нет) «по содержанию вполне согласуются между собой», отчет «Times» заключает в себе «прямую противоположность пресловутому месту из Учредительного манифеста»; причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этой будто бы прямой «противоположностью» стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался, и измышляет новые уловки для своего спасения. Свою статью, которая, как только что было доказано, вся пропитана «наглостью лжи», он начинает самой назидательной бранью: «mala fides», «бесчестность», «лживые ссылки», «эта лживая цитата», «наглая ложь», «совершенно сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесстыдно» и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перебросить спорный вопрос в новую плоскость и обещает разъяснить «в другой статье, какое значение придаем мы (т. е. «нелживый» г. аноним) содержанию слов Гладстона». Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение в делу! Эта вторая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

Маркс еще раз ответил в «Volksstaat» (№ от 7 августа), процитировав соответственное место из «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 г. Согласно обоим источникам Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы думал, что оно ограничивается действительно зажиточными классами (classes in easy circumstances), но что увеличение это всецело ограничивается имущими классам (entirely confined to classes possessed of property); таким образом и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов «Times» и «Hansard» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро независимых друг от друга газет, — что эта фраза отсутствует в отчете «Hansard», просмотренном оратором, согласно известному «обычаю», что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «выкрал ее задним числом»; наконец, Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Но последний был, повидимому, по горло сыт и тем, что он уже получил, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «Concordia».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, раз или два лицами, имевшими связи с Кембриджским университетом, распространялись таинственные слухи о чудовищном

литературном прегрешении, совершенном Марксом в «Капитале», однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяце после смерти Маркса, в «Times» появляется письмо, датированное Кэмбридж, Trinity College, и подписанное Седлей Тейлор, в котором этот человек, занимающийся самыми смиренными кооперативными делами, вдруг ни с того, ни с сего нас наконец просвещает не только относительно сплетен Кэмбриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом «Concordia».

«Что является крайне странным, — пишет человек из Trinity College, — это то, что на долю профессора Брентано (в то время в Бреславле, а теперь в Страсбурге, выпало... разоблачить ту *male fides* [недобросовестность], которая очевидно продиктовала цитату из речи Гладстона в (Учредительном) манифесте. Г-н Карл Маркс... который пытался защищать цитату, имел смелость утверждать в предсмертных судорогах (*deadly shifts*), в которые его быстро привели мастерские нападки Брентано, что г. Гладстон сострепал отчет для «Hansard» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и выбросил оттуда одно место, которое могло, конечно, компрометировать английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем детального сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона, ловко выхваченными отдельными цитатами, Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом «недостатка времени».

Так вот где зарыта собака! И какой великолепный вид приняла в производительно-кооперативной фантазии Кэмбриджа анонимная кампания г. Брентано в «Concordia». Вот он наносит свои «мастерские удары», этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, а у ног его, «быстро поверженный в прах», извивается «в предсмертных судорогах» адский дракон Маркс!

И тем не менее все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о «присочиненной лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (*craftily isolated quotation*). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кэмбриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила [Тейлору] в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказался принять ее статью, вернув полемику к единственному пункту, о котором шла речь, «присочинил» ли Маркс инкриминируемую фразу или нет? — Г-н Седлей Тейлор ответил на это, что, по его мнению, «вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль в споре между Марксом и Брентано «по сравнению с вопросом, сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона или исказить его». Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но остальное содержание, истолкованное правильно, т. е. в либерально-гладстоновском смысле, показывает, что Гладстон *хотел* сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человек из Кэмбриджа упорно цитирует речь *не* из «Hansard», как это по-

велевает «обычай», установленный анонимом Брентано, а из «Times», отчет которого, согласно тому же Брентано, «несомненно небрежен». Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы *нет* у «Hansard»!

Элеоноре Маркс не стоило большого труда уничтожить эту аргументацию на страницах того же самого номера «То-Day». Одно из двух. Или г. Тейлор читал полемику 1872 г. Тогда он теперь «лжет», причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и в «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики. Тогда он не имел права раскрывать рот. Как бы то ни было, он уже не осмеливался поддерживать обвинения своего друга Брентано, что Маркс «присочинил», а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на стр. 5 Учредительного манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия», заключающегося в бюджетной речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 «Капитала»; примеч. 105, стр. 672 третьего издания) о «многочисленных вопиющих противоречиях в бюджетных речах Гладстона 1863 и 1864 г.г.»! Он только не пытается à la Седлей Тейлор растворять эти противоречия в либеральном прекраснодушии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «Напротив, Маркс не устранил ничего заслуживающего упоминания и ничего не «присочинил». Но он восстановил и извлек из забвения известную фразу из речи Гладстона, которая несомненно была скавана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Hansard».

После этого утомился и господин Седлей Тейлор. Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и захватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что на будущее время г. Седлей Тейлор станет относиться с таким же недоверием к литературным отчетам г. Брентано о своих победах, как г. Брентано к папской непогрешимости «Hansard».

Ф. Энгельс.

Лондон, 25 июня 1890 г.

№ 13. Ответ Брентано.

„Моя полемика с Карлом Марксом“, Берлин, 1890 г., стр. 3—5.

28 сентября 1864 г. в зале св. Мартина в Лондоне происходило официальное собрание, в котором были представлены англичане, немцы, французы, поляки и итальянцы. Карл Маркс предложил этому собранию временные статуты имевшей быть основанной международной рабочей организации, а также составленный им Учредительный манифест этой организации. И то и другое было принято единогласно, и Учредительный манифест обошел весь мир. В нем находилась цитата из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которая вызвала больше внимания, чем все прочие содержавшиеся в нем данные: «Ослепленный «прогрессом нации», введенный в заблуждение статистическими цифрами, канцлер казначейства в диком восторге, восклицает: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 6%, а за восемь лет 1853 — 1861 он в сравнении с доходом 1853 г. увеличился на 20%. Этот факт так изумителен, что он

представляется почти невероятным»... «Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи», прибавляет Гладстон, «всецело ограничивается имущими классами».

Зимой 1871/72 г., занятый подготовлением второго тома моих «*Arbeitergilden der Gegenwart*» [«Современные рабочие гильдии»], я должен был исследовать (ср. там же, т. II, стр. 241), насколько соответствует фактам столь часто повторяемый аргумент, что повышение заработной платы уменьшает будущий спрос на труд. В предшествующие десятилетия этот аргумент постоянно выставлялся против английских профессиональных союзов, когда они требовали повышения заработной платы. Тогда я вспомнил о той цитате из бюджетной речи Гладстона. Но я находил невозможным, подобно многим другим, ссылаться на адрес Интернационала и на соответствующее место из «Капитала» Маркса, т. I, 1867 г., стр. 639. Я взял стенографический отчет о бюджетной речи Гладстона и нашел, что, хотя он и показывает, что повышение заработной платы за период 1842 — 1861 гг. несколько не задержало роста доходов имущих классов и ни в малейшей степени не уменьшило их спроса на труд, но что, напротив, Гладстон, в прямую противоположность указанию Карла Маркса, сказал: «Цифры, которые я привел, мало или совсем не принимают во внимание положения тех, которые не платят подоходного налога... имущество рабочего населения и увеличение доходов последнего... Но если мы будем рассматривать среднее положение британского рабочего, будет ли то крестьянин или горнорабочий, обученный или необученный рабочий, то мы увидим из различных и бесспорных данных, что за последние двадцать лет произошло такое увеличение его средств существования, что мы можем почти признать его беспримерным в истории всех стран и времен».

Ввиду большого значения, какое имела цитата из речи Гладстона для утверждения социалдемократов, что в пределах существующего государственного и общественного строя богатые неизбежно становятся все богаче, а бедные неизбежно становятся все беднее, я обратил внимание редакции выходившей в Берлине «*Concordia, Zeitschrift für die Arbeiterfrage*» на сделанную здесь фальсификацию. Последняя предложила мне написать об этом статью, которая появилась в «*Concordia*» 7 марта 1872 г. Статья не была мною подписана; с одной стороны, это было сделано по желанию редакции в интересах престижа ее газеты, с другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что после литературной полемики, которую прежде вел Маркс, можно было ожидать, что он будет осыпать своего противника личными оскорблениями и что поэтому было бы лишь забавно оставить его в неведении относительно личности его противника.

По прошествии четверти года Маркс ответил в «*Volksstaat*». Из развившейся по этому поводу полемики вытекало, что Маркс не сам совершил фальсификацию, а заимствовал фальсифицированную цитату из пасквиля, появившегося анонимно в 1864 г. и озаглавленного «*The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. The abuse of the metallic principle to depreciation. Parliament mirrored in Debate, supplemental to «The Stock Exchange and the Repeal of Sir J. Barnard's Act», London T. Cautley Newby, 30 Welbeck Street. 1864.*» [Теория размена. Банковский акт 1844 г. Злоупотребления металлическим принципом и обесценение. Парламент, отраженный в деба-

тах, приложение к акту о биржах и отмене акта сэра И. Бернарда», Лондон, 1864 г.]. Это — произведение упрямого Терсита¹ состоит в значительной части из искаженных цитат из политико-экономических произведений и речей, с втиснутыми между ними латинскими, английскими и французскими стихами и другими комментариями, которые должны служить для издательства. При таком характере книга понятным образом осталась совершенно неизвестной.

Если бы теперь Маркс просто признал, что он был введен в заблуждение этой книгой, и дал бы затем правильную цитату, то, правда, можно было бы удивляться тому, что он полагался на подобные источники, но ошибка была бы, по крайней мере, исправлена. Но об этом у него не было и речи. К тому же при том широком распространении, которое получил Учредительный манифест, отпадение этого блестящего пункта вследствие исправления цитаты было бы очень неудобно для агитации. Ведь одним из главных агитационных средств для социалдемократии является то, что ее представители считают себя единственными обладателями истинной науки, и, как показал партейтаг в Галле, скорее готовы обвинить себя в том, что сознательно недобросовестно пользовались железным законом заработной платы исключительно как агитационным средством, чем признать свою ошибку. Вместо того, чтобы взять обратно свою цитату, Маркс поэтому старался доказать, что Гладстон задним числом подправил стенографический отчет своей бюджетной речи; грубости своей шутовской полемики он направил теперь против предполагаемого фабриканта, который при содействии английского делового друга хотел его немного поддеть, а когда было доказано, что и «Times» в своем номере, вышедшем на следующее утро после того, как Гладстон вечером произнес свою речь, воспроизвел эту речь в смысле, совпадающем со стенографическим отчетом, он поступил, как писала редакция «Concordia», «подобно каракатице, выпускающей в воду черную жидкость, чтобы сделать ее мутной и затруднить своему противнику преследование, т. е. он изо всех сил старался затемнить предмет спора, придираясь к совершенно безразличным пустякам; и, наконец, он ретировался, заявив, что из-за «недостатка времени» он не может продолжать этой полемики». И он не ответил в свое время на помещенную мною в «Concordia» от 22 августа 1872 г. критику его второго ответа.

Тот факт, что я был автором статей в «Concordia» от 7 марта, 4 и 11 июля и 22 августа 1872 г., был многим известен, и во втором издании истории социал-демократии Меринга, вышедшем еще при жизни Маркса, я был официально назван их автором. Седлей Тейлор из «Trinity College», Кембридж, обративший внимание на этот вопрос, изучил эту полемику и написал по этому поводу письмо в «Times». Это заставило выступить дочь умершего к тому времени Маркса, Элеонору Маркс, которая в ежемесячном социалистическом журнале «To-day» за март 1884 г. не только защищала лояльность «своего отца, но закончила еще замечанием, что ее отец извлек из забвения и восстановил одну фразу из речи Гладстона, фразу, которая, без сомнения, была сказана, но которая тем или иным путем исчезла из стенографического отчета.

¹ Один из персонажей «Илиады» Гомера. *Ред.*

Уже в то время я имел в виду ответить на это упорное отстаивание неправильной цитаты дословной перепечаткой всей полемики. Но редакции часто имеют свое собственное суждение; специальный журнал, который я считал для этого наиболее подходящим по сравнению с другими, отказался от перепечатки, заявив, что спор этот лишен общего интереса. Энгельс был, очевидно, другого мнения. В предисловии к подготовленному им 4-му изданию первого тома «Капитала» он возвращается к этой полемике, но сообщает о ней в такой форме, при которой, понятное дело, не обнаруживается недобросовестность Маркса. Кроме того, он сохранил в неизменном виде то место в «Капитале» (т. I, 4-е изд., стр. 617), где Маркс приписывает Гладстону противоположное тому, что он действительно сказал; более того, между тем как Маркс в первом издании просто для своей цитаты ссылается на «Гладстон в Палате общин 16 апреля 1863 г.», четвертое издание к этой ссылке прибавило еще «Morning Star, 17 апр. 1863 г.», как будто отчет этой газеты содержит эту цитату в такой формулировке, в какой передал ее Маркс! Но и отчет «Morning Star» содержит все те пропущенные брошюрой «Theory of the Exchanges» и после нее Марксом фразы, которые показывают, что Гладстон там, где он в своей бюджетной речи говорит о данных подоходного налога, говорит только о доходе тех, которые платят налог, противопоставляя их тем, которые, получая меньший доход, освобождены от этого налога; что на основании данных подоходного налога он констатирует ошеломляющее увеличение богатства и мощи и вместе с тем замечает, что констатированный на основании этих списков прирост доходов относится только к зажиточным классам, что совершенно естественно, так как доход остальных не внесен в эти списки; но что он, однако, не думает, что этот прирост ограничивается этими классами, так как из других источников известно, что одновременно положение британского рабочего улучшилось в такой степени, какой оно не достигало ни в какой стране и ни в какие времена... (Остальное не имеет ничего общего с обвинениями и является простым «приложением к этому вопросу» и т. д. — Ф. Энгельс.)

№ 14. Из приложений к ответу Брентано.

а) Из «Theory of the Exchanges», Лондон, 1864, стр. 134.

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 6 процентов... а за восемь лет, с 1853 до 1861 г., он увеличился в сравнении с 1853 г. на 20 процентов! Мой уважаемый друг говорит, что это произошло благодаря австралийскому золоту. Мне очень жаль, что он впал в глубокую ересь по вопросу о золоте. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами, но должно иметь косвенную выгоду для рабочего населения, потому что оно удешевляет товары широкого потребления — в то время как богатые стали богаче, бедные стали менее бедны. Но во всяком случае я не решаюсь сказать, уменьшились ли крайности бедности».

«Voilà l'homme en effet! Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir,
Importun a tout autre, à lui même incommode,

Il change a tous moments d'esprit comme de mode».

[«Вот каков человек в самом деле.

Он шатается между белым и черным.

Утром он осуждает то, что одобрял вечером,

Несносный для всех, в тягость себе самому,

Он каждую минуту меняет свои мнения, как моду».]

«Среднее положение британского рабочего за последние двадцать лет улучшилось в такой степени, которая, как нам известно, необыкновенна и беспримерна в истории какой бы то ни было страны и какого бы то ни было времени, предмет величайшего удовлетворения, потому что и т. д... едва ли заработки доставляли достаточное количество предметов первой необходимости»...

Заслуживает внимания для наличия связи между «The Theory of the Exchanges» и рассмотренными выводами в «Капитале» Маркса (т. I, изд. I-е, стр. 639) следующее. Приведенные в этом месте из «Theory of the Exchanges» данные лондонского «Orphan Asylum» Маркс противопоставляет фразе Гладстона: «я не решаюсь сказать, уменьшились ли крайности бедности». После этого Маркс выступает против бюджетной речи Гладстона от 7 апреля 1864 г.: «The Theory of the Exchanges» содержит приложение, в котором в виде добавления к только что перепечатанным страницам точно так же комментируется бюджет 1864 г. Там тот же стиль, который уже достаточно хорошо известен из предыдущего. В этом экскурсе мы находим следующее место (стр. 234):

«Но канцлер красноречив насчет «бедности»... Подумайте о тех, которые находятся на грани этой области... Заработная плата... в других случаях определенно не увеличилась... Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти представляет борьбу за существование».

Теперь сравним с этим Маркса (т. I, изд. 1-е стр. 640, 4-е изд. стр. 618). Здесь опять вместо передачи самой бюджетной речи буквально та же самая мозаика вырванных из общей связи фраз, как в «The Theory of the Exchanges». И здесь опять-таки он ссылается не на нее как на источник, а прямо на речь Гладстона в Палате общин 7 апреля 1864 г. А затем далее сказано: «Постоянные вопиющие противоречия между бюджетными речами Гладстона от 1863 и 1864 г.г. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Мольера» (следует вышеприведенное четверостишие Мольера).

Ясно, что Маркс заимствовал из этой книги не только цитату из Мольера, но также и придуманные автором «The theory of the Exchanges» «постоянные вопиющие противоречия между бюджетными речами Гладстона».

б) Энгельс, как было уже сказано в введении к этой перепечатке, прибавил в четвертом издании первого тома «Капитала» Маркса на стр. 617 к приведенным неправильным цитатами из бюджетной речи Гладстона ссылку на «Morning Star» от 7 апреля 1863 г. Спорное место этой речи было уже передано выше на с. 8—9 по стенографическому отчету «Hansard». Хотя это было уже сделано на с. 3 по отношению к совпадающему по смыслу и лишь более сжато для газеты отчету «Times», мы все же сопоставляем здесь этот отчет и отчет в упоминаемом Энгельсом «Morning Star» с буквальным текстом цитаты у Маркса:

The Times,
April 17, 1863

In ten years, from 1842 to 1852 inclusive, the taxable income of the country, as nearly as we can make out, increased by 6 per cent; but in eight years from 1853 to 1861, the income of the country again increased from the basis taken by 20 per cent. That is a fact so strange as to be almost incredible. *I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my relief that it was confined to the classes who are in easy circumstances.* This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described, and which is founded, I think upon accurate returns is an augmentation entirely confined to classes of property. Now, the augmentation of capital is of indirect benefit to the labourer, because it cheapens the commodity which in the business of production comes into direct competition with labour. (Hear, hear). But we have this profound, and I must say, inestimable consolation, that while the rich have been growing richer the poor have been growing less poor. Whether the extremes of poverty are less extreme than they were I do not presume to say, *but the average condition of the British labourer, we have the happiness to*

The Morning Star,
April 17, 1863

I must say, for one, I should look with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power if it were my belief that it was confined to the classes who are in easy circumstances. This great increase of wealth takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation is an augmentation entirely confined to classes of property. But that augmentation must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities which go to the general consumption. So that we have this profound and I almost say, inestimable consolation—while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor (Hear, hear). At any rate, whether the extremes are less than they were I do not presume to say, *but the average condition of the British labourer, we have the happiness to know to be extraordinary, and that we may almost pronounce it to be unexampled in the history of any country or any age* (Cheers).

Das Kapital,
I. Aufl. S. 639. Note 103.
«From 1842 to 1852 the taxable income of the country.

increased by 6 per cent. In the eight years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent: The fact is so astonishing as to be almost incredible...

...This intoxicating augmentation of wealth and power

is entirely confined to classes of property, but must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption —

while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! At any rate whether the extremes of poverty are less, I do not presume to say».

Здесь по середине фразы, как показывает вышеприведенная перепечатка, «The Theory of the Exchanges» обрывает фразу, чтобы вставить цитату из Мольера; Маркс, который, как показывает сопоставление, ни в коем случае не мог взять цитату из «Morning Star», а, обозначив точ-

know, has improved during the last twenty years in a degree which we know to be extraordinary, and which we may almost pronounce to be unexampled in the history of any country and of any age (Cheers).

ками пропущенное *или* место, заимствовал его дословно из «Theory of the Exchanges», заставляя Гладстона закончить по середине фразы...

Из настоящего сопоставления ясно, что произвольно составленная мозаика фраз, вырванных из общей связи, которую Маркс дает как бюджетную речь Гладстона, так же мало находится в «Morning Star», как в «Times» или у «Hansard»; но зато ее можно найти исключительно в «The Theory of the Exchanges». «Приведенные выше фразы с пробелами, это — именно те, которые Генри Рой и — сравни последнюю фразу — еще более Карл Маркс пропустили, чтобы приписать Гладстону противоположное тому, что он сказал».

№ 15. Из парламентских отчетов лондонской прессы.

От 17 апреля 1863 г.

«Morning Herald». Что касается до меня, то я могу сказать, что я со страхом и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства, если бы думал, что оно ограничивается зажиточными классами. Это огромное увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, ограничивается всецело увеличением капитала и совершенно не принимает в расчет беднейших классов.

«Morning Post». Я могу сказать, что я со своей стороны смотрел бы со страхом и беспокойством на это огромное увеличение богатства, если бы думал, что его блага ограничиваются зажиточными классами. Это увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, всецело ограничивается увеличением капитала и совершенно не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов.

«Daily Telegraph». «Что касается до меня, то могу сказать, что я со страхом и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы я думал, что оно ограничивается зажиточными классами. Эта сторона проблемы богатства совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. Указанное увеличение есть увеличение, всецело ограниченное имущими классами».

«Daily News». Что касается до меня, то могу сказать, что я смотрел бы со страхом и беспокойством на это огромное увеличение богатства, если бы я думал, что блага его ограничены зажиточными классами. Это увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, всецело ограничивается увеличением капитала и не принимает в расчет увеличения богатства беднейших классов.

«Standard». Я могу сказать, что я, со своей стороны, со страхом и беспокойством смотрел бы на это ошеломляющее увеличение

богатства, если бы я думал, что оно ограничивается зажиточными классами. Это огромное увеличение богатства, которое я описал и которое основано на точных данных, всецело ограничивается увеличением капитала и не принимает в расчет беднейших классов.

№ 16. Гладстон — Brentano.

„Deutsches Wochenblatt“ № 49, 4 декабря 1890 г.

Сообщение.

В № 45 «Deutsches Wochenblatt» профессор Луио Brentano опубликовал статью «Моя полемика с Карлом Марксом», которая послужила в то же самое время введением к перепечатке этой полемики в виде отдельной брошюры. В этой полемике главным образом идет речь об одной парламентской речи, произнесенной в 1863 г. Гладстоном и переданной в искаженной форме Марксом в его Учредительном манифесте при основании Международной рабочей организации.

Очевидно, никто не компетентен более самого Гладстона решить этот спор о тексте его речи. Поэтому имеет особенный интерес, что Гладстон ввиду перепечатки полемики Brentano с Марксом послал два письма Brentano. 22 ноября Гладстон пишет Brentano: «Вы совершенно правы, а Маркс совершенно неправ», а 28 ноября он пишет: «Я не сделал никаких изменений». Этим должен быть окончательно исчерпан инцидент, который проливает характерный свет на социал-демократический способ доказательства к невыгоде социалдемократического понимания.

Раскрыв обман, Brentano имеет огромную заслугу и было весьма своевременно именно теперь напомнить об этом споре.

О. А.

№ 17. Ответ Энгельса на № 16.

„Neue Zeit“ № 13, 1891, стр. 425.

По вопросу Brentano contra Маркс.

В моем предисловии к четвертому изданию I тома «Капитала» Маркса я был принужден сообщить об излюбленной в свое время анонимной кампании г. Луио Brentano против Маркса по поводу обвинения, будто Маркс сфальсифицировал цитату из одной речи Гладстона.

На это Brentano ответил в брошюре «Meine Polemik mit Karl Marx». Von Lujo Brentano, Berlin, Walter und Apolant, 1890.

Я не останусь в долгу перед ним.

Между тем в № 49 от 4 декабря 1890 г. «Deutsches Wochenblatt» напечатана заметка по этому поводу, в которой сказано:

«Очевидно, никто не компетентен более самого Гладстона решить этот спор о тексте его речи. Поэтому имеет особенный интерес, что Гладстон ввиду перепечатки полемики Brentano с Марксом послал два письма Brentano. 22 ноября Гладстон пишет Brentano «Вы совершенно правы, а Маркс совершенно неправ», а 28 ноября пишет: «Я не сделал никаких изменений».

Что это должно означать? *В чем* «Вы совершенно правы» и *в чем* «Маркс совершенно неправ»? *В чем* «я не сделал никаких изменений»? Так, как это здесь написано, оно может означать все, что угодно, или ничего не значить. Почему сообщение господина Брентано ограничивается этими двумя короткими фразами?

Или Гладстон не позволил ему напечатать письма целиком. В таком случае это достаточное доказательство того, что они ничего не доказывают.

Или же Гладстон с самого начала написал эти письма для опубликования их и разрешил Брентано воспользоваться ими, как ему будет угодно. В таком случае опубликование *только* этих ничего не говорящих извлечений именно и указывает, что показание Гладстона в целом для Брентано бесполезно и именно потому «кое-как исправлено».

Чтобы знать, какое значение имеют две вышеприведенные фразы, мы должны были бы видеть не только оба письма Гладстона, но и соответствующие письма Брентано. А до тех пор, пока не опубликована подлинная переписка по этому вопросу, вышеприведенные отрывки не имеют абсолютно никакого значения для этого спорного вопроса и не стоят той бумаги, на которой они напечатаны.

Ф. Энгельс.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ УПОМЯНУТЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

- Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, established Sept. 28, 1864 at a Public Meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London [Учредительный Манифест и временный устав Международного товарищества рабочих, основанного 28 сентября 1864 г. на открытом митинге в St. Martin's Hall Long Acre, в Лондоне]. — Стр. 272 — 345
- Aristoteles. [«De Republica» О государстве.] lib. I., edit. Bekkeri. Oxonii, 1837. Стр. 133
- Bastiat, Frédéric. «Harmonies Economiques». [Экономические гармонии.] Paris, 1851. — Стр. 65
- Bastiat et Proudhon. «Gratuité du Crédit». [Безвозмездность кредита.] Paris, 1850. — Стр. 55 163 223
- Bray, J. F. «Labour's Wrongs and Labour's Remedy; or the Age of Might and the Age of Right». [Несправедливости в отношении к труду и их устранение, или век силы и век права]. Leeds, 1839. — Стр. 51 — 53
- Brentano, Lujo. «Meine Polemik mit Karl Marx. Zugleich ein Beitrag zur Frage des Fortschritts der Arbeiterklasse und seiner Ursachen». [Моя полемика с Карлом Марксом. Вместе с тем очерк о прогрессе рабочего класса и его причинах.] Berlin, 1890. — Стр. 271 286 — 291 337 — 340
— «Arbeitergilden der Gegenwart». [Рабочие гильдии современности.] Leipzig, 1871 — 1872. — Стр. 337
- Cairns, J. E. «The Slave Power»: its character, career and probable designs: being an attempt to explain the real issues involved in the american contest». [Рабовладельческая держава и т. д.] London, 1862. — Стр. 181.
- Caray, Henry Charles. «Principles of Political Economy. Part the first: of the Laws of the Production and distribution of Wealth». [Начала политической экономии. Часть первая: о законах производства и распределения богатства.] Philadelphia, London, 1837. — Стр. 55
- Chalmers, Thomas. «On Political Economy in connection with the Moral state and Moral Prospects of Society». [Политическая экономия в связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества.] London, 1832. — Стр. 57
- Cherbuliez, A. E. «Riche ou Pauvre. Exposition succincte des causes et des effets de la distribution actuelle des richesses sociales» [Богатый или бедный и т. д.] Paris, 1841. — Стр. 49 165
- Destutt de Tracy. «Traité d'Economie Politique». [Трактат политической экономии.] Paris, 1825. — Стр. 165
- Dombasle, C.-F.-A. Mathieu de. «Annales Agricoles de Roville, ou Mélanges d'Agriculture, d'Economie Rurale et de la Législation agricole». [Ровильский сельскохозяйственный ежегодник и т. д.] Paris, 1825. — Стр. 251 — 253
- Dunning, T. J. «Trades Unions and Strikes: their Philosophy and Intention». [Тред-юнионы и стачки: их философия и назначение.] London, 1860. — Стр. 237 239 243
- Edmonds, T. R. «Practical, Moral and Political Economy, or the Government, Religion, and Institutions, most conducive to individual happiness and to national power». [Практическая, нравственная и политическая экономия и т. д.] London, 1828. — Стр. 105
- Engels, Friedrich. «Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigener Anschauung und aut hentischen Quellen». [Положение рабочего класса в Англии.] Leipzig, 1848. — Стр. 81 271
— «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie». (Deutsch-Französische Jahrbücher). [Очерки критики политической экономии.] Paris. 1844. — Стр. 67
- Fawcett, H. «The Economic Position of the British Labourer». [Экономическое положение британского рабочего.] London, 1865. — Стр. 307
- Freitag, Gustav «Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes».

- [Новые картины из жизни немецкого народа.] Leipzig, 1862. — Стр. 263
- Gladstone, William Ewart. «Financial Statements» [Речи по финансовым вопросам.] London, 1863. — Стр. 314
- Hassall, A. H. «Adulterations Detected, or plain instructions for the discovery of frauds in food and medicine». [Разоблачение фальсификации или ясные инструкции по разоблачению надувательств в пищевой промышленности и медицине.] London, 1861. — Стр. 233
- [Hodgskin, Thomas.] «Labour Defended against the claims of Capital; or the Unproductiveness of Capital proved with reference to the present combinations amongst journeymen: By a Labourer». [Защита труда от притязаний капитала и т. д.] London, 1825. — Стр. 53
- Jones, Richard. «Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations, delivered at the East India College, Haileybury». [Пособие по политической экономии.] Hertford, 1852. — Стр. 73 — 75 334
- Laing, Samuel. «National Distress; its Causes and Remedies». [Национальное бедствие, его причины и его устранение.] London, 1844. — Стр. 257
- Lalor, John. «Money and Morals: a book for the times». [Деньги и нравственность: книга для всех эпох.] London, 1825. — Стр. 53
- Malthus, Thomas Robert «Definitions in Political Economy, preceded by an Inquiry into the Rules which ought to guide political economists in the definition and use of their terms; with remarks on the deviation from these rules in their writings». New Edition, with a preface, notes and supplementary remarks by John Cazenove. [Политико-экономические определения и т. д.] London, 1853. — Стр. 57
- «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is regulated». [Исследование о природе и прогрессе ренты и о регулирующих ее принципах.] London, 1815. — Стр. 235
- «The Measure of Value stated and illustrated with an application of it to the alterations in the value of the english currency since 1790». [Мера стоимости, установленная и иллюстрированная на ее применении к изменениям в стоимости английской валюты с 1790.] London, 1823. — Стр. 73
- «Principles of Political Economy considered with a view to their practical application». [Начала политической экономии с целью их применения на практике.] London, 1836. — Стр. 147 235.
- Marx, Karl. «Das Kapital Kritik der politischen Oekonomie». I. Band. [Капитал. Критика политической экономии.] Hamburg, 1890. — Стр. 271 — 343
- «Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère par M. Proudhon». [Нищета философии. Ответ на философию нищеты г. Прудона.] Paris, 1847. — Стр. 75 271
- «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». [К критике политической экономии.] Berlin, 1859. — Стр. 181 189
- Marx, K., und F. Engels. «Manifest der Kommunistischen Partei». [Манифест коммунистической партии.] 1848. [London. — Стр. 69 121 133
- Mehring, Franz. «Geschichte der deutschen Sozial-Demokratie». [История германской социал-демократии.] Stuttgart, — Стр. 339
- Mill, John Stuart. «Essays on some unsettled questions of Political Economy». [Опыты о некоторых неразрешенных вопросах политической экономии.] London, 1844. — Стр. 165
- «Principles of Political Economy». [Начала политической экономии.] — Стр. 49
- Mill, James. «Elements of Political Economy». [Элементы политической экономии.] London, 1821. — Стр. 71 — 73
- Petty, William. «The Political Anatomy of Ireland. 1672». [Политическая анатомия Ирландии. 1672.] London, 1691. — Стр. 233
- Proudhon, Pierre-Joseph. «Système des Contradictions Economiques, ou Philosophie de la Misère». [Система экономических противоречий или философия нищеты.] Paris, 1867. — Стр. 75
- «Qu'est-ce que la propriété?» [Что такое собственность?] — Стр. 227
- Ramsay, George. «An Essay on the Distribution of Wealth». [Опыт о распределении богатства.] Edinburgh, 1836. — Стр. 47
- Ravenstone, Percy. «Thoughts on the Funding System, and its Effects». [Мысли о системе государственных долгов и ее следствиях.] London, 1824. — Стр. 267
- Ricardo, David. «On the Principles of Political Economy and Taxa-

- tion». [Начала политической экономии и налогового обложения.] London. 1821. — Стр. 47 69 73 165 257
- R o g e r s, James E. Thorold. «A History of Agriculture and Prices in England from the year after the Oxford Parliament (1259) to the Commencement of the Continental war — 1793». [История сельского хозяйства и цен в Англии со времени после Оксфордского парламента (1259) до начала континентальной войны — 1793.] Oxford, 1866. — Стр. 300
- R o s c h e r, Wilhelm. «Die Grundlagen der Nationalökonomie». In: «System der Volkswirtschaft», I. Bd., 3. Ausg. [Основы политической экономии.] Stuttgart—Augsburg, 1858. — Стр. 73
- R o s s i, Pelegrino. «Cours d'Economie Politique». [Курс политической экономии.] Bruxelles, 1842. — Стр. 47—49
- S a y, Jean-Baptiste. «Traité d'Economie Politique ou simple exposition de la Manière dont se forment, se distribuent et se consomment les Richesses». [Трактат о политической экономии и т. д.] Paris, 1817. — Стр. 55
- S e n i o r, Nassau William. «Principes Fondamentaux de l'Economie Politique». [Основные принципы политической экономии.] Paris, 1836. — Стр. 47
— «Three Lectures on the Rate of Wages, delivered before the University of Oxford, in Easter Term, 1830. With a preface on the Causes and Remedies of the present disturbances». [Три лекции о норме заработной платы.] London, 1830. — Стр. 87
- S i m o n d i, J.-Ch.-L. Simonde de. «Nouveaux Principes d'Economie Politique, ou de la Richesse dans ses rapports avec la population». [Новые начала политической экономии или о богатстве в его соотношении с населением.] Paris, 1819. — Стр. 55 85
— «De la Richesse Commerciale, ou Principes d'Economie Politique, appliqué à la Législation du Commerce». [О коммерческом богатстве или началах политической экономии в применении к торговому законодательству.] Genève, 1803. — Стр. 73
- S m i t h, Adam. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». With Notes from Ricardo Mac Culloch, Chalmers and other eminent political economists. Edited by Edward Gibbon Wakefield. [Исследование природы и причин богатства народов и т. д. в издании Уэкфилда.] London, 1836. — Стр. 73 316 — 317
- «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». With Notes, and an Additional volume, by David Buchanan. [Исследование природы и причин богатства народов и т. д. в издании Бюкенена.] Edinburgh, 1814. — Стр. 163 316 — 317
- S t e u a r t, Sir James. «An Inquiry into the Principles of Political Economy: being an Essay on the Science of Domestic Policy in Free Nations». [Исследование начал политической экономии: опыт учения о внутренней политике свободных наций.] London, 1767, Dublin, 1770. — Стр. 107
- S t o r c h, Henri. «Cours d'Economie Politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des Nations». [Курс политической экономии или изложение начал, определяющих преуспевание народов.] Paris, 1823. — Стр. 47
— «Cours d'Economie Politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des Nations». [Курс политической экономии или изложение начал, определяющих преуспевание народов.] Petersbourg, 1815. — Стр. 231
- T o r r e n s, Robert. «An Essay on the External Corn Trade». [Опыт о внешней хлебной торговле.] London, 1815. — Стр. 235 243
— «An Essay on the Production of Wealth; with an appendix, in which the principles of Political Economy are applied to the actual circumstances of this country». [Опыт о производстве богатства и т. д.] London, 1821. — Стр. 73
- T u r g o t, A.-R.-J. «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses». In: Oeuvres de Turgot édité. Daire. [Размышления об образовании и распределении богатств.] Paris 1844. — Стр. 235.
- V a n d e r l i n t, Jacob. «Money answers all Things; or, an Essay to make Money sufficiently plentiful amongst all ranks of people, and increase our foreign and domestic trade; fill the empty houses with inhabitants, encourage the marriage state, lessen the number of hawkers and pedlars, and, in a great measure, prevent giving long credit, and making bad debts in trade. Likewise showing the absurdity of going to war about trade; and the most likely method to prevent the clandestine exportation of our wool: and also to reduce the national debts and ease the taxes». [Деньги удовлетво-

- ряют всему и т. д.] London, 1734. — Стр. 233 — 235
- Wade, John. «History of the Middle and Working Classes, with a popular exposition of the economical and political principles which have influenced the past and present condition of the industrious orders». [История средних и трудящихся классов и т. д.] London, 1835. — Стр. 69 163
- Wakefield, E. G. «England and America. A comparison of the social and political state of both nations». [Англия и Америка. Сравнение социального и политического состояния обеих наций.] London, 1833. — Стр. 318 319 324
- Watts, John. «The Facts of Cotton Famine». [Факты о хлопковом голоде.] Manchester, 1866. — Стр. 301
- Weyland, F. «The Elements of Political Economy». [Элементы политической экономии.] Boston, 1853. — Стр. 53 — 55
- Young, Arthur. «Political Arithmetic containing observations on the present state of Great Britain; and the Principles of her Policy in the encouragement of Agriculture. Addressed to the economical Societies established in Europe». [Политическая арифметика, содержащая замечания о современном состоянии Великобритании и принципы ее политики для поощрения сельского хозяйства.] London, 1774. — Стр. 119 149

Анонимные произведения.

- «An Inquiry into the connection between the present price of Provisions, and the size of farms. With remarks on Population as affected thereby. To which are added proposals for preventing future scarcity. By a Farmer». [Исследование связи между современными ценами на продукты и величиной ферм и т. д.] London, 1773. — Стр. 199
- «An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand as lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of Wealth». [Исследование тех принципов, касающихся природы спроса, которые в последнее время защищались г. Мальтусом, и т. д.] London, 1821. — Стр. 233
- «Considerations Concerning Taking Off the Bounty on Corn Export-

- ted; In some letters to a Friend to which is added a Postscript showing that the Price of Corn is no Rule to judge of the Value of Land; what will be increased in Proportion to the Cheapness of its several Products». [Размышления относительно отмены премий на вывоз зерна и т. д.] London, 1753. — Стр. 77 — 79
- «Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to value, and to demand and to supply». [Соображения о некоторых словесных спорах в политической экономии, в частности о стоимости, спросе и предложении.] London, 1821. — Стр. 165
- «Public Economy Concentrated or a Connected view of Currency, Agriculture, and Manufactures. By an Enquirer into First Principles». [Общественная экономия в самой сжатой форме, или совместное рассмотрение денежного обращения, сельского хозяйства и промышленности.] Carlisle, 1833. — Стр. 123
- «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. The abuse of the metallic principle to depreciation. Parliament mirrored in Debate, supplemental to «The Stock Exchange and the Repeal of Sir J. Barnard's Act». [Теория курсов. Банковский акт 1844 и т. д.] London, 1864. — Стр. 271 — 339

Официальные издания.

- «Agricultural Statistics, Ireland. Tables showing the estimated average Produce of the crop for the year 1866». [Сельско-хозяйственная статистика Ирландии. Таблицы, показывающие среднюю урожайность за 1866 г.] Dublin, 1867. — стр. 261
- «Blue book» см. «Miscellaneous statistics» и т. д.
- «Census of England and Wales for 1861». [Перепись народонаселения Англии и Уэльса за 1861 г.] London, 1863. — Стр. 299
- «Children's Employment Commission Report 1863 — 1867». [Отчет Комиссии по детскому труду.] — Стр. 299 — 301
- «Children's Employment Commission. 1st Report [Первый отчет Комиссии по детскому труду] London 1863. — Стр. 241
- «Hansard» — сборник стенографи-

- ческих отчетов заседаний английского парламента. — Стр. 274 — 343
- «Income and Property Tax Return. 7. August, 1866». [Отчет о подоходном и поимущественном обложении. 7-го августа 1866 г.]. — Стр. 261
- «Miscellaneous statistics of the United Kingdom. Part VI». [Разные статистические данные об Объединенном Королевстве.] London, 1866. — Стр. 233 — 306
- «Public Health Report» [Отчет о народном здравии.] — Стр. 299 304
- «First and Second Report from the Select Committee on the Adulteration of Food» etc. [Первый и второй отчеты специальной комиссии по разоблачению фальсификации пищи и т. д.] London, 1855. — Стр. 233
- «Report etc. relating to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers; with Appendix of Evidence». [Отчет о жалобах поденщиков-пекарей с приложением показаний.] London, 1862. — Стр. 233
- «Reports of the Inspectors of Factories etc. for the half year ending 31st October 1855». [Отчеты фабричных инспекторов.] London, 1856 — Стр. 251

Периодические издания

- «Concordia». [Согласие.] Орган крупных промышленников, еженедельник по «рабочему вопросу». Выходил в Берлине с 1871 по 1876. — Стр. 271 — 339
- «Daily News». [Ежедневные новости.] Ежедневная либеральная газета. Основана в Лондоне в 1846. Несколько лет тому-назад слилась с другой либеральной газетой — органом Ллойд-Джорджа «Daily Chronicle». — Стр. 278 295 326 343
- «Daily Telegraph». [Ежедневный Телеграф.] Ежедневная консервативная газета, официоз английского правительства. Основана в Лондоне в 1855; до 1886 была либеральным органом. — Стр. 278 295 343
- «Deutsches Wochenblatt». [Немецкий еженедельник.] Республиканский орган. Основан в Мангейме в 1864. — Стр. 293 344 — 345
- «Fortnightly Review». [Двухнедельное обозрение.] Либеральный журнал; впоследствии стал консервативным органом. Основан в Лондоне в 1867. — Стр. 273 309 312 317 322
- «Morning Advertiser». [Утренний листок объявлений.] Ежедневная газета, орган союза трактирщиков. Основана в Лондоне в 1804. — Стр. 277 — 279 284 295 321 325 327 335
- «The Morning Herald». [Утренний Вестник.] Ежедневная консервативная газета, выходила в Лондоне с 1780 по 1869. — Стр. 278 295 343
- «Morning Post». [Утренняя почта]. Ежедневная консервативная газета; выходит в Лондоне с 1772. — Стр. 278 295 343
- «Morning Star». [Утренняя Звезда]. Орган манчестерских фритредеров Кобдена и Брайта; выходила в Лондоне с 1862 по 1870. — Стр. 276 — 342
- «Neue Zeit». [Новое Время.] Теоретический журнал, официальный орган германской социал-демократии; выходил с 1883 по 1923. — Стр. 293, 344 — 345.
- «Reynold's Weekly Newspaper». [Еженедельная газета Рейнольда.] Демократический еженедельник, первое время был близок к чартистскому движению. Выходил в Лондоне с 1851 по 1870. — Стр. 267
- «Saturday Review of Politics, Literature, Science and Art». [Субботнее обозрение политики, литературы, науки и искусства.] Консервативный журнал. Основан в Лондоне в 1856. — Стр. 318.
- «The Standard». [Знамя.] Ежедневная вечерняя газета, орган ториев, выходила в Лондоне с 1827; с 1857 г. имела утренний выпуск; во время империалистской войны прекратила свое существование. — Стр. 278 295 343 — 344
- «Times». [Время.] Ежедневная газета; орган крупной буржуазии. Основана в Лондоне в 1785. — Стр. 241 273 — 343
- «То - Дау». [Сегодня]. Ежемесячный социалистический журнал; выходил в Лондоне с 1883 по 1889. — Стр. 327 — 333 336 — 337 339
- «Der Volksstaat». [Народное Государство]. С 1869 по 1876, центральный орган социал-демократической партии (эйзенахской) под ред. В. Либкнехта. Выходил в Лейпциге с 1869 по 1876. — Стр. 273 — 335

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ариосто, Лодовико (Ariosto, Lodovico) (1474 — 1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения 336

Аристотель (Aristoteles) (384 — 322 до н. э.) — греческий философ, «величайший мыслитель древности». (Маркс).

Не совсем далек от мнения, что рабочий — раб от природы 49; делание денег как конечная цель всякого вида деятельности 133

Арнд, Эрнст Мориц (Arndt, Ernst Moritz) (1769 — 1860) — немецкий националистический публицист и поэт, поборник национального объединения Германии и освобождения от французского владычества при Наполеоне. Выпустил книгу, в которой описывает ужасы крепостного права на о. Рюгене 263

Бастиа, Фредерик (Bastiat, Frédéric) (1801 — 1850) — французский вульгарный экономист, «проповедник гармонии и апологет по профессии», «плагиатор», у которого «апологетика представляет его настоящую работу, так как содержание экономии он берет у других, как оно ему подходит» (Маркс).

Средства производства — капитал во все времена и при всех обстоятельствах 51; наемный труд — безразличная формальность 65; большие экономические кризисы в Англии исчезли 65; отношение капитала к труду как покупка услуг 145; 163; дискуссия между Б. и Прудоном 55 223

Бebel, Август (Bebel, August) (1840 — 1913) — один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала. С момента легального существования партии Б. бессменный председатель правления партии. В своей революционной деятельности допускал иногда оппортунистические шатания, которые подвергались критике со стороны Маркса и Энгельса. После смерти Энгельса Б. стал постепенно отходить вправо, возглавил цен-

тристское течение в партии и во II Интернационале. — 289 310

Бисли, Эдуард Спенсер (Beesley Edward Spencer) (1831 — 1915) — английский историк и философ, редактор 273 309 310 312 313 317 318 322

Бомарше, Пьер Огюстен (Beaumarchais, Pierre Augustin Caron de) (1732 — 1799) — французский драматург и памфлетист. Его произведения отражают настроения «третьего сословия» накануне революции 1789 г. — 287

Брум, Генри Питер (Brougham Henry Peter) (1778 — 1868) — английский политический деятель, один из основателей органа вигов, журнала «Эдинборо Ревью».

Полемика против Годскина 53.

Брентано, Луио (Brentano, Lujo) (1844 — 1931) — немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист, который «хочет сделать наемного раба довольным наемным рабом». (Энгельс) 271 — 345

Брай, Джон Фрэнсис (Bray, John Francis) (1809 — 1895) — английский утопист-социалист, чартист.

Капитал — непотребленные продукты; для производства необходим капитал, но не капиталисты 51 — 53

Вандерлинт, Яков (Vanderlint, Jacob) (умер в 1740 г.) — английский экономист.

Цена труда как цена средств существования, необходимых для поддержания жизни рабочего и членов его семьи 233 — 235

Вольтер, Франсуа-Мари (Voltaire, François Marie Arouet de) (1694 — 1778) — выдающийся представитель литературы «эпохи просвещения», идеолог буржуазии в период подготовки великой французской революции. Философ, историк, драматург. Вел ожесточенную борьбу с католической церковью 287

Гладстон, Вильям Юарт (Gladstone, William Ewart) (1809 — 1898) — английский государственный деятель, вожь либеральной партии — 275 — 346

Годскин, Томас (Hodgskin, Thomas) (1787 — 1867) — английский социалист-утопист.

Капитал — название, изобретенное для надувательства масс 53

Даннинг, Т. Дж. (Dunning, T. J.) (1799 — 1873) — секретарь лондонского объединения союза переплетчиков 237 239

Дафферин, Фредерик (Dufferin, Frederik, Marquess of) (1826 — 1902) — английский дипломат, крупный землевладелец в Ирландии 259 261

Дестют де Траси, Антуан (Destutt de Tracy, Antoine) (1754 — 1836). Французский вульгарный экономист.

Перенесение свойств труда на капитал 165

Джонс, Ричард (Jones, Richard) (1790 — 1855) — английский экономист, преемник Мальтуса по кафедре политической экономии в университете Хейлбери.

Непрерывность процесса труда при капиталистическом производстве 75

Домбаль, Матье де (Dombasle, C.-J.-A. Mathieu de) (1777 — 1843) — французский агроном 251

Дюпен, Франсуа-Пьер-Шарль, барон (Dupin, François Piere Charles) (1784 — 1873) — французский буржуазный экономист, инженер.

Описание французской промышленности в связи с системой землевладения 251

Курье, Поль Луи (Courier, Paul-Louis) (1773 — 1825) — французский памфлетист. Его произведения направлены против духовенства и дворянства 287

Кэри, Генри Чарльз (Carey, Henry Charles) (1792 — 1879) — американский экономист, критиковал учение Рикардо, усматривая в нем теоретическую основу коммунизма.

Капитал — все предметы, обладающие меновой стоимостью 55

Кэрнс, Джон Эллиот (Cairnes, John Elliot) (1823 — 1875) — английский экономист, рикардиец.

Неподвижность рабского труда 79; изменчивость наемного труда в противоположность рабскому 119

Лавеле, Эмиль Луи Виктор де (Laveley, Emile-Louis-Victor de) (1822 — 1892) — бельгийский экономист, фритредер, буржуазный «критик» социализма 283 326

Ласкер, Эдуард (Lasker, Eduard) (1829 — 1884) — немецкий политик,

возглавлял немецкую либеральную буржуазию после 1866 г. 335

Лассаль, Фердинанд (Lassalle, Ferdinand) (1829 — 1864) — основатель Всеобщего германского рабочего союза, первой массовой политической организации немецких рабочих. В этой организации проводил, однако, политику соглашения с Junkерско-буржуазным государством. Агитировал за всеобщее избирательное право и производственные ассоциации с государственной помощью как средства осуществления социализма.

Лассалевский «железный закон заработной платы», с которым Маркс не имеет ничего общего 289

Лейнг, Сэмюэль (Laing, Samuel) (1780 — 1868) — английский писатель и путешественник; автор ряда произведений о политическом, социальном и экономическом положении европейских государств 257

Либкнехт, Вильгельм (Liebknecht, Wilhelm) (1826 — 1900) — один из основателей и виднейший вождь германской социал-демократии, участник революции 1848 г. и южно-германского восстания 1849 г. Несмотря на свою революционность не освободился, однако, от мелко-буржуазного демократизма. В борьбе с оппортунизмом не проявлял достаточной революционной стойкости, за что подвергался резкой критике со стороны Маркса и Энгельса 289

Локк, Джон (Locke, John) (1632 — 1704) — английский философ-сенсуалист, экономист, «представитель новой буржуазии во всех формах: промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовой аристократии против государственных должников» (Маркс.)

Смешение частной собственности, основанной на личном труде, с капиталистической частной собственностью 265

Лэлор, Джон (Lalor, John) (1814 — 1856) — английский писатель-моралист.

Признает важность сочинения Годскина «Защита труда против претензии капитала и т. д.» 53

Мальтус, Томас Роберт (Malthus, Thomas Robert) (1766 — 1834) — английский пастор, экономист, апологет капитализма. Автор известной «теории народонаселения»,

которая особенно ярко отражает его взгляды как защитника капитализма.

Капитал — часть богатства, употребляемая с целью прибыли в производстве и распределении богатства 57; специфическое авансирование капиталистов состоит в труде 73; производительный рабочий тот, кто непосредственно увеличивает богатство своего хозяина 147; цена труда как цена предметов, необходимых для существования рабочего 235

Маркс, Карл (Marx, Karl) (1818 — 1883) 271 346; ответ М. на обвинение анонимного автора в «Concordia» 308 — 311; второй ответ М. анонимному автору 316 — 322

Маркс-Эвелинг, Элеонора (Marx-Aveling, Eleanor (Tussy)) (1856 — 1898, младшая дочь Маркса, принимала активное участие в английском и международном рабочем движении 285

Ответ Тейлору 327 сл. второй ответ Тейлору 330 сл. 337 338 341

Меринг, Франц (Mehring, Franz) (1846 — 1919) — немецкий социал-демократ, журналист, литературовед и историк партии. Один из вождей левого крыла немецкой социал-демократии, член Союза Спартака. — 339.

Милль, Джеймс (Mill, James) (1773 — 1836) — английский историк, философ, экономист, последователь Рикардо. После смерти последнего возглавлял его школу.

Капитал — накопленный труд 71

Милль, Джон Стюарт (Mill, John Stuart) (1806 — 1873) — английский философ, либеральный политический деятель, экономист, эпигон классической школы.

Земля, капитал и труд как элементы всякого производства 49; плоская трактовка вопроса о производительности капитала 165

Милтон, Джон (Milton, John) (1608 — 1679) — английский писатель, идеолог английской пуританской буржуазии.

Труд М. как пример непродуцированного труда с капиталистической точки зрения 139

Мольер, Жан Батист Поклен (Moliere, Jean Baptiste-Poquelin) (1622 — 1673) — крупнейший французский драматург 313 317 323 341

Мунделла, Антонио Джон (Mundella, Antonio John) (1825 — 1897) —

английский крупный фабрикант, либерал. — 311

Петти, сэр Вильям (Petty, Sir William) (1623 — 1687) — английский экономист и статистик, по выражению Маркса «один из гениальнейших и оригинальнейших экономических исследователей», «отец английской классической политической экономии»; основоположник теории трудовой стоимости.

Стоимость дневной заработной платы 233

Прудон, Пьер Жозеф (Proudhon, Pierre-Joseph) (1809 — 1865) — французский мелкобуржуазный экономист, один из основоположников анархизма. Критике взглядов Прудона посвящена «Нищета философии» Маркса.

О превращении «понятия продукт в понятие капитал благодаря идее стоимости» 53; дискуссия между Бастия и П. 55; выведение прибавочного труда из таинственных природных свойств труда 75 сл.; невозможность для рабочего купить то, что он сам произвел 219 223 — 227

Рамсэй, сэр Джордж (Ramsay Sir George) (1800 — 1871) — английский философ и экономист. Был близок к пониманию преходящего характера капитализма.

Определение капитала 47

Ревенстон, Перси (Ravenstone, Percy) — английский экономист 267

Редгрев, Александр (Redgrave, Alexander) — фабричный инспектор в Англии.

Обзор состояния французской текстильной промышленности за 1852 г. 251 — 255

Рикардо, Давид (Ricardo, David) (1772 — 1823) — английский экономист, крупнейший представитель классической школы.

Не разработал двойственного характера труда, производящего товары 43; определение капитала 47; пища и одежда как способ существования капитала в процессе труда 61; капитал—средство применения труда 69; капитал — накопленный труд 71: школа Рикардо 73; люди, не приносящие прибыли капиталу, излишни 149; зависимость накопления от производительных сил труда 165; возрастание спроса на домашних слуг вследствие роста

- части прибавочной стоимости, потребляемой как доход 257; сращивание частной собственности, основанной на личном труде, с капиталистической частной собственностью 265
- Роджерс, Джеймс (Rogers, James)** (1823 — 1890) — английский экономист, видный представитель исторической школы английской политической экономии.
- Положение сельскохозяйственных рабочих в Англии в 60-х гг. XIX столетия 300
- Росси, Пелегрино Луиджи (Rossi, Pellegrino Luigi)** (1787 — 1840) — итальянский экономист.
- Определение капитала 47; средства существования не являются составной частью производительного капитала 61
- Ротшильд** — крупный мировой банкир. — 51
- Росчер, Вильгельм (Roscher, Wilhelm)** (1817 — 1894) — немецкий буржуазный экономист, представитель вульгарной экономики в ее «последней профессорской форме» (Маркс), отличающейся крайней эклектичностью, практикуемой под флагом «историчности».
- Капитал как воздержание 73; беспомощная критика Прудона 227
- Сеннор, Нассау Вильям (Senior, Nassau William)** (1817 — 1894) — английский вульгарный экономист, апологет капитализма.
- Определение капитала 47; капитал как воздержание 73
- Симонди, Жан Шарль Леонар Симон де (Sismondi, Jean Charles Léonard Simonde de)** (1773 — 1842) — швейцарский мелкобуржуазный экономист и историк. Подверг критике классическую политическую экономию с позиций экономического романтизма.
- Капитал — это коммерческая идея 55; обмен прошедшего труда на будущий 73; в процессе производства труд становится капиталом 85; капитал производит свой продукт неизбежно как товар 183 189
- Смит, Адам (Smith, Adam)** (1723 — 1790) — английский экономист и философ, основатель классической школы.
- Исключительно высокая производительность вложения капитала в сельское хозяйство 151; 163; 317
- Стюарт, сэр Джеймс (Steuart (Stewart) Sir James D.)** (1712 — 1780) — английский экономист, меркантилист.
- Внеэкономическое принуждение к труду в рабовладельческом обществе 107
- Сэй, Жан Батист (Say, Jean-Baptiste)** (1767 — 1832) — французский вульгарный экономист, один из самых беззастенчивых апологетов капитализма.
- Капитал гнездится в стоимости вещей — 55; отношение капитала к труду как покупка услуг 145
- Тейлор, Седлей (Taylor, Sedley)**, 271 283 286 291 298 326—333 336 337
- Торренс, Роберт (Torrens, Robert)** (1780 — 1864) — английский экономист, фритредер, выступал против теории Рикардо.
- Капитал — особый вид богатства, предназначенный для получения других полезных предметов 47; капитал — накопленный труд 71; естественная цена труда как величина почти постоянная в данном месте и в данное время 235; влияние цены хлеба на цену труда 243
- Турго, Анн Роберт Жак (Turgot, Anne-Robert-Jacques)** (1727 — 1781) — французский государственный деятель, экономист, один из самых видных физиократов, последователь Кенэ.
- Ограниченность величины заработной платы ценою необходимых средств существования рабочего 235
- Уотс, Джон (Watts, John)** (1817 — 1887) — английский социальный реформатор, оуэнист.
- Кризис текстильной промышленности 1862 — 1863 гг. и положение рабочих 301
- Уэд, Джон (Wade, John)** (1788 — 1875) — английский экономист и публицист.
- Труд как средство, с помощью которого капитал производит прибыль 69; капитал — коллективная сила 163
- Уэкфилд, Эдуард Гиббон (Wakfield, Edward Gibbon)** (1796 — 1862) — английский колониальный деятель и писатель, теоретик капиталистической системы колонизации.
- Капитал — предшествующий труд в отличие от настоящего труда — 71 189 310 324
- Уэйленд, Фрэнсис (Wayland, Francis)** (1796 — 1865) — американский

педагог, автор пособия по политической экономии.

Один и тот же предмет может быть продуктом для одного и капиталом для другого 53 55

Ф о р к а д, Эжен (Forcade, Eugène) (1820 — 1869) — французский публицист, сотрудник журнала «Ревю де де Монд».

Полемика с Прудоном 227

Ф о у с е т, Генри (Fawcett, Henry) (1833 — 1884) — профессор политической экономии, политический деятель, либерал.

О движении номинальной и реальной заработной платы английских рабочих 40 — 60 гг. 306

Ф р е й т а г, Густав (Freitag Gustav) (1816 — 1895) — немецкий писатель и историк.

Положение крепостных крестьян на о. Рюгене 263

Ф р и д р и х II (1712 — 1786) — прусский король с 1740 г. 263

Х а н т е р, Генри Джульен (Hunter, Henry Julian) — английский врач.

Положение английских сельскохозяйственных рабочих в 1863 г. 299

Х э с с о л, Артур Хилл (Hassall, Arthur Hill) — английский врач.

Разоблачение фальсификации пшеницы 233

Ч о м е р с, Томас (Chalmers, Thomas) (1780 — 1847) — шотландский экономист и теолог; ярый мальтузианец.

Капитал — часть богатства, употребляемая для производства и вообще с целью получения прибыли 57

Ш е к с п и р, Вильям (Shakespeare, William) (1564 — 1616) — великий английский драматург 117

Ш е р б ю л ь е, Антуан Элизе (Cherbuliez, Antoine-Élisée) (1797 — 1869) — швейцарский экономист, сторонник Сисмонди.

Капиталом становится всякая вещь, когда она употребляется для производственных операций 49; рост благосостояния класса капи-

талистов вместе с социальным прогрессом 165

Ш т о р х, Анри (Storch, Henry) (1766 — 1835) — экономист, статистик. Критик меркантилизма, сторонник свободной торговли.

Капитал — имущество, идущее на материальное производство 47; рабочий одалживает свой труд, не рискуя ничем, кроме своей заработной платы 231 сл.

Э д м о н д с, Томас (Edmonds, Thomas) (1803 — 1889) — английский экономист, последователь Оуэна.

Капиталистическая эксплуатация основана на экономическом принуждении свободного рабочего к труду в отличие от внеэкономического принуждения при рабовладельческом строе 105

Э н г е л ь с, Фридрих (Engels, Friedrich) (1820 — 1895) — 67

Отношение фабриканта к рабочему как чисто экономическое отношение «капитала» к «труду» — 81; из предисловия Энгельса к 4-му изданию I тома «Капитала» Маркса 333 — 337; 340 341 ответ Э. на сообщение «Deutsches Wochenblatt» от 4 декабря 1890 г. 341 — 345

Ю н г, Артур (Young, Arthur) (1741 — 1820) — английский писатель, статистик. Автор ряда произведений, в которых описывает главным образом положение сельского хозяйства в Англии, Ирландии, Испании, Франции и Италии.

Сравнение потребительского земледелия с торговым земледелием 119; непроизводительный характер труда самостоятельных мелких производителей 149; 300

Ю р, Эндью (Ure, Andrew) (1778 — 1875) — английский химик и писатель-экономист; по выражению Маркса «Пиндар [восторженный восхвалитель. *Ред.*] автоматической фабрики».

Капиталист, применяющий машину, не обязан знать ее устройства 161

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абсолютная прибавочная стоимость. Абсолютная прибавочная стоимость — материальное выражение формального подчинения труда капиталу 95 99 101

А м е р и к а. Американская гражданская война отсрочила кризис в Англии в 1861 г. 65; текучесть капитала, изменчивость труда 79 119; рабский труд 119; эмиграция труда и капитала в САСШ 259; американская гражданская война и хлопковый голод в Англии в 1862—63 г. 300

А н г л и я. Кризисы — 65 302; феодальные предрассудки капитала 79; текстильная промышленность в Англии и Франции 251; эмиграция и иммиграция — 259; жилищный вопрос в угольных районах 267; положение сельскохозяйственных рабочих 299 — 301; положение пролетариата в различных отраслях промышленности 300 сл.; фабричное законодательство 302

А н т а г о н и з м. Воспроизводство классового антагонизма при капитализме 271 — 272

А ф и н ы. Цеховое отношение — 107

Б о г а т с т в о. Деньги как абстрактная социальная форма богатства 115; вещное богатство как самоцель 125; капиталистический способ производства производит богатство для непроизводящих 141; труд как источник богатства 165; рост богатства и обнищание пролетариата 169; товар как элементарная форма буржуазного богатства 177 сл.

В а л о в о й п р о д у к т. Валовой и чистый продукт 147 — 153; путаные представления о различии между валовым и чистым продуктом 151; соотношение валового и чистого продукта в сельском хозяйстве 153;

В о с п р о и з в о д с т в о. Потребление рабочего — воспроизводство его способности к труду 61; воспроизводство и производство предметов роскоши 141; воспроизводство капиталистического отношения 157 сл. 177; воспроизводство капитала 229; воспроизводство классового антагонизма при капитализме 271 — 272

Д е н ь г и. Деньги как элементарная форма капитала 5 7; деньги, как потенциальный капитал 5 сл.; деньги, как исходный пункт образования капитала 7; превращение денег в факторы производства — необходимая предпосылка и имманентный момент капиталистического производства 13; деньги как выражение определенных общественных производственных отношений 63; превращение денег в капитал 181; счетные деньги 191

Д о х о д. Рост доходов капиталистов в Ирландии 261

Е д и н с т в о п р о т и в о п о л о ж н о с т е й. Товар как единство потребительной и меновой стоимости 13 37 191; капиталистическое производство как единство процесса труда и увеличения стоимости 13 37 45 187

Ж е н с к и й и д е т с к и й т р у д. 169 301

Ж и л и щ н ы й в о п р о с. Жилищный вопрос и стачки углекопов в Англии 267

З а к о н. Закон стоимости 69 127. Законы политической экономии и абстрагирование 79; закон капиталистического производства 125 153; закон заработной платы 289.

З а к о н о д а т е л ь с т в о. Роль социального законодательства при капитализме 271; фабричное законодательство в Англии 302

З а р а б о т н а я п л а т а. Заработная плата раба и рабочего 113 сл.; сдельная плата 115 241 с.; заработная плата как форма необходимых средств существования 117; заработная плата — цель труда рабочего 117 231 — 249; заработная плата и тред-юнионы 237; заработная плата как превращенная форма стоимости (или цены) способности к труду 245; сдельная плата как определенная форма повременной платы 245; национальные различия в заработной плате 257 сл.; движение заработной платы и обнищание пролетариата 299 сл.

З е м л е д е л и е. — См. сельское хозяйство

Землевладение. Система землевладения и развитие капиталистического производства 249

Изобретение. Запрещение изобретений при цеховом строе как средство борьбы с безработицей 151

Иллюзия. Иллюзия свободы у рабочего при капитализме 113; иллюзия отношения равноправия при покупке и продаже рабочей силы 171 — 173

Интенсивность труда. Средняя степень интенсивности 29; интенсивность труда и национальные различия в заработной плате 247 сл.

Индия. Ростовщический капитал 97; первобытная община 185

Иммиграция. Иммиграция в Англию 259

Ирландия. Крайне низкий уровень жизни 235; эмиграция 259

Капитал. Товар и деньги как элементарные формы капитала 5; капитал в истолковании буржуазной политической экономии 5 7 47 сл., 67; производство прибавочной стоимости — специфическая функция капитала 11; двойственный образ капитала внутри процесса производства 13; потребительная стоимость товаров, функционирующих в процессе производства капитала 13 15 17, средства производства как бытие капитала 19 21 31; различие между товаром и находящимся в процессе увеличения стоимости капиталом в отношении потребительной стоимости 13 сл.; это же различие в отношении меновой стоимости 25; капитал как определенное общественное отношение производства 19 сл. 33 63; производительный капитал 61; наемный труд — необходимое условие образования капитала 65; распределение общественного капитала по различным сферам производства 75 77; равнодушие капитала самого по себе к особенностям каждой сферы производства 77; изменчивость труда и текучесть капитала 77; феодальные предрассудки капитала в Англии 79; формальное подчинение труда капиталу 89 101 сл.; ростовщический капитал 95 — 97; торговый капитал 97; реальное подчинение труда капиталу 99 105 119 сл.; мораль капитала — производство максимальной прибавочной стоимости 153; производительность капитала состоит в принуждении к прибавочному труду 157 161; капитал как продукт капиталистического производства 165; товар как исходный

пункт и как продукт капитала 177 сл., 187 сл.; ход изложения и историческое развитие капитала 181 обращение товаров как момент процесса воспроизводства капитала 229 См. также: Постоянный к.; Переменный к.; Формальное подчинение труда капиталу; Реальное подчинение труда капиталу.

Капиталист. Капиталист как олицетворенный капитал 33 95 57; капиталист под рабством капиталистического отношения 35; капиталист как главный надзиратель и руководитель процесса производства 95

Капиталистическое производство. Капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости 5 9 33 35 55 83 127 147 149 177; капиталистическое производство как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости 13 37 45 187; покупка и продажа способности к труду как необходимая предпосылка и результат капиталистического производства 37 85; покупка и продажа способности к труду как абсолютная основа капиталистического производства 63; противоречивый характер капиталистического производства 77 125 165; продукт капиталистического производства не только товар, но и капитал 83 сл.; историческое значение капиталистического производства 99; тенденции капиталистического производства овладеть всеми отраслями производства 121; капиталистическое производство как «производство ради производства» 125; кризис — результат противоречивого характера капиталистического производства 125; смещение капиталистического производства с некапиталистическим (Смит) 151; обнищание пролетариата и рост богатства капиталистов 171; концентрация и обобществление средств производства 155 255—257; персонализация вещей и овеществление личностей 157; воспроизводство наемного труда и капитала 167 сл., 177; три пункта, характеризующие капиталистические производства 185

Класс. Воспроизводство классового антагонизма при капитализме 271 — 272

Конкретный труд. Потребительная стоимость как выражение конкретного труда 39; товар как

- единство конкретного всеобщего и безразличного общественно-необходимого труда 39.
- К о н ц е н т р а ц и я.** Концентрация средств производства 155-255; концентрация капитала — экспроприация непосредственных производителей 263
- К р е с т ь я н е.** Восстания крестьян на острове Рюгене и в Саксонии 263
- К р и з и с.** Кризис в Англии (Бастия) 65; кризис — результат противоречивого характера капиталистического производства 125; влияние кризиса на эмиграцию пролетариата и капитала 259
- М а н у ф а к т у р а.** 107
- М а ш и н а.** Машина как властелин над рабочим при капитализме 21; машина при капитализме конкурирует с трудом 296
- М е т о д.** Ход изложения и историческое развитие капитала 181
- М и с т и ф и к а ц и я.** Мистификация присуща капиталистическому отношению 93 сл., 99 153 сл., 157; см. также Фетишизм
- М о н е т а р н а я с и с т е м а.** Определение капитала 45; определение денег 45
- Н а е м н ы й т р у д.** Необходимая общественная форма труда при капитализме 63 133; абсолютная основа капиталистического производства 63; необходимая предпосылка капиталистического производства 65 85; необходимое условие образования капитала 65; неправильное понимание характера наемного труда 133 сл.; воспроизводство наемного труда и капитала 169 177
- Н а к о п л е н и е.** Накопление и производительный и непроизводительный труд 147; процесс накопления — имманентный момент капиталистического производства 169; капиталистическое накопление и концентрация основаны на присвоении чужого прибавочного труда 257; капиталистическое накопление в освещении буржуазной политической экономии 257
- Н а л о г и.** Налоги — непроизводительные издержки капиталистического производства 135; прямые и косвенные налоги 135
- Н а с е л е н и е.** Избыточное население 121; закон населения при капитализме 169
- Н а у к а.** Наука как всеобщий продукт общественного развития 99; наука и уровень материального производства 99; отделение науки от труда при капитализме 157; наука при капитализме — орудие эксплуатации 157 159
- О б м е н.** Обмен между переменным капиталом и способностью к труду опосредствует присвоение чужого труда 71
- О б н и щ а н и е п р о л е т а р и а т а.** 171, 271 — 273, 299 — 303
- О б о б щ е с т в л е н и е т р у д а п р и реальном подчинении труда капиталу 99 121;**
- О б р а щ е н и е.** Обращение товаров как момент процесса воспроизводства капитала 229
- О б щ е с т в е н н о - н е о б х о д и м ы й т р у д.** Меновая стоимость как выражение общественно-необходимого труда 39; деньги как овеществление общественно-необходимого труда 39 89
- О б щ и н а.** Первобытная община (Индия) 185
- О т н о с и т е л ь н а я п р и б а в о ч н а я с т о и м о с т ь.** Относительная прибавочная стоимость — выражение реального подчинения труда капиталу 99 121 127; относительная прибавочная стоимость и рост минимума капитала 127
- П а у п е р и з м.** Пауперизм в Англии 294 — 301
- П е р е м е н н ы й к а п и т а л.** Часть капитала, содержащая изменяющийся элемент 9; часть капитала становится переменной лишь благодаря обмену ее на способность к труду 21; образ переменного капитала внутри процесса производства — живой труд, а не средства существования 25; сохранение и увеличение стоимости переменного капитала 27; средства существования образуют вещественную форму существования переменного капитала, который выступает на рынке 61; переменный капитал как символ переменной величины 213
- П о л и т и ч е с к а я э к о н о м и я.** Капитал в освещении буржуазной политической экономии 5 7 47 сл., 67; фетишизм буржуазной политической экономии 21; анализ товара 39; теория вечности капитализма 49; покупка и продажа способности к труду в изображении вульгарной экономии 57; заслуга и недостатки классической экономии 71 сл.; классическая экономия об изменчивости способности к труду и текучести капитала 79; производство предметов роскоши и воспроизводство 141; непонимание исторически-преходящего характера капитализма 177; теоретическое убожество вульгарной экономии 227

Потребительная стоимость. Товар как единство потребительной и меновой стоимости 13 37 39; дальнейшие определения, приобретаемые потребительной стоимостью товаров, функционирующих в производстве капитала 13 сл.; потребительная стоимость как носитель меновой стоимости 35; опосредствование потребительной стоимости меновой стоимостью принимает всеобщий характер только при капитализме 181; потребительная стоимость способности к труду 231 сл.

Постоянный капитал. Постоянная часть капитала входит в процесс производства как стоимость 25; увеличение постоянной части капитала по отношению к переменному — закон капиталистического производства 153; экономия на постоянном капитале — вещное выражение общественного характера труда 155 — 157

Потребление. Потребление рабочего — воспроизводство его способности к труду 61; непроизводительное потребление 141

Прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость как определяющая цель, движущий интерес и конечный результат капиталистического производства 9 33 35 55; норма прибавочной стоимости 11; производство прибавочной стоимости — специфическая функция капитала 11; прибавочная стоимость как овеществление неоплаченного труда 11 37; прибавочная стоимость и интенсивность труда 29; прибавочный продукт, как выражение прибавочной стоимости 39; прибавочная стоимость — цель и продукт капиталистического производства 83 127; норма и масса прибавочной стоимости и изменение товарных цен 201—227

Прибавочный труд. Производство прибавочного труда как специфическая функция капитала 11; производительность капитала как принуждение к прибавочному труду 157

Прибыль. Норма прибыли 11; возрастание прибыли благодаря экономии на средствах производства 155; происхождение прибыли 227—229

Присвоение. Присвоение неоплаченного труда как специфическая функция капитала 11; капиталистическое присвоение 264 — 265

Производительность (про-

изводительная сила) труда. Постоянное повышение производительности труда как общая тенденция и результат капиталистического способа производства 201; изменение производительности труда и норма прибавочной стоимости 201 — 227; производительность труда и цена 201 — 227

Производительные силы. Развитие производительных сил, образующих материальный базис свободного человеческого общества 35; способ производства и развитие производительных сил 121; развитие производительных сил при капитализме направлено против рабочего 161

Производительный и непроизводительный труд. Определение обоих видов труда 127 сл.; заблуждения, вытекающие из неправильного определения производительного труда 133 сл.; производительный труд — общественно-определенный труд 137; услуга 143 сл.; различие между производительным и непроизводительным трудом 145

Производство. Наука и уровень материального производства 99; «производство ради производства» 123; производство в противоположность производителю 125

Производственные отношения. Капитал — определенное общественное отношение производства 21 33 63; господство капитала над рабочим есть господство вещи над человеком 33 сл.; рабство капиталистического отношения 35; религия как отражение производственных отношений 35; отличие отношения между капиталистом и рабочим на рынке труда от отношения между товаровладельцами 81; реальное подчинение труда капиталу 99 105 119 сл.; политика — выражение производственных отношений 103; средневековое цеховое отношение и отношение капитала и наемного труда 107 сл.; отношение наемного труда и капитала и отношения господства и подчинения предшествовавших общественных формаций 107 157 173; отношение раба и рабовладельца 113; способ производства и производительные силы 121 175; воспроизводство наемного труда и капитала 167 сл., 177

Пролетариат. Рост богатства и обнищание пролетариата 31 171 299; рост капитала и рост пролетариата—

- полярно разделенные продукты одного и того же процесса 171
- Промышленность.** Промышленность во Франции и в Англии 249; текстильная промышленность в Англии и Франции 251 сл.; положение пролетариата в различных отраслях английской промышленности 301 сл.
- Протекционизм** 151.
- Профессиональные союзы.** См. Тред-юнионы.
- Процент.** Процент, взимаемый ростовщическим капиталом — другое название для прибавочной стоимости 97. Процент как часть прибавочной стоимости 223
- Рабочий.** Противопоставление средств производства рабочему 21 31; рабочий с самого начала стоит выше, чем капиталист — 35; рабочий восстает против процесса отчуждения его собственного труда и отрицает его как процесс порабощения — 35; рабочий—существеннейший фактор процесса труда 47; равнодушные рабочего к содержанию своего труда 77 сл.; на рынке труда противостоят друг другу не простые товаровладельцы, а капиталист и рабочий 81
- Рабочая сила** 14 185. См. также способность к труду.
- Рабство.** Свободный рабочий и раб (Эдмондс, Стюарт) 105; труд раба и труд рабочего 113; заработная плата раба и рабочего 113 сл.; рабство в южных штатах САСШ 119; рабство членов семьи при мелкобуржуазной собственности 265
- Разделение труда.** Разделение труда как необходимая предпосылка возникновения товара 183; разделение труда в обществе и внутри мастерской 183
- Реальное подчинение труда капиталу.** Реальное подчинение труда капиталу и специфически капиталистический способ производства 97 — 101 110 — 127; обобществление труда при реальном подчинении труда капиталу 99 121; реальное подчинение труда капиталу и относительная прибавочная стоимость — 121
- Резервная армия.** Профессиональные союзы не в состоянии парализовать действие резервной армии 273
- Религия.** Религия как отражение производственных отношений 35
- Рента.** Вследствие известных характерных для ренты определений в сельском хозяйстве чистый продукт часто возрастает за счет валового продукта 153
- Ремесло.** Ремесленное производство 109 сл.; труд ремесленника 119
- Рим.** Цеховое отношение 107
- Риск.** Риск свойствен каждому процессу производства 27
- Ростовщический капитал.** 96 — 97.
- Рынок.** Постоянное расширение рынка — потребность капиталистического способа производства 217; рынок труда и эмиграция 259
- Сельское хозяйство.** Противопоставление потребительского земледелия торговому 153; капитал в земледелии 183 сл.; соотношение валового и чистого продукта 153
- Семья.** Рабство и эксплуатация членов семьи при мелкобуржуазной собственности 265
- Собственность.** Узурпация капиталистами собственности на средства производства 27; два вида частной собственности 265; смешение мелкобуржуазной и капиталистической собственности буржуазной политической экономией 265; рабство и эксплуатация членов семьи при мелкобуржуазной собственности 265
- Способ производства.** Подчинение труда капиталу сначала не меняет способа производства 73 93; способ производства и производственные отношения 97 107 121 175; способ производства и производительные силы 121 175; специфически капиталистический способ производства — 97 сл.
- Способность к труду.** Способность к труду как текущая становящаяся величина 23; продажа и покупка способности к труду как предпосылка и результат капиталистического производства 37 57 81 85; покупка и продажа способности к труду и вулгарная экономия 57; покупка и продажа способности к труду как абсолютная основа капиталистического производства 63; изменчивость способности к труду 77; покупка и продажа способности к труду — форма порабощения труда капиталистом 173; ошибочное понимание характера покупки и продажи способности к труду 173; потребительная и меновая стоимость способности к труду 231 сл.; цена труда — иррациональное выражение стоимости способности к труду 245
- Средства производства.** Разделение средств производства 13;

- средства производства как бытие капитала 19 21 31; противопоставление средств производства труду 85; узурпация капиталистами собственности на средства производства 27; средства производства от природы — не капитал 45 сл.; отчуждение средств производства — предпосылка наемного труда 59 85; средства производства как средства эксплуатации 89; труд и средства производства — факторы производства при всех общественных формациях 17 51 95; экспроприация средств производства у непосредственных производителей 255
- С т а ч к и.** Стачки английских углекопов и жилищный вопрос 267
- С т о и м о с т ь** (Меновая стоимость). Закон стоимости 69 125; индивидуальная стоимость и общественная стоимость 99 127; капитал как сумма меновых стоимостей 7; товар как единство потребительной и меновой стоимости 13 37 127 191; меновая стоимость капитала 25 161; потребительная стоимость как носитель меновой стоимости 35; меновая стоимость способности к труду 231 сл.
- Т о в а р.** Товар как элементарная форма капитала 5 177 179; товар как единство потребительной и меновой стоимости 13 37 127 191; товар как продукт и как образующий элемент капиталистического производства 13 75 177 187; анализ товара у буржуазных экономистов 39; продукт капиталистического производства не только товар, но и капитал 83; товар как исходный пункт и как продукт капитала 177 сл., 189 сл.; товар — всеобщая форма продукта только на основе капиталистического производства 179 185; производство и обращение товаров не предполагают капиталистического способа производства 181; производство и обращение товаров — необходимая предпосылка образования капитала 179; отличие товара как предпосылки от товара как результата капиталистического производства 213
- Т о ж е с т в о.** В буржуазной экономике доказывается тем, что отвлекаются от различий 19
- Т о р г о в ы й к а п и т а л.** 97
- Т р у д.** Капиталистическое производство как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости 13 37 45 183; противопоставление средств производства труду 21 31 85; интенсивность труда и рабочее время 29; прибавочная стоимость и интенсивность труда 29; принудительный характер труда при капитализме 29 93 101 157 159; двойственный характер труда 31 39; господство мертвого труда над живым 31; труд — средство увеличения стоимости 35 37 55 89 129; процесс производства как единый неделимый процесс труда 37; выражение «овеществленный труд» и противопоставление капитала как овеществленного труда живому труду способны вызвать грубые ошибки в их истолковании 39 сл., 71; рабочий — существеннейший фактор процесса труда 47; труд есть вечное естественное условие человеческого существования 49; наемный труд — необходимая общественная форма труда при капитализме 63; подчинение процесса труда капиталу сначала ничего не изменяет в способе производства 73 98; изменчивость труда и текучесть капитала 77 сл.; равнодушие рабочего к содержанию его труда 77; формальное подчинение труда капиталу 89 сл., 101 сл.; реальное подчинение труда капиталу 99 105 119 сл.; труд рабочего и раба 113; отделение умственного труда от физического 159; труд — источник богатства 165; труд по природе не товар 233
- Т р э д - ю н и о н ы.** Цель трэдж-юнионов — препятствовать падению цены способности к труду ниже ее стоимости 237; влияние трэдж-юнионов на положение рабочего класса 271 сл.
- Ф е т и ш и з м.** Фетишизм буржуазной политической экономии 21; фетишизм общественных производственных отношений при капитализме 59
- Ф и з и о к р а т ы.** 151
- Ф о р м а л ь н о е п о д ч и н е н и е т р у д а к а п и т а л у** 89 — 97, 101 — 119 73; как всеобщая и как особенная форма капиталистического процесса производства 89; подчинение процесса труда капиталу сначала ничего не изменяет в способе производства 73 93 103; изменения в процессе труда вследствие подчинения его капиталу 73 91 сл. 101 сл.; команда капиталиста, непрерывность труда, удлинение рабочего дня 73 91; рост масштаба производства 95 105; формально-добровольная, чисто экономическая форма подчинения 101 — 103; абсолютная прибавочная стоимость и

- формальное подчинение труда капиталу 95.
- Франция. Характер промышленности во Франции 251; текстильная промышленность в Англии и Франции 251
- Фригдерство. 151
- Цена. Цена как выражение меновой стоимости 191; определение цены совокупного продукта данного капитала 191—199; цены и норма прибавочной стоимости 201 — 227; производительность труда и цены 221 сл.; путаница в определении цены (Прудон) 219 223; цена, несводимая к стоимости 245
- Цены производства. 219
- Цеховой строй. 107 сл.
- Чистый продукт. 149 — 153.
- Экспроприация. Экспроприация непосредственных производителей как основа капитализма 255 — 257 263
- Эксплуатация. Применение науки и сил природы — при капитализме средства эксплуатации труда 159; эксплуатация труда как необходимое условие капиталистического производства 257; эксплуатация семьи при мелкобуржуазной собственности 265; эксплуатация в различных отраслях английской промышленности 300 — 303
- Эмиграция. Эмиграция пролетариата и капитала 259; эмиграция из Ирландии 259

СОДЕРЖАНИЕ

	Seite Стр.
Предисловие. <i>А. Леонтьев</i>	III
К. MARX. Erstes Buch. Der Produktionsprozess des Kapitals Sechstes Kapitel: Resultate des unmittelbaren Produktionsprozesses <i>[Unveröffentlichtes Manuskript zum 1. Band des «Kapital»]</i> К. МАРКС. Книга первая. Процесс производства капитала Глава шестая: Результаты непосредственного процесса производства <i>[Неопубликованная рукопись к первому тому «Капитала»]</i>	
[I.] Kapitalistische Produktion als Produktion von Mehrwert	4—166
[I.] Капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости	5—167
Formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital	88
Формальное подчинение труда капиталу	89
Reelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital oder die spezifisch kapitalistische Produktionsweise	96
Реальное подчинение труда капиталу, или специфически капиталистический способ производства	97
Nachträgliches über die formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital	100
Дополнение о формальном подчинении труда капиталу	101
Reelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital	118
Реальное подчинение труда капиталу	119
Produktive und unproduktive Arbeit	126
Производительный и непроизводительный труд	127
Brutto- und Nettoprodukt	146
Валовой и чистый продукт	147
Mystifikation des Kapitals etc.	152
Мистификация капитала и т. д.	153
[II.] Die kapitalistische Produktion ist Produktion und Reproduktion des spezifisch kapitalistischen Produktionsverhältnisses]	166—176
[II.] Капиталистическое производство есть производство и воспроизводство специфически капиталистического отношения производства]	167—177

	Seite Стр.
Uebergang von I und II dieses Kapitels zu III	176
Переход от I и II этой главы к III	177
[III.] Waren als Produkt des Kapitals	180
[III.] Товары как продукт капитала	181
[IV. Einzelne Seiten].	230—266
[IV. Отдельные страницы].	231—267
Die Colliers	266
Углекопы	267

Ф. ЭНГЕЛЬС. Brentano contra Маркс

История вопроса	271—303
I	272
II	276
III	279
IV	283
V	286
VI	290
VII	294
Документы	304—345
I. Инкриминируемые цитаты	304—306
№ 1. Учредительный Манифест	304
№ 2. «Капитал»	305
II. Brentano и Маркс	307—325
№ 3. Обвинение	307
«Concordia» № 10, 7 марта 1872 г.	
№ 4. Ответ Маркса	308
«Volksstaat» № 44, 1 июня 1872 г.	
№ 5. Возражение анонимного автора	311
«Concordia» № 27, 4 июня 1872 г.	
№ 6. Второй ответ Маркса	316
«Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г.	
№ 7. Второе возражение анонимного автора	322
«Concordia» № 35, 22 августа 1872 г.	
III. Седлей Тейлор и Элеонора Маркс	326—333
№ 8. Нападки Седлей Тейлора	326
«Times», 29 ноября 1883 г.	
№ 9. Ответ Элеоноры Маркс	327
«To-Day», февраль 1884 г.	
№ 10. Возражение Седлей Тейлора	328
«To-Day», март 1884 г.	
№ 11. Второй ответ Элеоноры Маркс	330
«To Day», там же	

	Seite Стр.
IV. Энгельс и Брентано	333—345
№ 12. Предисловие Энгельса к 4-му изд. первого тома «Капитала»	333
№ 13. Ответ Брентано «Моя полемика», стр. 3 — 5	337
№ 14. Приложения к ответу Брентано стр. 24 — 28 а) и б) . .	340
№ 15. Из отчетов пяти лондонских утренних газет 17 ап- реля 1863 г. о речи Гладстона	343
№ 16. Заметка о письмах Гладстона к Брентано	344
« <i>Deutsches Wochenblatt</i> » № 49	
№ 17. Ответ Энгельса	344
« <i>Neue Zeit</i> »	
Указатели	349—365
Указатель упомянутых произведений	351
Именной указатель	354
Предметный указатель	359

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет К. Маркса 1867 г.	перед текстом
Титульная страница рукописи Маркса	1
Первая страница рукописи Маркса	2
Ненумерованная страница рукописи с текстом сноски 77 . . .	268
Портрет Ф. Энгельса 1893 г.	между 268—269
Обложка брошюры Энгельса «Брентано contra Маркс»	270

Ответственный редактор А. ЛЕОНТЬЕВ.

Техническая редакция: С. ГЕОРГИЕВСКИЙ, И. ГАЛАКТИОНОВ.
 Книга сдана в набор 27/VII 1932 г. Подписана к печати 4/III 1933 г.
 Партиздат № 1093/м. Тираж 25.375 экз. Ленгорлит № 5676. Заказ № 225.
 Формат бум. 68 × 100 см. 24¹/₂ печ. л. (117024 тип. знак. на 1 бум. листе). Бум. л. 12¹/₄.
 Вышла в свет — март 1933 г.

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
49	4 сверху	извещение	извращение
187	11 снизу	потребительской	потребительной
193	17—18 сверху	потребительской	потребительной
206	табл., строка 11	6£... $4\frac{1}{2}$, $3\frac{2}{3}$; = 140%	96£... $4\frac{2}{3}$; $3\frac{1}{3}$; = 140%
211	15 снизу	способность у труда	способность к труду
221	6 сверху	большее или меньшее	большее или меньшее
236	4 снизу	Trades, Unions...	Trades' Unions...
260	4 снизу	jede 87706£... jede 91509£	1864: jede 87706£... jede 1865: 91509£
282	13 снизу	обвиняков	обиняков
303	3 снизу	цепи	цепи,
329	6 сверху, 1 столбец	закиточными	закиточными классами
329	4 сверху, 2 столбец	он должен	оно должно
330	4 снизу	стоит	состоит
368	13 сверху	351	349

II (VII)

АРХИВ
МАРКСА
И
ЭНГЕЛЬСА

ИНСТИТУТ
МАРКСА
ЭНГЕЛЬСА
ЛЕНИНА